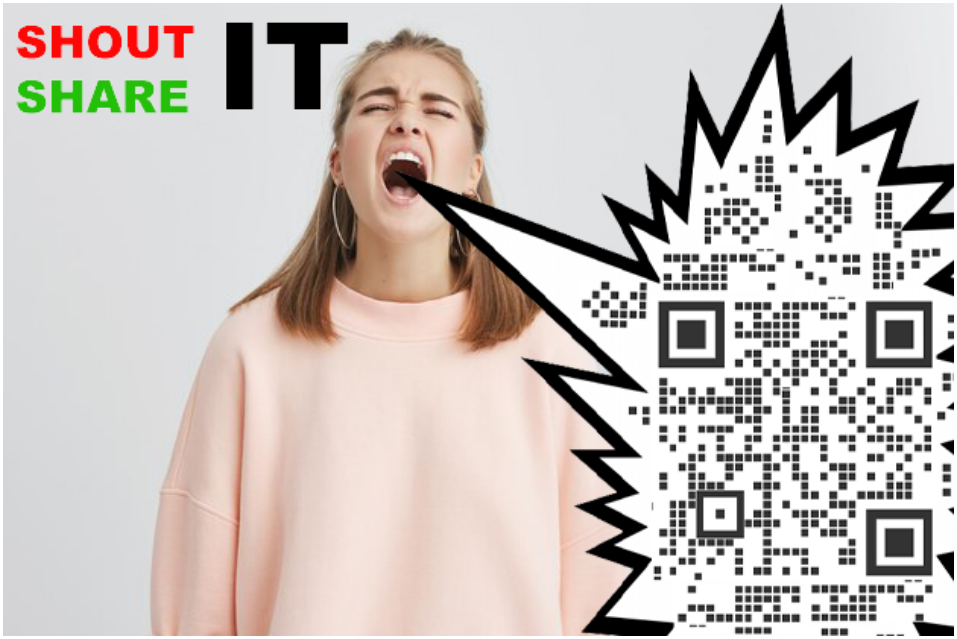
ИЛОНА ВОЛЫНСКАЯ КИРИЛЛ КАЩЕЕВ

Ирка Хортица

СУПЕРВЕДЬМА

ФАН-КЛУБ КОЛДОВСТВА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ирка Хортица знать не знала, что обладает колдовскими способностями, пока ей об этом не сказали. Она хотела поступить в элитную языковую школу, а стала ученицей настоящей ведьмы! Теперь Рада Сергеевна учит Ирку применять заговоры и накладывать чары, а ее помощник готов исполнить любое желание девчонки… Но уже очень скоро Ирке предстоит убедиться: все не всегда так, как кажется, и в мире, полном магии и волшебства, опасности могут подстерегать на каждом шагу. Одних колдовских способностей может оказаться недостаточно – нужно думать своей головой, не терять присутствия духа и верить в себя и друзей, тогда с любой опасностью можно справиться!

- Кирилл Кащеев, Илона Волынская
  - ○
  - ○ Фан-клуб колдовства
    - ■ Глава 1. Яринка – бисова дивка
    - ■ Глава 2. Хорошо быть кошкою, хорошо собачкою
    - ■ Глава 3. Арагорны не стригутся!
    - ■ Глава 4. Последний экзамен
    - ■ Глава 5. Сон ни в какие ворота
    - ■ Глава 6. Синий клубок шерсти
    - ■ Глава 7. Много шума непонятно из-за чего
    - ■ Глава 8. Ведьма, и точка!
    - ■ Глава 9. В глубинах зеркала
    - ■ Глава 10. Враг у ворот
    - ■ Глава 11. Дойка супермаркета
    - ■ Глава 12. Ирка разбушевалась
    - ■ Глава 13. Ведьминское телевидение
    - ■ Глава 14. Заклинание по следу
    - ■ Глава 15. Превосходство зла
    - ■ Глава 16. Беги, ведьма, беги
    - ■ Глава 17. Битва при гаражах
    - ■ Глава 18. Возвращение ведьмы
    - ■ Глава 19. Ирка и фан-клуб колдовства
    - ■ Глава 20. Рука зеленого огня
    - ■ Глава 21. Подвал, которого нет
    - ■ Глава 22. Колдовское наследство
    - ■ Глава 23. Как обезвредить ведьму
    - ■ Глава 24. Как и обещано, счастливый конец
  - ○ Ведьмин дар
    - ■ Глава 1. День предшествующий,

деньрожденьешный
- Глава 2. День первый (а точнее, ночь на Ивана Купалу)
- Глава 3. Все та же ночь, все то же место
- Глава 4. В которой все и случается
- Глава 5. Купальская ночь продолжается, а неприятности только начинаются
- Глава 6, но день всего лишь второй, заблуждательный
- Глава 7. День третий, мертвецкий
- Глава 8. День четвертый, спокойный. Относительно спокойный
- Глава 9. День пятый, байкерский
- Глава 10. День шестой, полицейско-волчий
- Глава 11. День седьмой, людоедский
- Глава 12. День восьмой, домашний
- Глава 13, и последняя. День девятый, окончательный

○ Цена волшебства
- Глава 1. Базарные бабки и тетки
- Глава 2. Джип в гости – к деньгам
- Глава 3. Ведьмы в розницу и оптом
- Глава 4. Карты, деньги, две тайны
- Глава 5. Когти прочь от сисадмина
- Глава 6. Инсталляция ведьм
- Глава 7. Бег по следу
- Глава 8. О чем говорят собаки
- Глава 9. Пляшите! Вам письмо
- Глава 10. Охота за компьютерщиком
- Глава 11. Семейное дело на миллионы
- Глава 12. Отгадка для загадки
- Глава 13. Кто не спрятался, я не виноват
- Глава 14. Корпорация наизнанку
- Глава 15. Спецзаклятие
- Глава 16. Ловушка на Хортову кровь
- Глава 17. Зачем ведьмам деньги?

○ Ведьмино наследство
- Глава 1. Девочка с собачьей головой
- Глава 2. Кто поможет Ирке?
- Глава 3. Переинсталляция ведьмы
- Глава 4. Хозяин перстня
- Глава 5. Одна голова хорошо, а три – лучше некуда
- Глава 6. Соколиная охота на волка

        - Глава 7. Летите в баню
        - Глава 8. Купание Рудого вовкулаки
        - Глава 9. Откройте пасть пошире…
        - Глава 10. Между соколами и волками
        - Глава 11. Пылып и его волхвы
        - Глава 12. Искушение у костра
        - Глава 13. Кладов не предлагать!
        - Глава 14. Встретимся на алтаре
        - Глава 15. Р-рви их!!!
        - Глава 16. Разойдись по алтарям!
        - Глава 17. Верное средство против блондинок
        - Глава 18. Ирка – Хортица на все сто
        - Глава 19. Ведьма от бога?..
    - Колдовской словарь. Книга заклятий Ирки Хортицы
        - Колдовской словарь
        - Книга заклятий Ирки Хортицы
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Кирилл Кащеев, Илона Волынская
Фан-клуб колдовства

© Волынская И., Кащеев К., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Фан-клуб колдовства

Глава 1. Яринка – бисова дивка

Они появились снова. Огромный, просто гигантский кот сидел на яблоне, и ветка гнулась под его тяжестью. Толстый, как палка, трехцветный хвост небрежно свисал, и лишь его кончик раздраженно и угрожающе подрагивал. А на улице, за редкими досками покосившегося забора, стоял пес. Высокий и поджарый, он пружинисто покачивался на слишком тонких и длинных ногах. Что-то отчетливо змеиное было в плавных движениях узкой, будто шило, морды. Ирка с ужасом поняла, что сдавленный рык, клокочущий в глубине собачьего горла, тоже напоминает шипение громадной змеи.

Ирка невольно шагнула назад. Пес, словно почуяв ее движение, медленно повернул голову. Совершенно белые, слепые мутные бельма вперились в Ирку, давя готовый сорваться крик. Умом девочка понимала, что пес слеп, не может видеть ее! Но при этом ясно чувствовала его взгляд – внимательный и недобрый. Белесая муть его глаз дрогнула, придвинулась. Ирка ощутила, как медленно и неотвратимо наползает на нее липкий и омерзительный туман, окутывает, тянет… Ирка бессильно увязает в его щупальцах, беспомощно погружается в слепую глубину собачьих глаз… Кончики пальцев слабо сжались на старой пыльной занавеске у входа, словно пытаясь удержаться. Но девочка уже не могла сопротивляться. Безвольно качнувшись, она шагнула навстречу псу…

Дикий, истошный, до невозможности противный кошачий мяв взвился над садом. Из-за соседнего забора, молотя крыльями и отчаянно каркая, метнулась испуганная ворона. Ирка дернулась, занесенная нога зацепилась за высокий порожек. Девчонка пошатнулась, миска с кормом словно выпрыгнула из рук. В громыхании и блеске старого таза и брызгах куриной болтушки Ирка вывалилась через порог и грохнулась на четвереньки. Коленки ткнулись в мокрую тряпку, ладошки и локти больно впечатались в цемент ступенек. Посудина, лихо перекувыркнувшись в воздухе, точнехонько наделась на Иркин выставленный тощий зад. Да так и осталась, зар-раза!

Мгновение Ирка стояла неподвижно, потом медленно-медленно повернула голову. Тихонько застонала от боли в ушибленных руках, а еще больше – от обиды.

– Таз на тазе, однако, – пробормотала она и резким движением отшвырнула миску. Та грохнула в кирпичную стену и наконец-то свалилась в траву, а из дома старческий голос заорал:

– Яринка, ты шо ж там творишь, бисова дивка?!

Покряхтывая, Ирка поднялась. Наскоро лизнула ссадину на ладони, извернулась, горестно рассматривая свои джинсы. Теперь придется стирать.

Отбросив в сторону занавеску, на пороге появилась бабка. Оглядела измазанную внучку, куриный корм на ступеньках, валяющийся в траве таз, гневно хлопнула себя по коленям:

– Ну шо за дытына! Це ж не дытына, це ж наказание Господне! Курям дать – и того не может. Не, ну як це ты такого натворила?

– Сама сто раз говорила, о наш порог убиться можно! – огрызнулась Ирка и для убедительности ткнула в порог носком кроссовки.

Бабка на мгновение смутилась: порожек и впрямь был очень высоким, переступая его, каждый раз ворчала, что спилить бы надо. Один раз даже позвала соседа-плотника, а потом долго ругалась, обзывая того кулацкой мордой и угрожая написать на него в налоговую инспекцию. Сосед был трезвенником и за бабкину вишневую наливку работать не соглашался. По-соседски помочь тоже отказался. Соседи вообще не рвались помогать бабке, и, если по справедливости, винить их было не за что.

– Так я старая! – тем временем нашлась бабка. – Мне лет-то сколько! А ты молодая, должна через порог козлом скакать, а не каракатицей ползать.

– Козлами пусть козлы и скачут! – буркнула Ирка и послюнила царапину на локте. Защипало.

– Поогрызайся с бабушкой, поогрызайся, – пригрозила бабка, потом расчетливо прищурилась, оглядывая разбросанный корм. – Ты, Яринка, новый курям не заводи, этот собери. По углам соскреби, мусор вынь, и добре будет.

Ага, щ-щас! Золушку нашла – дров на месяц наколи, на год кофе намели. Вытащи из-под хвостов сорок розовых кустов. Дождавшись, пока бабка ушаркала обратно в дом, Ирка наскоро сгребла в таз самую большую кучу рассыпанного корма, бухнула добавку свежего и поволокла курам.

На яблоню она старалась не смотреть, на улицу тоже, хотя и знала, что ни гигантского кота, ни жуткого пса там уже нет. Зато на дорожке в глубине сада послышались тихие шаги. У Ирки дрогнули руки, корм в тазу угрожающе колыхнулся. Нет уж, хватит трястись! Ирка отвела миску в широком замахе. Кто б там ни был – сейчас схлопочет!

Между деревьев мелькнула облаченная в джинсовую рубашку фигура, из-за поворота появилась Танька. И остановилась.

– Мы что, поссорились? – после секундного молчания поинтересовалась она, недоуменно разглядывая изготовившуюся

к броску Ирку.

– Тьфу ты! – Ирка вдруг почувствовала, как внутри у нее все слабеет. Таз показался неимоверно тяжелым, и девочка поставила его на землю. – Подкрадываешься, прямо как… Как не знаю кто! Ты откуда взялась?

– У тебя задняя калитка открыта! – виновато ответила Танька.

– Лично у меня никакой задней калитки нет, – едко объявила Ирка. – В моей фигуре вообще калитка не предусмотрена! – и покрутилась туда-сюда, словно предлагая Таньке убедиться воочию.

Но Танька игры не приняла.

– Ты чего злишься? – спросила она. – Потому что штаны испачкала?

Ирка независимо передернула плечами и незаметно вытерла о джинсы взмокшие ладони. Мимо задней калитки она пробегала пятнадцать минут назад и совершенно ясно помнила, что тяжелый засов был задвинут. Бабка в ту сторону не ходила, в доме сидела. Снаружи засов не откроешь, доски пригнаны плотно.

Ирка подхватила таз и поволокла его курам. Танька шла позади.

– К нам зайдешь сегодня? – наконец прервала молчание Танька.

Ирка покачала головой.

– К той тетке с курсов пойдешь? – тоскливо спросила Танька.

– Пойду! – опустошая таз, кивнула Ирка.

– Значит, уедешь, – еще тоскливее вздохнула подруга.

– Ничего и не значит! – запротестовала Ирка. – Знаешь, как она гоняет! Она вчера только приехала, сразу всем группам по контрольной, потом вопросы. Потом меня и еще одну девчонку к директору в кабинет забрала и давай спрашивать! Девчонка один раз неправильно сказала, ее тут же выставили! А меня дальше гонять! Думала, живой не выпустит! Велела сегодня к ней в гостиницу прийти. Опять всю душу выжмет.

– Справишься. – Теперь уже Танька пожала плечами.

– Ну а даже если справлюсь, знаешь, сколько стоит у нее в школе учиться? У меня таких денег нет! А жить где? Чужой город!

– А то она не знает, что у тебя денег нет. Ей способные нужны – богатеньких бездарей к себе приманивать. Чтоб они думали: поучатся в ее школе и тоже как ты смогут. Нет, заберет она тебя. Опять я одна останусь. В обнимку с книжками. – Танька не отрывала глаз от верхушки яблони, но Ирка все равно видела, что глаза у подруги на мокром месте.

– Я тебе писать буду, наверняка там электронная почта есть, – неуверенно предложила Ирка. Танька тихонько шмыгнула носом.

– Тань, если она меня возьмет – я поеду, – глухо сказала Ирка. – Ты же знаешь – мне нужно. Очень.

Танька упорно глядела в сторону.

– Ты хоть завтра зайди, расскажи, что получилось, – наконец выдавила она.

– Зайду, – кивнула Ирка.

Танька медленно побрела обратно к задней калитке. Ирка вытряхнула остатки корма и поспешила следом. Калитка действительно стояла открытой. Ирка обогнала подругу, задумчиво покачала калитку – та тихонько заскрипела. Пощелкала засовом – вроде в порядке. Как же она открылась?

Танька без всякого интереса наблюдала за ее манипуляциями.

– До моего дня рождения не уезжай, – попросила она. – В этом году опять родительские приятели понаедут. С дочками, – с ненавистью выдохнула Танька.

– Не уеду, – снова согласилась Ирка. Подружка шагнула в калитку, но Ирка вдруг удержала ее. Высунулась и, осторожно вертя головой, внимательно оглядела улицу, покосившиеся заборы, соседские ворота. Никого.

– Ты чего? – с любопытством спросила Танька.

– Да так. Ты, когда сюда шла, пса, такого странного, не видела?

Танька неуверенно покачала головой:

– Вроде нет. Ну тявкали из-за заборов, как всегда…

– А кота – здорового?

– Тебе конкретный кот нужен или любой сгодится? – поинтересовалась Танька. – У нас тут, знаешь ли, полно котов, и все как один здоровые.

– Ага, – неопределенно протянула Ирка. – Ладно, ты иди, только осторожно. Я постою пока, посмотрю.

– На что посмотришь? Почему осторожно? Странная ты какая-то сегодня, – уже выходя, заявила Танька.

– Нормальная, – отрезала Ирка. Ну не объяснять же ей, что именно здесь, у этой самой калитки, три дня назад Ирка впервые встретилась с жутким псом.

Глава 2. Хорошо быть кошкою, хорошо собачкою

Вжимая голову в плечи под редкими, но тяжелыми каплями дождя, Ирка неслась к дому. Хотелось успеть под крышу до того, как, развозя дорогу в непролазную грязь, обрушится «гроза в начале мая». Пусть ее поэтически настроенные личности любят, а Ирка терпеть не может. Она уже видела свою калитку, как вдруг из буйных зарослей у соседского забора вышел пес. И невозмутимо уселся посреди дороги, отрезая путь к спасительному крыльцу. Ирка, всегда ладившая с окрестными собаками, почему-то мгновенно поняла – с этим ей подружиться не удастся. Веки пса дрогнули, и в Ирку зряче уставились слепые бельма. Белесая муть заколебалась вокруг девчонки, ее сильно затошнило, земля медленно стронулась с места и поплыла из-под ног. Частые капли дождя лупили по плечам, а белые собачьи глаза придвигались все ближе, ближе. Пес не торопился, словно наслаждался Иркиным испугом. В горле у Ирки сухим наждаком заворочался настоящий ужас. Она поняла, что капитально влипла, – и тут на дорожку перед ней рухнул кот.

Потом Ирка никак не могла понять, откуда же он взялся. Ну не было над дорожкой веток, ни единой! Не с облака же? А в тот момент девочка смогла лишь заметить, какой он здоровенный. Ну прям камышовый кот, говорят, у Днепра такие еще водятся. Масти он был самой что ни на есть дворовой – как будто целой шкуры нужного размера не нашлось и ее соштопали из остатков от других котов: рыжих, черных, серых и белых, и даже, кажется, зеленоватых. Котяра уселся между девчонкой и псом. Закинув вытянутую заднюю лапу за голову, принялся неторопливо вылизываться. Розовый язык двигался размеренно. Выставленную лапищу украшали полностью выпущенные, растопыренные когти. Зловеще поблескивающие, будто стальные, они лениво, но недвусмысленно появлялись… прятались. Белая муть рассасывалась, словно втягивалась обратно под бельма собачьих глаз. А когда липкий туман растаял полностью и в горле пса вскипел странный полурык-полушипение, кот вдруг коротко фыркнул. Ирка могла поклясться – фырчание означало что-то вроде: «Чихал я на ваши угрозы!» Котяра поднялся и, надменно-брезгливо переступая лапами, двинулся в обход. Его полосатый хвост торчал строго вверх, будто палка с нанизанными трехцветными колечками – черное, рыжее, белое, почти как у гаишника жезл…

Сделав пару шагов, кот обернулся и нетерпеливо глянул на Ирку. Девчонка пошла за ним, невольно стараясь держаться как можно ближе к неожиданному защитнику, чуть не наступая ему на задние лапы. Пес не шевелился, лишь медленно поворачивал голову, ни на миг не отрывая от девчонки страшных белых глаз. Но кот явно и демонстративно не обращал на противника никакого внимания. Лишь иногда оглядывался на Ирку, проверяя, здесь ли она, да торопливо убирал лапы, если та придвигалась слишком близко. Так он довел Ирку до самой калитки и тут же роскошным прыжком метнулся в сторону.

Ирка услышала, как за ее спиной вскочил пес. Она влетела в калитку и дрожащими руками набросила толстый стальной крючок. За забором мягко переступили собачьи лапы. Ирка отпрянула от калитки, зажимая себе рот рукой, чтобы не завизжать. К щели между досками плотно прижимался черный собачий нос и тянул, тянул, тянул в себя воздух. Ирка почувствовала, что и ее тянет туда, за калитку, на улицу. Круто повернувшись, она понеслась к дому, и тут же весенний ливень рухнул стеной.

Когда вечером, после дождя, Ирка решилась выглянуть, конечно, не было ни пса, ни кота и никаких следов. Лишь превратившаяся в сплошную грязь дорога.

Сейчас тоже – ни пса, ни кота. Только Танька, взбирающаяся вверх по крутой улице. Вот и она скрылась за поворотом. Ирка покачала головой. Нет, не станет она никому рассказывать о странных зверях. Даже Таньке. За сумасшедшую примут. Пес на нее незрячими глазами смотрит, кот домой провожает – просто бред. Слепые ходят, хромые видят. Не надо ужастики на ночь смотреть. И вообще уже уходить пора.

Наскоро ополоснув таз, Ирка помчалась к себе в комнату переодеваться. Поморщилась, вытаскивая из скрипучего шкафа юбку. Ну что же делать, если джинсы теперь только стирать, а других штанов у нее нет. Может, и к лучшему, вдруг приезжая не любит девочек в джинсах. Встречаются еще дремучие люди.

Схватив сумку, Ирка понеслась вниз по лестнице. На мгновение остановилась перед зеркалом. А ничего! Она охватила себя ладонями за талию. Еще сандалии вместо кроссовок, волосы распустить, и будет совсем неплохо.

Она потянула с волос тугую резинку.

– О, намылилась! Прихорашивается! Лишь бы швендять! – от внутренних дверей на Ирку неодобрительно взирала бабка.

– Я учиться иду! – возразила Ирка. Наклонилась, застегивая ремешки сандалий и пряча от бабки лицо. Сейчас ругаться с бабкой нельзя, а то обозлится и не выпустит, тогда прости-

прощай все Иркины надежды.

– Учиться! – Бабка презрительно оттопырила губу. – Ну вылитая мать! Та тоже: вроде бы училась, а потом – фить! Только ее и видели! Вже больше года навить не звонит!

– Мама звонила! – почти выкрикнула Ирка, мгновенно позабыв о своем решении не ссориться с бабкой.

– Когда это? – поинтересовалась бабка, язвительно выгнув черную крашеную бровь.

– А вчера! – решительно заявила Ирка, бестрепетно глядя старухе в глаза.

– Та ну? – удивилась та. – Чего ж я не слышала?

– Ты огород копала, а разговаривать надо было быстро, там звонки дорогие.

– То-то же, шо не дешевые. Ну позвонила, и добре. Як там она?

Ирка неопределенно повела плечом. Врать она не любила.

– Вроде нормально.

– А раз нормально, могла бы грошей родной дочери прислать. Пальто, вон, к зиме трэба…

– А трэба, так ты и купила бы, – опять огрызнулась Ирка, отворачиваясь. Кажется, бабка ей поверила. Ирка быстро поморгала, стряхивая слезы с ресниц. Не смеет бабка осуждать ее маму! Никто не смеет! Раз не звонит, значит, не может! Хотя… Вот бы и вправду позвонила!

– Купила! – ворчала за спиной бабка. – У тебя свои гроши есть! Не тратила б на всяку дурну учебу, так и було б пальто. Школы ей мало! Шо ж то за дытына такая заученная!

Ирка только фыркнула. И тут же испуганно вздрогнула – фырчит ну совсем как тот кот. А деньги у нее и правда свои. В чем бабке не откажешь – честная она. Продаст хоть яблоки, хоть картошку, хоть те же яички домашние, сразу Ирке ее долю. Работала – получи! Тратить Ирка могла как хотела. Бабка ворчала иногда, но не вмешивалась: твои деньги – делай что хочешь! Иногда это радовало, а иногда – обижало. Казалось, начни она покупать выпивку или сигареты, бабка и внимания не обратит. Твои деньги!

– Курей запереть не забудь, потом иди! – велела бабка.

– Не могу, мне опаздывать нельзя. – Губы у Ирки дрожали от обиды.

– Бездельница! – Бабка гневно нахмурилась.

– Неправда! – тряхнула волосами Ирка. Ей все больше хотелось разреветься. Несправедливо бабка говорит! А тут еще коты и собаки всякие. И мама. Раньше тоже появлялась редко, а как в Германию на заработки уехала – так и все, глухо, как в

танке. – Неправда!

– Ну и неправда! – вдруг согласилась бабка. – Да только ты, Яринка, не зазнавайся! И запомни, будешь до ночи шататься, домой не пущу!

Ирка побежала к калитке. И уже не видела, как бабка печально покачала головой и наскоро перекрестила ее вслед.

Глава 3. Арагорны не стригутся!

Заборы тянулись вдоль улицы: низенькие, деревянные, покосившиеся, и высокие кирпичные – все наискось, под углом. Улица шла круто вверх, люди карабкались по ней, и заборы – тоже. Где-то не ко времени разорался петух. Сквозь учащенное дыхание Ирка вдруг услышала, как что-то тихонько зацокало у нее за спиной.

Ирка замерла. Опять! Рука ее потянулась к горлу. Сердце билось прямо под языком, вот-вот выпрыгнет и покатится по пыльной улице. Девчонка медленно обернулась.

– Тьфу ты! – Сердце вернулось на свое законное место. На дороге, невинно помаргивая маленькими глазками, стоял крошечный поросенок. – Шатаешься тут, людей пугаешь! Удрал, что ли?

Ирка пригляделась к поросенку.

– Парень, да я ж тебя знаю! – сообразила она. – А ну пошли к хозяевам, а то тут быстро найдутся желающие тебя раньше времени на отбивные пустить.

Она подхватила поросенка и, стараясь не прижимать к чистой футболке, поволокла вверх по дорожке. Задыхаться она стала еще сильней. Улица все так же круто забирала в гору, а поросенок оказался вполне упитанным.

Старые саманные развалюхи сменились крепкими шлакоблочными домами с блестящими, крытыми металлом крышами. Улица перевалила через горб и потянулась прямо. Ирка обогнула высокий забор… и вышла на проспект.

Мимо тяжело прокатил троллейбус. В витрине бутика красовались симпатичные брючки в «молниях» и кармашках. Блестящий «Ауди» остановился у тротуара, и высокая блондинка, дробно стуча каблучками, побежала к банкомату. Остановилась, изумленно уставившись на Ирку с поросенком в руках. Девчонка усмехнулась. Даже ей до сих пор забавно – а что с непривычным человеком делается, когда он обнаруживает в балке между двумя самыми оживленными районами огромного города крохотную деревушку! С поросятами, курами, настоящими крестьянскими усадьбами. Умиляются они. Было б чему. Хотя кто не в самой балке, а наверху дома построил, тем неплохо. С одной стороны – город, с другой – деревня. Танькин отец два участка купил – особняк отгрохал, закачаешься. А Богдановы предки здесь давным-давно живут и продавать свой дом отказываются – самим нравится.

Ирка нажала звонок у выходящей на проспект калитки.

Дверца тут же приоткрылась, и Ирке в горло уперлось острие тяжелого стального меча.

Следом высунулась голова мальчишки и осторожно, совсем как Ирка недавно, повернулась в одну сторону, потом в другую: паренек подозрительно оглядывал проспект. У Ирки даже дыхание перехватило – неужели он тоже повстречал пса? Или кота?

– Вокруг засады! – шепотом объявил мальчишка. – Леди Илэйн оказалась агентом Саурона!

– Тьфу ты! – в третий раз за сегодняшний день перевела дух Ирка. – Я с вами рехнусь скоро! – небрежным движением отведя меч, она вошла в сад, такой густой и заросший, что уже казался лесом.

– Богдан, маму позови! В смысле, леди Илэйн. Я вашего поросенка на улице поймала.

– Не могу, – все тем же зловещим шепотом ответил мальчишка, – я как раз от нее прячусь.

Ирка поглядела на него с раздражением – всего на год ее младше, одиннадцать исполнилось, а ведет себя как пятилетний.

– Что это вдруг?

Глаза Богдана резко распахнулись, голос наполнился трагизмом.

– Она хочет меня постричь!

Ирка критически уставилась на шевелюру Богдана:

– Вообще, постричься бы не мешало.

– Ты что, совсем? – Пацан так обиделся, что заговорил нормально. – Ты во «Властелине Колец», кроме хоббитов, хоть одного стриженого видела?

Ирка на мгновение задумалась.

– Гном? – предположила она.

– Во-первых, неизвестно, он за весь фильм ни разу шлем не снял, – авторитетно заявил мальчишка, – а во-вторых, у него борода есть.

Неподалеку тихонько качнулись ветки. Стройная женщина в зеленом платье неслышно выскользнула из-за кустов смородины. За спиной она прятала машинку для стрижки. Но Богдан что-то почуял. Мгновенно выхватив у Ирки поросенка, крепко зажав его под мышкой, а обнаженный клинок ловко удерживая у бедра, он рванул сквозь заросли. Женщина покачала головой, потом кивнула Ирке, благодаря за поросенка, и тем же неслышным шагом двинулась в погоню.

– Арагорны не сдаются! – донеслось из глубины сада.

– Арагорны не сдаются, Арагорны не стригутся! – тихонько пропела Ирка. Вернулась на проспект и помчалась к

подъезжающему троллейбусу.

Глава 4. Последний экзамен

Сквозь грязноватое стекло Ирка бездумно глядела на мелькающие дома. Если она выдержит еще один экзамен, если ее примут – надо будет уезжать. И Богдана она больше не увидит, и Таньку. У Таньки ведь и вправду, кроме Ирки, друзей нет. Будет опять жаться по углам и с тоской слушать, как девчонки в ее элитной школе обсуждают, у кого из папаш тачка круче. А бабка? Бабку как оставить? Но если эта чужая тетка, такая деловитая и решительная, все-таки возьмет Ирку в свою школу… И если она будет учиться очень-очень хорошо – а она будет, ох как будет! – ее могут отправить за границу. Может, даже в Германию. И тогда, может быть… Девочка на мгновение зажмурилась. Германия совсем маленькая страна. А если она сумеет отыскать там маму? Ну вдруг?! Ну почему нет?!

Ирка так задумалась, что чуть не проехала свою остановку. Пихаясь локтями во встречном потоке, выбралась из троллейбуса, перебежала бульвар и вошла в старинное здание гостиницы.

Неловко переминаясь, девочка остановилась в роскошном просторном холле и принялась озираться. Танька бы здесь не растерялась, она к таким местам привыкла, а Ирка раньше только через окно заглядывала.

– Что тебе нужно? – строго, почти угрожающе окликнул ее парень за длинной дубовой стойкой.

– Мне в тринадцатый, к Раде Сергеевне, – почти шепотом ответила Ирка, но парень услышал.

– Сейчас спрошу, – с сомнением процедил он, поднимая трубку телефона. – Рада Сергеевна? – тон его резко изменился, он почти пел. – К вам тут девочка просится. Зовут… Тебя как зовут? – бросил он, прикрыв трубку ладонью.

– Ирка Хортица. То есть Ирина. Я с курсов…

Но портье уже не обращал на нее внимания. Согнувшись в почтительном полупоклоне и часто кивая – хотя собеседница и не могла его видеть, – он слушал голос в трубке. Наконец сказал:

– Сию минуту, – и, повернувшись к Ирке, сообщил: – Рада Сергеевна тебя ждет. – Теперь его голос звучал много уважительней.

Возле тринадцатого номера Ирка на мгновение замешкалась, собираясь с силами. Позавчера, после жесточайшего опроса, что устроила ей приезжая, она чувствовала себя разбитой. Будто целый день мешки таскала. И еще эта безумная скорость вопросов, и бесконечные листы тестов, и гул компа, из динамиков которого завораживающе текла иностранная речь. После каждого

выполненного Иркой задания лицо Рады Сергеевны озарялось одобрительной улыбкой – и следующее задание становилось тяжелее и сложнее, наполняя ощущением неминуемого конечного провала. Английский сменялся немецким, немецкий – французским, Ирка уже сама не понимала, на каком языке она говорит. Ей удалось не сбиться, только совершив отчаянное усилие. А потом экзамен как-то враз завершился, Рада Сергеевна кивнула и удалилась, так ничего и не сказав. Хотя, в конце концов, позвала же сюда, значит, все-таки Ирка ей понравилась? Нерешительно подняв руку, девочка постучала.

Дверь распахнулась мгновенно, словно Рада Сергеевна караулила.

– Здрасти, – выдохнула Ирка.

– Здравствуй, здравствуй, Ирочка! – В голосе Рады Сергеевны звенела совершенно искренняя радость. Ирка изумленно уставилась на нее.

Круглое лицо сияло оживлением, на ярких губах играла приветливая улыбка. Пухлая рука в кольцах легко прошлась по Иркиным волосам, пуговицы на рукаве голубой блузы задели ухо.

– Какая ты темненькая, прямо цыганка. И личико смуглое, совсем южная девочка. Ну заходи, заходи, я уж тебя заждалась.

– Я не опоздала? – испуганно спросила Ирка.

– Ну что ты, наоборот, ты удивительно пунктуальна. Хвалю. Да проходи же.

Ирка шагнула вперед и в изумлении остановилась. Номер был роскошным, по-старинному роскошным, как в кино. Белые с позолотой двери, подвески хрусталя, столики с гнутыми ножками и множество ваз. И в каждой вазе стояли букеты сухих цветов. Пучки сушеных трав свешивались даже с золоченой люстры. Их запах смешивался с дымом ароматических палочек, дымящихся в расставленных по всей комнате крохотных курильницах. От приторного дымка кружилась голова.

– На пещеру волшебницы похоже, – улыбнулась Ирка.

– Я знала, что тебе понравится, – удовлетворенно кивнула Рада Сергеевна.

Ирка была не уверена, что ей здесь действительно нравится. Непривычная роскошь пугала ее, а странные запахи, наоборот, притягивали. В них чувствовалось что-то давно знакомое, но позабытое, нечто, сулящее радость, но одновременно и внушающее тревогу. Ирка одернула себя – нечего выдумывать глупости, делом надо заниматься! Повинуясь жесту Рады Сергеевны, она села на диван.

– Ну что ж, девочка, я проверила твои тесты, и мое первоначальное мнение лишь подтвердилось. У тебя уникальные

языковые способности.

– Спасибо, – тихонько шепнула Ирка.

– Спасибо говорят за комплименты, а тут чистая правда. В моей школе мы даем детям знания нескольких языков. Сама догадываешься, обучение стоит недешево. – Рада Сергеевна лукаво поглядела на Ирку. Девчонка напряглась. Если сейчас скажет, что за учебу надо платить, придется подниматься и уходить. Взять такие деньги все равно неоткуда.

– Девочка, в двенадцать лет свободно говорящая на трех языках, – это интересно, но… – Рада задумчиво покачала головой. – Наши выпускники, не в двенадцать лет, конечно, но к окончанию школы, тоже свободно владеют английским, французским и немецким. Понимаешь, все дети способны к языкам, если, конечно, правильно учить.

Ирка окончательно пала духом. Языки были ее гордостью, в классе она была такая одна, на языковых курсах – тоже. И вот оказывается, что для Рады и ее школы Иркины три языка – фигня, все так могут.

Рада Сергеевна пристально поглядела на Ирку, словно оценивала впечатление от своих слов. Потом улыбнулась и подняла окольцованный золотом палец, призывая к вниманию.

– Но! Для нас было бы интересно иметь в своих стенах ребенка-полиглота, владеющего десятком языков. Руководитель твоих курсов говорил мне, ты пыталась заниматься еще испанским и итальянским, но вскоре бросила, хотя преподаватели тебя хвалили. Силенок не хватило? – Рада Сергеевна глядела на нее испытующе.

Ирка опять съежилась. Ей захотелось убраться подальше от Рады Сергеевны с ее пахучими травами, почему-то вселяющими в душу мир и успокоение, и такими неудобными вопросами, заставляющими Ирку смущенно прятать глаза. Она совершенно не собиралась сообщать о своих проблемах этой совсем незнакомой женщине. У нее есть гордость!

– Я… у меня не хватало времени и…

Взгляд Рады стал сочувственным и таким глубоким, все понимающим, что Ирка почувствовала – врать этой женщине нельзя! Даже в мелочах. Стыдно.

– Дорого очень получалось, – шепотом призналась Ирка. – У меня таких денег нет.

– Дорого, – повторила директриса и вдруг, взяв одну из курильниц, поставила ее на столик перед Иркой. – Правда, приятный запах?

Запах был странным. И опять-таки смутно знакомым.

– Самостоятельно не пыталась заниматься?

Да чего она хочет? Ирка ж не машина для заучивания иностранных языков. Ей и телик иногда посмотреть хочется, с Богданом в охоту на орков погонять, у Таньки посидеть… Но Ирка хорошо понимала: как и всем взрослым, Раде Сергеевне эти важные дела совершенно безразличны.

– Иногда занималась. Совсем чуть-чуть, – уточнила Ирка. Неужели проверять станет?

Стала. Рада Сергеевна положила перед Иркой листок с текстом, чистую тетрадь и резную деревянную ручку, почему-то завернутую в носовой платок.

– Пиши перевод.

Ну зачем же она трепалась! Ирка склонилась над текстом. Кажется, итальянский? Да она года полтора к итальянскому не прикасалась! Сейчас у нее ничего не выйдет, и получится, что она наврала, нахвастала, и внимательный интерес, мерцающий в синих, таких молодых глазах Рады Сергеевны, мгновенно сменится презрением к врунье… Напряженно закусив губу, Ирка принялась вчитываться. Ха, а не все так плохо! Смутные, полузабытые слова неожиданно начали выстраиваться во что-то связное. Ирка вытряхнула деревянную ручку из платка и принялась писать. Ручка оказалась ужасно неудобной. Неужели нормальной нет?

– Вот. – Ирка протянула директрисе готовый перевод. – Я плохо помню итальянский…

– Ничего, – ответила та, задумчиво вглядываясь в кривоватые Иркины строчки. – Вполне даже прилично. Особенно если учесть, что это вовсе не итальянский. Это латынь. – Рада подняла голову, всматриваясь в ошарашенное лицо Ирки.

– Но я никогда не учила латынь, – запротестовала Ирка, яростно почесывая ладонь. – Как же я могла перевести?

– Вот именно, как? – развеселилась Рада Сергеевна. – Что ты ладошку дерешь?

– Ничего, ерунда, – покачала головой Ирка.

– А ну-ка, покажи. – Женщина властно протянула руку, и Ирке ничего не оставалось, как подать ей свою. – Покраснение, – протянула Рада, и Ирке показалось, что в ее голосе звучит разочарование. – Отчего это? – и, видя Иркино смущение, потребовала: – Ирина, ты должна мне все рассказать! Это очень, очень важно. Ты даже не представляешь, насколько, – настойчиво глядя Ирке в глаза, повторила Рада Сергеевна.

Ирка нахмурилась – не нравились ей такие заявления. Что значит все рассказать? У любого человека могут быть тайны! Она независимо повела плечом:

– Ручка ваша, наверное, из осины сделана. А у меня на

осину – аллергия.

– Аллергия? Всего лишь аллергия?

– Ну да, – кивнула Ирка, изумленно глядя на Раду. Ничего себе «всего лишь», теперь дня два чесаться будет. – Около нашего дома осина растет, я маленькая была, даже ходить возле нее не могла. Когда выросла, получше стало, но стоит дотронуться – сразу кожа красная и чешется.

– Ах, вот оно что! – В голосе Рады слышалось явственное облегчение. Почти неслышно она пробормотала: – Конечно, постоянный контакт! Вот почему такая слабая реакция!

Снова обернув ручку валяющимся на столе платком, директриса убрала ее прочь. Интересно, у нее тоже на осину аллергия?

– Так, теперь последнее испытание, – бодро заявила Рада, и Ирка ошеломленно уставилась на фолиант, который директриса держала в руках. Это был огромный том, совсем не похожий на обычные книги. Кожаный переплет охватывали тускло отблескивающие металлические уголки. Рада откинула стальную застежку, и перед Иркой раскрылись желтые ломкие страницы, испещренные непонятными черными значками.

– Я не знаю таких букв! – воскликнула Ирка. Она вдруг поняла, что боится читать эту странную книгу, но одновременно та словно притягивает к себе, совсем как запах Радиных трав.

– А ты попробуй, – тихо, почти шепотом сказала Рада Сергеевна. Ее ладонь легла Ирке на затылок, мягко, но настойчиво пригибая голову к странице. – Попробуй же.

Ирка невольно глянула на текст. Страница шевельнулась, словно крыло бабочки, и Ирке почудилось, что странные буквы паучками мечутся по листу. Она тихо охнула, вдруг ощутив, что вот сейчас, вот еще минутку – и она поймет, узнает, что же там написано – без букв, без слов.

– Это поможет сконцентрироваться, – прошелестел тихий голос над головой, и к Ирке подвинули пахучий пучок трав. Курильница выдохнула ароматный клуб дыма прямо в лицо, Ирка судорожно вздохнула и… провалилась в темноту.

Глава 5. Сон ни в какие ворота

Толстый мясистый стебель жадно тянулся к добыче. Ирка ударила по нему кулаком. Упругая мякоть лопнула, разбрызгивая одуряюще пахнущий сок. Разлетающиеся капли выжгли проплешины в рыхлой земле. Ярко-алый цветок величиной с Иркину голову метнул в лицо волну аромата – и вдруг оскалился рядами мелких, но острых зубов. Душистые зеленые заросли придвигались все ближе, грозя навалиться, подмять… Ирка хотела бежать, но облепленные грязью кроссовки стали просто пудовыми.

Высокая фигура в длинном платье соткалась словно из воздуха. Ирка увидела безупречно прямую спину и строгий пучок седых волос. Женщина плавно повела рукой, и наступающая зелень бессильно осыпалась пучками сухого сена. Спасительница обернулась, ее губы шевельнулись.

– Подвал! Загляни… – донесся до Ирки тишайший, на пределе слуха, шепот.

И тут же яркий свет хлестнул по глазам. Ирка подняла веки.

Она лежала на том же диване в гостиничном номере. Высоко над ней сквозь мутноватую дымку проступило испуганное лицо Рады Сергеевны. В губы ткнулся стакан с водой, крепкая ладонь просунулась под затылок (от прикосновения сразу стало легче), Рада Сергеевна приподняла Ирке голову и помогла глотнуть. От холодной и оказавшейся необыкновенно вкусной воды тоже веяло слабым ароматом. У Ирки прояснилось в голове, а охватившая ее слабость отступила, словно смытая одним-единственным глотком. Она наконец расслышала, о чем ее спрашивает Рада Сергеевна.

– И часто у тебя бывают обмороки? – с тревогой поинтересовалась она, заставляя Ирку снова глотнуть воды.

Ирка помотала головой и тут же сдавленно охнула. Виски прошило болью.

– Никогда раньше не было, – хрипло выдохнула она. Несмотря на воду, во рту оставалось сухо, как в пустыне, язык казался наждачным.

Рада поглядела на нее с сомнением.

– А ну-ка попробуй встать. – Сильная рука подхватила ее под локоть, и Рада Сергеевна бережно помогла девочке подняться с дивана.

Комната сделала резкий кульбит, но потом успокоилась. Ирка с удивлением поняла, что хоть коленки у нее и трясутся, но стоять она может.

– Знаешь, малыш, а тебе, пожалуй, надо получше питаться, – протянула Рада Сергеевна, внимательно разглядывая Ирку. – Фрукты, овощи, витамины… На море съездить… Одних способностей, даже таких необычных, как у тебя, недостаточно. Работать придется день и ночь, но если ты нездорова, тебе такие нагрузки могут навредить… – Рада Сергеевна покачала головой.

– Ничего мне не навредит! Я очень здоровая! – запротестовала Ирка. – Честное слово, я никогда раньше в обморок не падала!

– Возможно, – задумчиво кивнула Рада. – Но я должна все обдумать.

– Я умею работать, Рада Сергеевна! – вскричала Ирка в отчаянии. – Я смогу!

– Все, пока тема закрыта, – решительно оборвала ее женщина. – Я перезвоню тебе, как только приму решение. – Рада легонько подтолкнула Ирку к дверям.

Протестовать было бесполезно. Ирка и так понимала, что все кончено, ее единственная в жизни большая удача обернулась пшиком. Понуро кивнув, девчонка направилась к выходу.

– Да, сделай мне одолжение. По дороге попроси портье, пусть разбудит меня завтра часов в шесть, – окликнула ее Рада.

Крепко держась за перила, Ирка сползла в холл. Ей было нехорошо, но главное, мучило ощущение несправедливости. Глупость, дурацкая случайность – и вот Ирка потеряла свой шанс! Дура, еще рассуждала, нравится ей запах Радиных травок или нет. Ведь это она из-за них в обморок хлопнулась! А Рада? Почему, ну почему взрослые всегда портят детям жизнь – и утверждают, что это для их же собственной пользы? Тихо всхлипывая, Ирка дошла до выхода. Остановилась. Она едва не забыла передать портье поручение Рады Сергеевны. Вот тогда-то директриса точно уверится: мало того, что у Ирки обмороки, так и с памятью плохо. Хотя какая уже теперь разница… Но девочка все-таки вернулась и подошла к стойке.

Все тот же молодой парень внимательно поглядел на нее, кивнул и записал Радину просьбу в журнал. Ирка вышла на улицу. Смеркалось.

Встречавшая ее у ворот бабка уже открыла рот, собираясь учинить скандал, но вгляделась в Иркино бледное лицо и немедленно отправила внучку в постель. Вскоре появилась на пороге комнаты с кружкой горячего чая и целой россыпью слегка примятых шоколадных конфет на блюдце. Конфеты были твердые, почти одеревеневшие, видно, долго пролежали у бабки в загашнике. Но Ирка упорно грызла их, а бабка, пригорюнившись, сидела в ногах кровати. Потом забрала пустую чашку и

пробормотала:

– Ну и пропади она пропадом, та школа. Подумаешь! Може, и добре, шо не вышло. Уехала бы бог весть куда. Ты там одна, я тут одна – разве ж дело? – наклонившись, бабка ткнулась Ирке в волосы сухими губами. Быстро отпрянула, будто устыдившись нежности, коротко бросила: – Спи давай! – и вышла.

Ирка прикрыла глаза. Наверное, бабка права. Ирка на мгновение представила – чужой город, чужая школа, Рада Сергеевна с ее травами и загадочными книгами… Нет уж, с бабкой все-таки лучше, – пытаясь убедить в этом саму себя, Ирка несколько раз энергично кивнула. И одну ее оставлять не хочется. Интересно, там, в Германии, мама тоже одна? Нет, наверное. Здесь вокруг нее всегда крутились люди, и ей не было дела ни до Ирки, ни до бабки. Мама появлялась редко, иногда ее не было по много месяцев, но Ирка всегда ждала. И сейчас тоже будет ждать. А вдруг мама просто пока не может вернуться? Денег нет. Вот заработает…

В коридоре зазвонил телефон. Ирка досадливо прислушалась. Ну конечно, бабка врубила телевизор и теперь ничего не видит и не слышит. Ирка откинула одеяло и босиком прошлепала по холодному линолеуму.

Глава 6. Синий клубок шерсти

– Алло! – раздраженно рявкнула она в трубку. Раззвонились на ночь глядя!

– Ирочка, – позвал далекий женский голос. – Доченька!

Ирка замерла, изо всех сил прижимая трубку к уху.

– Мама? – неверяще переспросила она. – Мамочка, это ты?

– Я, Ирочка, – далеко-далеко засмеялся почти позабытый голос.

– Мама! Мамочка! Бабушка, мама звонит!

– Не надо звать бабушку, Ирочка. – Голос в трубке зазвучал испуганно. – Не надо!

– Но мама… Где ты, мама? Ты из Германии звонишь?

В трубке вздохнули:

– Не вышло у меня с Германией. Я… Я здесь, на нашей улице стою.

– Мама! Ты приехала, мама! Чего ты там, иди скорее…

– Я не хочу сразу к вам идти, – перебил голос. – Ты же знаешь бабушку. Она насмехаться станет. Не говори ей ничего.

Ирка невольно кивнула. Да уж, бабка такая! А маме точно спуску не даст.

– Выйди ко мне, Ирочка, – почти угасая, прошелестел голос. – Выйди.

В трубке загудело. Ирка кинула ее на рычаг и бросилась в свою комнату. Скорее, скорее! Она наскоро запихала подол ночной рубашки в джинсы, воткнула ноги в кроссовки и помчалась к дверям. Пробегая мимо комнаты, на мгновение остановилась. Бабка сидела, уставившись в телевизор, и, как всегда, была вся там, в страданиях очередной бразильской красотки. Нет, раз мама просила, Ирка не станет бабке ничего говорить. Сперва встретится с мамой тихонько, все узнает, а потом уж будет бабку уговаривать, чтоб не слишком мать попрекала. Мама гордая, если бабка ее допечет, не останется, снова уедет.

Ирка помчалась вверх по крутой темной улице. Единственный фонарь светил далеко-далеко, а под фонарем… Ирка остановилась, напряженно всматриваясь. Да, под фонарем, на самой границе света и тьмы, виднелась женская фигура. Откуда же мама звонила, там же нет телефона, подумала Ирка и тут же сама себя успокоила. С мобильника, конечно. Батарейки, наверное, садятся, поэтому голос такой слабый. Ирка припустила дальше.

Она пробежала половину улицы, уже видела лицо стоящей

женщины. Это была мама, мама! Молодая, красивая, как в тот день, полгода назад, когда она небрежно чмокнула дочку в лоб и, подхватив чемодан, покинула дом. Сейчас мама улыбалась и протягивала к ней руки. Ирка побежала быстрее…

С фонаря обрушился кот. Он летел прямо на голову женщине, вот сейчас острые когти вопьются в волосы… Ирка вскрикнула… И остановилась. Кошачьи когти коснулись головы и… прошли ее насквозь. Фигура все так же стояла, улыбаясь и протягивая к Ирке руки, а внутри нее, насквозь видный через полупризрачное тело, бесновался кот.

Ирка остановилась, прижимая руки к бешено колотящемуся сердцу.

– Тебя нет! Нет! – крикнула она.

Фигура заколебалась и медленно растаяла. Кот удовлетворенно фыркнул, победно встопорщив усы, поглядел на Ирку и тут же отчаянно, тревожно заорал. Ирка оглянулась.

По склону улицы катился большой лохматый клубок шерсти. Ирка пригляделась, стараясь понять, что в безобидном клубочке могло так напугать кота. И вдруг с ужасом сообразила. Клубок двигался не вниз! Он летел вверх, вверх по крутой улице! Прямо к Ирке!

Они побежали одновременно. Ирка вверх по улице – туда, где проспект, фонари, люди. Кот – вниз. Он пронесся мимо Ирки, и за ее спиной раздалось страшное фырчание и истошный мяв. Ирка понимала, что должна бежать, но все-таки не утерпела, оглянулась.

Придавив клубок к земле, кот бешено рвал его когтями. Клочья шерсти летели во все стороны. Клубок бился, выдираясь из-под кота, будто живой. Враз, словно щупальца спрута, из клубка выметнулись длинные нити. Они плотно охватили кошачье тело и зашевелились, задергались, со всех сторон оплетая кота, опутывая ему лапы. Кот страшно зашипел, скаля клыки. Толстая витая нить захлестнулась на его шее, безжалостно сдавливая горло. Угрожающее шипение сменилось хрипом. Не выдержав, Ирка развернулась и бросилась назад, к сражающимся.

Страшным усилием приподняв голову, кот глянул на Ирку… Он судорожно открывал пасть, но ни звука не вырывалось из перехваченного горла. Ирка вцепилась в сплетение ниток. Клубок словно того и ждал. Кота шарахнуло о забор, а шерстяные щупальца кинулись Ирке в лицо.

Нити захлестнули руки, безжалостно стягивая запястья. Шерстяная петля оплела лодыжку. Ногу дернуло, и Ирка рухнула на дорогу. Колючая шерсть ткнулась ей в губы, Ирка принялась отплевываться. Тут же целый комок шерсти пропихнулся между

зубов, забивая рот.

«Голубенький…» – успела подумать Ирка и тут же ощутила, как ворох ниток захлестывает ей горло. Дышать стало трудно, словно огромный колокол забил у Ирки в ушах, полностью заглушая слабый, далекий крик:

– Держись!

Сквозь мерзкое дымное марево, застилавшее Ирке глаза, на мгновение проступило лицо Рады Сергеевны… а потом Ирка во второй раз провалилась во тьму.

Глава 7. Много шума непонятно из-за чего

Под веками стало красно, словно в лицо бил прожектор. Ирка приоткрыла глаза и тут же зажмурилась. Сквозь широкое окно лился поток яркого солнечного света. Проморгавшись, Ирка снова решилась приподнять веки. И тут же глубоко задумалась. Кажется, она хлопнулась в обморок в номере у Рады Сергеевны. Точно. Она лежит на диване, а Рада… Рада Сергеевна наклонилась к ней, и лицо у нее доброе и очень встревоженное. Совсем такое же, как тогда, в гостинице.

Тогда? В гостинице? Значит…

Ирка чуть приподнялась на локтях. Она лежала в большой полупустой комнате – шкаф, диван, журнальный столик с парой стульев. За распахнутым широким окном весело зеленел сад. Не было вокруг ни золоченых финтифлюшек, ни курильниц, ни пучков сушеных трав. И призрачной фигуры под фонарем тоже не было. Ирка вскинула руки, боясь увидеть опутывающую запястья голубую шерсть. Но руки были свободны. Вместо голубой шерсти у самого Иркиного носа появился голубой рукав блузы – Рада Сергеевна опять протягивала ей полный стакан воды, издающей легкий и свежий травянистый запах, будто ее только что набрали из лесного ручья.

– А где… кот? – спросила Ирка. Она хотела спросить: «А где я?» – но вопрос про кота выпрыгнул сам собой.

Лицо Рады жалостливо сморщилось.

– Не волнуйся, Ирочка, тебе нельзя сейчас волноваться, – забормотала она.

– Скажи ей правду, Рада, – прогудел приятный мужской голос, и рядом с Радой встал высокий немолодой мужчина в дорогом костюме. – Она крепкая девочка. Боец.

Ирка зачарованно смотрела, как солнечные блики мелькают на гладко выбритом черепе мужика. Она понятия не имела, почему ее считают бойцом, но похвала ей понравилась.

Рада присела возле Ирки на край дивана.

– Погиб твой котик, Ирочка.

– Он не мой, – слабо возразила Ирка, но Рада только отмахнулась.

– Да твой, твой. Просто ты об этом не знала.

Ирка возмущенно уставилась на Раду Сергеевну. Как это – кот ее, но она об этом не знала? И вообще, что происходит? Что здесь делает этот бритый мужик? И Рада? А сама Ирка – как она здесь оказалась? И где находится это самое «здесь»?

– Тсс! – сказала Рада и прижала палец к Иркиным губам. –

Так много вопросов! Давай не все сразу.

Ирка изумленно воззрилась на Раду. Она ведь не задала ни одного! По крайней мере, вслух.

– Для начала разберемся, как ты себя чувствуешь. На что жалуемся? – шутливо поинтересовалась Рада, беря Ирку за руку.

– На галлюцинации, – зло буркнула Ирка. – Коты здоровенные чудятся, собаки с бельмами, агрессивные клубки шерсти, директрисы школы иностранных языков, какие-то вообще незнакомые мужчины и чужие дома!

Рада Сергеевна и бритый мужик расхохотались, словно услышали какую-то остроумную шутку.

– Вижу, с тобой и впрямь все в порядке, – вытирая проступившие от смеха слезы, сказала Рада. – Мы должны попросить у тебя прощения, девочка. – Она мгновенно стала серьезной. – Поверь, мы искали тебя всеми силами. – Директриса прижала крепко сжатые кулаки к груди. – Но нашли слишком поздно!

Губы у Ирки невольно начали подергиваться. В голосе Рады Сергеевны было столько трагизма – точь-в-точь как у Богдана, когда его собираются постричь. Но смеяться было неловко – взрослая женщина все-таки, к тому же директор школы. И Ирка уставилась Раде в глаза преувеличенно серьезным взглядом.

– Когда твой кот ощутил твое присутствие, мы сразу же начали поиски… – торопливо продолжала Рада Сергеевна.

– Но знаешь, Иришка, коты – совершенно неуправляемые существа, – доверительно пояснил мужчина. – Он, понимаешь, кот, ходит где вздумается и гуляет сам по себе! Не проследишь! В один прекрасный день ушел тебя искать – и все! А результаты кошачьей самостоятельности – трагические!

– Мы не теряли ни минуты, – тут же заверила Ирку Рада Сергеевна. – Мы сразу поняли, что кот отправился к тебе, и задействовали все доступные нам Силы. – Последнее слово прозвучало многозначительно, словно с большой буквы. – Но его-то чутье ведет, а мы всего лишь люди! Мы ничего о тебе не знали – ни где ты живешь, ни как выглядишь! Мы не знали, что твои враги – наши враги! – тоже напали на след! Пока мы тебя вычислили, пока проверили – мы же не имеем права ошибаться, мы должны быть абсолютно уверены!

– А эти мерзавки тем временем тоже – вычисляли и проверяли! – гневно стиснув кулаки, вскричал мужчина. – Убийцы!

– Мы сами виноваты, – прервала его Рада Сергеевна. – Негодяи увидели, как ты идешь ко мне в гостиницу, и сразу поняли, что ты именно та, та самая! И кот начал вокруг тебя

крутиться…

– На кота не наезжай, Рада. – Теперь уже мужчина прервал директрису. – Если бы не он, удавили бы девчонку прямо там, в темном переулке! Одна беда: не кошачье дело такая драка!

– Конечно, конечно, – закивала Рада. – Если бы он не бросился на тот страшный клубок – мы бы не успели! Кот выиграл для тебя всего пару минут, но эти минуты решили – жизнь или смерть! Он спас тебя, но вот ему уже ничем нельзя было помочь!

Мужчина и Рада одинаково четким движением, словно офицеры в старых фильмах, склонили головы. И была в каждом их движении и слове какая-то убийственная, абсолютная серьезность…

Ирка, во время разговора метавшаяся взглядом от одного к другому, теперь прикрыла глаза и отчаянно потрясла головой:

– Бр-р!

Рада погладила Ирку по голове.

– Но теперь ничего не бойся! – решительно заявила директриса. – Ты с нами, мы сумеем тебя защитить! Поедешь со мной в школу, начнешь учиться, будешь лучше всех!

– Без кота трудно! – предостерегающе заметил мужик.

– Ничего, ты сам сказал, она – боец! – ощетинилась Рада. – И без кота справится!

Ирка, то погружаясь в диванные подушки под давлением поглаживающей Радиной руки, то взмывая на пружинах вверх, ее почти не слушала. Но на всякий случай поинтересовалась:

– Это что, новый метод преподавания такой?

Рада прекратила поглаживать девчонку по голове. Ирка облегченно перевела дух – еще чуть-чуть, и лысину бы протерла!

– Какой новый метод? – недоуменно переспросила Рада.

Ирка пожала плечами:

– Не знаю, кошачий, наверное. Я так поняла, ученикам школы иностранных языков без кота теперь никак!

Бритый мужик коротко хмыкнул.

– Ученикам школы иностранных языков без кота запросто, – тихо ответил он. – А вот ведьмам – тем действительно сложно!

– Особенно таким молоденьким и неопытным, как ты! – добавила Рада.

Не дожидаясь, пока они вновь начнут перебрасываться фразами, будто мячиком, Ирка откатилась по широкому дивану – прочь от Радиной руки – и вскочила.

– Так, всем спасибо большое, – пробормотала Ирка. – И уважаемой Раде Сергеевне спасибо, и вам спасибо, э-э…

– Аристарх Теодорович, – подсказал мужик.

– И Аристарху Теодоровичу спасибо, – согласно кивнула Ирка и сделала шажок к двери. Потом еще один, еще, продолжая бормотать: – И коту вашему спасибо…

– Твоему коту, – поправила ее Рада.

– Моему, моему, – закивала Ирка, продолжая пятиться. Говорят, с сумасшедшими лучше не спорить. Во всяком случае, пока не окажешься от них подальше. А что эти двое именно сумасшедшие, у Ирки не было ни малейших сомнений. Может, даже маньяки. Похитили ее… Бежать, скорее! Ирка метнулась к распахнутой двери.

Дверь захлопнулась прямо перед девочкой. Не успевшая затормозить Ирка с разбега врезалась в нее лбом. Пошатываясь, она стояла перед дверью и держалась за голову руками.

– Больно? – спросил из-за спины участливый голос Рады. – Извини, не рассчитала.

Не оборачиваясь, Ирка навалилась на дверь всем весом, отчаянно затрясла ручку.

– Выпустите меня! – закричала она. – Эй, там, за дверью, немедленно выпустите меня!

– За дверью никого нет, Ирочка! – мягко сказала Рада. – Во всем доме, кроме нас троих, – никого.

Ирка обернулась, вжимаясь лопатками в дверь.

– Что вам от меня нужно?! – с ненавистью спросила она. – Я хочу домой! Отпустите меня, слышите? Отпустите! Помогите! – вдруг изо всех сил заорала Ирка. – Помогите!

– А ну-ка тихо! – вдруг гаркнул бритоголовый Аристарх Теодорович, и его рык враз перекрыл Иркины вопли о помощи. – Прекратить истерику!

Ирка осеклась.

– Черт! Извини, – тут же смущенно прогудел он. – Не хотел на тебя орать, но ты такой шум подняла!

– Мы сами виноваты, – вмешалась Рада. – Напугали.

Аристарх Теодорович согласно кивнул:

– Давайте-ка начнем все сначала. Иди сюда, Ира. Сядь.

– Никуда я не пойду, – ответила Ирка, пристально глядя на него сузившимися глазами.

– Хорошо, не ходи, – тут же согласился Аристарх. – Но все равно – нужно поговорить спокойно. Возьми стул… – Он сделал шаг, собираясь подать Ирке стул, но она тут же отпрянула.

– Хорошо, хорошо, я тоже не буду к тебе подходить. – Он отступил. – Да сядь же ты! Разговор будет долгий!

– Не хочу я с вами долго разговаривать, – заявила Ирка, но все-таки села. Медленно опустилась прямо на пол. Не потому, что он попросил, а просто чувствовала – ноги не держат, так страшно.

Страшнее, чем появление слепого пса. Страшнее, чем клубок-душитель. Но боялась Ирка даже не странной парочки взрослых. Не их самих, а того, что они собирались сказать. Она не хотела этого слушать! Но слушать все-таки пришлось.

Глава 8. Ведьма, и точка!

– Ирина, ты – ведьма, – без обиняков заявила ей Рада Сергеевна.

– Рада Сергеевна, обзываться нехорошо. А еще директор школы, извините, конечно, – осуждающе покачала головой Ирка.

Рада скупо улыбнулась:

– Не совсем понятно, за что ты извиняешься: за то, что делаешь мне замечание, или за то, что я – директор школы. Тебе надо научиться четко формулировать не только то, что ты говоришь, но даже то, что ты думаешь! Для ведьмы это жизненно важно, а то можно такого натворить… – Она вскинула руку, останавливая готовую взорваться Ирку. – Ирина, постарайся понять. Время от времени рождаются люди, которые умеют делать необычные вещи. Такие люди всегда были, есть и будут. А здесь, на Днепре, – Рада Сергеевна постучала пальцем по столешнице, как будто Днепр протекал прямо через лакированную поверхность столика, – еще сто лет назад ведьмам и чаклунам вообще никто не удивлялся – на каждом хуторе по ведьме, а в селах по две-три. Сейчас, конечно, их стало гораздо меньше…

– Ага, в ведьм никто не верит, и от этого они умирают, – съехидничала Ирка. Где-то она уже такое читала. Или там речь шла о феях?

– Ведьме, деточка, глубоко безразлично, верят в нее или нет, – отрезала Рада Сергеевна. – Когда не верят, даже лучше, безопаснее. Просто и раньше ведьмы неплохо устраивались, а в современном мире быть ведьмой – это очень, очень большие возможности. И никто не хочет этими возможностями делиться.

– Колдовская конкуренция, – хмыкнула Ирка, но бритоголовый Аристарх Теодорович серьезно кивнул:

– Разумный ребенок.

Ирка поглядела на него с возмущением. Ну пока он говорил, что она боец, – ей было приятно, ну «разумный» – тоже ладно, но какой она ему ребенок?!

– Сильные ведьмы стали уничтожать слабых. А главное, старые ведьмы, вырицы, гоняются за ярытницами, молодыми, еще не «проклюнувшимися». Стараются прикончить их раньше, чем те разовьют свои способности. Ты думаешь, что за клубок на тебя набросился? – вопросительно прищурилась Рада Сергеевна. – Это была ведьма!

– Шерстяная. – Теперь Ирке уже не было страшно, скорее смешно. Сидят два взрослых человека и на полном серьезе гворят

глупости.

– Скорее ветряная. А может, морозная, – задумчиво ответила Рада. – Они любят в клубки превращаться. Взрослая, вошедшая в Силу ведьма способна перекинуться в кошку, крысу, копну сена, огненное колесо… В собаку.

Ирка чуть заметно вздрогнула – вспомнила бельмастого пса.

– В любом случае, если сейчас ты останешься одна, без друзей, то погибнешь!

– А вы, значит, друзья и есть. Общество защиты молодых ведьм. Благотворительный фонд.

– Никакой благотворительности, девочка, – ухмыльнулся Аристарх Теодорович. – Все вполне по-деловому. Мы находим таких, как ты, защищаем их от смертных чар выриц, учим. А потом предлагаем их услуги заинтересованным людям. Я, Ирочка, в ведьмовских менеджерах уже лет десять, и недостатка в клиентах пока не ощущал.

– Занятная история, – протянула Ирка. – Значит, ваша школа – для ведьм и колдунов? Хогвартс? – Ирка обернулась к Раде Сергеевне. Не то чтоб она им поверила, но все-таки ей стало любопытно.

– Хогвартс? – усмехнулась Рада. – Увы. Хогвартс – всего лишь сказка. У меня обычная школа с языковым уклоном. Просто в ней учатся несколько… ну… не совсем обычных девочек. Видишь ли, у всех без исключения ведьм есть одно свойство: они легко овладевают любым языком. Им и учиться особо не нужно, они чужое наречие чувствуют. Кстати, так мы обычно и находим юных ярытниц.

– Присматриваем за всякими курсами, – пояснил Аристарх. – Если появляется ребенок с необычными способностями, Рада Сергеевна моментально едет и проверяет. Твои три языка нас сразу насторожили!

– Ну а когда ты с ходу перевела текст с латыни, а потом разобралась в древнегерманских рунах… Ты ведь разобралась, правда? – остро глянув на Ирку, поинтересовалась Рада.

– Почти, – шепнула Ирка, вспоминая пожелтевшую страницу и шевеление значков-паучков.

– Ну и осина, конечно, – продолжала Рада. – Ни одна ведьма не выносит осины. У тебя немного ослабленная реакция, другие мои спецученицы ручку из осины даже взять не могут, она их просто обжигает!

– Другие? – потерянно переспросила Ирка. То, что говорила Рада, было неслыханно, невозможно, но при этом звучало так просто, так обыденно. Так уверенно.

– Конечно, ты ведь не единственная молодая ведьма, которую

нам удалось найти для нашей школы. Хотя с другими ты встретишься не скоро. – Лицо Рады Сергеевны стало озабоченным. – Нам придется пока задержаться здесь. Твоим врагам прекрасно известно, где ты. В доме ты под защитой, но пока не научишься хотя бы простейшим приемам, выходить на улицу нельзя!

– Никаким приемам я не научусь! – отрезала Ирка. – Хватит фигню городить! – Ирке уже было не до вежливости. – Ведьм не бывает! А даже если и бывает – так я вам не ведьма! Я никогда ничего такого, ведьмовского, не делала! На крышу не взлетала, с питонами в зоопарке не разговаривала…

– Ребенок начитался «Гарри Поттера», – хмыкнул Аристарх.

– Ирочка, думаешь, если ты ведьма, так лобик наморщила и тут же искры полетели? – рассмеялась Рада. – Ведьмовство – это в первую очередь знания! Рецепты магических декоктов, умение отводить глаза, знание заговоров. Тебе нужно долго учиться…

– Значит, любая может заговор выучить и ведьмой заделаться, – перебила Ирка. – Вот их и учите, а от меня отстаньте.

– Выучить может любая, – мягко поправила ее Рада Сергеевна, – а подействует заговор только у ведьмы. Ну хочешь, давай проверим. – Из кармана широкой юбки Рада вытащила пластиковую баночку, похожую на косметическую. В баночке действительно оказался крем. Рада наскоро мазнула себя по запястьям, натерла шею. Потом к баночке потянулся Аристарх. Наконец Рада поставила ее перед Иркой. Девчонка с опаской глянула внутрь.

– Мажь, мажь, не бойся, – поощрила ее директриса.

Ирка сунула в баночку палец. Крем невесомым слоем лег на запястья и шею и тут же словно растаял.

– А теперь закрой глаза, – скомандовала Рада Сергеевна.

Ирка прикрыла веки. Ей было страшно, но чем скорее и она сама, и эта сумасшедшая парочка убедятся, что никакого ведовства в Ирке нет, тем быстрее от нее отвяжутся.

С закрытыми глазами Ирка подождала минуту. Ничего не происходило.

– Ну что, убедились? – вызывающе спросила она.

– Мы-то убедились, – хмыкнула Рада возле самого Иркиного уха.

Что-то мягко стукнуло Ирку по макушке. Девчонка стремительно распахнула глаза. Она продолжала сидеть, поджав ноги, только теперь не на полу, а под потолком, упираясь в него головой. Секунду Ирка изучала болтающуюся рядом люстру, потом стремительно глянула вниз. Надежда, что пока она

закрывала глаза, Аристарх каким-то нечувствительным образом посадил ее на шкаф, тут же развеялась. Под Иркой ничего не было. Она сидела в воздухе! Медленно и аккуратно выпрямила ноги – ничего не изменилось. Она продолжала парить.

– Захочешь перелететь или спуститься – просто подумай об этом, – сообщила парящая рядом Рада.

– Давайте сюда, – помахал снизу Аристарх, и Рада аккуратно скользнула к нему.

– А вы чего не взлетели? – поинтересовалась Ирка, ошалело наблюдая за планирующей директрисой.

– На меня не действует, – с некоторой грустью ответил Аристарх. – Я ведь не чаклун, а всего лишь менеджер.

– У меня тоже скоро прекратится, – усаживаясь на диван, сообщила Рада.

– Ага, – кивнула Ирка, развернулась в воздухе и стремительно вылетела в окно.

Она неслась над мощеной садовой дорожкой, слыша, как сзади отчаянно кричит Рада Сергеевна:

– Не выходи за ворота! Не выходи!

«Я не выхожу, я вылетаю!» – ликующе подумала Ирка и еще быстрее понеслась к высокому кирпичному забору. На половине пути она ощутила, что ее тело становится все тяжелее – действие крема заканчивалось.

«Надо было сильнее мазаться», – досадливо подумала Ирка. Она успела выставить вперед ноги, больно ударилась ступнями о дорожку. Девочка пошатнулась, но все-таки удержалась на ногах и побежала к калитке. Ирка выскочила на улицу, прямо на тянущуюся вокруг дома белую, словно бы из мелких кристалликов, полосу. Под кроссовками у нее захрустело, Ирка на секунду остановилась, глянула под ноги…

Вперив в Ирку слепые бельма, к ней приближался поджарый пес. Из горла его вырывался знакомый полурык-полушипение. И точно такое же шипение доносилось с другой стороны улицы! Ирка обернулась.

Второй пес был приземистым, криволапым и невероятно лохматым – полная противоположность тонконогому собрату. Но и с его заросшей морды на Ирку пристально глядели такие же страшные белые глаза. Псы приближались. И вдруг остановились, не дойдя до нее всего пару шагов, и замерли в ожидании, не отводя от девочки слепых глаз.

В мгновенном озарении Ирка поняла – они ждут, пока она сойдет с белой черты! Она сделала аккуратный шаг назад. Псы разочарованно взвыли. Тогда Ирка развернулась и помчалась через сад обратно к дому.

Рада Сергеевна стояла на крыльце, с лица ее не сходило выражение тревоги.

Задыхающаяся Ирка остановилась перед директрисой.

– Соляной круг защищает дом, – тихо сказала Рада Сергеевна. – Но пока ты не научишься обороняться – они будут ждать.

– Чему я должна научиться? – спросила Ирка.

Глава 9. В глубинах зеркала

– Видишь, как просто, – улыбаясь, сказала Рада Сергеевна. – Принцип ниндзя, только перевернутый. Ниндзя скрывается там, куда никто не смотрит. А когда ведьма отводит глаза, никто не смотрит туда, где она скрывается. Ты подвигайся, подвигайся…

Ирка сделала неуверенный шаг в сторону. Аристарх Теодорович тоже посмотрел в сторону. В другую. Его взгляд словно бы старательно обходил Ирку: мужчина глядел куда угодно, но только не на медленно прохаживающуюся девочку.

– Зайди ему за спину… – скомандовала директриса.

Слышавший ее слова менеджер круто обернулся, старательно выискивая Ирку у себя за спиной. Его глаза метались, шарили, но ее не видели.

Рада жестом показала ей – продолжай. Ирка скользнула Аристарху за спину, подошла близко, почти вплотную.

– Ну а теперь можешь просто-напросто ударить его ножом в спину… – неожиданно прокомментировала Рада Сергеевна.

– Зачем? – изумилась Ирка.

В ту же секунду Аристарх с ликующим возгласом вцепился ей в локоть:

– Вижу! Ага, попалась!

– Помалкивать надо, когда глаза отводишь, – наставительно заметила Рада Сергеевна.

Ирка, не глядя, высвободила локоть:

– Почему я должна бить кого-то ножом в спину?

Рада поглядела на нее устало:

– Разве я говорю, что ты должна? Я говорю – ты можешь! По-моему, мы с тобой решили: ты учишься себя защищать.

– Даже если все ведьмы на свете станут на меня охотиться, даже если я всем им глаза отведу, как это так – ножом? Вы что?

– Оч-чень умно! – иронически фыркнула Рада. – Один раз тебя чуть не удавили, в следующий зарежут или утопят и, между прочим, ни на секунду не задумаются. Принципы – это прекрасно, только если они не ведут к летальному исходу. Старые ведьмы хотят, чтоб таких, как ты, не было! Совсем! Здесь уж или ты их, или они тебя. Впрочем, против ведьм такой способ не годится, – торопливо добавила Рада. – Ведьме глаза не отведешь.

– Так зачем я это учу? – мрачно поинтересовалась Ирка.

– Милая моя, старые вырицы весьма влиятельные дамы. У них много обыкновенных, человеческих подручных. Против них пригодится.

– Я не собираюсь никого убивать, – буркнула Ирка.

– Я не понимаю, для кого я стараюсь? – В спокойном голосе Рады Сергеевны прорвалось раздражение. – Я бросаю свою школу, мчусь в другой город, спасаю ее, учу… Хотя у меня есть другие дела и другие ученицы, за которых я несу ответственность! Я даже не знаю, вдруг они там, без меня, окажутся в опасности! А мы сидим здесь безвылазно… – Рада с отвращением огляделась по сторонам. – В ожидании, пока ты хоть что-то освоишь, чтоб мы смогли без опасений хотя бы до вокзала добраться! На меня, знаешь ли, старые ведьмы не охотятся! Они не связываются с теми, кто может дать им отпор. Я всего лишь хочу, чтобы и ты научилась себя защищать.

– Я только сказала, что не хочу убивать, – Ирка яростно зажмурила глаза, давя прорывающиеся слезы. – Я не виновата, что на меня охотятся! Я не просила! Я не хотела быть ведьмой! Я домой хочу, у меня там бабка волнуется!

– Тебе сто раз сказано – мы позвонили твоей бабушке! Ну неужели мы бы заставили старушку волноваться? Я сама ей объяснила, что беру тебя в свою школу и тебе нужно ехать немедленно! Если ты, наконец, перестанешь себя жалеть и начнешь работать, скоро так и будет!

– Я работаю! – Слезы все-таки вырвались из-под ресниц и сплошными струйками покатились по щекам. – Но я не понимаю, почему я бабке сама позвонить не могу!

– Пожалуйста, звони! – Рада Сергеевна вытащила из кармана телефон. – Только учти – перехват сигнала мобильного даже обыкновенным спецслужбам под силу, а уж для опытной вырицы считать любой телефонный разговор из астрала проще простого! Хочешь сама навести на бабушку своих врагов – звони!

Протянутая Иркина рука отдернулась от трубки, словно та была раскаленной.

– Из-звините, – всхлипнула Ирка. Ей вдруг стало стыдно. Люди рискуют, помогая ей, тратят на нее свои силы – и деньги тоже, наверное, – а она истерику закатывает! Надо немедленно прекращать. Рада права – она не станет сейчас звонить. Потом, когда все разрешится, они доберутся до желанной школы, где сквозь завесу защитных заклятий не пробьется ни одна враждебная гадина, – тогда она свяжется с бабкой. – Извините меня, пожалуйста. Я… не хотела. Просто…

– Просто тебе страшно. – Тихий голос Рады нес успокоение, снимал страшное напряжение, словно в тисках стиснувшее Иркину душу и тело. – Ты устала… Потерпи, девочка. – Радина ладонь мимолетно прошлась по Иркиным волосам. – Еще совсем немножко…

– Мне бы хоть вещи из дома взять. – Ирка жалостно

шмыгнула носом. – Мы тут уже вторую неделю. – Она понизила голос. – У меня даже трусиков на смену нет. Я стираю, они высохнуть не успевают, мокрые все время, – тихонько пожаловалась она Раде.

Она буквально всем телом почувствовала воцарившееся после ее слов молчание. Торопливо вскинула глаза.

Выражение лица у Рады Сергеевны было весьма необычным.

– Ах я старая дура! – после недолгой паузы в сердцах произнесла директриса.

– Вы совсем не старая! – вежливо запротестовала Ирка. Сообразила, что надо бы добавить – «и не дура», но Рада ее не слушала.

– Ирочка, прости меня, ради бога! Ну Аристарх не понимает, он мужчина, но я-то! Выдернула ребенка из дому и не соображаю… Аристарх Теодорович! – повелительно скомандовала она. – Возьмешь у Ирины все ее вещи – ты пока в моем халате посидишь, – бросила она Ирке, – и отправляйся по магазинам. Девочке нужен полный гардероб! Изволь не скупиться!

– Будет исполнено, Рада Сергеевна. – Менеджер браво щелкнул каблуками. Ирке показалось, что он несколько посмеивается над величественным тоном директрисы, но Аристарх глядел совершенно серьезно.

– Да, и что там у нас с коровой? – деловито поинтересовалась Рада Сергеевна.

– Чужой город. – Аристарх развел руками. – Но достанем, не сомневайтесь.

– Зачем корова? – с пробудившимся любопытством спросила Ирка.

– Обязательно нужна корова, как же без коровы, – рассеянно обронила Рада Сергеевна. – Давайте, Аристарх Теодорович, не тяните! Ни с одеждой, ни с коровой.

Кивнув, менеджер удалился.

Завернувшись в Радин голубой халат, Ирка устроилась у стола.

– Ничего, сейчас Аристарх купит что-нибудь славное, и сразу станет веселее. Нам, женщинам, это всегда помогает, – бодро заметила Рада. – Давай пока времени не терять. Чем быстрее ты будешь готова, тем быстрее мы отсюда выберемся. – Рада Сергеевна выложила перед Иркой небольшое круглое зеркальце. Потянулась к лежащей на столе пачке старых иллюстрированных журналов. Замелькали глянцевые фотографии. – Представим, что кто-то из них – твой враг.

– Брэд Питт? – глянув в журнал, поинтересовалась Ирка.

– Брэда Питта брать не будем. Верку Сердючку – тоже, –

покачала головой Рада Сергеевна. – Они слишком далеко, вряд ли получится, и вообще со «звездами» связываться себе дороже выходит. Это местный журнал? – Она посмотрела на обложку, кивнула. – Наверняка кто-нибудь из городских знаменитостей тут тоже есть. Вот, пожалуйста! – Рада повернула журнал, демонстрируя Ирке фото высокого подтянутого мужчины. В одной руке он держал ножницы, в другой – только что разрезанную алую ленту. Рядом, прижавшись к его плечу, стояла белокурая молодая женщина. Вокруг, явно аплодируя, сгрудились мужчины и дамы официального вида.

– Иващенко, Владимир Георгиевич, генеральный директор… Открытие нового цеха, – читала Рада. – Как по заказу! Имя, фотография, чем занимается… А теперь давай выясним, что этот Иващенко против тебя задумал!

– Ничего он против меня не задумал, он меня знать не знает, – пробурчала Ирка.

– Ирина, ты учишься! – с бесконечным терпением пояснила Рада Сергеевна. – Мы же не можем устроить охоту на ведьм только для того, чтоб тебе было на ком Силы пробовать!

– Я только подумала, – торопливо пояснила Ирка. – Я же не знаю, как выглядят ведьмы, которые на меня охотятся. И как их зовут, тоже не знаю!

– А не надо пока что думать! – В голосе Рады прорезались повелительные учительские нотки. – Сейчас делай что говорят, и все! Поиск неведомого врага – это сверхсложная ворожба! Я – и то с трудом! Простейших заговоров не знаешь, а туда же!

– Нет, нет, я ничего! Я просто…

– Вот именно, что просто! Разберись сперва с простыми заговорами, потом будем сложные учить! У нас имеется просто Иващенко Владимир Георгиевич, просто генеральный директор! Вот и выясни, какие у него планы на ближайшее будущее. Посмотрим, так ли все элементарно!

Ирка уткнулась в зеркало, стараясь не глядеть на рассердившуюся директрису. Из зеркала на нее смотрела собственная растерянная физиономия.

– Я больше не буду! – пробубнила Ирка.

– Надеюсь! – фыркнула директриса. – Глаза закрой!

Ирка покорно зажмурилась.

– Теперь представь себе этого Иващенко поподробнее.

Ирка старательно принялась восстанавливать в уме стройную мужскую фигуру в длинном черном пальто…

– Только лицо. Одежду вспоминать не надо, он сейчас по-другому одет, – послышался голос Рады.

«Тьфу ты!» – мысленно сплюнула Ирка и постаралась убрать

длинное пальто. Пальто убираться не желало, все время возвращаясь и нагло дразня Ирку пустыми рукавами. Лицо не вспоминалось вообще. Ирка приподняла ресницы, украдкой глянула на фотографию. Застывшая у плеча Иващенко девушка первой бросилась ей в глаза. «Курточка на ней клевая, – подумала Ирка. – И сама тоже ничего. Немножко на маму похожа».

– Руки на раму положи, – скомандовала Рада Сергеевна.

Ирка снова торопливо зажмурилась, надеясь, что директриса не заметит ее открытых глаз, и ухватилась за пластиковый обод зеркала. Влажные ладони Рады Сергеевны легли сверху. Ирка невольно пошевелила пальцами – ощущение оказалось не из приятных.

– Не дергайся, – бросила директриса. – Думай об Иващенко.

Ирка покорно затихла. Наглое черное пальто продолжало плясать перед ее мысленным взором, ни в какую не желая сменяться лицом генерального директора. Зато из рукава выглянула стриженая головка блондинки с фотографии. Блондинка весело подмигнула. Ее черты дрогнули, поплыли, светлые волосы стали удлиняться, свернулись крупными завитками…

– Слово! Ну же – Слово! – Рада подтолкнула девчонку в спину.

Ирка уже привычно забормотала:

– Зоря в моря пыталы, на скляний гори роздывлялы, свитлого пана выклыкалы… – Она почувствовала, как стены комнаты дрогнули и заскользили прочь, раздвигаясь.

– Смотри! – крикнула Рада. – Смотри!

Ирка широко распахнула глаза. Зеркало больше не отражало ее лица. В его прозрачных глубинах что-то шевелилось, ворочалось. Вот проглянул небрежный белокурый локон, мелькнуло сияние голубых глаз… Медленно проступили очертания тонкого женского лица. Женщина смеялась, ей было весело, и она ни о чем не вспоминала. Ни о ком.

Ирка как зачарованная вслушивалась в ее беззаботный смех.

– Это еще кто такая? – послышался голос Рады, и зеркало накрыла ее растопыренная пятерня. – Где Иващенко? Где, я тебя спрашиваю?

Изображение в зеркале дрогнуло и исчезло. Ирке послышался короткий хлопок, какой бывает, когда выключается телевизор.

– Извините, – пробормотала Ирка. – Я… я перепутала. Я нечаянно.

Рада устало прикрыла глаза.

– Ирина, что бы ты там себе ни думала – сейчас у тебя такой же урок, как и любой другой! У себя в школе ты тоже решаешь не

ту задачу, а потом говоришь: «Ой, я перепутала!»?

– У меня не получилось, – с неожиданным спокойствием ответила Ирка. – Вы же сами говорили, что это не так просто. Я попробую еще раз. – Ее взгляд не отрывался от зеркальной поверхности.

Директриса неожиданно улыбнулась.

– Обязательно, но только попозже. Чую, Аристарх вернулся, к дому поворачивает. – Директриса выразительно шевельнула ноздрями. – Кажется, корову приволок. Пошли, встретим. С Иващенко потом разберемся. И без всякой самодеятельности – только четкое выполнение задания. – Рада выразительно взглянула на Ирку и потопала к дверям, встречать менеджера и корову.

Ирка на мгновение задержалась у зеркала. Медленно, дрожащими пальцами погладила его поверхность. Что ж, хоть одна польза от ведовства есть – теперь она точно знает: с мамой все в порядке. Она жива, здорова, ей хорошо и… она совсем не думает об Ирке.

– Ирина, что ты там застряла? – со двора крикнула Рада Сергеевна.

Коротко всхлипнув, Ирка кинулась прочь от беспощадно-прозрачного стекла.

Глава 10. Враг у ворот

В широко распахнутые ворота неторопливо вкатился элегантный черный «Мерседес». От сверкающего хромированного бампера тянулась махристая старая веревка, опутывающая рога рыжей коровы.

– Прикупили корову к «мерину», справное хозяйство получилось, – тихонько хмыкнула Ирка.

Корова неторопливо вступила на двор. Дверца «мерса» распахнулась, и из машины выскочил радостный Аристарх Теодорович.

– Как видите, достал! – горделиво сообщил он и осторожно похлопал корову по гладкому выпуклому лбу. – Если б вы знали, чего мне это стоило!

– Избавьте нас от подробностей, Аристарх Теодорович! – деловито оборвала его директриса. – Достали и достали, в этом и заключаются ваши обязанности. – Она окинула корову придирчивым взглядом. – Для нас главное, чтоб доилась легко. Вы проверяли?

– Я не доярка. И не агротехник. – По голосу Аристарха было слышно, что он разозлился.

– Следовательно, не проверяли, – неодобрительно поджала губы Рада Сергеевна. – Вам же хуже. В случае чего будете новую доставать. – И директриса решительно принялась развязывать плотно затянутую веревку.

Тугие волокна не поддавались, веревка скользила по хромированному металлу. Рада Сергеевна сдула со лба мокрую от пота прядь, гневно фыркнула и отступила назад, прямо в распахнутые ворота. Ее нога на мгновение оказалась за охранительной соляной чертой.

И тут же, утробно воя, на директрису налетело нечто. Ирка не успела заметить, что это было. Мелькнула размытая тень, Рада Сергеевна истошно закричала и рухнула оземь. Вцепилась в тень обеими руками и, успев яростно выкрикнуть:

– Прячь девочку! Закрой ворота! – кубарем выкатилась со двора.

Ирку рванули за плечо. Одним движением Аристарх зашвырнул ее в дом и ринулся к воротам. В руке у него тускло блеснул пистолет. Вцепившись в скобы запора, менеджер поволок ворота на себя. С тяжелым лязгом створки сомкнулись.

А за забором кипел нешуточный бой. Дикий, истошный полувизг-полувопль хлестнул Ирку по ушам. Ни одно живое существо не могло так кричать! Потом послышался уже знакомый

рык-шипение и бешено завопила Рада:

– Хватай его! Рви!

– Ей надо помочь! – вскрикнула Ирка, вновь выскакивая во двор.

– А ну быстро назад! – рявкнул Аристарх и для убедительности взмахнул пистолетом. – Тебя только там не хватало!

Не слушая его, Ирка побежала к калитке. Сейчас там, за воротами, Рада Сергеевна смертно бьется, спасая Ирку! И она не оставит учительницу одну!

– Стой, стой! – крикнул вслед Аристарх.

Его слова прозвучали особенно громко, потому что за забором вдруг воцарилась тишина.

Запертая изнутри калитка начала медленно отворяться. Ирка в ужасе отступила… Калитка распахнулась, и во двор ввалилась едва живая Рада Сергеевна.

Голубые джинсы директрисы были вывожены в пыли, блуза на плече вспорота. Кисть правой руки Рада Сергеевна бережно прижимала к груди. Струйка крови стекала с ладони, расплываясь на блузке алым пятном.

Менеджер подскочил к пошатывающейся от слабости Раде.

– Надо же, живой! Вот тварь! Удрал? – возбужденно спросил он.

Рада кинула ему предостерегающий взгляд, скосила глаза на Ирку и хрипло выдавила:

– Удрала. Ведьма удрала, – с нажимом повторила она.

– Так я и говорю, – поспешно согласился Аристарх. – Пес, который ведьма, удрал? То есть удрала?

Рада кивнула и вдруг бессильно привалилась к столбику калитки.

– Рада Сергеевна, вам плохо? – всполошилась Ирка. Сама не сознавая, что делает, она ухватила директрису за раненую руку. Ладонь Рады Сергеевны, похоже, побывала в чьих-то сильных, острых зубах. Кожа свисала лохмотьями, обнажая живое мясо. Кровь, не сворачиваясь, продолжала течь и течь.

Аристарх коротко присвистнул:

– Плохо дело. Если кровь не остановить…

– Кровь надо остановить, – эхом откликнулась Ирка. Не отводя глаз, словно завороженная, она глядела на рану. Издалека, из каких-то неведомых глубин памяти доносился тихий, никому, кроме Ирки, не слышный детский голосок.

«Бабушка, бабушка, кровь течет, задуй пальчик!» – кричал девчоночий голос, а другой, глубокий голос пожилой женщины быстро забормотал: «Кровь не вода, червона руда…»

Ирка разлепила разом спекшиеся губы.

– Кровь не вода… – шепотом повторила она.

Будто в трансе, она протянула руку, накрыла рану на ладони директрисы и вдруг громко зачастила:

– Кровь не вода, червона руда, обратно воротись, в жилах затворись, моим прошением, Божьим соизволением… Во веки веков, аминь, – и коротко дунула. Потом отняла руку.

– Что это? – ахнул Аристарх. – Что?

Раны не было. На ее месте виднелось пятно нежно-розовой молодой кожи, исчерченное багровыми полосками запекшейся крови.

– Как ты… Как ты смогла? – В глазах Рады Сергеевны стояло изумление.

– Не знаю, – ответила Ирка, переводя растерянный взгляд с собственной руки на Радину зажившую ладонь. – Вдруг вспомнилось.

– Вспомнилось? – настороженно переспросила Рада. – Тебя что, уже учили чаклувать?

– Нет, – решительно покачала головой Ирка. – Никто меня не учил.

– А заговор на затворение крови – откуда? – не собиралась оставлять тему Рада.

– Я не знаю, – шепнула Ирка и, видя недоверчивое выражение Радиного лица, почти взмолилась: – Правда, не знаю я!

Мгновение Рада Сергеевна оглядывала девочку с головы до ног. В ее глазах светилось одновременно и восторженное, почти молитвенное восхищение, и настороженность, и острое внимание, и даже… даже страх. Точно таким взглядом она глядела на Ирку неделю назад, когда экзаменовала ее на курсах иностранных языков. Рада некоторое время переводила глаза с Ирки на свою руку и обратно, а потом решительно отрезала:

– А не знаешь, так учись! Чтоб знать!

Глава 11. Дойка супермаркета

– Нам с Аристархом Теодоровичем нужно переговорить, а ты пока работай! Корову для кого привезли? – И Ирке в руки упал белый рушник, расшитый алыми петухами.

– А что мне с ней делать? – спросила Ирка, едва успев подхватить падающее полотенце.

– Сдоить, – скомандовала Рада.

– Подоить? – изумленно переспросила Ирка.

– Не подоить, а сдоить, – поправила ее Рада. – Берешь рушник, продеваешь вон в ту замочную скважину…

Ирка обернулась и с некоторым удивлением уставилась на дверь веранды. Дверь украшала здоровенная замочная скважина. В мультиках главные герои через такие округлые замочные скважины злодейские планы подслушивают – уши целиком пролезают. Ни в одном настоящем доме Ирка подобного замка не видела!

– Между прочим, на заказ делали. – Рада поспешила развеять Иркино недоумение. – Современные замочные скважины, эти крохотные кривульки, для сдаивания категорически не годятся. – Голос директрисы наполнился высокомерным презрением к убогим современным замкам. – Настоящая ведьма должна иметь в доме хоть одну полноценную замочную скважину. Продеваешь сквозь нее рушник, берешь в кухне миску, спускаешь в нее конец полотенца и таскаешь через скважину туда-сюда. – Рада повернулась и направилась к дому, знаком велев Аристарху следовать за ней.

– И что будет? – недоумевая, спросила Ирка.

Рада Сергеевна остановилась и тяжко вздохнула, и была в этом вздохе извечная учительская жалоба на ученическую тупость.

– Молоко должно потечь. С рушника. Смотри, чтоб на пол не капало, а то убирать придется. Надеюсь, теперь все понятно?

Ирка решительно покачала головой.

– Ничего не понятно. – Она отлично соображала, что ее ведьма-учительница, точно как любой обычный школьный преподаватель, любит, чтоб все схватывали с полуслова. Но ведь и правда – Ирка ничего не понимала!

– Ты доишь корову на расстоянии, – терпеливым тоном сообщила Рада Сергеевна. – Настоящая наднепрянская ведьма могла не иметь ни одной коровы, но молочное в ее доме не переводилось. Она сдаивала молоко от соседских коров!

Ирка поглядела на корову, потом перевела взгляд на рушник

и пожала плечами:

– Зачем? Кому это надо? Я не собираюсь соседское молоко сдаивать, я лучше в супермаркет схожу!

– О господи, сколько еще раз я должна повторить? – Рада Сергеевна возвела глаза к небесам и мгновение подождала, словно надеясь услышать ответ. Небеса промолчали, и Рада перевела взгляд на Ирку. – Я тебе день за днем твержу, день за днем, можно уж и запомнить! Что чаклунство – штука старинная, это я говорила?

Ирка кивнула.

– Во-от! – удовлетворенно протянула Рада. – Хоть что-то помнишь! Все заговоры тоже старинные, объясняла?

Ирка опять кивнула.

– Та-ак, хорошо! Мы пользуемся заговорами старинных ведьм, это ты знаешь? – Рада продолжала говорить, а Ирка все кивала, как китайский болванчик.

– Старинные наднепрянские ведьмы были деревенскими бабами, и заговоры у них – тоже деревенские! На картошку, на лен, на скотьи хворобы, на молоко…

– Между прочим, у агрофирм большим спросом пользуются, – вставил Аристарх.

– Вот именно! Знали предки, что делали, наша задача все точно повторить! Даже если слегка устарело, главное – традиция! Поверь мне, девочка, ничего нового нет и быть не может! Все заклятия очень консервативны, то есть надо все делать как положено! Как в старину! Никакой самодеятельности! А теперь быстренько, рушник в руки и начала работать! И хватит, хватит спорить!

Ирка по инерции еще пару раз кивнула, глядя Раде в спину. Директриса и менеджер уходили в дом.

– Ты видишь, что делается? Нужно торопиться! – уловила Ирка обрывок брошенной Радой фразы.

Ирка глянула на рушник, потом на привязанную у ворот корову. Корова, значит, там, а молоко должно быть тут. Ладно, попробуем. Она просунула рушник сквозь замочную скважину и нерешительно ухватилась за концы. Глупо как-то выглядит. Ирка потянула в одну сторону. В другую… Рушник ездил в скважине туда-сюда и тихонько шуршал – шур-шур. В учебнике по истории дикари похожим манером огонь добывали. Трением. Только у Ирки огонь не добывался. Молоко тем более.

– Вот глупость! – рявкнула Ирка и в сердцах выдернула рушник из замка. На пол что-то хлюпнуло. Ирка отодвинула миску и недоверчиво уставилась на маленькую белую лужицу. Потом нерешительно обмакнула в лужицу палец, понюхала и,

наконец, лизнула.

– Офигеть! – Ирка с восхищенной опаской глянула на рушник, быстренько заправила его обратно в замок и с удвоенной энергией принялась возить туда-сюда. Тонкая белая струйка со звоном ударила в миску. – С ума сойти! Молоко! Настоящее!

С фантазией были тетки, эти старинные наднепрянские ведьмы. Надо же, какую экономию в хозяйстве наводили. Интересно только, как соседи, у которых коров сдаивали, на это дело реагировали? Вряд ли радовались. А если сейчас такой фокус проделать? Ирка на мгновение представила ряды загородок и в каждой – по корове. И ни у одной нет молока. Доярки мечутся, ветеринаров вызывают. А где-нибудь за углом сидит ведьмочка вроде Ирки и вжик-вжик, все молоко в здоровенные бидоны сдаивает. М-да, поймают – побьют, и, между прочим, правильно сделают.

Ирка невольно поежилась – не нравилось ей такое ведовство. В городе так вообще от него толку мало, разве что соседских хомячков доить. Вот если бы заговор как-то переделать…

Ирка задумалась. Рада все время твердит: «Только старинные заговоры, ничего менять нельзя, нового не бывает». Но Ирке ее слова казались, скажем так, сомнительными. Когда старинные заговоры в первый раз придумывались, они же еще не были старинными? Так почему сейчас нельзя что-то новое изобрести? Или хотя бы переделать старый заговор на новый лад?

Стекающий с рушника молочный ручеек стал иссякать. Ирка отжала мокрую ткань. Если можно сдоить корову, то почему нельзя…

Девчонка огляделась по сторонам и тихонько скользнула в дом. Остановилась у комнаты Рады. Из-под прикрытой двери сочился неясный гул голосов. Ирка с мгновенным сожалением поглядела на скважину обычного английского замка – да, сквозь такую не очень-то подслушаешь. Ирке страшно хотелось побольше узнать о сегодняшнем нападении, а из Рады слова лишнего не выжмешь. Ладно, будем считать, что подслушивать нехорошо, и займемся своими делами.

Ирка отправилась на кухню. Распахнула дверцу холодильника. Упаковка жидкого йогурта одиноко лежала на полке.

– Ананасовый. А, какая разница!

Ирка щелкнула ножницами, вспарывая цветной полиэтилен. Наскоро слив йогурт в банку, она разрезала бок упаковки, превращая ту в длинную широкую ленту. И помчалась обратно к здоровенной замочной скважине.

Интересно, вот как йогурт в упаковку заливают? Ирке

представился здоровенный чан с йогуртом и длинная трубка, тянущаяся к пакету. Мгновение поколебавшись, она скатала липкую полиэтиленовую полосу в трубочку. Пропихнула ее в замок и ухватилась с обеих сторон.

– Ну! – Она коротко выдохнула. – Попробуем. – И прикрыла глаза, старательно представляя то груду йогуртовых упаковок в холодильнике супермаркета, то трубы никогда не виденного ею молочного завода.

Полиэтиленовая трубочка задвигалась туда-сюда.

«Надо было помыть сперва, вон, все руки в йогурте», – подумала Ирка. И тут тягучая волна ананасового йогурта обрушилась с края полиэтилена в широкий рукав надетого на Ирку халата Рады Сергеевны.

– А, черт! – Ирка вскочила. Ну, если ее сейчас увидит Рада: мало того, что занимается ненавистной директрисе «самодеятельностью», так еще и любимый Радин халат загадила.

Конечно же, Рада Сергеевна тут же появилась на пороге:

– Что там у тебя?

Ирка замерла, крепко сжимая в кулаке упаковку от йогурта. Ох, как ей не хотелось попадаться Раде на глаза! Пропасть бы, исчезнуть, раствориться на фоне стены!

Рада Сергеевна обшарила глазами двор, и лицо ее стало растерянным. Она покрутила головой, зачем-то заглянула себе за спину и вдруг неуверенно позвала:

– Ира, ты где?

– Здесь, Рада Сергеевна, – недоумевая, ответила Ирка.

Мечущиеся глаза директрисы тут же уперлись в Ирку. Рада увидела все: полиэтиленовую упаковку, лужу йогурта на полу, испачканный халат.

– Как сие прикажешь понимать? – поинтересовалась она.

– Вот. – Ирка взмахнула вспоротой упаковкой. – Я соседний гастроном сдоила. А может, молокозавод? – задумчиво предположила девчонка.

Но на самом деле Ирку волновал другой вопрос: почему пока она не заговорила, Рада Сергеевна ее не видела? Ведьме же нельзя отвести глаза?

Глава 12. Ирка разбушевалась

Рада Сергеевна глядела на Ирку, сузив глаза. Точно так же глядела Иркина математичка в школе, когда кто-нибудь из учеников пытался доказать, что решил он все правильно, это просто задача такая неправильная. Масла в огонь подлил Аристарх.

– Ха, девчонка, кажется, супермаркет обнесла! – хмыкнул он. – А ты, Рада, вечно твердишь: «Ничего нового придумать нельзя!» – очень похоже передразнил он поучающий тон Рады Сергеевны.

Лицо Рады Сергеевны стало обиженным.

А менеджер все не останавливался.

– Слушайте, а если со стодолларовой бумажкой попробовать – банк ограбить можно? – мечтательно поинтересовался он.

– Прекрасно! – немедленно взорвалась директриса. – Поощряйте ее, Аристарх Теодорович! Девочка фактически обокрала магазин, а вы ее поддерживаете!

– Я никого не собиралась обкрадывать! – запротестовала Ирка. – Я всего лишь попробовала!

Интересное кино получается! Чужих коров по старинке сдаивать – традиция, а йогурт для эксперимента сдоить – уже воровство.

– Она, видите ли, попробовала! – Рада Сергеевна сорвалась на визг.

– Рада! – укоризненно прогудел менеджер.

– Я уже сорок… – Рада Сергеевна осеклась и чуть сдержаннее продолжила: – Я уже много лет Рада! И я категорически, слышите, категорически отказываюсь иметь дело с ученицей, которая не выполняет моих указаний! Которая даже задуматься не хочет, почему эти указания вообще даются! Ты считаешь, я тебе просто так запрещаю заниматься самодеятельностью? – накинулась она на Ирку. – Из каприза? Да ты хоть понимаешь, что может натворить сырое, неконтролируемое ведовство?! Какие могут быть последствия и для тебя, и для других людей? Ради бога! Если ты уверена, что все знаешь, – работай сама! Сдаивай супермаркеты, вызывай торнадо, цунами, ураганы, делай что хочешь! Но без меня!

И Рада Сергеевна величественно выпрямилась на пороге, простирая руку к дверям.

– Ну и ладно! – сквозь зубы процедила Ирка. С маху шваркнув об дверь выпотрошенной йогуртовой упаковкой, запахнулась в

халат и столь же величественно проследовала мимо Рады в свою комнату. Правда, хлынувшие в три ручья слезы несколько подпортили ее достойный уход, но Ирка надеялась, что их никто не заметит.

Ирка сидела в своей комнате. Реветь ей уже было нечем. Слезы просто кончились, а веки жгло, словно под них песка насыпали. Платка не хватало, и Ирка решила пустить в ход полотенце. Потянулась за ним, мельком поймав свое отражение в зеркале, и чуть не взвыла в голос. Перекошенный рот, заплывшие веки, нос грушей, и все это в пронзительно алых тонах! Монстры на свободе!

Но ведь это же несправедливо, несправедливо! Рада ничего не говорила ни о каких опасностях! Ее никто не предупреждал! Торнадо? Цунами? Откуда? Ирка же ничего плохого не сделала! Она всего лишь попробовала переделать заговор по-новому! Ну глупо же не попробовать! И вообще, Рада, как все училки, ведет себя, будто всегда права! А вовсе и не всегда! Директриса говорила, что ведьмам глаза отвести нельзя! А когда Ирка очень не хотела, чтоб Рада ее засекла, так та ни фига не увидела! Правильно, между прочим, не хотела! Вот как теперь быть?

Ирка шмыгнула носом. Из дома она выйти не может, там ее караулят старые ведьмы – привязались, гадины, не оторвать! А директриса, как в любой школе, хоть обычной, хоть волшебной, – не родная бабка, с которой сегодня поссорилась, завтра помирилась. Захочет Рада выставить ее вон, и все, только Ирка и видела волшебную школу, свою будущую работу на крутую волшебную фирму… Еще и погибнуть может! Вот убьют ее тут, прямо у порога дома, вот тогда Рада Сергеевна пожалеет, что кричала на Ирку! Или не пожалеет? Может, наоборот, обрадуется – избавилась от лишней обузы! Уедет спокойно в свою школу, к другим своим ученицам, которые всегда ее слушаются, не занимаются самодеятельностью, доят коров и не трогают супермаркеты. А Ирку закопают в сырую землю, и никто по ней не заплачет!

От страха и жалости к себе Ирка зашлась в сухой, бесслезной истерике. За шумными всхлипами она едва расслышала тихий стук в дверь.

– Можно к тебе, Ирина? – негромко позвал Аристарх Теодорович.

Ирка отчаянно и упрямо замотала головой, но Аристарх не был ведьмаком и не видел сквозь стены. Дверь приоткрылась, и бритый череп менеджера просунулся в щель.

– Надо же, ревет! А чего, спрашивается? – бодро поинтересовался Аристарх, завидев Иркину красную

физиономию.

Ирка сердито отвернулась. Аристарх хмыкнул и вдвинулся в комнату. За собой он тащил высокий чемодан.

– А я тебе тут кой-какие вещички купил.

– Спасибо, – пробормотала Ирка, равнодушно глядя на чемодан.

– Посмотри, а то, может, не подходит.

Ирка кивнула и откинула тяжелую крышку. И замерла. Таких обалденных штанов не было даже у Таньки! Похожие Ирка видела лишь раз, на одной из Танькиных так называемых подружек, дочке то ли министра, то ли губернатора. Да нет, эти были еще круче! Бережно, на вытянутых руках Ирка подняла штаны из чемодана. Под ними обнаружилась еще одна клевая пара. И водолазка с таким лейблом, что закачаешься! И целая стопка фирменных футболок! И кроссовки! Дрожащими руками Ирка переворошила содержимое чемодана и поглядела на Аристарха. Глаза ее сияли даже сквозь узенькие щелочки заплывших век.

– Спасибо! Такое все красивое! Не надо было столько! Это же дорого… – Она начала сбивчиво благодарить, но Аристарх лишь небрежно отмахнулся:

– Наши ученицы должны одеваться как следует! Имидж требует! К осени еще куртку купим, сапожки…

– К осени? – страх снова навалился на Ирку, придавливая неожиданную радость. – К осени меня уже давно на запчасти разберут!

Такие классные шмотки, а Ирка их и поносить не успеет! Ее выгонят из волшебной школы раньше, чем она успеет туда попасть, и даже если Аристарх оставит ей чемодан, Ирка не станет ничего надевать! Пусть старые ведьмы рвут на части ее, штанам она погибнуть не даст!

Высохшие слезы хлынули с удвоенной силой.

– Ну-ну-ну. – Аристарх неловко похлопал ее по плечу.

– Я же ничего плохого… – сквозь всхлипы выдавила Ирка. – Я же старалась! У меня всего один раз не получилось! С фотографией…

– С какой фотографией?

Размазывая слезы, Ирка ткнула пальцем в валяющийся журнал.

– Там! Рада Сергеевна выбрала Иващенко какого-то! Ну, как будто он мой враг, и надо его замыслы в зеркале увидеть. А у меня другой человек получился! Случайно!

Аристарх Теодорович небрежно перелистал журнал, ткнул пальцем в фотографию:

– Этот, что ли, Иващенко?

Ирка кивнула.

Менеджер коротко хмыкнул.

– Иващенко, деточка, ерунда, не в Иващенко дело… – Аристарх Теодорович замялся. Держа раскрытый журнал в руке, подошел и сел рядом с Иркой на кровать.

– Видишь ли, Ирочка… – нерешительно начал он. – Нехорошо подрывать преподавательский авторитет, но ты же разумная девочка, я надеюсь, все правильно поймешь… Может, я, конечно, и не прав… Но сдается мне, дело совсем не в тех заговорах, которые тебе *не* удались. Проблема скорее в тех, что удались.

Ирка неопределенно повела плечом. Да помнит она, что Рада еще после заговора на крови поглядывала на нее странно. А когда Ирка на йогурте поворожила, директриса и взбесилась! А если разобраться, так, между прочим, Рада сама виновата! Мало ли, что она «самодеятельность» запрещала! Она же никогда не говорила, что это опасно! А Ирка не зомби, чтоб всех покорно слушаться! Сказала бы по-человечески – разве ж она бы не поняла?

– Рада Сергеевна замечательный человек, – с чувством заверил Ирку менеджер. – Ты сама видела, как она тебя спасать кинулась! И ведьма она очень знающая! А ты, Ирочка, ведьма молодая. И талантливая. – Аристарх многозначительно поглядел на Ирку. – Ты меня понимаешь?

Ирка мотнула головой. Что, собственно, она должна понимать?

Точь-в-точь как Рада, Аристарх тяжко вздохнул, сетуя на Иркину непонятливость.

– У Рады Сергеевны огромный опыт! А ты чаклунством вторую неделю занимаешься – и раз-раз – делаешь то, чему она училась годами. И еще новые заговоры придумываешь. Как ты считаешь, ей это должно нравиться?

Ирка внимательно поглядела на менеджера. Как же она сама-то не догадалась! Значит, Рада разозлилась не из-за того, что Ирка сделала что-то опасное, а потому, что сама так не умеет? А что, может быть! Ученики, они ведь поумнее некоторых учителей бывают, взять хоть Таньку с ее учительницей по истории! Танька всякие древние дела обожала, начиталась про них и вечно приставала к училке с каверзными вопросами. За что и поплатилась – полгода выше трояка у нее по истории не было. Пока Танькин отец не вмешался. Но у Ирки-то нет крутого отца-ведьмака, чтоб наехать на директрису-ведьму!

– Я, конечно, мысли не читаю, но догадаться, о чем ты думаешь, несложно, – улыбнулся Аристарх. – Ты боишься, что как раз из-за твоих особых талантов Рада Сергеевна от тебя

откажется. – Он посерьезнел. – Я не знаю, собирается она от тебя отказаться или нет, а наговаривать на уважаемого человека не хочу. Но, видишь ли, не все решает Рада Сергеевна. Я тебе уже рассказывал: у нас бизнес, коммерческое предприятие. Мы не можем позволить разбрасываться талантливыми ведьмами. Твои способности могут принести нам кучу денег! И тебе, конечно, тоже! – Аристарх заговорщицки подпихнул Ирку локтем.

– Значит, вы не отдадите меня старым ведьмам? Не бросите? – с вновь вспыхнувшей надеждой спросила Ирка.

– Ведьмам? Ах, ведьмам! – Аристарх покачал головой. – Ирка, если бы все зависело от меня, я бы сразу сказал – ни за что не бросим! Но надо мной тоже есть начальство. – Менеджер выразительно ткнул пальцем в потолок. – Учредители, понимаешь? А они очень прислушиваются к мнению Рады Сергеевны. Особенно в том, что касается чаклунства. Я скажу, что ты – гений ведьмовства, а она возьмет и заявит, что ты никуда не годишься. То есть я не говорю, что она обязательно это сделает потому, что вы с ней поссорились… Но все-таки Рада – профессиональная ведьма, а я – всего лишь рядовой менеджер по продаже заклятий. Как думаешь, кого учредители выслушают? Конечно, стоит тебе попасть в школу, разница между тобой и остальными ярытницами станет очевидной. Но для этого нужно сперва в школу попасть!

– Что же делать? – снова впала в уныние Ирка.

– Есть один вариант, – нехотя протянул Аристарх. – Надо сотворить такое, чтобы всем и каждому было ясно: ты – экстраведьма. Супер! Эта… Как подружку Гарри Поттера звали?

– Гермиона, – буркнула Ирка. Мысли ее метались. Он что, и вправду считает, она лучше других? Суперведьма? Не может быть! Но зачем Аристарху врать?

– Точно, Гермиона, – согласился Аристарх. – Надо провернуть полномасштабное чаклунство и предъявить его как доказательство твоих способностей. Чему там Рада Сергеевна тебя учила: защита-нападение? Так возьми для пробы хотя бы этого Иващенко. – Аристарх ткнул пальцем в фотографию. – Раз уж Рада сама его выбрала, пусть он и будет твоим «тренировочным врагом». И сживи его со свету!

Ирка обалдело воззрилась на менеджера.

– Не по-настоящему, конечно, – немедленно успокоил он. – Сделай все, что положено, а потом быстренько прекрати. Сразу-то он не помрет, верно? Вроде от чаклунства сразу не помирают. Сперва долго мучаются. – Аристарх усмехнулся, давая понять, что шутит. – Ну станет ему на минутку нехорошо, зато будет доказательство твоих способностей. Я предъявлю их учредителям,

и Рада не сможет ничего возразить. – Он мгновение подумал. – А может, и не захочет. Наоборот, гордиться начнет, что ты ее ученица. Через пару лет будешь в нашей компании главной ведьмой. На стажировку поедешь, в Англию.

– Лучше в Германию, – по привычке ответила Ирка и тут же осеклась. Нужно ли ей в Германию теперь, когда она точно знает, что никто там по ней не скучает?

– Соображаешь! – воскликнул Аристарх. – Германия для ведьмы и вправду лучше. В Англии мужское колдовство сильнее. Так что, попробуешь, Таня Гроттер?

– Я – Ирка Хортица, – отрезала Ирка. Она может отказаться – и останется один на один с поджидающими за забором ведьмами-конкурентками. Сложить лапки и тихо дать себя сожрать – нет, это не для нее! Она должна попытаться! Может быть, и вправду окажется суперведьмой. Не Гермионой Грейнджер, не Таней Гроттер – настоящей крутой наднепрянской ведьмой! Она поедет в Германию. И мама, увидев, какой стала ее Ирка, может быть, захочет… Ирка зажмурилась.

– Нет, глупость мы придумали. Ничего у тебя не выйдет, – вспорол молчание задумчивый голос Аристарха. – Это ж не фантастика – огненным шаром в лоб заехала, и порядок. В настоящей жизни заговор на расстоянии не наложишь. Надо от человека вещь какую-то иметь или в дом к нему попасть. Иващенко – бизнесмен, у него охрана. Давай лучше поговорим с Радой Сергеевной, – предложил Аристарх. – Извинишься как следует, пообещаешь больше не нарушать ее указаний…

Ирина выпрямилась и бросила на Аристарха высокомерный взгляд. Он умный человек и, наверное, даже хороший – нашел для Ирки выход. Но он всего лишь менеджер, а она – ведьма! С Иващенко ничего не случится. Ирка об этом позаботится.

Ирка подошла к висящему на стене зеркалу.

– Журнал! – резко скомандовала она, требовательно протягивая руку.

Лишь на мгновение замешкавшись, Аристарх вложил ей в ладонь журнал, раскрытый на фотографии Иващенко.

Ирка пристально вгляделась в неподвижное лицо, запоминая насмешливые глаза, ироническую складку губ. Театральным жестом отшвырнула журнал прочь, оперлась руками о раму зеркала и крепко зажмурилась.

– Ну, – шепнула она. – Ну!

Покорно проступая сквозь закрытые веки, лицо мужчины встало перед ней. Ирка распахнула глаза, вперившись в глубины зеркала. Сквозь свое отражение, дальше, дальше… Ее собственное лицо исчезло, словно невидимая тряпка стерла его со стекла, а на

его месте проступил офис, кабинет, стол и знакомый человек за столом…

– Записывайте, – коротко велела Ирка, втайне надеясь, что ее голос звучит не менее властно, чем у Рады Сергеевны. – Завтра с семи утра у него поездка на завод, потом возвращение в офис, ланч с деловыми партнерами, снова офис, потом – вручение наград на выставке детского рисунка… Это в художественном музее, что ли? Мы там недавно с классом были. – Ирка на мгновение задумалась, припоминая. – Достаточно!

Она величественно взмахнула рукой, отпуская вызванное ею изображение. Лицо Иващенко исчезло с зеркальной поверхности.

– Вот на выставке мы его и возьмем, – выдохнула она. – На завтра мне нужны ручная камера, как у операторов с телевидения, и микрофон. А еще половая тряпка и тюбик с краской.

– Замечательно! Профессиональную телекамеру и микрофон я, конечно, добуду на раз-два-три, вопрос – где взять тюбик с краской? А тем более половую тряпку, – иронически хмыкнул менеджер. – Швабра не понадобится?

– Швабра ни к чему. – Ирка серьезно покачала головой. – А вот вы мне как раз очень понадобитесь. Вы пойдете со мной? Ну, пожалуйста, без вас у меня ничего не выйдет!

Аристарх тяжко вздохнул:

– Расскажешь хоть, что за план?

Но Ирка решительно помотала головой:

– Сглазить боюсь.

– Правильно, сглаз – это серьезно, – согласился Аристарх. Ирка поняла, что возможность сглаза он действительно признает серьезной причиной для молчания. Небось по работе всяких сглазов навидался. – Придется тебя подстраховать. Тем более что Раду Сергеевну предупреждать ты не собираешься, верно?

– Пока не собираюсь, – кивнула Ирка. – Но Раде Сергеевне не из-за чего будет сердиться. Я использую чаклунство, которому она меня научила. Ну и еще немножко самого обыкновенного воображения.

Глава 13. Ведьминское телевидение

Ирка ввинтилась в плотно облегающие джинсы и с удовольствием поглядела на себя в зеркало. Ну класс! Не то что Иркины старые, уже ни на что не похожие. Она натянула тонкую трикотажную футболку и с сомнением выглянула в окно. Солнце сияло вовсю, но, может, еще похолодает? Если просто накинуть водолазку на плечи, будет в самый раз по погоде, а заодно можно прогулять целых три новых шмотки. И кроссовки, конечно!

Ирка легонько попрыгала в новой обуви. Удобные, прямо не чувствуются. Что значит крутой бренд! Страшно даже подумать, во что Аристарху обошелся целый чемодан таких шмоток. Странные все-таки эти бизнесмены: на тряпки кучу денег выкинул, а дом с телефоном снять пожлобился. Был бы тут телефон, она давно бы уже бабке позвонила – не пришлось бы у Рады мобилку клянчить. Или директриса все-таки правду говорила и это опасно? Ох, как она устала от этих сомнений, неопределенности. Скорее бы очутиться в школе – и тогда она всем докажет…

– Ирина! – тихо позвали под окном, и на подоконник оперлась верхушка длинной лестницы. Ухватив яркий рюкзачок – тоже новенький и жутко стильный, – Ирка перешагнула подоконник и принялась осторожно спускаться по подрагивающим ступенькам.

– Рада Сергеевна у себя, села сериал смотреть. Пока серия не закончится, мы с тобой абсолютно свободны, – шепнул Аристарх, подхватывая Ирку под локоть. – Знаешь, по-моему, она переживает. Может, не нужно ничего, и так помиритесь?

Ирке на мгновение остро захотелось согласиться. Вернуться в свою комнату, а там, глядишь, все само собой станет хорошо. Но как говорил ей кто-то, «сами собой случаются лишь неприятности, хорошего добиваться приходится». Кстати, а кто ей это говорил? Нет, не вспомнить.

Ирка решительно тряхнула головой:

– Начали, так надо доводить до конца.

– Молодец! Я сразу сказал, ты – боец!

Польщенная Ирка полезла в распахнутую дверцу Аристархова «мерса». Приятно, когда тебя хвалят. К тому же в ее замысле нет ничего опасного. Простенькая такая задумка, незамысловатая. Считай, всего-навсего прогулка по выставке. Демонстрация Иркиных новых шмоток.

Аристарх катил вдоль улицы, сосредоточенно выискивая место для парковки поближе к высокому крыльцу

художественного музея.

– Приткнуться негде, все занято, – раздраженно бурчал он. – Спрашивается, чего понаехали? У вас в городе что, столько любителей детского рисунка?

– Это родители, – равнодушно обронила Ирка. – Приехали на награждение смотреть. Да нам здесь парковаться не обязательно, главное, чтоб оба конца улицы видеть. Мы должны войти в музей сразу перед ним, незачем там крутиться.

– Я только не понимаю, как ты рассчитываешь к нему подобраться, – глуша мотор, полюбопытствовал Аристарх. – Глаза охране отведешь?

– Разбаловались, ничего без чаклунства, своей головой сделать не могут, – ворчливым, как у собственной бабки, тоном пробормотала Ирка себе под нос. И опасливо покосилась на Аристарха – услышал, нет? Взрослые такие обидчивые, прям как пятилетние!

– Может, и отведу. В какой-то мере, – неопределенно ответила Ирка.

В конце улицы показался целый кортеж солидных машин. Впереди катил здоровенный джип.

– Вот он, едет! – вскликнула Ирка, распахивая дверцу. – Берите камеру, быстро! Ничего не делайте, ничего не говорите, только вроде как снимайте. – Она быстренько накинула лямки рюкзака на одно плечо и поспешила к музейной лестнице. Легко взбежала по ступенькам и, бросив дюжему охраннику у входа:

– Детское телевидение, экспериментальный проект! – проследовала в зал.

На мгновение она остановилась у порога. Гладкие белые стены пестрели яркими квадратами рисунков. По залу, давая авторитетные пояснения восхищенно внимающим мамам, папам и прочим родственникам, прохаживались юные художники. Парами и тройками фланировали оживленно жестикулирующие мужчины и пестро одетые женщины – взрослые художники с художницами и прочая «живописная» публика. Поодиночке рассекали толпу дамы с ревниво-надзирательным выражением лиц и фигур. Наверняка училки юных дарований.

В своих новых дорогих шмотках и при Аристархе с камерой на плече Ирка смотрелась в этой тусовке вполне уместно. На нее оглядывались, но мельком. Так, теперь свободнее, непринужденнее, как настоящая акула пера, ас телекамеры!

– У кого первая премия? – с отрывистой деловитостью поинтересовалась Ирка у пожилой женщины в синем костюме смотрительницы зала.

– Изумительная вещь, подлинный талант, – немедленно

умилилась та. – Вон там, «Святой Николай на Комсомольском».

– На чем на «Комсомольском»? – послышался у Ирки над ухом изумленный шепот Аристарха. – Собрании?

Ирка наградила менеджера взглядом, полным традиционного презрения местной жительницы к приезжему.

– На Комсомольском острове на Днепре. Там церковь Святого Николая. Красивая очень. Вон картина. – Девочка решительно направилась к небольшому пейзажу, где тонкий силуэт крохотной белой церковки застыл на краю островного мыса.

– Действительно красиво, – согласился Аристарх. – И картина хорошая.

У входа в зал заволновалось, взбурлило, толпа раздалась. Сопровождаемый охранниками и музейным начальством, к картине-победительнице двинулся мужчина в легком светлом костюме.

«Права была Рада, теперь он одет по-другому», – мельком подумала Ирка, вытаскивая из кармашка рюкзака микрофон. Держать его было ужасно неудобно.

Ирка и спрятавшийся за телекамерой Аристарх стояли точно на пути у Иващенко. Со всех сторон к нему спешили такие же микрофонно-камерные пары, но Ирка была ближе всех. С микрофоном в опущенной руке она сделала шаг вперед.

– Детское телевидение. Пожалуйста, Владимир Георгиевич, несколько слов для наших зрителей. – Ирка сдавила ручку микрофона. Чуть слышно хлюпнуло… Ирка настороженно глянула по сторонам, но никто ничего не заметил.

– На детской выставке детскому телевидению первое слово, – весело усмехнулся ей Иващенко.

– Пожалуйста, встаньте напротив картины-победительницы, – попросила Ирка и старательно отступила в сторону, пропуская Иващенко мимо себя. Тот сделал шаг, повернулся… Ирка знала, что не должна смотреть на его ноги, но не могла удержаться.

– Ой, – вдруг жалостно охнула директор музея, глядя в пол.

На старинном дубовом паркете красовалось разляпистое пятно белой краски. А рядом четко пропечатался такой же белый след ботинка с квадратным носком. Мучительно сморщившись, директор перевела взгляд на тупоносые ботинки Иващенко. Под ее полным нечеловеческого страдания взором Иващенко медленно поднял ногу и застыл в позе цапли, не смея шелохнуться.

– Кто краску пролил? – гневно выдохнуло музейное начальство, озирая нервно переглядывающихся художников.

Незаметным движением Ирка отлепила тюбик с краской от ручки микрофона и сунула его обратно в кармашек рюкзака.

Потом ткнула пальцем в сторону выхода:

– А вон там половая тряпка лежит, вы на нее пока ногу поставьте.

– Мы не кладем у входа тряпок, – возмутилась директор, но Иващенко лишь передернул плечами.

– Какая разница, давайте ее сюда. Тут напротив обувной, смотайся, купи любую пару, – скомандовал он охраннику, с облегчением опуская измазанную подошву на принесенный половик. – Ты спрашивай, девочка, пока я тут вроде памятника стою, а то у меня времени в обрез. – Его губы дрогнули извиняющейся улыбкой.

Ирка тоже дрогнула. Ай, какой прокол! Про вопросы она и не подумала! Господи, что же эти журналисты обычно спрашивают?

– Снимайте. – Выигрывая секунды, она махнула рукой Аристарху. Неумелым движением тот навел камеру на Иващенко. Даже в объектив, похоже, не смотрел, просто выставил ее перед собой, закрывая лицо. Впрочем, сама Ирка не лучше.

– Почему именно эта картина получила первую премию? – бухнула она первое, что пришло в голову.

– Я премии не распределяю, я их только вручаю. Решение принимало жюри, и оно выбрало лучшее полотно. Хотя мне… – Он снова улыбнулся. В этот момент толпа всколыхнулась, из ее глубин вынырнул охранник с обувной коробкой в руках. – О, слава богу! Не снимайте пока. – Задрав ногу, Иващенко принялся расшнуровывать ботинок.

Микрофон выскользнул у Ирки из рук и свалился на пол возле тряпки с четким отпечатком подошвы. Девочка наклонилась.

– Хотя лично мне больше всего вон тот кот нравится, – всунув ногу в новую туфлю, закончил фразу Иващенко и ткнул пальцем в одну из картин. – Роскошный такой котяра, наглый…

Но Ирка его уже не слушала. Она смотрела. Здоровенный, ну прямо настоящий камышовый, трехцветный котище закинул заднюю лапу за голову и невозмутимо вылизывался. На пестрой, как из лоскутов собранной шерсти ясно выделялся розовый мазок язычка. Крупные, будто стальные когти были недвусмысленно выпущены, а круглый глаз глядел… Ирке показалось, что прямо на нее! В этом взгляде была укоризна и даже некоторое презрение, будто с его, кошачьей, точки зрения, Ирка вела себя невероятно глупо.

– Хорошая какая, – растерянно пробормотала Ирка.

– Второе место, – с гордостью, будто сам ее нарисовал, сообщил Иващенко. – Вон художница. Таня, иди сюда!

Стоявшая спиной к залу светловолосая девочка обернулась.

– Танька! – радостно воскликнула Ирка.

– Ты ее знаешь? – настороженно спросил Аристарх, выглядывая из-под прикрытия камеры.

Ирка кивнула. Тут же его рука крепко вцепилась ей в плечо, и, ни слова не говоря, менеджер поволок Ирку к выходу.

– Что вы делаете? Пустите! – вскрикнула Ирка, но пальцы Аристарха только сильнее сомкнулись. Коротким толчком он почти вышвырнул Ирку из зала.

– Вы с ума сошли! – Ирка схватилась за отчаянно ноющее плечо. Синяки теперь будут.

– Это ты с ума сошла! – прошипел Аристарх в ответ, волоча Ирку вниз по мраморной музейной лестнице. – Тебя же вроде как нет в городе, ты уехала! Тебе нельзя ни с кем встречаться! – Он распахнул тяжелую дверь и вытолкнул Ирку на улицу. – Хочешь, чтоб тебя ведьмы выследили?

– Уже выследили! – рявкнул гневный голос у Ирки над ухом, и невесть откуда взявшаяся Рада Сергеевна вцепилась в другое Иркино плечо. – Вон, глядите!

Припадая брюхом к земле и сдавленно клокоча горлом, слепые псы – кудлатый и тонконогий – неумолимо двигались к Ирке. Девчонка сдавленно пискнула.

– В машину, быстро! – скомандовала Рада Сергеевна.

Держась между Иркой и псами и фактически прикрывая девочку собой, директриса почти сорвала Ирку со ступеней и потащила к «Мерседесу». На подгибающихся ногах девочка помчалась к машине. Тяжело вскидывая на бегу задом, ее обогнал Аристарх с камерой на плече, протянул руку с пультом. «Мерседес» приветственно мигнул фарами, отщелкивая запор двери. С разбегу Рада нырнула в салон, втаскивая за собой Ирку. Девочка была внутри, когда вдруг что-то с силой рвануло зажатый в руке рюкзачок.

Бешено рыча сквозь стиснутые зубы и не отрывая от Иркиного лица незрячих глаз, тонконогий пес выволакивал девчонку из машины.

– Брось рюкзак! – отчаянно крикнула Рада Сергеевна.

– Не могу, он мне нужен! – так же отчаянно завопила Ирка, дергая рюкзак на себя. Пес не пускал. Он был значительно сильнее. Ирка почувствовала, как медленно съезжает по сиденью – навстречу оскаленным клыкам подоспевшего кудлатого. Аристарх сдернул тяжелую камеру с плеча и, сдавленно хакнув, влепил объективом в бок тонконогому. Завизжав, пес отлетел в сторону.

– Держите, я ее напрокат брал, – крикнул Аристарх и, швырнув камеру на колени Раде Сергеевне, захлопнул дверцу.

Мгновение, и он уже сидел на водительском месте.

Дверные запоры защелкнулись, отделяя Ирку от опасности. Прогреваясь, заурчал мотор. Ирка облегченно выдохнула и без сил привалилась к дверце. Вдруг что-то тяжело клацнуло. Тонконогий пес стоял, распялив передние лапы по стеклу. Его слепые глаза вперились Ирке в лицо, а сочащийся из них белесый туман мутными червями расползался по окошку машины. Головки червей незряче тыркались во все стороны – искали щель! Дырочку, трещинку, в которую можно проскользнуть и добраться до Ирки!

– Поехали! – «Мерседес» мягко тронулся с места. Лапы слепого пса соскользнули, царапая стекло. Порыв ветра смахнул прочь туманных червей.

Ирка обернулась. Тонконогий и кудлатый стояли, пристально глядя вслед уезжающей машине, а вокруг них трепетало белесое марево.

Глава 14. Заклинание по следу

– Вы что вытворяете, вы оба?

Выражение лица Рады Сергеевны не предвещало ничего хорошего. Ирка мгновенно ощутила себя ассистенткой фокусника. Сейчас директриса ее запилит: поперек, потом вдоль и по диагонали. Кажется, в зубах бельмастых псов было бы комфортнее. Порвали бы, и все – смерть быстрая и относительно безболезненная.

– Вы соображаете, что делаете, Аристарх Теодорович? Чтобы взрослый человек подверг ребенка такой опасности! У меня просто нет слов! А ты? – Рада переключилась на Ирку. – Ты же ведьма! А ведьма – это в первую очередь го-ло-ва. – Рада постучала Ирку раскрытой ладонью в лоб.

«Что она к моей башке привязалась – то гладит, то стучит», – с тоской подумала Ирка.

– А тебе голова, похоже, нужна, только чтоб модную кепку носить! – продолжала разоряться директриса.

– Мне продавщица в магазине сказала, что кепки из моды вышли, – не отрывая глаз от дороги, сообщил Аристарх и бегло улыбнулся Ирке в зеркальце заднего вида. – Вы как обнаружили, что нас нет, а, Рада Сергеевна?

– Зашла к Ирине в комнату, увидела лестницу у окна…

– Во время сериала? – изумился Аристарх. – Как это?

– Я не обязана вам отчитываться, Аристарх Теодорович! – взвилась Рада и вдруг сникла.

Ирка с изумлением увидела, что директриса смущенно косится на нее.

– Нам следует помириться, – неуверенно выдавила Рада и неловко одернула манжеты своей любимой голубой блузы. – Я, кажется, была не вполне справедлива. Наверное, атмосферное давление сказывается. Поиск новых решений – это совсем не плохо. Просто аккуратней надо, работать под руководством, не подвергая опасности ни себя, ни окружающих… В общем, если ты, Ирина, готова учиться дальше, я готова тебя учить. Во всяком случае, это я собиралась сказать, когда шла к тебе в комнату. – Рада Сергеевна снова распалилась. – Но теперь – даже не знаю! Зачем вас в музей понесло, хотела бы я знать? Детских рисунков никогда не видели?

– Там были и вполне профессиональные работы, – пробормотал Аристарх. Теперь он тоже смущенно косился на Ирку. – Ирочка всего лишь хотела выполнить ваше задание по Иващенко. А я ей помогал. Даже подумать не мог, что псы, то есть

ведьмы…

– Вы что, решили на меня впечатление произвести? – всплеснула руками Рада. – Думали, если мы с Ирой повздорили, даже если я рассердилась… То лишу девочку будущего? Или, может, вообще выгоню прямо в пасть этим старым мерзавкам вырицам? – Она возмущенно уставилась в затылок Аристарху. Менеджер неловко заерзал, не отрывая глаз от дороги, и Рада Сергеевна вдруг ахнула. – Я поняла – вы именно так и думали! Да как вы могли? Как вы посмели, Аристарх Теодорович! Ну это же что-то… запредельное! Логика другого мира! – Насупившаяся Рада гневно отвернулась к окну и пристально уставилась в проносящийся мимо пейзаж.

Ирка неловко заерзала. Нехорошо получилось. Чуть ведьмам не попались, директрису обидели ни за что, ни про что.

– Извините, пожалуйста, Рада Сергеевна, – тихонько попросила Ирка. – Ну Радочка Сергеевна, ну пожалуйста…

– Вина целиком моя, – быстро перебил Аристарх. – Я фактически подбил девочку!

– Вы меня столько лет знаете, Аристарх Теодорович, – с упреком сказала директриса. И провела по лицу ладонью. – Ладно, – после недолгой паузы выдохнула она. – Наверное, я тоже виновата. Порой я бываю чересчур строга, может быть, держусь слишком сурово. Ладно. Как говорите вы, молодежь, – проехали.

Ирка переждала, пока Рада в очередной раз погладит ее по голове. Эти поглаживания ей уже здорово надоели – не собачка же она! – но чего не вытерпишь ради примирения. «Мерседес» свернул к их домику.

– Может, сегодняшний случай вас чему-то научит. Поймете, куда заводит глупая самодеятельность. Чуть ведьмам не попались, и больше ничего!

– Почему же ничего? – искренне удивилась Ирка. – У меня все здесь! – Она приподняла рюкзачок. – Будем на Иващенко заговор накладывать или как?

– Я думал, ты не успела, я ж тебя уволок, – мимолетно удивился Аристарх, заруливая в ворота.

– Все я успела! – возмутилась Ирка. – Можно подумать, там много возни!

– Могу я полюбопытствовать, что именно ты успела? – в словах Рады снова прорезалась некоторая язвительность.

– Все как вы учили, Рада Сергеевна! – поспешно ответила Ирка. – Я его след вынула. Вот! – дернув «молнию» рюкзака, Ирка вытащила половую тряпку с четким отпечатком подошвы.

Аристарх потянул ручной тормоз и обернулся, разглядывая Иркин трофей.

– Ты микрофон уронила и подобрала! – сообразил он.

Ирка кивнула:

– Даже глаза отводить не пришлось, и так никому старая тряпка не интересна.

– Самое печальное, что нам она тоже не интересна, – хмыкнула Рада. – Ты, Ирочка, все-таки плохо слушала мои объяснения. След можно вынуть из сухой земли, на кирпиче отпечаток получить… Даже на асфальте, наверное, но на тряпке!.. Нонсенс!

– А какая разница? – тихо спросила Ирка.

– Хотя бы такая, что след надо в горящую печь класть! Надолго! Как ты собираешься свою тряпку засунуть в печь надолго?

– Как курицу. В фольге, – невозмутимо сообщила Ирка. У старинных наднепрянских ведьм, понятно, кухонной фольги не было. Но это же не значит, что современным ведьмам нельзя ею пользоваться! Правда, ничего такого Ирка говорить не стала. Рада и без того была в растерянности.

– Не знаю, есть ли на кухне фольга, – пробормотала она.

– Если нет, попросим Аристарха Теодоровича съездить в ночной супермаркет, – сказала Ирка.

Менеджер мгновенно скроил недовольную физиономию:

– А может, ну его? У вас с Радой Сергеевной снова мир, никому ничего доказывать не надо…

– Нет уж, позвольте! – Рада Сергеевна распахнула дверцу и выбралась из машины. – Мне самой интересно, что может получиться! Прошу на кухню! – воинственно объявила Рада. – Если все выйдет, я первой признаю, что была не права! – Она покосилась на Ирку, и той сразу стало понятно – директрисе совсем не хочется признавать себя неправой. Больше всего ее устроит, если ничего не выйдет. Тогда можно будет прочесть очередную лекцию о вреде самодеятельности и напоминать о провале при каждой попытке сделать хоть что-то по-своему!

Нет уж, это у вас ничего не получится, Рада Сергеевна! Ирка почувствовала, как ее охватывает азарт. Она тоже вылезла из машины и решительно проследовала на кухню.

Рулон фольги в кухонном шкафчике нашелся. Ирка наскоро вырезала три широкие полосы и разложила их на столе шестиконечной снежинкой, а в центре разместила тряпку с отпечатком.

– Это так по ритуалу положено? – почтительно осведомился Аристарх, укладывавший дрова в старинную печь.

Ирка важно кивнула. Не объяснять же, что так бабка паковала курицу, чтоб ни одной щелочки не осталось. Ирка плотно

завернула тряпку в фольгу.

– Разжечь ты сама должна, – сказал Аристарх, критически оглядывая переложенные бумагой дрова.

Ирка поднесла спичку, бумага вспыхнула. Аккуратно пошуровав кочергой, она подождала, пока дерево разгорится. В печи загудело.

Когда Ирка вернулась к столу, то увидела, что Рада тоже честно принимала участие в приготовлениях. На столе стояло зеркало, видно, для наблюдения за результатом Иркиного заговора. А рядом лежали массивный гвоздь и молоток.

Ирка критически воззрилась на молоток. Пакет с тряпкой – не кирпич, вбивать гвоздь не обязательно, можно просто воткнуть. Нет, лучше уж Раду лишний раз не раздражать! Ирка ухватила молоток. Ну, сейчас все решится!

Легонько постукивая молотком по приставленному к пакету гвоздю, Ирка шепотом зачастила:

– В голову з-пид головы, в сердце з-пид сердця, в стыдесять сим суставок и живок, в руки и ноги, там зиставай, чоловика Иващенко мучь та скинай, век коротай! Я тоби прыказую, я тоби наказую!

– На противень, быстро! – скомандовала Рада.

Ирка плюхнула пакет на противень и сунула в печь над огнем. Вслед за Радой пристально уставилась в зеркало. Словно на экране телевизора, в стекле проступило лицо Иващенко, уже такое знакомое и привычное, будто он Ирке родственник. Бизнесмен улыбался той самой красивой женщине, что была на фотографии. Казалось, с ним все в полном порядке. Рада подарила Ирке взгляд – торжествующий и в то же время встревоженный, словно она и радовалась, и сожалела о неудаче ворожбы.

И в этот момент Ирка увидела, как смертельно побледнел Иващенко. Улыбка сползла с его лица, он сунул руку под пиджак, к сердцу, ноги подогнулись… Встревоженная женщина подхватила его под локоть…

– Есть! – торжествующе вскричал Аристарх.

– Действительно, получилось, – кисло протянула Рада и накрыла изображение рукой. Зеркало мгновенно опустело. Несколько принужденно директриса обернулась к Ирке:

– Поздравляю, дорогая. Ты вполне убедительно доказала свою точку зрения. Так держать. – Она потянулась погладить Ирку по голове.

Ирка прикинула: раз она такая успешная ведьма, от Радиной руки можно и увернуться. Но потом решила не злить директрису.

– Надо быстро прекратить, ему там плохо, – сказала девочка,

тревожно поглядывая то на пылающую печь, то на зеркало, в котором только что стояло бледное лицо ее «тренировочного врага».

– Безусловно, – кивнула Рада. – Аристарх Теодорович, залейте огонь.

– Воды набрать… – пробормотал Аристарх, поспешно подсовывая ведро под кран.

– Вы что, раньше не могли озаботиться? – нахмурилась Рада Сергеевна и отвернулась к Ирке. – Иди-ка ты спать, моя милая. У тебя был тяжелый день.

– А как же?.. – Ирка махнула в сторону печки, где вынутый и пронзенный гвоздем след бизнесмена Иващенко все еще стоял на решетке над огнем.

– Аристарх Теодорович приберет, – небрежно отмахнулась Рада Сергеевна. – Надо печку загасить, золу выгрести. Совершенно не дамское занятие.

– Вечно вы, ведьмы, всю грязную работу на бедного менеджера сваливаете, – усмехнулся Аристарх, следя, как в ведро набирается вода. – Хоть клиентов охмурять, хоть печки тушить.

– Иди, иди, ты на ходу засыпаешь. – Рада Сергеевна подтолкнула Ирку к дверям.

Ирка почувствовала, что глаза у нее слипаются, а тело наливается сонной тяжестью. И вправду поспать бы.

– Спасибо. Извините, Аристарх Теодорович, – пробубнила Ирка сквозь раздирающий челюсть зевок и потащилась к лестнице.

Лениво подумала, что старинная печка на дровах – тоже Радины глупости. Небось ради нее и дом этот снимали. Ирка покачала головой. Сто процентов, газовая духовка подействует не хуже, зато чистить потом не придется. Но проверять свою догадку ей совсем не хотелось. Лицо Иващенко все еще стояло у нее перед глазами. Как ему было плохо! Словно металл и огонь впились в живое тело. Да так оно и было, на то и чаклунство. И женщина с ним – как она испугалась! Нет уж, больше никаких экспериментов на живых людях.

Позевывая, Ирка присела на край кровати. Что-то тревожило ее, не давая спокойно провалиться в сон. Аристарх Теодорович тоже хорош – не мог заранее ведро набрать! Пока он с водой возится, бедняга бизнесмен мучается. Хотя на Аристарха наезжать нечего, сама виновата. Ворожба Иркина, значит, она и должна была все предусмотреть. Сейчас, наверное, менеджер загасил пламя, и Иващенко тут же отпустило. Скоро внезапная боль в груди забудется. Но все-таки не мешало бы проверить.

Сонно потирая глаза, Ирка выбралась из комнаты. На

мгновение нерешительно остановилась. Может, не стоит, еще обидятся, скажут, что она им не доверяет. Через перила она глянула вниз. Из кухни доносился тихий голос Рады Сергеевны. На полу трепетали дрожащие отблески огня.

Стоп, значит, печка еще горит? Наверное, просто след вынули, а печь загасить не успели. Надо все-таки проверить, иначе не заснуть. В кухню заходить не обязательно, достаточно тихонько заглянуть из коридора.

Стараясь не скрипеть ступеньками, Ирка двинулась вниз по лестнице. Медленно, шаг за шагом она пересекла коридорчик. На всякий случай прижимаясь к стене, кинула взгляд в глубь кухни. И тут же замерла, оцепенев.

Огонь в печи бушевал вовсю! Он гудел, выметывая искры. А на решетке над ним тускло поблескивал фольгой пакет с вынутым следом несчастного бизнесмена Владимира Иващенко.

Иркин испуганный взгляд метнулся к склонившейся у печи фигуре. Обливаясь потом, Рада Сергеевна все подсовывала и подсовывала дрова. Рукава голубой блузы были высоко закатаны, а на ее открытых загорелых руках виднелись… длинные полузажившие следы кошачьих когтей!

Глава 15. Превосходство зла

Дверь из сада распахнулась, и на пороге явился Аристарх Теодорович. К груди менеджер прижимал целую охапку дров.

– Хватит пока, – сказала Рада, выпрямляясь.

– Но он точно сдохнет? – хрипло спросил Аристарх, сгружая дрова на пол.

– Точно, точно, – успокаивающе подтвердила Рада. – Считай, нет у тебя больше конкурента. Можешь звонить в офис, забирать под себя заказы, цену поднять… Даже бумаги на перехват иващенковской компании готовить. Три-пять дней, и ему конец!

На губах Аристарха расцвела мечтательно-хищная улыбка.

– Вот за что я люблю чаклунство! Ребенок вбивает гвоздик, а за десятки километров отсюда здоровенный дядька хватается за сердце и с копыт – брык! А потом в газетах: «После непродолжительной болезни, во цвете лет…» Чистая, интеллигентная смерть по совершенно естественным причинам! И ни одна зараза не догадается, что девчонка его просто-напросто убила!

Убила! Ирка схватилась рукой за горло. Старая половица тихонько скрипнула у нее под ногой.

– Что это? – Рада Сергеевна вскинула голову. Ирка зажала себе рот рукой. Глаза ведьмы светились, но не отблесками печного пламени. Болотные, цвета гнилой зелени огни танцевали в ее расширенных зрачках. Добродушная округлость черт исчезла, словно она смыла ее, как театральный грим, и из-под нарисованной маски проглянуло подлинное лицо – острое и безжалостное, как прижатый к горлу жертвы нож. Даже пухлые, всегда улыбчивые губы вдруг стали узкими, как две веревки. Крадущимися шагами Рада Сергеевна двинулась к коридорной двери.

Не смея оторвать глаз от изменившегося лица директрисы, Ирка шагнула назад. Потом опомнилась, хотела бежать… Заслоняя свет печи, полная фигура ведьмы появилась на пороге, кухонная дверь скрипнула, открываясь… Сейчас мертвенно-зеленый огонь ведьминых глаз упрется Ирке в лицо… «Нет, не смотри на меня, нет!» – мысленно закричала Ирка, но с ее сведенных страхом губ не сорвалось ни слова.

Рада выглянула в коридор. Прошлась взглядом вдоль стен, внимательно оглядела лестницу. Застывшая, одеревеневшая Ирка, не шевелясь, стояла прямо перед ней – протяни руку, дотронешься! Но директриса не протягивала руки, и ее взгляд раз за разом скользил мимо Ирки, будто та находилась в некой

запретной зоне.

– Показалось, – буркнула Рада Сергеевна. Повернулась и ушла обратно в кухню, тщательно притворив за собой дверь.

Ирка подавила истерический смешок. Рада хорошо учила ее и выучила! Теперь Ирка могла стать невидимой для глаз даже такой, как она, но более опытной и злобной. Ирка Хортица – суперведьма!

Супердура!

Цепляясь за перила, Ирка поковыляла к себе в комнату. Подошла к зеркалу и постаралась как можно точнее припомнить лицо Иващенко. Зеркало откликнулось сразу же – с каждым разом работать с ним становилось все проще. Явившееся в стекле лицо бизнесмена подпрыгивало, дергалось на абсолютно белом фоне. Потом оно отодвинулось вглубь, и Ирка поняла – Иващенко в машине! А белое под его головой – простыня больничной каталки! Иващенко везли в «Скорой помощи»! Вот его губы беззвучно шевельнулись, он попытался улыбнуться. Ирка увидела, как все та же молодая женщина наклонилась к нему, выдавила из себя ответную улыбку, но в глазах ее стояли слезы.

Ирка хлопнула по зеркалу обеими руками и рухнула на кровать лицом в подушку. Дура, господи, какая же она дура!

Как же красиво ее обошли! Сперва напугали как следует – белоглазые псы, старые ведьмы, конкуренция, охота на молодых и беспомощных… А она купилась, идиотка! Рада была единственной старой ведьмой, что охотилась за Иркой, и это Раду драл тогда кот! Радины голубые блузы, джинсы, халаты… и голубая шерсть клубка-душителя! Нет никаких старых ведьм, нет и никогда не было. Был только Иркин страх, заставлявший ее во всем слушаться своих спасителей, – Раду и Аристарха. Была надежда, которой они манили ее, словно ишака морковкой, – школа молодых ведьм и фирма по продаже заговоров. Ирка тихонько жалобно заскулила, понимая, что школы тоже никогда не было. Рада и Аристарх ее просто выдумали, уверенные, что начитавшаяся «Гарри Поттера» девчонка поверит им безоговорочно.

А на самого Иващенко как изящно вывели! Прямо великие актеры! Рада, значит, твердолобая училка, не признающая ничего нового, а Аристарх – практичный менеджер, защищающий перспективную ведьмочку! Как он морочил Ирке голову! То намекал на Радину зависть к Иркиным способностям, топил в сладком сиропе похвал, то вдруг начинал сомневаться и предлагал идти мириться с разгневанной директрисой. Всего лишь тренировка, всего лишь проверка Иркиных способностей, вроде школьной контрольной, и фотография Иващенко в стопке

старых журналов – будто случайно! А Ирка… Дура, ой дура! Ушами хлопала и ничего не замечала!

Только сейчас Ирка вспомнила мелкие несоответствия, которые должны были насторожить ее, – и не насторожили. Хотя бы этот вроде случайно, наскоро снятый дом – и заранее подготовленный старинный замок с огромной скважиной для сдаивания молока! А отсутствие телефона? Господи, как же она раньше не подумала! Если бы Рада и вправду защищала Ирку от ведьм, после обморока в гостинице она должна была оставить девочку у себя. Увезти, спрятать! А она специально выставила вон, да еще к портье велела подойти – чтоб все запомнили, как Ирка уходила из ее номера. Она специально заставила Ирку потерять сознание! Травками своими! Только зачем? Зачем им вообще понадобилось превращать Ирку в убийцу? Господи, она убийца! Она убила человека! Ирка почувствовала, как кислая волна тошноты подкатывает к горлу.

Она бросилась к окну. Потянула створку, впуская струю свежего, пахнущего майской ночью воздуха. И тут же замерла, насторожившись. Из сада доносились легкие шаги двух человек.

– Передохнем, – сказал голос Рады Сергеевны. – Мы там столько дров напихали, нескоро прогорит.

Сдвоенные шаги, удаляясь, двинулись к старой полуразрушенной беседке.

Ирка досадливо прикусила губу. Оттуда она точно ничего не услышит. Нужно рискнуть. Если двигаться беззвучно, ее не увидят. Ирка тихонько ступила на лестницу, так с утра и оставленную у окна.

Скользнув неслышной тенью, она замерла прямо за спиной у собеседников. И тут же чуть не выдала себя, потому что ей нестерпимо захотелось орать от ужаса.

С обычной властностью Рада Сергеевна скомандовала:

– От девчонки нужно избавиться. Сразу же.

– Радуся, тебе лунный свет головку не напек? – поинтересовался Аристарх, и в голосе его не было обычной веселой почтительности «всего лишь менеджера» перед настоящей ведьмой. – Так понравилось устроенное для девочки представление, что ты и впрямь решила – ты здесь главная, а я при тебе мальчик на поскакушках?

– На побегушках, – мягко поправила его Рада Сергеевна: – Ты не мальчик. Ты просто дурак. Нет, нет, не возражай, – тоном крайней любезности, словно только что отвесила ему невесть какой комплимент, сказала она вскинувшемуся Аристарху. – Когда я предложила отыскать молодую *ро́жденную* ведьму и втемную использовать ее для наших целей… Уже тогда я по

твоим забегавшим глазкам поняла, что ты затеял внести в план свои коррективы. Решил сменить партнершу, да? – ласково поинтересовалась Рада. – Ты хоть помнишь, кем до меня был? Прилавок твой дохлый с китайским гнильем? Моя ворожба сделала из тебя, мелочи, крутого бизнесмена!

– Кто старое помянет – тому глаз вон, радость моя Рада, – ухмыльнулся Аристарх. – Ты мне свою ворожбу в нос не тычь, получше тебя есть. Девочка – настоящая ро́жденная ведьма, а ты всего лишь жалкая *ро́бленная* подделка. Помрет твой учитель, куда Сила денется?

– Мой учитель не умрет, – мрачно ответила Рада.

– У самого черта училась? – хмыкнул Аристарх, но затаившая дыхание Ирка ясно расслышала в его издевке мгновенную нотку страха. – Не очень он тебя ценит, на Силу не расщедрился. Ну что ты можешь? Одному-двум клиентам мозги затуманить? Так если им сразу контракт не подсунуть, они потом быстренько в себя приходят! Даже конкурента убрать не в состоянии. Максимум от твоей ворожбы у Иващенко понос бы начался! А эта девочка – ого-го! Ты бы в жизни не додумалась, как к Иващенко подобраться! След на тряпку вынуть, в фольгу завернуть. Мозги закостенели, Радочка, пора на покой. – Аристарх зловеще хмыкнул. – А уж я на пару с девочкой развернусь. Таких дел наворочаю!

– Дел, значит, – кивнула Рада и равнодушно поинтересовалась: – И как ты рассчитываешь ее в свои делишки заманить? Она нормальный ребенок, с совестью.

– Па-адумаешь, – протянул менеджер небрежно. – Всего лишь девчонка. Шмотье увидела, зарозовелась вся. Мы с ней подружимся. Тряпки, игрушки, Диснейленд, а через год она будет смотреть на мир моими глазами. «Я освобожу ее от химеры совести!»[1] – с пафосом продекламировал Аристарх.

– Она станет выдаивать из твоих клиентов контракты, дарственные и завещания в твою пользу и приканчивать конкурентов направо и налево, – закончила Рада. – Только скажи мне, мой изобретательный друг, когда девочка разберется в делах и ты больше не будешь ей нужен, что помешает ей заставить *тебя* подписать дарственную на фирму и вбить гвоздь в *твой* след?

Аристарх молчал, отвернувшись.

– Думаешь, сможешь контролировать ее, с ее-то природной Силищей, которая тебе так нравится? – добила его Рада.

Аристарх продолжал молчать.

– Короче, – сказала Рада, поднимаясь. В голос ее вернулась привычная властность. – Утром девчонка сразу сообразит, что след остался в печи. Морочить ей голову дальше не удастся. Как ты сам подметил, она ро́жденная ведьма, хозяйка своему Слову. –

Рада усмехнулась. – Захочет – наложит заговор, захочет – возьмет обратно. Так что возвращаемся к первоначальному плану. В заброшенный подвал все-таки поедет она, а не я.

– Она не должна умереть раньше Иващенко, – глухо сказал Аристарх. – Вдруг заговор падет.

– Оставишь ей воды, – безапелляционно отрезала Рада. – Пять дней девчонка продержится, а больше Иващенко не протянет. Она и впрямь сильная ведьма, Ирка Хортица. Жаль, такой талант, и погибнет во цвете лет.

Аристарх поднялся. Мгновенное крушение блистательных надежд словно придавило его к земле.

– Пойду машину подгоню, – буркнул он и зашаркал прочь из беседки.

Глава 16. Беги, ведьма, беги

Ирка тяжело перевела дух. Ну что ж, хоть в одном сладкая парочка не соврала. Она – действительно сильная ведьма. Спасибо уважаемой Раде Сергеевне за уроки, за подсказку. Только вы уж извините, Ирка Хортица не даст заморить себя голодом в каком-то подвале!

У входа в беседку Ирка на минуту задержалась. Присела на корточки… Потом быстрым неслышным шагом двинулась к дому. Вихрем взлетела по приставной лестнице, выскочила в коридор и на мгновение заглянула в пустующую Радину спальню. Нужная вещь нашлась сразу же, на столике у зеркала. Ирка спустилась на первый этаж. Замялась, поглядывая то на выход, то на дверь кухни, и наконец решительно направилась к печке.

– Я же обещала, что с мужиком ничего плохого не случится, – тихонько шепнула Ирка.

Наскоро обмотав руки тряпками, выволокла горячий сверток фольги. Обжигая пальцы и сдавленно ругаясь, развернула. В саду заурчал двигатель «Мерседеса».

– Надо поторапливаться, – сказала себе Ирка, свертывая фольгу.

– Да поздно уже, – ответил ей насмешливый Радин голос. – Я предупреждала, принципы тебя погубят.

Рада стояла у коридорных дверей, и на лице ее отражалось что-то вроде насмешливого сострадания.

– Оставила бы Иващенко нам, может, и успела бы сбежать. Что он тебе, родственник? Любимый дядя?

Ирка не стала вступать с Радой в спор. Со всех ног она метнулась к двери в сад… чтобы с размаху влететь прямо в руки бритоголового лжеменеджера. В одну секунду он намертво вцепился в ее плечи. Лязгнул металл, и Ирка с ужасом увидела, что на ее запястьях сомкнулись самые настоящие наручники.

– Единственное, что меня с вами, ведьмами, примиряет, – сообщил Аристарх Теодорович, взваливая брыкающуюся Ирку на плечо, – так это то, что вы гадить только на расстоянии способны. Как в руки попадетесь – все, хана птичке! – Словно куль, он свалил Ирку на заднее сиденье «Мерседеса». – А против хладного железа вы вообще – пшик! – Он презрительно щелкнул пальцами перед носом беспомощной Ирки. – Пока на тебе эти штучки, – Аристарх подергал цепочку наручников, – ничего из твоей ворожбы не выйдет! – Он захлопнул дверцу.

– Прощай, Ирина, больше не встретимся, – донесся до Ирки приглушенный стеклом голос Рады. Горделивый от сознания

своей силы Аристарх уселся за руль. Машина тронулась.

Ирку начал разбирать хохот.

Аристарх подозрительно оглянулся на нее:

– Истерика? Не поможет. Можешь смеяться, можешь плакать, в живых я тебя не оставлю, не надейся, – заявил он, выруливая на улицу. Голос его наполнился обидой. – Мы б с тобой могли, конечно, договориться, если б у вашего ведьминского племени была хоть капля совести! Хоть вот такая! – И Аристарх отмерил на кончике пальца, какая капля совести должна быть у Ирки.

Девчонка буквально взвыла от смеха. Нет, он еще о совести рассуждает!

– Смейся, смейся, – обиженно пробурчал Аристарх. – Недолго осталось. – Он прибавил скорость и погнал по дороге, время от времени настороженно поглядывая на Ирку в зеркальце заднего вида. «Мерседес» мчался в сторону города.

Стараясь подавить смех, Ирка сдавленно хрюкнула. Действительно, как-то нехорошо получается. Менеджер на нее и без того обиделся, а сейчас она еще больше его обидит, причем самым подлым образом – пользуясь наукой Рады Сергеевны.

Только сейчас Ирка поняла, что все их уроки были нацелены на одно: дать Ирке возможность подобраться к бедняге Иващенко. Поэтому первое, чему научила ее Рада, – вскрывать замки. Сила железа может удержать ведьму, но не удержит ведьмину кровь!

– Ключи дистану з моря-окияну, на тридевять замков – тридесять ключей, кровь ведьмача потэче – хлад-железо попэче…

Опасливо косясь на Аристарха, Ирка огляделась. Теперь самое сложное. Сто раз она видела в кино: герой, обжигая руки, палит на факеле связывающие его путы или, зажав нож зубами, режет веревки с клочьями собственной кожи. Но сделать это самой! И главное, ни ножика, ни даже булавки! В растерянности Ирка неловко царапнула запястье зубами. Кольнуло болью, на коже проступил едва заметный белый след.

Да что она за слабачка такая! Изо всей силы прикусив губу, Ирка собралась с духом…

Автомобиль вскинуло на колдобине. Резким толчком Ирку подбросило на сиденье. И ее собственные зубы глубоко вонзились в губу. Ирка коротко мыкнула от неожиданной боли, мотнула головой…

Алая капля крови упала на защелку наручников. Из-под нее тончайшей рыжей струйкой потекла ржавая пыль.

Ирка провела наручниками по прокушенной губе. Ждать пришлось недолго. Бессильно крошась хлопьями ржавой окалины, наручники распались точно по кровавой полосе.

«Мерседес» въехал в город и покатил между окраинными

многоэтажками. Ирка вновь поглядела на Аристарха. Сейчас его внимание ни к чему. Он не должен смотреть на заднее сиденье! Менеджер с преувеличенным вниманием уставился на темное полотно дороги. Ему не было дела до Ирки, вытащившей из кармана яркую пластиковую баночку.

Ирка отвернула крышку… и чуть не застонала. Вот почему Рада так небрежно оставила баночку на туалетном столике. Она была пуста! Полетной мази не было!

Ирка в отчаянии откинулась на сиденье. Аристарх, не останавливаясь, гнал машину. Где бы он ни был, этот подвал, в котором решено уморить Ирку, вскоре они доберутся туда, и ей уже не спастись! В тесном пространстве машины никакая ворожба не поможет против здоровенного дядьки. Она должна рискнуть.

Ирка подергала дверцу. Не открывается. Тогда она ткнула пальцем в кнопку. Боковое стекло опустилось. Ирка поскребла пальцем внутри пластиковой баночки. Хоть что-то должно было остаться на донышке. Она потерла запястья. Ей показалось, что она ощущает на коже нечто невесомое, мгновенно исчезающее.

В ту же секунду, не давая себе времени испугаться, Ирка ринулась в открытое окно машины.

Ее сильно ударило по ногам, перевернуло, завертело – голова, ноги, голова… Размытым калейдоскопом перед глазами замелькали дорога, деревья, луна… И вдруг все прекратилось.

Ирка судорожно глотнула, давя накатившую тошноту. Перед ней, таинственно белая на фоне ночного неба, покачивалась ветка цветущей акации. Ирка висела у обочины дороги – и в десяти метрах над ней. А над головой медленно, завораживающе парил диск полной луны.

Девочка вскинула голову и почувствовала, что всплывает вверх, навстречу властному зову лунного света. Ей хотелось взмыть в воздух и мчаться все выше, выше…

Под ногами разверзлась пропасть, и она стремительно рухнула вниз. Автоматически вскинув руки, уцепилась за ветку. Мышцы рванило болью: Ирка повисла, покачиваясь в серебристом облаке сбитых цветов акации.

Гудящими от боли пальцами перехватывая ветку, она добралась до ствола. Прижалась к шершавой коре, судорожно переводя дух.

– Во дура-то, ну дура! Полетать ей захотелось! – прошипела Ирка, дуя на исцарапанные ладони. Теперь-то ведьминой крови у нее было предостаточно.

Она внимательно прислушалась. Гул машины стихал, медленно удаляясь. Мелькнула надежда, что замороченный Аристарх так и не заметит Иркиного отсутствия. Но тут вдалеке

послышался визг тормозов. Заговор истощился, бритоголовый засек исчезновение своей пленницы. Машина снова заворчала, разворачиваясь, но Ирка, отчаянно цепляясь за ветки, уже неслась вниз. Видела бы ее сейчас физкультурница, а то вечно: «Хортица, ленишься, Хортица, ленишься!» Поленишься тут, когда погоня наступает на пятки!

Кулем свалившись к подножию дерева, Ирка в два прыжка пересекла трассу. Длинные световые конусы упали на дорогу. Свет фар лизнул темный асфальт и уперся в широкое белое пятно сбитых Иркой лепестков. Переметнулся на акацию, насквозь просвечивая сплетение ветвей. Аристарх искал Ирку.

Девочка отступила в густую темноту у стен многоэтажки. С тоской поглядела на редкие светящиеся квадраты окон. Люди, там, за стеклом, и не подозревают, как им хорошо!

Аристарх уже успел сообразить, что на дереве Ирки нет. Теперь световые лучи метались, разыскивая следы беглянки. Медленно, стараясь не делать резких движений, девчонка двинулась вдоль дома. Главное – спокойствие. Аристарху ее ни за что не найти. Она и при свете дня ему глаза отводила, а уж сейчас, в темноте – запросто. Хотя на лунный свет лучше не выходить. Ирка глянула на круглый светящийся диск и остолбенела.

На ярком фоне луны виднелся летящий женский силуэт! Женщина неслась, со свистом рассекая воздух, и встречный ветер дыбом поднимал ее недлинные волосы и трепал прутья зажатого между ног веника.

Веник завис над «Мерседесом», и Ирка с ужасом узнала в летунье Раду Сергеевну. Перехватывая полными ногами, лжедиректриса неловко ерзала на ручке веника. Потрескивающие прутья прогибались под ее тяжестью.

Из окошка высунулась растерянная физиономия Аристарха.

– Упустил?! – едко вопросила Рада.

Аристарх смущенно кивнул.

– Я так и знала! Ничего поручить нельзя! Тупица, бездарь! – Изрыгающая проклятья Рада взмахнула руками. Неустойчивый веник кувыркнулся в воздухе, и директриса повисла вниз головой, подметая асфальт встрепанными волосами. Отчаянно ругаясь, Рада перевернулась обратно.

– Чтоб в доме приличной метлы не было! Одни коровы… и идиоты, – добавила Рада, мрачно глядя на Аристарха. – Я поищу вдоль дороги! А ты – давай же, выпускай своих псов! Девчонка не могла далеко уйти! – вздернув ручку веника к небесам, Рада взмыла в воздух.

Ирка проводила ее взглядом. Хлопнула дверца «Мерседеса».

Ирка невольно обернулась к дороге. Повеселевший Аристарх открывал багажник. В неверном свете редких фонарей Ирке показалось, что на дне лежат две собачьи тушки – такими они были неподвижными и плоскими, словно из них выпустили весь воздух. Но тут восемь лап разом дернулись. Единым слитным прыжком они метнулись из багажника – кудлатый и тонконогий. Слепые псы.

– Эй, девчонка! – торжествующе вскричал Аристарх. – Я знаю, ты где-то здесь! Ты меня слышишь! Думаешь, кто они? – Аристарх ткнул пальцем в псов. – Перекинувшиеся ведьмы? Ха-ха, как бы не так! Это псы-ярчуки! Охотники на ведьм! Куда бы ты ни скрылась, они найдут тебя! Так что беги, ведьма, беги!

Ирка побежала.

Глава 17. Битва при гаражах

– Взять ведьму!

Мягкие лапы дружно ударили в асфальт – псы понеслись.

– Стой, куда?! Да не туда, черт! – тут же завопил Аристарх. – Кретинские твари!

Ирка обернулась на бегу.

Дружно задрав кверху морды и втягивая в себя воздух, ярчуки мчались прочь – по следу улетевшей Рады. За ними, спотыкаясь, бежал менеджер.

Ирка припустила быстрее. Там, где Рада взмыла ввысь, псы потеряют след, и Аристарх сможет повернуть их в погоню за Иркой. Но пара минут форы у нее все же есть. Хотя как воспользоваться ею, Ирка не представляла. Этот район она почти не знала. В правильных столбах многоэтажек не было укрытия: дома, продуваемый ветрами дворик, металлические гаражи, длинная лента дороги. Ирка бежала прочь, без цели и смысла, просто желая оказаться как можно дальше от Аристарха и его ярчуков.

Но далеко уйти ей не удалось. Четырехлапый бег слышался все ближе, ближе. Пес уже дышал Ирке в спину, острый собачий запах ударил ей в ноздри. Взвизгнув, Ирка метнулась в сторону.

Длинная тень пронеслась мимо. Придушенно тявкнув, промахнувшийся тонконогий покатился по земле, но тут же вскочил, всклубив пыль, развернулся к своей жертве. Навстречу Ирке выплеснулся рык-шипение, но теперь в нем было несомненное торжество. Бельмастые глаза ярчука светились во тьме, и волны белесого тумана плотно окутывали девчонку, пакуя ее в удушливый кокон.

Ярчук не торопился. Он намного обогнал своего коротколапого собрата и теперь наслаждался – она была в его полной власти, застывшая от ужаса девчонка. Ведьма. Добыча.

Туман уже клубился на уровне Иркиных плеч. Она попыталась сделать шаг – и не смогла, взмахнуть рукой – но рука не двигалась. Ирка закричала. В ответ пес рассерженно гавкнул – Иркино поведение ему не нравилось. Белесый туман всплыл вверх, плотно запечатывая Ирке рот. С издевательской неторопливостью ярчук зевнул. Ирка отчаянно дернулась. Его пасть не походила на обычную собачью, скорее на акулью! Пес глянул на свою беспомощную жертву – Ирка была уверена, что в затянутых бельмами глазах прячется жестокая усмешка, – и двинулся к ней.

Спасения не было, разве что немедленно случится чудо! «А с

ведьмами чудеса случаются?» – отстраненно подумала Ирка, сжимаясь в предчувствии острых клыков, вонзающихся в ее тело.

– Мя-я-а! – трехцветное Иркино чудо прыгнуло на ярчука, всадило когти в песью морду и принялось кроить его на лапшу.

Ирку изо всех сил дернули за руку. Опутавший ее липкий туманный кокон распался надвое и сгинул безвредными белесыми смерчиками.

– Не стой как неживая, а то и правда неживой станешь! – орала Танька, волоча ошеломленную Ирку за собой, прочь от кошачье-собачьего побоища.

Далеко им уйти не удалось. Часто-мелко перебирая коротенькими лапками, на место боя притрусил кудлатый. Он был забавен, маленький мохнатый песик, он был даже мил. Такому бы сопеть в уголке дивана, уютно привалившись к хозяйскому боку, поднять умильную мордочку… Пес вскинул морду, и его здоровенная, будто чемодан, челюсть глухо клацнула. Не обращая внимания на бьющегося с котом собрата, кудлатый ярчук двинулся к Ирке. Туманные черви, мерзко перетекая по асфальту, поползли навстречу.

Ирка бросилась в сторону, успев крикнуть:

– Танька, беги! Откуда ты здесь взялась?

– А сама? – воинственно, но не совсем понятно возразила Танька. – И вообще, не вопрос, откуда взялись, вопрос, как выбираться будем, – продолжая философствовать, Танька сделала шаг и неожиданно оказалась между кудлатым и Иркой, прикрывая подругу собой.

– Ты что делаешь, дура? – Испуганная Ирка кинулась вперед – между Танькой и кудлатым.

– Спокойно, меня он не тронет, – заявила Танька без большой, впрочем, уверенности и, аккуратно обежав Ирку, снова встала между ней и псом. Несколько удивленный таким оборотом кудлатый вопросительно склонил голову набок.

– Я не понял, это игра такая: кто быстрее запрыгнет собачке в пасть? – поинтересовался ехидный мальчишеский голос. – А ну отвалите обе: я тут главный по переду, все остальные по заду. – Знакомая фигура Богдана вклинилась между Танькой и кудлатым. В руке мальчишка, как всегда, держал длинный меч.

Таньку его появление нисколько не обрадовало.

– Слушай, откуда этот толкиенутый взялся? – возмущенно спросила она у Ирки.

– А сама? – передразнила Ирка.

Но тут зверю надоели их препирательства. Возмущенно рыкнув в адрес глупых детишек, превращающих в балаган святое дело съедения ведьмы, кудлатый ярчук потянул носом воздух и

принялся обходить Богдана и Таньку, вновь подбираясь к Ирке.

Длинный меч плашмя обрушился ярчуку поперек морды. Сдавленно тявкнув, пес отлетел прочь.

– Сдавайся, Саруманово отродье! – гаркнул Богдан, прыгая следом. Мгновенно вскочивший кудлатый ринулся навстречу, но бросился не на Богдана. Ярчук спешил к прежней цели – к Ирке.

И был остановлен прямым тычком меча.

– Ой! – коротко и как-то не по-боевому выдохнула Танька, ожидая увидеть собаку нанизанной на блестящее острие. Но пес просто отлетел в сторону. Поднялся, оглушенно мотая башкой.

– У него что, меч тупой?

– Конечно, – удивилась Ирка. – А ты как думала?

Ярчук снова атаковал, и снова целью его была Ирка. Закрутив мечом мастерскую мельницу, Богдан отшвырнул его прочь – на сражающегося с котом тонконогого. Звери покатились по земле, все трое.

– Он что, и вправду мечом драться умеет? – снова изумилась Танька.

– Конечно. А ты как думала? – пожала плечами Ирка и крикнула: – Богдан, похоже, они тебя вообще не видят! Только меня!

– Не вижу солнца я и не читаю сказки, зато я нюхаю и слышу хорошо! – проорав кусочек из садистского стишка, Богдан бросился к дерущимся зверям и скомандовал: – Кот – в сторону!

И кот послушался! Лихим прыжком вымахнув из свалки, он метнулся к Ирке и буквально взлетел ей на плечо. Девчонка пошатнулась под неожиданной тяжестью. Невольно ухватившись рукой за пушистую кошачью шерсть – то ли чтоб самой не упасть, то ли чтоб зверя удержать, – Ирка стояла, не в силах отвести глаз от происходящего сражения. Богдан гонял псов.

Изо всех своих немалых сил они прорывались к ведьме. Одного не могли взять в толк глупые ярчуки – Богдан с этой ведьмой дружил с детского сада.

Пес прыгал. Натыкался на хлесткий удар меча. Скуля, отлетал прочь, упрямо поднимаясь, чтоб снова упасть. Они пытались обойти мальчишку с флангов. Меч сверкал дважды – вправо, влево, – и все заканчивалось как всегда. Избитые псы уже едва шевелили лапами, но вид живой ведьмы был для них невыносим – они лезли снова.

– Вот заразы упорные! – пропустив мимо себя хромающего кудлатого, Богдан ухватил его за шкирку. Пес попытался тяпнуть обидчика, но в очередной раз схлопотав рукоятью меча по зубам, покорно затих.

– Так, где второй? Куда прешь, кошмарик?

На подгибающихся лапах тонконогий ковылял все туда же – к Ирке. Наскоро сунув меч под мышку, Богдан уцепил за шкирку и тонконогого. Лапы пса подломились, и он повис.

– Тяжеленный какой! – Крикнув: «Ирка, стой там, ты на них плохо действуешь», – Богдан потащил ярчуков к ближайшему переулку. Кудлатый мохнатой тряпочкой болтался у него в кулаке, лапы тонконогого волочились по асфальту.

– Я вас тягать не нанимался, – пропыхтел Богдан, сгружая обоих на землю. – Направление строго подальше! – скомандовал он, разворачивая обессилевших псов мордами к трассе. – Даю ускорение! – и лихо вмазал мечом ярчукам по задам.

Псы завизжали и, отчаянно перебирая лапами, побежали, хромая, прочь.

Легкомысленно-героически забросив меч на плечо, Богдан вернулся к девчонкам:

– Не знаю, как они тебя видят, но как видеть перестают, вроде нормальные собаки. Только без глазок. А вообще, конечно, песики – чистая жуть. Ты где их взяла?

– Хозяин натравил, – мрачно буркнула Ирка. – Сейчас ты с ним познакомишься.

Издалека слышалось тяжелое буханье ботинок и переливчатый призывный свист – лжеменеджер искал своих помощников.

– Это Саурон или Волан-де-Морт какой? – совершенно серьезно поинтересовался Богдан.

– Хуже, – ответила Ирка. – Это Аристарх. Сматываемся! – И все четверо, включая кота, понеслись прочь.

Глава 18. Возвращение ведьмы

Они бежали по темным улицам. Ирка время от времени озабоченно поглядывала в небо.

– Главное, директрисе не попасться, – пояснила она в ответ на Танькин удивленный взгляд. – Она где-то там носится. – Ирка ткнула пальцем в небеса.

– Директриса-ангел, – прокомментировал Богдан. – Что-то новенькое.

– Она не ангел, она ведьма на метле, то есть на венике, – покачала головой Ирка.

– Это уже понятнее, – согласился Богдан.

– Ребята, вы, может, не захотите со мной дружить, – решительно заявила Ирка, останавливаясь, – но я все равно должна сказать. Я – тоже.

– Тоже ведьма? – уточнил Богдан.

Ирка кивнула.

– Понятно. Что стоим, побежали, – скомандовал он, припуская дальше.

– Вы что, даже не удивляетесь? – Ирка почувствовала себя несколько обиженной. Сообщаешь людям такие потрясающие вещи, а они и ухом не ведут!

– Чего удивляться? – пожал плечами Богдан. – Вон сколько про всякое колдовство написано, и фильмы есть классные. Я всегда знал, что это не может быть только выдумкой.

– А я по коту поняла, – тихо добавила Танька. – Он у тебя очень… – Она замялась, подбирая слово. – Выразительный.

– У меня? – Ирка поглядела на победный хвост бегущего впереди кота. – Выходит, ты и вправду – мой кот? Ты меня искал?

– Еще как, – энергично кивнула Танька. – Помнишь, мы с тобой разговаривали, ну, перед тем как ты пропала? Я на следующий день ждала-ждала, ты не идешь, я сама к тебе пошла. Спускаюсь, плачет кто-то – тихо-тихо, но так, знаешь, ну невозможно просто! – Танька тряхнула головой, не в силах рассказать, какой это был жалобный плач. – Смотрю, а этот, – она кивнула на кота, – по улице ползет! Лапы не слушаются, падает, но ползет – и плачет! Не просто мяучит, а слезы льет, самые настоящие!

Кот укоризненно оглянулся на Таньку: похоже, он считал, что о моменте его кошачьей слабости она могла бы и умолчать.

– И там вокруг было так странно…

– Офигеть просто, – перебил Таньку Богдан. – Я над следами полдня просидел – чуть крышей не отъехал. Твоих кроссовок

отпечатки, этого лапы. – Он тоже кивнул на кота. – Потом собачьи, и шерсти клочки – синей. Для вязания. И все это между собой дралось! Включая шерсть.

– Я только не поняла, почему «чуть не отъехал»? – язвительно прищурившись, поинтересовалась Танька. – По-моему, ты уже давно… И вообще, что ты там делал?

– Ирку искал, – не обращая внимания на подколку, ответил Богдан. – Я и вас с котом видел, как вы по окрестностям лазили. Только не понял, что вы тоже ищете.

– Да я за этим животным целыми днями таскалась, меня за прогулы наша классная скоро изничтожит! – снова возмутилась Танька. – Я его когда нашла, вспомнила, что ты про здоровенного кота спрашивала. Притащила домой – у меня родители к животинам спокойно относятся. Он почти неделю пластом лежал, а потом носиться начал. Я сразу подумала – тебя ищет. И я с ним, если услежу, конечно. Пришлось круглосуточное наблюдение установить, не высыпаюсь из-за него хронически. Недавно он вроде понял, где тебя искать, летел со всех лап – и в дырку в заборе шасть! И в голове нет, что я за ним не пролезу!

– Есть надо меньше, – с довольной улыбкой сообщил ей Богдан. Сквитался.

Танька одарила его недобрым взглядом и высокомерно отвернулась к Ирке:

– В тот раз вернулся опять весь подранный, как будто его жевали!

Может, и жевали. Ирке мгновенно вспомнилась темная тень, выметнувшаяся на Раду, драка за забором и бешеное рычание псов. Тогда Ирка думала, что Рада Сергеевна бьется за ее жизнь со старыми ведьмами. Что ж, в чем-то она была права – за ее жизнь действительно дрались.

– Отлежался, смотрю, опять намыливается. Я за ним! Только в этот раз он вроде не против был, что я с ним иду, даже помогал мне.

– Ага, – кивнул Богдан. – Сижу я у нас в саду на дереве – к предкам гости заявились, скучища смертная, – пояснил Богдан Ирке. – Смотрю, твоя подружка через забор лезет. Ну, не столько сама лезет, сколько кот ее тащит. Прям как мышь. Форсировали они это непреодолимое препятствие и дернули по проспекту. Я крикнул, что спать иду, а сам тоже через забор – и за ними!

– Тебя кто-то приглашал? – гневно вопросила Танька.

– Как вы без меня с песиками бы справились? – вопросом на вопрос ответил Богдан. – Нет, если б ты у них на глазах через забор полезла, может, они бы от хохота сдохли…

– Они только ведьм видят, – прервала его Ирка. Ей было

стыдно и хотелось плакать. Друзья искали ее, рисковали жизнью, чтобы защитить, а она за последнюю неделю о них даже не думала! О чем угодно думала: о школе ведьм, которой никогда не было, о Раде и Аристархе, которые превратили ее в орудие убийства, о маме… Которой она была не нужна. А о тех, кто и вправду любил ее, – нет. Ни разу.

– Я только не поняла, чего вы меня разыскивали. Рада с Аристархом сказали ж бабке, что я в школу уехала, – пряча мокрые глаза, пробубнила Ирка.

– Какая Рада? – удивилась Танька.

– Какая школа? – добавил Богдан. – Ты пропала, и все! Утром бабка тебя не нашла, весь день по соседям бегала, а к вечеру начала кричать, что тебя похитили. Ментов вызвала.

– Они ей, правда, не поверили, – добавила Танька. – Сказали, ты сама сбежала.

– Погодите-погодите, – растерянно забормотала Ирка. – Значит… – Ее мысли лихорадочно заметались. Господи, ну сколько же можно! Сколько раз Аристарх и Рада обманывали ее, а она им до сих пор верит как дура! Да она и есть дура! Конечно же, они не стали бабке ничего говорить! Зачем им нужно, чтобы Иркино исчезновение хоть как-то было с ними связано?

– Бабка же волнуется! – вскричала Ирка.

– С ума сходит, – подтвердила Танька, с сочувствием поглядывая на подругу.

Ирка заметалась:

– Домой! Быстрее!

– А может, не стоит домой? – опасливо поинтересовалась Танька. – Эти Рада и Аристарх – они твой адрес знают?

– Плевать, – решительно заявила Ирка. – Мне к бабке надо. – И она снова перешла на бег.

– Да подожди ты! – взмолилась запыхавшаяся Танька. – Мы так до завтра бежать будем. У меня мобилка есть, я такси вызову!

– А деньги?

– Тоже. – Танька похлопала себя по карману джинсов и принялась набивать номер.

– Вот интересно, за каким чертом мы тогда все это время пешком телепались? – в пространство спросил Богдан. – Слушай, Ирка, я, конечно, понимаю, что ведьма – это диагноз. Но может, пока такси ждем, ты нам в подробностях объяснишь, где тебя полторы недели носило?

Ирка тяжело вздохнула:

– Ты понимаешь, все началось с моих трех языков…

Иркин рассказ продолжался и в машине. Пока старенькое такси катило по темным улицам, а потом по раздолбанной дороге

пробиралось в балку к Иркиному дому, она рассказала друзьям о Раде и Аристархе, доказывавших ей, что она ведьма, и использовавших ее способности для убийства.

– Раз ты тот след из печки вынула, мужик должен выздороветь, – подумав, решила Танька.

Ирка неопределенно повела плечом: она тоже на это надеялась, но уверенности не было.

Такси подкатило к старой калитке Иркиного дома. Светало. Ирка выбралась из машины и остановилась, держась за такую знакомую, привычную перекладину забора. Неужели она дома? Танька задержалась, рассчитываясь с таксистом.

– Эй, девочка, – окликнул Ирку молодой парень-водитель, – а как фильм-то называется?

– Какой фильм? – удивленно переспросила Ирка.

– Ну ты в машине пересказывала. Классный такой! Только непонятно, чем кончилось.

– Это книжка. «Ирка Хортица – суперведьма!», ищите на прилавках. А кончится все хорошо. Обязательно, – отрезала Танька, беря Ирку за руку. Та, не отрываясь, смотрела на дверь собственного дома. Из дверей медленной шаркающей походкой выбрела сгорбленная сухонькая старушка. Совершенно седая. Совершенно непохожая на Иркину крепкую, горластую бабку.

– Это… кто? – с запинкой спросила Ирка.

– Ну так… Сама знаешь, – неуверенно ответил Богдан.

– Как ты пропала, так она и… вот, – добавила Танька.

– Бабка? – неверяще переспросила Ирка. – Бабушка! – Она толкнула калитку и побежала через двор, к старушке.

Та обернулась. Выцветшие глаза сощурились, вглядываясь в бегущую девчонку, и вдруг вспыхнули невероятной, сумасшедшей радостью.

– Яринка! – закричала бабка, и тут Ирка налетела на нее и повисла на шее.

Старческие руки прошлись Ирке по лицу, ощупали плечи, словно старая женщина пыталась убедиться, что внучка действительно здесь и это не сон.

– Яриночка моя! – слезы хлынули у бабки из глаз. На мгновение она отстранила Ирку от себя и заорала: – Ты где шлялась, бисова дытына, я чуть с ума не зъихала! – и тут же с силой прижала внучку к груди. – Живая! Господи, спасибо тебе, живая!

Тихонько подошедшая Танька шепнула Ирке в ухо:

– Мы через пару часов зайдем. Ты смотри, не расслабляйся. Рада с Аристархом о тебе не забудут.

Глава 19. Ирка и фан-клуб колдовства

Явились они не через пару часов, а гораздо позже, в середине дня. К тому времени бабка успела до отвала накормить не только Ирку, но и кота. К Иркиному удивлению, появление в доме зверя бабка восприняла спокойно. Видно, согласна была на кого угодно, хоть на рыб пираний, лишь бы вместе с Иркой.

Пошатывающаяся от усталости девчонка поднялась в свою комнату и снова чуть не разревелась: таким все показалось милым и родным. Она плюхнулась в старую, привычную кровать и потянулась – кайф! И тут же кровать просела под взметнувшимся на нее тяжелым телом. Ирка приоткрыла слипающиеся глаза. Трехцветный кот месил лапами, старательно устраиваясь у хозяйки под боком.

– Не знаю, откуда ты взялся, но жаркий ты – кошмар! – пробормотала Ирка, отодвигаясь по постели. Кот приоткрыл один глаз, укоризненно поглядел на девчонку и тут же снова перебрался к ней под бок.

– ПриКОТился, – хмыкнула Ирка. – Ушами не щекочись, – и провалилась в сон.

Разбудили ее громкие голоса. Ирка потянулась, глянула в окно – солнце перевалило далеко за полдень и грело не по-майски. У калитки бабка во все горло кричала:

– Та тише вы! Спит вона!

– Не сплю! – крикнула Ирка и, натянув джинсы, выскочила в сад.

Решительная Танька вломилась в калитку. За ней проскользнул Богдан. Сама не зная почему, но Ирка была твердо уверена: все это время пацан никуда не уходил. Сидел поблизости, на каком-нибудь дереве, охранял ее. А вот Танька уходила и очень даже, о чем немедленно и оповестила:

– Пока ты тут дрыхнешь, я где только не была!

– Ну и где? – поинтересовалась Ирка.

Втроем они уселись на старую скамейку под яблоней. Танька стряхнула с плеча сумку и вытащила из нее здоровенную записную книжку.

– В Интернете была, в библиотеку смоталась. Про этих самых наднепрянских ведьм, оказывается, столько написано! – Танька принялась листать свой блокнот. – Я и половины просмотреть не успела, но одно скажу тебе четко – Рада Сергеевна тебя в покое не оставит. Она и вправду завидует! Ро́бленные ведьмы всегда завидовали ро́жденным.

– Чё-то я этой фигни не понял – ро́бленные ведьмы,

ро́жденные… – перебил ее Богдан.

– А что ты вообще, кроме эльфов с гномами, понимаешь? – Голос Таньки наполнился непередаваемым презрением. – Другие книжки хоть изредка читать надо. – И, обращаясь к одной Ирке, принялась объяснять: – Я тут вычитала: можно быть ведьмой от рождения, как ты. Такие ведьмы – самые сильные и вовсе не обязательно злые. Как сами захотят: могут зло делать, а могут и добро. А бывают еще ведьмы ро́бленные, сделанные. Любой человек может пойти в ученики к настоящей ведьме или колдуну – их тут чаклунами называют. Такая ученица природных колдунов тоже становится ведьмой, но всегда злой. Умеют они меньше, и, если колдовство сделали – заговор наложили – ро́жденная ведьма может его обратно взять, а ро́бленная – нет. Тут сказано. – Танька нашла в блокноте нужную запись: – «Ро́жденные ведьмы могут больше, а зла творят меньше».

– Аристарх тоже что-то такое говорил, насчет ро́жденных и ро́бленных, – задумчиво добавила Ирка. – Еще спрашивал у Рады, куда ее Сила денется, если ее учитель помрет.

Танька замерла, озаренная догадкой.

– В книжках ничего не сказано, но знаешь, что я думаю? – сказала она. – Природные ведьмы свободны, потому что их Сила принадлежит им самим. А сделанные ведьмы пользуются чужой Силой – им учитель дает, без его Силы они ничего не могут. Они у Силы как в рабстве, должны действовать только по правилам!

– И никакой самодеятельности… – тихо повторила Ирка любимую фразу Рады Сергеевны.

– Теперь что касается нашей ро́бленной ведьмы Рады Сергеевны и ее подручного Аристарха, – деловито продолжала Танька. – Я влезла к отцу в компьютер, у него база данных чуть ли не по всем бизнесменам города…

– Ты что, крутая хакерша? – поинтересовался Богдан.

– Нет, у него просто пароль – «Таня». – Танька покраснела, а Ирка ощутила мгновенный укол зависти. У Таньки отец даже компьютер на ее имя запирает, а у Ирки… Ну и ладно, зато сама Танька – Иркин лучший друг.

– Я знаю, в чужую базу данных лазить нехорошо, – торопливо сказала Танька, – но я ведь для дела!

– Так что ты выяснила?

– Сначала ничего. Нет никакого Аристарха Теодоровича! Я уже бросить хотела, а потом решила с другого конца зайти. – Танька явно была довольна своей сообразительностью. – Ввела имя их жертвы – Иващенко. И тут же выяснила: совсем недавно у Иващенко появился конкурент, об этом даже в бизнес-газетах писали. И фотография есть. – Танька вытащила из блокнота

компьютерную распечатку. – Он?

Компьютерная распечатка с газетной фотографии оказалась прегадостной, но не узнать бритый череп Аристарха было просто невозможно. Ирка кивнула.

– Никакой он не Аристарх Теодорович, – с торжеством сообщила Танька. – Самый обыкновенный Александр Федорович, – она на мгновение задумалась. – Хотя тоже круто, совсем как Керенский[2].

– Кто такой Керенский? – лениво спросил Богдан.

Танька одарила его очередным презрительным взглядом и едко процедила:

– Владыка Мордора. До Саурона.

– Фигня, – с явным удовольствием сообщил Богдан. – До Саурона Темным Властелином был Моргот. – И, точно копируя Танькину манеру, выдал: – Книжки читать надо!

– Хватит вам цапаться! – рявкнула Ирка. – Делать нечего? Давай, Танька, что этот Александр-Аристарх собой представляет?

– Круглый дурак, – заявила Танька, почему-то поглядев на Богдана. – У него была мелкая фирмишка, купи-продайка, доходов никаких. Потом неожиданно стал крутеть, причем очень странным образом. Товар ему начали продавать за копейки, а у него покупать за совершенно безумные деньги! Двое бизнесменов вдруг взяли и подарили ему свои компании. А когда родственники попытались вмешаться, с ними стали происходить всякие несчастья. Не смертельные, но неприятные.

– Рада Сергеевна, – твердо сказал Ирка. – Ее работа.

– Безусловно, – согласилась Танька. – Только с Иващенко у сладкой парочки прокол вышел. Они его попытались из бизнеса вышибить, но он мужик крепкий оказался. Документов никаких не подписал, на неприятности наплевал и так повернул, что уже сам Александр, Аристарх в смысле, теперь на грани полного разорения.

– Слушай, пусть он Аристархом и остается, а то запутаемся, – попросила Ирка.

– Пусть, – немедленно согласилась Танька. – Такие, как он, лучшего не заслуживают. Иващенко с него вот-вот последние штаны снимет. Если, конечно, жив будет. – Танька на мгновение задумалась. – С точки зрения бизнеса Аристарх с Радой во что бы то ни стало должны убить Иващенко. Я выясню, как он там сейчас.

– Не надо, – думая о своем, отмахнулась Ирка. – Я сама посмотрю, через зеркало.

И тут Танька и Богдан впервые поглядели друг на друга.

– Ведьма, – усмехнулся Богдан, но в усмешке его было

почтение. Он лихо отсалютовал Ирке мечом: – Готов быть вашим рыцарем-защитником, ведьма Ирка Хортица! Всех ярчуков разгоню!

– А я кем буду? – ревниво поинтересовалась Танька.

– Сдурела? Ну Богдан себя как маленький ведет, так все пацаны – ненормальные, а ты куда? Думаешь, Рада с нами играться будет? Знаешь, что она может сделать?

– И знать не хочу! – В Танькином голосе дрожали слезы. – Ты мне лапшу на уши не вешай! Он, значит, рыцарь-защитник, а я погулять вышла?

– Фан-клуб колдовства тут устроили, ненормальные, – пробормотала Ирка, уже сдаваясь. В конце концов, у нее еще будет время вправить Таньке мозги. Но не сейчас, когда она во что бы то ни стало решила потягаться с Богданом.

– Ты у нас умная, в книжках ориентируешься. Будешь информацию находить и советы давать, как Джайлз у Баффи.

– «Баффи» – антиквариат, – процедил уязвленный Богдан.

– А мне нравится, – отрезала довольная Танька.

– Раз такая умная, скажи, что против Ирки могут сделать? – поинтересовался Богдан. – В Средние века ведьм жгли. Инквизиция называлось.

– Надо же, какие ты слова знаешь! Инквизиция, к твоему сведению, это суд такой, церковный, он решал – жечь или нет. А когда уже жгут – называется аутодафе. Это в Европе так, а у нас ведьм не судили.

– И не жгли? – с искренней заинтересованностью спросила Ирка.

Танька замялась:

– Ну-у, иногда жгли. Всем селом собирались, в хате ведьму запирали и вместе с хатой жгли. Потому что внутри собственного дома ведьму обидеть нельзя, – с некоторой даже гордостью за ведьм объявила Танька.

– Порадовала, – процедила Ирка. – Без суда, просто так спалят. Вместе с жилплощадью. Бабке потом даже дом не продать, кто головешки купит?

– Может, бабка тоже сгорит, – философски предположил Богдан.

На пороге дома появилась пока еще не сгоревшая бабка. Ирка опять уставилась на нее в изумлении. Сгорбленная старушка исчезла. Бабка снова приобрела гренадерский разворот плеч. Недавно седые волосы стали угольно-черными.

– Сидять, сидять, трындять – чи заняться нема чим? – зычно вопросила бабка. – Варить – бабка, за курями – бабка, а бабка вже старая! А ну годи сыдиты, давай до работы! У школи неделю не

была, шо классной своей говорить будешь?

– Очухалась. Ненадолго ее хватило, – заключил Богдан. – Тебя не реже раза в неделю похищать нужно.

– Насчет школы она права, – с тоской протянула Ирка. – Я ж думала, у Рады учиться буду, а теперь возвращаться придется. Годовые контрольные на носу.

– Как говорит мой отец – вопросы надо решать поэтапно. Если ты с Радой и Аристархом не справишься, школа тебе не понадобится, – успокоила ее Танька.

– Главное, разобраться с Радой, – задумчиво сказала Ирка. – Аристарх без нее ноль, пустое место.

Глава 20. Рука зеленого огня

Ирка положила зеркало на стол. Ей было немножко неловко – раньше надо было поглядеть, как там Иващенко. Но с бабкой разве поглядишь! Совсем загоняла! Ей-богу, жизнь с Радой и Аристархом была просто райской. Если не считать того, что они собирались Ирку убить.

Девчонка сосредоточилась, внимательно вглядываясь в зеркало. Первым делом она услышала голоса.

– Мне кажется, нужно еще обследоваться… – твердил один.

– Я великолепно себя чувствую, – с явным раздражением отвечал другой, мужской голос. – Мне что, делать нечего, кроме как на больничной койке валяться?

Ирка почувствовала резкий, безошибочно узнаваемый больничный запах. На зеркальной поверхности проступил выкрашенный синей краской коридор. Иващенко нетерпеливо переминался у лифта, периодически прижимая разболтанную красную кнопку. Рядом, тревожно вглядываясь ему в лицо, стояла уже знакомая Ирке красавица.

– Не смотри на меня так! – по-прежнему с раздражением бросил ей Иващенко. – Ну честно, со мной полный порядок!

– Врачи так и не поняли, что с тобой было, – сказала женщина. – Такие страшные боли…

Иващенко легкомысленно отмахнулся. Они вошли в лифт, и припадочно содрогающаяся кабина повезла их вниз. Иващенко уезжает из больницы, она сумела взять обратно свою смертную ворожбу! Облегченно вздохнув, Ирка хотела уже накрыть зеркало рукой, как вдруг следующие слова бизнесмена заставили ее прислушаться.

– С конкурентом вы закончили?

Женщина покачала головой, и Иващенко нахмурился:

– Ты еще спрашиваешь, почему я в больнице не остался! Меня нет – ничего не делается! На завтра мне нужны все документы, а на послезавтра назначай совещание…

– Завтра суббота, послезавтра воскресенье, – перебила женщина.

– Ничего, пока меня не было, все отдохнули, – фыркнул Иващенко. – Ладно, сотрудников трогать не будем, только глав отделов. Водитель тоже пусть отдыхает, я сам на часок в офис смотаюсь, обговорим по-быстрому. Хватит уже! Чтоб духу неуважаемого Александра Федоровича здесь не было. Вообще непонятно, с чего этот убогий со своей толстой бабой такие наглые.

И тут Ирка почувствовала, что наблюдает за Иващенко не одна. Кто-то еще внимательно вслушивался в его слова, а стоило бизнесмену помянуть «толстую бабу», как Ирка ощутила острую вспышку злобы. Сама не очень понимая, что она делает, девчонка потянулась вслед за этой вспышкой. Сливаясь в единую, почти неразличимую мутную полосу, пространство ринулось ей навстречу. Мелькнул пластмассовый круглый обод, перед глазами блеснула прозрачная поверхность стекла, и в Иркином зеркале отразилось другое зеркало! А в том – перекошенное ненавистью лицо Рады Сергеевны!

Ошеломленная Ирка отпрянула от стекла. Вскинула руку, торопясь прервать связь, но потом остановилась. Рада не видела Ирку! Полностью сосредоточенная, она продолжала следить за Иващенко. Девчонка стала осторожно вглядываться в лицо «директрисы».

В голове у Ирки поплыли смутные образы. Деньги – удовольствие. Лицо Аристарха – презрение. Опять деньги. Дом, очень странный, чем-то похожий на обломок скалы – снова удовольствие, острое, даже болезненное, и еще гордость. Растерянность и злость – лицо Иващенко, и вдруг… Ее, Иркино, лицо! И тут же мысли «директрисы» словно обрушились в бесконечный пестрый водоворот: толстые мясистые стебли и громадные цветочные венчики, вдруг оскаливающиеся острыми зубами… Те самые цветы, что Ирка видела во сне! Лицо незнакомого мужчины: по-восточному смуглое, с чуть раскосыми глазами… Морда пса – настолько огромная, что и вообразить невозможно, не бывает таких собак… И все это словно стер взмах гигантского крыла! Осталась только ненависть Рады. К тому мужчине, и к псу, и… к ней, Ирке.

Ирка мимолетно удивилась – понятно, что Рада ее ненавидит, но почему вместе с каким-то посторонним мужиком… да еще и с собакой? – и потянулась дальше. Туда, где в сознании Рады Сергеевны скрывался ПЛАН. И в этот момент в голове у директрисы полыхнула ослепительная вспышка – она почуяла Иркино присутствие.

То, что Рада сделала дальше, больше всего напоминало мощный пинок под зад, только вот пришедшийся Ирке прямо по мозгам! Вскрикнув от боли, девчонка отшатнулась и быстренько накрыла зеркало ладонью. Но стекло не налилось прозрачной безмятежной пустотой. Лицо Рады по-прежнему оставалось в нем, и ее горящие болотной зеленью глаза метались, шарили – искали! Они вдруг словно бы выглянули из зеркала – прямо между Иркиными растопыренными пальцами. Уперлись девчонке в лицо, удовлетворенно моргнули – нашли! – и спрятались.

Судорожно переведя дух, Ирка отняла ладонь от стекла… Поверхность зеркала будто взорвалась. В блеске разлетающихся осколков на Ирку ринулась сжатая в кулак рука.

Вскрикнув, девчонка отпрянула. Стул перевернулся, она рухнула на пол. Рука пронеслась над головой. Кулак с хрустом впечатался в окно. Паутина трещин расчертила стекло, а рука полыхнула гнилостным зеленым огнем.

Ирка откатилась в сторону и вскочила. Рука висела над подоконником и, как птица головой, вертела сжатым кулаком. Словно высматривала – будто перископ у подводной лодки. Сшибая стулья, девчонка рванула к двери.

Она пронеслась по лестнице, бросилась к выходу. За спиной послышался свист рассекаемого воздуха. Рука неслась следом! Ирка выскочила, захлопнув за собой дверь, и привалилась к ней всем телом. Подпереть, чем подпереть?

Рядом сверкнуло зеленое пламя. Окно первого этажа рухнуло водопадом осколков. Бросив дверь, Ирка помчалась по садовой дорожке. За спиной нарастал свист. Крепкие пальцы схватили девочку сзади за волосы. Соскользнули…

Вылетев из кустов, на помощь бросился кот. Хлещущий воздух кошачий хвост мелькнул у самого кулака. Рука остановилась. Пальцы вновь разжались, полыхая зелеными вспышками, принялись хватать воздух, пытаясь отловить нового противника. Рассерженно шипя, кот отскочил в сторону, рука метнулась за ним.

В три прыжка кот пересек клубничную грядку и остановился у яблоневого ствола. Прянув вперед, будто атакующий удав, рука ринулась на кота. Одним махом кот взмыл по стволу. Кулак врезался в дерево. Посыпались сухие чешуйки коры. Блеск зеленого пламени на мгновение ослепил Ирку.

Тряся кулаком, словно оглушенная змея головой, рука раскачивалась на месте. Злобно сверкнула зеленью и стала медленно всплывать вверх, подбираясь к ветке, на которой затаился кот.

И тут же отлетела в сторону, по запястье воткнувшись в разрыхленную землю – Ирка прихлопнула руку лопатой! Выжигая усики клубники, рука сыпала вокруг себя зелеными искрами. Одним рывком выдернув кулак из земли, рука ринулась на Ирку. Взлетела, пропуская под собой брошенную Иркой лопату, и вновь припустила за удирающей девчонкой. Ирка перескочила через выбравшуюся на дорожку курицу, рванула к калитке…

Истошное кудахтанье за спиной заставило ее оглянуться. Отчаянно молотя крыльями, наседка металась, а рука крепко держала ее за лапы! И волокла назад, к дому! Лучшую бабкину

несушку! Источник дохода!

– Положь! – сперва нерешительно потребовала Ирка, но рука уже влетела в разбитое окно.

– Отдай птицу, зараза! – яростно завопила Ирка, бросаясь вслед за расхитительницей.

С дерева предостерегающе заорал кот, но Ирке было не до него. Она думала лишь о том, как будет орать бабка, когда обнаружит пропажу любимой курицы! Ирка побежала быстрей. Рука, будто напуганная неожиданной погоней, тоже увеличила скорость. В одну секунду она пролетела над лестницей. Прыгая через две ступеньки, Ирка ворвалась в свою комнату. И успела лишь увидеть, как наседка мечется над столом, не в силах противиться. Блеснуло зеленое пламя, несушку дернуло, и она в один миг провалилась сквозь зеркало. Только несколько беленьких перышек осталось на столе.

Бочком Ирка подобралась к зеркалу. Стекло было абсолютно целым, и в его безмятежной глубине отражались лишь трещины давно не беленного потолка. Ухватив зеркало за обод, Ирка швырнула его в ящик комода.

– Ну, Рада Сергеевна, – сквозь сжатые зубы процедила Ирка, – мало вам Иващенко, мало, что вы меня убить хотели, мало, что два окна раскокали! Так еще бабкину курицу сперли! Все! Этого я вам не прощу!

Тут у Ирки подогнулись ноги, и она плюхнулась на постель. Так, надо поспать! Дело к вечеру, и несколько утренних часов сна не могли снять усталость от бессонной ночи. Да и денек выдался – ой-ой!

Ирка стянула с себя джинсы и забралась под простыню. В ее распоряжении было всего два дня – суббота и воскресенье. Надо наконец выспаться и прямо с утра придумать два плана: как спастись от ведьмы и, самое главное, как объяснить своей классной, где ученица Хортица шаталась целых две недели. Ирка усмехнулась, представив, какое лицо станет у учительницы, если Ирка вдруг скажет правду. «Меня тут, знаете ли, ведьма с одним бизнесменом похитили, чтоб я на другого бизнесмена наложила смертный заговор». Прикол, не то слово.

Ирка почувствовала, как на кровать вспрыгнул кот и снова устроился на своем привычном месте – у Ирки под боком. Она благодарно обняла пушистое теплое тело и заснула, впервые чувствуя себя защищенной.

Глава 21. Подвал, которого нет

– Тебя ни на минуту оставить нельзя. – Танька осуждающе воззрилась на подругу. – Придется мне, наверное, с тобой поселиться, может, тогда за тобой летающие руки перестанут гоняться! Буду здесь дневать и ночевать.

– Еще не хватало, – пробормотала Ирка, потирая слипающиеся глаза. – Я и так не высыпаюсь. После вчерашних скачек в семь часов спать завалилась, думала – выдрыхнусь! И ни фига! То кот ворочался, будил, то сны дурацкие!

– Какие сны? – вдруг насторожилась Танька.

Ирка пожала плечами:

– Говорю же, дурацкие! И, главное, одинаковые!

– Что значит «одинаковые»? – с нетерпением переспросила Танька. – Ты давай поподробнее.

– Да ну! – отмахнулась Ирка. – Еще когда я в гостинице в обморок хлопнулась, мне женщина привиделась. Старая, но знаешь, красивая. Как в фильмах бывают. Платье строгое, брошка у горла, волосы пучком. И говорит мне: «Загляни в подвал!» – Ирка задумалась. – Пока я у Рады жила, ни разу больше не снилась, я даже забыла. А сегодня опять всю ночь: «Загляни в подвал, загляни в подвал!»

– Заглянула?

– Как? У нас и подвала нет, только погреб. Я из-за какого-то сна должна бегать, подвалы искать?

– Ты что, не понимаешь? – Танька пришла в страшное волнение. – Если ты ведьма, значит, твои сны – не просто так!

– Ага, а потом мне Богдан приснился с коробкой, а в ней – половина торта-мороженого, конечно, это не просто так! Это мне мороженого хочется! Так мне его всегда хочется!

– Привет, девчонки! – Припозднившийся Богдан влетел в калитку. – У родителей вчера опять гости были. Гляньте, чего я в холодильнике надыбал!

Ирка завороженно уставилась на круглую прозрачную коробку в руках у пацана. Внутри коробки виднелся торт. Торт-мороженое. Ровно половина.

– Эй, вы что? – удивился Богдан, вглядываясь в лица девчонок. – Мороженое! – Для убедительности он потряс тортом, не понимая, почему на такую вкусную вещь они глядят с почти мистическим ужасом.

– Мы видим, что мороженое, – процедила Танька и тут же заорала: – А ну марш подвал искать, сновидица ты наша!

– Может, сперва торт? – жалобно попросила Ирка. – Растает!

– Я тебе покажу торт!

– На фига его показывать, его и так видно! Давайте есть! – возразил недоумевающий Богдан, но девчонки, не слушая его, уже бежали к дому.

– Бабка! Бабушка! – Ирка остановилась у входа в гостиную.

– Видчипись, Яринко, тут кино дуже добре, – не оглядываясь, отмахнулась бабка.

– Это срочно, бабушка. У нас… – Она с сожалением поглядела на коробку в руках у Богдана и тихонько добавила: – У нас торт тает.

– Вообще-то его можно снова в холодильник сунуть, – предложил пацан, а Танька ткнула Ирку в спину:

– О деле спрашивай!

– Чего там спрашивать, пока кино не кончится, она даже не обернется, – хмыкнула Ирка, но все-таки поинтересовалась: – Ба, а что, у нас в доме подвал есть?

Тут Иркиным глазам предстало нечто невиданное! Медленным движением, словно принуждая руку шевелиться, бабка потянулась к пульту.

И выключила телевизор.

Обернулась и пристально уставилась на внучку. Когда молчание стало совершенно невыносимым, тяжело обронила:

– Значит, час прийшов. Все, як вона и казала.

– Кто сказал? – шепотом переспросила Ирка.

– Та хто ж! Бабка твоя!

– Ты?

– Та не я! Другая твоя бабка! Елизавета Григорьевна покойная, земля ей пухом! – Бабка широко перекрестилась. – Ой, добра була жинка! Строга, но и добра! И тэбе любила! Мамку твою николы не привечала, так я ее за то и не виню, я сама мамку твою, шлендру, бачити не можу… А тэбе крепко любила! Ты ж с ней жила, мабуть, аж до четырех годиков. Не помнишь?

– До четырех годиков… Бабушка… Бабушка, задуй пальчик, – будто в трансе прошептала Ирка. – Не помню. Ничего не помню.

– Я не понял, – вмешался Богдан. – Откуда еще одна бабушка взялась?

– Ох и дурни зараз диты! – возмутилась бабка. – Як то откуда? Отца Яринкиного мать – ще одна бабушка.

– Какого еще отца? Ты ни про какого отца не говорила! – возмутилась Ирка.

– А сама ты як думала – святым духом народилася? – резонно возразила бабка. – Не говорила, бо я його николы не видела. Мабуть, такий самый шлендра, як твоя мамка, два сапога – пара. У порядных жинок, як мы з Елизаветой Григорьевной, – и таки

диты! Бог наказав, а за що – не сказав.

– Бабушка, ты про бабушку давай! – поторопила ее Ирка.

– А я про кого? – возмутилась бабка. – Приехала она сразу, как твою мамку «Скорая» до родильного дому забрала. Прямо тут у меня на пороге и встала. – Бабка ткнула в сторону входной двери. – З роддому не выходыла, за все платила: и за лекарства, и докторам, и акушерке. А як все закончилось, каже: «Я девочку забираю с собой, ее следует воспитывать особым образом». Мамка твоя аж подпрыгнула от радости, шо за дытыной доглядаты не трэба.

При этих словах Ирка даже не почувствовала боли, все перевешивало отчаянное желание узнать о неизвестной бабушке.

– Забрала, а дальше? – с жадностью спросила Ирка. – Где она теперь?

– Так через четыре года померла! Тебя ко мне отправила, заботиться велела. – В словах бабки прозвучала крохотная заминка. Посторонний человек бы не заметил, но Ирка с бабкой всю жизнь прожила. Стоп, теперь получается, что не всю?

– Ты давай все рассказывай, – с некоторой даже угрозой в голосе потребовала Ирка, и бабка, ее властная, скандальная бабка, неожиданно засмущалась:

– Та ще подумаете, бабка с ума зъихала на старости лет.

– Ну что вы, не подумаем, – с жаром заверил бабку Богдан и тихо добавил: – Мы это давно знаем.

Ирка метнула на друга яростный взгляд.

– В зеркале она явилась, – таинственно понизив голос, сообщила бабка. – Я до ванной зийшла, глядь в зеркало, а позади меня Елизавета Григорьевна стоит. Обернулась – никого. Снова в зеркало – там она! Як я не померла, сама не знаю! А она мне и велит: посылаю, мол, тебе внучку нашу, хотела б я сделать для нее больше, да уже не смогу, теперь твой черед. И сгинула. А через три дня тебя глиняный человек принес.

– Какой? – в один голос спросили ребята.

– Та странный такой! Лицо будто из глины сделано, и двигается: тык, тык! – Бабка сделала несколько угловатых движений. – Как робот в телевизоре. Но, видно, добрый. Ты у него на руках спала. Маленькая, волосики нежные. – Улыбка мелькнула у бабки на губах и тут же исчезла. – Хороша була дивчинка, не така неслухняна, як сейчас! Человек мне тебя оставил и еще сберкнижку. Повезло, мамка твоя здесь все перерыла, но я ту сберкнижку от нее хорошо спрятала. Ты ж росла, трэба було новый одяг покупать, и хворала тож…

– А подвал? – напомнила Танька.

– Человек тот мне ключ оставил. И наказ от Елизаветы

Григорьевны, щоб я тот ключ берегла, а як час прийде, ты, Яринка, про подвал спросишь. – Бабка прошаркала к старому трюмо. Выдвинула ящик, долго копалась в нем.

– Тогда, сказала, ключ тебе отдать. – Она вложила Ирке в ладонь длинный ключ.

– А подвал где, бабушка? – спросила Ирка, разглядывая ключ.

– А я почем знаю? – возмутилась бабка. – Твой подвал – ты и шукай, – и щелкнула пультом телевизора. – Я вон вже скильки пропустыла: и шо то вона казала тому Леонсию? Чи Хулию?

– Спасибо, бабушка, – тихо прошептала Ирка, но бабка ее уже не слушала, целиком погрузившись в события на экране.

Глава 22. Колдовское наследство

– На фига ключ от подвала, если подвала нет? – критически разглядывая ключ, спросил Богдан.

Тут Ирка почувствовала, как что-то мягкое трется о ее ноги. Она опустила глаза. Кот умильно прижался к Ирке мордой и проследовал к дверям. Ирка двинулась за ним. Они обошли вокруг дома. Перед маленькой неприметной дверцей кот остановился.

– Сколько у вас бывала, ни разу эту дверь не видела, – удивилась Танька.

– Сколько я здесь живу, ни разу ее не видела, – усмехнулась Ирка и вставила ключ в замочную скважину. Замок тихо клацнул, и дверь беззвучно отворилась, открывая тянущуюся вниз лестницу. Одним прыжком кот заскочил на ступеньки и тихо канул во мрак.

Ирка решительно выдохнула и последовала за ним. Невидимая в темноте лестница скрипела под ногами. Потом она кончилась, Ирка ступила на холодный бетонный пол.

– Надо было хоть спички взять. Или зажигалку, – шепотом сказал Богдан. – Света тут наверняка нет.

Ирка тоже считала, что в загадочном, невесть откуда взявшемся подвале света быть не может, но на всякий случай пошарила рукой по стене. Под пальцами у нее щелкнуло, и яркий свет залил небольшое помещение.

– Вполне современной ведьмой была твоя бабушка, – заключила Танька.

– Думаешь, она была ведьмой? – спросила Ирка, но Танька одарила ее таким взглядом, что Ирка мгновенно устыдилась. Ну а кем же еще?

– Вы гляньте, что тут! – восторженно завопил Богдан, и Ирка наконец огляделась по сторонам.

Сперва ее неприятно поразило неожиданное сходство с комнатой Рады Сергеевны. Здесь, как и там, всюду были сухие цветы и травы. Лишь присмотревшись, Ирка поняла, что травы не просто сухие, а еще и очень старые. Кое-где они рассыпались в пыль. А на столе лежали очень старые, пожелтевшие от времени, прошитые вручную тетради, мелко исписанные от руки. Ирка несмело перевернула страницу.

– Смотрите, оглавление, – прошептала заглядывающая ей через плечо Танька.

– Розмай-зелье – страница 12, одолень-зелье – страница 48. – Ирка вела пальцем вдоль ровных, выписанных аккуратным

почерком строк. – Заговор на затворение крови… – Ирка быстро перелистала тетрадь и с замиранием сердца прочитала знакомые слова: «Обратно воротись, в жилах затворись…». Перед ней вдруг мелькнула полутемная комната с высокими, полными книг шкафами, и женщина со строгим лицом и добрыми глазами.

– Ух ты, а это что, ухват? – У стены Богдан обследовал палку с двумя рогульками. – Старинный какой! Колдовские горшки из печки доставать?

– Летать, – снисходительно пояснила Танька. – Я читала.

– А это? Погоди, сам угадаю. Это же ступа! «Там ступа с Бабою Ягой, идет-бредет…» Зачем ей и ухват, и ступа? – Богдан задумался, потом в его глазах блеснуло понимание. – Ухват, наверное, вроде автомобиля, а ступа – грузовой прицепчик. Соображала бабка!

– Наднепрянские ведьмы в ступах не летали, – поучающе сообщила Танька. – Это только русские ведьмы…

– Русские ведьмы летают на контрабасах – читайте «Таню Гроттер», – отрезал Богдан. – Будешь летать, Ирка, встретишь такую, спроси: ей струны зад не натирают?

– Для полетов мазь нужна, а я ее здесь не вижу, – разочарованно пожала плечами Ирка. – Наверное, бабушка наизусть рецепт знала.

– Подожди… – Богдан вдруг задумался. – Что-то я такое… Сейчас! – Он ринулся прочь из подвала.

– Куда это он? – удивилась Ирка.

Но Богдан долго не задержался. Скоро он почти ссыпался вниз по лестнице, держа под мышкой книжку в глянцевой обложке.

– На, смотри! Вот она, твоя полетная мазь. – Богдан ткнул в раскрытую страницу.

Ирка углубилась в чтение.

– Жир некрещеных младенцев?! – с ужасом воскликнула она.

– Ну там же написано – можно заменить сливочным маслом.

– Что за книжка? – ревниво спросила Танька.

– Фантастика, – пожал плечами Богдан. – В фантастике много про колдовство есть. Пригодится для драки с Радой.

– Ну и бабки у меня! Одна другой лучше, с ними только свяжись, все на свете забудешь, – проворчала Ирка, отрываясь от тетради с зельями и заговорами. – Мне ж курицу надо вернуть, пока эта бабка не хватилась.

– Совсем психованная! – возмутилась Танька. – Если бы та рука на курицу не наткнулась, она б тебя утащила! На фига ты к Раде через зеркало полезла? Все равно ничего не узнала.

– Ну кое-что я все-таки ухватить успела. Иващенко решено

прикончить во что бы то ни стало. На расстоянии убить у Рады Силы не хватит, поэтому она задумала рискнуть и перекинуться. Убьет его под личиной – клубком задушит или собакой загрызет. Или еще во что-то смертельное превратится. Но вот где, когда – не знаю!

– Где-когда я тебе и сама скажу, – усмехнулась Танька. – Ты ж слышала: в воскресенье у Иващенко совещание по Аристарху. Там его и прикончат.

Все трое глубоко задумались.

– В клубок превратится… – бурчал Богдан. – Как это она превращается?

– Очень просто, – рассеянно пробормотала Танька. – Я читала. Ведьмам для этого круг из мочала нужен. Перекидывают его через себя и тогда могут превращаться.

– Что такое мочало? – поинтересовался Богдан.

Но Танька не отвечала. Застывшая, с остановившимися глазами, она смотрела прямо перед собой.

– Эй, ты чего? – спросил Богдан и помахал растопыренной ладонью у Таньки перед глазами. Девчонка ожила.

– Я придумала! – вскричала она, хватая Ирку за руку. – Я знаю, как нам справиться с Радой! И Иващенко заодно спасем! Надо только заставить Раду принять облик чего-нибудь безобидного, неопасного для людей! – Танька запнулась. – Но сперва я в словаре посмотрю, что такое мочало. А то вдруг оно… агрессивное.

Глава 23. Как обезвредить ведьму

Бизнесмен Иващенко, аккуратно объехав приткнувшийся у бровки незнакомый темный «Мерседес», втиснулся в узкий захламленный проулок. Надо бы знак поставить «Только для сотрудников», а то паркуются всякие.

– Я не понял, это что? – грозно вопросил Иващенко, вылезая из джипа у черного хода в здание собственной корпорации. Привычку появляться в офисе с черного хода бизнесмен завел много лет назад и с тех пор следовал ей неукоснительно. Журналистам не попадешься, а главное, подчиненных можно застать врасплох. Посмотреть, чем они там в отсутствие начальства занимаются. Вот сейчас, например, он явится как снег на голову и сотрет растяп в мелкий рассыпчатый порошок!

Начнет с уборщиц: додумались, выставили у дверей солидного офиса ведра с водой! А недоумок, что умудрился обронить на улице папку корпоративной документации…

Продолжая вполголоса высказывать свое мнение о лоботрясах-сотрудниках, Иващенко нагнулся за валяющейся у входа фирменной папкой компании. Толстенькой такой, плотно набитой важными коммерческими бумагами.

Ухватил за уголок и замер – она показалась неожиданно тяжелой. Будто бетонная плита. А потом вообще начала изменяться.

Нити голубой шерсти метнулись в лицо. В руках у Иващенко оказался здоровенный шерстяной клубок. Он попытался отбросить клубок прочь, но нити намертво вцепились в запястья. Рванули к горлу, захлестнулись на шее. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли разноцветные круги. Шерстяной ошейник затягивался все туже и туже, неумолимо выжимая жизнь…

У лица полыхнуло огнем! «Это конец», – мелькнула безнадежная мысль, но захват на шее неожиданно ослаб. Нити соскользнули с горла. Иващенко рухнул на тротуар, судорожно хватая ртом пропитанный бензинными парами воздух. Самый сладкий воздух на свете.

– Ах ты мерзкая девка! – взвизгнул женский голос. Иващенко приподнял гудящую голову. Над ним, сбивая язычки огня с голубой блузы, подпрыгивала и люто материлась смутно знакомая баба. Ах да, она тоже причастна к наезду на компанию! Ругательства адресовались куда-то вверх. Иващенко тоже задрал голову повыше и сразу понял – у него галлюцинации.

Над орущей теткой, крепко сжимая ногами старинный ухват, висела в воздухе смуглая черноволосая девчонка лет двенадцати.

В руках у нее был скрученный из газеты жгут. Другой жгут догорал у ног бабы.

– Здравствуйте, Рада Сергеевна, – свесившись с ухвата, вежливо поздоровалась девчонка. – Что ж это вы у бабки курицу потырили? Несолидно. Вернуть бы надо.

– Курицу? Наглая тварь! Да я тебя сейчас… – снова завизжала баба. – Ярчуков сюда! Трави! Рви!

Дверца темного «Мерседеса» распахнулась, и наружу выбрался тот самый негодяй, что пытался отобрать у Иващенко его компанию. Через плечо у мужика был перекинут белесый круг, сплетенный из мочала. Правильно, скоро ему только и останется, что на базаре экологически чистыми растительными мочалками торговать! Правда, сам Иващенко этого уже не увидит. Он будет сидеть в тихом уютном дурдоме. Там его быстро отучат видеть летающих девочек и выпрыгивающих из «Мерседесов» слепых бельмастых псов!

А пока что дурдом был далеко, и слепые псы метнулись к парящей над землей девчонке. Прыжок, и высокий тонконогий зверина повис, вцепившись зубами в кроссовку. Летунья дрыгнула ногой, и пес отлетел вместе с сорванной кроссовкой. Прямо к ногам Иващенко. Бизнесмен попытался отползти в сторону.

– А ну лежать! – гаркнула на него баба. – Я с тобой не закончила!

Щелкающие зубами звери пытались добраться до ног девчонки. Та верещала, маневрировала на своем ухвате, но почему-то не улетала. А на месте бабы возникла здоровенная крыса. Волоча по асфальту длинный голый хвост, крыса двинулась к Иващенко. Бизнесмена замутило от отвращения. Отталкиваясь пятками, он пополз, пока не уперся спиной в стену. Крыса распахнула пасть. Отвращение в душе Иващенко почти исчезло, затопленное волной ужаса. Желтые, отвратно вонючие зубы были неимоверно острыми!

Девчонка на ухвате пронзительно свистнула. Из-за украшающих переулок мусорных баков выбрались двое. Меленький такой пацан и крупный такой кот. Мальчишка держал в руке меч, а на плече у него болтался лук. Игрушечный, наверное.

Роскошным прыжком кот взлетел в воздух и рухнул на спину крысе, подминая ее под себя. Крыса страшно забилась, пытаясь вырваться из когтей.

А пацанчик подгреб к псам и просто-напросто похлопал их кончиком меча по макушкам – одного, второго. Псы замерли. Мелко дрожа, они развернулись к мальчишке.

– Это снова я, – с милой улыбкой подтвердил парень. И

громко и размеренно постучал кончиком меча по асфальту.

Испуганно визжащие псы рванули прочь!

– Стой, стой, куда? – завопил мужик с мочалом. Он попытался броситься вслед, но пацан заступил ему дорогу. Жало меча уперлось мужику в горло, заставляя его замереть на месте.

– Да вы не волнуйтесь так, Аристарх Теодорович. Или как вас там – Александр Федорович? – сообщил мальчишка. – Говорят, за одного битого двух небитых дают. Сможете двух песиков аж на четырех сменять. Выгодный бизнес! – разглагольствовал пацан, краем глаза поглядывая на еще одну, пухленькую блондинистую девчонку, тоже вынырнувшую из-за бака. Девчонка быстро подбиралась к мужику с мочалом.

Рывок – и девчонка выхватила мочало у мужика! Тот попытался удержать круг, но стальной меч плашмя обрушился ему на запястье.

– Есть! – победно завопила светленькая девчонка.

– Молодец, Танька! – крикнула ее подруга и заложила в воздухе лихую мертвую петлю.

В этот момент очертания бьющейся под котом крысы поплыли. Потрясенный Иващенко собственными глазами увидел, как крыса обратилась в кошку! Великолепную британку с дымчато-голубоватой шерстью!

Но еще больше был потрясен кот! Разжав лапы, он метнулся в сторону. Кошка презрительно фыркнула. Кот тут же пришел в себя.

Его тихое «мур-р-р» было призывным и нежным. Морда мгновенно стала умильной и… он снова крепко обхватил кошку здоровенными лапами! Именно это исторгло у кошки самый натуральный вопль ужаса! На ее месте тут же возникла женщина. Ухватив кота за шкирку, она отшвырнула его прочь и ринулась к светленькой девчонке:

– Отдай мочало!

Оп! – подброшенное мочало взлетело в воздух и было подхвачено летуньей на ухвате.

– Ах так! – взревела баба. Бросилась к парящей в воздухе противнице, но вдруг остановилась. Вытащила из кармана зажигалку и крохотную ампулку, заполненную белой жидкостью.

– Я знала, от тебя всего можно ожидать, проклятая Хортова кровь. Ведьму губят ее собственные заклятия! Помнишь молоко, которое ты сдоила? Своими руками создала для меня оружие! – женщина подняла ампулу с белой жидкостью. – Прощай, Ирка Хортица, ты так и не успеешь стать настоящей ведьмой!

Зажигалка щелкнула, легкий язычок пламени лизнул стекло ампулы.

– На выгоне огонь горыть, у нашей видьмы живит болыть! – забормотала ведьма.

Девчонка на ухвате вдруг страшно побледнела. Схватилась руками за живот и дико, пронзительно закричала, словно от невыносимой боли. Парящий в воздухе ухват дрогнул. Девчонка рухнула вниз. Пацан попытался ее подхватить… Они свалились на асфальт: девчонка, мальчишка и ухват. Страшно крича, девочка забилась в конвульсиях. Но мочальный круг из рук не выпустила.

– Жжется?! – захохотала толстая ведьма, продолжая калить ампулу с молоком на огне. Наслаждаясь, она смотрела только на корчащуюся в муках соперницу.

Тяжелая стрела лихо свистнула. Тупой наконечник ударил ведьме в ладонь. Женщина вскрикнула, крохотная ампулка звякнула о тротуар, и светленькая девчонка тут же подхватила ее. Пацан опустил лук.

– Все равно сожгу-у-у! – истошно завизжала баба.

Горячий ветер хлестнул по лицам. Там, где стояла женщина, вспыхнуло огненное колесо! И это колесо ринулось на черноволосую!

Мимо Иващенко промелькнуло ведро. Не растерявшаяся светленькая плеснула в огненное колесо водой. Но прежде чем брызги долетели до огня, ведьма совершила очередное превращение. На месте колеса возник высокий стог сена. Вода безобидно плюхнулась на него.

– Получилось! Давай, Ирка! – торжествующе заорала светловолосая.

Язычок огня лизнул мочало. Хорошо высушенный круг занялся враз!

– У меня тоже есть зажигалка, Рада Сергеевна! – процедила черноволосая Ирка.

– Что ты делаешь? – утробно взвыло из глубин стога. – Мое мочало! Без него я не смогу перекидываться! Останусь как сейчас!

– Мы знаем, Рада Сергеевна, – вежливо ответила черноволосая.

Мочальный круг пылал на асфальте. Стог дернулся, два пучка сена взметнулись из него, словно заломленные в страдании руки, два черных провала, будто глаза, вперились в Ирку…

– Будь ты проклята, Хортова кровь! – взвыла Рада Сергеевна. – Я еще доберусь до тебя!

– Сеном-то? Вряд ли!

Мочальный круг в последний раз вспыхнул и развалился. Стог застыл неподвижно.

Глава 24. Как и обещано, счастливый конец

– Молодец, Танька, – снисходительно похвалил Богдан. – Точно выяснила, во что ведьма может перекинуться. Без тебя мы бы так не подготовились!

– Да и ты ничего. Из лука стрелять умеешь, – смущенно пробурчала Танька.

– А как же, – пожал плечами Богдан. – Это я сейчас Арагорн, а после первого фильма целый год Леголасом был. – Богдан подобрал с асфальта брошенный меч и Иркин кроссовок.

Сама Ирка, не отрываясь, глядела на неподвижный стог.

– Свой мочальный круг в сейфе держать буду. Несгораемом, – сказала она.

– Да уж, вон Рада ценный натурпродукт козлам всяким доверила, и что вышло? – Богдан подпихнул мечом оцепеневшего Аристарха. – Забирайте свою Раду Сергеевну. Здесь, конечно, не деревня, но тоже могут растащить.

– Кстати, курицу куда дели? – оживилась Ирка.

– Она в домике, где мы жили, – униженно пробормотал Аристарх. Опасливо поглядывая на троицу ребят, он выхватил из стога большой пук сена и поволок к багажнику «Мерседеса», – и коровка там, бери на здоровье, – бормотал Аристарх, старательно распихивая вороха сена по багажнику и заднему сиденью.

Ирка призадумалась:

– Бабка будет счастлива, а доить буду я. Ой, что-то мне идея не нравится. – Вдруг ее лицо просветлело. Она наклонилась к Таньке: – Чемодан со шмотками тоже, наверное, там. Очень некрасиво будет, если я его заберу?

– Примеришь, я тебе скажу – красиво или нет, – пообещала Танька.

Аристарх с последним пучком сена пробежал мимо. Вскочил за руль, высунулся из окошка и фальцетом крикнул:

– Такую ведьму погубили! Негодяи! А ты мне еще заплатишь! – Он погрозил кулаком Иващенко, бессильно привалившемуся к задним дверям офиса. – У меня твой след остался! – Взревев, груженный сеном «Мерседес» рванул с места.

– Вы не волнуйтесь. – Танька попыталась утешить Иващенко. – По следу вас только Ирка могла насмерть уморить, а у других разве что аллергия выйдет.

– Аристарх говорил – понос, – хмыкнула Ирка. Она сунула руку в карман джинсов и вложила в вялую руку Иващенко тряпку

с четким отпечатком ботинка. – Держите ваш след. – И пояснила ребятам: – Я когда сматывалась, успела в саду Аристархов след вынуть и в фольгу вместо иващенковского упаковать. Будем надеяться, Аристарх сверток открывать не станет. – Ирка усмехнулась: – Смешнее всего, если заговор станет класть ро́бленная ведьма. Они-то своему Слову не хозяйки, обратно взять не смогут.

– Ведьм не бывает, – ошалело пробормотал Иващенко. – Ребят, а вы кто? – Цепляясь за косяк, бизнесмен поднялся на ноги.

– Ночной дозор, всем выйти из сумрака! – немедленно проорал Богдан.

– Я вроде и не входил.

– И не надо, – утешил бизнесмена парень. – Там темно. И очень страшно. – Он коротко отсалютовал Иващенко клинком и обернулся к девчонкам: – Давайте на пляж дернем, на косу! А то денек сильно нервный получился.

Четверка, возглавляемая котом, двинулась прочь из переулка.

Они добрались до троллейбусной остановки. Измотанная Ирка пристроилась на краешке полуразломанной скамейки. Танька устало привалилась к ее плечу, заглянула подруге в глаза…

– Слушай, Ирка, а у тебя глаза светятся. И цвет изменился! – вдруг изумленно ахнула Танька.

– Что, зеленые? – безнадежно спросила Ирка.

– Ага, – подтвердил Богдан, тоже заглядывая Ирке в глаза.

– Как гнилое болото? – Ну вот, будет теперь точно как Рада. Осталось постареть, растолстеть и напялить голубую кофточку.

Но Танька энергично замотала головой:

– Почему как болото? Как изумруды! Лицо белее стало, и щеки румяные. Я читала, у ведьмы четыре краски в лице: черная, белая, красная, зеленая. Основной спектр!

– Почему? – удивился Богдан.

– Так положено, что непонятного?

– Мне многое непонятно, – задумчиво пробормотал Богдан и тут же прикрикнул на Таньку: – Нечего рожи корчить! Можно подумать, ты знаешь, откуда кот взялся?

– Рада с Аристархом намекали, будто у них полно котов при школе. Но раз школы нет, то не знаю, – вздохнула Ирка.

Кот обернулся и коротко фыркнул. Иркина несообразительность его явно угнетала, но подсказывать он не собирался. Пусть сама ищет ответ.

– А почему Рада тебя Хортовой кровью назвала? При чем тут твоя фамилия? – не унимался Богдан.

– Не знаю, – снова пожала плечами Ирка. – Я раньше думала,

с моими родителями все просто. Маме я не нужна, а отец… Какой там отец! А теперь оказывается, у меня была еще одна бабушка – папина мама. Она меня любила! И я обязательно узнаю, какой она была! И про отца – тоже!

Они помолчали.

– А вот еще… – снова вылез неугомонный Богдан. – Зачем тогда, в гостинице, Рада тебя в обморок уронила?

– Да не знаю я! – раздражаясь, рявкнула Ирка.

– Мне кажется, я знаю. Читала. Она хотела окончательно убедиться, что ты природная ведьма. У ро́жденных наднепрянских ведьм есть еще один признак. – Танька замялась. – Хвостик. Маленький. Когда ведьма бодрствует, он прячется, а когда спит или теряет сознание – выглядывает.

Зловеще сузив глаза, Ирка обернулась к подруге.

– Значит, по-твоему, у меня есть хвост, – процедила она. – Я что тебе, макака?

– Не злись, Ирка, – на всякий случай отодвигаясь от разъяренной ведьмы, бормотала Танька. – Так написано…

– Фигня написана! – заорала Ирка. – У меня хвоста нет! Ясно?

– Ясно, – старательно закивали Танька и Богдан. – Никакого хвоста.

Дома, переодеваясь в купальник – они все-таки решили пойти на косу, – Ирка подошла к высокому зеркалу. Осмотрела себя со спины. Ничего не видно, хотя бикини – бикинестее некуда. Тоже придумали – хвост! Разве ж это у нее хвост? Так, припухлость. Совсем крохотная.

Ведьмин дар

Глава 1. День предшествующий, деньрожденьешный

– Сама видишь, какое безобразие! – тоном крайнего удовлетворения заявила Ирка. Нет, при других обстоятельствах бабкина выходка привела бы ведьмочку в настоящую ярость, но только не сейчас. Сейчас уж больно удачно все сошлось, и девчонка просто не могла скрыть облегчения.

Ирка вообще редко могла хоть что-то скрыть от Таньки, подруга знала ее как облупленную. Танька одарила Ирку мрачнейшим взглядом и гневно тряхнула копной светлых волос.

– Ничего страшного, – сквозь зубы процедила Танька. – Неприятно, конечно, и пахнуть долго будет, но уж как-нибудь… Надо просто вытряхнуть…

– С ума сошла? – возмутилась Ирка. – Да бабка меня со свету без всякого колдовства сживет, если я только прикоснусь к ее драгоценной капусте!

– Даже если она квасит свою чертову капусту в твоей полетной ступе? – возмутилась Танька.

– У меня еще ухват есть, – буркнула Ирка.

– Вот именно – у тебя! Если ты думаешь, я не понимаю, то ошибаешься! Все отлично понимаю! Ты просто-напросто ищешь способ отвертеться!

– Ничего я не ищу, – запротестовала Ирка и сама внутренне поморщилась – так ненатурально звучал ее голос. – Я не виновата, что бабка в подвал пролезла и ступу уволокла!

– Не виновата! – передразнила ее Танька и подозрительно прищурилась. – Интересно, как твоя бабка попала в подвал? Ты ж всегда его запираешь!

– А вчера забыла! – вызывающе заявила Ирка. – Я живой человек, тоже могу забыть! Бабка туда сразу – шасть! Ступу увидела и давай вопить: ой, какая бочечка, мне как раз под молодую капусту! И заквасила!

– Никогда не забывала, а именно вчера забыла? А может, ты просто специально дверь открытой оставила? Может, ты как раз и рассчитывала, что бабка в подвал полезет? И ступу уволочет?

Тут уж Ирка искренне возмутилась. Она, видите ли, специально! Ну а даже если и так? Умная какая нашлась!

– Полететь в ступе не получится, – пряча злость, ровным голосом заявила Ирка. – Квашеную капусту нельзя перекладывать. Если бабка увидит, что я ее тронула, у меня будут неприятности.

– Сделай так, чтоб она не увидела, – таким же ровным, скрывающим гнев тоном возразила Танька. – Создай из чего-нибудь для ступы дубль, точную копию. Переложим туда капусту, а в настоящей возьмешь меня на шабаш.

– Я не возьму тебя на шабаш, – так же спокойно ответила Ирка.

– Пошел откровенный разговор, – со злобным удовлетворением кивнула Танька.

– Танька, ну прекрати! – спокойствие слетело с Ирки, и она заговорила просительно, почти жалобно. – Ну ты прям как пятилетняя! Головой подумай! Шабаш ведьм! Мы даже не знаем, чем там ведьмы занимаются! Наверняка там опасно! Тебе нечего на шабаше делать!

– Мне? Я знаю, как составлять зелья. Я знаю столько же заклятий, сколько и ты! Я знаю их даже больше! Это я нахожу книжки по чаклунству, я откапываю в них всякие заговоры, я приношу их тебе!

– Ты приносишь их мне, потому что у тебя они не действуют, – стараясь не глядеть Таньке в глаза, тихо сказала Ирка. – У тебя они – всего лишь бессмысленный набор слов. Ты не ведьма!

– Я не ведьма, – согласилась Танька и тут же заорала: – Потому что ты не хочешь меня ею сделать!

– Дура! – не выдержав, заорала в ответ Ирка. – Совсем с головой не дружишь? Хочешь, чтоб я из тебя *ро́бленную* ведьму сделала? Ты что, не видела, какие они? Хочешь стать злобной гадиной? Людям мерзости делать? Убивать?

– Но ведь это ты меня ведьмой сделаешь, – вкладывая в слова всю возможную убедительность, ответила Танька. – Ты же не будешь заставлять всякие гадости устраивать!

– Танька, ну сама вспомни, что ты в своих книжках читала. – Ирка тоже постаралась быть убедительной. – *Ро́жденные*, природные ведьмы бывают разные, добрые и злые, какие сами захотят. А те, кого они ведьмами делают, кому дают своей Силой пользоваться, – всегда злые, *всегда*! Ты же сама додумалась, что они у Силы в рабстве! Не они Силой командуют, а Сила их заставляет пакости делать! Ну с чего ты решила, что тебя не заставит?

– А она думает, что не просто Танька, а сразу целая Таня Гроттер! – Богдан, как всегда, явился неожиданно. Вот не было: не видно, не слышно. И вот уже вылазит, цепляясь за ветки кустов шелковым, явно перешитым из маминого платья плащом, накинутым поверх майки с Гарри Поттером. В руках мальчишка сжимал длинный стальной меч.

Танька с отвращением оглядела Богдана – от носков стоптанных кроссовок до обруча из серебряной фольги, охватывающего лоб.

– Наверное, я и правда дура, раз всякие толкиенутые с ножичками могут надо мной прикалываться! – В голосе у Таньки дрожали слезы, но когда она перевела взгляд на Ирку, глаза ее были сухие и аж горячие от гнева. – А ты… Ты просто хочешь быть единственной ведьмой, вот и все! Жаба давит поделиться! – И, круто развернувшись, Танька помчалась по дорожке прочь.

– Ну и вали! – крикнул ей вслед Богдан. – Сама знает, что дура, а туда же – обзывается!

– В виде исключения я с ней согласна, – оглядывая Богдана с явным неодобрением, сказала Ирка. – Если б ты не влез, я б ее уговорила! Какого фига ты к Таньке цепляешься?

– Значит, я цепляюсь, – зловещим тоном заявил Богдан. – Значит, ты с этой толстой заодно!

Ирка возмутилась. Тоже, ценитель женской красоты выискался! Дитя Голливуда! Танька, конечно, не сильно худая, но ведь и не толстая же! А что касается мозгов…

– Она не дура и вовсе не толстая, – отрезала Ирка.

– А я не цепляюсь, – точно так же отрезал Богдан. – Она тебе гадости в лицо говорит, а ты ее защищаешь. Ну и оставайся с ней! А я уезжаю, ясно?

– Куда это? – фыркнула Ирка. Мало ей Таньки, теперь еще Богдан с претензиями! С ума сошли прямо!

– С родителями, под Хотинскую крепость. Там возле замка толкиеновский клуб собирается, игра будет, между прочим, с настоящим сражением. Моего папу Арагорном назначили! – похвастался Богдан.

– А тебя – хоббитом. На голове патлы состриги и на ноги наклей, как раз мохноногим заделаешься. – Ирка все еще сердилась.

Глаза Богдана в один момент налились злыми слезами.

– Да, хоббитом! – вызывающе выкрикнул он. – Взрослые, гады, как всегда – все классные роли расхватали, нам одни хоббиты и орки остались. Только я их все равно надул! Я буду хоббит не из Толкиена, а из Перумова, у того хоббиты хоть и мелкие, зато драчливые – кого хочешь порвут. – Богдан воровато оглянулся. – Главное, чтоб на игре никто не догадался, что я перумовский хоббит, а то ведь выгонят. Настоящие толкиенисты Перумова ненавидят. Если буду вести себя тихо, никаких драк – они и не дотумкают… – продолжал Богдан.

Ирка мученически возвела глаза к небу. И вот после таких рассуждений он еще утверждает, что нормальный?

– Короче, – закончил Богдан. – Пока я – там, ты здесь – ни-ни! Подружку свою… – он покосился на Ирку и злорадно закончил: – …пышнотелую не слушай. На шабаш даже не суйся. Я занят, тебя охранять не могу. Ясно?

– Ясно, – покладисто кивнула Ирка. Правда все ясно. Богдан занят, он перумовским хоббитом работает. Под прикрытием. А Ирка должна у окошка сидеть, дожидаться. Надо будет почитать этого Перумова: у него все хоббиты наглые или Богдан один такой? Охранник выискался! Хотя… Если бы не Богдан, от Ирки разве что косточки и остались бы. Псам-ярчукам, охотникам на ведьм, как раз поглодать в свое удовольствие. Но это же не повод вот так распоряжаться!

Словно подслушав Иркины мысли, Богдан подозрительно покосился на девчонку.

– Помни, ты мне обещала! – грозно процедил он.

Да помнит она, помнит… что ничего не обещала. Ведьма должна быть точна в словах, это Ирка знала точно. Вот потому фраза: «Я не полечу на шабаш» ни разу не сорвалась с губ. А если Богданчику угодно истолковать кивки и неопределенное хмыканье как обещание, то… То кто ж ему доктор?

Прощально помахав новоявленному хоббиту рукой, Ирка огляделась по сторонам. С бабки станется затаиться поблизости, а Ирке и так уже пришлось пожертвовать ступой. Терять что-то еще из колдовского снаряжения не хотелось.

Вокруг было тихо. Наскоро отперев неприметную дверцу в стене дома, Ирка по крутой лестнице спустилась в подвал.

Здесь хранилось наследство, оставленное Ирке второй бабушкой, матерью отца. Про загадочную бабушку-ведьму и своего неизвестного папашу Ирка по сей день не знала ничего. А наследством – ухватом для полетов, старыми травами, толстыми тетрадками заговоров и ведьмовских рецептов – пользовалась вовсю. Даже кое-что добавила в заветную тетрадь. Как раз вчера Танька очередное зелье откопала – шарики из разрыв-травы. Не динамит, конечно, но тоже бабахает. Ирку взрывной волной об стенку приложило, до сих пор спина ноет. Стала рецепт в тетрадку записывать, а из нее вдруг вывалился конверт.

Внутри лежал листочек, отпечатанный даже не на компьютере – на пишущей машинке! Приглашение. Всем местным ведьмам. В ночь на Ивана Купалу. Прибыть… И адрес.

Ребята прочитали, и тут Танька с Богданом дружно сошли с ума. Причем каждый в свою сторону. У Таньки аж глаза загорелись: лететь обязательно, причем не только Ирке, но и Таньке с ней. Ирка на ухвате, Таньку в ступу посадит – и вперед! И у Богдана тоже загорелись. Уши. От злости на Таньку. Орать

начал: никто никуда не летит, там вас сожрут, с одной ведьмой уже встречались, и ничего хорошего не вышло.

Сама Ирка, чтоб ни Богдану, ни Таньке обидно не было, решила: Танька остается. Ирка летит. Такой вот компромисс. С Богданом вполне удалось, а Танька все равно обиделась, зря только ступа теперь под капустой пропадает. Ну не может же Ирка и правда тащить подругу на самый настоящий шабаш! А если Богдан прав и их действительно собираются сожрать? Ирка все-таки ведьма, пусть неопытная, зато натуральная, *ро́жденная*, ею подавятся, а Танька кто?

Ирка чуть высокомерно усмехнулась – все-таки приятно быть крутой! Таньку она, конечно, понимала: кто бы не захотел на ее месте стать настоящей ведьмой. Но если уж от рождения не дано, то… Черт! День рождения!

Ирка с размаху хлопнула себя ладонью по лбу, будто муху прибила. Ей и хотелось прибить – себя. С этими разборками вокруг шабаша у нее все поотшибало! Сегодня же Танькин день рождения! Стараниями любящих родителей – самый страшный для именинницы день в году.

Отец у Таньки – вполне приличный дядька и дочку любит. Только совершенно не врубается, что день рождения – это ее праздник, а вовсе не повод для встречи с деловыми партнерами. Так что с середины дня к дому начнут подруливать серьезные дяденьки на джипах и «мерсах». И привезут с собой дочек. А доченьки там похуже любого шабаша!

Ирка клятвенно обещала подруге, что обязательно поможет пережить праздник. И надо же, именно сегодня они поссорились! Ирка задумалась. Ей предстояло принять нелегкое решение. Мириться с Танькой она не собиралась. В конце концов, Ирка права, и Танька это, конечно, поймет. Со временем. Но и подводить подругу тоже не годилось. Еще мгновение поколебавшись, Ирка направилась к себе в комнату переодеваться.

Слава богу, хоть шмотки приличные имелись. А ведь благодаря предприимчивой парочке – ведьме и ее менеджеру, что два месяца назад выкрали Ирку из дому. Заморочили голову учебой в несуществующей школе ведьм, а потом попытались девчонку прикончить. Но все-таки два добрых дела они сделали. Объяснили ей, что она самая настоящая ведьма, и подарили целый чемодан крутой одежды.

Ирка натянула на себя легкие шелковые брючки, фирменную маечку, собрала длинные темные волосы в тугой хвост. Вытащив из скрипучего шкафа давно припасенный подарок, зашагала вверх по улице, к особняку Танькиных родителей.

Даже если б Ирка не знала, где Танька живет, все равно не промахнулась бы – вон сколько дорогих машин выстроилось у кованых ворот. Ирка нажала кнопку домофона, круглый глаз видеокамеры вперился ей в лицо. Замок щелкнул. Вдоль обсаженной акациями дорожки девочка пошла к трехэтажному, крытому черепицей дому. Дом и сад Ирке ужасно нравились, хотя она не понимала, что за толк держать в саду акации. У той же дорожки посадить пару яблонь, черешню – свои фрукты, чем плохо! И каждое лето, как шахтер в забое – консервация-варенье, варенье-консервация. Вот отстояла бы Танька смену на кухне, среди булькающего кипятка, пара и чанов с фруктами, намоталась бы за день – то мешок с сахаром из сарая тащи, то трехлитровые банки – обратно в сарай, может, в голове бы и прояснилось. А то шабаш ей! Ирка почувствовала новый прилив злости: вот сейчас развернется и уйдет, пусть Танька со своими гостями сама справляется, не маленькая!

Ирка в нерешительности остановилась, двух шагов не дойдя до веранды, и тут же поняла, что уйти не сможет. Подругу надо было спасать по-настоящему.

Знакомый дом Танькиных родителей словно бы разделила невидимая граница. Справа, из распахнутых окон гостиной, доносились смех и веселые возгласы. Перекрывая звон бокалов, уверенный мужской голос вещал насчет «замечательных родителей замечательной девочки». А слева клубилась тишина, такая густая и тяжелая, что, казалось, ее можно подержать в руках. Отставив все колебания, Ирка свернула налево. И не ошиблась.

Громадный зал, который в доме почему-то называли «малой столовой», был отдан Таньке и ее гостям. Посреди зала возвышался стол. По одну его сторону, тесно, плечом к плечу, восседали три девицы, по другую – Танька, совершенно одинокая и, судя по физиономии, жутко несчастная. Нет уж, подругу на растерзание она не отдаст. Ирка решительно переступила порог.

– С днем рождения, Танечка! – сладко пропела она. – Поздравляю!

Танька вскинула голову, и лицо ее просияло таким восторгом и облегчением, что Ирка мгновенно перестала злиться. Через весь зал она направилась к имениннице, демонстративно виляя попой: а то ведь эти красотки не догадаются к лейблу на брюках присмотреться. Ее маневр имел полный успех, под лейблом даже зачесалось – еще бы, три горящих взгляда в упор! Когда Ирка плюхнулась на стул рядом с Танькой, в стане противника наблюдалась некоторая растерянность. Ирка удовлетворенно вздохнула: все-таки фирменные шмотки – это фирменные

шмотки, в них не пропадешь!

– Интересно, на чем твоя подружка приехала? – с явной претензией поинтересовалась у Таньки одна из гостий, медно-рыжая девица с надменной физиономией.

Автоматически, словно под гипнозом, Танька открыла рот, видно, чтоб представить рыжей полный отчет. Но Ирка коротко пнула ее под столом, и Танька захлопнула рот, аж челюсть лязгнула.

– Здравствуйте, девочки! – радостно заявила Ирка и осклабилась в невозможно светской улыбке.

Девчонка слева от рыжей неуверенно улыбнулась в ответ, у девчонки справа дрогнули губы, похоже, тоже собиралась поздороваться. Но тут же обе судорожно дернулись, а потом окаменели в высокомерном молчании. Пинаться под столом здесь умела не только Ирка.

– Так какая у ее родителей машина? – величественно повторила рыжая.

– Меня Ирой зовут! – все так же радостно сообщила Ирка. Нет, эта нахалка всерьез думает, что может переупрямить ведьму? Наивная!

– Это Алла. – Танька кивнула на рыжую. – А это вот Наташа и Карина.

– И все трое только что вернулись из Мексики, – заключила Ирка.

Три подружки изумленно воззрились на Ирку, и даже Танька обалдела:

– С чего ты взяла?

– Ну как же! – продолжая улыбаться, протянула Ирка. – У меня бабушка мексиканские сериалы очень любит, так она рассказывает: у них в Мексике самая распространенная болезнь – амнезия. Всю память начисто отшибает, даже имени своего вспомнить не могут.

У Наташи покраснели щеки, Карина уставилась в тарелку, и лишь рыжая Алла невозмутимо процедила:

– Мы помним свои имена.

– Да что ты говоришь! – тут же перехватила инициативу Ирка. – Знаешь, у меня мама сейчас в Германии, так она пишет: у немцев принято сперва здороваться, потом знакомиться, а уже потом спрашивать про марку машины. Странный обычай, правда?

Наташа с Кариной снова засмущались, а на лице Аллы отразилась некоторая задумчивость: мама в Германии в сочетании с лейблом на Иркиных штанах требовали осмысления. Ирка ухмыльнулась: про Германию и впрямь вышло солидно.

Алла тем временем как-то переварила новые сведения и

снисходительно кивнула, словно признавая Иркино право – в таких штанах и при германской маме – находиться в ее, Аллином, высочайшем присутствии. Осталось всего лишь разъяснить одну мелкую деталь.

– Что ж, здравствуй, если настаиваешь. Имена наши ты уже знаешь… от своей подружки. – Алла скривила рот и мазнула по Таньке брезгливым взглядом. Танька немедленно съежилась, а Ирка почувствовала, что начинает злиться всерьез. – Может, теперь расскажешь нам про свою машину? По немецкому обычаю.

М-да, подставилась. С рыжей надо осторожнее, на ходу подметки рвет.

– Я вообще не слышала, чтобы кто-то подъезжал, – неуверенно пробормотала Карина.

Ирка тут же поспешила воспользоваться ее словами:

– А у Тани такой сад огромный – хоть колонна «КамАЗов» мимо проедет, в доме не слышно.

Аллу основательно перекосило – хвалить хоть что-нибудь, принадлежащее Таньке, в этой компании было не принято.

– Значит, ты на «КамАЗе» приехала? – тут же нашлась Алла. – Отец шофер? – и поглядела на Ирку с жалостливым презрением, как на безнадежно убогую.

– Ира пришла пешком, – вмешалась Танька. – У нее дом поблизости.

Троица подружек снова погрузилась в задумчивость: к крутым штанам и маме в Германии добавился дом. Ирка хихикнула. Она совершенно не собиралась пояснять, что дом – саманная развалюха на самом дне городского оврага. Весной, когда снег тает, без резиновых сапог на двор не выйдешь, а уж что при разливе канализации делается… Зрелище не для слабонервных.

– У моего папы банк, – влезла Наташа, перехватывая инициативу у призадумавшейся Аллы. – У Каринки отец в мэрии, а у Алки папа такой бизнесмен, такой бизнесмен, ну самый крутой! А у тебя папа кто?

– Мужчина, – отрезала Ирка, и на языке появился горьковатый привкус, как всегда, когда речь заходила о родителях. Ей было мучительно завидно слушать этих расфуфыренных дурищ. Не потому, что у них папы в банке – хоть в бутылке, ей-то что! А потому, что у них папы вообще есть. И мамы, наверное, тоже. А у Ирки… Мама, да, в Германии. Четыре года как уехала, и ни слуху ни духу. Сперва посылала сообщения, потом письма превратились в коротенькие смски, а с год назад пропали и они. Так что насчет рассказа про немецкие обычаи Ирка все сочинила. А отец… Вот уж кого никогда в глаза не

видела. О том, что в принципе у каждого человека есть хоть какой-то отец, Ирка задумалась совсем недавно. Да и то из-за бабушек – нынешней и покойной.

Может, про бабок рассказать? Вот бабок у Ирки полный комплект. Одна, та, что умерла, была ведьмой, от нее Ирка и унаследовала колдовскую Силу. Вторая, с которой Ирка сейчас живет, ворожить не умеет, зато все остальные ведьмовские качества налицо.

Но слушать про бабок девчонки явно не собирались. Зачем, когда они нащупали Иркино слабое место! На физиономии Аллы появилось то же умильно-хищное выражение, с каким Иркин кот взирал на заблудшую мышку. Ирке даже показалось, что и на пальцах у Аллы вместо пестрого художественного маникюра появились загнутые крючки когтей. Нападение – лучшая защита, и Ирка поспешно ринулась в бой.

– Что вы все о папах, вы о себе расскажите, девчонки! Чем занимаетесь? Вот Танька у нас, например, классная художница. Вы знаете, ее картина на городском конкурсе второе место заняла! Между прочим, в жюри многие считали, что она заслуживает первого!

– В жюри были разумные люди. Никому из них не могла прийти в голову такая дурацкая мысль. – В голосе Аллы зазвучал металл.

Ее подружки дружно закивали.

– Глупости, глупости! Танина картина вообще так себе! Подумаешь, кота нарисовала! – фыркнула Наташа.

– Аллина картина была самая лучшая! Все правильно жюри решило! – подхватила Карина.

Ирка уставилась на победно улыбающуюся Аллу. С картиной, получившей на том конкурсе первое место, Ирку связывали самые неприятные воспоминания. Именно возле нее она наложила на человека смертный заговор и чуть не стала убийцей. Но надо быть справедливой – пейзажик классный. Неужели Аллин? В ответ на Иркин вопросительный взгляд Танька чуть заметно кивнула.

– С чем вас и поздравляю, – мрачно буркнула Ирка.

– Осенью Аллочка свои работы на новый конкурс повезет, в Канаду, – с торжеством сообщила Наташа.

Ирка тут же просекла – ей представился новый шанс зацепить Аллу.

– С языками помощь не нужна? – с преувеличенной заботливостью поинтересовалась Ирка. – В Канаде тебе английский и французский понадобятся. – Вот сейчас она сотрет самоуверенную улыбочку с Аллиного лица. Вряд ли кто-нибудь

способен, как сама Ирка, похвастаться знанием трех языков.

Ирка с торжеством подмигнула Таньке. Но физиономия той стала еще несчастнее.

– Спасибо, мне не нужны доморощенные репетиторы, – величественно обронила Алла.

– Аллочка недавно тесты сдавала – по английскому и по немецкому, – тут же с торжеством выдала Карина. – Лучшие результаты! Теперь она сможет поехать на месяц в Англию и на месяц в Германию. За счет спонсоров.

Ирка коротко выдохнула, будто получила удар под дых. Так вот из-за кого… Вот кто… Ах ты ж!..

Алла скромнейше опустила глазки:

– Конечно, мне спонсорские деньги совершенно не нужны, мой папа вполне способен оплатить любую учебу. Но как приятно – всего добиваться самой! Родители мной так гордятся! У меня весь следующий год ужасно напряженный! Конкурс в Канаде, потом Англия, потом Германия и еще Будапешт – соревнования по художественной гимнастике. Как я справлюсь, просто не представляю! Лишь бы учебу не запустить…

– Ты обязательно справишься! – хором пропели любящие подружки. – Ты же так хорошо учишься!

– Ах, картины, иностранные языки, учеба, спорт… Все это такие мелочи! – томно протянула Алла и поднялась с места. Наташа и Карина тут же браво вскочили и чуть не вытянулись во фрунт, словно солдаты при генерале. – Главное – семья! Хорошая, достойная семья. А когда даже собственного отца не знаешь… – Алла небрежно мазнула взглядом по Иркиной побагровевшей физиономии. – Пойдемте, девочки, в сад, подышим свежим воздухом. А ты, Танечка, можешь остаться. Развлеки подружку. – И, коротко хмыкнув, Алла направилась к дверям. За ней гуськом потянулась свита.

– Вот ведьма! – глядя Алле вслед, с подсердечной ненавистью выдохнула Ирка.

– А я думала, это ты у нас ведьма, – бледно улыбнулась Танька.

– Я по рождению, а она – по призванию, – буркнула Ирка, перевела на Таньку виноватый взгляд. – Кажется, не очень-то я тебе помогла.

– С Алкой еще никто справиться не мог, – вздохнула Танька. – Мало, что она каждый день рождения нервы трепет, так потом еще полгода родители мне ее в пример ставят – какая она вся из себя необыкновенная!

– Даже чересчур: и рисует, и спортом занимается, и языки знает. Может, она не живой человек, а супермальчик из рекламы

«Йодомарина»? А чего – сделала операцию по смене пола…

– И потолка. Тебе еще ничего, ты с ней в первый раз пересекаешься…

Ирка хмыкнула:

– Знаешь, похоже, не первый. – Она вытащила из кармана конверт и кинула его Таньке на колени.

– Это что? – поинтересовалась Танька, не прикасаясь к конверту и даже поглядывая на него с опаской, словно чуяла, что там затаилась какая-то гадость.

– Ответ с конкурса по английскому и немецкому, – уныло сообщила Ирка. – Пишут, что я молодец и произвела на жюри впечатление. Но! Нашелся человек, который набрал больше баллов, так что на стажировку в Англию и Германию поеду не я. И теперь, кажется, понятно, кто именно.

Танька обеими руками зажала себе рот, словно хотела сдержать крик. Покосилась на дверь в сад и сквозь сцепленные пальцы пробубнила:

– Неужели опять Алка?

Из сада послышался густой голос Танькиного отца:

– Девочки, вы чего здесь одни? А Таня где?

– Ой, к ней подружка пришла. У них свои разговоры, нам дали понять, что мы лишние. – Голос Аллы звучал невинно и чуть обиженно.

– Ну что за человек такой?! Похоже, для нее пакость сделать – главный смысл жизни! – стиснув зубы, процедила Ирка.

– Так не годится, – неодобрительно прогудел Танькин отец. – У хорошей хозяйки лишних гостей не бывает. Таня! Татьяна! Идика сюда!

Мученически возведя глаза к небу, Танька поднялась.

– Слушай, у тебя же отец вроде нормальный, ты не можешь ему объяснить, что эта Алла вытворяет?

– Да я пыталась… – Танька скривилась. – А родители: «Ах, ты несправедлива!», «Ах, Аллочка замечательная!». В прошлый раз отец просто сказал, что я ей завидую! Как зомбированные, ей-богу.

– Татьяна, ты заставляешь себя ждать! – донеслось из сада. В голосе Танькиного отца уже явственно слышалась гроза.

Тихонько напевая «Хорошо, что день рожденья только раз в году», Танька поплелась к выходу. У самого порога Ирка поймала подругу за локоть.

– Помнишь, у вас корпус был пластиковый, от древнего телевизора. Здоровый такой, мы еще в нем в дикторов играли. Он целый?

– Вроде да. В подвале валяется, – кивнула Танька.

– Притащить сможешь? – решительно скомандовала Ирка. – Только попозже, вечером. А лучше – ночью.

– Зачем? – шепотом спросила Танька, глядя Ирке в лицо огромными, полными отчаянной надежды глазами.

– Зачем-зачем – сама ж говорила: дубль для ступы делать!

– Ты берешь меня на шабаш, – счастливо выдохнула Танька и тут же ехидно прищурилась. – А как же страшные опасности, которые меня там подстерегают?

– Ну, надеюсь, Аллы там не будет, а все остальное… – Ирка небрежно отмахнулась. – Нельзя же позволить, чтоб у тебя из года в год день рождения был без радости!

Глава 2. День первый (а точнее, ночь на Ивана Купалу)

– Если капуста все-таки испортится… – жалобно протянула Ирка, покрутила головой, представляя предстоящий скандал, и аккуратно придавила переложенную капусту тяжелым гнетом.

– Не испортится, – уверенно заявила Танька, оглядывая результаты их совместных трудов.

– Молчи уж! Тоже мне, эксперт, ты капусту в жизни не квасила, – буркнула Ирка и тоже уставилась на возвышающиеся перед ней две здоровенные ступы. Если не знать совершенно точно, что еще несколько минут назад одна из них была пластиковым корпусом от телевизора, – не отличишь. Даже вон, сучок сбоку торчит – на ступе-дубле один в один как на настоящей. Хорошая работа, качественная. Ирка удовлетворенно кивнула.

Танька заглянула внутрь настоящей, теперь пустой, ступы и брезгливо сморщила нос.

– Где-то тут шланг был, я хоть ополосну, а то весь шабаш капустой провоняем.

– Все равно запах останется, – пожала плечами Ирка и нырнула в свой личный ведьмовской подвал. Вернулась, крепко сжимая в руках здоровенный закопченный горшок, до краев полный бледно-зеленой жидкостью с резким травяным запахом. Мелко шагая, чтобы не расплескать, двинулась к кухне.

– Это чего такое?

Ирка водрузила горшок в духовку. Потом строго воззрилась на Таньку:

– Ты лететь собираешься или как?

Танька кивнула.

– А без терлич-зелья далеко не улетишь. – Ирка ткнула пальцем в котел.

– Я думала, мы намажемся…

– Я-то намажусь, но я – ведьма, – кивнула Ирка, – а ты можешь летать только моим Словом, и только пока кипит терлич-зелье. – Ирка захлопнула дверцу духовки и нажала кнопку. Внутри вспыхнул свет и послышалось тихое гудение.

– Слушай, а вдруг оно кипеть перестанет, я что, на землю грохнусь? С высоты? – тревожно поинтересовалась Танька.

Ирка снисходительно похлопала подругу по плечу:

– Раньше времени не перестанет! Думаешь, зачем я бабку на духовку с таймером раскрутила?

Ирка вытащила из кармана пластиковую косметическую баночку и принялась густо накладывать крем на шею и запястья. Закатав джинсы, мазнула под коленками и бегом выскочила на двор.

Крепко зажав коленями здоровенный ухват, Ирка подергала бельевую веревку, тянущуюся от рогов ухвата к железному обручу на ступе.

– Залезай, быстро! – скомандовала она.

Танька подбежала к ступе и вдруг в нерешительности остановилась.

– Это ты меня на веревке, как прицепчик, поволочешь? – с сомнением спросила она. – А вдруг развяжется?

– Трусишь? – Оглянувшись через плечо, Ирка с веселым интересом уставилась на Таньку. – Так, может, ну его, это шабаш? Не я ведь настаивала.

– Нет-нет-нет. – Танька засуетилась, оперлась руками на край ступы, подтянулась… И замерла – одна нога в ступе, другая болтается снаружи. Несчастным голосом поинтересовалась: – Ир, а ты вообще-то уже летать пробовала?

Ирка коротко гикнула и, вздернув ручку ухвата к бледному шару луны, оттолкнулась ногами. Теплый ветер ударил в лицо, ухват взмыл в воздух. Бельевая веревка натянулась, ведьмочка почувствовала рывок, сзади придушенно вякнула Танька. Чуть ли не в спину Ирке тяжеловесно ткнулось нечто громоздкое. Ирка чуть увеличила скорость, веревка натянулась, и девчонка наконец смогла оглянуться. Неторопливой тушей ступа летела вслед за ухватом. Из широкого отвора торчали две задранные ноги – люминесцентные полоски на кроссовках слабо отсвечивали сквозь тьму. Вот ноги взбрыкнули и исчезли в глубине ступы, а над отвором медленно поднялась бледная Танькина физиономия. Не вся поднялась, где-то до носа. Судорожно вцепившись в края ступы, Танька медленно поводила глазами туда-сюда. Потом задрала голову, глянула в нависшее над ней ночное июльское небо, сдавленно охнула и нырнула на дно.

Ирка насмешливо хмыкнула и погнала ухват навстречу луне.

С грузом на хвосте ухват летел важно и неторопливо. Нагретый за день воздух мягко обвевал лицо, под ногами неспешно тянулись темные квадраты крыш. Желтые прямоугольники окон на парных башнях-высотках скользнули мимо, впереди раскрывалась бликующая в лунных лучах вода: Ирка подлетала к Днепру. Ухват несся вдоль реки, к виднеющемуся вдали пятнышку острова. Ведьмочка озабоченно поглядела на часы – до полуночи оставалось совсем немного – и крепче сжала колени. Ухват рванулся вперед…

– Эй, эй, не дергай! Дай полюбоваться! – раздраженно потребовали сзади.

Ирка обернулась. Романтически подперев подбородок рукой – ну чисто принцесса у окошка замка, – Танька стояла в ступе. Ветер играл ее распущенными светлыми волосами, а мечтательный взгляд то скользил по волнам, то поднимался к звездам.

– Красота-то какая! – трепетно вздохнула Танька и заправила за ухо расшалившийся локон.

– Ага, – критически прищурилась Ирка. – Ты еще зеркальце достань – красотой полюбоваться. Только что кто-то на дне сидел, зубами стучал, аж мне слышно было! А ну держись – опаздываем мы! И-и-ех! – пришпоренный ухват на полной скорости ринулся к вырастающей навстречу темной громаде днепровского острова. Сзади снова пискнули. Ирка в очередной раз оглянулась и удовлетворенно кивнула. Первоначальная картина была восстановлена – из ступы опять торчали Танькины кроссовки. Круто заложив ухват набок, Ирка помчалась на облет островка.

– Ты, Ирка, пользуешься тем, что я от тебя завишу! – закричали сзади.

– Ты не зависишь, ты висишь! – проорала в ответ Ирка и погнала ухват дальше. Они пронеслись вдоль стены деревьев, мимо мелькнули покосившиеся грибочки давно заброшенного пляжа. Ирка взмыла над островом – нигде ни огонька. Она прислушалась – ни звука. Остров был тих, темен и пуст. Как и всегда. Иркин ухват нерешительно завис в воздухе.

– Садись давай, а то меня сейчас вытошнит, – простонала Танька. Ирка виновато покосилась на подругу – переборщила она с воздушными фортелями, вон, та аж зеленая. Углядев в густой листве у берега небольшую полянку, Ирка мягко спланировала туда. Ступа увесисто плюхнулась рядом, вывалив Таньку в траву.

– Ой, слушай, я не специально, – торопливо пробормотала Ирка, соскакивая с ухвата.

– Не специально, как же, – пропыхтела Танька. – А ну не хватай меня за ноги! Мне что – на руках ходить?

С хрипом отдышавшись, Танька убежденно сообщила:

– Вот зачем ты так? Меня же укачало!

– Ну-у, я думала, тебе понравится, – невинно ответила ведьмочка и тут же наставила на Таньку рога ухвата. Даже в темноте видно было, как Танька оглядывает поляну – явно в поисках чего-нибудь тяжеленького. Ничего подходящего не нашлось, и Танька переключилась на окружающий пейзаж.

– Мы сюда года два назад с классом на катере ездили, на пикник. Здесь заброшено все давно.

– Подходящее место для шабаша, – неуверенно предположила Ирка.

Танька так же неуверенно кивнула, и подруги принялись вслушиваться в окружающую тишину. Деревья мирно шелестели темной листвой. Волны слабо плескались у берега.

– Может, ты место перепутала? – спросила Танька.

Ирка передернула плечами:

– У нас этих островов не так много. Все точно!

– Или нас разыграли и никакого шабаша нет… Или мы первые, – заключила Танька. – И нечего было лететь как угорелым.

– Я вообще не понимаю, зачем вы сюда прилетели?! – гневно вопросил смутно знакомый голос.

А над водой, приглушенный и странный, но все же узнаваемый, пронесся петушиный крик. И тут же остров будто полыхнул – весь, разом. Сыпля искрами, к темным небесам взвились десятки костров. Прямо к Иркиным ногам, развернувшись, словно коврик, упала длинная тень.

– Чего приперлись, спрашиваю? Вам кто разрешил?

Ирка медленно повела глазами по земле. Дошла до места, где теневые ноги переходили во вполне реальные – тощие, в кроссовках и джинсах. Подняла взгляд выше, выше – пока не уперлась в лицо. На нее, яростно посверкивая болотно-зелеными глазищами, взирала рыжеволосая Алла.

– Н-да, девочка целеустремленная, если уж взялась праздник портить, так до конца, – сквозь зубы процедила Ирка. – Эй, Аллочка, твои подружки тоже здесь? Как их там – Наташа и Карина?

– Эти жалкие смертные мне не подруги! – Алла бросила на Ирку высокомерный взгляд. – А с моими настоящими подругами ты сейчас познакомишься – мало не покажется! – И Алла вдруг дико завизжала, так что у Ирки заложило уши, а потом заорала: – Девчонки, все сюда, к нам тут влезли… какие-то…

Воздух туго хлопнул, словно встряхнули мокрую простыню. Ровненьким треугольником, затылок в затылок, над берегом завис десяток девчонок – верхом на метлах. Во главе клина летела потрясающая красавица лет пятнадцати – золото ее роскошных длинных волос сияло даже в ночной тьме. Летуньи заложили лихой вираж и дружно, не размыкая ровного строя, пошли на посадку – точно у Аллы за спиной. Десять пар ног слитно впечатались в траву. Десять пар мерцающих болотной зеленью глаз со зловещим интересом вперились в Ирку.

– Чужие, чужие на острове! – продолжала надрываться Алла.

– Сматываемся, Ирка, на ухват – и деру! – Танькин

панический шепот ввинтился Ирке в ухо, ее потянули за локоть… Ирка встряхнула головой – будто муху отогнала – и краем губ шикнула:

– Не дергайся!

Минуту Ирка с интересом рассматривала застывших перед ней девчонок, потом удивленно покачала головой:

– Те подружки, значит, смертные, а эти, значит, настоящие. То есть если им даже головы поотрывать – ничего не будет? – и прицельно прищурилась, оглядывая ближайшую из девчонок. Та растерянно сморгнула – очень уж серьезный и вдумчивый был у Ирки взгляд. – Ну тебе-то, Аллочка, голова точно не нужна – все равно не пользуешься. Дура ты, чужие здесь не ходят. В смысле, не летают, – и Ирка вытянула на передний план свой ухват.

Аллин визг осекся, будто ножом срезали. Возглавляющая летуний золотоволосая красавица оглядела Иркин ухват. Потом оценила ступу и надменно, в лучшем Аллином стиле, вопросила:

– Девочка, ты чья?

– Девочка, я не чемодан, – процедила Ирка.

– Ты не поняла? – с царственным презрением поинтересовалась красотка. – Я спросила, кто твоя хозяйка.

– Ты не поняла? Я сказала – я не чемодан. – Ирка почувствовала, что начинает закипать. Называется, слетали поразвлечься.

– Что ты ее расспрашиваешь, Лерка! – снова взвизгнула Алла. – В огонь их, в воду, немедленно! Наша хозяйка новых не делала, а Старая Грымза только таких же старых грымз берет!

– Я все слыш-шу, – прошуршал сухой, словно осенние листья, голосок. Из густой тьмы под деревьями вынырнула мелкая востроносая старушонка, укутанная в серый шерстяной платок. – Все хозяйке рас-скажу!

– Ты нас напугала просто до дрожи в коленках, – фыркнула красавица Лера. – Будь любезна, напряги свои подслеповатые глазенки: новенькие – ваши? – Лерин изящный пальчик с вычурным маникюром ткнулся в сторону Ирки и прячущейся у нее за спиной Таньки.

Старушонка торопливо засеменила в их сторону. Кончик ее носа шевелился, часто-часто подрагивая. Поводя носом, старушонка оббежала вокруг. Ирка только головой вертела: упускать юркую бабульку из виду не стоило.

– Но-овенькие, но-овенькие, – шамкала старушонка. – Хоро-ошенькие. Све-еженькие. – И она облизнула сухие губы острым язычком. – А не наши, не наши новенькие! У нас все больше старенькие, – и старушонка визгливо рассмеялась. – Наша хозяйка не то что ваша – соплячек не любит, не любит. Берет

женщин разумных, солидных, в возрасте. Нету у нас новеньких, нету.

– Чужие, – заключила Лера, и это простое слово звучало смертным приговором. – Зря вы сюда явились, девочки.

– А вот и не зря, не зря, – зачастила старушонка, продолжая кружить вокруг Ирки с Танькой. Круги становились все у́же, а острый розовый язычок все чаще хищно выскакивал из узкой щели рта. – Будет свеженькое мясцо, будет горячая кровушка, будет-будет-будет…

– Силь тоби будэ, та перчина, та болячка промиж очима, – хладнокровно бросила Ирка, свернула пальцы в дулю и, будто пистолет в боевике, впечатала ее старушонке точно между глаз.

Старушонка на мгновение замерла, а потом вдруг отчаянно вскрикнула и схватилась руками за лоб.

– Жжется! Ой, жжется! Печет! – истошно заверещала она.

– Она… Она – ведьма! – изумленно, словно появление ведьмы здесь, среди пылающих костров, хищных старушек и наездниц на метлах, было делом самым что ни на есть необычным, прокричала девчонка из заднего ряда летуний. И указала на Ирку.

– Да, но и она – тоже, – нервно буркнула Лера, кивая на корчащуюся в траве старушонку. – Ведьму никто не может зачаровать!

– Вы показываете прискорбное отсутствие логики, милочка, – вновь прозвучал голос из темноты, и на поляне появился еще один персонаж. Строгая пожилая дама в синем «учительском» костюме и с седым пучком на затылке шла, топча траву широкими темными туфлями. – Ты – ведьма. Но твоя хозяйка может зачаровать тебя.

– Наша хозяйка тоже может зачаровать тебя! – запальчиво выкрикнула Алла, а строгая дама поморщилась – так морщатся учительницы, услыхав от учеников очередную глупость.

– Вы снова не хотите рассуждать, девочки, – с усталым терпением вздохнула «училка». – Мы все – ведьмы, и только наши хозяйки могут зачаровать нас. Она… – «училка» вытащила из кармана карандаш, чтобы ткнуть им в сторону сухонькой старушонки. Держась за голову, та мерно раскачивалась и причитала. – Она – ведьма, и ее только что зачаровали. Значит, эта… – Карандаш повернулся в сторону Ирки.

В заднем ряду летуний вдруг взметнулась рука.

– Можешь отвечать. – Карандаш ткнул в сторону поднятой руки.

– Значит, она такая же, как наши хозяйки! – выпалила девчонка и тут же, сама испугавшись своих слов, с хлопком

прикрыла рот ладонью.

– Садись, «отлично», – злорадно промурлыкала Ирка.

Тяжело опершись на собственную метлу, словно ноги плохо держали ее, красавица Лера прошептала:

– Ты – ро́жденная?

Ирка на мгновение задумалась.

– Я не поняла, – наконец ласково протянула она. – Я что, должна тебе отчитываться?

И вот тогда глаза Леры и остальных девчонок налились настоящим ужасом. Они растерянно топтались на месте, словно никак не могли решить: то ли напасть всем скопом, то ли разбежаться в разные стороны. А старушонка на траве вдруг завопила:

– Хозяйка! Хозяйка-а!

Крик наполнил весь островок и унесся вдаль, скользя по днепровским волнам.

– Ну шо, ну шо ты орешь? Ну шо ж ты галаслыва така?

– Ваши ро́бленные вообще невероятно шумные особы!

Ирка только успевала вертеть головой. По кромке берега вышагивала тетеха, наряженная в цветастый платок и длинную сборчатую жакетку из самого натурального – Ирка глазам своим не поверила – плюша! У Иркиной бабки такая была – Ирка на старых фотографиях видела. Бабка свою жакетку еще до Иркиного рождения на тряпки пустила, а тут – надо же! На ногах у плюшевой тетехи красовались вязаные чулки, а поверх них – здоровенные резиновые калоши! Калоши постоянно сваливались с толстых ножищ, и тетке приходилось то и дело останавливаться. Суетящаяся возле ее могучего локтя еще одна бабуся – в легком летнем костюмчике и шляпке с розочками – тут же нагибалась и прилаживала обувку на место.

– Антикварная тетенька, – глухо пробурчала Танька у Ирки за спиной. Ирка кивнула, оглядываясь на совершенно другую женщину, надвигающуюся на них с противоположной стороны острова. Женщина была высокая, худая и довольно молодая, в очень элегантном и, наверное, дорогом брючном костюме. В походке ее была какая-то неправильность. Ирка присмотрелась и вдруг поняла: тонкие шпильки туфель не проваливались в рыхлую землю у речного берега. Дама шла будто по гладкому ровному полу и, кажется, даже поцокивала каблуками.

Среди девчонок с метлами тут же произошло некоторое движение, они подтянулись и застыли со строго-надменным выражением лиц. Точно как у приближающейся женщины. Элегантная дама и толстая тетеха сошлись как раз над сидящей на земле востроносой старушонкой. Смерили друг друга

недобрыми взглядами.

– А ты до моих не чипляйся, хочуть – так и оруть! – скандальным тоном начала тетеха и, будто цапля, задрала ногу, ожидая, пока бабуся в шляпке в очередной раз поправит ей калошу. – Свои есть, ось до них и чипляйся!

Женщина надменно скривила умело накрашенные губы и величественно поинтересовалась у Леры:

– Что здесь, собственно, происходит?

Ирка невольно хмыкнула – теперь понятно было, с кого Алла, Лера и остальные копируют свои манеры. Впрочем, с прибывшей дамой они вели себя по-другому. Торопливо отпихнув Леру в сторону и угодливо заглядывая женщине в глаза, Алла протарахтела:

– Хозяйка, здесь чужие!

– Хозяйка, – немедленно вмешалась «училка», но обращалась она не к элегантной даме, а к толстой тетехе в калошах: – Хозяйка, она… – «училка» указала на Ирку, – зачаровала ее. – Карандаш ткнулся в сухонькую старушонку в платке. Старушонка немедленно закивала и скосила на Ирку многообещающий взгляд, явно рассчитывая, что сейчас ту постигнет неминуемое возмездие.

Обе хозяйки тоже уставились на Ирку. Надо отдать должное ро́жденным ведьмам – соображали они быстрей своих подручных. Мгновение они разглядывали Ирку, и глаза их наливались темной изумрудной зеленью. Потом, словно кадры в старой кинохронике, на их лицах стремительно промелькнули: понимание, опасение, досада, – и тут же все залилось потоком любезности. Тетеха сладенько улыбнулась и почти пропела:

– Доброй ночки, доченька!

Женщина царственно кивнула:

– Приветствую тебя, сестра!

Ирка оглядела их с сомнением – предложенные степени родства ее как-то не вдохновляли.

– Здравствуйте, – неловко кивнула она. – …Э-э, бабушка и… э-э, тетенька!

Теперь уж обе хозяйки недовольно сморщились и поспешили представиться.

– Оксана Тарасовна! – объявила элегантная дама. – Все девочки – мои! – она махнула в сторону летуний.

– А все бабушки – мои! – басом хохотнула тетеха. – А сама я буду Стелла!

– Навряд ли, – скептически шепнула Танька. – Уж на кого-кого, а на звезду точно не похожа.

Ирка снова согласно кивнула, делая вид, что церемонно

представляется:

– Ирка Хортица.

И увидела, как обе ро́жденные ведьмы вдруг переглянулись и на их лицах мгновенной вспышкой прорезался настоящий ужас.

– Ты ж ба! – непосредственно воскликнула Стелла. – А ты часом не дочка старо…

Предостерегающий кашель Оксаны Тарасовны заставил Стеллу осечься.

– Вы о чем-то спрашивали? – поинтересовалась Ирка, но Стелла лишь решительно покрутила головой, так что заплясали концы платка.

– Шо мени спрашивать, нема чого спрашивать!

– На Ивана Купалу – особенная ночь, ведьма Ирка Хортица, – с надменной любезностью произнесла Оксана Тарасовна. – Веселись с нами.

Танька за спиной облегченно вздохнула – кажется, все обошлось – и тут же тихонько взвыла от ужаса, потому что Ирка с хладнокровной наглостью заявила:

– Не думаю, что мне нужно ваше разрешение.

Стелла хихикнула, Оксана Тарасовна сжала губы в тонкую злую линию, но все же выдавила:

– Ты права. Ро́жденной ведьме не нужно ничье разрешение. Но ты здесь новенькая… – Она обернулась и небрежно скомандовала: – Алла, покажи девочкам остров.

– Я?! – шокированная Алла во все глаза уставилась на свою хозяйку.

– Ты, кажется, хочешь возразить? – со змеиной ласковостью осведомилась Оксана Тарасовна.

– Хоче, хоче, – тут же влезла злорадно ухмыляющаяся Стелла. – Совсем ты, Оксанка, ро́бленных своих распустила, слова им вже сказаты не можешь, одразу перечат.

– Я не перечу, не перечу! – тут же вскричала Алла, метнулась к Оксане Тарасовне, схватила ее руку и приложилась к ней почтительным поцелуем.

Ирка пхнула Таньку локтем:

– Ну что, все еще хочешь, чтоб я тебя своей ро́бленной сделала? Только учти, ручкой не отделаешься, будешь мне пятки лобызать!

– Я тебе их раньше пооткусываю, – мрачно пообещала Танька. – Слушай, давай дернем отсюда? Очень оно нам надо – с Аллочкой прогуливаться!

Ирка поглядела на Таньку укоризненно:

– Вот ты, между прочим, сама виновата, что такие, как Алла, тебя третируют. Она на тебя прет по нахалке, а ты и готовенькая –

лапки кверху и драпать! Мы, значит, через речку сюда летели, потом с местными ведьмами разборки устроили, и что теперь – у бережка потопчемся и домой? Даже не посмотрим, что там делается? – Ирка ткнула пальцем в глубь острова, где пылали костры, несся смех и мелькали странные, размытые силуэты. – И все только потому, что ты эту ручную целовальницу Аллу боишься?

Подчеркивая всю глубину своего недоумения, Ирка демонстративно пожала плечами и решительно двинулась прочь от берега. Мгновение за спиной было тихо, потом послышались торопливые шаги. Танька догнала подругу и двинулась с ней плечом к плечу.

– Расслабься, – хмыкнула Ирка. – Ты развлекаться идешь, а не бункер с заложниками штурмом брать.

– Расслабишься тут, – пробормотала в ответ Танька. И покосилась на Аллу, тащившуюся на шаг позади Ирки. В ответ Алла злобно зыркнула на Таньку и хмуро пробурчала:

– Туда!

Не споря, Ирка нырнула под низко висящую ветку…

Глава 3. Все та же ночь, все то же место

Чья-то рука крепко вцепилась Ирке в волосы, ее потянуло вверх, запрокидывая голову, и прямо перед ней появилось смеющееся девичье лицо.

– Петрушка чи полын? – спросила восседающая на ветке девушка.

Вспомнив книжки, что пачками притаскивала ей Танька, Ирка выпалила:

– Полын, полын, як визьму зараз дрын!

– Вона видьма, прийшла нова видьма! – тут же зазвенело среди деревьев, рука на Иркиных волосах исчезла, а в ветвях замелькали стройные девичьи фигуры в легких полупрозрачных рубашках.

– Ух, ух, соломьяный дух, дух!

Девушки схватились за руки. Аллу моментально оттеснили в сторону, а вокруг Ирки с Танькой сомкнулся тесный круг хоровода. Босые пятки дружно ударили в землю.

– Як бы не лук, не чеснок, не одилень-зилля,
Мама дочку породила, мы бы ее взели!

Посреди круга вдруг яростно полыхнул костер. Взвизгнув, Ирка с Танькой метнулись прочь от жарких языков огня, с размаху влетели в живой пружинящий круг хоровода. И тот покорно подался навстречу, давая новеньким место. Ирка схватилась за Таньку, второй рукой сжала чью-то тонкую, невыносимо холодную ладонь. Запахло разогретой у огня травой.

– Это мавки, лесные мавки! – успела крикнуть Танька, и хохочущий, неистово пляшущий круг тут же поволок их за собой, разомкнулся в цепочку, змеей заскользил между деревьями. Побросав метлы, подскакивали девчонки Оксаны Тарасовны, разрывали цепочку и становились в середину, вместе со всеми несясь в диком танце.

– Налетай – подешевело! А ось кому… – гаркнули Ирке прямо в ухо, и старый дедуган, несмотря на жару летней ночи наряженный в вывернутый наизнанку тулуп, сунул ведьмочке под нос здоровенное решето.

– Что здесь? – Тяжело дышащая Танька вырвалась из

хоровода, сунула нос в решето. – Ой, котики! Какие хорошенькие… – Она протянула руку, чтобы погладить коротенькую шерстку на свернувшихся в решете меховых клубочках.

– Який я тоби кот, чи в тэбе очи повылазылы? – скрипучим голосом заявил клубочек. Из шерсти вдруг выглянуло крохотное сердитое стариковское личико. В зубах у сидящего в решете старичка была зажата дымящаяся трубка.

Сдавленно пискнув, Танька отпрянула.

– Чого верещишь? – укоризненно прогудел дедуган в тулупе, встряхивая решето. – То ж домовики, чи не бачила? Покупай, добри домовики, в хозяйстве згодятся! Лише соли им не давай, а то осерчают, на этого перетворятся, як то нынче люди кажуть… – старичок пощелкал пальцами, вспоминая. – О! На полтергейста! Кидаться зачнут и ругаться.

– Ой, нет, спасибо, мы не любим, когда ругаются, – пробормотала Ирка, за локоть оттаскивая Таньку подальше от дедугана. Рядом змеилась цепочка танцующих. Крепко держась за руки двух стройных мавок, проскакала старушонка в шляпке. Розочки на шляпке мерно подрагивали.

– Слушай, как здорово, что мы не ушли! – возбужденно вскричала Танька. – Что тут еще интересненькое есть? Пошли туда! – И она понеслась к дальнему, разведенному у самой воды костру. – Русалки! Ирка, скорее, тут русалки! – закричала она, обернувшись к приотставшей подруге.

– Разгулялась, – фыркнула Ирка, припуская следом.

Прямо перед ней из высокой травы выскочила маленькая девочка, с головы до пят окутанная длинными распущенными волосами с вплетенными в них желтыми кувшинками. Девочка радостно захлопала в ладоши и закричала:

– На качели, бежим с нами на качели, ведьмочка! – и понеслась впереди. Ее фигурка дрожала, мерцала, то и дело менялась: девочка, стройная девушка, колышущийся пучок водорослей, снова девочка, гибкая, отблескивающая атласной шкуркой выдра…

Наддав, Ирка догнала девчонку, крикнула на бегу:

– А я думала, русалки с рыбьим хвостом!

Маленькая русалочка звонко расхохоталась, прыгнула, взмывая над разведенным у воды огнем, и очутилась на двух сцепленных, будто качели, ветках. Лихо раскачалась и ринулась в воду, войдя в нее легко и тихо, без единого всплеска. Лишь мелькнули в воздухе две стройные ножки. И тут же вынырнула, выгнулась, и раздвоенный, покрытый темно-зеленой чешуей хвост хлестнул по воде. И вот уже она снова выбегает на берег, легко

перебирая ногами и не оглядываясь. А за ней…

Ирка замерла. Пригибаясь, так что почти касалось руками земли, отблескивая совершенно лысой головой, за русалкой неслось какое-то существо.

«Горлум, ну чисто Горлум!» – испуганно подумала Ирка. Существо метнулось к костру… Ирка предостерегающе вскрикнула. Русалки дружно оглянулись…

– Безыменная, безыменная! Хватай ее! – закричала маленькая русалочка, и голосок ее стал резким, будто у завидевшей добычу чайки.

Русалки дружно рванули к странному существу. Может, оно бы и успело удрать, если бы немедленно кинулось в воду, но на мгновение замешкалось, протянуло худые руки к огню и вдруг, одним хлопком ладоней, поймало отлетающую от костра искру. Прижало пылающую искорку к своей лысой голове. И тут же на него всем скопом налетели русалки.

Крохотный кулачок маленькой русалочки изо всей силы врезался существу в губы. Те мгновенно лопнули, словно переспелые вишни. Брызнула кровь. Лысое создание рухнуло, погребенное под грузом вопящих, лягающихся, молотящих кулаками русалок.

– Эй, эй, вы что делаете? – закричала Ирка и кинулась на помощь Таньке, которая уже тянула одну из русалок за мокрые косы, пытаясь стащить ее с жертвы. В лучших традициях школьных драк раздавая пинки и зуботычины, Ирка с Танькой расшвыривали озверевших русалок в разные стороны. Свернувшись в жалкий комочек и уткнувшись лицом в коленки, существо лежало на траве. Ирка присела рядом, походя оттолкнув чью-то занесенную для пинка ногу. Бережно перевернула беспомощное тело и вздрогнула от удивления. Перед ней была девчонка, самая обыкновенная девчонка, даже довольно симпатичная, вот только лысая.

– Девки, вы что, совсем очумели? Вы за что ее лупите?

– Безыменная, вона безыменная! – дружно завопили русалки, на всякий случай держась от Ирки с Танькой на безопасном расстоянии. – У нее мать проклята, батько проклятый, воны ее породили, а имени не дали, так без имени и втопили.

– А сами вы откуда взялись? – возмутилась Танька. – Можно подумать, вас не утопили!

– Так нас с именем, – маленькая русалочка явно обиделась на Таньку, что та не понимает таких простых вещей. – Мы красивые, с волосами, а вона страшна, безволоса. Отдай ее нам, ведьма!

– А ну брысь отсюда, шовинистки подводные! – яростно гаркнула Ирка, метнув в русалок горящий бешенством взгляд. К

ее собственному удивлению, испуганно визжащие русалки тут же кинулись наутек. От их мокрых волос валил пар, словно по ним прошлись горячим утюгом.

Поддерживая постанывающую лысую за плечи, Ирка помогла ей подняться с земли.

– Сюды, ведить ее сюды, – тихонько позвали от реки. Ирка обернулась и увидела другую лысую девчонку, наполовину высунувшуюся из воды. Та призывно махала руками.

– Спасибо вам, видьмочки, спасибо так спасибо, – запричитала девчонка, принимая от Ирки с Танькой свою избитую товарку. – Говорила я ей, не лезь до костра, не хапай искру, все равно волосья не вырастут, а вона… Ну никого не слухает и ось же – отлупцювалы!

– Вы думаете, от искры вырастут волосы? – изумилась Танька.

– Так костер же купальский, русалочий, – извиняющимся тоном сказала вторая лысая девчонка. – Кажуть, могут вырасти. Тильки именные русалки до костра не пускают, искры не дають, а сразу бьють.

– А чего вы поддаетесь? – зло спросила Ирка. – Просто как болезнь какая-то! – Она покосилась на Таньку, а та отвела глаза. – Когда внаглую наезжают, сдачи давать надо.

– Як же сдачи, не можно сдачи, – забормотала безыменная русалка, а ее пришедшая в себя избитая подружка энергично закивала и хрипловатым голосом пояснила:

– Воны можуть нас лупцевать, а мы их не можемо. Воны с именем, а мы без, воны таки красыви, з волосьями, – ее глаза стали мечтательными. – А мы дуже страшни. – И она смущенно погладила себя по лысой голове.

– Что за предрассудки! – немедленно возмутилась Ирка. – Между прочим, бритый череп – это даже стильно!

– Стильно? – Лысые русалки переглянулись.

– Ну да, стильно и модно, – уверенно кивнула Ирка. – Может, вы так панкуете. Еще бы по коже татуировочку пустить крутую – и вообще супер будет. Ваши волосатые подружки от зависти удавятся!

– Воны не можуть вдавытыся, воны ж вже втопылися, – растерянно пробормотала избитая русалка и нерешительно поинтересовалась: – А ту татуировочку, де ее делают?

– Специальные салоны есть, – авторитетно пояснила Танька. – По справочнику можно найти…

– Откуда у них в реке справочник? – передернула плечами Ирка.

– Вода в тех салонах есть? – жадно спросили лысые русалки.

– А как же, – кивнула Ирка. – В кранах. Ну… в крайнем

случае в унитазах.

Русалки снова переглянулись.

– Спасибо, знайдемо, – хором сказали они. Водная гладь дрогнула, над рекой всплеснули два хвоста, и безыменные русалки исчезли.

– Вообще-то, бритый череп с татуировкой уже сто лет как из моды вышел, – хмыкнула Танька.

– Это на суше, а под водой будет как раз последний писк. Еще и волосатые обреются.

– С волосами русалки красивее, – вздохнула Танька.

– Ага, и Лера раскрасавица, и Алка тоже не уродина, а самая обыкновенная дрянь. Такая же, как эти русалки. – Ирка досадливо покрутила головой. – Ну надо же, везде одно и то же! А как классно было…

– Домой? – нерешительно предложила Танька.

– Наверное. Здесь вроде все посмотрели, и настроение испортилось. – Ирка на мгновение оживилась. – Только давай сперва во-он в тот домик заглянем. Мы там не были.

– Может, не надо? – замялась Танька.

– Да ладно, любопытно же. Неизвестно, когда еще на шабаш выберемся. – И Ирка поспешила туда, где среди деревьев темнела скатная крыша домика.

Глава 4. В которой все и случается

Домик был даже не домик, а скорее сарайчик, причем полуразрушенный. Сквозь здоровенные щели трухлявых бревенчатых стен вольно гулял ночной ветерок. Тем удивительнее было, что крыша на сарайчике оказалась целой. Все прорехи в кровле были тщательно прикрыты: то досками, то ветвями, а в одном месте даже просто куском картона.

– Это что еще за лоскутная крыша? – удивилась Танька, заглядывая в пустой проем на месте двери.

В глубине сараюшки загадочно мерцал огонек одинокой свечи, а рядом кто-то сидел, привалившись к стене. Завидев темное пятно Танькиной головы на более светлом фоне проема, сидящий приподнялся:

– Ну что вы все лезете сюда, все лезете и лезете! Хозяйка вам Дар присудила? А вот фиг, не поверю!

Танька с Иркой недоуменно переглянулись – какой еще дар? – и немедленно влезли внутрь сарайчика.

– А ну стойте! Вам кто разрешил… – тут же послышался крик, причем двухголосый. Кричали изнутри, навстречу подругам торопилась решительная девчонка с метлой на изготовку, явно готовая в случае чего подраться с незваными гостями. Ирка даже пожалела, что оставила свой ухват на берегу. Орали и сзади – к сараю со всех ног неслась Алла. Запыхавшись, она влетела внутрь и, с ходу ухватив Ирку за рукав, попыталась вытащить ее наружу. Та не шелохнулась.

– Что-то я тебя на берегу не видела, – тоном инспекторши из гороно заявила Ирка, пристально рассматривая появившуюся из сарая незнакомку. – Вас у Оксаны Тарасовны вообще сколько?

– Двенадцать, – растерянно пробормотала девчонка.

– Почему не тринадцать? – все с той же недовольной строгостью поинтересовалась Ирка. – Недобираете до чертовой дюжины, девочки, недобираете. Непорядок.

– Так ведь дар присудят – вообще одиннадцать станет… – пролепетала девчонка.

– Замолчи, дура, зачем треплешься? – прошипела Алла, а из глубины сарая послышался слабый смех, тут же сменившийся сухим раздирающим кашлем. Решительно обогнув стоящую перед ней девчонку, Ирка двинулась в глубь сарая. Щурясь на свечу, она подошла к столу.

В глубоких тенях, сгущавшихся сразу за границей светового круга, пряталась старая скрипучая раскладушка, небрежно застланная серой от грязи простыней. А на простыне лежала

женщина. На мгновение Ирке подумалось, что это одна из ро́бленных Стеллы, потому что лежащая была стара. Но мысль мелькнула и исчезла. Было в ней нечто эдакое… Во всяком случае, представить ее униженно поправляющей калоши на тумбообразных Стеллиных ножищах было совершенно невозможным. И еще Ирка поняла: она откуда-то эту женщину знает. Ей знаком и насмешливый прищур серо-зеленых глаз, и гладкая, волосок к волоску, прическа, и строгая блузка, еще недавно безукоризненно чистая, хотя сейчас и заляпанная землей и травяным соком.

– Кто вы? – одними губами шепнула Ирка, но та расслышала. Она коротко усмехнулась уголком рта:

– Презент, деточка. Удача для одной-единственной счастливицы. Или ты, Ирочка, спрашиваешь, кем я была раньше?

– Вы меня знаете? – изумилась Ирка.

– Мы дружили с твоей бабушкой. Я довольно часто бывала в вашем доме и прекрасно тебя помню. Такое милое дитя в оборочках и бантиках. Бантики исчезли, но в остальном – вполне узнаваемо.

– С бабушкой? – чуть растерявшись, переспросила Ирка. Да у бабки сроду, кроме телевизора, друзей не было. И тут же она с замиранием сердца сообразила, что речь идет о бабушке, от которой Ирка унаследовала свой дар. Голова у ведьмочки закружилась, и словно бы картинка мелькнула перед глазами: просторная комната, старинный стол на гнутых ножках и лампа под абажуром. Тускло мерцает серебро кофейника, красивая пожилая дама разливает кофе, и голос, почти позабытый голос: «Ирочка, предложи Ольге Вадимовне пирожных!»

– Вас зовут Ольга Вадимовна! – выпалила Ирка. – Я… Я вас помню! Вы такая же, как моя бабушка!

Ольга Вадимовна снова рассмеялась, и смех опять сменился лающим кашлем.

– Действительно, мы с твоей бабушкой были, скажем так, коллеги. У тебя прекрасная память, деточка. Ты и раньше выказывала недюжинные задатки. Я неоднократно предупреждала Елизавету, что она просто обязана изменить свои планы на твой счет. Но упрямства дорогой подруге всегда было не занимать. – Ольга Вадимовна небрежно махнула рукой. – Если уж забирала что себе в голову…

– А какие планы были у бабушки? – жадно спросила Ирка, но ее собеседница лишь строго нахмурилась:

– Тебе следует избегать прямых вопросов. На прямой вопрос можно отвечать… или НЕ отвечать. Никогда не передавай инициативу противнику. Крутись вокруг да около, делай вид, что

тебе неинтересно, говори о другом – собеседник и сам не заметит, как все выболтает.

– Тогда давайте поговорим о вас, – стараясь скрыть разочарование, улыбнулась Ирка. – Что с вами? Почему вы здесь? Почему вы – презент?

– Не твое дело, – тут же нахмурилась Алла. – Поздоровалась со старой знакомой и вали обратно. А ты вообще помалкивай, – накинулась она на Ольгу Вадимовну. – Разболталась тут.

– А может, и тебе дулю сунуть? – любезно предложила Ирка. – Скажем, под нос? На вечные сопли: длинные такие, зеленые. Фе-е, гадость! Ты с каких это пор такая наглая стала, что ро́жденной ведьме хамишь? И вообще, что у вас тут за подарки? – наступала Ирка. – Я, может, тоже хочу! Или я не ведьма?

– Тебе-то зачем? – чуть не плача, воскликнула Алла. – Ты и так ро́жденная! А мне ее Дар забрать… – Она махнула в сторону лежащей на раскладушке Ольги Вадимовны. – Во как надо! – Алла провела ребром ладони по шее.

– Почему это тебе? – вмешалась вторая девчонка. – Думаешь, Оксана Тарасовна меня зря охранять поставила? Я Дар получу, ясно! Ты и так на хозяйкиной Силе на целый год заграничных поездок нахватала, хватит с тебя!

– Что ты несешь! – опасливо косясь на враз насторожившихся Ирку с Танькой, заорала Алла. – Скорее Дар Стеллиным бабулькам отдадут, чем тебе! Думаешь, хозяйка не знает, зачем тебе собственное ведьмовство? От нее избавиться хочешь! Дар она отдаст тому, кто ей по-настоящему верен, кто навсегда при ней останется!

– Это ты, что ли? – прищурилась охранница, многозначительно перекидывая метлу с руки на руку. – Не надейся, если все-таки ты от нее Дар возьмешь, – девчонка кивнула на лежащую на раскладушке старую ведьму, – прижиться все равно не успеет. У нас с девчонками будет девять дней – мы его из тебя вместе с душой вытрясем!

– Нет, ты глянь на эту парочку, Танька! Они какие-то вообще недоро́бленные, – пожала плечами Ирка. – Мания величия в острой форме: Аллочка у ро́жденной собралась ее Дар отнять. А кое-что не треснет?

– Три раза ха-ха, – издевательски бросила в ответ распалившаяся Алла. – Наша Ирочка такая вся из себя крутая, а элементарных вещей не знает! Она умирает, ясно? – Алла снова ткнула пальцем в Ольгу Вадимовну. – Детей у нее нет, значит, Дар по наследству не пошел! Она может перед смертью его кому угодно передать! Вот и отдаст – кому хозяйка скажет! Для того и поймали, и держим!

– Я ведь им не хозяйка, вот они и не боятся… – Ольга Вадимовна словно извинялась за свою слабость. – Перед смертью даже самая сильная ро́жденная ведьма не справится с толпой ро́бленных малолетних бандиток.

– Поймали они, террористки доморощенные, – презрительно протянула Ирка, искоса поглядывая то на Таньку, то на дверь. Она еще не придумала, что станет делать, но твердо знала одно: Ольгу Вадимовну надо вытаскивать. Еще не хватало, чтоб эта зараза Алла издевалась над знакомыми ее бабушки! – Поменяешь одну хозяйку на другую. Будет теперь она тобой командовать, раз ты от нее Силу возьмешь.

– Ну до чего ж безграмотная! – Алла казалась абсолютно довольной Иркиной глупостью. – Я не Силу возьму, а Дар! Перед смертью отданный, почти как свой, природный. Вот выйду потом замуж – за кого-нибудь крутого, конечно, – и моя дочка получит Дар уже по наследству, станет настоящей ро́жденной!

– Только не твоя, а моя! – немедленно влезла охранница.

– Фиг вам обеим! Ведьма обиделась и ничего никому не передаст, – тут же вмешалась Танька. – Обойдетесь, вместе со своей хозяйкой.

– Ты вообще помалкивай, ты тут никто! – окончательно вышла из себя Алла. – Не передаст она, как же! А крышу мы, по-твоему, зачем законопатили? Ты что, не знаешь, под крышей ро́жденная ведьма ни выздороветь, ни помереть не может, только мучается страшно?

Будто подтверждая ее слова, Ольга Вадимовна вдруг тихо застонала. Натянутый брезент противно зашуршал под ее скребущими пальцами. Голова металась по облезлой подушке, тело выгнулось так, что арматура раскладушки заскрипела. И словно в ответ этому жалобному скрипению из горла старой женщины вырвался душераздирающий крик.

– Отда-аст, – удовлетворенно протянула Алла. – Ей к утру хуже станет. Что угодно отдаст, лишь бы мы крышу разобрали, помереть дали.

– Отда-аст, – согласилась охранница.

– Сама отдай! – деловито заявила Ирка, вцепляясь в метлу охранницы. Девчонка изумленно уставилась Ирке в лицо.

Короткий толчок сзади опрокинул ее на солому – в драку вмешалась Танька.

Ирка выхватила метлу и швырнула ее Таньке в руки. Сшибая горящую свечу, Танька запрыгнула на стол. Свеча свалилась, огонек лизнул пучки соломы на полу. Алла кинулась, вцепилась Таньке в ногу. Танька аж взвыла от восторга и с размаха заехала черенком метлы Алле по уху. Ро́бленная грохнулась на пол.

– Оле! – Крутанув метлу в воздухе, как заправский распорядитель духового оркестра, Танька ткнула ею прямо в латаную крышу. Застилавший дыру картон отлетел в сторону. В пролом заглянуло высокое, усыпанное звездами небо, хлынул свежий воздух. Тлеющая солома весело полыхнула столбом яростного пламени. Мгновенно вспыхнул деревянный стол, Танька едва успела соскочить.

– А-ах, – вздох Ольги Вадимовны слился с порывом ветра. Старую ведьму выгнуло дугой. Широко раскинув руки, она взмыла в воздух.

– Ведьма освободилась! – отчаянно завопила Алла, бросаясь наружу. Девчонка-охранница неслась следом.

Невероятной силы вспышка разнесла сарайчик вдребезги. Волна света накрыла остров и… замерла. Все исчезло в никуда, в пустоту без времени и пространства, в пустоту, наполненную белым светом.

Ирка дернула Таньку за руку…

– Пусти, – чужим голосом сказала подруга и потянулась к Ольге Вадимовне.

Старая ведьма плыла в воздухе. Теплый ветерок шевелил широкие рукава белой блузы. Глаза светились нестерпимым зеленым огнем. Смотрела она лишь на Таньку.

– Подойди! – поманила она, и Танька пошла навстречу старухе.

Старая ведьма подалась вперед, положила руки Таньке на плечи. Ее рот распахнулся, будто она собиралась запеть. Худые пальцы хищно впились Таньке под ключицы. Девочка вскрикнула от боли, лицо ее стало недоумевающим, как бывает у неожиданно проснувшегося человека. Она ошеломленно уставилась на нависшую над ней старуху с раскрытым ртом, нетерпеливо повела плечом, стараясь освободиться, потом рванулась… Но Ольга Вадимовна держала цепко. От ее рук расходились колючие разряды молний, обвиваясь вокруг Таньки, впиваясь в спину, в грудь, в лицо…

– Мне больно! – вскрикнула Танька.

– А ну пустите ее! – заорала Ирка, бросаясь подруге на помощь. Полыхнуло пламенем, и удар невероятной силы отбросил Ирку назад.

Пляска молний усилилась, они пронизывали Таньку. Светловолосую девчонку оплела густая сеть электрических дуг. Казалось, что ее тело само начало светиться. Боль стала нестерпимой. Танька страшно закричала.

И тогда изо рта и глаз ведьмы в Таньку хлынул поток зеленого пламени. Изливающаяся струя ведьмовского огня была

перевита тонкими алыми нитями. С ужасом и отвращением Ирка поняла, что это кровь, ведьмина кровь!

Танька уже не сопротивлялась, она обвисла в когтях старой ведьмы. Ольга Вадимовна склонилась еще ниже, прижимаясь лбом к Танькиной голове. Полыхнула вспышка, на мгновение скрыв старуху и девочку в буйстве пламени.

– Я свободна! Свободна! – победным знаменем взмыл крик старой ведьмы.

Когда Ирка отвела руку от полуослепших глаз, все было кончено. В отблесках пожара видны были два тела, лежащие в мокрой траве.

Глава 5. Купальская ночь продолжается, а неприятности только начинаются

Ветви зашелестели, раздались, и на поляну вывалили ведьмы.

Впереди, в сопровождении непрерывно вопящей Аллы, неслась Оксана Тарасовна. Ее высокие каблуки отстукивали по земле частую дробь, прическа растрепалась. Следом сосредоточенно рысил отряд девчонок. С другой стороны мчалась Стелла. Калоши свои она давно потеряла, но никто не спешил их разыскивать. Все три престарелые ро́бленные плотным кольцом окружили хозяйку, явно готовые сражаться насмерть. Обе ведьмовские группировки остановились, в отсветах пылающих развалин сарая разглядев два тела в траве.

Ведьмы долго стояли молча. Наконец Стелла словно бы нехотя сдвинулась с места и на тумбообразных ногах проковыляла к лежащим. Обошла тело Ольги Вадимовны, склонилась над Танькой.

– Погляди-ка на мэне, дивчина! – ласково-напряженным тоном попросила Стелла.

Танька тихо застонала, мучительно завозилась и медленно-медленно приподнялась. Поднесла дрожащие руки к лицу… Сводный состав ведьм дружно ахнул. На руках, лице, плечах Таньки, постепенно угасая, отблескивали зеленые искры.

– Ах ты ж видьма старая! – выдохнула Стелла и с ненавистью пнула неподвижное тело Ольги Вадимовны. – Успела! Передала! Приблудной девке! – завывала от бешенства так, что на губах пузырилась пена, но подручная «училка» схватила буйствующую хозяйку за руку.

– Не все потеряно. – «Училка» глядела на поднимающуюся Таньку, и на ее лице была написана страшная, неуемная жажда. Так голодающий глядит на сочный гамбургер в рекламе.

Требовательные взгляды ро́бленных ведьм буквально вонзились в хозяек. Ирке показалось, что обе ро́жденные растерялись. Стелла быстро глянула на Оксану Тарасовну. Та едва заметно пожала плечами, настороженно косясь то на своих девчонок, то на ошеломленную Таньку. Стелла неуверенно поманила ту к себе:

– Поди до мэне, моя солодкая видьмочка!

Не дожидаясь приказа хозяйки, все три бабки двинулись к Таньке. Девчонка глядела на них мутными глазами и, похоже, даже не понимала, что происходит.

– Нет! – вскрик Оксаны Тарасовны прозвучал ударом

хлыста. – Ко мне!

Ее девчонки бросились вперед, перекрывая бабкам дорогу.

Ирка поняла, что не фиг стоять столбом, дожидаясь, пока ведьминская свора раздерет Таньку на кусочки. Пора вмешаться.

Она схватила подругу за руку и рванула к берегу.

Мгновение позади них царила недоумевающая тишина, потом послышался истошный вой и топот множества ног – ведьмы ринулись в погоню.

Ирка вломилась в заросли, хлещущие ветки полосовали ей лицо. Какая-то глупая мавка, рискнувшая сунуться наперехват, от одного пинка улетела в кусты. Почти скатившись по травяному склону, Ирка с Танькой шумно вывалились на берег. Танькина рука в Иркиной ладони вдруг затрепыхалась.

– Пусти! Сама! – хрипло пробормотала Танька.

Ирка мельком глянула на подругу:

– Очухалась? А ну наддай, эти на хвосте!

И правда, Стеллины бабки безнадежно отстали, зато девчонки Оксаны Тарасовны неслись просто со спринтерской скоростью! Впереди Алла и Лера, явно соревнуясь, кто сумеет схватить беглецов.

– А вот фиг вам! – буркнула Ирка. Сорвала веревку, связывающую ступу и ухват.

– Что стала, сзади давай! На ступе враз догонят!

Танькины руки сомкнулись у Ирки на поясе. Ухват штопором ввинтился в ночное небо. Припав к ручке, Ирка гнала его над волнами, под неумолчный Танькин визг все наращивая и наращивая скорость. Вдруг визг за спиной стал множиться, будто откликнулось эхо. Ирка наскоро глянула через плечо и поняла, что не в эхе дело.

Стройным клином взмыв над островом, за ними неслись оседлавшие метлы ведьмы.

– Нагоняют! У нас груз двойной! – крикнула в ухо Танька.

Ирка обернулась. Ведьмы и впрямь стремительно настигали. Во главе клина, все так же продолжая свое соревнование, летели Алла и Лера.

– Ну как же вы меня достали! – пробормотала Ирка. – Держись крепче! – велела она и слабо вякнула, когда Танькины руки стальным обручем сдавили ей живот. – Эй-эй, не увлекайся, мне еще дышать надо! – Хватка чуть ослабла, и Ирка заложила на ухвате стремительный вираж.

Тут же над ее плечом что-то просвистело и плюхнулось в Днепр. Глухо ахнул взрыв, и вода фонтаном взметнулась вверх, брызгами запорошив Таньку.

В очередной раз завизжав под неожиданным холодным

душем, Танька крикнула:

– Разрыв-трава! Шариками кидаются!

А над волнами уже несся яростный крик:

– Не бросаться! Девчонка нужна живой!

– Зато вы нам никакие не нужны, – буркнула Ирка. Она сунула руку в карман и быстро вложила Таньке в ладонь аккуратный травяной шарик. – Я тут тоже прихватила. А ну дай им!

– Я не могу! – отчаянно замотала головой Танька. – Я упасть боюсь!

– Бросай, трусиха несчастная! – проорала в ответ Ирка, продолжая гнать ухват к берегу.

Судорожно скомкав в пальцах Иркину футболку, Танька с трудом подняла руку с шариком. Попискивая от ужаса, будто птенец, швырнула его через плечо.

Не долетев до преследователей, шарик по плавной дуге пошел вниз. Несущаяся впереди Алла издевательски расхохоталась:

– Какая ты ведьма! Мазила!

И в этот момент шарик плюхнул в воду. Поднятый взрывом столб воды взмыл вверх, подбрасывая Аллину метлу вместе с наездницей. С опадающими струями Алла рухнула в воду.

– Есть! – радостно завопила Ирка, хотя радоваться было особо и нечему.

Фыркая, Алла плыла обратно к острову. Но остальная ведьминская стая, мстительно завывая, стремительно нагоняла.

– Резко вниз! – крикнула расхрабрившаяся Танька.

Ирка дернула ручку ухвата, и они почти отвесно ринулись вниз, пропуская клин над собой.

– И-и-эх! – завопила Ирка, выравнивая ухват у самой воды. Кроссовок чиркнул по волне, Ирка вздернула рукоять ухвата к небесам… И тут почувствовала, как на ее щиколотке сжимается рука. Рядом в ужасе завопила Танька… Рывок! Обе подруги с головой окунулись в воду.

Отчаянно отплевываясь, Ирка вынырнула на поверхность. Через мгновение, отбрасывая с лица мокрые волосы, появилась Танька. А вокруг… Медленно, словно водоросли, колыхаясь на воде, вокруг плыли длинные русалочьи волосы. Ну а к волосам, естественно, прилагались и сами русалки. Плеснул раздвоенный рыбий хвост.

– Привет! – улыбнулась Ирке маленькая русалочка. – Йдите до нас, видьмочки! – Мы будем играть! Пид водою хорошо, пид водою весело! Йдемо пид воду, видьмо! – И выгнувшись всем телом, она вцепилась Ирке в плечи и принялась вдавливать ее в

глубину. Вода хлынула Ирке в горло…

– Пусти ее! – истошно завопила Танька, но на ней уже повисли две русалки и тоже безжалостно тащили вниз.

– Ты наша, ты така, як мы! – шептал Ирке в ухо завораживающий русалочий голос. – Тэбе маты не любит, ты батькови не потрибна, ходимо з нами!

– Отстань! – крикнула Ирка, отчаянным рывком выдираясь из-под неожиданно тяжелого русалочьего тела.

– Лучше иди добром, бо защекочем! – крикнула русалка, и по телу Ирки вдруг пробежали юркие пальцы. Ирка с ужасом почувствовала, что дико, неудержимо смеется, извиваясь всем телом. Вода хлынула ей в рот. Ирка попыталась подавить смех, но русалочьи пальцы снова пробежались по ней. Девчонка задергалась в пароксизмах хохота, с отчаянной безнадежностью ощущая, как начинает медленно погружаться на дно. Ведьмочка забилась, на мгновение сумела высунуть голову, забормотала:

– Водичко, Йорданичко, вмываеш лугы, берегы, коринння… тьфу… – Ирка сплюнула воду. – Биле каминня, врятуй мэне, крещену…

– Она просыть помощи у воды! Ну ты и смишна, видьма! – И над волнами понесся зловещий, но при том и очаровывающий смех, что недаром зовется русалочьим. – Та мы ж сами – вода!

– Мы теж! – откликнулся звонкий голос.

Ирке показалось, что рядом с ней вынырнула пара мячиков. Но тут один метнулся к ней, второй к Таньке. Рядом была безволосая русалка! Она охватила Ирку за плечи и, шепнув в ухо:

– Тильки рта не открывай! – повлекла девчонку вниз.

Погружаясь в волны, Ирка успела увидеть, как высоко в небе клин ведьм рыщет над Днепром, разыскивая беглянок. Тут вода залила ей лицо, Ирка в ужасе зажмурилась, ожидая неминуемой смерти… Но руки безыменной русалки все так же лежали на ее плечах, и Ирка поняла, что не дышит – но и не задыхается!

Они плыли сквозь плотную, густую толщу темной днепрянской воды, словно продавливались сквозь стену. Вода сжимала все крепче, все жестче, будто паковала в смертельный кокон. Давила на грудь, готовясь расплющить. Плескалась у рта, ища малейшую дырочку, сквозь которую можно хлынуть в легкие. И когда Ирка поняла, что больше не выдержит, что-то вдруг с силой дзенькнуло ее по затылку.

– Прости, – извинилась безыменная, вздергивая захлебывающуюся Ирку над поверхностью. Ирка снова с размаху приложилась о старую заржавленную балку – на этот раз лбом.

– Ой, та що ж це, извини, – растерянно бормотала безыменная.

– Ничего-ничего, – ответно пробормотала Ирка, крепко держась за лоб и за затылок и оглядываясь по сторонам. Она стояла – стояла! – по щиколотку утопая в илистом дне у заросшего деревьями берега. Рядом, судорожно отплевываясь и все еще хватаясь за плечи второй безыменной русалки, торчала Танька. Потоки воды бежали с ее мокрых волос, рубашки, брюк…

– А где эти? – прохрипела Ирка, косясь то на воду, то на небо.

– Мы вас вид всих унесли, – радостно сообщили русалки и залились все тем же знаменитым русалочьим смехом. Ирку передернуло, но вежливая Танька тут же пришла на помощь:

– Девчонки, спасибо! Не знаем, как вас и благодарить!

– Та ни, та це мы вам благодарные, – в ответ затянули русалки. – Та за те тату… татуировки ничого не жалко! Ось, смотрите!

В слабом свете разгорающегося рассвета Ирка увидела, что лысые головы русалок и впрямь покрыты цветными узорами. У одной – сплетающиеся водоросли и яркие рыбки, у другой… Ирка вздрогнула. На черепе второй русалки красовались мобильные телефоны! Красные, синие, черные – сплошные мобилки!

– Я того хлопця в салоне попросила татуюваты щось такое… Чого у нас пид водою совсем нэма! Ось вин и сделал, – пояснила русалка, заметив Иркин пристальный взгляд. – Нравится?

– Не то слово, – вполне искренне заверила ее Ирка.

Безыменная удовлетворенно улыбнулась. Дружно всплеснув хвостами, русалки нырнули и исчезли. Цепляясь за нависающие над водой ветви, девчонки полезли на берег.

Глава 6, но день всего лишь второй, заблуждательный

Куча прошлогодней палой листвы под прибрежными ивами зашевелилась. Сперва из нее высунулась рука с часами. Рука повернулась, будто лежащий хотел взглянуть на циферблат. Потом из листьев показалась темноволосая голова. Часы прижались к уху.

– Стоят. Ну еще бы!

Ирка села, зевнула и, ежась от холода, принялась вытряхивать из волос набившиеся туда листья и мусор. Сквозь листву ивы покосилась на высоко стоящее солнце. Сдернула с ветки свою майку. Натянула ее и мучительно сморщилась, когда противно влажная ткань прикоснулась к коже. Встала, охватив себя руками за плечи. Пинками разбрасывая залежи листвы, подобралась к дереву и стянула развешанные на просушку джинсы. Толстая ткань казалась еще более толстой и тяжелой. Ругаясь сквозь зубы, Ирка принялась ввинчиваться в штаны.

Куча снова зашевелилась, и из листьев вынырнула светлая Танькина шевелюра, тоже украшенная набившейся листвой.

– Пыль с ушей отряхни, – злобно процедила Ирка, перебрасывая Таньке ее вещи.

– Не высохло ничего, – пробормотала Танька.

– У меня вообще джинсы сели, вон, не влезаю. А говорят, при стирке в холодной воде не садятся. Еще и воняют гадостно, – сморщила нос Ирка.

– Радуйся, что не выцвели, – утешила ее Танька. – Говорят, возле заводских стоков такие местечки есть – краску выедает начисто.

– Кошмар, ну все болит! – страдальчески пробормотала Ирка, хватаясь за ноющую поясницу. – Как люди в старину на земле ночевали? Никогда больше! Ни читать, ни по телевизору… Никаких Робинзонов! Никаких дебрей Амазонки! Никаких «Потерянных»! Вообще, какого черта мы тут улеглись?

– Так ноги ж не держали, – пожала плечами Танька. – И дороги в темноте не найти.

– Точно, дорога, – проваливаясь в листву, Ирка выбралась из-под ивы и огляделась. Вокруг тянулись деревья, деревья, деревья. – Лесопосадка, наверное. Понятия не имею, где мы находимся.

– Во всяком случае, в городе, – уверенно заявила Танька, потом заколебалась. – Ну в крайнем случае в пригороде. Не могли

нас русалки далеко утащить. – Она сунула руку в карман и достала мобильный телефон. – Надо же, не вывалился, – слегка удивилась она.

– Хочешь сказать, он еще и работает? – вскинула брови Ирка.

Танька ткнула пальцем в кнопку, несколько секунд пялилась в безнадежно пустой экран. Открыла заднюю панель, какое-то время печально смотрела внутрь телефона и наконец со вздохом покачала головой:

– Может, оно и к лучшему, а то что бы я родителям сказала? «Извините, папа-мама, я тут с шабаша возвращалась и заблудилась».

– А так ты что скажешь?

Танька легкомысленно махнула рукой:

– Пока будем выбираться, придумаю. Пошли, что ли?

– А куда? – Ирка прислушалась. – Машин не слышно…

– Так, спокойно, не в лесу ведь, – видно было, что Танька слегка нервничает. – Выберемся. – И она решительно двинулась вперед. Ирка зашагала следом.

Они шли, а посадка все тянулась и тянулась.

– Что ты там шепчешь? – Ирка уже давно пыталась разобрать Танькин едва слышный шепот и наконец не выдержала, спросила.

Танька смутилась:

– Да так… Заговор на легкий путь. Помнишь, в одной книжке был? Если я теперь ведьма, должен подействовать.

– Ну и? – заинтересовалась Ирка.

– Сама видишь, – раздраженно буркнула Танька. – Ничего.

– Не может быть, чтоб ничего, – решительно помотала головой Ирка. – Если б ничего, стали б за нами так гоняться? – Она на мгновение задумалась. – А помнишь, девчонка в сарае что-то такое про девять дней говорила? – Ирка наморщила лоб, вспоминая. – Мол, если Алле дар достанется, у них будет девять дней, чтобы его вытрясти. Может, ты ведьмой только через девять дней станешь?

Танька тоже призадумалась и вдруг радостно улыбнулась:

– А я уже боялась, это нас так круто развели. Или вообще мне все приснилось.

Ирка отвела глаза.

– Ты… Ты так сильно хочешь стать ведьмой? – спросила она дрогнувшим голосом.

Танька тут же уставилась в землю.

– Ты только не подумай, пожалуйста, что я от зависти, – жалобно сказала она. – Ир, ну ты же моя единственная подруга, правда! Просто… Ну а ты сама на моем месте – не хотела бы?

– «На твоем месте…» – хмуро передразнила Ирка. – Я вон на

своем месте много чего бы хотела, только фиг получу. А ты, подруга, учти. Насчет девяти дней… Раз из Аллы за это время можно дар вытрясти, значит, из тебя тоже.

Танька помрачнела.

– Просто так ведьмы нас в покое не оставят, – продолжала рассуждать Ирка, и тут новая мысль заставила ее остановиться. – Тань, тебе домой идти нельзя.

– Предлагаешь тут жить? – немедленно обозлилась подруга. – Поселимся под кустом… Комары счастливы будут. Это у тебя бабка к твоим исчезновениям привычная, а у меня родители с ума сойдут!

Ирка решила не обижаться. Конечно, не стоило Таньке намекать, что у Ирки нет родителей, а бабке все равно, что с внучкой станется. А с другой стороны, Таньке сейчас совсем невесело. Вслух они ничего не сказали, но обе вдруг вспомнили, что дар забирают у умирающей ведьмы. Жутко сознавать, что целых девять дней за тобой будет гоняться толпа ведьм – и вовсе не для того, чтоб продать приворотное зелье по дешевке. Чтобы убить. И помощи не попросишь – ни у родителей, ни у полиции. Засмеют. А Танькины предки и впрямь волнуются. Да, положеньице…

– Идем ко мне домой и отсидимся там все девять дней, – приняла решение Ирка. – Сама ж говорила, ведьму в ее собственном доме обидеть нельзя. Пусть только сунутся. Родителям твоим позвоним и наплетем чего-нибудь. – Ирка подпихнула Таньку локтем. – Вообще, все не так уж плохо. Во-первых, прятаться нам не девять дней, а всего восемь – один-то уже прошел. А во-вторых, вон, гляди, идет кто-то, сейчас дорогу узнаем.

Между стволов действительно мелькала человеческая фигура.

– Подождите, пожалуйста! – заорала Ирка, бросаясь навстречу человеку. – Мы заблудились! Вы не подскажете, где мы находимся?

Невысокий сгорбленный дедок перестал шарить клюкой по кустам, разогнулся и уставился на девчонок хитрыми глазками. Несмотря на жару, дед прятал подбородок в широкий теплый шарф.

– Надо-то вам куда? – прошамкал дед.

– Нам бы до транспорта, – жалобно попросила Танька. – В центр уехать.

– В город, что ли? – изумился дед. – Сюда-то вы как попали?

– На попутных, – уклончиво сообщила Ирка. А что, русалок тоже можно считать попутным транспортом.

– Ага, – словно все ему стало ясно, заключил дед. – Тогда к

проселку выбирайтесь. Во-он на ту березу выйдите, оттуда тропка, а там и проселок будет, – ткнул клюкой дед. Палка плясала в слабых старческих пальцах и вдруг выскользнула.

Ирка наклонилась, дед тоже. Шарф соскользнул у деда с подбородка, и Иркиным глазам открылась спрятанная под ним громадная бородавка. Прямо целая шишка, ярко-красная, поросшая жестким черным волосом. Торопливым движением дед поправил шарф, а Ирка отвела взгляд. Действительно, такое «сокровище» не стоит демонстрировать.

Наскоро поблагодарив, подруги двинулись к березе. Ирка обернулась, чтобы на прощание помахать деду рукой.

– Странно, – пробормотала она, – куда он делся-то?

– Ягоды, наверное, собирает, – пожала плечами Танька. – Нагнулся – и не видно.

Ирка с сомнением покачала головой. Посадка была еще молодой и не слишком густой, просматривалась насквозь.

Узкая стежка уперлась в старую, заросшую травой колею.

– Это и есть проселок? – с сомнением пробормотала Ирка.

Девчонки стояли, недоуменно оглядываясь по сторонам.

– Ну и куда теперь – вправо или влево? – наконец высказалась Танька.

– А сейчас узнаем, – обрадованно сообщила Ирка. – Вон опять человек идет.

Навстречу им шагала средних лет тетка, по глаза закутанная в платок.

Тетка с сомнением уставилась на девчонок.

– Вы чего тут делаете? – подозрительно спросила она. Из-под платка голос звучал глухо.

Эта подозрительность неожиданно успокоила Ирку. Все нормально, обычная бдительная тетеха, все ей надо знать. Девочка повторила историю про поиск попутки. Все так же с сомнением зыркая из-под платка, тетка ткнула пальцем влево.

– Туда идите, может, нагонит кто.

Подруги невольно глянули, куда она указала. Заросшая колея тянулась и тянулась за горизонт.

– А деревни тут нет… – начала Танька и убитым голосом закончила: – …поблизости.

Рядом с ними никого не было. Тетка в платке исчезла, будто испарилась.

– За кустом спряталась? – предположила Танька, и голос ее дрожал от испуга.

– Ага, или в люк провалилась, – саркастически фыркнула Ирка. – Шагай давай, все равно стоять смысла нет.

Они побрели дальше. Ноги медленно наливались усталостью.

Солнце, сперва безжалостно припекавшее, клонилось к закату. Было еще светло, но уже потянулись легкие сероватые тени, предвещавшие наступление сумерек.

– Не дойдем сегодня, – в очередной раз плюхаясь на обочину, выдохнула Ирка.

Танька бессильно опустилась рядом и с тоской огляделась по сторонам.

– Что с мамой сейчас делается… – пробормотала она.

Ирка поглядела на нее с сочувствием и некоторой завистью. Понятно, у Таньки душа болит, что родители волнуются, но все-таки здорово, когда есть кому за тебя волноваться.

– Зато как она обрадуется, когда мы выберемся. – Ирка попыталась подбодрить подругу и тут же честно добавила: – Хотя, когда это будет, мне лично неизвестно.

– Эй, девчонки, вы тут что, заблудились? – окликнул их веселый голос.

Подруги обернулись. Неподалеку, в тени деревьев, виднелась высокая фигура. Вроде бы молодой парень. Ирка прищурилась – темнеет, только лицо хорошо видно. Курносое, добродушное.

Парень широко, открыто улыбнулся.

– Нам к шоссе, – настороженно буркнула Ирка.

– Могу провести, – немедленно предложил парень. – Идемте!

– Нам сказали – здесь дорога, – все еще настороженно ответила Ирка, хотя чувствовала, что ее недоверие к неизвестному парню тает. Было в нем что-то удивительно располагающее.

– Правильно, здесь, – немедленно согласился парень. – Самая удобная, и не заблудишься. Только долгая очень. Есть короткий путь, через двадцать минут к шоссе выберетесь.

Девчонки переглянулись.

– С неизвестным парнем куда-то тащиться… – с сомнением покачала головой Ирка.

– Одним ночью – лучше? – возразила Танька. – А главное – родители…

– Ну вы идете? – поторопил их парень. – Решайте быстрее, а то я пошел. – Он повернулся и зашагал прочь.

Это решило дело. Танька немедленно припустила за ним, и Ирке ничего не оставалось, как ринуться следом.

Парень оказался хорошим ходоком. Его длинная темная спина мелькала впереди, но как ни торопились подруги, нагнать не удавалось. Они перешли на бег и наконец поравнялись со своим проводником.

– Быстро вы ходите, – задыхаясь, пробормотала Ирка, во все глаза разглядывая парня. Парень как парень. Джинсы, свитер с

высоким воротом, поднятым почти до самого рта. Да что тут, обычай местный – физиономию кутать?

А если попросить парня опустить ворот? Или лучше… Быстро, чтоб не успеть застесняться и передумать, Ирка приподнялась на цыпочках и дернула ворот свитера вниз.

Бородавка под нижней губой была все такой же огромной, ярко-красной и волосатой. Она поползла вбок, когда парень раздвинул губы в широкой, совсем не доброй улыбке.

– Догадалас-сь, ведьма! Да только поздно!

Танька и Ирка бросились в сторону, но парень и не думал за ними гнаться. Его фигура задрожала, стала расплывчатой, мелькнул силуэт тетки в платке, полусогнутого деда… И все исчезло. Тропинка была пуста. Да и самой тропинки уже не было. Справа глухой стеной тянулся настоящий лес. А слева…

– Кажется, это кладбище, – нервно хмыкнула Ирка.

За невысоким заборчиком виднелись ряды покосившихся крестов, заржавленные обелиски со звездами, прямоугольники надгробий. Невдалеке просматривался шпиль часовенки.

На темно-синем небе проступил диск луны и зажглись первые звезды.

– В лес не пойдем, – твердо заявила Танька. – Не знаю, что оно такое было, но там оно нас точно сожрет.

– Кладбище, по-твоему, лучше? – скептически хмыкнула Ирка.

– А что? Может, сторожа найдем. Если нет, так у могил скамеечки, все-таки не на земле спать. Или боишься? – Танька рассмеялась. – Ты ж не маленькая, в страшилки про мертвецов верить. Никаких зомби не бывает!

– Еще два месяца назад мы считали, что и ведьм не бывает, – буркнула Ирка, следом за Танькой проходя за низкие кованые ворота. Они шли между могил, пока не обнаружили возле одной столик и две скамеечки. Измученная Танька устало плюхнулась на скамью и легла щекой на столешницу.

– Все, я труп! – пробормотала она.

Ирка принужденно усмехнулась. Рискованное высказывание – здесь. Она огляделась по сторонам.

– Ты посмотри, тут тоже – Татьяна. – Ирка ткнула пальцем в темное надгробие. – Тоже двенадцать лет. Жалко как.

Танька подняла голову и пригляделась к гранитной плите:

– Год смерти – нынешний. А фамилии нет, – дрогнувшим голосом сказала она. И вдруг вскочила. – Скамейка неудобная. Давай дальше пройдем.

– Давай, – немедленно согласилась Ирка.

Они снова двинулись по тропинке между могилами.

Свернули влево… И опять очутились перед темной гранитной плитой с надписью «Татьяна». Рядом стоял знакомый столик и две скамейки.

– В другую сторону, – прошептала Танька.

Ирка кивнула, сглатывая тягучую горькую слюну.

До ворот было совсем недалеко, девчонки ясно видели впереди распахнутые створки. Подруги невольно ускорили шаг… и остановились. Между ними и выходом все так же возвышался обелиск, столик и две скамеечки. И тогда Танька тихо, едва слышно всхлипнула.

– Чего ревешь? – неожиданно поинтересовался молодой мужской голос. Из-за обелиска выступила темная фигура.

Дико заорав, подруги развернулись и кинулись наутек. Они неслись, не разбирая дороги, натыкаясь на кресты, перескакивая через могильные плиты, и выбежали к обелиску, столику и скамеечкам. Мужчина, а точнее, парень, сидел на скамейке и пристально глядел на них. Снова заорав, девчонки рванули в другую сторону.

– Я не понял, у вас что, к этой могилке особое пристрастие? – поинтересовался парень, когда после третьей пробежки Ирка с Танькой опять вернулись к нему.

Задыхающиеся подружки переглянулись.

– Не тот, другой, – часто хватая ртом воздух, прохрипела Танька.

– И бородавки нет, – опершись руками о колени, Ирка перевела дух. Выпрямилась, поглядела парню в лицо и решительно потребовала: – Нам выйти нужно.

Парень невозмутимо поднялся.

– Пошли. – Раздвинув подружек плечом, он зашагал к воротам. Ирка с Танькой бросились за ним и тут же снова оказались рядом с обелиском.

Минуты через три вернулся и парень. С удивлением поглядев на подруг, спросил:

– Чего не идете?

– Мы вроде как отстали, – замялась Ирка.

– Где тут отстать, до ворот два шага, – еще больше удивился парень. – А ну давайте руки, – ухватив девчонок за руки, он потащил их за собой.

Ирка искоса глянула на их нового проводника. Бледный очень, но симпатичный. И одет по-нормальному, только чересчур строго – в костюм с белой рубашкой и галстуком-бабочкой. А может, он музыкант? Играет на похоронах. Она не успела додумать, потому что музыканта рядом с ней вдруг не стало. И за руку он Ирку больше не держал. И стояли они с Танькой опять

возле обелиска.

Тут же неподалеку послышались шаги, и парень в костюме появился снова. Теперь на его бледном лице играла широкая улыбка.

– Что ж вы сразу не сказали, что вас блуд водит? – спросил он.

– Кто? – в один голос воскликнули девчонки.

– Да блуд же! Живет у нас в лесу. Вам дорогу сюда кто-то показывал?

– Показывал. Один такой с бородавкой. То есть их вроде трое было, а вроде он один… – несколько невразумительно пояснила Танька, но парень понял и согласно кивнул.

– Он, блуд. Для него любимое дело – дорогу закрыть. Местные-то знают, а вы из города…

– А ты местный? – неожиданно спросила Ирка.

Парень неопределенно повел плечом и грустно улыбнулся:

– Вроде того. Но теперь вам так просто с кладбища не выйти. Выблуждаться надо.

– А как?

– Просто, – успокоил их новый знакомый. – Вспомните, в какой день вас крестили.

Девчонки дружно пожали плечами.

– Если б домой позвонить, вдруг мама помнит, так мобилка не работает, – расстроилась Танька.

– А я вообще не знаю, крестили меня или нет. Надо у бабки спросить.

Парень поморщился:

– Ладно, по-другому попробуем. Надо ответить на три вопроса. Первый – в какой день был Свят Вечер?

– Это что за зверь? – пробормотала Танька.

– Перед Рождеством, – прошипела Ирка, подталкивая подругу локтем. Не хватало еще оскорбить религиозные чувства парня. Возьмет и уйдет, тогда они на этом кладбище всю жизнь проживут, здесь их и похоронят. Очень удобно.

Танька тем временем призадумалась, потом вдруг просветлела лицом и вытащила из кармана маленький календарик.

– Четверг! Точно четверг! – радостно завопила она.

– Хорошо, – кивнул парень. – Вспоминайте теперь, что ели на Риздвяну Вечерю.

– Оливье, – немедленно ответила Ирка. – Бабка сказала, что и того много, на Новый год потратились.

– Салаты всякие и фуа-гра. Ну, печенку гусиную! – так же быстро сообразила Танька. – Папа ресторан нашел, классный

такой, все в дереве, в шкурах, кролики живые бегают, фазаны ходят…

– Очень хорошо, теперь выберетесь, – кивнул парень. – Осталось только вспомнить: когда причащались, кто от вас справа стоял?

– Где? – растерянно переспросила Ирка.

– На службе риздвяной, в церкви. – Парень начал потихоньку раздражаться.

Девчонки в очередной раз переглянулись.

– Так, проехали, – заключила Ирка. – Другие способы есть?

– Я даже и не знаю, – фыркнул парень. – Ну нагибайтесь, что ли.

– Зачем? – снова переспросила Ирка.

– Затем! – заорал парень. – Быстро нагнулись, обхватили себя руками вокруг коленок, смотрите себе между ног и попами вперед – за мной! – И не оглядываясь, он зашагал к воротам.

Мгновение Ирка глядела ему вслед, потом согнулась – натруженная поясница скрипнула, как у старой бабки, – оплела руками колени и, глядя между собственных ног, неуклюже двинулась к воротам. Рядом точно такой же невозможной раскорякой переваливалась Танька, стараясь не упускать из виду перевернутую фигуру их проводника.

Парень быстро шел к воротам, потом останавливался, возвращался, приноравливаясь к медленным шагам девчонок.

Хотя висеть вниз головой и при этом идти было то еще упражнение, но Ирка все-таки заметила, как их проводник стал тревожно поглядывать по сторонам.

– Быстрее давайте, а то как бы поздно не стало, – неожиданно потребовал он, и в голосе его слышался настоящий страх.

– Для чего поздно? – пропыхтела Ирка, глядя, как крупная капля пота скатывается с ее носа и выбивает крохотную мокрую ямку в пыли тропинки.

– Для всего, – отрезал парень. – Перебирайте ногами!

Подстегнутые его явным страхом, девчонки заторопились. Ирка уже вдвигалась в проем распахнутых ворот. Она слышала, как их проводник с облегчением вздохнул… И в этот момент в часовне глухо и размеренно забил колокол. Кованые створки с глухим лязгом захлопнулись, крепко наподдав Ирке под зад и будто шайбу выбивая ее обратно на территорию кладбища.

– Что такое? – вскричала Ирка, распрямляясь.

– Ничего, – безнадежно ответил парень. – Полночь. Не успели вы. Сейчас наши подтянутся.

Глава 7. День третий, мертвецкий

Ирка глядела и понимала – создатели всяких фильмов ужасов на самом деле никогда не видели кладбища встающих мертвецов. Потому что на самом деле все было совсем не так, как в кино! Не шатались кресты, и не разверзалась земля, не лезли из нее полуразложившиеся руки, и не гремели костями скелеты. Просто возле шести могил начали медленно сгущаться серые тени. Они становились все плотнее, приобретали очертания человеческих фигур, и вот уже шестеро крепких мужичков невозмутимо шагают к жавшейся у ворот троице.

Вроде бы самые обычные мужички. Правда, только трое из них в современных черных костюмах. Остальные: один в старинном сюртуке, второй в мундире, вроде бы жандармском, а третий в длинной просторной рубахе до пят. Ирка вспомнила, что такая рубаха называется саваном. Но всех шестерых объединяло ощущение невозможной, нечеловеческой жути, что волной катилось впереди них. Волна докатилась до девчонок, накрыла, выжимая ледяной пот и заставляя сердца колотиться со страшной быстротой.

– Вы… Вы не волнуйтесь, девочки, – тихонько клацая зубами, пробормотал их спутник. – Все будет хорошо. Я… Я вам помогу. – И он сделал шаг вперед, навстречу приближающимся мертвецам.

Все шестеро остановились. Седоватый мужчина, явно предводитель, с любопытством склонил голову, разглядывая неожиданного защитника.

Парень стоял перед ним, по-цыплячьи выпятив грудь. Ирка видела, как у него часто и мелко, совсем по-мультяшному, дрожат коленки. Но он стоял!

– Отойди, пацан, – тихо и доверительно попросил седоватый. – Мы не к тебе. Мы к ведьмам.

– Не отойду, – хотел сказать парень, но лишь пискнул что-то невнятное. Откашлялся и закончил: – Вы их обидеть ходите. – А в голосе явственно звучала надежда, что его сейчас же убедят: мертвецы вовсе не собираются обижать забредших на их кладбище девчонок, а пришли сюда исключительно для того, чтоб подарить им по букетику со своих могил.

Но убеждать его никто не стал. Седоватый лишь согласно кивнул, а высокий бритоголовый амбал с кулаками, не влезающими в рукава костюма, гоготнул:

– Обязательно обидим. В меру сил.

– Не уйду! – выкрикнул парень и беспомощно выставил перед собой кулаки.

– Сам выбрал, – кивнул седоватый. Лицо его дрогнуло, поплыло, рот раздался широкой щелью, и из него выметнулись длинные желтые зубы, а на пальцах стальным блеском сверкнули кривые когти. Оглушительно взревев, мертвец навис над парнем.

Тот присел на полусогнутых, сдавленно вякнул и вдруг заячьим скоком метнулся прочь. И скрылся за ближайшим обелиском. Дружно расхохотавшись, шестерка мертвецов выставила когти и неторопливо двинулась к обмирающим от ужаса девчонкам.

Из-за ближайшего памятника вдруг высунулась бледная физиономия насмерть перепуганного парня.

– К часовне бегите! – крикнул он. – Святое место!

– Бежим! – С силой толкнув Таньку вправо, Ирка метнулась влево.

Разделившись, подруги в который уже раз понеслись по кладбищу, почти привычно перескакивая знакомые могилки. На очередном прыжке Ирка запнулась о низенькую железную оградку, упала, больно приложившись коленкой. Сзади послышался торжествующий вой. Мертвецы тоже разделились – трое за Иркой, трое за Танькой, – и теперь Иркина троица, нетерпеливо пощелкивая челюстями, надвигалась на свою жертву. Ирка вскочила и, прихрамывая, помчалась к часовне.

Танька уже подбегала туда. Ирка видела, как она изо всей силы рвет дверь, а та лишь глухо лязгает, скованная скобой замка. Оглянувшись на преследователей, Танька выхватила из кармана булавку. С размаху ткнула себе в палец, коротко вскрикнула и тут же мазнула кровью по замочной скважине. Быстро забормотала. Правильно, заговор на открытие замка! Ирка побежала быстрее.

– Не выходит! У меня не выходит! – в отчаянии завопила Танька.

Торжествующий вой стал шестиголосым – мертвецы видели, что добыче от них не уйти. Ирка с разбегу налетела на подругу, выхватила у нее булавку… Капелька крови скользнула в замок.

– Нельзя! – почти простонали сзади. – С чарами в святое место!

– А нечего запирать! – огрызнулась Ирка, срывая осыпающийся ржавчиной засов.

– Так разворуют, – несчастным тоном пробормотал их знакомый бледный парень и, расталкивая девчонок, первым ввалился внутрь. Танька с Иркой вбежали следом, захлопывая створки и задвигая засов.

Танька бессильно привалилась к дверям.

– Темно, – пробормотала она. – Надо бы свечи поискать.

И тут же по всей часовне разом вспыхнули сотни свечей!

– Уже нашли! – Фигура у алтаря повернулась, и на девчонок в упор взглянул седовласый. Укоризненно покачал головой. – Вас же предупреждали, девочки, нельзя с чарами в святое место. Путь открываете…

– Для нас! – окна разом осыпались брызгами стекла, и остальные мертвецы полезли в проемы.

Девчонки уже и орать были не в силах. Они принялись отчаянно дергать засов, пытаясь вырваться из ловушки. Но мертвецы уже были здесь, рядом! Дохнуло невозможным смрадом, когтистые лапы вцепились в плечи…

– Надеюсь, ты не собираешься вмешиваться? – поинтересовался седовласый у бледного парня.

Тот шагнул вперед, потом снова назад, дернулся, набрал полную грудь воздуха… И виновато глянул на подруг:

– Извините. – Он беспомощно развел руками. – Они такие здоровенные. И их много!

Торжествующе взревев, монстры подняли девчонок на вытянутых руках и поволокли наружу. Отчаянно извернувшись, Ирка поглядела, куда же их тащат. Увидела, и пропавший было голос мгновенно нашелся. Она заорала.

Впереди виднелись все те же скамеечки и темный обелиск с надписью «Татьяна». Только теперь на нем добавилось еще одно слово – «Ирина». Сам обелиск был сдвинут в сторону. Под ним зияла темная могильная яма.

Девчонки забились в руках мертвецов, но когтистые лапы держали крепко. Мертвецы неумолимо волокли их к яме. А рядом, словно чертик из табакерки выскакивая из-за памятников, несся их бледный знакомец.

– Удивить! Мертвяков надо удивить! Тогда они исчезнут! – кричал он.

«Удивить, удивить… Чем?» – неимоверным рывком выкрутив руку из хватки мертвеца, Ирка нащупала в кармане тюбик помады.

Наскоро мазнув губы, девчонка скосила глаза. Купленная на последние деньги специальная помада для дискотек не подвела! На губах замерцали блики холодного фосфорного огня!

Тащившие Ирку старомодно одетые мертвецы остановились.

– Як це так, чтоб у живой губы были, як у мертвой? – изумленно спросил мужичок в саване.

– А как это так, чтоб мертвый шлялся, как живой? – парировала Ирка.

– Действительно, непорядок, – нахмурился мертвец в жандармском мундире.

Господин в сюртуке кивнул. Он кивал и кивал, будто фигурка на старинных часах, отсчитывая секунды. Языки бледного, почти прозрачного пламени вдруг взметнулись из земли. Вихри закрутились вокруг фигур старинных покойников, полетели хлопья липкой сажи. Три черных смерча взорвались изнутри и осыпались прахом. Ирка с размаху ляпнулась на землю. Из ее конвоиров остался лишь невзрачный мужичок в современном пиджаке, да Танька по-прежнему болталась в крепкой хватке седовласого и амбала.

– А вы почему еще здесь? – поинтересовалась Ирка у невзрачного мужичка.

– Он свежий мертвяк, его косметикой не удивишь. – Парень выглянул и тут же спрятался обратно за обелиск.

– Десять долларов дать? – вдруг предложила Ирка невзрачному мертвецу.

– За что? – разлепил тот бледные губы.

– Просто так, – пожала плечами Ирка.

– Просто так? Удивительно! – воскликнул мужик и исчез, просто, без каких-либо спецэффектов.

Ирка отряхнула джинсы и бросила Танькиным охранникам:

– А вы хотите по десять долларов?

– Давай, – неожиданно ответил амбал и протянул руку.

– А… А у меня нету, – растерянно ляпнула Ирка.

– Надула, – кивнул амбал. – Значит, ничего удивительного. – И вдвоем с седовласым поволок Таньку к могиле.

– У меня, у меня есть десять долларов! В кармане! – завопила Танька, изо всех сил упираясь ногами.

– Да не нужны нам твои деньги. Мы ж мертвые, – пропыхтел амбал и толчком спихнул Таньку в могилу.

Краем глаза Ирка успела заметить, что их странный союзник несется куда-то через все кладбище.

«Опять сматывается», – мелькнуло у Ирки в голове. Но бледный парень уже бежал обратно, держа в руках… небольшую подушечку.

– На, это моя! – выкрикнул он, всовывая подушку Ирке в руки. – Не хотел тебе говорить, но… В общем, любого мертвяка можно пристукнуть подушкой!

– Ты что, совсем того? – вызверилась Ирка. – Тут тебе кладбище или летний лагерь? Подушками драться вздумал!

– Сама того! – заорал в ответ парень. – Делай, что говорю, твою подружку сейчас прикопают!

Ирка обернулась. Амбал с седовласым упихивали верещащую Таньку в могилу. Танька прыгала, выдиралась и вниз не хотела. Но уже заметно было, что мертвецы одолевают. Они были

слишком сильны. Ирке стало жутко.

– Пойдешь со мной? – жалобно попросила она бледного.

– Ты что? – почти оскорбился парень. – Я боюсь.

В этот момент Танька глухо вскрикнула, рухнула на дно могилы и больше не появилась. С подушкой наперевес Ирка ринулась на врагов.

Подушка мягко ткнулась в твердую спину амбала. Тот оглянулся и расплылся в радостной ухмылке:

– А вот и вторая! Сама пришла! Сейчас мы вас, девочки, упакуем…

– Наотмашь бей, наотмашь! – завопил бледный парень, в очередной раз высовываясь из-за обелиска. – По башке!

– Я сейчас этого советчика… – злобно процедил амбал, но закончить фразу он не успел.

Ирка подпрыгнула и со всего маху заехала ему подушкой по голове. Снова выметнулись из земли горящие нити, закрутилась огненная спираль, амбал испуганно икнул и… исчез. Одним прыжком перелетев через раскрытую могилу, Ирка подскочила к седовласому. Тот лишь успел вскинуть руки, как неумолимая подушка рухнула и на него. Раздался хлопок… Ведьмочка брезгливо стряхнула с рукава хлопья черной сажи.

– Можно вылезать? – донесся из могильной тьмы Танькин голос, и над краем ямы появилась ее перемазанная землей физиономия.

– Сейчас, – сквозь зубы процедила Ирка. – С последним жмуриком разберусь. – Зловеще поигрывая подушкой, она двинулась в обход могильной ямы – прямо к бледному парню.

– Я так и знал, – расстроенно проговорил парень, отступая подальше от Ирки. – Вот не хотел я рассказывать про подушку. И давать не хотел. А теперь ты меня же… Моей же подушечкой… – В его голосе послышались слезы.

– Погоди, Ирка, – шустро выбираясь из ямы, вмешалась Танька. – Какие у тебя к нему претензии?

– Он мертвый! – взвизгнула Ирка.

– С чего ты взяла? – попытался отпираться бледный парень, но Ирка только рассмеялась.

– А кто про мертвецов «наши» говорил? Кто про них все знает? У кого руки ледяные? Подушку небось из собственного гроба вытянул? – Ирка гневно потрясла подушечкой. – Ты такой же, как они!

– Попросил бы не оскорблять! – возмутился парень. – Я совершенно не такой!

– Еще скажи, что ты хороший! – хмыкнула Ирка.

– Да! Хороший! Положительный!

– Вижу я, какой ты положительный! Тебя положили, а ты носишься! – вскричала Ирка, замахиваясь подушкой.

– Покутник я! – взвизгнул парень и отчаянно зажмурился, чтоб не видеть летящую на него подушку.

Но подушка вдруг остановилась. Танька поймала ее за уголок.

– Ты что, ему веришь? – в недоумении спросила Ирка подругу.

– Я читала, – устало пояснила Танька. – Покутники – они и вправду неплохие. Они при жизни какой-то грех совершили, вот и искупают после смерти.

– Искупить, искупить, – закивал головой покутник. – Мне очень надо искупить. Я так больше не могу… – Он всхлипнул. – Хочу туда! – Худой тонкий палец ткнулся в небеса.

– И какой же грех ты искупаешь? – все еще недоверчиво поинтересовалась Ирка.

– Я вам все расскажу. Только давайте уйдем отсюда, – взмолился покутник. – Вы ж мертвяков не уничтожили, а только прогнали, они в любой момент могут вернуться. И вообще, вы устали, проголодались, – ласково заворковал он. – Давайте я отведу вас в одно местечко, там можно отсидеться. Это недалеко совсем, на окраине города…

– А что, город близко? – жадно спросила Танька. – Телефон в том месте есть? Мне родителям позвонить надо!

– С ума сошла? – возмутилась Ирка. – Никуда мы с ним не пойдем! Тебе блуда мало? Кладбища мало? Ты таки помереть решила?

– Если мы не поедим и не отдохнем, и так помрем, – твердо сказала Танька.

– Девочки, я вам не враг. Я просто хочу искупить свои грехи. Пожалуйста, позвольте мне вам помочь, – глядя Ирке в глаза, попросил покутник.

Ирка потупилась.

– Ладно, – неохотно буркнула она. – Веди, где там твое безопасное место. Но смотри… Если что – подушка у меня!

В занимающемся рассвете три темные фигуры выскользнули за ворота. На кладбище остались тишина и пустая могила под гладким, без единой надписи обелиском.

Глава 8. День четвертый, спокойный. Относительно спокойный

– Я за что тебе плачу? – Гневно потрясая кулаками, водитель навис над тщедушным сторожем.

Сторож в ответ пробубнил что-то неразборчивое. Водила вновь заорал:

– Я вижу, как ты чистил! На сиденьях пятна, внизу крошки валяются… Хуже, чем было! Тут что, свиньи ночевали?

В кустах на краю автостоянки Ирка и Танька обменялись виноватыми взглядами.

– И правда, свиньи мы, – покаянно пробормотала Ирка. – Дорвались.

– Между прочим, мы вон сколько времени без отдыха. И почти без еды. – Танька нервно вытащила из здоровенного целлофанового пакета шоколадный батончик и зашуршала оберткой. – Одно хорошо, – пробормотала она, вгрызаясь в шоколад. – Голодовка и активный образ жизни – килограмма на два я точно похудела. А может, даже на три.

– Будешь на шоколад налегать – обратно наешь, – предупредила Ирка.

Тем временем веселенький красно-белый шлагбаум автостоянки поднялся, и скандальный водитель укатил прочь. Сторож неторопливо убрел в свою комнату позади крохотного магазинчика, забитого пакетиками с чипсами, шоколадными батончиками, коробками сока и разноцветными бутылочками с напитками.

Ирка выбралась на разогретый асфальт автостоянки и изучающе оглядела оставшиеся машины.

– «Жигуль» с краю бери, – выглянула из кустов Танька. – У него на лобовом защитная пленка от солнца, хоть не такое пекло будет.

– Лучше сразу с кондиционером. – Из соседних кустов появилась физиономия покутника. При ярком свете дня она казалась еще бледнее.

– Ну ты даешь! – изумилась Танька. – Кондиционер же от двигателя работает! Машину сперва завести надо!

– Я при жизни-то не водил. – Парень развел руками.

Тем временем Ирка подошла к «жигуленку» и, спустив капельку крови в замок, распахнула дверцу. Покутник торпедой пронесся через стоянку и головой вперед нырнул в салон. Следом, волоча за собой пакет с провизией, неторопливо проследовала

Танька.

– Ф-фух! – выдохнула она, заваливаясь на заднее сиденье, и принялась задумчиво дожевывать шоколад. – Ладно, здесь хорошо, – наконец заявила Танька, проглатывая последнюю дольку. Скомкала обертку, нерешительно покосилась на далекую урну, потом на высоко стоящее солнце и затолкала комочек фольги в пепельницу «жигуленка». – Знать не знала, что на автомобильных креслах можно так замечательно выспаться. Дальше что делать будем?

– Думать, – отрезала Ирка. – Только для начала… – Она неохотно выбралась из машины на яркое солнце. – Вчера спать завалились, будто нас тут три мертвяка, а не один. Бери голыми руками.

– Ведьмы нас потеряли, – твердо заявила Танька, и по этой твердости легко было понять, что она просто успокаивает себя и друзей.

– Мы возле реки тоже так думали, – резонно возразила Ирка. – У тебя деньги еще остались?

Танька молча выволокла из кармана слипшийся влажный ком. Ирка ловко отделила одну купюру и направилась к магазинчику, настороженно поглядывая в сторону каморки сторожа. Уже привычным движением придержала колокольчик над входом – глаза она сторожу отвела, но на звук выскочит обязательно – и вошла в пустой магазинчик. Добавила купюру к кучке таких же влажных и покоробившихся, что они оставили за провиант. Вскрыла замок на витрине и вытащила брелок для ключей – крохотный перочинный ножик.

– Мы этим обороняться будем? – нерешительно улыбнулся покутник, увидев Иркину добычу.

– Нет, крепость строить, – серьезно возразила Ирка и плюнула на нож. Уперла лезвие в асфальт и принялась старательно обходить автостоянку по кругу. Нож противно скреб, ведьмочка бормотала:

– Возле нашего двора калынкова гора, осиновый кол, огненна вода… Нежить видбивае, нелюдь не пускае, черну ворожбу прочь видсылае… – Ирка описала полный круг и уложила ножик острием ко входу. – Ну вот, теперь пусть попробуют сунуться. Их ждут оч-чень неприятные сюрпризы.

– А на меня оно не кинется? – с опаской поглядывая на такой вроде бы жалкий и безобидный ножик, спросил парень. – Я тоже вроде как… нежить.

– Ты не того боишься, – ласково-угрожающим тоном процедила Ирка. – Ты, главное, бойся, чтоб я на тебя не кинулась. Ты мне вот что объясни: с чего твои собратья по кладбищу нас

прикопать собрались? А ну, колись давай, пока я за подушку не взялась!

– Ир, он-то при чем? – с опаской поглядывая на грозную подругу, спросила Танька. – Это ж все ведьмы – Аллочка наша дорогая и остальные…

– Че-пу-ха, – раздельно произнесла Ирка. – Я вчера тоже так думала – голова от усталости и голода не варила. А сегодня утром сообразила: ведьмы-то за тобой не просто так охотятся. Им колдовской Дар нужен, который тебе Ольга Вадимовна отдала.

– Ну… – согласилась Танька.

– Баранки гну. И кому б ты его на кладбище передала, если там ни одной ведьмы не было? Мертвецам?

Танька задумалась.

– Мертвым колдовской Дар тоже нужен? – поинтересовалась она, настороженно поглядывая на покутника.

– Нам одно нужно – по назначению попасть, – грустно ответил тот и указал пальцем в небеса. – Но у некоторых даже шансов нет, вот и лютуют. Хотя… Те шестеро, они вроде вполне добропорядочные мертвяки были, не опыряки. Даже не знаю, чего они на вас кинулись, правда, не знаю. Разве что натравил кто, ведьма или сильный чаклун.

– Сам ты чего к нам прицепился? – подозрительно спросила Ирка.

– Меня послали, – охотно пояснил парень. – Вроде как голос, говорит: хочешь грех свой искупить, помоги девочкам. Меня наверх и потащило. Не успел оглядеться, а тут вы идете.

– Мало того, что мертвец, еще и голоса слышит, – покачала головой Ирка. – Чей хоть голос был?

– Голос и голос, – пожал плечами парень. – Мне не все равно? Мне главное отмучиться, грех покрыть.

– Чего мертвецы к нам пристали – он не знает, чей голос – не помнит, – не отставала настырная Ирка. – Грех свой хоть помнишь? Ты что искупать собрался?

Покутник опустил глаза и пристально уставился куда-то под сиденье. Ничего интересного там не нашлось, он еще некоторое время покрутился, помялся и наконец выдавил:

– Друг у меня был. Сашка. Мы с первого класса с ним… Жили рядом и вообще… Даже в университет один собрались поступать. Вместе. Как раз выпускной вечер был. Мы с Сашкой уже домой возвращались, под утро. Компания нас обступила: морды злые, пьяные. Говорят: «Что, выпускнички, радуетесь?» И на нас. Сашку повалили… – Он замолчал.

– А ты что? – с сочувствием спросила Танька.

– А что я? – чуть не со слезой выдохнул парень. –

Здоровенные хлопцы, много их… Что б толку, если б я остался?

– Ты… смылся? – не веря своим ушам, переспросила Ирка.

Покутник помедлил и… едва заметно кивнул:

– Сашка… Он меня звал… А я уши заткнул и побежал. Но я ведь и правда не мог помочь! – взмолился он, вскидывая глаза на девчонок. Вгляделся в их лица и вновь вперился в пол.

– Сашка твой спасся? – с жадной надеждой спросила Танька.

Покутник медленно покачал головой.

– Тех парней… Их быстро нашли. Судили. Меня в свидетели вызвали. И все – и менты, и судья, и даже адвокат этих, убийц, – все смотрели на меня, ну как… Вот как вы сейчас смотрите! – в отчаянии вскричал он. – Родители Сашкины… Они мне раньше как родные были… – Покутник безнадежно махнул рукой. – Мои предки меня жалели. Особенно мама. Говорила: я ни в чем не виноват. А сама в глаза не смотрит. Раньше такая гордая ходила, а теперь плечи горбить стала. Я в пригород перебрался, тут старый бабушкин дом был. Сидел там целыми днями и сам даже не заметил, как помер. Думал, увижу Сашку, прощения попрошу. Он бы меня простил, правда! Только меня к нему не пустили. Нет, говорят, тебе хода. – Физиономия покутника стала обиженной. – Зато если я вас спасу, – покутник оживился, – тогда, может быть, дорога и откроется.

– Так чего не спас? – в очередной раз удивилась Танька. – Подрался бы с мертвяками, и готово! А ты за памятниками прятался!

Покутник поглядел на Таньку как на полную дуру.

– Так они же вон какие здоровенные, и их много! – возмущенно заявил он. – Что б толку было, если б я полез в драку?

– То есть ты подождешь, пока на нас накинется банда карликов… – язвительно процедила Ирка.

– Нет, банда – это много, – перебила ее Танька. – Один карлик.

– Ага, один такой малю-юсенький человечек… Тогда ты нас спасешь и искупишь свою вину. Так, что ли?

– Ну что же делать, если страшно! – вскричал покутник. – Между прочим, в моем поведении на кладбище виден некоторый прогресс, – самодовольно заявил он. – Во-первых, я все-таки попытался спорить…

– Это когда? – нахмурилась Ирка.

Покутник метнул на нее обиженный взгляд:

– В самом начале!

– А-а, первые три секунды…

– А потом вам советы давал! Подушку принес! Для первого

раза неплохо! Я еще немножко потренируюсь…

– Пока ты будешь тренироваться, нас как раз и ухлопают!

– Правильно рассуждаешь, Хортица, – прямо над ухом прозвучал знакомый ехидный голосок.

У невысокого заборчика, окружавшего автостоянку, стояла Алла. Совсем близко – высунь руку из приоткрытого окошка «жигуленка» и дотронешься. Рядом небрежно опиралась на метлу ведьмочка Лера. При свете дня она казалась еще прекраснее. Просто нечеловечески: ну не бывает у живых людей таких блестящих густых волос, огромных голубых глаз, тонюсенькой талии. Даже в кино не бывает. Такое только в мультиках рисуют.

За спиной невозможной красавицы Леры столбом застыла сухопарая «училка». Троица иронически разглядывала обалдевшую Иркину физиономию. На Таньку и покутника они вообще не смотрели.

– Думала, сбежите? – откровенно ликовала Алла. – А зеркала на что? Мы вас быстренько отыскали!

Ирка почувствовала отчаянную досаду. Ну конечно же, если она сама может найти человека через зеркало, значит, и другие ведьмы это умеют! Но она постаралась не выказывать своих чувств. Нечего Аллочку еще больше радовать!

– Ну, нашли. Дальше что? – Ирка демонстративно зевнула.

– А вот что! – вскричала Алла и, перемахнув через заборчик, кинулась к «жигуленку».

Крохотный перочинный ножик у ворот завибрировал, затрясся… С коротким чмоканьем в воздухе начали материализовываться десятки, сотни маленьких перочинных ножей. Рой тонко, металлически зажужжал и… ринулся к нарушительнице границы.

Истошно заверещав, Алла метнулась обратно. Подпрыгнув, она буквально взмыла над оградой… Первый, самый шустрый ножик коротко чиркнул ведьму по уху. Зажимая кровоточащее ухо, она рухнула по ту сторону забора.

– Дура ты, Алка. – Лера презрительно скривила розовый ротик.

– Некоторые девочки ничему не учатся, – неодобрительно добавила «училка», разглядывая катающуюся по траве девчонку.

Ни Лера, ни «училка» так и не тронулись с места. Вместо этого они внимательно разглядывали асфальт по краю стоянки.

– Защита от чар и нежити? – наконец поинтересовалась «училка». – Грамотно поставлено, девочка. Весьма и весьма.

Ирка почувствовала невольную гордость. Будто ее и впрямь учительница похвалила.

– Мне кажется, нам есть о чем побеседовать с такой разумной

молодой ведьмой. Может, подойдешь поближе?

– Мне вас и отсюда прекрасно слышно, – настороженно бросила Ирка.

– Ладно, Хортица, не ломайся, иди сюда. – Лера нахмурила идеальные темные брови. – Разговор только между нами, ведьмами.

– А тебя в школе не учили, что при людях не шушукаются? – уперлась Ирка, но Танька ткнула ее в бок:

– Сходи! Узнаешь, чего хотят!

– Тебя прихлопнуть хотят, что непонятно, – проворчала Ирка, но все-таки распахнула дверцу и выбралась из машины.

– О чем говорить будем? – Ирка оперлась о заборчик и приготовилась слушать.

Лера с «училкой» невольно переглянулись:

– Девочка, нам следует договориться. Мы совершенно не желаем тебе зла…

– А мертвяков натравили исключительно от большой любви, – перебила «училку» Ирка.

Ро́бленные ведьмы, молодая и старая, переглянулись снова.

– Каких еще мертвяков? – Лерин голосок-колокольчик звучал искренним изумлением.

– Излишне живых. Чуть нас с Танькой в могилу не закопали.

– Ничего не понимаю, – тоже удивилась «училка». – Мы мертвецов не натравливали. Это же бессмысленно! Принять Дар от твоей подруги они не смогут, а тебя мы вообще трогать не собирались!

– Совсем мы, что ли, с ро́жденной просто так связываться? – добавила Лера. – Нам вот она нужна. – Лера мельком скользнула взглядом по Таньке. – Пусть вернет, что взяла, и отваливает.

– На тот свет! – фыркнула Ирка.

– Нет-нет, – запротестовала «училка». – Все не так печально! Отданный Дар приживается девять дней. Пока срок не перевалил за половину – до середины пятого дня, – Дар можно отдать, не лишаясь жизни. Твоей подруге достаточно только пожелать! Не хочу тебя обманывать… – «училка» замялась. – Потом она будет долго болеть, но это все же лучше, чем смерть!

– Почему это она должна умирать? – угрожающе сощурилась Ирка.

– Потому что мы от своего не отступимся, – отрезала Лера.

– У тебя свой, природный Дар, девочка… – На лице «училки» отразилось страдание. – А мы принадлежим нашим хозяйкам. Мы отдаем им все! Наш ум, знания, умения, все, что мы зарабатываем с помощью ведьмовства! Сидят, клуши жирные, распузастились, а мы как рабыни… – Она захлебнулась ненавистью.

– А чего не откажетесь? – Ирка ощутила почти невольный укол сочувствия. Похоже, не так уж весело ро́бленным живется. – Вас вон какая толпа, и вы тоже ведьмы! Налетели бы на своих хозяек, вделали им по первое число…

– То есть как… Мы же ро́бленные! Наша Сила – это та Сила, что дают нам хозяйки! Напасть на них с их же собственной Силой? – «Училка» изумленно воззрилась на Ирку. – Ты что, не знаешь, что с нами тогда будет?

– Она не знает, – обронила Лера.

– Я же говорила, совсем безграмотная! – Все еще держась за ухо, Алла села в траве.

Лера презрительно сомкнула невероятно густые ресницы:

– Молчи уж, умная! Послушай, Хортица, на ту старую ро́жденную мы наткнулись случайно. Думаешь, нам легко было напасть на нее, скрутить… Она хоть умирающая, но настоящая, природная ведьма. Намного сильнее нас. Знаешь, как она нас потрепала? Но ее Дар – это шанс! Неповторимый шанс для одной из нас! Любая, слышишь, любая, может стать сильной! А главное, свободной!

– Откажитесь от ведьмовства вообще! – пожала плечами Ирка. – Будете свободны!

– Ага, и станем как она – никакой! – Алла кивнула на Таньку.

Ирка взглянула на Аллу свысока.

– Танька рисует свои картины сама! И на помощь Ольге Вадимовне кинулась сама. И та ей отдала свой Дар – тоже сама. Никакая здесь только ты, Аллочка. Ты ж сама ничего не можешь, верно? Денежки – от папы, победы на конкурсах – от чужой Силы, сама Сила – от Оксаны Тарасовны… Потому и бесишься.

– Ах ты… – злобно взревела Алла и, не помня себя, вновь ринулась к Ирке. Над забором послышалось тоненькое металлическое жужжание. Взрыв каблуками землю, Алла остановилась.

– Пусть ты даже и права, – кротко кивнула «училка», – пусть мы все – никто. Но мы хотим стать кем-то!

– Просто работать не пробовали? – поинтересовалась Ирка.

– Девочка, не учи меня жизни! Я все-таки постарше тебя! – «Училка» начала сердиться. – Я жду ответа!

Ирка мгновение подумала.

– А ведь из вас страшненькая ведьма получится, – медленно произнесла она, глядя в жадные глаза «училки». – А из этих двоих – еще хуже. – Ирка махнула в сторону девчонок. – Я думаю, Ольга Вадимовна выбрала правильно. Пусть Дар у Таньки остается, всем лучше будет.

– Не отдадите – в покое не оставим, – угрожающе процедила

Лера.

– А ты попробуй отними! – задорно предложила Ирка, поглядывая то на ободранное Аллино ухо, то на все еще вибрирующий перочинный ножик.

– Может, и попробую, – вдруг усмехнулась Лера. – Значит, от чар и нечисти? Хорошая защита. – Она повернулась и зашагала прочь. Алла рысцой рванула следом.

«Училка» укоризненно покачала головой и тоже молча удалилась.

Ирка нырнула обратно в салон автомобиля.

– Сидим тут, – твердо сказала она. – Еда есть, защита вроде надежная… – Она вспомнила Лерину двусмысленную улыбочку и заколебалась. – Нет, точно надежная, на Алле проверили! Авось пять дней продержимся…

– Пять дней! А как же моя мама?.. – жалобно протянула Танька.

– Лучше будет маме, если эти ро́бленные тебя прикончат? Неизвестно, смогу ли я со Стеллой и Оксаной Тарасовной тягаться, а если при них еще их личные ведьмы – задавят. Не хочу я с ними драться. Здесь мы как в крепости, пусть осаждают хоть до посинения.

– Как же наш покутник? – усмехнулась Танька. – Он же тогда не сможет нас спасти.

– Главное, чтоб вам было хорошо, – обрадованно сообщил парень. – Сидим так сидим!

Глава 9. День пятый, байкерский

Ирка открыла глаза, потянулась. Разложенное переднее сиденье «жигуленка» мягко качнулось. Сквозь лобовое стекло лился слабый розоватый свет зачинающейся зари. Рань какая! Где-то вдалеке слышался гул мотора. Ирка нахмурилась. Вот по закону подлости – сюда едут.

Она запрокинула голову и потрясла за плечо спавшую на заднем сиденье Таньку.

– Ну чего? – Танька приоткрыла один глаз.

– Едут какие-то. Потрохами чую – сюда. Давай в кустах пересидим, не будем отсвечивать.

Танька сонно кивнула и выбралась из машины. Из-под днища «жигуленка» высунулась бледная физиономия покутника.

– Если вы на моей подушечке не спите, брезгуете, так отдали бы мне. Валяюсь тут на голой земле, будто я бомж какой, а не приличный покойник! – обиженно затянул он.

– Лезь в кусты, – оборвала его жалобы Ирка.

Позевывающая троица забралась в кусты и выжидательно уставилась на пустую пока дорогу. Шум моторов слышался все ближе.

– Похоже, много народу едет, – неуверенно предположила Танька.

– Может, все-таки не сюда? – спросил покутник.

– Сюда, – тусклым голосом ответила Ирка.

Гул стал оглушительным. На шоссе возникли мотоциклы. Густо-черные и цветные, хромированные, блестящие и тусклые, словно отлитые из единого куска тьмы. Их седоки, затянутые в усыпанную заклепками кожу, подкручивали ручки, и мотоциклы ревели, как рассерженные динозавры. Ветер трепал концы бандан на головах байкеров и… длинные волосы сидящих на багажниках девиц. Впереди, крепко держась за пояса водителей, катили Лера и Алла.

Мотоциклисты неторопливо подъехали к стоянке. Ведьмочек словно вихрем смело с седел. Они выстроились у низенького заборчика. Байкеры принялись неторопливо объезжать стоянку по кольцу. Лишь предводитель поставил свой байк напротив входа.

Из задней комнатки выбежал сторож.

– Вы чего хулиганите? – тоненьким фальцетом прокричал он. – Вот сейчас полицию вызову!

– Слушай, дядя, – примирительно сказал предводитель, поглядывая на сторожа поверх темных очков. – Машин здесь много, и все застрахованы, а здоровье у тебя одно. Шел бы ты

отсюда.

Сторож в негодовании взмахнул руками, открыл было рот… но вдруг осекся и молча сиганул через заборчик. Мотоциклисты на мгновение остановились, пропуская его.

– Надо было его предупредить, что здесь безопасно! – тихонько охнула Танька. – Что здесь защита!

И тут Танька перевела взгляд на несчастную физиономию подруги.

– Как прикажешь тебя понимать? – грозно вопросила Танька.

– Ну кто ж знал, что Лера такая умная! – жалобно протянула Ирка. – Я защиту от нежити и чар ставила, а не от обыкновенных живых парней!

Предводитель крутанул ручку – его байк взревел и ринулся в проход. Остальные помчались за ним. Покутник заорал:

– Бегите! Я их задержу!

– Уверен? – бросила Ирка.

– Да! – Парень решительно кинулся наперерез въезжающим на стоянку байкерам. – Я хочу искупить грех! А ну оставьте девчонок в покое! – крикнул он. Ирке даже показалось, что на его руках мелькнули загнутые когти, а изо рта выглянули длинные желтоватые клыки.

Подруги рванули к ограде, надеясь проскользнуть между мчащимися байкерами. Но их тут же снесло в сторону. Отпихнув девчонок прочь, мимо пронесся покутник.

– Они здоровенные! Их много! – крикнул он. – Стра-ашно! – молнией мелькнув между мотоциклами, покутник перескочил ограду и исчез.

Рев мотоциклов слился с громовым хохотом байкеров. Ручки крутанулись, мотоциклы дружно вздыбились на задние колеса и ринулись к девчонкам.

– Держись рядом, я им глаза отведу! – скомандовала Ирка, хватая Таньку за руку.

На физиономиях наступающих байкеров тут же проступило замешательство. Кто-то принялся недоуменно оглядываться, разыскивая вдруг исчезнувших девчонок, чей-то мотоцикл отвернул в сторону…

Не расцепляя рук, подруги вскарабкались на капот ближайшей машины. Танька подсадила Ирку на крышу, та потянула подругу за собой… Мотоцикл предводителя круто развернулся. Протекторы резко взвизгнули. Танька поскользнулась и, крепко приложившись спиной о капот, сверзилась на землю.

Ирки не было видно – чары действовали. Танька отчаянно зажмурилась – в конце концов, она теперь тоже ведьма! – и

забормотала: «Нету меня, нету!»

– Одна есть! – радостно завопили байкеры.

Коротко взвизгнув, Танька ящерицей скользнула под днище машины. Ведьмочки-зрительницы издали разочарованный стон.

Танька выкатилась из-под днища с другой стороны, прямо у каморки сторожа. Рядом с дверью каморки стояла низенькая платформочка на колесах. На такой продвинутые ремонтники подкатывают под брюхо авто, собираясь чистить, смазывать и регулировать. Платформочка словно живая ткнулась Таньке в ноги.

– Как в кино! – восторженно проорала Танька, опрокидываясь на платформочку. Отталкиваясь ногами, она выскользнула из-под накатывающего на нее колеса мотоцикла и с разгона влетела под днище грузовичка. Темная от грязи «изнанка» – и вновь полоска ярко-голубого неба над головой. Из-за капота выворачивает колесо вражеского мотоцикла – толчок, и Танька исчезает, нырнув под высокую «Шкоду». Днище-небо-днище… Словно по длинному коридору, Танька пронеслась между колес микроавтобуса, увернулась от мотоцикла предводителя, помчалась…

Вскинув руки, она судорожно вцепилась в высокую подножку джипа. Платформа едва не выскользнула у Таньки из-под спины, каким-то чудом девчонке удалось удержать ее. Тяжело дыша, Танька зависла под джипом – сбоку проглядывал обод колеса мотоцикла. Танька начала подтягивать себя на руках, намереваясь выехать с другой стороны, подальше от поджидающей засады.

– Она здесь, я вижу ее!

Танька узнала голос Аллы.

Зарокотал мотор, и в узкий проход у джипа протиснулся очередной мотоцикл.

«Окружили!» – мелькнула отчаянная мысль. Неимоверным усилием крутанувшись на платформочке, Танька вылетела из-под бампера, в который раз проскочив между мотоциклами.

Платформа вновь прокатилась под микроавтобусом. По крутой дуге обошла преследователей. Таньку закрутило на развороте и… со всего маху внесло под низко посаженный спортивный автомобиль.

– Упс! – словно тугую пробку в бутылку, Таньку на полной скорости вбило между асфальтом и низким днищем. Лопатки вдавило в жесткую арматуру платформы и… движение остановилось. Танька торчала под машиной и лишь слабо скребла оставшимися снаружи ногами.

Рядом прошуршали шины. Потом прошлепали шаги, и

авторитетный голос предводителя пояснил:

– Спорт-класс! Видишь, как днищем к дороге жмется! На трассе просто летит! – И он одобрительно похлопал автомобиль по капоту.

Девчонка почувствовала, как ее плотно ухватили за щиколотки. Потянули, примериваясь. И изо всех сил дернули!

Они разлетелись в разные стороны – Танька в одну, ее верная платформа в другую. Потерявшая ориентацию девчонка рухнула прямо на предводителя байкеров. Ведьмочки вокруг ограды восторженно завопили, но, перекрывая их крик, раздался другой, еще более пронзительный:

– Танька, лови!

На крыше того самого высокого микроавтобуса вдруг материализовалась Ирка. Танька вскинула руки, и прямо ей в ладони свалился травяной шарик. Недолго думая, она швырнула шарик в грудь предводителю. Глухо бухнул взрыв.

Таньку подняло в воздух и чувствительно опустило на капот джипа. Предводителю байкеров повезло меньше. Он приземлился прямиком на ограду. С воплем поднялся на ноги и бешено заорал:

– Держите малявку!

Танька извернулась, попыталась вскарабкаться на джип, но тут ее крепко ухватили за джинсы…

Ирка перепрыгнула на очередную крышу, когда сзади донесся отчаянный Танькин вопль. Ирка обернулась… Тут же мотоциклисты накатили с двух сторон и, будто балерину, подхватили Ирку под руки. Под радостные вопли ведьмочек у ограды они выехали прочь со стоянки, за пределы Иркиного защитного круга.

Далеко увозить пленниц не стали, привязали тут же к ограде.

Лера подошла и отрывисто бросила, искоса поглядывая на Таньку:

– Времени мало, и у тебя, и у нас. Пятый день, до полудня час. – Лера потрясла часами у Таньки перед носом. – Половина срока. Не успеешь отдать сама, придется тебя кончать. – Лера стиснула челюсти так, что желваки заиграли на скулах.

– А ты чего торопишься, в крови пачкаться неохота? – едко протянула Ирка, тихонько пробуя связывающие их путы на прочность.

– Неохота, конечно, что ж я, монстр, – пожала плечами Лера. – И Стеллины бабки могут вот-вот явиться. Они тоже не дуры, придумают, как твою защиту обойти.

У Леры за спиной гулко откашлялись. Она обернулась. Из кустов у стоянки вылез смущенный покутник.

– Я насчет госпожи Стеллы и ее коллег. Я пока убегал, их

видел. Они неподалеку, в частном домике. Очень суетятся. Кажется, готовятся к чему-то.

– Эй-эй, – предводитель байкеров оставил свой мотоцикл и угрожающе надвинулся на бледного покутника. – Бежал и беги дальше, какого приперся? Жить надоело?

– Вы только не волнуйтесь, – проникновенно сказал покутник, успокаивающе вскидывая ладони, – я ничего не собираюсь предпринимать. Я просто посижу с девочками, чтоб им было не так одиноко.

– Ты идиот? – дружно поинтересовались Ирка и предводитель байкеров.

– Я тренируюсь, – обиженно пробурчал покутник, присаживаясь прямо на землю у ног связанной Ирки. – Я, конечно, сбежал… Но ведь вернулся! В следующий раз…

– Никакого следующего раза не будет, – твердо сказала Лера. – Уберите отсюда этого чудика!

– А пусть сидит, – неожиданно протянул байкер. – Вроде прикольный чувак. И вообще, киска, чем ты тут занимаешься? Ты, конечно, девчонка – закачаешься, для такой ничего не жалко. Но на мочилово я за просто так не подписывался! Что, девки тебе задолжали и не отдают?

– Ой, котик, не бери в голову! Это так, между нами, девочками, – делано рассмеялась Лера и небрежно мазнула байкера губами по щеке. Тот тут же расплылся в широкой блаженной улыбке и выпятил грудь.

– Ну что, отдашь? – Лера в упор уставилась на Таньку.

Та покосилась на Ирку, но физиономия подруги излучала одну лишь тоску. Освободиться никак не удавалось. Все-таки вязали их ведьмы. Танька вздохнула и горестно кивнула.

– Наконец-то! – вскричала Лера. – Сейчас я развяжу тебе одну руку, ты дашь ее мне…

– Почему тебе? – раздался возмущенный Аллин голос. – А ну отошла, быстро!

– Замолкни, Алка, – бросила через плечо Лера.

И тут Алла прыгнула. Отчаянно вереща, она вцепилась Лере в золотые волосы и повалила на асфальт. Лера тут же ухватила соперницу за рыжие патлы. Они покатились по земле.

– Мне Дар! Нет, мне! – рычали обе.

В это время из задних рядов ведьмочек выбралась бывшая охранница Ольги Вадимовны.

– Пока они там дерутся, мне руку давай, – скомандовала она Таньке, но не успела та и шелохнуться, как толпа визжащих, орущих, молотящих кулаками молодых ведьм навалилась на новоявленную претендентку.

Через секунду дрались все. Ведьмы рвали друг друга за волосы, плевали в лицо и делали подножки. Они щипались, кусались и пинались. Из общей свалки на мгновение вынырнула Лера. Ее совершенное личико пересекала длинная кровоточащая царапина. Сорвав с ручки мотоцикла шлем, Лера вновь ломанулась в бой, охаживая шлемом направо и налево. Крепчайшая пластмасса треснула. Владелец шлема досадливо крякнул.

– Во дают девки! – восхищенно покрутил головой предводитель, усаживаясь на землю рядом с покутником.

– Вам весело, а время идет! – нервно бросила Танька, не отрывая глаз от схватки. – Эй, девочки, двенадцать скоро! Кто-нибудь у меня Дар брать будет?

Но ведьмы ее не слышали. Драка бушевала.

– Что хоть за дар, – с любопытством спросил предводитель, поглядывая на привязанную Таньку снизу вверх, – который ты отдать должна?

– А, колдовской, – дернула подбородком Танька.

Ирка пихнула подругу плечом.

– Чего треплешься? – шепнула она.

– Хуже все равно не будет! – в полный голос ответила Танька. – У меня полчаса осталось, а они там дерутся! Потом скажут: извини, Танюша, опоздали, придется тебя прирезать!

– А ты кому угодно этот Дар отдать можешь? – поинтересовался предводитель.

– Так никто ж не берет! – снова возмутилась Танька.

Предводитель задумчиво уставился на дерущихся ведьмочек. В глубине схватки то и дело ослепительно взблескивало золото Лериных волос.

– Жалко, офигительная герла… – пробормотал байкер. – Но с колдовским Даром я таких еще пучок найду, верно? – вопросительно глянув на Таньку, предположил предводитель. – А ну, парни! – скомандовал он. – Гоните девок отсюда! Развоевались!

Хохочущие байкеры вскочили на свои мотоциклы и медленно двинулись к дерущимся ведьмам. Колесо одного мотоцикла подпихнуло первую ведьмочку, колесо другого наехало на Аллу. Опомнившиеся девчонки увидели движущийся на них строй мотоциклистов.

– Ты что делаешь, котик! – поверх рулей и голов крикнула Лера, отступая перед накатывающими мотоциклами.

– Брысь! – лишь рявкнул главный байкер.

– Слушай, ты же взрослый парень! – стараясь быть максимально убедительной, затарахтела Ирка. – Какое

колдовство? Ты еще скажи, что в Гарри Поттера веришь!

– Ну проверить-то не помешает, – рассудительно сказал предводитель и ухватил Таньку за руку. – Передавай свою силу, если жить хочешь.

– Я не умею! – непослушными от ужаса губами прошептала Танька.

– Тогда извини, – прогудел байкер и выволок из-за сапога здоровенный нож в кожаном чехле. – Сама ж сказала: придется прирезать.

– А ну отойди от нее! – завопила Ирка, дергаясь в путах.

Танька закрыла глаза, чтоб не видеть, как на нее надвигается смерть.

И тут раздался рев. Он был какой-то другой, чем у прочих мотоциклов: громче, раскатистей, круче. Повеяло странным ветерком: в нем смешивались запахи свежести, машинного масла и бензина, и все вместе пахло завораживающе. Мотор работал все ближе, громче, но дорога оставалась пустой. Байкеры отчаянно крутили головами – неизвестный уже должен быть здесь, рядом! Но по-прежнему никого и ничего.

И лишь когда невероятный звук слышался буквально в двух метрах от привязанных девчонок, будто раскрылась гигантская молния: воздух вжикнул и распался на половинки. Из проема вылетел гигантский «Харлей-Дэвидсон».

Он был белым, как снег, и легким, как утренний туман. Он светился ровным, ярким, абсолютно белым светом. Седок – старик с совершенно седой бородой, в куртке из белой кожи – лихо крутанул ручку своего «железного коня». Заложив невозможный, немыслимый вираж, мотоцикл вклинился между предводителем байкеров и девчонками.

Старик вскинул руку. Из-под перчатки с серебряными заклепками вылетел тонкий луч и полоснул по веревкам. Путы мгновенно вспыхнули холодным серебристым пламенем и осыпались.

– Садитесь! – крикнул старик, взмахом руки показывая на багажник. Первым взлетел в седло покутник. За ним вскочили Ирка и Танька.

– Белый! – непослушными губами шептал предводитель. – Белый Байкер!

С невыразимым презрением поглядев на нож в руке предводителя, Белый процедил:

– Эх ты, а еще байкер! Не понесет тебя больше конь. – Старик кивнул на мотоцикл предводителя. – Опозорил его!

Белоснежный «Харлей» взревел, вламываясь в раскрывшийся воздушный провал.

Ирка оглянулась. Толпа байкеров стояла неподвижно, благоговейно глядя вслед Белому. И только предводитель отчаянно жал на стартер, пытаясь завести свой мотоцикл. Но машина молчала.

Глава 10. День шестой, полицейско-волчий

– Я вот не понимаю, где мы все сидим? – полюбопытствовала Ирка. – Разве на багажнике мотоцикла можно ездить втроем?

– Были бы седоки хорошие, на моем мотоцикле все можно! – расхохотался Белый Байкер.

Белоснежный «Харлей» летел вперед, и окружающее пространство сливалось в смутное марево, в котором время от времени мелькали яркие пятна. Но что проносилось мимо – не разглядеть. Лишь скорость, лишь ветер и нескончаемая лента дороги под колесом.

Сперва это было здорово. Девчонки орали и хохотали, и даже порывались петь. Бледное лицо покутника, казалось, чуть порозовело, и глаза зажглись восторгом безумной гонки. Они ехали, ехали, ехали. Летели, летели, летели. Ветер все так же бил в лицо. Мир вокруг все так же сливался в размытые полосы.

Скучающе болтая ногами, девчонки косились то на серый асфальт, то на заменявшую пейзаж муть по сторонам. Покутник будто отключился: сидел неподвижно, не шевеля ни единым мускулом. Ирка иногда вовсе забывала, что их непрошеный попутчик тоже здесь, на бесконечном багажнике мотоцикла Белого Байкера. Танька в конце концов ткнулась носом Ирке в плечо и уютно засопела. Ирка мимолетно позавидовала подруге: за ней целая охота идет, а она дрыхнет!

– Как вы узнали, что нам нужна помощь? – перекрывая бьющий в лицо ветер, прокричала Ирка в ухо Белому Байкеру.

– Так, подруга, не поверишь, голос услышал! – обернувшись через плечо, проорал Белый. Ветер срывал его слова и уносил прочь. Ирке едва удавалось понять, что он говорит. – В Дороге чего только не бывает, но чтоб вот так прямо голоса! – Байкер покрутил головой. – Я уж решил – совсем крейзанулся Белый!

Ирка нахмурилась – опять загадочный голос! Сперва покутник, теперь Белый Байкер.

– Что сказал голос? – спросила она.

– Что какие-то чуваки поступают не по-нашему, тормознуть надо. Приезжаю, гляжу – правда! Ты, подруга, теперь ничего не бойся! Мы на Дороге! Нет такой силы, чтоб на Дороге тормознула Белого Байкера! – И он торжествующе завопил: – Ничто нас не остановит!

– Ничто? – с глубоким сомнением вопросила Ирка, глядя на предмет, медленно проступающий из смутного марева пространства.

Неторопливо рассекая туман безумной скорости, впереди

вращался черно-белый жезл.

– Менты! А ну держись! – заорал Белый Байкер и завалил мотоцикл набок, разворачиваясь по крутой дуге. Мотоцикл рванул в обратную сторону, оставляя крутящийся жезл позади.

– Что, взяли? – восторженно прокричал Белый.

Он крутанул ручки мотоцикла, «Харлей» торжествующе взревел. Дорога стлалась под колеса… Но тут же победный гул мотоцикла дрогнул, сбился. Солидно раздвинув скоростное марево, еще один черно-белый жезл проступил впереди. Он недвусмысленно приказывал остановиться.

Четверка седоков дружно оглянулась. Один жезл маячил впереди них, второй поджидал сзади.

– Обложили! Эх, помогай, Дорога! – гикнул Белый Байкер и вздернул мотоцикл на дыбы, разворачиваясь на заднем колесе.

Багажник под пассажирами встал вертикально, и покутник начал медленно сползать. Взмахнул руками, судорожно вцепился Таньке в плечи – и поволок ее за собой. Ирка ухватила подругу за кисть, другой рукой попыталась удержаться за Байкера… Ее пальцы скользнули по гладкой белой коже куртки… Будто гирлянда сосисок, вся троица ссыпалась вниз.

Раздался оглушительный хлопок. Обычный мир возник вокруг них. Белого Байкера не было – лишь впереди смутно дрожал воздух, слышен был удаляющийся рокот мотора и азартный крик: «Врешь, не возьмешь!»

– Стой, вернись! – крикнула Ирка.

Но Байкер их уже не слышал. Зато услышали другие. Припадочно завывая сиренами и полыхая синими бликами мигалок, к сидящей на шоссе троице выворачивали две полицейские машины.

Дверцы машин распахнулись, и из них горохом сыпанули парни в камуфляже и черных масках. На рукавах комбинезонов красовалась эмблема – голова волка. Автоматы были недвусмысленно направлены прямо на девчонок.

Покутник взвился на ноги. Ухватив Ирку и Таньку под локти, он ринулся прочь от шоссе, волоча девчонок за собой.

– Бегите! – кричал он. – Скорее! Теперь-то я их точно задержу! Сашка, я иду к тебе! – Покутник подтолкнул девчонок вперед. Решительно развернулся навстречу накатывающей волне полицейских. От его бледной худосочности не осталось и следа. Руки стали длинными, взбугрились мощными мускулами, а пальцы и впрямь обросли серьезными когтями. Только вот глаза…

– Может, не стоит? – спросила Ирка, с сомнением глядя на покутника.

Но тот уже и сам решил, что не стоит. Набегающие камуфляжники были совсем близко, кое-кто приостанавливался, вскидывая оружие…

Покутникова мощь сдулась, будто воздушный шарик: плечи свернулись, опали мускулы, исчезли когти. Одни лишь ноги словно удлинились. Широкими скачками он пронесся мимо девчонок и ринулся прочь от дороги, в степь.

– Здоровенные! Очень много! Стра-ашно! – донесся ставший уже привычным крик.

Парни в камуфляже налетели на девчонок со спины и… пробежали мимо. Помчались в степь следом за улепетывающей фигурой. Лишь один остановился рядом.

– Отряд специального назначения «Серые волки», – хрипло представился он. – Девочки, вы как, целы?

Танька обалдело кивнула. Камуфляжник выхватил рацию и гордо доложил:

– Освобождение заложников прошло успешно! Преследование террориста ведется…

– С переменным успехом, – басовито вздохнули рядом.

Прямо над девчонками возвышался немолодой плечистый мужик. Как он подошел и когда – подруги не заметили. Парень в камуфляже нервно дрогнул, но тут же вскинул ладонь к черной шапочке с прорезями для глаз:

– Разрешите доложить…

– Доложил уже, – прогудел мужик, похлопывая по рации на поясе.

– Извините, но наш… э-э… друг, он вовсе не террорист, – вмешалась Танька, с тревогой поглядывая вслед удирающему покутнику и его камуфляжному сопровождению. – Он просто… просто…

Мужчина исподлобья поглядел на девчонок, потом неожиданно нагнулся к земле. Его ноздри дрогнули, затрепетали, и Ирке показалось, что неизвестный полицейский начальник принюхивается к следам. И запах ему категорически не нравится. Лицо его брезгливо дернулось, он выпрямился и обронил:

– Не совсем он прост, ваш так называемый друг. Но и правда не террорист, – и небрежно махнул своему подчиненному: – Прекратить преследование.

– Так точно, – браво гаркнул камуфляжник и, доверительно наклонившись к Ирке, громким шепотом сообщил: – Майор всегда знает – виноват или нет. Ни разу не ошибся. Просто нюхом чует!

– Так мне и положено чуять. Верно говорю, сестренка? – майор хищно улыбнулся.

– Не знаю, – промямлила Ирка.

Этот простой ответ почему-то изумил майора буквально до остолбенения.

– Как это – не знаешь? Ты что же, не… – не договорив, он наклонился к Ирке и сильно потянул носом. Девчонка даже испугалась, что ее сейчас, как в мультиках, втянет майору в ноздрю.

– Да нет, я же чую, ты точно… – Майор опять не договорил, тень какой-то догадки мелькнула у него на лице, а потом на нем явно отобразилось облегчение. – Понял, ты просто еще не… Ну тогда порядок!

Ничего не понимающая Ирка во все глаза уставилась на майора.

– Что смотришь, а ну давайте обе в машину, – скомандовал майор, подталкивая подруг к заднему сиденью полицейского автомобиля. – А ты ребят возвращай. Всех, кого надо, мы взяли, а парень – не наш клиент. – И буркнул себе под нос, так, что его расслышала только Ирка: – Спецназ – не похоронная команда.

И вот тут Ирка всерьез задумалась, стоит ли ей садиться в машину с этим странным майором. Но выбора ей не оставили. На плечо легла тяжеленная ладонь, и Ирку будто ветром внесло в автомобиль. Потом майор небрежно закинул туда же Таньку, а сам уселся за руль. Нажал что-то на приборном щитке… Запоры глухо клацнули. Майор заблокировал дверцы.

Подмаргивая синими огнями, машина рванула в сторону города.

– Извините, пожалуйста, – тоном пай-девочки сказала Танька. – Вы нас арестовали?

– Есть за что? – Майор в очередной раз оскалил в улыбке крупные острые зубы.

Но, глянув на Танькину растерянную физиономию, снизошел до ответа:

– Просто кое-кто просил вас отыскать.

Танькино лицо просветлело:

– Мама и папа! Ну конечно! Они меня ищут! Ирка, сегодня дома будем!

Ирка неопределенно повела плечом. Ей не хотелось портить Таньке радость. Но что-то подсказывало: Танькин отец, при всей его крутизне, не мог ни о чем просить вот этого острозубого полицейского. Им бы лучше от майора подальше держаться.

Удирать надо сейчас, из машины, ведь неизвестно, куда майор их везет. Ирка лихорадочно перебирала варианты побега. Не выйдет… Не получится… Не то… Опять не то… А если…

Она вскинула голову и… столкнулась взглядом с майором,

внимательно наблюдавшим за ней через зеркальце заднего вида. Глаза у майора были странного желтого цвета, такие же хищные, как и улыбка. В их глубине тлела усмешка, словно майор прекрасно понимал, что Ирка сейчас строит планы побега. И заранее смеялся над их никчемностью.

– Ирка, мы в городе! Ура! – завопила Танька, глядя на мелькание улиц за окном.

Она так радовалась, что Ирке захотелось ее стукнуть.

Машина медленно сбросила ход и затормозила у обшарпанной двери полицейского отделения. Майор вышел из машины и тщательно запер переднюю дверцу за собой, оставляя подруг внутри, под замком. Постоял, исподлобья разглядывая окна собственного отделения. На лице его было недовольство. Потом тяжко вздохнул, будто смиряясь с судьбой, и, крепко придерживая за плечи, вывел девчонок.

Ирка поняла – не вырваться. А Танька и не думала вырываться, только все спрашивала:

– Мои родители здесь? Меня ждут?

– Аж подпрыгивают от нетерпения, – буркнул майор, заставляя девчонок подняться по лестнице на второй этаж. Они остановились у обшарпанной казенной двери. Коротким толчком майор впихнул девчонок в кабинет.

Там их действительно ждали. Ро́жденные ведьмы восседали по обе стороны старого письменного стола. Оксана Тарасовна – с невозмутимой неподвижностью, а Стелла и впрямь нетерпеливо ерзала на старом стуле, жалобно скрипевшем под ее немалым весом. Не мигая, обе поглядели на вошедших и вдруг разом расплылись в широчайших улыбках.

– Здравствуйте, доченьки! – сладко пропела Стелла. – Як мы рады, что наши непослушные видьмочки не сделали з Танечкой ничего поганого!

Танька в ответ только фыркнула, а Ирка внимательно вгляделась в Стеллу. Всем своим существом она чуяла – не врет старая грымза! Вправду рада, просто счастлива! Только эта ее радость опасней любых угроз и не сулит им с Танькой ничего хорошего.

– Обыщи их, – скомандовала Оксана Тарасовна. Рука майора мертвой хваткой сомкнулась у Ирки на запястье.

– Из карманов все на стол! – тихо сказал майор.

Ирка судорожно дернулась, но майор держал все так же крепко. Низко опустив голову, чтоб не дать ведьмам увидеть слезы унижения, бегущие по щекам, Ирка принялась выворачивать карманы. Кучка на столе имела жалкий вид: последний шарик разрыв-травы, пузырек одилень-зелья, баночка

полетной мази. Последним упал тюбик помады. Ро́жденные удовлетворенно кивнули. Майор отпустил девчонок и солидно уселся за свой стол, между ведьмами. Подруги стояли перед этой троицей, будто подсудимые перед трибуналом в фильмах про сталинские времена.

Оксана Тарасовна поглядела на девчонок пронзительным прокурорским взглядом и неожиданно заявила:

– Прошу прощения за действия моих ро́бленных. Можете быть уверены – я не давала разрешения нападать на вас.

– Девчонкам тилькы б вид хозяйки избавиться, – злорадно косясь на Оксану Тарасовну, добавила Стелла. – Молодые, кровь играет, на волю рвется.

– Ваши бабуси тоже рвутся, еще как! – вдруг дерзко заявила Танька. – Целую речь сказали, про то, как они на вас работают, а вы… – Танька хмыкнула, – …распузастились.

Оксана Тарасовна с интересом уставилась на немалый Стеллин живот. Стелла побагровела от злости:

– Это хто ж в мэне такая вумная, на хозяйку рот разевать?

– Они у вас все не дуры… на этот счет, – улыбнулась Танька.

Ирка постаралась предостерегающе пнуть подругу, но та лишь отмахнулась:

– Брось, Ирка! Мне их теперь бояться нечего – они все равно решили меня убить! Разве ты не чувствуешь?

– А ты, значит, чуешь? – хрипло спросила Стелла и несколько испуганно покосилась на Оксану Тарасовну. – То прижился Дар! В кости вошел, кровь пропитал. С сердцем сольется, с разумом сомкнется – быть новой ведьме!

– Не быть! – Оксана Тарасовна зло хлопнула ладонью по столу и подалась вперед, пристально вглядываясь Таньке в лицо. – Ты все верно поняла, девочка! Только наши ро́бленные дурочки могли подумать, что мы разрешим им воспринять истинный Дар! Мы не собираемся терять своих служанок!

– Зачем же вы позволили привезти ту умирающую ведьму на остров? – спросила ошеломленная Ирка. – Зачем решали, кому из ваших ро́бленных достанется Дар?

– Я ничего не решала! Я просто тянула время! Старуха-ро́жденная должна была унести свой Дар в могилу! Но не могла же я прямо сказать своим девочкам, что не позволю ни одной из них принять его! А если б они от разочарования забыли обо всем и на меня кинулись?

– Ото страх! – тряся необъятным животом, расхохоталась Стелла. – Разве ж ро́бленные можуть против хозяйки пойти? На тэбе з твоею ж силою? Им же, дурехам, хуже! На веки вечные видьмами быть перестанут и все, что с твоей силой набрано,

одразу ж воротят!

– Чудесно! И я останусь одна, без ро́бленных! Ты бы того и хотела! Я своих девочек годами собирала: умных, хватких, дочек влиятельных родителей… Я на них Силу тратила!

Брызгая слюной, ведьмы орали друг на друга, и Ирка почувствовала, что наваждение прошло. Никакой здесь не сталинский трибунал, самые обыкновенные скандальные тетки и продажный полицейский. Что он против ведьмы? Подтолкнув Таньку, Ирка принялась медленно отступать к дверям.

Одним стремительным движением майор вдруг выхватил тяжелый десантный нож. Танька в ужасе вскрикнула… Нож с размаху вонзился в столешницу, а майор, с неожиданной для его немалого веса легкостью, перекувыркнулся через стол. Тяжелое тело пролетело у Ирки над головой. Отрезая девчонок от двери, огромный, с теленка ростом волк приземлился на все четыре лапы.

Зверюга глухо рыкнула, обнажая в оскале невероятные клыки, потом тело дрогнуло, потекло… Ирке показалось, что она слышит скрип трансформирующихся костей… И вот уже возле двери, небрежно прислонившись к косяку, стоял крупный немолодой полицейский.

– Знаешь, сестренка, в чем беда всех ведьм? – спросил майор у Ирки. И сам ответил: – Ведьма кого хочешь со свету сживет, но ей причиндалы ведьмовские да время потребны… А нашему брату доли секунды хватит – челюсти сомкнуть. – И он зловеще ухмыльнулся.

– Ты, вовкулака, хвост не задирай, без зубов останешься! – оборвала его Стелла и тут же сладенько улыбнулась девчонкам: – Куда ж вы, девоньки, заторопились? Хватит вже и того, що от мертвяков пишлы!

– Значит, это вы мертвяков подняли! – Ирка начинала понимать. – Чтоб они Таньку вместе с Даром закопали!

Оксана Тарасовна пожала плечами:

– Потихоньку, полегоньку, но я бы обманула своих глупых девчонок! Но тут явились вы, и твоя подружка умудрилась перехватить старухин Дар! И что вас принесло?

– Да мы и не знали бы про ваш шабаш, если б вы приглашение не прислали! – в отчаянии огрызнулась Ирка.

– Мы не присылали! – в один голос ответили ведьмы.

– Мы теж не знали, що в городе ще одна ро́жденная есть! – добавила Стелла. – Як на мэне, так и Оксанка вже лишняя!

Оксана Тарасовна одарила Стеллу презрительным взглядом – похоже, она считала, что лишняя тут как раз сама Стелла, – и снова повернулась к девчонкам.

– Не знаю, кто прислал вам приглашение, девочки, но он оказал вам плохую услугу, – тихо сказала она. – Мне жаль. Если бы ты попросилась ко мне в ро́бленные, я бы тебя взяла. Но позволить тебе стать равной, стать как мы – не-ет! – Оксана помотала пальцем у Таньки под носом. Перевела взгляд на Ирку. – А ты… Мы не стали бы связываться с настоящей ро́жденной – себе дороже может выйти. Но ты кинулась спасать подругу – и теперь ты в наших руках. Беспомощная, беззащитная. Глупо не воспользоваться случаем. В этом городе и так слишком много ведьм. Эй, сюда! – возвысив голос, позвала Оксана Тарасовна.

Дверь кабинета распахнулась. Низко пригибаясь, внутрь протиснулась четверка высоченных широкоплечих парней. Несмотря на летнюю жару, все они были в куртках с закрывающими лица капюшонами.

– Кути-кути-кути, – вдруг заворковала Оксана Тарасовна, ласково присвистывая и прищелкивая пальцами. – Косточки, сладкие косточки…

Из-под капюшонов послышалось глухое ворчание, прорезиненная ткань соскользнула с голов… Девчонки дружно заорали, и даже майор тихо, грозно зарычал, а волосы у него на затылке встали дыбом…

Вместо лиц под капюшонами прятались собачьи морды! Черные, жадно принюхивающиеся носы, оскаленные клыки, уши торчком – и единственный глаз посреди лба!

– Песиголовцы! – в ужасе прошептала Танька. – Они людоеды! Людей орехами откармливают и жрут!

– Уникальные экземпляры! – с гордостью подтвердила Оксана Тарасовна. – Последние в своем роде! Хоть в Красную книгу заноси!

– Опять! То ярчуками меня травили, теперь песиголовцами! Кого точно никогда не заведу – так это собаку! – простонала Ирка.

– Таки ж не заведешь! – злорадно подтвердила Стелла. – Фас, песики! Жрите от пуза!

– А ну стоять! – неожиданно рыкнул майор, демонстрируя изготовившимся к прыжку чудищам волчьи клыки.

– Ты рехнулся, волк? – злобно взвизгнула Оксана. – Спорить с нами вздумал?

– Это ты рехнулась! – прорычал майор и уже другим, примирительным тоном добавил: – Если б я вас, ведьм, во всем слушался, до сих пор бы в камышах спал и телят резал. Нюхом чую, мои парни возвращаются. – Майор кивнул в сторону окна. – А у меня в отделении песиголовцы детей жрут? – Он пожал

плечами. – Мне с ведьмами ссориться резона нет, только давай уж все по уму. Пока пусть девчонки в камере посидят. К ночи вы машину подгоните – и делайте что хотите!

Ведьмы злобно зыркали на майора болотно-зелеными глазищами, но с нижнего этажа уже и впрямь слышались громкие мужские голоса. Схватка песиголовцев с ОМОНом явно не входила в планы старших ведьм. Стелла и Оксана Тарасовна неохотно кивнули:

– Учти, приедем сразу, как стемнеет. У песиков уже слюнки текут!

Ирка с ужасом поняла, что это правда – струйки голодной слюны сочились из собачьих пастей.

Следом за майором песиголовцы поволокли к камерам обессилевших от ужаса подруг. Втолкнули внутрь. Слабенькая, забранная решеткой лампочка освещала пустую камеру: умывальник, двухэтажные нары в углу. Тяжелая дверь лязгнула, закрываясь.

Танька в отчаянии кинулась к двери и тут же отскочила.

– Тут что-то есть. – Она опасливо ткнула пальцем в замок.

– Уже чувствуешь? – равнодушно усмехнулась Ирка. – Ведьмы заговор наложили. Чтоб мы не выбрались.

– Переломить сможешь? – деловито поинтересовалась Танька.

– Чем, головой? – заорала Ирка. – Заговор двойной, а у меня ни трав, ничего! – Она в отчаянии рухнула на покрытую старым матрасом койку.

Танька присела рядом.

– Это я виновата, – прошептала она. – Если бы я не заставила тебя взять меня на шабаш…

Ирка повела плечом. Какая разница, кто виноват, все равно теперь они обе погибнут. Глупо и мерзко, в желудках последних песиголовцев. И никакого выхода! Просто обезуметь можно! Ирка саданула кулаком в стенку.

– Стучат! – сообщила Танька.

– Это я! – буркнула Ирка.

– Да нет, в окошко стучат! – В два прыжка Танька взлетела на верхние нары и прильнула к забранному плотной решеткой окну.

Вонзив острые кривые когти в кирпичную кладку, перед окном висел покутник. На одном плече у него болталась объемистая сумка. А на другом…

– Ирка, твой кот! Он опять тебя нашел!

Ирка вскарабкалась к Таньке. Верный друг, здоровенный трехцветный котище невозмутимо восседал на узеньком внешнем подоконнике. Покутник аккуратно сдернул с плеча сумку, водрузил ее рядом с котом. Ирка прищурилась. Отделенный

решеткой и толстым мутным стеклом, кот был почти неразличим. Девчонка сморгнула… Ни кота, ни сумки! Подоконник пуст!

Ирка разочарованно отпрянула от окна, оглянулась… Старая кожаная сумка стояла на полу, посреди камеры. Рядом мохнатой трехцветной копилкой восседал кот.

– Это что? – дрожащим голосом спросила Танька.

– Кот в пальто, – усмехнулась Ирка. Она заглянула в сумку. Издав восторженный вопль, крепко прижала кота к груди. Гневно фыркнув, тот высвободился – он был солидный зверь и не терпел фамильярностей.

А Ирка уже опустошала кармашки, выкладывая на полу камеры рисунок из трав и цветов.

– Беспомощная, говорите, беззащитная, – бормотала она. – Сейчас поглядим, какая я вам беспомощная… – Она кинула поверх травок горсть цветного порошка, вытащила из очередного кармашка спички – и крохотный веселый огонек заскакал по затейливому рисунку.

– Не клятого, не мятого, кличу ворога заклятого, – закрыв глаза, забормотала Ирка, – на ментовскую сторонушку, на волчью головушку…

Огонек весело пыхнул и исчез. Пол камеры был совершенно чист, даже пепла не осталось.

– Сейчас начнется веселье! – радостно заорала Ирка.

– Уже начинается? – поинтересовалась Танька, услышав, как кто-то возится с замком их камеры.

– Слишком быстро, – встревожилась Ирка.

Дверь с лязгом распахнулась. На пороге стоял майор-оборотень.

– Выходите, быстро! – скомандовал он.

– Никуда мы не пойдем, – упрямо нагнув голову, заявила Ирка. Пальцы ее быстро перебирали пакетики и флакончики в кармашках сумки.

– Не дури, сестренка! – рыкнул майор.

– Какая я вам сестренка!

– Глупая очень! – отрезал майор. – Я помочь хочу!

– Ага, как же… – начала Ирка.

Но тут кот коротко мяукнул и, неторопливо проследовав мимо майора, вышел вон из камеры.

– Ирка, кот ему верит, – несмело вмешалась Танька. – А кот у нас самый умный!

– Да хватит болтать! Стемнело уже, скоро эти… – Майор презрительно скривился. – Псы позорные явятся! Ты что, и впрямь думаешь, я вас им отдам? Чтоб волк собакам косточки подносил? – И, недолго думая, ухватив девчонок за руки, майор

поволок их по лестнице на первый этаж.

Они подбежали к двери, распахнули ее… И застыли на пороге.

Из темноты окрестных улиц к единственному фонарю у отделения полиции выруливали автомобили. Джипы, «Мерседесы», роскошные «БМВ». Дверцы распахивались, и наружу один за другим выбирались накачанные бритоголовые молодцы. Некоторые держали на плечах тяжелые бейсбольные биты. В неверном свете фонаря тускло блеснул вороненый пистолетный ствол. Сухо щелкнул затвор.

Майор быстро захлопнул дверь:

– Это что еще такое?

– Я же не знала, что вы нас отпустите! – протянула Ирка. – Вы же сами сказали, чтоб песиголовцы вечером приезжали!

– Правильно, сказал. Что они приехать могут. А что вас забрать – не говорил. И тебе, между прочим, намекал, что с ведьмами ссориться не хочу. Ты тоже ведьма, значит, и с тобой!

– Какие-то у вас намеки непонятные!

– Просто вы, ведьмы, все не больно сообразительные! Ты кого мне начаровала?

– Врагов, – повинилась Ирка.

– Бандюков, что ли? – с любопытством спросил майор, осторожно выглядывая в коридорное окно. – Ты глянь, не иначе как отделение штурмовать будут! Ну ведьма…

Ухватив девчонок за руки, он потащил их обратно по коридору. Задержался у дверей одной из комнат и тихо скомандовал мгновенно вскочившим омоновцам:

– Оружие на изготовку, серые волки! В коридор пока не высовываться!

Запертая входная дверь заскрипела, словно снаружи ее попробовали на прочность. Пока еще осторожно. Очень осторожно.

– Ну ведьма… – торопливо оглядываясь, майор втолкнул девчонок в туалет.

В нос ударил резкий запах хлорки, майор раздраженно чихнул, распахнул окно… В коридоре глухо стукнуло, послышались осторожные шаги.

– Замок отжали! – прокомментировал майор. – Ну ведьма… – Он подсадил Ирку на подоконник, помог спуститься на тротуар. Ирка увидела, как длинная вереница бритоголовых крепышей втягивается внутрь отделения.

Визжа протекторами, из темноты вырвались пара обыкновенных «Жигулей» и старенький «уазик». Даже не глянув на застывшую под окном Ирку, парни с камерами ринулись к

распахнутой двери отделения. Следом потянули осветительный кабель.

– И телевизионщиков накликала! – взвыл майор. – Ну ведьма…

Он вытолкнул наружу Таньку, следом изящным прыжком переметнулся кот.

К отделению выкатил «Ниссан», потом «Ауди». Из них выбрались солидные мужчины в деловых костюмах, с портфелями в руках.

– Адвокаты! – рыкнул оборотень. – Ну ведьма…

Ирка опустила голову – неловко как получилось!

– Ну, ведьма, спасибо тебе!

– За что спасибо? – Ирка удивленно уставилась в желтые глаза майора – тот вовсе не иронизировал, действительно благодарил. Лицо его аж светилось азартом:

– Да я сейчас этих бандюков всех захомутаю! За нападение на отделение полиции! Прямо у телевизионщиков перед камерами! Никакие адвокаты не отмажут! И пусть тогда попробуют мне подполковника не дать!

– А вдруг они вас?

– Меня? Ментовского Вовкулаку? Какие-то мелкие лохи? – оскорбился майор. – Вы бегите отсюда поскорее, сейчас жарко будет! Удачи тебе, Хортова кровь! Передавай там привет от Ментовского Вовкулаки!

– Где – там? – растерянно переспросила Ирка. – Кому привет?

Но майор не ответил. Вдалеке коротко грохнул выстрел. Громадный волк прянул от окна и одним прыжком оказался в коридоре. Послышались громкие, полные ужаса крики, торопливо застучал автомат. И взвился вой: отделение полиции содрогнулось от грозного охотничьего клича вожака. А в ответ грянул слитный рев молодых глоток – «Серые волки» услышали призыв командира.

Глава 11. День седьмой, людоедский

Темная фигура отделилась от стены. Виновато опустив голову, покутник плелся навстречу девчонкам.

– Снова тренировался? – устало вздохнула Ирка и зашагала по темной улице, подальше от отделения полиции и развернувшейся там баталии.

– Да ладно, не трогай его, Ирка, – вмешалась жалостливая Танька. – Ты ж видишь – он старается. Все равно он нам здорово помог – кота твоего нашел…

Кот негодующе мявкнул.

– Это не я его, это он меня, – торопливо пояснил покутник. – Бегу я, бегу…

– От кого? – безнадежно поинтересовалась Ирка. – Майор велел прекратить преследование.

– Ну так я заметил не сразу, – смущенно потупился покутник.

– Ясно. Как всегда – драпал и не оглядывался.

– Зато я в этот раз уши не затыкал, – гордо объявил покутник. – Правда, все равно ничего не слышал. Пока кот на меня не выскочил. И ка-ак мявкнет! Я сразу понял, что он твой, Ирочка, – искательно заглядывая Ирке в глаза, сказал покутник. – Авторитетный очень. Сам меня к отделению привел, только подняться я ему помог. Там стена гладкая, даже коту не зацепиться.

– С такими когтями – и такой трус!

– А где ты сумку взял? – поторопилась вмешаться Танька.

– Нигде. Сумка у кота была, – удивился покутник.

Ирка остановилась. Поглядела на кота, на сумку и расстроилась:

– Ну вот, только разобрались, почему мертвяки нас на кладбище без всякой передачи дара закопать собирались, как сразу новые загадки!

– А может, кот сам? Он у нас вон какой крутой, сквозь стены ходит.

Кот потерся Таньке об ногу. Продемонстрировал, как высоко ценит ее мнение.

Ирка покачала головой и зашагала дальше:

– Сквозь стены – это одно. А сумку собрать – совсем другое. Представляешь кота, со знанием дела пакующего сумку?

Танька тоже засомневалась:

– Да, пожалуй, несолидно. Не статусно.

Кот снова потерся о ее ногу.

– Между прочим, флакончики в ней тоже не мои. – Ирка

вытащила из сумки крохотный изящный флакончик с зельем. – У меня все попроще, в литровых банках.

– Нам все время кто-то помогает, – задумчиво протянула Танька. – Его голос позвал… – Она кивнула на покутника. – Белого Байкера тоже, теперь вот кот зелья принес.

– Ага, только с покутника, – Ирка тоже кивнула на плетущегося сзади покойника, – толку, как с козла молока. Белого Байкера первый же мент стопорнул. А приглашение на шабаш? Стелла с Оксаной его точно не посылали, зачем им? Так что неизвестно, помогают нам или…

– Если помогают, пусть моим родителям позвонят. Меня уже неделю дома нет!

– Спокойно, до города мы добрались, к утру дома будем… – утешила ее Ирка.

Слабый шелест шин хорошо слышался на пустынной улице. Темный фургончик неторопливо выкатил из переулка. Водитель наклонился к лобовому стеклу – в мерцающем свете ночного светофора Ирка увидела крупную песью морду на человеческих плечах! Розовый язык прошелся по черным собачьим губам – песиголовец плотоядно облизнулся.

Дверцы фургона распахнулись, и четыре высоченные плечистые фигуры выбрались на тротуар.

Грозно шипя, кот выгнул спину и, словно бы пританцовывая, выпрыгнул навстречу песиголовцам. Четыре пары острых собачьих ушей враз насторожились, единственные глаза точно в центре лбов смотрели не отрываясь. Кот вызывающе мявкнул и метнулся в боковой переулок, приглашая полулюдей-полупсов следовать за ним. Один из песиголовцев коротко тявкнул коту вслед, и… вся четверка, дружно печатая шаг, двинулась к людям.

– Они же людоеды, зачем им кот, – пятясь, пробормотала Танька.

– Опять! – страдальчески простонал покутник. Потом решительно выдохнул, расправил плечи. – Но уж теперь-то я смогу вас защитить!

– Ой, да брось ты! – отмахнулась Ирка. – Они здоровые, и их много. Бежим! Все!

На бегу Ирка выхватила из сумки ярко-оранжевый флакончик и метнула его за спину. Стекло дзенькнуло, разбиваясь. Рассекая улицу надвое, позади беглецов выросла ревущая стена огня.

Ирка оглянулась. Четыре высокие фигуры смутно виднелись сквозь огненное марево.

Ирка и ее друзья побежали вдоль улицы. Впереди шелестели деревья небольшого сквера. Танька вдруг притормозила:

– Не надо туда!

– Угол срежем, – задыхаясь, бросила Ирка и ринулась в темноту аллеи. И тут же встала как вкопанная.

Впереди хищным желтоватым светом вспыхнули звериные глаза. Четыре громадных глаза.

Круто развернувшись, Ирка со всех ног кинулась обратно:

– Они там! Выбрались!

Троица беглецов бросилась вдоль трамвайных путей. Сзади пронзительно затрещал звонок. Ирка подалась в сторону. Грохоча по рельсам, мимо прокатил последний ночной трамвай. Засунув руки под мышки и низко опустив голову, кондуктор подремывал в ярко освещенном пустом вагоне.

– Туда! Скорее! – крикнула Ирка. Задыхаясь, друзья выбежали на остановку. Ирка взлетела на подножку.

Кондуктор медленно выпрямился. Круглый собачий глаз не мигая уставился на Ирку. Гигантская пасть радостно осклабилась. Потянуло безошибочно узнаваемым запахом псины. Ирка повернула голову. Из кабины водителя на нее скалилась вторая одноглазая собачья морда.

Ирку с подножки будто ветром сдуло. Беглецы перебежали дорогу и со всех ног помчались к темной громаде элитного дома. Ирка в очередной раз всадила булавку в свои исколотые пальцы. Окровавленная ладонь легла на электронный замок. Дверь распахнулась.

Щурясь, Ирка и ее друзья вбежали в залитый светом широкий холл. Сквозь стекло будки-аквариума виднелась высокая фигура охранника. Бравый парень в перехваченном портупеей камуфляже, лихо сдвинутый набок берет… Ирка замерла. Из-под берета вызывающе торчало стоячее треугольное собачье ухо!

Охранник обернулся. Розовая тряпочка языка, устало трепеща, свешивалась между внушительных клыков. По-прежнему неторопливо песиголовец двинулся навстречу своим жертвам.

Ирка швырнула на пол покрытую кровью булавку. Проламывая мраморную плитку, из пола вмиг выросли гибкие стальные прутья. Ветвясь, будто побеги невиданного растения, они тянулись к потолку, окружая песиголовца непреодолимой стальной решеткой.

Девчонки и покутник бросились вверх по темной винтовой лестнице. Лестница вилась, оборот за оборотом, ковровая дорожка глушила топот бегущих ног. Танька первой выскочила на площадку… В лицо ей дохнуло жадным смрадом. Тускло блеснув в лунном свете, громадные клыки лязгнули в миллиметре от горла.

Промахнувшийся песиголовец развернулся, собираясь для нового прыжка. Покутник сгреб девчонок и, зажав их под

мышками, перевалился через перила. Они рухнули в широкий лестничный пролет.

Упруго свистнул воздух. Раздался короткий удар, звук ломающихся костей…

Ирка ошалело встряхнулась. Рядом, прикрывая руками голову, съежилась Танька. Обе они лежали на широкой груди покутника. А тот, бессильно раскинув руки, распростерся на мраморном полу. Танька коротко всхлипнула. Покутник открыл глаза.

– Ты живой? – жалобно спросила Ирка.

– Ты что, головой ударилась? Нет, конечно! – огрызнулся мертвяк. Он вскочил, стряхивая с себя девчонок. – Черный ход ищите!

Ирка на мгновение прикрыла глаза:

– Туда!

Все ринулись под лестницу. Маленькая дверца распахнулась, дохнуло прохладным ночным воздухом. Беглецы выскочили в узкий переулок.

Посреди переулка, небрежно сунув руки в карманы, стояли четыре высокие широкоплечие фигуры. Черные собачьи носы жадно нюхали воздух. Острые уши чутко вздрагивали.

Девчонки медленно отступили. Развернулись и изо всех сил рванули обратно, к парадной двери.

Они снова выскочили к трамвайной остановке и ринулись в путаницу узких старых улиц и проходных дворов. Проскочили сквозной подъезд, перемахнули какой-то забор…

– А-у-у! – тишину ночи располосовал торжествующий вой мчащейся по следу своры.

– А-у-у! А-у-у! Вау-вау! – вой несся сзади, с боков, спереди! Ночь полнилась этим воем, казалось, кроме него, ничего больше не было. Ни звуков, ни шорохов, только вой, вой, вой…

– К проспекту! – крикнула Ирка, выскакивая из очередного проходного двора.

Они выбежали на проспект. Из ярко освещенных дверей ресторана выливалась разряженная толпа. Элегантные мужчины рассаживали в такси своих дам. Беглецы ринулись к стеклянному входу.

Покутник в своем черном костюме и при бабочке не вызвал у швейцара никаких возражений. Но завидев девчонок, строгий страж немедленно загородил собой вход.

– Куда? – грозно рявкнул он. – Несовершеннолетним…

– Проводите к задней двери, – металлически отчеканила Ирка, и глаза ее полыхнули зеленью.

Ни слова не говоря, швейцар оставил свой пост и зашагал

впереди. Они нырнули в подсобные помещения, провожаемые удивленными взглядами поваров, миновали кухню. Швейцар любезно распахнул заднюю дверь.

Мерзко запахло мусором. Хлынувший из двери поток света озарил заваленный старыми ящиками дворик. А на железной стенке мусорного бачка вычертился темный контур собачьей головы. На широких человечьих плечах.

Беглецы круто развернулись и – назад, назад, назад! – через весь ресторан бросились обратно к выходу.

– А на чай? – крикнул им вслед швейцар.

Девчонки и покутник пронеслись через проспект, миновали небольшую площадь, снова выскочили к широкой ленте шоссе. Перед ними был темный провал подземного перехода. Позади них – четыре здоровенные широкоплечие фигуры. Песиголовцы вроде бы не спешили, но они были уже здесь, близко, за спиной!

– В переход! – скомандовала Ирка. На полной скорости их троица слетела по ступенькам.

Песиголовцы принялись неторопливо спускаться следом.

– Быстрее, хоть на секунду оторваться! – крикнула Ирка. Задыхаясь, беглецы промчались в гулкой пустоте подземного перехода, выскочили наружу…

Ирка остановилась. Обернулась. Мрак перехода на мгновение скрыл преследователей.

– Чего встала, бежим! – крикнула Танька.

– Никуда мы не бежим! – отрезала Ирка, запуская руку в сумку.

Она вытащила флакончик. На дне его лежал всего лишь крохотный комочек серой земли. Ирка стиснула флакончик между ладонями.

– Земля святая, що людей тримае, зло не пускае, собой покрывае, в себе запирае…

Ирка бормотала.

Гулкие шаги зловещей четверки слышались все ближе.

Иркины ладони сжимались все крепче.

Мерно вышагивающие песиголовцы появились внизу лестницы.

Стекло флакончика отрывисто кракнуло. Ирка коротко вскрикнула, когда осколки вонзились ей в ладони.

Четыре зубастые пасти предвкушающе оскалились.

Кровь с Иркиных ладоней окрасила комочек земли из раздавленного флакона.

Земля дрогнула. Словно долгий стон прокатился по ней. Широкий отвор перехода мучительно заскрипел – и пополз, смыкаясь. Асфальт взбугрился, разламываясь. Вывороченный

фонарный столб гулко рухнул поперек площади.

Песиголовцы бросились вверх по лестнице. Ступени вспучились и опали, растекаясь цементной рекой. Один из монстров метнулся в сторону, рухнул на колени… Вязкий поток накрыл его с головой. Трое его товарищей развернулись и изо всех сил помчались обратно, к противоположной лестнице подземного перехода. И тогда земля застонала во второй раз.

Оба отвора перехода шевелились, смыкаясь-размыкаясь будто два гигантских рта. Искря разорванными проводами, падали фонарные столбы. Асфальт полз, словно гигантский серый язык. Земля вздохнула в последний раз – и переход сомкнулся, погребая песиголовцев.

Ирка судорожно перевела дух, разомкнула ладони… и бессильно осела прямо на руки покутнику.

– Ничего ж себе! – ошеломленно пробормотал тот.

Подхватив Ирку, он вбежал под арку солидного старого дома. Лампочка над единственным подъездом освещала замкнутый двор-колодец. Покутник опустил Ирку на деревянную скамейку. Танька, всхлипывая то ли от пережитого страха, то ли от облегчения, принялась вытаскивать из Иркиных ладоней мелкие кусочки стекла, непрерывно приговаривая:

– Ну ты дала! Ну ты им дала!

Кончиками ногтей она подцепила крохотный кусочек стекла, напряженно прикусила губу… В наступившей тишине стал четко слышен слаженный топот. Танька вскинула на Ирку налитые ужасом глаза… Четыре огромные темные тени накрыли двор. Плечом к плечу в арку входили песиголовцы. Единственный выход был отрезан.

– Нет, ну я так не могу! – возмутился покутник. – Это уже ни в какие ворота…

Один из песиголовцев понюхал воздух вокруг покутника, брезгливо чихнул и небрежно отстранил того плечом. Строй людоедов отрезал подруг от их спутника.

– Девочки, ну я правда не могу! – поверх собачьих голов крикнул несчастный мертвец. – Уж больно они здоровенные и их опять много! Мне все-таки надо еще потренироваться. Вы ж, как всегда, справитесь?

– Знаешь, на этот раз, кажется, нет! – дрожащим голосом ответила Танька.

Подруги отступали в глубь двора. Вот Ирка ткнулась спиной в стену дома… Истекающие голодной слюной пасти нависли над ней… Глаза в центре лбов вспыхнули торжествующим огнем.

– Справитесь-справитесь, – успокаивающе бормотал покойник, пятясь к выходу со двора. – Вон вы какие крутые…

Землю двигаете.

Распахнутая пасть людоеда потянулась к Иркиному горлу…

– Опять бежишь, да? – в отчаянии выкрикнула Танька. – Мало тебе друга Сашки, еще и нашу смерть искупать будешь!

Убегающий споткнулся и замер будто вкопанный.

– Еще? Нет, я не могу! Это совершенно невозможно! Я и так устал! Я, в конце концов, терпеть не могу беготню… – забормотал он. – Хватит! С меня хватит! А-а!

Истошно орущий мертвец развернулся к песиголовцам. Его черный костюм вдруг лопнул по швам, и гигантские, будто старинные щиты, пластины мускулов покрыли мертвяка с головы до ног. Жуткая, полная острых клыков пасть хищно распахнулась. Длинные, как кинжалы, стальные когти выросли на пальцах. И покутник со всего маху всадил их в спину ближайшему врагу.

Песиголовец обиженно, по-щенячьи взвизгнул. А дико ревущий монстр ринулся на остальных. Его когтистая лапа полоснула поперек живота одного песиголовца, зубастая пасть сомкнулась на холке второго…

– Ну вот, а боялся… – невольно потирая горло, буркнула Ирка.

Жалобно скулящий песиголовец выполз из схватки, судорожно дернулся и неподвижно замер на асфальте. Его единственный глаз медленно тускнел.

– Не занесут их в Красную книгу, – заключила Ирка, поглядев, как жуткие челюсти их спасителя перехватили горло следующему песиголовцу. – Предлагаю считать породу окончательно вымершей.

Она устало двинулась к арке.

– Может, подождем? – предложила Танька.

– Кого?

– Ну… его, – нерешительно предложила Танька, с некоторым сомнением поглядывая на их преобразившегося приятеля. Как раз в этот момент покутник вскинул очередного песиголовца над собой и шарахнул об асфальт, с хрустом ломая людоеду хребет.

– Ему не до нас будет, – усмехнулась Ирка. – У него разговор важный. – И Ирка указала пальцем в небеса.

Танька запрокинула голову. Из темной глубины звездного неба прямо во двор разворачивалась лестница лунного света. На самой ее верхушке виднелась почти прозрачная юношеская фигура.

– Как думаешь, простит его друг Сашка? – шепотом спросила Танька.

– Не знаю, – также шепотом ответила Ирка. – Но они хотя бы встретятся.

Глава 12. День восьмой, домашний

– Заходи скорее, – требовательно сказала Ирка и еще раз осторожно огляделась по сторонам. Вокруг было спокойно: все те же привычные соседские дома, старые дворы, такие тихие ранним утром. Воздух словно бы легко дрожит над калиткой Иркиного дома, а калитка слегка поскрипывает, обещая защиту, безопасность.

– А может, все-таки… – нерешительно начала Танька, косясь на дорожку вверх из балки. Дорожка тянулась от Иркиного дома как раз к особняку Танькиных родителей.

– Я сказала – нет! – почти рявкнула Ирка, толчком направляя подругу к калитке. В груди у нее словно скрутился тугой узел паники. И тихо, и вокруг никого, но все ее существо вопило: «Скорее! Внутрь!» А Танька, зараза, все медлила, все топталась, поглядывая на ведущую к ее дому тропинку. Да сдвинется она с места наконец!

Девчонки побежали к калитке. На мгновение Ирке показалось, что дрожащее утреннее марево при их появлении насторожилось и едва заметно потянулось навстречу. Ирка рванула створку, подруги заскочили во двор. Ирка задвинула засов и обессиленно привалилась к забору.

Они дошли! Они были здесь, в ее доме, доме ведьмы, куда не сможет войти ни одна живая душа, если она желает ведьме зла. Конечно, если сама ведьма сдуру не пригласит. Нет уж, в эти два дня Ирка никого не собирается приглашать! Никаких почтальонов, слесарей, сантехников… Хватит! Целую неделю их пытаются то закопать, то съесть… Тут Ирка почувствовала, что желудок скручивает голодный спазм. И рванула в дом.

Она пронеслась через коридор, вбежала на кухню и распахнула дверцу холодильника. Выхватила батон колбасы и, с большим трудом заставив себя не кусать прямо от него, принялась делать бутерброд. У двери послышалось шарканье разболтанных тапок, и на пороге появилась бабка. На мгновение в ее выцветших глазах мелькнуло облегчение. Потом бабка сурово сдвинула черные полоски крашеных бровей. Губы поджались в неодобрительную гузку.

– Зьявилася! Це що, теперь завсегда так будет? Пропадаешь, ани слуху, ани духу, потим зьявляешься…

– Мне не являться? – сквозь набитый рот прошамкала Ирка.

– Грубишь бабке… – тут же приняла подачу бабка.

– А борщ у нас есть? – жадно поинтересовалась Ирка.

Бабка всплеснула руками:

– Ты дывысь, борщ! Для кого мне его варить, тот борщ? Для сэбе? Сама швендяет, а бабка борщ вари! – Бабка вдвинулась на кухню и, продолжая ворчать, принялась вытаскивать из холодильника овощи. – Подождешь з борщом!

– Обязательно! – кивнула Ирка, наскоро чмокая бабку в щеку. Ей вдруг стало необыкновенно хорошо и легко. Она дома, и бабка ворчит, и борщ скоро будет… Все, все! Спаслись, спрятались! Никаких больше мертвецов, байкеров, людоедов и полицейских!

Танька заглянула на кухню.

– О, и эта тут! – покосилась на нее бабка. – Ну чего встала, садись картошку чистить, раз пришла!

Ирка сунула Таньке бутерброд. Но Танька глянула на него равнодушно.

– А позвонить можно? Там мама…

– Звони, конечно, – наскоро слопанный бутерброд словно заткнул зияющую дыру в желудке. Мир вокруг сразу стал благостным и добрым, и даже не верилось, что где-то караулит опасность и смерть.

Танька схватила трубку старого пластикового аппарата…

– Ир, а он не работает!

Ирка недоуменно послушала гулкую тишину в трубке, растерянно подергала проводочки, вдавила телефонный штепсель в розетку… Ничего не изменилось.

– Ба, а чего телефон не работает?

– А ты за него сплатила? – пышущая негодованием бабка явилась на пороге кухни. Нож в одной руке, здоровенная свекла в другой. – Я вже старая! Я не можу з нашей балки на ту гору до сберкассы бигаты! Не сплатила, ось и видключылы. А якщо б я тут без телефона померла? Така вже эгоистычна дытына, щось страшне! Ни про кого, окромя сэбе, не думает! Другой раз сперва за телефон сплати, а потим вже пропадай.

И бабка тоже исчезла – обратно на кухню. Ирка перевела взгляд на квитанцию за телефон, так и валяющуюся на тумбочке – там, где Ирка оставила ее неделю назад.

– Точно. – Ирка виновато покосилась на Таньку. – Я как раз собиралась сходить заплатить. Кто ж знал, что мы после шабаша не вернемся. Я сейчас свою мобилку… – она шагнула к лестнице на верхний этаж, забрать оставшийся на тумбочке старенький сотовый (еще выпал бы во время полета, а другой так просто не купишь!). И замерла, вспомнив, что на сотовом денег тоже нет.

– Так, я иду домой, – решительно сказала Танька и действительно круто развернулась и пошагала к выходу.

– С ума сошла? – Ирка не верила ни ушам, ни глазам. – Тебя куда несет? А если тебя за забором караулят? – Ирка схватила

подругу за руку.

– Отпусти немедленно! – почти завизжала Танька.

Будто белка из дупла, из кухни выглянула бабка. Поглядела на сцепившихся у порога девчонок, постучала согнутым пальцем себе по лбу и снова спряталась.

– Мама… Папа… – кричала Танька. – Они думают, я пропала! Я тут, в двух шагах, и даже не могу сказать им, что со мной все в порядке? А ну пусти меня!

– Легче им будет, если с тобой станет не все в порядке? – пропыхтела Ирка, изо всех сил вцепившись в вырывающуюся подругу. – Если тебя прямо за порогом – хвать!

Но Танька ее не слушала. Она рвалась к двери.

– Ты эгоистка! – закричала она. – Моей маме сейчас плохо!

Ирка разжала руки. Не ожидавшая этого Танька плюхнулась на пол.

– Я эгоистка? – страшным шепотом спросила Ирка. – Я? – Злые слезы брызнули у нее из глаз. – Это из-за тебя мы вляпались во всю эту историю – я же не хотела брать тебя на шабаш, ты настояла! Это ради тебя я дралась с мертвяками, и людоеды меня чуть не сожрали тоже из-за тебя! А ты говоришь, что я эгоистка?!

– Ты не понимаешь! – По Танькиным щекам катились слезы. – Я к маме хочу!

– Я всю жизнь к маме хочу! – заорала Ирка. – И кого это волнует?

Танька не отвечала. Она молча плакала, уткнувшись лицом в колени.

Ирка коротко, задушенно всхлипнула и бросилась к себе в комнату.

Она не должна была, не имела права говорить такое Таньке! Из-за Таньки она, видите ли, вляпалась! А как иначе? Повернуться и домой полететь, пусть подруга сама выкручивается? А когда Ирку два месяца назад похитили? Танька искала ее по всему городу, с псами-ярчуками дралась, и с ведьмой тоже! Между прочим, ни разу не сказала, мол, «из-за тебя, Ирка, вляпались».

Но с другой стороны, что за детство такое? Мама ее, видите ли, ждет! Скажи спасибо, что ждет! Ирку вон не ждет. И никогда не ждала! Ирка шмыгнула носом. Приходилось признать: именно поэтому она на Таньку и накинулась. Обыкновенная зависть, Ирочка! Стыдно!

Всхлипывая, Ирка подошла к окну. Надо теперь извиняться, а не хочется. И с Танькой в ссоре быть тоже не хочется… Она отерла ладонью мокрые глаза.

Из-за окна послышался предостерегающий кошачий мяв.

– Явился. Появляется, исчезает – шастает где вздумается, – в лучшем бабкином стиле пробурчала Ирка и выглянула в сад, разыскивая кота. И первое, что предстало ее глазам, была шагающая к калитке Танька.

Ирка распахнула окно:

– Ты… Что… А ну вернись!

У самой калитки Танька обернулась.

– Ты права! – крикнула она. – Я действительно сама виновата! Спасибо тебе за помощь, дальше я справлюсь!

– Нет! – Ирка чуть не вывалилась из окна. – Я не то хотела сказать! Стой!

Но Танька ее не слушала. Она распахнула калитку и торопливо направилась вверх по тропинке.

Из высоченных кустов смородины, что разрослись у соседнего забора, плавно, будто пчелы жарким летним днем, выпорхнули «учительского» вида старушка верхом на венике да две девчонки на метлах, рыжая и золотоволосая.

Аккуратно зависнув у Таньки над самой головой, летуньи тихонько потянулись следом.

«Ведьмы низко летят, к дождю», – мелькнула дурацкая мысль. Ирка заорала:

– Кот, держи их!

Мельком успев увидеть, как, стремительно перелетая по ветвям, кот мчится наперехват, Ирка ринулась вниз. Чуть не снеся дверь, она пробежала через сад, выскочила за калитку…

«Училка» нервным движением поправила волосы, будто невзначай чуть обогнала своих товарок, почти вплотную подлетая к Таньке. В ее руке блестело длинное острое шило!

Словно что-то почувствовав, Танька нервно передернула плечами и обернулась. Ирка хотела заорать… Но так и осталась с раскрытым ртом. Недолго думая, Танька протянула руку и выдернула веник из-под ведьмы. «Училка» грянулась оземь, а развоевавшаяся подруга тут же огрела ее веником.

Из ветвей нависшей над тропой вишни выскочил кот. Он рухнул точно на голову рыжеволосой Алле. Его когти впились в рыжие пряди. Истошный вопль огласил окрестности.

Танька продолжала охаживать свою противницу ее же собственным веником.

Золотоволосая Лера взмыла над дракой, сделала в воздухе кульбит. И ринулась на Таньку, вздымая над головой небольшой кухонный топорик. Ирка бежала по тропинке, понимая, что не успевает, не успевает, не успева…

Между Танькой и налетающей Лерой вдруг дрогнул, затрепетал воздух. Молодую ведьму будто взрывом подбросило.

Напоследок еще разок шмякнув «училку», Танька рванула обратно. Кот мчался впереди.

И тут на ярко-голубом фоне неба появился ровный треугольник, подобный журавлиному клину. Это летели остальные ведьмы.

– Скорее! – срывая голос, закричала Ирка.

Клин приближался. Припав к метлам, ведьмы пикировали на бегущую. Хрипя и задыхаясь, Танька мчалась по тропе. Воздух вокруг нее вновь дрогнул, замерцал. Словно бы что-то уперлось девчонке в спину и буквально внесло ее в распахнутую калитку.

Ирка захлопнула дверцу…

– Молодец, Танька! – радостно завопила Ирка. – Слушай, а как ты Леру отбросила, у тебя что, уже Дар прорезался? Уже стала ведьмой?

– Нечего прикидываться! – резко буркнула Танька. – Это ж ты ее отбросила, и в калитку меня втолкнула ты!

Ирка недоуменно пожала плечами.

Разогнавшиеся ведьмы на полной скорости подлетели к забору. И будто комары в рекламе средства «Рейд», со всего маху впечатались в невидимую преграду. Летуний закрутило, кое-кто рухнул вниз…

– Здесь мой дом! Я вас не приглашала! – через забор крикнула Ирка.

– Отдай нам девчонку, Хортица, отдай! – дружно взвыли ведьмы.

– Фиг вам, – отрезала Ирка и для полноты понимания еще и дулю скрутила.

Ро́бленные переглянулись, оседлали свои метлы и принялись кружить вдоль ограды. Непрерывной каруселью мимо плыли девчонки на метлах, старушонки на вениках… Солнце над домом померкло, приугасло, словно бы на него накинули темную вуаль. Шорох множества голосов наполнил воздух.

– Верни Дар, верни! – шептали голоса. – Отдай! Пожалеешь!

Мучительно вскрикнув, Танька зажала уши. Но голоса все шебаршились, лезли, проникали в мозг… Ирка досадливо цокнула языком. У, ведьмы проклятые, много их, потому такие наглые. У эдакой кодлы вполне хватит сил накрыть дом мороком, чтоб посторонние глаза не увидели ничего, кроме старого домишки и пустого двора.

– Це що ж таке робыться? Що воно тут таке летает? – Бабка орала так, что даже неотвязный шорох голосов смолк на мгновение.

Нет, вот уж кто в нынешней заварухе совершенно лишний,

так это бабка! С нее станется выскочить за ворота – ведьм погонять. Ирка нагнулась и выдернула с грядки тоненький стебелек сон-травы. Растерла его в пальцах.

Что-то звякнуло, будто уронили ложку, а потом послышался звучный, богатырский храп. Ирка сунулась в окно. Бабка спала, положив голову на стол. В здоровенной кастрюле кипел борщ.

– Кошмар, поесть невозможно, – нервно буркнула Ирка, прикручивая под борщом огонь.

Словно бы невидимая рука потеребила Ирку за плечо, заставляя оглянуться. Перед воротами шли на посадку еще две хорошо знакомые фигуры. Под Стеллой была самая простецкая деревянная швабра. Зато Оксана Тарасовна восседала на чем-то вроде декоративной кочерги: витая рукоять, украшенная стразами, явно эксклюзивный дизайн.

Ирка уныло вздохнула и нога за ногу поплелась на переговоры.

– А можно, чтоб ваши ро́бленные не крутились над головой? – не здороваясь, потребовала она у поджидавших ведьм. – Раздражают!

Стелла меленько хихикнула:

– Та они знают! Тому и вертятся!

– Отдай Дар! Отдай! Отдай! – зимней вьюгой взвыли голоса ведьм, карусель вокруг дома усилилась, она вращалась все быстрее, быстрее… Мелькали метлы, развевались волосы, и даже Ирке казалось, что земля под ней плывет, а Таньку била мелкая дрожь, и глаза ее наливались безумием.

– Девочки настаивают, – усмехнулась Оксана Тарасовна. – Ваше положение совершенно безвыходное.

– А ваше – безвходное. – Ирка старалась держаться. – Мы не можем выйти, а вы не можете войти.

– На старой автостоянке ты тоже думала, что никто не пройдет твою защиту, – угрожающе бросила Оксана Тарасовна. – И чем все кончилось?

– Ничем хорошим, – покладисто согласилась Ирка. – Ваши насмерть передрались. Вон, до сих пор физии подряпанные. – Она кивнула на пролетающую мимо Леру. Кукольное личико красавицы портила багровая полоса царапины.

– Наши девочки очень злы на вас. И они все еще надеются, что одна из них получит Дар, – сказала Оксана Тарасовна. – Мы тоже злы. И мы не собираемся позволять твоей подруге стать истинной ведьмой.

– Це що ж таке выйдет? – подхватила Стелла. – Мы з Оксанкой терпиты друг друга не можем, а вы, значит, видьмы-подружки: одна ро́жденная, другая – дареная. Ще власных

ро́бленных наробыте… Ни, ты нам и одна як кость у горли, не можна, щоб вас две було!

– Есть простой выход: вы подружитесь! – предложила Ирка. – И будет нас две на две.

– Ты, малявка, взрослых баб не учи! – визгливо крикнула Стелла. – Ишь, вчить як жити! Малая ще!

– Осталось всего два дня. – Оксана Тарасовна бросила взгляд на часы и поморщилась. – Меньше. Полтора. За это время твоя подруга должна умереть. У тебя есть выбор. Ты можешь и дальше защищать ее. Тогда погибнет и она, и ты, и все, кто тебе дорог.

– И кота твоего удавим, – вставила Стелла.

В ответ из ветвей послышалось грозное шипение.

– Или ты можешь убить ее сама, – закончила Оксана Тарасовна. – Природной ведьме не нужен чужой Дар. Если убийцей станет ро́жденная, Сила, что зреет в твоей подруге, просто развеется в пространстве.

– Якщо сама боишься, кого из нас проведи, – торопливо предложила Стелла.

– Тетеньки, вы что мелете? – ошеломленная Ирка едва могла говорить. – Вы головками недавно не стукались?

– Ирка, пускай, – бледная, как мел, Танька стояла рядом. Руки плотно стиснуты и прижаты к груди, в широко распахнутых глазах ужас и решимость. – Они правы. Ты не должна меня защищать. Только сама погибнешь. Я сама во всем виновата…

Ирка аж застонала:

– Танька, я дура! Я сама не знаю, как я могла тебе такое ляпнуть! Ну прости! Ты ни в чем не виновата! Ну ты что, если у меня язык без костей, так я дам тебя убить? Я не предательница!

Танька замотала головой:

– Я тоже! Я выйду к ним. Никто не должен страдать из-за меня.

– От гарна дивчинка! – восхитилась Стелла. – Иди, иди до титоньки!

Танька коротко всхлипнула и действительно пошла к воротам. Воздух перед ней задрожал. Танька с разбегу влетела в это прозрачное марево. Под ней словно бы прогнулся невидимый батут. И отшвырнул обратно, прочь от ворот. Ирка подхватила подругу.

– Танька, ты просто трусишь! Как всегда, на тебя только надави, ты и лапки кверху. Алла тебе гадости говорит, эти голову морочат, я в запале не то ляпнула, а ты сразу веришь! «Ах, я плохая, ах, я виноватая!» Ты себя хоть чуть-чуть уважаешь? А людей, которые тебя любят? То ты на тряпочки исходила, за маму беспокоилась, а теперь дашь себя прикончить? И что, маме

хорошо станет, беспокоиться не о ком? – Ирка уже орала. – А я? Я как без тебя? У меня же, кроме тебя, никого нет!

– Ври больше, – вдруг пробурчала Танька. – Нет у нее никого… А бабка? А этот… псих толкиенутый?

– Девочка, ты не отвлекайся, ты сюда иди, – торопливо, даже суетливо зачастила Оксана Тарасовна. – Ты все правильно решила, выходи скорее, спасешь и свою подругу, и ее бабушку…

– И даже кота, – напряженно вглядываясь в Таньку, протянула Стелла.

Танька фыркнула:

– Я, конечно, Иркиного кота ценю и уважаю…

Кот в ветвях тихонько муркнул.

– Но вам же ясно сказали – фиг вам! И заглохните все! – гаркнула Танька.

Ведьмовские голоса вдруг разом смолкли. Безумная карусель вокруг дома остановилась.

Танька торжествующе поглядела на Ирку – мол, как я их! – и почти потребовала:

– Когда Дар приживется, объяснишь, как ты передо мной ту невидимую стенку поставила.

– Как-как, чтоб я так знала – как! – себе под нос пробурчала Ирка.

Воздух дрогнул, Ирка окинула двор подозрительным взглядом. Но по-прежнему ничего не увидела, кроме толпящихся за забором ведьм.

– Лучше б ты вышла, девочка, – укоризненно вздохнула Оксана Тарасовна. – Теперь погибнете. Обе. – Слова ее звучали окончательным приговором. Ведьмы-хозяйки направились к своим ро́бленным.

– Что-то они задумали, – с тревогой сказала Танька, – только вот не пойму что. Ни одна живая душа не может войти к ведьме в дом, если ведьма того не хочет…

– Вот именно, живая, – сдавленным голосом сказала Ирка.

Ведьмы деловито окружили большую земляную кучу неподалеку от Иркиного двора. Склонили головы и дружно забормотали.

Ирка всмотрелась. Очертания кучи менялись!

Вот вроде бы шевельнулась огромная рука. Показалась нога, дернулась, согнулась в колене. Гигантская грудь колыхнулась вздохом… Подруги в ужасе переглянулись.

– Велета поднимают, земляного великана, – почти равнодушно обронила Ирка. – Их еще големами зовут.

– Он не живая душа, просто куча земли, делает, что приказано… – забормотала Танька. – Дом его пропустит! Слушай,

Ирка, вечно с этими ведьмовскими защитами лажа выходит!

Земляной великан поднялся на ноги. Ведьмы бормотали все громче, все напористей. Великан тяжко переступил гигантскими ножищами и сделал первый шаг. Неуклюже двинулся к калитке. Громадный палец ткнул в старые доски – калитка обрушилась, заодно выломав здоровенный кусок забора. Великан попытался пропихнуться в проем – забор рухнул целиком.

– Ах ты ж!.. – Ирка рванула на кухню. Выскочила оттуда, неся на вытянутых руках полную кастрюлю кипящего борща.

– Думаешь, поможет? – обалдело спросила Танька.

– Борщ еще никому не вредил! – Ирка бросилась к топтавшемуся у поломанного забора великану и с размаху плеснула на него борщом. Земляной бок потемнел от горячей жижи, на грубо вылепленных гигантских пальцах повисли красные клочья капусты.

– До земли приймайся, корнями чипляйся, в рост зачинайся… – проорала Ирка.

Чпок! Чпок-чпок! Сквозь земляную плоть великана проклевывались зеленые побеги. Густота капустных листьев зазеленила бок. Из живота стремительно поперли помидорные кустики, и кое-где даже закраснелись крепенькие помидорчики. Ноги велета раздулись от вызревающей в них картошки. А молодые зеленые побеги продолжали пробиваться. Они спустились по ногам голема, накрыли поваленный забор, корни прошили вскопанные грядки Иркиного огорода и накрепко приковали великана к земле.

– Стоячий огород! Вертикальная грядка! – истерически хихикнула Танька. – Ну ты, Ирка, даешь!

– Похоже, это нам сейчас дадут, – в ужасе прошептала Ирка.

Ведьмы уже не бормотали, они выли, орали, дружно выпевая слова заговора. Подчиняясь этому многоголосому приказу, велет заворочался, с мучительным гулом оторвал ногу от земли… Влажно хлопая, рвались зеленые веревки побегов.

Иркин кот грозно выгнул спину, зашипел на ворочающуюся земляную гору… Гигантская ножища великана опустилась. Земля содрогнулась. Заваливаясь на бок, будто мотоцикл на повороте, кот дернул в кусты. Велет шагнул во двор.

С дружным воплем девчонки кинулись в дом, захлопнули за собой дверь.

– Да он весь дом разнесет! – захлебываясь страхом, верещала Танька. – Ирка, что делать, что делать?!

– Я не знаю! – завопила Ирка. Сквозь распахнутое окно слышался дружный речитатив ведьм и тяжкое буханье шагов – голем шел к дому. Истерика накатывала и подминала волю. – Я

не знаю уже ничего! Я не могу больше! Не могу! Помогите, ну хоть кто-нибудь!

Воздух вокруг зеркала задрожал, оно затряслось, заплясало на крюке.

– Зачем зеркало трясешь? – закричала Танька.

– Да не трясу я! Зачем мне зеркало, мне помощь нужна! Любая!

Картинка в зеркале возникла враз, будто телевизор включили. Сквозь сгущающиеся сумерки маячили каменные стены старинного замка. Тяжелый рыцарский щит валялся на капоте старенького «жигуленка». Остроухий эльф распечатал баночку газировки, клыкастый орк жарил над костром рыбные палочки. На заднем сиденье «жигуленка», свернувшись калачиком, спал мальчишка. В кроссовках и старенькой майке, в перешитом из маминого платья плаще, с обручем из серебряной фольги на голове. Рядом лежал длинный затупленный меч.

– Так это ж твой толкиенутый! – возмутилась Танька. – Ты что, какая от него помощь?

У крыльца бухнули тяжелые шаги, входная дверь затрещала – великан добрался до дома.

– Богдан! – в отчаянии заорала Ирка.

Изображение в зеркале дрогнуло. Ирка в изумлении приоткрыла рот. Богдан поднялся… И Богдан остался лежать! Их стало двое! Один мальчишка в зеркале продолжал крепко спать. А другой – совершенно такой же! – поплыл Ирке навстречу! Прямо из глубины зеркального стекла – в дом! В зеркале по-прежнему был виден его двойник – крепко спящий посреди игрового лагеря толкиенистов.

Самым странным было то, что и второй Богдан спал. Он выплыл через зеркальную раму, легко скользнул на пол, безошибочно повернулся к Ирке… Но глаза его оставались плотно закрыты, а грудь вздымалась ровным дыханием спящего!

– Что случилось? – сонным голосом спросил этот Богдан.

Тут Ирка поняла, что новый Богдан все же отличался от старого! Он был словно выше и крепче, а обруч в волосах оказался из мерцающего серебра. Роскошный рыцарский плащ небрежно ниспадал с плеч. Ирка покосилась на меч – блеснул заточенный до бритвенной остроты клинок.

С пушечным грохотом треснула входная дверь, и в проем сунулась громадная рука земляного великана.

Поплыв по воздуху, Богдан вылетел в окно. Ветерок лениво шевелил складки его плаща. Обваливая вешалку, в щепы круша тумбочку с обувью, ручища земляного великана зашарила по коридору, потянулась в комнату… И вдруг вспучилась и

рассыпалась мелкой черной пылью. Коротко блеснул отсвет клинка.

Девчонки рванули к дверям.

Велет растерянно топтался посреди двора, кружил на месте, бухая тяжелыми ножищами, отмахивался уцелевшей рукой. А вокруг него с легкостью лунного блика скользил Богдан. Глаза мальчишки были по-прежнему закрыты, зато меч вращался с почти неуловимой быстротой. Клочья срубленной зелени, ломтики мелко нашинкованной капусты, густая земляная пыль летели во все стороны. А тело великана все уменьшалось и уменьшалось. Вот осыпался кусок бока, пласт земли отвалился с плеча…

– А дурачок-то наш здухачем оказался, – досадливо вздохнула Танька.

– Насчет дурачка я не согласна, – твердо возразила Ирка. – А насчет здухача… Что это за радость такая – здухач?

– Воин сновидений! Его дух может выходить из тела и вступать в бой с самыми жуткими тварями! Лишь бы там его никто не разбудил. – Танька ткнула пальцем за спину, туда, где осталось зеркало и отражение крепко спящего мальчишки. – Ну надо же! – опять расстроенно протянула Танька. – Это ж теперь от него никуда не денешься! Стоит ему задрыхнуть, и он в любые заговоренные места пролезет! Нет, ну кошмар, даже ведьмой быть расхотелось!

– Может, еще и не станешь, – успокоила ее Ирка.

Видя, что их великана вот-вот рассеют в земляное крошево, ведьмы за забором разочарованно взвыли. Оксана Тарасовна что-то резко скомандовала. Стелла и ее бабки возобновили мерное бормотание. Оксанины девчонки бросились к старой куче песка, оставшейся после какого-то строительства. И тут же песчаная куча вздыбилась… Второй, песчаный, велет мерно зашагал к поваленному забору.

Богдан заметался. Его меч вертелся быстрее, сливаясь в один сплошной сияющий круг. Мальчишка сновал между обоими великанами, выплескивая из их тел фонтаны земли и песка. Он крошил земляного – песчаный делал шаг вперед, Богдан разваливал песчаного – земляной успевал подобраться ближе к крыльцу и стоящим там девчонкам. А ведьмы все бормотали, все выпевали заговоры, заставляя своих велетов пробиваться дальше.

Девчонки вновь отступили в дом. Ирка бросила тревожный взгляд в зеркало. Там спящий Богдан стонал сквозь стиснутые зубы, метался и вдруг отчаянно вскрикнул, дернулся… Лицо его окрасилось кровью! Ирка обернулась. Удар великанского кулака швырнул здухача на крыльцо! Громадная ножища песчаного

велета поднялась над лежащим мальчишкой… Богдан откатился в сторону, взмыл в воздух… Его лицо с плотно закрытыми глазами передернулось гневной гримасой, меч снова завертелся, здухач ринулся в бой…

Но Ирка ясно видела через окно, как ведьмы снова разделились. Две группки продолжали держать чары, которые управляли песчаным и земляным големом. А третья кинулась собирать обломанные ветки, сгребать в кучу листья, кто-то выдрал сиденье старой лавочки…

– Третий великан будет из дерева, – поняла Ирка. – Надо убирать Богдана из драки, втроем они его прикончат.

Старые настенные часы глухо пробили полночь.

– Весь девятый день впереди! – простонала Танька. – Нам не продержаться! Ведьм много, их слишком много!

– Ага, – уныло кивнула Ирка. – С Оксаной и Стеллой мы, может, и справились бы. А вместе с ро́бленными они еще штук пять монстров поднимут. – В отчаянии Ирка стиснула кулаки, ногти впились в ладони. Острая боль дернула нервы, холодным ветерком прочистила мозги. – Слушай! А если ро́бленных от хозяек отрезать, так ведь и получится – Оксана да Стелла, и больше никого!

– Ты знаешь, как это сделать? – напряженно спросила Танька.

– У Ментовского Вовкулаки в кабинете Стелла проговорилась! Если ро́бленная ведьма на свою хозяйку нападет – ну вроде как подаренную Силу саму против себя обернет – она тут же перестает быть ведьмой! Как короткое замыкание!

– Ни за что ро́бленные на хозяек не попрут, – пожала плечами Танька. – Или ты будешь каждую за шкирку хватать, к Оксане со Стеллой подтаскивать и требовать: «А ну, дай в глаз!» Они и дадут с удовольствием, только не хозяйкам, а тебе!

– Мне, – задумчиво повторила Ирка. – Или тебе.

– Меня они просто прирежут, – уточнила Танька.

Ирка, прищурившись, окинула взглядом двор, угол дома, покосилась на обеих ро́жденных, суетившихся точно напротив ее окна. Потом бросилась к старому комоду и вытащила из него пачку бумаги и огрызок карандаша. Швырнула на стол перед Танькой:

– Рисуй! Мой портрет, потом свой! Рисуй!

– Ирка, ты офигела?

– Рисуй! – закричала Ирка. – Пока третий велет не поднялся, пока Богдан еще держится – рисуй!

Глава 13, и последняя. День девятый, окончательный

– Не вздумай из дома высунуться, – скомандовала Ирка, накладывая на запястья и под коленками полетную мазь. – Толк с тебя только завтра будет, а до завтра еще дожить надо.

Ирка вскочила на найденную в кладовке облезлую половую щетку. Поморщилась – корявая занозистая ручка драла многострадальные ладони. Понурая Танька протянула ей два свернутых в трубочку бумажных листа.

– Никуда! – еще раз безапелляционно повторила Ирка. – Что бы там ни происходило. Помни, ты еще не ведьма. – Ирка пригнулась к ручке щетки и вылетела сквозь пустой дверной проем.

Танька бросилась к окну. Богдан явно изнемогал. Он все еще успевал метаться между песчаным и земляным велетом, но вращение его меча замедлилось. И летал здухач тяжело, мучительно, рывками.

Танька с тревогой покосилась в зеркало. Там корчился от боли спящий мальчишка. Плечо Богдана было неестественно вывернуто – только что в Иркином дворе его двойника велеты шарахнули об дерево.

А за забором уже вставало, распрямлялось третье чудовище – из ветвей и листьев. Поднимающие его ведьмы торжествующе завопили…

Вдруг золотоволосая красавица Лера замахала руками и вскрикнула:

– Удирают! Глядите, удирают!

Ро́бленные запрокинули головы. Действительно, прямо над ними в воздухе висела старая половая щетка с восседающей на ней Иркой. А за спиной у Ирки… была Танька!

Даже сама Танька, твердо знавшая, что там, у Ирки за спиной, – всего лишь морок, а она – настоящая – здесь, стоит у окна, почувствовала себя неуютно. Зато ро́бленные возликовали.

– Хортица подружку увозит! – заверещала Алла. – Ловите их!

– Куда? – страшно рявкнула Оксана Тарасовна. – Стойте, вас обманывают! Девчонка в доме! Поднимайте велета, поднимайте!

Но ро́бленные не слушали. Их Дар, их вожделенный шанс ускользал из-под носа. Ведьмы кинулись к метлам. Деревянный великан рухнул, осыпался бессмысленной кучей листьев и веток.

По крутой дуге Ирка мчалась вокруг дома. Ро́бленные летели за ней.

Стелла и Оксана Тарасовна, неожиданно брошенные всеми своими подручными, растерялись. Они попытались двинуть обоих велетов к дому. Но в одиночку не могли держать их как следует. Големы шатались, бестолково тыкались в разные стороны. Воспрянувший здухач налетел на них с удвоенной силой.

Ро́жденные решили переключиться на одного великана. Песчаный голем рассыпался, завалив песком картофельные грядки. Зато его земляной собрат рванул к крыльцу. Вскинув меч, здухач полетел навстречу. Вращающийся клинок врубился в толстую шею велета! Срубленная голова рухнула с плеч! Безголовое туловище застыло…

Лицо спящего Богдана вспыхнуло торжеством! И в этот миг земляная рука вскинулась, и громадная ладонь безголового велета вбила здухача в землю.

Мальчишка в зеркале страшно закричал.

Ирка, на полной скорости несшаяся вокруг дома, услышала этот крик. Она притормозила всего на секунду, всего на мгновение – но этого оказалось достаточно! Стая ро́бленных налетела, окружила. Девчонки на метлах, старухи на вениках – Ирка заметалась, пытаясь вырваться из окружения. Но ведьм было много, они были везде – сверху, снизу, с боков. Их кольцо сжималось вокруг Ирки, заставляя опуститься на землю.

Танька поняла, что их блистательный план провален. Сейчас ро́бленные ссадят Ирку со щетки и поймут, что их обманули, что Таньки там нет, перед ними лишь фантом, морок! Сейчас земляной велет поднимется на крыльцо, по дороге стоптав беспомощного здухача. Сейчас они погибнут – и единственная подруга Ирка, и этот толкиенутый. А следом придет черед и самой Таньки!

Девчонка тихонько застонала. Друзья вот-вот пропадут из-за нее, а она стоит тут, как всегда беспомощная, неспособная хоть что-то сделать! Но ведь она ведьма! В ее крови – Дар! Так где же он?

Танька почувствовала, как ее трясет: от бешенства и безнадежности, от злости на саму себя, от страха за ребят… А потом страшный, испепеляющий огненный шар поднялся откуда-то изнутри. Дикой болью охватил сердце – и Танька узнала, что чувствуешь, когда кровь кипит по-настоящему. Поднялся к голове – словно язык пламени облизал мозг. Танька закричала…

Рой сине-зеленых искр заплясал на ее пальцах, плечах, волосах… Боль отхлынула… Танька схватила Иркину баночку полетной мази. Бросилась в коридор. Подняла сбитую велетом длинную стальную вешалку. Вскочила на нее, оттолкнулась пятками… и вылетела во двор.

Направив рогульки вешалки прямо в грудь земляному велету, Танька пошла на таран.

– Банзай!!! – заорала она в лучших традициях японских камикадзе.

Сталь вспорола грудь голема. Земля рванула во все стороны. Великан замер. Огромная дырища зияла точно в середине его туловища! Танька пролетела земляного велета насквозь! Тот пошатнулся, отступая от здухача.

Танька погнала вешалку к окружившим Ирку ведьмам. Налетела сзади, волчком крутанулась в воздухе.

– И-эх! – стальные рогульки с одного конца вешалки, распорки – с другого, с размаху колотили по подвернувшимся ведьмам. Раздались крики боли, кольцо ведьм распалось. Ирка мгновенно выскользнула в образовавшуюся щель.

– Ты как летаешь? – изумленно прокричала она.

– Пока еще плохо, – честно призналась Танька, с трудом выравнивая тяжелую вешалку.

Они летели плечом к плечу. Ветер хлестал в лицо. Ро́бленные отстали, но не бросали погони.

– Приготовься!

Девчонки повернули. Угол дома всего на пару мгновений скрыл их от погони. Но этих мгновений хватило. Ирка зависла над головами у Оксаны Тарасовны и Стеллы и швырнула в ведьм… двумя скомканными листками бумаги. Беленькие бумажные комочки вспыхнули колдовским зеленым огнем. Распрямились, растянулись, стали больше, больше… и накрыли Оксану и Стеллу целиком. Лица, фигуры ведьм-хозяек поплыли, начали размываться…

Не теряя времени, Ирка и Танька на полной скорости ринулись к дому. Сталкиваясь друг с другом, влетели в кухонное окно.

– С ума сойти можно, – честно призналась Ирка, глядя, как парочка ро́жденных – толстуха Стелла и элегантная Оксана Тарасовна – преображаются в двух девчонок. В них, Ирку и Таньку!

И тут из-за дома вылетела приотставшая погоня. Первое, что увидели ро́бленные, – своих врагов, свою добычу, Ирку и Таньку. Не в воздухе – на земле. Беспомощных.

Ведьмы не раздумывали.

Алла дико заорала:

– Бей их!

– Остановитесь! – кричали две девчонки. – Вы ошиблись! – кричали они. Хриплым басом Стеллы. Высоким голосом Оксаны Тарасовны.

Но их никто не слушал. Разъяренные ро́бленные атаковали!

Молодые и старые, все пятнадцать ведьм ударили разом. Кто чем мог. Шарики из разрыв-травы, баночки с зельями, слова заклятий – все пошло в ход!

Их жертвы неуклюже бросились прочь! Но воздух задрожал, едва заметное прозрачное марево заколебалось вокруг них, и они встали как вкопанные, словно что-то сковало их движения. Чары пятнадцати ведьм разом ударили в одно место, туда, где они так четко, так ясно видели Ирку и Таньку.

Вихрь силы крутанулся вокруг двух фигур, взвился, опал… И ошеломленные ро́бленные увидели перед собой… собственных хозяек.

Словно гром прокатился над двором. Все пятнадцать ро́бленных вспыхнули, как гирлянда электрических лампочек. Вспыхнули – и вмиг погасли. Еще мгновение ведьмы висели в воздухе… и дружно рухнули на землю.

– Ду-уры! – раздался страшный крик Оксаны Тарасовны. – На морок попались! Обыкновенный морок! Теперь вы не ведьмы!

И грохот развалившегося на куски земляного велета эхом отозвался на ее слова. Рассвирепевший здухач продолжал вколачивать останки голема в породившую его землю.

Ирка с Танькой неторопливо перелезли через подоконник. Прошли через калитку и остановились напротив обеих ро́жденных.

– Ну вот, а теперь уже можем и потягаться, – предложила Ирка. – Двое на двое.

Позади едва заметно колыхнулся воздух. Ирка оглянулась. Окончательно разметав земляного голема, здухач плыл к ним. Глаза его были все так же плотно закрыты, губы сонно плямкали, зато обнаженный меч зловеще поблескивал в лунном свете. Здухач завис у девчонок за спиной. Ирка виновато пожала плечами:

– Двое на трое.

Стелла внимательно поглядела на девчонок, на здухача, оценила засыпанный останками велетов огород. Потом перевела взгляд на своих ро́бленных. Бывших ро́бленных. Старухи сидели на земле. Востроносая тихо плакала, кутаясь в шерстяной платок. «Училка» держала на руках свой веник и баюкала его, будто ребенка. Лицо Стеллы вдруг жалостно дрогнуло:

– И як воны теперь на одну пенсию проживуть? Эх, диты, диты, все б вам разрушать! – Толстуха вскарабкалась на свою швабру и взмыла в ночное небо.

– Столько лет работы… Собирала их, учила… А теперь все сначала. – Оксана Тарасовна покачала головой и вскочила на

кочергу.

– Оксана Тарасовна, куда вы? А как же мы? Хозяйка-а! – отчаянно завопила Алла.

И уже сверху, из поднебесья, донесся холодный ответ:

– Я вам больше не хозяйка! Сколько я вас учила: думать надо, на кого заговор кладешь! – Оксана Тарасовна покосилась на Ирку. – А с вами, барышни, мы еще встретимся. – Кочерга понесла всадницу прочь.

Вслед ей неслись рыдания. Плакала толстенькая некрасивая девчонка лет пятнадцати. Плакала, утирая блеклое личико хвостом реденьких белесых волос. Ирка с изумлением уставилась на нее: откуда взялась, не было такой среди ро́бленных Оксаны Тарасовны. И только яркий, вычурный маникюр показался Ирке знакомым.

– Лера? Лера, это ты? – не веря глазам, спросила Ирка.

Но девчонка все рыдала, прикрываясь пухлыми, красными руками.

Ирка с Танькой неуверенно покосились друг на друга.

– Но они же нас вообще убить хотели! Что ж нам, поддаваться? Мы только защищались.

– А чего ж на душе так паршиво? – возразила Танька. – Может, не надо было нам все-таки на шабаш лететь? И Дар у той умирающей ведьмы, Ольги Вадимовны, тоже брать не надо было. Пусть бы уж кому-то из них досталось. – Танька кивнула на медленно поднимающихся с земли ро́бленных.

– Можешь не волноваться, деточка. Никому из них мой Дар ни за что бы не достался. – Воздух задрожал, сгустилось полупрозрачное марево, и из него выступила стройная старая женщина в длинной юбке и строгой блузе.

– Здравствуйте, Ольга Вадимовна. – Ирка равнодушно кивнула старой ведьме. Почему-то она была совершенно не удивлена. – С самого начала это все была ваша затея?

Старая ведьма с достоинством наклонила голову.

– А я все думала: ну не могли эти дурочки. – Ирка кивнула на растерянно топчущихся девчонок. – Не могли они вот так взять и выследить настоящую ро́жденную. И поймать не могли. Если, конечно, ро́жденная сама того не хотела.

Танька растерянно поглядела на подругу.

– Ольга Вадимовна? Сама позволила ро́бленным себя поймать? – девчонка во все глаза уставилась на старую ведьму. На ее лице мелькнуло понимание пополам с недоумением. – Значит, приглашение на шабаш написали вы? – недоверчиво спросила она. – Покутника подняли, и Белого Байкера, и сумку колдовских причиндалов прислали – тоже вы? И в доме нам

помогали, и только что – это ведь вы не дали Стелле с Оксаной Тарасовной удрать? Но зачем? Вам что, нужно было истребить всех рóбленных?

Ольга Вадимовна сухо усмехнулась:

– Да уж, последнее время в этом городе развелось слишком много ведьм. Проредить не мешало. Но главное, Танечка, я хотела отдать свой Дар. Тебе. И только тебе.

– Но вы же меня совсем не знаете… – удивилась Танька.

– Теперь знаю. Ты будешь хорошей ведьмой. Может, даже лучшей, чем была я. И, уж во всяком случае, гораздо лучшей, чем любая из этих барышень. – Ольга Вадимовна небрежно махнула в сторону бывших рóбленных.

Потом старуха перевела взгляд на Ирку и печально вздохнула.

– Лиза, твоя бабушка, была невероятно упрямой, – пожаловалась она Ирке. – Ей было невозможно отказать. Умудрилась-таки взять с меня клятву. Что ж, я все сделала. Я устроила настоящую проверку твоим способностям. В условиях, приближенных к боевым.

Ирку передернуло. Если девять дней кошмара – условия, всего лишь приближенные к боевым, какие же тогда боевые?

– Я снабдила тебя спутниками – твоя подруга Таня стала настоящей ведьмой, а ваш молодой друг теперь знает, что он здухач. К тому же они любят тебя и готовы защищать, не щадя своих жизней. Разве могут быть спутники лучше? Теперь ты совершенно готова воплотить в жизнь планы твоей бабушки. Моя клятва выполнена. И вот что я скажу тебе, Ирочка. – Старая ведьма гордо выпрямилась. – Откажись! Когда придет для тебя срок выполнять эту страшную, безумную миссию – пошли их всех! Лучше всего – к черту! Дети не должны рисковать своими жизнями ради глупых идей взрослых. Не стоят они того. Ни взрослые, ни их идеи. – Ольга Вадимовна отступила назад, воздух вокруг нее задрожал, и старая ведьма начала таять в зыбком прозрачном мареве.

– Стойте! Погодите! – спотыкаясь, к старухе бежала Алла. Лицо залито потом, рыжие волосы разметались. Она рухнула на колени у дрожащего марева, протянула к Ольге Вадимовне руки. – Возьмите меня к себе в рóбленные!

– Не могу, милочка. – Ольга Вадимовна на мгновение замерла, перестав растворяться. – Второй раз в рóбленные не берут, да и вообще – умерла я! Не без твоей, кстати, помощи. В моем возрасте ночи в сыром сарае очень, очень вредны. Теперь уж ты к Тане с Ирочкой обращайся. – Воздух дрогнул, и старая ведьма исчезла.

– К Тане с Ирочкой? К Тане с Ирочкой! – вскричала Алла и со всей силы пнула валяющиеся на траве скомканные листы бумаги. Те самые, что Ирка швырнула в ведьм-хозяек. Листы вспорхнули в воздух, перевернулись, демонстрируя простенькие карандашные наброски – портреты Ирки и Таньки. Основы для морока, заставившего разъяренных ро́бленных так страшно обмануться. Беснующаяся Алла подхватила наброски и разодрала их в мелкие клочки. – Вот вам, вот, вот! Паршивые рисунки, ясно? Отвратительные!

– Ну ты-то без чужой силы и так не сможешь, верно? – усмехнулась Ирка. Лицо ее просветлело. – Ха, так ты ж теперь вообще ничего не можешь! И никуда не поедешь…

– А вот фиг вам! – взвизгнула Алла. – Результаты конкурсов обратно не переигрываются! Поеду! И в Канаду, и в Англию, и в Германию! А там посмотрим! – Алла круто развернулась и зашагала прочь. – Я до вас еще доберусь!

– Что, правда поедет? – покосилась на Таньку Ирка.

– Поедет, – вздохнула Танька. – Так что раньше следующего года нам с тобой не светит. Но зато мы ведьмы, – с гордостью заявила Танька. – Самые настоящие.

– А Богдан – здухач. Воин сновидений, круто!

– Вот обязательно нужно удовольствие испортить, – фыркнула Танька.

Здухач проводил взглядом плотно закрытых глаз потянувшихся вслед за Аллой бывших ведьмочек. Поплыл по воздуху к дому, скользнул в комнату и скрылся в глубинах зеркала. Видно было, как он медленно опускается поверх спящего Богдана, сливается с ним, вновь становясь единым целым. Зеркало погасло.

– Господи, неужели все кончилось! – почти простонала Танька и тут же хлопнула себя по лбу. – Родители! Они же там… – Танька рванула к телефону. Девочка наскоро набрала номер и закричала: – Мама! Мамочка, я… Со мной все в порядке! – и вдруг смолкла. Долго слушала, кивнула: – Да, мамочка, да, хорошо! – Танька положила трубку и ошалело уставилась на Ирку. – Я, значит, тут вся трясусь, с ума схожу… А им еще девять дней назад позвонила наша классная и сказала, что мы все уехали на срочную практику. Они и не волнуются.

– Ольга Вадимовна, – сообразила Ирка. – Ну молодец старушка! Если б она еще соизволила объяснить, от какой такой миссии я должна отказаться… М-да, одни загадки разъясняются, а другие появляются. Вот, например, как ты, Танечка, умудрилась по отключенному телефону позвонить?

Танька растерянно поглядела на аппарат:

– А ты знаешь, я просто забыла, что его отключили. Совсем из головы вон…

– Забыла она! Слушай, ты, ведьма, так мне теперь за него платить или так работать будет?

Телефон, похоже, решил поработать так, потому что немедленно залился трелью звонка.

– Ирка, это ты, Ирка? – ввинтился в ухо возбужденный голос Богдана. – Мне тут такая жуть приснилась! Будто я сквозь зеркало к тебе в дом прошел, а там чудики какие-то из земли и песка. Я летаю, их мечом рублю, а они по мне лупят. Рожу подряпали, руку вывихнули и вообще чуть на фиг не раздавили! Просыпаюсь, рожа и вправду в крови, и рука на сторону, отец еле вправил… Но знаешь, в чем самый кошмар? Там твоя подружка толстая была! И мне снилось, вроде бы она теперь тоже ведьма и мне жизнь спасла! Вешалкой!

– Богдан… – перебила его Ирка. – Это не совсем сон. То есть сон, конечно, но и правда тоже. Понимаешь, ты здухач, воин сновидений…

Богдан помолчал.

– А Танька, выходит, и вправду ведьма? Кошмар! Нет, хуже – кошмар наяву! – И Богдан кинул трубку.

– Ладно, ладно, – процедила сквозь зубы все слышавшая Танька. – Я ему покажу толстую! Кстати, Ирка, – Танька вдруг оживилась, – а весы у тебя есть? Не может быть, чтоб я за эти дни не похудела!

И тут со стороны двора раздался дикий вопль. Орала Иркина бабка.

– Проснулась и поломанный забор увидела, – предположила Танька.

– Или огород. Его ж велеты напрочь вытоптали.

– Что мы стоим, побежали!

Они выскочили во двор, забежали под навес. И увидели бабку, склонившуюся над квашеной капустой.

– О! – тихонько застонала Ирка. – Таки испортилась! Я же говорила тебе, нельзя квашеную капусту перекладывать! Тем более в корпус из-под телевизора!

– Ты же его в ступу превратила! – защищалась Танька.

– Но я же раньше такого не делала! Неизвестно, что там получилось и как оно для капусты! – прошипела Ирка и заискивающе улыбнулась бабке. – С капусточкой что-то не так? Испортилась?

– Та я не знаю, Яринка. – Бабка подняла на Ирку перепуганные глаза. – Я ее теперь пробовать-то боюсь. – Бабка выволокла из миски две длинные капустины.

Те сперва висели неподвижно, потом одна из них дрогнула, завертелась, будто антенна, ловящая радиоволны. Во дворе раздался громкий голос известного телевизионного диктора:

– С новостями спорта вас познакомит наш спортивный комментатор…

– Состоялся отборочный матч между… – бойко откликнулась вторая капустина.

Цена волшебства

Глава 1. Базарные бабки и тетки

– Ох и наглая же вы семейка, что ты, что бабка твоя!

Ирка подняла глаза. Предназначенная покупателям дежурная улыбка будто примерзла к губам.

– Остальные за место платят, а вы, выходит, самые хитрые? – Высоченная широкоплечая тетеха осуждающе покачала головой.

Ирка затравленно огляделась. От базарных рядов на них косились: покупатели с чуть испуганным любопытством, торговки – с явным злорадством. Помощи ждать неоткуда. Ирка почувствовала, как улыбка на ее губах превращается в гримасу, жалобную и заискивающую одновременно.

– Тетенька… – пролепетала Ирка.

– Тоже мне, нашлась племянница! – отрезала бабища. – Я тебе не тетенька! – Она уперла могучие руки в бока. – Я здесь ответственное лицо!

Лицо у нее и правда стало очень ответственным, как и фигура.

– Почему все как люди, – она махнула в сторону рыночных прилавков, – товар привез, за место заплатил, и торгуй себе! А эти, две умницы! С краешку пристроились, тишком-нишком… – Носком растоптанной кроссовки она ткнула в Иркин раскладной столик. Кучка крепеньких синих баклажанов раскатилась, грозя передавить пакетики с домашними яйцами. Ирка невольно затаила дыхание. Но баклажан лишь ткнулся закрученным хвостиком в край пакета и замер. – Почему за место не платите? – рявкнула тетеха.

– Цены сбивают, – крикнули от рядов. – Конечно, можно, раз задарма стоят!

– С утреца расторгуются и сматываются, а мы целый день на жаре паримся! – немедленно наябедничали с другой стороны.

Прислушавшись к «гласу народа», «лицо» согласно закивало.

– Чуешь, что люди говорят? – Короткий широкий палец с почти до мяса обрезанным ногтем ткнулся Ирке под самый нос. – Вы что, с бабкой своей, особенные какие? Правила не для вас писаны? Я твою старуху вчера предупреждала?

– О чем? – удивленно пискнула Ирка.

– Ты дурочку-то из себя не строй. – Тетеха угрожающе сдвинула толстые брови. – Ясно было сказано: еще раз попробуете без оплаты пристроиться, пеняйте на себя! – Вдруг в глазах кошмарной бабы мелькнуло понимание: – Ага, она небось потому девчонку вместо себя и отправила. – Понимание пониманием, но сочувствием и не пахло. Она лишь повела широкими, будто у

грузчика, плечами и…

– Вы что делаете? – отчаянно вскричала Ирка.

– Что положено, – невозмутимо ответила тетеха. И коротко пнула Иркин столик ногой. Звонко, будто мячи, стукаясь об асфальт, кабачки и баклажаны посыпались вниз. Хлоп-хлоп! – переспелые помидоры расшлепались в красные лепехи. Ирка попыталась удержать пакеты с яйцами, но могучая ручища ухватила ее за запястье. Пакеты перевалили через край столика… Раздалось дружное «хруп!». Из прозрачного целлофана на асфальт потекло желто-белое месиво, среди которого гордо возлежало единственное, чудом уцелевшее яйцо. – Вот так! – сообщила тетеха, разглядывая плоды своих трудов. Легкое сожаление в голосе – сколько продуктов перепорчено – смешалось с удовлетворением от хорошо сделанной работы. Она отряхнула брызги яичного белка со своих растянутых тренировочных штанов и скомандовала: – А теперь ноги в руки и мотай отсюда, пока цела. – Широким шагом она двинулась в глубь базарных рядов. На мгновение задержалась и бросила через плечо: – И чтоб ни тебя, ни бабки твоей я на рынке больше не видела, ясно?

– Ото правильно! – удовлетворенно заявили от базарных рядов.

– Та и мало еще! – прошамкала торгующая горохом старушонка. – Учить таких надо! По шеям девке надавать, и бабке ее, ведьме старой! А потом…

Старушонка только собиралась со вкусом развить тему, но тут черноволосая девчонка подняла взгляд от разоренного товара. И старушонка вдруг осеклась, будто ей вогнали в рот кляп. При ярком свете утреннего августовского солнца лицо девчонки вдруг закрылось глубокой тенью. В глазах, темных, словно грозовая ночь, плясали зеленые болотные огни. Девчонка мрачно глянула на старуху, и та почувствовала, как ее охватил леденящий холод. Потом взгляд девчонки скользнул прочь, туда, где над толпой возвышались широкие плечи, короткая шея и круглая, как мячик, голова базарной смотрительницы. В мгновенном жутком озарении старушонка вдруг поняла, что сейчас, под неистовым взглядом девчонки, эта стриженая башка просто разлетится, будто переспелый арбуз…

Резко, как отбрасывают клинок, девчонка кинула взгляд себе под ноги. Последнее уцелевшее яйцо вспучилось и с громким хлопком лопнуло, взрывом взметнув наружу все свое содержимое. Липкий желток с маху залепил Ирке глаза.

Под дружный хохот торговок Ирка отерла слипшиеся ресницы, взвалила на плечо складной столик и побрела прочь с базара.

– Нет, ты видала? Яйцо прямо в рожу – бабах! – Заходясь смехом, веселая молодая торговка подтолкнула локтем соседку-старушонку.

– Видала! – заледеневшими от ужаса губами шепнула старушонка и часто, мелко закрестилась, глядя вслед уходящей фигурке.

Глава 2. Джип в гости – к деньгам

Согнувшись под тяжестью раскладного столика, Ирка медленно брела от шумного проспекта вниз по дорожке, к своему дому на самом дне старой городской балки. Солнце нещадно припекало, футболка липла к мокрой от пота спине, остатки яйца вокруг глаз слиплись сухой коркой. Громадный черный джип, тихо шурша шинами, прокатил мимо. Отступив к забору, Ирка проводила его завистливым взглядом: наверняка внутри там кондиционер, водителю хорошо и прохладно. И вообще: машина его везет, не то что Ирка – сперва пёхом из балки наверх, в гору, товар и столик на своем горбу, теперь вот обратно, по солнцепеку. Правда, с одним столиком, уже без товара. И без денег. Ох, бабка орать станет! Сама ведь виновата, а обвинит Ирку! Девчонка тяжко вздохнула, перекинула столик на другое плечо и зашагала дальше.

На перекрестке двух улочек она снова увидала темный джип. Медленно, словно разыскивая что-то, машина катила вдоль покосившихся заборов. Ирка мимолетно удивилась: что может быть нужно владельцу роскошного авто здесь, среди нищих домишек? И тут же позабыла о черном джипе, потому что битая каменистая тропинка круто пошла под уклон, свернула и привела Ирку прямо к калитке ее собственного родного двора. А у калитки, боевито уперев руки в бока, возвышалась Иркина драгоценная бабка.

– Ну так шо? – поинтересовалась старуха, одаривая внучку неласковым взглядом.

– А ничего! – столь же неласково бросила Ирка и скинула с плеча осточертевший столик. – Тебя ж предупреждали, что больше не позволят задаром на базаре торговать? А ты что? Меня отправила? – Ирка почувствовала, что начинает злиться по-настоящему: на смотрительницу, на базарных торговок, а в первую очередь на бабку, так хладнокровно подставившую собственную внучку!

– Так тому ж и отправила, що попереджалы, – совершенно спокойно ответила бабка.

Ирка даже поперхнулась от негодования. Ничего себе заявочка!

– Шо, дылда та здоровенная, шо там за порядком глядит, лезла до тебя? А ты ей шо? Ну шо, шо ты ей сделала? – с жадным любопытством выспрашивала бабка.

Ирка уставилась на старуху в полном изумлении:

– Я ей – ничего! Это она мне что хотела, то и сделала. Столик

перевернула, все помидоры подавились, яйца вдребезги! Велела, чтоб больше ни тебя, ни меня на базаре не было!

На лице бабки, словно в зеркале, тоже отразилось изумление:

– Яйця побылыся? Помидорки? И ты дозволыла? Та на що ж я тебя посылала?

– Не знаю я, на що! – заорала Ирка.

– Так шо ж, ты и не продала ничого? И грошей не принесла? – все с тем же удивлением вопросила бабка, глядя на пустой мешок из-под товара.

– Да что б я продала, ну что?! Говорю ж тебе, тетка та, с базара, все побила, пораскидала…

– Ой, лишенько! – пока еще тихо взвыла бабка. – Яичечки мои, помидорочки! Попропадалы вси! Та що ж це в мэнэ за дытына така! Та ниякого ж з цей дытыны проку! Та що ж ты, бисова дивка, не могла ту гадину остановить? Не могла з нею чогось сделать такого, щоб вона бильше до нас не цеплялася?

Ирка коротко перевела дух. Так вот оно что! Вот почему бабка отправила на базар ее! Рассчитывала… Девчонку вдруг мгновенно затошнило. А ведь чуть не вышло по-бабкиному. Всего секунды отделяли грозную базарную смотрительницу от того, чтоб превратиться в труп с начисто снесенной головой! Вот ведь дура старая, жадная! Ирка с ненавистью уставилась на вопящую старуху. Готова из внучки убийцу сделать, лишь бы за место не платить! Ирка почувствовала, как волна гневного жара поднимается из глубин души, и быстренько прикрыла глаза ресницами. А то ведь, не ровен час, сама бабулька запросто станет трупом. Хорошо прожаренным.

Старательно глядя в сторону, Ирка ровным голосом сообщила:

– Единственное, что можно сделать, это заплатить за место.

– Та що? – взвизгнула бабка. – Ото умная дытына, щоб тебе! З чого платить? Клубника на весни була? Не було клубники! Грядки черные, пожженные, не растэ там бильше ничого, може, и не вырасте никогда… Чия це работа, га? – Точно как давешняя базарная тетка, бабка ткнула обвиняющий палец Ирке под нос.

Ирка снова отвела глаза. Ну, допустим, работа не совсем Иркина. Правда, пышущая зеленым колдовским огнем рука гонялась за ней. И удирала Ирка как раз по клубничным грядкам, и теперь там действительно лишь черное горелое пятно. А клубники, верного источника дохода, больше нет и не будет.

– Огород весь песком та каминням заваленный… – продолжала обвинять бабка. – Це хто сделал?

На огороде развалились песчаный и земляной великаны, натравленные на Ирку с Танькой конкурирующими ведьмами. И

вот тут уж бабка категорически не права!

– Прибрали мы огород, прибрали! – завопила Ирка. – Вон, чистый, ни песчиночки! Ты сама после того раза на базар картошку молодую мешками таскала! Свеклу, помидорчики! Раньше всех, впереди сезона!

И верно, наутро после битвы весь огород был завален не только песком и землей, но и свежими молодыми овощами, вызревшими в теле земляного великана из выплеснутого на него Иркой борща. Довольная бабка тогда неплохо заработала. И сейчас старуха на мгновение замолчала, не зная, что ответить.

– Так що, думаешь, нам тих грошей на всю жизнь хватит? – Бабка недолго пребывала в растерянности. – З такими-от тратами? Грошей не заробыла, товар попортыла… – Неожиданно новая мысль пришла бабке в голову: – Помидорки побылыся, а кабачата шо ж? Подобрать не могла?

Ирка представила, как под взглядами хихикающих торговок она ползает по грязному асфальту, собирая раскатившиеся кабачки, и ей стало дурно.

– Может, тебе еще и кулечек с битыми яйцами приволочь? – сквозь зубы процедила Ирка.

– А и приволокла б, не барыня! Яишню б пожарили! Ни, ну що ж це за дытына така, мени, старой, на бидну голову! Однэ разорение з нее, одни тильки убытки!

– Ну так выгони меня, и все! – закричала Ирка. Ком обиды залепил горло. Да что она бабке – курица? Мало яичек несет?

– Выгони! А бабке старой одной по хозяйству! Дивка бисова! На все согласная, лишь бы не робыты! – тут же подхватила бабка. – Пол не метенный, по двору все валяется, а вона соби сыдыть! – покосилась на стоящую у калитки Ирку и уточнила: – Стоить! Ручки наманикюренные склала!

Ирка быстро спрятала руки за спину. Она вчера полвечера убила на свой маникюр: поверх темно-синего лака еще и разрисовала каждый ноготь под японские иероглифы. Тонкой гелевой ручкой. Ирка считала, что вышло не хуже, чем во всяких дорогих салонах, и маникюром гордилась. Но бабке этого, конечно, не понять!

– А ну, давай стол до сараю. – Бабка кивнула на столик. – И до дила! Не умеешь товар берегти, так хоть приберись! А потим вертайся до огороду! Ручки свои наманикюренные берегла, та половину жуков на помидорах пооставляла, ось воны знову и поползли. – Фыркая, как рассерженный еж, бабка круто развернулась и зашагала через двор к дому.

Ирка в досаде пнула столик, потом наклонилась подобрать его с земли. Сзади послышался легкий шелест шин. Ирка

оглянулась. Подпрыгивая на раздолбанной тропке, черный джип катил прямо на нее. Дернувшись от мгновенного испуга, Ирка отступила к калитке. Темная громада остановилась, полностью перекрывая выход из переулка. Водительское стекло поползло вниз… Ирка опять отступила…

Из глубины салона раздраженный мужской голос спросил:

– Девочка, а где здесь живет… – Вдруг голос пресекся, и из салона высунулся крепкий мужчина лет тридцати пяти. – О-па, я тебя узнал! Ты-то мне и нужна! – вскричал он.

Ирка перевела дух. Облегчение тут же сменилось недовольством: она тоже узнала своего собеседника.

Мужчина тем временем вылез из машины, поморщился: после прохлады салона жар августовского зноя просто оглушал. И остановился перед Иркой, явно ожидая, что девчонка пригласит его в дом.

Ирка обреченно вздохнула. Хоть гость и незваный, но не держать же на пороге.

– Проходите, – нехотя процедила она. – Вон туда, на скамейку под яблоней. – И посторонилась, пропуская бизнесмена Иващенко, которого начинающая ведьма Ирка Хортица однажды чуть было не сжила со свету.

Глава 3. Ведьмы в розницу и оптом

Ирка тихонько заглянула в дом. Обычно бабка не слишком-то обращала внимание, кто к Ирке приходит, кто уходит. Но взрослого дядьку на дорогущем джипе могла и засечь, тогда вопросов не оберешься. Кажется, на сей раз повезло: бабка, все еще тяжело дышавшая после утреннего скандала, стояла посреди гостиной и гневно шелестела страницами телепрограммы. Наконец выбор был сделан. Все еще продолжая негодующе сопеть, старуха плюхнулась в кресло. Щелкнул пульт, и роскошная красавица посреди столь же роскошной комнаты театрально заломила руки и закричала что-то о неземной любви. На бабкином лице проступило умиротворение.

Ирка довольно кивнула. Все, считай, дома никого нет. Не то что на джипе, на танке можно приехать, и то не заметит. Девочка нехотя потащилась к столику под яблоней, где, утирая пот широким клетчатым платком, восседал Иващенко.

– Что, с утра красоту наводила? – покосившись на Ирку, вопросил бизнесмен.

– Какую красоту? – опешила Ирка.

– Так возле глаз осталось, – неловко хмыкнул Иващенко. – Яичная маска, да? Моя девушка их тоже делает.

Ирка отколупнула с века чешуйку присохшего белка.

– Ага, маска, – мрачно буркнула она. – Косметическая. Яйцо с давленым помидором и целым кабачком. Накладывается на рынке.

– А почему на рынке? – теперь уже опешил Иващенко.

– Там от фруктовых испарений воздух для кожи очень полезный, – любезно пояснила Ирка. – Так своей девушке и передайте.

– Моя девушка на рынок не ходит, у нас домработница есть, – ответил окончательно растерявшийся Иващенко.

– Ничего, для красоты-то можно и сходить. Встанет посреди базара, яйцом и помидором намажется, кабачком разотрется… – Ирка злилась. Домработница у них, видите ли! Он что, сюда приехал про домработницу рассказывать?

– Ага. Ну да, – неопределенно пробормотал Иващенко и смолк, нерешительно поглядывая на неласковую хозяйку. Неловко потянул галстук, словно тот его душил. Поводил пальцем по плохо обструганному краю столешницы. Ирка молчала, совершенно не собираясь помогать бизнесмену. Больше всего ее устроило бы, чтобы гость убрался из сада, так и не решившись высказаться.

Но Иващенко недаром делал свой бизнес. Набрав полную грудь воздуха, будто собираясь нырнуть с вышки в воду, он выпалил:

– У меня есть компаньон. То есть был компаньон.

Ирка пожала плечами. Нет, он не только про домработницу пришел рассказать. Похоже, решил Ирку со всем своим окружением познакомить. Вот уже до компаньона добрался, скоро на собак с кошками перейдет.

– Так вот, недавно мой компаньон исчез. Сбежал. И прихватил с собой очень крупную сумму. Огромные деньги, ты себе даже не представляешь какие! А самое главное – не наши. Партнеров наших. Они нам деньги под один проект дали. А теперь, сама понимаешь, ни проекта, ни денег, одни неприятности.

– Обратитесь в полицию, – вяло буркнула Ирка. Разговор вызывал у нее все большее недоумение.

Иващенко дернул уголком рта: то ли усмехнулся, то ли гримасу скорчил.

– Нет, в полицию нельзя, – пробормотал он и тут же торопливо успокоил Ирку: – Ты не волнуйся, я к ним частным порядком обратился. На меня один очень крутой майор работал.

– Я, в общем-то, и не волнуюсь, – ответила Ирка.

– Только все равно без толку, – не слушая, продолжал Иващенко. – Я и свою службу безопасности подключил, и к этим, которые шпионов ловят, ходил, и компьютерных хакеров нанимал, чтоб они трансферы по банкам отслеживали… Все с меня деньги взяли, а потом руками развели. Говорят: никаких следов! Короче, полный конец света, хоть вешайся! – Иващенко сдернул галстук набок, будто собирался повеситься именно на нем и прямо здесь, на Иркиной яблоне. – Вот тут я про тебя и вспомнил! Дал своим ребятам задание… Они, конечно, ругались: ни имени, ни фамилии, ни фотографии, только описание да приблизительный возраст… Но ничего: побегали, посуетились, и видишь – нашли тебя, Ирка Хортица!

– И зачем я вам понадобилась? – С изумлением, как недавно на бабку, Ирка уставилась на Иващенко.

Бизнесмен неловко отвел глаза в сторону, пошевелил губами, словно пробуя несказанные слова на вкус, и наконец выпалил:

– Я знаю, ты – ведьма!

– Вы что ругаетесь? – обиженно скривила губу Ирка. – А еще взрослый!

Но теперь, когда самое главное было сказано, Иващенко явно избавился от растерянности и двинулся прямо к цели.

– Не морочь мне голову, девочка, – с тихой змеиной

ласковостью прошипел он. – У меня с памятью все в порядке и с головой тоже. Думаешь, я не помню, как ты на помеле летала?

– На ухвате, – мрачно поправила его Ирка.

– Не принципиально, для меня во всяком случае, – отмахнулся Иващенко. – А еще я помню, ты одну даму превратила в стог сена!

– Это не я! – снова запротестовала Ирка. – Она сама! Я просто не дала ей превратиться обратно! А ведьм не бывает, вы сами тогда сказали!

– Неожиданность. Потрясение. Шок, – отчеканил Иващенко. – А потом у меня было время поразмыслить. И я понял: никто, кроме ведьмы, таких штучек выкинуть не мог! И знаешь, что еще? Я ваш разговор тогда, в переулке, припомнил, проанализировал… Заговоры там всякие, слова волшебные, вынутый след. Еще эта болезнь моя непонятная, которую ни один врач определить не смог. И сдается мне, что это ты пыталась меня убить! Колдовством! Верно? – Бизнесмен остро глянул девчонке в глаза.

Ирка неловко заерзала на скамейке. Постоянное чувство вины за едва не совершенное убийство накинулось на нее с удвоенной силой. Действительно, жил себе человек нормально, пока она его след не вынула и заговор не наложила. Думала, всего лишь тренируется, а оказалось, чуть в могилу мужика не загнала.

– Но я же вас потом спасла! – попробовала оправдаться Ирка.

– Если бы сперва не заколдовала, и спасать бы не пришлось! – заявил Иващенко. Ирке его возражение показалось вполне резонным.

– Я не специально, меня обманули! – уже чуть не плача, отбивалась девочка.

– Значит, все-таки ты! – удовлетворенно кивнул Иващенко. Напряжение ушло с его лица, на губах проступила улыбка. Он вольготно откинулся на деревянную спинку скамейки и принялся внимательно изучать Ирку. Так охотник рассматривает беспомощную добычу, прикидывая: сразу на шапку ободрать или пока в клетке подержать, пусть отъестся немножко.

А девчонка вдруг почувствовала, как под этим изучающим взглядом в ней поднимается глухое бешенство. Тихий-тихий, пока еще никому, кроме нее самой, не слышный рык вскипал в горле. А схваченная галстуком шея Иващенко начала неумолимо притягивать ее взгляд. Она вдруг ясно, словно наяву, представила себе, как одним прыжком перелетает через стол и ее клыки смыкаются на глотке самоуверенного наглеца, думающего, что это он тут охотник! И как он забьется, задыхаясь в ее хватке! О, она не попортит шкуры!..

Перед ее глазами вдруг разом исчезли все краски, оставляя

лишь пронзительную четкость черного и белого. Испуганная, она крепко зажмурилась.

Ярость схлынула, будто вымытая из души. Ирка опасливо приоткрыла один глаз. Все как обычно. Мир снова наполнился цветами, а единственным черно-белым пятном был Иващенко в его белой рубашке и при черном галстуке, все так же восседающий напротив.

Ирка потрясла головой. Надо же, чушь какая в башку лезет! Клыки, хватка, шкура…

– Какая-то я агрессивная сегодня. Солнцем, что ли, напекло? – чуть слышно пробормотала Ирка.

– Ты там не бурчи, ты меня слушай, – с уверенностью хозяина положения бросил Иващенко. – Ты ведь убийца! – Он поднял ладонь, останавливая вскинувшуюся было Ирку. – Да, да, такая маленькая, милая девочка – и при этом самая настоящая убийца! А я – твоя жертва! – В этот момент он походил на кого угодно, но уж никак не на жертву. – Ты передо мной очень сильно виновата, верно? Придется эту вину искупить. По-моему, так будет правильно.

– Ну и что вам нужно? – мрачно спросила Ирка. Все, что говорил Иващенко, ей жутко не нравилось, но доля справедливости в его словах все-таки была.

– Сама не догадываешься? – Иващенко навалился на стол, заглядывая Ирке в глаза. – Мне нужно всего лишь вернуть деньги, которые украл мой компаньон.

– Да где я его найду! – взвилась Ирка.

– Компаньона – не обязательно, меня интересуют только деньги, – уточнил Иващенко.

– Я не умею искать. Ни компаньонов, ни деньги. Я ж не полицейский! – все еще сопротивлялась Ирка.

– Полицейского я уже нанимал, – напомнил Иващенко, – теперь мне нужна ведьма. А ты артачишься, не хочешь вину заглаживать. Какая ты нехорошая. Прямо-таки бессовестная. Ладненько, не договорились по-хорошему, попробуем по-плохому. Как, понравится тебе, если все узнают, кто ты такая на самом деле? Приятели твои, одноклассники? Соседи? Думаешь, им приятно будет жить рядом с ведьмой? Да они все свои неприятности на тебя свалят! Еще и сожгут, как в старину. – Иващенко зловеще ухмыльнулся.

Испуганная Ирка скорчилась на скамейке. Воспаленному воображению вдруг представилась темная ночь и толпа с факелами, а впереди почему-то та самая тетеха, что выгнала ее сегодня с базара. И ведет тетка народ как раз к Иркиному дому, где за плотно закрытыми ставнями затаились она и бабка.

Кусты смородины раздвинулись, и из них выбралась бабка.

– А чого вы мени тут дытыну пугаете? – привычно уперев руки в бока, вопросила старая. – То ваша дытына? К своим дитям идите та их и пугайте, а мою не трожьте!

– У меня нет своих детей, почтеннейшая, – начал было Иващенко, но бабка тут же вцепилась в его слова, как охотничий пес в дичь.

– Оно и видно, шо нема! Понаехал на двор, думает, на «Мерседесе», так все можно! А ну, геть отсюдова! – И бабка замахнулась на Иващенко кухонной тряпкой.

Бизнесмен вскочил, перехватил летящую ему в лицо тряпку… Бабка тут же издала вопль, не хуже пароходной сирены:

– Обижають! Старую жинку обижають! Милиция! Допоможите!

– А ну, тихо! Кто вас трогает! – Иващенко выпустил хвост засаленной тряпки, но было уже поздно.

– Отошел быстро от бабки! Ирка, ты цела? – спросил звонкий мальчишеский голос.

Иващенко обернулся. На него надвигался мальчишка лет одиннадцати. Обыкновенный мальчишка в майке, джинсах и стоптанных кроссовках. Только вот на поясе у него висел тяжелый стальной клинок, а в руках был туго натянутый лук, и стрела целилась бизнесмену точно между глаз. У мужика аж переносица зачесалась: что лук и меч далеко не игрушечные и как мальчишка ими владеет, Иващенко помнил с их первой встречи. Бизнесмен испуганно попятился.

Кусты снова раздвинулись, и из них выбралась еще и девчонка: светловолосая и пухленькая.

– Как у вас здесь людно, – с кривой усмешкой пробормотал Иващенко.

– Я, наверное, заднюю калитку не заперла, – словно бы извиняясь, ответила Ирка.

– Заперла. Просто я ее заговором открыла, – сообщила Танька и слизнула капельку крови с пальца.

Несмотря на всю напряженность ситуации, Ирка невольно уставилась на этот палец. Не могла не уставиться. Потому что Танькин ноготь был расписан в три цвета: приглушенно, неброско и в то же время изящно. Наверняка мама Таньку с собой в салон брала. Ирка поняла, что ее самодельное творчество ни в какое сравнение не идет с работой профессионала. Что за день, расстройство за расстройством!

– Я из нашего окна выглянула, а у тебя прямо над домом темное облако висит. Ясно же, случилось что-то. Я и рванула, – продолжала Танька.

– А я ее увидел и за ней! – рявкнул Богдан.

– Мог и не беспокоиться! – презрительно процедила Танька.

Иващенко тем временем пялился на нее во все глаза, так что даже забыл про нацеленную в него стрелу.

– Тоже ведьма? – ухмыльнулся он.

– Допустим, – совершенно невозмутимо парировала Танька и напоследок лизнула палец еще раз. – А что, про меня вы тоже всем расскажете? Друзьям, соседям?

– Могу и рассказать, – буркнул Иващенко. Что-то в Танькиных словах ему не нравилось. Наверное, тон. Чересчур легкомысленный, да еще и с явственной ехидцей.

– Да можете, конечно, – покорно согласилась Танька и тут же окинула Иващенко насмешливым взглядом. – Только погодите минутку, я сейчас вернусь. – И нырнула в дом.

Буквально через минуту она появилась, волоча ворох старых газет, вытащенных из шкафа в коридоре, куда их складывала Иркина бабка. Танька бросила газеты на столик, небрежно переворошила, выбрала лист.

– Значит, говорите, все узнают, что мы с Иркой ведьмы, – задумчиво повторила она. – Сожгут, говорите. – Она повела пальцем вдоль газетных объявлений. – Что тут у нас? Ага, знахарка Марфа снимет сглаз, наведет порчу. Вот еще, матушка Пелагия, белая ведьма. Не в том смысле, что не африканка, а в том, что зла не делает. Маг Ибрагим, знаток черной, белой и японской магии. Желтой, наверное. Ну так о чем вы собрались рассказать, а, Владимир Георгиевич? – поинтересовалась Танька, мгновенно вспомнив имя-отчество бизнесмена.

– Эти все, в газетах, ненастоящие! – чувствуя, что теряет почву под ногами, Иващенко перешел в наступление. – А вы на метлах летаете!

– Да неужели? – делано изумилась Танька. – Ну пойдите, расскажите кому-нибудь. Знаете, что завтра ваши бизнес-партнеры говорить будут? – Подделываясь под мужской голос, Танька пробасила: – «Слыхали, Иващенко девочек на метлах видел!» – «А мальчиков с рожками и вилами еще нет? Ничего, скоро и они подоспеют».

Краска бросилась бизнесмену в лицо.

– Между прочим, твоя подруга мне кое-что должна! Она меня убить пыталась!

– Это вы ей должны! Она вам жизнь спасла! – возмутилась Танька.

– Где это написано? Свидетели где? – хмыкнул бизнесмен.

– А где написано, что она пыталась вас убить? Доказательства, протокол? – передернула плечами Танька.

Бизнесмен мгновение помолчал, переваривая свое поражение.

– А еще говорят, дети милые и добрые существа, – наконец вздохнул он.

– И еще говорят, мы наивные и доверчивые и нас легко обмануть, – парировала Танька.

– Так мне не нужно разыскивать его пропавшие деньги? – Ирка повеселела, расцвела улыбкой, с благодарностью глядя на Таньку.

И тут же улыбка увяла на ее лице, потому что подруга вдруг выдала нечто совершенно неожиданное:

– Может, и нужно. Если, конечно, господин Иващенко перестанет валять дурака и начнет говорить серьезно. – И Танька деловито уселась за столик под яблоней, мимоходом бросив бабке: – Там, кажется, новый сериал начинается. Мама говорит, интересный!

– Та я знаю! – буркнула бабка. С тех самых пор, как от Танькиного прикосновения заработал отключенный за неуплату телефон, злить Иркину подружку бабка опасалась. Вдруг дармовая связь опять отключится? – А ось цей – он без мэнэ Яринку не обидит? – подозрительно косясь на Иващенко, поинтересовалась бабка.

– Ни в коем случае, – твердо заверила Танька. – Владимир Георгиевич сейчас с нами кое-что обсудит и поедет. Правда, Владимир Георгиевич?

Словно завороженный, Иващенко кивнул.

Неуверенно оглядываясь, бабка двинулась обратно к дому.

– Компот, господин Иващенко? Вишневый, сливовый, яблочный? – поинтересовалась Танька тоном, каким бизнесмены в сериалах спрашивают у своих партнеров: «Вам чай, кофе?»

– Вишневый, – выбрал бизнесмен, и Танька через плечо обронила:

– Вишневый, пожалуйста.

Ирка не сразу поняла, что подруга обращается именно к ней.

Подавив возмущенный вопль «Я тебе не секретарша!», Ирка поднялась и только мрачно буркнула:

– Вишневого нет, весь выдули.

– Тогда сливовый, – согласилась Танька. – Да вы присаживайтесь, Владимир Георгиевич. Побеседуем. А ты лук убери, – бросила она Богдану. – Не то еще господин Иващенко скажет, что мы его к соглашению вынудили. Под дулом пистолета.

– Почему под дулом? – переспросил Богдан, косясь на свой лук, у которого явно не было никакого дула.

– Если он скажет, что вынудили под стрелой лука, будет как с

историей о ведьмах. Засмеют.

Когда Ирка вернулась из погреба с компотом (перелила из банки в кувшин, на поднос поставила, рядом четыре стакана – все как в лучших домах), переговоры были в самом разгаре. Танька небрежным жестом велела Ирке наполнить стаканы. Ирка стиснула зубы, но ссориться не стала, понимала – не время.

– Только, пожалуйста, не надо второй раз держать нас за дурачков. Конечно, вы покроете все расходы, дорогой Владимир Георгиевич, куда денетесь. Это ведь вы к нам пришли, а не мы к вам, – с приторной любезностью цедила Танька, болтая компот в стакане. – Теперь давайте поговорим об оплате!

– Я ни в коем случае не держу вас за дурачков, дорогая Татьяна… э-э…

– Николаевна, – надменным движением наклонила голову Танька.

– Дорогая Татьяна Николаевна! – с легкой насмешкой выдал Иващенко. Потом запнулся, одарил Таньку долгим взглядом, нахмурился, что-то припоминая, и уже другим тоном поинтересовался: – Погодите, а мы с вами вроде бы раньше встречались… На конкурсе детского рисунка, точно! Ваш отец, случайно, недвижимостью не торгует?

– Торгует, и не случайно, – отрезала Танька.

Иващенко помолчал, явно задумавшись. Потом сообщил:

– Много слышал о нем. И какую же оплату вы хотите получить?

– Думаю, 20 процентов от похищенной суммы будет в самый раз, – чуть побледнев от собственной наглости, выдала Танька.

Иващенко поперхнулся компотом.

– Сколько? Вы что, с ума сошли? Двадцать процентов? От пятидесяти миллионов долларов?

У Ирки перехватило дух, Богдан широко распахнул глаза, а Танька судорожно вздрогнула. Ирка подумала, что подруга, точно как Иващенко, тоже подавится компотом, но Танька только молча отставила стакан в сторону.

– Вы соображаете? – продолжал бушевать Иващенко. – Вот так за здорово живешь 10 лимонов отдать? Что я партнерам скажу? Куда баксы делись? Даю полпроцента и ни центом больше!

– Если мы ваши деньги не найдем, вам и остальные сорок миллионов не видать, – почти машинально парировала Танька. – Ладно, бог с вами, раз вы такой жадный. Три! Три процента!

– Ноль семьдесят пять!

– Два!

– Хорошо! – вскричал Иващенко. – Один, и все, все! Пятьсот тысяч я найду как компенсировать, но это мое последнее слово!

Танька коротко кивнула.

Вырвав из блокнота листок, принялась писать.

– И что, мы будем это заверять у нотариуса? – кисло поинтересовался Иващенко, читая текст соглашения.

– Зачем нам нотариус? – удивилась Танька. Быстрым движением отобрав у Богдана стрелу, она потянулась к руке Иващенко. Бизнесмен резко вскрикнул и изумленно уставился на свой окровавленный палец. Танька прижала его палец к бумаге.

– Посмотрим, как вы решитесь нарушить такое соглашение, – сказала девчонка и постаралась ухмыльнуться как можно более зловеще.

Похоже, ее улыбка и собственный кровавый отпечаток на белом листе произвели на Иващенко впечатление. Бизнесмен побледнел.

– Так, значит, завтра жду вас у меня в офисе? – спросил он, поднимаясь из-за стола.

– Ждите-ждите, а как же, – промурлыкала Танька, дуя на бумагу, чтобы просушить кровавый отпечаток.

Бизнесмен побледнел еще больше и почти бегом двинулся к калитке.

– Ну ни фига ж себе! – выдохнул Богдан, угрюмо молчавший во время переговоров. – Такая вроде тихая, трусливая, в школе всего боится… А тут надо же, как мужика раскрутила!

– При чем тут школа, – фыркнула Танька. – Это бизнес! – Она помахала текстом соглашения. – Ты хоть понимаешь… Нет, ничего ты не понимаешь! – Она повернулась к Ирке: – Ты хоть понимаешь, как нам повезло?

– Не знаю. Я этого Иващенко вообще-то выставить хотела, – неуверенно протянула Ирка. – А вышло какое-то колдовство за деньги. Как-то меня это все… напрягает.

– Интересно! – обиженно протянула Танька. – Для кого я тут старалась? Колдовство за деньги ее напрягает, видите ли! У всего есть цена, даже у волшебства! А что ты в принципе со своим колдовством делать собиралась? Для друзей ворожить по большим праздникам? Так извини, твои друзья и сами в ворожбе разбираются! – На Танькиных губах проскользнула самодовольная улыбка. – Мы ж не мошенничаем, как эти вот, из газеты, мы самое настоящее ведьмовство предлагаем, без дураков!

– И деньги какие-то… безумные! – почти жалобно протянула Ирка. – Даже представить сложно. Полмиллиона долларов на троих!

Танька покосилась на Богдана, скорчила гримаску:

– А я еще сказала, что без дураков! Прости, Богданчик, про

тебя забыла. Не понимаю, чего мы еще и с ним должны делиться! По-моему, от него никакого толку. Ну ладно, раз ты говоришь, пусть будет на троих. А если на троих, так не такие уж и безумные деньги. – Она вытащила из кармана калькулятор, быстренько пощелкала клавишами. – Получается на каждого 166 тысяч 666, – вдруг Танька помрачнела, – 666? Нехорошее число. Дьявольское.

– О, говорю ж, трусливая – жуть, всего боится, даже денег, – хмыкнул Богдан. – Можешь мне свою долю отдать. Мне хорошо, и у тебя счастливое число – ноль.

Танька в ответ молча скрутила фигу.

– Но-но, без ведьмовских штучек, – угрожающе помахал мечом Богдан. Тут же глаза его стали мечтательными, затуманились. – Ты, Ирка, дом заново отстроишь, а то эта развалюха скоро на вас с бабкой рухнет. Я отцу машину куплю. Путешествовать поедем.

– За границу, – подхватила Танька. – И в Германию твою поедем, обязательно, слышь, Ирка? Сможем там сколько угодно жить, пока ты… В общем, сколько надо будет.

– Бабка перестанет ворчать, что от меня одни убытки, – поддаваясь общему настроению, пробормотала Ирка. И вдруг встряхнула волосами, приходя в себя. – Ребята, а кто знает, как мы это богатство собираемся заработать? Кто-нибудь умеет разыскивать украденные миллионы?

Гробовое молчание было ей ответом.

Глава 4. Карты, деньги, две тайны

– М-да-а, – протянула Танька, разглядывая вылезающего из маршрутки Богдана. – Что он псих, я всегда знала, но не думала, что до такой степени…

Пассажиры маршрутки торопливо подавались в стороны и опасливо поджимали ноги, когда, цепляясь за кресла болтающимся у пояса мечом, Богдан пробирался к выходу. Заехав навершием лука по низкой крыше микроавтобуса, мальчишка наконец вывалился наружу. Прямо под ноги ожидающим его ведьмочкам.

– Ну что, пошли? – жизнерадостно предложил Богдан, кивая на длиннющую, усаженную кустами дорогу, в конце которой вырисовывался парадный вход в корпорацию господина Иващенко.

– Пошли! – столь же жизнерадостно ответила Танька. – Мы – туда, – она кивнула на вход, – а ты – домой.

– Почему это? – разобиделся Богдан.

– Потому что в приличные учреждения с мечами не пускают. Такие вот предрассудки, – ехидно пояснила Танька.

– Не понял! – набычился Богдан. – Я что, должен на вражескую территорию безоружным идти?

Танька издала страдальческий стон.

– Ну хватит, – решительно отрезала Ирка. – Мне ваши вечные пререкания надоели хуже горькой редьки…

– Да ты за всю жизнь ни разу редьки не ела, тем более горькой… – немедленно завелась Танька.

– Хватит, я сказала! – гаркнула Ирка. – Ты! – она ткнула пальцем в Богдана. – Соображать должен, куда свои железки можно цеплять, а куда нельзя! А ты… – Иркин палец уперся в Таньку, – сама прекрати ко всем цепляться! А то я вообще никуда не пойду! Мне и так эта история не нравится! Я понятия не имею, как мы эти самые деньги разыщем…

– Подумаешь, проблема, – презрительно передернула плечами Танька. – Фотку пропавшего компаньона возьмем, в зеркало посмотрим, и все дела!

– Хорошо, если так, – с сомнением покачала головой Ирка. – Ладно, двинули.

– А я? – расстроенно протянул Богдан. – Мне что, и правда домой? Я ж как лучше хотел… Вдруг там драться придется?

Танька фыркнула.

– Охранников зарубить? Или менеджеров? Хорошо, хорошо, молчу, – увидев Иркины грозно сдвинутые брови, Танька

замолкла.

– Железяки спрячем, – после минутного раздумья решила Ирка. – У входа, в кустах.

– Да ты что! – взвился Богдан. – Их же любой пацан стырит моментально!

– Какой пацан? Тут солидная корпорация! – в ответ вспыхнула Танька. – Взрослые, серьезные люди, и ни одному, слышишь, ты, ненормальный, ни одному из них не придет в голову возиться со всякими мечами дурацкими, с луками… Они делом заняты!

Из Иркиного горла вырвался самый натуральный рык. Танька осеклась.

– Ненормальные вы оба, – ровным голосом сообщила Ирка. – А на меч я заговор кину, никто его не возьмет. Рядом пройдут и не заметят.

– Точно? – подозрительно прищурился Богдан и, дождавшись Иркиного подтверждающего кивка, тяжко вздохнул, соглашаясь. – Ладно, вон там вроде нормально будет.

Выбрав самый густой куст, Богдан, вынув из кармана здоровенный целлофановый пакет с яркой надписью «Благодарим за покупку!», принялся аккуратно укладывать туда пучок стрел, лук, а следом и меч. Танька сдавленно хихикнула. Кинув на нее уничтожающий взгляд, паренек разворошил кучку палой листвы. Наружу вылетела здоровенная, чисто обглоданная кость, видно, прикопанная каким-то запасливым псом.

– Ой, какая хорошая косточка! – неожиданно для себя радостно воскликнула Ирка и потянулась к костяшке.

– Я не поняла, – осведомилась Танька. – Ты что, хочешь ее с собой взять?

Иркины пальцы замерли буквально в сантиметре.

– Нет, ты бери, бери, – продолжала Танька. – Тогда и этот толкиенутый может свой ножичек оставить. Так и заявимся на проходную: он с мечом, ты с косточкой. Впечатление произведем чрезвычайное. – Круто развернувшись, Танька зашагала ко входу.

Ирка смущенно спрятала руки за спину и недоуменно покосилась на валявшуюся у ее ног кость. И правда, с ума она сошла, что ли? Подбирать такую гадость! Да еще и обрадовалась ей, будто невесть какому сокровищу.

– Да положишь ты свой меч или нет! – от расстройства чувств насела она на Богдана. Наскоро прошептав над пакетом несколько слов, Ирка кинулась догонять подругу.

– Э, а сами-то мы меч потом найдем? – встревоженно окликнул ее Богдан. – Я его больше не вижу!

– Заметь куст, – бросила Ирка. Стремительно шагающую

Таньку она нагнала уже у входа. Еще через мгновение рядом с ними встал все еще недовольный Богдан.

– В норму пришли? – осведомилась Танька. – От колюще-режущих предметов, костей и человеческих черепов избавились?

В ответ Богдан и Ирка гневно засопели. Таньку это удовлетворило.

– Тогда пошли! – скомандовала она и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

Первое, что открылось глазам, был пропускной пункт и высокая фигура секьюрити рядом. Только в сторону ребят охранник не глядел. Отвернувшись от входа, он во все глаза уставился на стену громадного холла, простиравшегося позади турникета. Стена была снизу доверху увешана маленькими татарскими и ростовыми английскими луками, короткими скифскими клинками-акинаками, длинными кавалерийскими саблями, кривыми турецкими ятаганами, изящными тонкими шпагами, прямыми, изогнутыми и волнистыми кинжалами… В углу возвышалась стойка, а в ней простенько, словно зонтики в прихожей, торчали топоры, клевцы и алебарды. В довершение картины двое мужчин в солидных офисных костюмах старательно водружали на вбитые в стену крюки рыцарский двуручный меч. А большая группа таких же респектабельно-костюмных господ и дам с жадным, совершенно детским восторгом наблюдали, как они это делают. Увесисто лязгнув, двуручник лег в предназначенные ему крепления, и вся компания, включая охранника, разразилась аплодисментами.

Богдан развернулся к Таньке и уставился на нее пронзительно-злобным взглядом:

– Говоришь, солидная корпорация? Взрослые, серьезные люди, с мечами не возятся?

Его голос привлек внимание охранника. Тот моментально обернулся:

– Дети, вы что тут делаете?

– Это ко мне! – один из вешавших меч мужчин оторвался от любования двуручником. Ребята тут же узнали в нем Иващенко.

Охранник едва заметно пожал плечами и отодвинул турникет в сторону. Ирка и ее друзья двинулись в сторону бизнесмена, а десяток глаз внимательно и настороженно вперились в них. Двуручник был мгновенно забыт: присутствующие пытались догадаться, что могло понадобиться генеральному директору от троицы самых обыкновенных ребятишек.

Иващенко, видно, понял, что надо дать хоть какие-то разъяснения:

– Это… э-э… наши новые курьеры. На лето, – промямлил он.

– Курьеры? – высокая сухощавая дама моментально встрепенулась. – Зачем? Вы недовольны нашей курьерской службой, Владимир Георгиевич?

Остальные служащие немедленно отодвинулись от дамы подальше.

– Я всем доволен, Марина Петровна, абсолютно всем, – торопливо заверил ее Иващенко. – Считайте это… экспериментом. Поддержим трудовое воспитание, дадим детям заработать, то-се. Сейчас я с ребятами переговорю…

– Зачем вам самому… Такой незначительный вопрос. Я поняла ваши указания и все улажу… – Одним длинным скользящим шагом Марина Петровна оказалась возле Богдана и даже попыталась взять его за руку. Отработанным движением Богдан чуть отступил, уклонился… Пальцы дамы схватили пустоту, а Иващенко уже спешил на помощь.

– Нет, нет, я сам, в конце концов, это имидж компании, наши взаимоотношения с обществом, участие в формировании молодого поколения… – забубнил Иващенко, пытаясь направить ребят куда-то в сторону коридора. Но дорогу ему тут же заступила другая дама, молодая и изящная.

– Имиджем обычно занимается мой отдел. Мы разочаровали вас, Владимир Георгиевич? – почти со слезами в голосе прошептала она, а остальные служащие на всякий случай сделали еще по шажочку в сторону, на безопасное расстояние от той, что осмелилась расстроить генерального.

– Вы меня просто очаровали, Агата Станиславовна! В смысле, я всем доволен! Дайте же пройти! Я буду у себя в кабинете! Никого ко мне не пускать! – почти расталкивая собравшихся плечом, Иващенко протащил ребят сквозь толпу, погнал их вдоль коридора к солидной двери с табличкой «Генеральный директор». При этом он оглядывался почти испуганно, словно боялся, что еще какой-нибудь глава отдела кинется следом и попытается отобрать у него Ирку. Опасливо зыркнув на собственную секретаршу, он впустил ребят в кабинет, на всякий случай еще разок подозрительно оглядел приемную и захлопнул за собой дверь, словно люк подводной лодки задраил.

– Ну все, – облегченно вздохнул Иващенко. – Давайте!

– Что давать? – переспросила Ирка.

– Ну как что! Это… – И он принялся проделывать руками некие пассы, которые в его понимании, видимо, должны были изображать колдовство.

Ирка тяжко вздохнула и укоризненно уставилась на Таньку.

– А что ты на меня смотришь? Я ему ничего подобного не обещала, – немедленно отозвалась подруга и обернулась к

Иващенко: – Вы что, рассчитываете, пришли ведьмы и сейчас же, в блеске молний и клубах серы, ваш сбежавший компаньон из-под земли выскочит? С чемоданом баксов в руках? Вам тут что, рок-концерт?

Иващенко поглядел на Таньку разочарованно. Кажется, он действительно рассчитывал на нечто подобное.

– Как ты разговариваешь со взрослым человеком… – проворчал он. – И вообще, мы бизнесмены, а не гангстеры из кино! Баксы в чемоданах не держим. Тем более такую сумму.

– А где держите? – быстро спросила Ирка. – Откуда ваш компаньон их выкрал? Как? Когда? Что сумел обнаружить тот полицейский, что на вас работал?

– Давайте, давайте, рассказывайте, – подбодрила Иващенко Танька и плюхнулась в кресло возле стола.

– Да надоело мне уже рассказывать! Безопасникам рассказывал, полицейскому рассказывал, компьютерщикам тоже! Толку все равно никакого! – досадливо бросил Иващенко. – Отсюда выкрал! – и раздраженно кивнул на компьютер.

Танька и Богдан вопросительно посмотрели на бизнесмена, а Ирка вдруг сунула руку в карман джинсов и вытащила… очень-очень старую, засаленную колоду карт. Не слишком умелыми движениями принялась тасовать их. Таньке, пристально вглядывавшейся в мельтешение карточных прямоугольников, почудилось, что из бесконечного далека донесся запах костра, тихое конское ржание, гомон множества голосов. Тренькнула гитарная струна… И все стихло. Только ходили туда-сюда старые карты в Иркиных руках. Их мелькание, похоже, подействовало на Иващенко успокаивающе. Шумно вздохнув, он устроился за столом.

– Деньги у нас, естественно, были в банке, а ни в каком не в чемодане, – начал бизнесмен. Ему на миг почудилось, что в руках у черноволосой девчонки вовсе не колода, а тугая пачка банкнот. Движением кисти юная ведьма подала ему колоду, требуя, чтоб он сдвинул верхнюю карту. Иващенко опасливо протянул палец, и наваждение исчезло. Просто карты, хотя и старинные, прямо-таки антикварные, со сложным, вычурным рисунком.

– Я тоже люблю старинные вещи. Собираю, – оживившись, похвастался Иващенко. – Оружие в холле видели? Все подлинное! Между прочим, самая большая коллекция антикварного оружия в стране! Со всего мира приезжают смотреть!

– А мне можно? – немедленно спросил Богдан.

– Да, конечно! – пообещал Иващенко, явно гордившийся собранием. – Выгодное дело эти древности, с каждым годом все древнее становятся, а чем старше – тем дороже. Да мне они и

просто нравятся! Хочешь, твои карты тоже куплю! – неожиданно предложил Иващенко. Явно предполагалось, что Ирка должна обрадоваться его щедрости.

Девочка подняла на него круглые от изумления глаза. Бизнесмен осекся, невольно заерзал.

– Да, конечно, извини. Глупость сказал, – пробормотал он. – Так вот, деньги нам партнеры дали. Один миллионер, за границей живет, другой вообще… – Иващенко понизил голос, – из правительства, а третий… – Голос у него стал почти неслышным, он даже огляделся по сторонам, словно опасался, что его подслушивают. – Третий хуже всех. В смысле, лучше. Не знаю, откуда у него деньги, и знать не хочу.

Ирка согласно кивнула и, тихо шепча: «Что было, что есть, что будет…», веером выкинула на стол три первые карты, трех тузов: червового, бубнового и мрачного пикового.

– Короче, не дай бог этой троице не угодить! Я и раньше все время боялся: проект сорвется, прибыль будет меньше обещанной… А уж теперь вообще ночами не сплю! – бизнесмен безнадежно махнул рукой. – Компаньону моему что, он себе смылся. А я у наших партнеров под рукой остался. Если они что-то проведают раньше, чем я верну деньги… – Иващенко не закончил.

Ирка снова кивнула и даже поглядела на бизнесмена с сочувствием. Семерка пик рядом с червовым королем самого Иващенко обещала Владимиру Георгиевичу смерть. Правда, соседствовавшая рядом тоже червовая девятка означала лишь возможность, а не неизбежность. У бизнесмена оставался шанс.

– Как он украл деньги?

Иващенко усмехнулся.

– Просто-напросто перевел куда-то, и все! – И пояснил: – Через программу «Клиент – Банк» – прямая связь с банком через компьютер. По идее, эта программа только в моем компьютере, еще у главного бухгалтера могла быть, но оказалось, у него тоже есть. Доступ к счету мы с ним закрыли на компьютерный шифр, код разделили пополам – половину знал я, половину он.

Ирка замешкалась, не вполне понимая, как соотнести открывшиеся карты с современными компьютерными технологиями. Но кажется, Иващенко говорил правду.

– Да, доверяли вы друг другу страх как сильно, – тем временем протянул Богдан.

– Это Владимир Георгиевич перестал доверять своему компаньону, – выкладывая очередной карточный веер, сообщила Ирка. – Год назад? Два?

Иващенко поглядел на нее с опасливым уважением.

– Если точно, полтора. Понимаете, он когда-то, давно еще, директором здесь был. Предприятие разорилось совсем, я его и выкупил. А ему предложил компаньоном стать. Младшим, – уточнил Иващенко. – Бизнес делаю я: партнеры, проекты, заказы, сбыт… А он вроде как за саму компанию отвечает. И получилось вдруг, что очень уж многое стало от него зависеть. Менеджеров я сам набирал, а вот бухгалтерию он под себя подгреб. Да еще посадил там сплошь своих родственников. Смена компьютеров, системные операторы – тоже он. Охрану контролировал. Даже собак сторожевых сам, лично, тренировал! Говорил, нравится ему.

– У вас тут еще и собаки? – Ирка поморщилась. Собак она последнее время любить перестала, слишком неприятные воспоминания были с ними связаны. Да и Иркин кот собак тоже не одобрял.

– Вот такие здоровенные! На ночь на территорию выпускаем, – подтвердил Иващенко. – Злющие – жуть! Вроде сторожа надежные, никого не пропустят. Только меня они тоже чужаком считают. Один раз ближе к ночи за бумагами в офис вернулся, а их выпустить успели. Так псы меня к стенке прижали и держали до утра! До сих пор, как вспомню, трясет всего, – пожаловался он. – Вот в ту самую ночь я и подумал; может, кручусь тут целыми днями, проворачиваю бизнес, а сам у своего компаньона под полным контролем? Захочет – отпустит, захочет – поймает… Не знаю, понимаете ли вы, о чем я, – сам себя перебил Иващенко и внимательно поглядел на ребят, прикидывая, способны ли дети разобраться в его запутанных бизнес-отношениях.

– Ваш компаньон очень устал, – сказала Ирка, изучая открывшиеся карты. – Он тоже считал, что крутится целыми днями, а вы лишь ездите по городу, в чужих офисах кофе пьете. Когда полгода назад вы рассказали ему о новом проекте, он решил, что с него хватит. Он должен обеспечить себе богатую и спокойную жизнь.

– Ничего себе! Да он хоть понимает… Этот кофе у меня к концу дня уже из ушей льется! Башка трещит, круги перед глазами… – возмущенно завопил Иващенко.

– Как он мог перевести деньги? – перебила бизнесмена Танька. – Для этого он должен был знать весь код, а не только свою половину.

– Не знаю, – быстро ответил Иващенко. – Просто ума не приложу.

С колоды соскользнула карта, спланировала поверх уже открытых. Дама пик насмешливо усмехалась.

– Владимир Георгиевич, – постукивая по ней пальцем,

спросила Ирка. – Вы просто врете или меня проверяете?

– Тебя мама не учила, что так со взрослыми не разговаривают? – огрызнулся Иващенко.

– Владимир Георгиевич! – строго прикрикнула на него Ирка и помахала картой у него перед носом. Если бы Иващенко только знал, как Ирка не любит упоминаний о своей давным-давно сбежавшей маме!

Не ясно, чего бизнесмен испугался больше: Иркиного тона или зловещего выражения лица нарисованной пиковой дамы. В любом случае он сдался.

– Когда деньги на счет поступили, – нехотя выдавил он, – компаньон отметить предложил. Я вообще-то не пьяница! А тут и выпил всего чуть-чуть, а все сразу как в тумане стало. Вроде бы он о чем-то меня спрашивал. А я ему отвечал.

– Ясно, сами код и выболтали, – по-взрослому вздохнул Богдан.

– Наутро компаньон исчез. Полицейский мой выяснил, что вызвал такси до аэропорта. А дальше словно растворился. Улететь – не улетел, мы все проверили, опросили, фотографию показывали. И с вокзала не уезжал.

– Может, его просто не нашли? – предположил Богдан.

– Майор у меня – профессионал, у него прямо нюх! – слегка обиделся Иващенко. – Раз он говорит – не уезжал, значит, не уезжал. Как отсюда ранним утром укатил…

– А вечером он куда ездил? – перебила Ирка.

– Каким вечером?

– Ну как же! Вот ранняя дорожка, – Ирка коснулась карты. – А вот еще одна – поздняя. Да еще в свой дом.

– Не знаю, – растерянно пробормотал Иващенко. – В свой дом? Выходит, он домой заезжал? А домработница говорит, не было его. Она допоздна ждала, а он так и не появился. Соврала, значит! – Лицо Иващенко стало вдруг веселым и хищным. – Надо будет с ней еще разок побеседовать.

Приговаривая: «Чем все кончится, на чем сердце успокоится…», Ирка выкинула последний карточный веер.

– Что там, что? – нетерпеливо спросил Иващенко, жадно вглядываясь в выпавшие карты.

– Тайна, загадка, – пояснила девчонка, показывая совершенно белую, чистую карту. – А за ней джокер – плут, обманщик.

– Мой компаньон, – удовлетворенно кивнул Иващенко.

– И еще… – Ирка сдвинула две верхние карты, открывая третью, последнюю, тоже чистую. – Еще одна тайна! – изумленно охнула девочка.

– И что это значит? – поинтересовался Иващенко.

– Только то, что, кроме пропажи ваших денег, здесь есть еще один секрет, – с недоумением вглядываясь в получившуюся комбинацию, пожала плечами Ирка.

– Меня не интересуют никакие другие секреты! – Иващенко вскочил, нервно прошелся по кабинету. – Ерунда все! Тайны! Разгадывать кто будет? Вот если бы они сказали, где мой компаньон прячется! Или лучше сразу – где деньги!

– Вы фотографию его принесите, – буркнула Танька, вытряхивая из сумки круглое плоское зеркало. – Узнаем.

Иващенко потянулся к кнопке селектора, явно собираясь вызвать секретаршу. Но Ирка кинула на него выразительный взгляд, и он вышел из кабинета сам. Ребята остались одни.

– Это что за новые дела? – спросила Танька, наблюдая, как Ирка вновь выкладывает на иващенковском столе карточный пасьянс и озадаченно качает головой, оценивая выпавший расклад.

Ирка в ответ пожала плечами:

– В подвале нашла. Вместе с тетрадочкой с полными объяснениями: какая карта что значит, как читать комбинации. Правда, не всегда получается, – объявила она, изучая разложенные на столе карты, и досадливо смешала колоду.

– Мы твой подвал уже сто раз переворошили. Не было там никаких карт! И тетрадки не было!

– Раньше не было, а потом появились, – равнодушно обронила Ирка. – Почерк в тетрадке тот же, что и в книге с заговорами. Бабушки покойной, Елизаветы Григорьевны.

– Потрясная дама была твоя бабушка, – мечтательно протянула Танька. – Что еще в твоем подвале со временем всплывет?

Ирка не разделяла энтузиазма подруги. Когда из всех твоих родственников зрима и материальна лишь старая скандалистка-бабка, мама смылась в Германию, об отце вообще ничего неизвестно, зато его мать, вторая твоя бабушка, которая вроде бы умерла… что не мешает ей периодически подавать мистические сигналы, да еще готовить для Ирки некую загадочную миссию, от которой знающие люди советуют бежать как от огня… Так вот, в таком случае ты не будешь сильно радоваться, обнаружив в своем ведьмовском подвале совершенно новый, но явно магический предмет. Но и отказаться от него тоже не сможешь. Ирка покосилась на зажатую в руке колоду.

Иващенко влетел в кабинет, потрясая фотографией.

– Нашел! Уже боялся, что все майору отдал!

Он торжествующе шлепнул фотографию на стол перед Иркой. Иващенко и его компаньона сфотографировали на каком-то

официальном мероприятии: оба восседали за длинным столом, перед ними лежали папки с документами, в руках ручки. Ирка вгляделась в лицо пропавшего компаньона. Пожилой темноволосый мужчина, все еще крепкий, даже спортивный. Высокий, с залысинами лоб, умные глаза. Все это вместе производило бы приятное впечатление, если бы не брюзгливый рот, недовольная складка возле губ, выражение вечной обиды на лице.

– Такое впечатление, что весь мир ему должен. Сто рублей копейками, – неодобрительно прокомментировала Танька, тоже внимательно разглядывающая пропавшего иващенковского партнера.

– Ты будешь искать? – неожиданно предложила Ирка.

– Я? Я думала, ты сама… – испуганно отшатнулась Танька, но тут же взяла себя в руки. – А почему бы и нет? Могу! – заявила она воинственно и грозно покосилась на скривившегося Богдана.

– А я что? Я ничего! Я молчу! – пожал плечами парень и выжидательно уставился на Таньку.

Девчонка фыркнула, взяла зеркало и торжественно водрузила его на стол перед собой. Нервно откашлялась. Попыталась как можно величественнее возложить руки на раму, но зеркало оказалось маловато и особой величественности не получилось, пальцы соскользнули с узкого ободка. Богдан ехидно хихикнул. Ирка немедленно заехала вредному мальчишке кулаком в бок.

Танькина спина дрогнула, но девчонка не обернулась. Она полностью сосредоточилась на прозрачной зеркальной глади и зашептала заговор. В зеркале что-то заколыхалось. Пару мгновений Танька сосредоточенно вглядывалась в изображение. Потом раздраженным жестом смахнула его со стекла и… снова начала бормотать. Зеркало опять вспыхнуло, показывая картинку. Но Танька казалась недовольной. Она покрепче вцепилась в пластиковую рамку и вперилась в стекло так настойчиво, словно хотела увидеть нечто, лежащее дальше, позади изображения. Пот тек по ее лицу, она все бубнила и бубнила заговор, все громче и громче, наклонялась к стеклу все ближе и ближе… И вдруг со злым вскриком оттолкнула зеркало прочь.

– Что?! – вскочила напуганная Ирка.

– Ничего! – рявкнула взбешенная Танька. – Ровным счетом ни-че-го! Стенка!

– Какая еще стенка? – опешила Ирка.

– Крашеная. Бледная пастель, – неимоверным усилием беря себя в руки, сообщила Танька. – Объект сидит возле стены. И смотрит на точно такую же стену. И все! Ни где он находится, ни какие у него планы! Ничего!

– Великая ведьма Танька стенку разглядела! Достижение! – издевательски фыркнул Богдан. – Ничего-то ты не можешь!

– Ну кое-что все-таки могу! – Танька угрожающе развернулась к Богдану. Глаза ее пылали темными болотными огнями.

Всеми забытый Иващенко громко откашлялся.

– Хоть ведьмы, хоть не ведьмы, а свяжись с детьми, пожалеешь! Вы работать будете или отношения выяснять? – Он выжидательно уставился на Ирку.

– Давай, Ирка, покажи класс, – потребовал Богдан, на всякий случай отступая подальше от Таньки.

Ирка гневно сжала губы. Похоже, Богдан, пока ее с подругой не поссорит, не успокоится! Но та, кажется, вовсе не собиралась обижаться. Наоборот, подтолкнула Ирку к зеркалу.

– С толкиенутым я потом разберусь, – прошипела она. – У меня не получается, давай сама! Нанялись – надо работать.

– Говорила я, не стоило влезать, – так же тихо буркнула Ирка и ухватилась за зеркало. Машинально шепча давно знакомые слова заговора, она вгляделась в стекло. Покачала головой. Всмотрелась снова. Брови ее недоуменно поползли вверх.

– Ну что, что ты там видишь? – нетерпеливо спросил Иващенко.

Ирка еще минуту молча разглядывала представшую ей картину и наконец подняла на бизнесмена глаза.

– Ничего, – ровным голосом сообщила она. – Стенка. Крашеная.

Глава 5. Когти прочь от сисадмина

Лицо Иващенко стало кислым, будто он уксусу глотнул.

– И что теперь? – разочарованно протянул он.

– С первого раза может и не выйти! Дело-то серьезное! – скрывая разочарование и неуверенность за авторитетным тоном, заявила Танька. – Надо осмотреться, разобраться, подумать…

– Ага, мне все так говорили: и безопасники, и майор, и хакеры. Теперь вы еще, – не скрывая крайнего недовольства, пробурчал Иващенко. – До сих пор только деньги тянут, а найти никого не в состоянии.

– Мы от вас пока что никаких денег не видели! – возмутилась Танька. – Если вас ваши майоры-хакеры подвели, нечего на нас сваливать! Мы вам не какие-то там, мы настоящие ведьмы! Вот мы сейчас…

– Домой пойдем, – перебила ее Ирка и решительно вскочила. – Очень жаль, что не смогли вам помочь, Владимир Георгиевич.

– Но мы сможем! – запротестовала Танька.

Ирка метнула на подругу яростный взгляд.

– С зеркалом не вышло, значит, все. С самого начала затея была полной ерундой. Давайте завязывать.

– Что значит – завязывать? – вмешался в разговор Иващенко. Выражение лица бизнесмена стремительно менялось. Танькины оправдания он слушал с брюзгливой миной, дескать, давай-давай, уговаривай меня, а я послушаю. Но стоило Ирке заявить, что они уходят, как брюзгливость сменилась растерянностью пополам со злостью. Он просверлил девчонку гневным взглядом. – Куда это вы собрались? Чуть что не вышло, так сразу в кусты! Вы мне помочь обещали! Даже договор свой колдовской составили! Извольте выполнять!

– Но вы же видите, ничего у нас не получилось, – вдруг заявила Танька, голос ее стал ласковый-ласковый, масленый-масленый. – Ира права! Не стоит нам больше отнимать ваше время, тем более, вы считаете, мы ваши деньги тянем… А между прочим, немедленного результата никто не обещал. Сам к нам пришел, а сам не доверяет, а так работать невозможно… – обиженно бормоча себе под нос, Танька повернулась к выходу.

– Стойте! – рявкнул Иващенко. – Ладно, все: вы правы, я не прав. Я с ведьмами раньше не работал, как у вас принято – не знаю. Готов довериться профессионалам. Тем более что другого выхода у меня все равно нет, – безнадежно признал он. – Делайте, что считаете нужным. Только делайте, ради бога, а не то я

пропал! Вы осмотреться хотели? Давайте я вам корпорацию покажу!

Танька покачала головой.

– Неплохо бы, но странно выглядеть будет. Вы же сказали, что в курьеры нас нанимаете. Глава корпорации не может лично устраивать экскурсию для каких-то курьеров.

Иващенко задумчиво покивал:

– А кто может? Главам отделов вас доверять тоже нельзя, вы тогда не мои деньги искать будете, а от их вопросов отбиваться. – Лицо его просветлело. – Знаю, кто вас поводит! Все равно ведь ни черта не делает! И с вопросами тоже не полезет, такой пофигист, ни до чего дела нет. – Иващенко схватился за внутренний телефон, набрал номер. Послушал долгие гудки в трубке и раздраженно брякнул ее на рычаг. – Где вечно шляется! – Он сорвался с места и выскочил в приемную. Ребята слышали его громкий недовольный голос – бизнесмен давал указания секретарше.

Довольная Танька лихо прищелкнула пальцами.

– Молодец, Ирка! Если б я стала его уговаривать, он бы нас точно выставил. Или оплату срезал. А как ты уходить собралась, так сразу: работайте-работайте! Классно ты его раскрутила!

– Я никого не собиралась раскручивать! – сквозь зубы процедила Ирка. – Я не хочу тут осматриваться! И работать тоже! Мне с самого начала вся затея не нравилась, а теперь тем более! Раньше мы хоть на зеркало рассчитывали, а сейчас? Сидит этот самый компаньон возле стенки, а где эта стенка, ты знаешь? Ведь никаких особенностей, никаких опознавательных знаков, ничего! Как будем искать?

– По ходу дела сообразим! – бодро объявила Танька. – Ну не отказываться же от таких денег из-за одной неудачи!

– Вот именно что отказываться! – взвилась Ирка. – Не знаем, как сделать дело, так хоть не будем морочить человеку голову! По крайней мере, честно! Короче, ты как хочешь, а мы с Богданом пошли! – Она обернулась к мальчишке. Ну вот, настал-таки его звездный час, желанная возможность поставить Таньку на место.

Но Богдан повел себя странно. Поерзал в кресле, повздыхал, лицо его исказилось самым настоящим страданием. Наконец с трудом выдавил:

– Не пойду. С ней останусь, – он покосился на Таньку с искренним отвращением. Встретил полный изумления взгляд, демонстративно отвернулся и тут же буквально накинулся на Ирку: – Я вот слушаю вас и вообще не понимаю! Как будто это ты тут дочка миллионера, а не она! Танька могла бы сидеть, задравши ножки, и ни черта не делать! Все любящий папочка

принесет на блюдечке с голубой каемочкой. А она ничего, как нормальный человек, сама зарабатывать хочет. А ты вроде с детства работаешь, а ведешь себя как балованное дитятко. От самого маленького усилия убегаешь. А я, чтоб ты знала, не миллионерский ребенок, как некоторые, мне родители райскую жизнь не гарантировали.

– Да твои родители ради тебя что угодно сделают! – вяло огрызнулась ошеломленная Ирка.

– Да! – агрессивно возопил Богдан. – А я ради них, может, тоже хочу! Чтоб им полегче было!

– Ты для родителей, а я для кого? – уже почти жалобно переспросила Ирка.

– Сама решай! – отрезал Богдан. – А то только ноешь, себя жалеешь, а делать ничего не делаешь.

– Не наезжай на нее! – вмешалась Танька так же вяло. Неожиданная поддержка ввергла ее в ступор, и она поспешила снова задраться с Богданом. Так привычнее.

Ирка насупилась. Прекрасно! Богдан с Танькой, значит, трудовые пчелки, им есть ради кого денежки зарабатывать. А ей не для кого, ясно? У нее никого нет! Вот разве что сами Танька и Богдан. И бабка последнее время что-то покашливать стала, ее бы в санаторий, а путевки дорогущие… Ирка вздохнула. Ну ладно, эта парочка твердо решила подзаработать, а вот кто придумает, как иващенковские миллионы отыскать?

Дверь в очередной раз распахнулась – вернулся Иващенко. А за ним лениво, нога за ногу, тащился пацан. Ирка присмотрелась. Нет, пацаном его уже не назвать. Но и парнем тоже рановато. Так, серединка на половинку, не ребенок и не взрослый, нечто непонятное, затянутое в потертые джинсы и синюю джинсовую рубашку.

– Вот, – сказал Иващенко демонстрируя странного субъекта. – Знакомьтесь – Серега. Он вас всюду поводит, – бизнесмен оглянулся на своего спутника. – Ребятам надо территорию как следует осмотреть. – Иващенко осекся и тут же торопливо пояснил: – Курьеры должны хорошо знать компанию. Чтоб знали, куда бумаги относить.

Серега небрежно перекинул жвачку от щеки к щеке и высокомерно прочавкал:

– Я вам че, нянька? – Он пытался говорить басом, но неизменно срывался на тонкий фальцет. – У меня своя работа есть!

– Видел я твою работу: шарик по экрану гонять. Хоть бы игру покруче выбрал, убогий, – отрезал Иващенко. – Делай, что говорят, или проваливай. Домой, к мамочке. Вы с ним построже, –

доверительно сообщил он Ирке. – Мешать станет – гоните вон. Ходить можете куда хотите. Я вам сейчас универсальный ключ дам, он все двери в компании открывает. – Иващенко полез в сейф и вытащил оттуда пластиковую карточку. – С ним даже внешний турникет разблокировать можно. Правда, охрана все равно остановит, они там день и ночь дежурят.

– Зачем нам ключ? Мы и без ключа… – Танька высокомерно задрала подбородок, но Ирка тут же ткнула ее кулаком в спину, и подруга осеклась. Секунду подумала и согласно кивнула: – Правильно, нужен ключ. Для конспирации, – шепнула она Ирке.

Ирка тяжко вздохнула. Не наигралась еще Танька, любой заговор в радость, даже на открытие запоров, который приходится на собственной крови делать. Ничего, вот исколет себе пальцы до живого мяса, перестанет от ключей отказываться. Ирка взяла пластиковый прямоугольничек.

– Все двери открывает? А у вашего компаньона такой был? – тихо спросила она Иващенко.

– А как же. Один у него, второй у меня, а это третий, запасной.

– Ладно, хватит тут болтать, – процедил Серега и, шаркая разболтанными летними туфлями, погреб к двери. – Пошли.

Ребята двинулись следом. Мимо сгорающей от любопытства секретарши выбрались в коридор. Ирка в нерешительности остановилась. Она понятия не имела, что делать дальше. Она категорически, абсолютно не верила, что можно вот так взять и заработать безумную сумму в полмиллиона долларов. Но друзья твердо решили не отказываться от денег, да и самой Ирке не хотелось чувствовать себя маленькой дурочкой, ожидающей, что все блага жизни сами собой свалятся на голову. Она огляделась, мучительно прикидывая, что здесь, в корпорации, могло бы помочь им в поисках пропавших миллионов.

– Значит, так, Серега… – начала она.

– Кому Серега, а для вас, мелочь, уважаемый Сергей Петрович, – отрезал Серега.

– Кем уважаемый? – немедленно окрысился Богдан.

– Да уж тебя-то я как-нибудь научу меня уважать. Думаете, если генеральный сказал, так я, взрослый дядька, позволю всякой детворе собой командовать?! – грозно взревел Серега. Точнее, попытался взреветь, потому что голос сорвался и последнюю фразу юноша почти провизжал. Будто щенок, которому наступили на лапу.

Танька захихикала:

– Тебе сколько лет, взрослый дядька? В десятом классе, наверное? Или в одиннадцатый перешел?

– Я студент! – оскорбленно вскинулся Серега. – Первый курс! – И уже тише добавил: – Поступил в этом году. Здесь, в компьютерном отделе, подрабатываю, младшим программистом, между прочим! Навязались на мою голову, так будете слушаться! Быстренько разбились на пары…

– Все трое? – невинно осведомилась Танька.

Ирка почувствовала, что начинает заводиться. Серегины амбиции были не к месту и не ко времени, а тут еще Танька решила поприкалываться. А надо думать, как иващенковский заказ выполнить. Раз уж взялись.

Серега тем временем налился злостью так, что аж щеки раздулись, превращая его во вполне современного, в джинсах и майке, синьора Помидора.

– Умничать дома будешь, – сообщил он Таньке. – Я сказал, построились. – Мгновение подумал и добавил: – В затылок. Что встала, за ним становись! – и он пихнул Таньку, заставляя ее стать следом за Богданом. – А тебе особое приглашение требуется? – обернулся он к Ирке. – Марш на свое место! А ключ сюда давай, он тебе не игрушка!

Иркино бешенство достигло пиковой точки. Все сложилось одно к одному: обещанные громадные деньги, которые не столько привлекали, сколько пугали, колдовское расследование, за которое непонятно, с какой стороны браться, и от которого ее друзья ни в какую не хотели отказываться. А тут еще этот первоклассник, то есть первокурсник, командовать пытается! Надоел!

Именно в этот момент Серега, видя, что Ирка не торопится отдавать ему универсальный ключ, протянул руку, собираясь просто-напросто вытащить пластиковый прямоугольник у девчонки из кармана.

…Ее глаза снова перестали различать цвета, будто в ней, как в телевизоре, отключилась шкала цветности и остались лишь белый и черный. Но зато окружающий мир обрел необыкновенную ясность – Ирка видела любое, самое крохотное, пятнышко на стене, каждую выщербленку в полу. Тысячи новых, никогда не слышанных звуков плеснули в уши, а движения приобрели невероятную стремительность. Ей казалось, что Серегина рука движется бесконечно, изматывающе медленно. Зато волна неистового гнева охватила ее мгновенно, наполняя рот вязкой горькой слюной.

– Совсем сдурел? Будешь у меня по карманам лазить?! – рыкнула Ирка. Обеими руками она со всей силы толкнула Серегу к стенке. Сразу не отскочила, боясь сопротивления: он все-таки достаточно здоровый. Так и осталась стоять, обеими руками

приперев незадачливого программиста к пластиковой европанели коридора.

Медленно поставив переднюю лапу на горло человеку, она с любопытством слушала, как тот захрипел. Здоровенная, казавшаяся Ирке угольно-черной капля набухала у него под кадыком, наливалась, словно ягода соком, и, наконец оторвавшись, скатилась вниз, в ямочку ключицы, расплылась по футболке.

«Кровь…» – отстраненно, словно не о себе, а о ком-то чужом, подумал Серега и перевел глаза вниз, где огромная лапа, впиваясь когтями, медленно погружалась в податливое человеческое горло. Между прочим, его собственное.

Лицо Сереги, в Иркином бесцветном мире и без того выглядевшее бледным, побелело еще больше, стало трупным. Глаза распахнулись широко-широко, будто хотели удрать из глазниц, куда подальше от невыносимого зрелища. Губы зашлепали. Серега хотел закричать, но не смог. Голоса не было.

Что могло его так напугать? Ирка бросила взгляд на свою руку – и оцепенела. Поняла – что. Ирка ощутила, как под тонкой Серегиной кожей испуганно трепещет жилка. И тут же почувствовала, что и сама дрожит так же испуганно. На мгновение у нее мелькнула надежда, что это вот, когтистое, вовсе не ее рука, а чья-то чужая, чья угодно, лишь бы не ее! Но надежда была напрасной. Каждый когтище украшала роспись в японском стиле, сделанная гелевой ручкой.

– Ты… Пусти… Пусти!!! – Голос вернулся к Сереге, он отчаянно завопил, рванулся прочь, чуть не распоров самому себе горло об Иркины когти. К счастью для него, девчонка успела разжать пальцы. Ее наманикюренные когти сверкнули в белесом свете коридорных ламп. Она спрятала руки за спину…

Трясущийся Серега отскочил прочь, натолкнулся на Богдана… Мальчишка немедленно отпихнул его к Таньке.

– Сбрендил! Чего мечешься? – вскричала Танька, когда одуревший от ужаса парень слепо наткнулся на нее. И испуганно смолкла. Шея и подбородок Сереги были словно обмотаны красным платком. Тонкая ниточка крови сползла на грудь, скользнула за ворот рубахи…

– Я умираю! Истекаю кровью! – прохрипел Серега, хватаясь руками за горло.

– Не голоси! – велела Танька. Властной рукой она взяла Серегу за подбородок и вздернула голову. При этом старательно делала вид, будто не слышит, как Ирка лихорадочно бормочет заговор на затворение крови.

Танька провела ладонью Сереге по шее. Парень истошно

заверещал. Обалдевшая девчонка увидела, как на Серегином горле стремительно исчезают четыре ровные длинные царапины – словно след от удара лапы большого хищника.

– Ну, что орешь? – старательно сохраняя безразлично-презрительный тон, процедила Танька. – Ничего нет!

– Как это ничего?! Да она мне горло чуть не разорвала! Это все она! Она сделала! У нее… У нее когти! – дрожащий Серегин палец уперся в Ирку.

– Да что ты говоришь! – Танька решительно обошла перепуганного Серегу. – Ну и где? – преодолевая Иркино сопротивление, она взяла подругу за руку.

Закусив губу, Ирка с трудом сдержалась, чтоб не завопить. Сейчас Танька увидит, сейчас…

– Где когти, тебя спрашиваю, ненормальный? – переспросила Танька.

Ирка невольно покосилась на свою руку. Никаких когтей! Обычные ногти. Вон, на большом пальце лак уже чуть-чуть облупился. Знакомая гелевая роспись. Ой, а лак-то синий! Она снова видела цвета. Зато безумный калейдоскоп новых звуков стих, словно бы у нее в голове плотно захлопнулась дверь, отрезая непривычные шумы и шорохи.

– Так, хватит! То нас строит, то сам дурака валяет! – накинулась на Серегу Танька. – Сам небось прыщик разодрал, когда брился!

– Ничего я не разодрал, – отбивался Серега. – Я еще не бреюсь!

Танькина физиономия стала ехидной:

– Так ты еще маленький? А туда же, раскомандовался! Много о себе понимаешь! Делай, что тебе шеф велел, а то живо отсюда вылетишь! Хочешь проверить?

– Но у нее и правда были когти, – жалобно протянул Серега. Все взрослые понты крутого сотрудника крутой компании слетели с него, будто унесенные порывом ветра. Сейчас он казался всего лишь перепуганным ребенком и время от времени косился на Иркины руки.

– Раз когти, значит, смотри, чтоб не задрала, – отрезала Танька. – Хватит стоять, пойдем!

Неуверенно, спотыкаясь на ровном месте, Серега двинулся вдоль коридора. Ребята пошли за ним.

– Что это такое было? – шепнула Танька, когда Ирка поравнялась с ней. – Морок навела?

Ирка лишь молча покачала головой. Ее все еще трясло от пережитого ужаса. Она бы и сама хотела знать, что произошло. И если это был морок, как она умудрилась заморочить и саму себя?

Глава 6. Инсталляция ведьм

– Новые курьеры. Наши новые курьеры. Знакомятся с территорией, – старательно бормотал Серега в ответ на любопытствующие взгляды сотрудников.

Они шли длинными коридорами, поднимались и спускались по бесконечным лестницам, заглядывали в светлые офисы, полные людей, которые то ли и впрямь были безумно заняты, то ли старательно делали вид. Ирку ни на мгновение не оставляло ощущение, что, может, сотрудники вправду работают, а вот их компания – она, Танька и Богдан – просто мается дурью. Спрашивается, чего слоняются? Рассчитывают найти сбежавшего компаньона под столом в компьютерном зале? Или застукать его в очереди за пирожками? Мужик небось давно на Кипре, а они тут глазеют, создают впечатление бурной деятельности.

– В конференц-зал пойдем? – устало спросила Ирка, приоткрывая дверь. Ребята оглядели длинный стол, ряды стульев вдоль стен. Явно и безнадежно пусто, заходить сюда не имело смысла.

– Ладно, пошли дальше, – не дождавшись ответа, вздохнула Ирка.

– А все, – злорадно сообщил Серега. Он еще раз свернул, и перед ребятами открылся уже знакомый просторный холл, пропускной пункт и увешанная коллекционным оружием стена. – Мы все здание обошли, больше здесь ничего нет! Еще во дворе вольер с собаками…

Ирка поморщилась.

– …и котельная, – закончил Серега. – Котельную осматривать будете?

– Будем, наверное, – протянула Танька. Она еще бодрилась, хотя уже сама отлично понимала, что путешествие по офисам оказалось совершенно бессмысленным.

– Слушай, подождет твоя котельная! – буркнул Богдан, сияющими глазами вглядываясь в оружие на стене. – Дай хоть минутку посмотреть! – и решительно направился в сторону коллекции.

– Эй-эй, пацан, куда собрался? – встревоженный охранник выскочил из своей стеклянной будки.

– Мне генеральный разрешил, – через плечо бросил Богдан. – Можете позвонить, проверить.

– Ну что за дела! Мальку какому-то разрешил, а мне обещал руки поотрывать, если только дотронусь! – пробормотал Серега, завистливо глядя, как пальцы Богдана медленно, ласкающими

движениями касались то сабельного клинка, то шпажной гарды.

– Ух ты, турецкий, с двумя клинками! – восторженно воскликнул мальчишка и, не выдержав, сдернул с креплений кинжал. Из единой рукояти в разные стороны торчали два изогнутых лезвия.

– А ну положи! Он же наточенный! Без пальцев останешься! – вскричал охранник. – Это тебе не игрушка, с ним обращаться надо уметь.

– Уметь? – переспросил Богдан и улыбнулся тихой мечтательной улыбкой. Сдвоенный кинжал в его пальцах крутанулся и… завертелся быстро-быстро, его клинки слились, превратившись в сверкающий смертоносный пропеллер. Словно сам собой пропеллер перелетел из правой руки в левую, снова в правую. Богдан резко выбросил руку вперед, и кинжал замер, грозно ощетинившись лезвиями.

Серега лишь удивленно присвистнул. А охранник поглядел на Богдана внимательно и, заблокировав турникет, тоже направился к стене.

– А так можешь? – Он сдернул со стены длинный охотничий нож, и тяжелый клинок запорхал у него в руках, снуя между пальцами, проскальзывая лезвием вдоль запястья, впечатываясь в ладонь тяжелой рукоятью.

Богдан лишь усмехнулся. Его клинок взлетел, завертелся, упал точно в подставленную ладонь, снова перелетел из руки в руку, лихо крутанулся вокруг запястья…

– А это видал? – возбужденно спросил охранник, показывая на двуручник. – Новое приобретение! Представляешь, в Карпатах шеф нашел, чуть ли не в деревенском сарае валялся! Такой меч! Наверное, какому-нибудь польскому рыцарю принадлежал, как в том фильме про Богдана Хмельницкого, «Огнем и мечом»! Там еще такой пан Потбипятка был, он двуручником три головы за раз снес. Этим мечом можно рыцаря в полном доспехе от макушки до седла развалить!

Пальцы Богдана благоговейно сомкнулись на рукояти.

– Мне такой и не поднять, – прошептал он.

– Мне тоже, – буркнул Серега, с завистью косясь на прикипевшего к мечу Богдана.

– Тебе и не надо! – отрезал охранник. – Ты даже если поднимешь, сам себе ноги отрубишь на фиг! Тут понимающий человек нужен. Полосы темные вдоль клинка видишь? – он снова переключился на Богдана. – Это от проковки…

– Ну все, нашли общий язык. Теперь надолго, – Танька дернула подругу за руку. – Пока они тут балдеют, пошли в компаньонов кабинет залезем. Без свидетелей.

– Зачем? – пожала плечами Ирка. – Все равно никаких идей.

– У тебя никаких, а у меня вагон! Ну, по крайней мере, одна. – И, воровато оглянувшись на увлеченных оружием мужчин, Танька скользнула обратно в коридор. Ирке ничего не оставалось, как последовать за ней.

У двери с надписью «Заместитель генерального директора» Танька остановилась, сунула универсальный ключ в щель. Замок щелкнул, девчонки осторожно скользнули внутрь. Замерли, чутко прислушиваясь. Где-то в отдалении почудился легкий шорох. То ли мышь пробежала (интересно, у них в корпорации есть мыши?), то ли просто сквозняк. Все стихло.

– Так что за идея? – спросила Ирка.

– Она у меня давно бродила, но только сейчас как следует проклюнулась. – Танька взялась за голову, словно та была огромным яйцом, а мысль – птенцом. – Что мы с тобой впились в этот поиск через зеркало, будто других заговоров нет? Помнишь, в тетрадке твоей бабушки написано: о человеке можно многое узнать, если допросить принадлежащую ему вещь!

Ирка нахмурилась, припоминая. Действительно, такой заговор был, но что толку? Им ведь деньги нужно найти, а не выяснить, что собой представляет сбежавший компаньон. И так ясно – довольно паршивый человечишко.

– Как ты не понимаешь! Вещи очень много о людях знают! Не только что они делают, но и что у них на уме! Если удачно подобрать вещь, такую, какой человек часто пользовался, можно узнать его планы! Повезет, выясним, где он собирался скрыться после кражи!

– Тогда нам нужна его шляпа, она ближе всего к голове! – пробормотала Ирка. Все-таки башка у Таньки варит, идея вполне может сработать!

Ирка с любопытством огляделась по сторонам, прикидывая, что бы могло пригодиться для заговора. В отличие от кабинета Иващенко, здесь не было никаких антикварных штук, все просто и голо. Канцелярский стол, неизменный компьютер, пластиковые стеллажи с папками, пара кресел. Никаких безделушек, фотографий в рамочках, личных вещей.

– Либо он все прибрал перед бегством, – хмыкнула Ирка, – либо был очень странным человеком.

– Ничего подходящего! – откликнулась Танька. – Такая классная идея пропадает!

– Почему пропадает? Вот этим-то он точно часто пользовался, – и Ирка кивком указала на искомую вещь.

– Компьютер? Ты предлагаешь допросить его комп? Да ты что? Ни одна ведьма никогда не пыталась пообщаться с

электронной техникой! – похоже, Танька всерьез испугалась.

Ирка лишь пожала плечами:

– Ну и что? Они не пытались, а мы попробуем. Нам-то точно все равно, мы с тобой этот заговор ни разу не клали, так какая разница, с чего начинать? Пусть будет компьютер. Деньги-то он через компьютер перевел, наверняка через этот самый. Вдруг сумеем увидеть, куда он их дел? Или компьютер нам новый код выдаст. Ну так что, будем пентаграмму чертить?

Через пять минут ползания по полу с линейкой и надсадного пыхтения они сумели вычертить вполне ровный пятиугольник. Мела в столе не нашлось, пришлось воспользоваться ярко-красным маркером, и теперь Ирку слегка беспокоила мысль, не влетит ли им за испорченный ламинат. Но заговор следовало опробовать немедленно, пока сомнения не подточили решимость. Девчонки водрузили компьютер посреди пентаграммы.

– Включать будем? – спросила Танька.

Ирка задумалась.

– Выключенный компьютер – это не компьютер, – наконец решила она. – Будем.

Они воткнули вилку в розетку и замерли в нерешительности.

– Кажется, вещь нужно в руки брать, – пробормотала Ирка. – А что брать, сам компьютер или монитор? Или просто мышку?

– Лучше всего соединительный порт, – неожиданно решила Танька и ткнула кончиками пальцев в пустой USB-порт. – А ты давай обычным порядком, через мышку и экран. Подстрахуешь меня.

– Может, наоборот? – засомневалась Ирка. – Ты в компьютерах получше разбираешься.

– Вот именно, – подтвердила Танька. – Если получится, я хоть пойму, что он рассказывает. Ладно, не тяни. Делать так делать.

Ирка нажала кнопку. Компьютер тихо загудел, разогреваясь. Обе ведьмы склонили головы и дружно забормотали: «На подвиреньку свитленька стоить, в тий свитлоньци тысови столы, а по тих столах гарни речи лежать, а ти речи майстер робив, а ти речи господарю служылы, господаря доглядалы, за господарем пидглядалы…»

Экран засветился. Таньку словно сильно дернули за руку. Она вскрикнула. Ей показалось, что стенка системного блока вдруг дрогнула, подалась… и ее пальцы легко скользнули в порт соединения, словно именно для них он и был предназначен. Девчонка невольно попыталась вытащить руку…

– Ирка! – почему-то шепотом сказала она. – Меня внутрь втянуло и не выпускает.

– Надпись появилась, – тоже шепотом ответила Ирка. –

«Обнаружено новое устройство».

– Серьезно? – Танька перегнулась через монитор, заглянула в экран. – С ума сойти! – Она покосилась на свои вросшие в порт пальцы.

– Слушай, давай прекратим! – взмолилась Ирка. – Что-то мне не нравится все это! Ну его к черту, Иващенко и его миллионы!

– Его миллионы – пожалуйста, а нашу половинку – уж извините, – решительно отрезала Танька. – Работаем дальше.

Они склонили головы, и речитатив полился вновь: «Ричь добра, ричь гарна, все мени розкажи, про господаря розповисы, що я хочу знаты, що я маю чуты…»

Компьютер загудел громче. Очередная надпись сообщила, что «ведется тестирование нового устройства». Танька снова вскрикнула. Ее глаза распахнулись широко-широко…

– Ирка, он меня… Он меня тестирует!

Танька чувствовала, как нечто совершенно иное, непостижимое заглядывает в ее голову, как порой с улицы можно заглянуть в распахнутое окно первого этажа. А потом это иное принялось листать ее, словно книгу, проглядывая каждую строчку и что-то копируя в себя. Одновременно в саму Таньку хлынула новая информация. Танька не понимала ничего из того, что ей сообщал компьютер. Информация скользила, обтекая сознание и впечатываясь прямо в память.

«Необходимо установить драйвер. Продолжить установку?»

– Танька, давай прервем установку. В смысле, заговор! – взмолилась Ирка.

– Незачем. Пока никаких проблем. – Танька пыталась говорить твердо, но голос у нее невольно дрожал.

– Вот именно что пока… – заспорила Ирка, но подруга не дала ей договорить.

Вновь перегнувшись через монитор, она просто стиснула Иркину руку на мышке, заставляя нажать клавишу. Пальцы сомкнулись, стрелка курсора коснулась кнопки «Далее».

Рамочка с длинной бесцветной полоской развернулась вдоль экрана и стала постепенно прокрашиваться синим, а под ней цифры процентов принялись неспешно сменять друг друга – пошла установка. И тогда Танька закричала в третий раз. Дикий крик отразился от стен и выплеснулся в коридор.

Что-то вторгалось в ее мозг, властно распихивая во все стороны ее собственные воспоминания и мысли и по-хозяйски располагаясь в памяти и сознании. А все, что изначально было в ней самой, грустное и радостное, страшное и смешное – ее ведьмовсто, вечное желание похудеть, дружба с Иркой, ссоры с Богданом и то, что они с родителями неделю назад вернулись с

моря, – все словно бы удвоилось, создало свою копию. И эта копия рванула прочь, мучительно и болезненно выдираясь из сознания. В мозгу растягивались, утончались и с гулким стеклянистым звоном лопались связующие нити. Танька попыталась удержать свою копию при себе, но то, что тянуло прочь, было сильнее. Копия неумолимо ускользала. Танька отчаянно застонала:

– Ирка! Ирка!

– Все, все, отключаю! – завопила насмерть перепуганная подруга и ухватилась за мышку.

Но прежде, чем она успела щелкнуть клавишей, установка вдруг прекратилась сама собой. Цифры перестали мелькать. Компьютер будто задумался. И тут же у Ирки дух захватило от ужаса. Посреди экрана светилась надпись: «Обнаружено новое устройство». Мышка мягко подалась под Иркиными пальцами, и девчонка увидела, как ее ладонь медленно, словно в болото, погружается в пластик, сливается с ним, и вот уже она внутри по самое запястье…

– Да что ж это такое! – истошно взвизгнув, Ирка рванулась прочь. Провод натянулся, дернулся, но мышь держала крепко, не позволяя бежать. – Даже мышь на меня окрысилась!

Первые прикосновения чего-то чуждого легко коснулись разума.

Подруги заорали в два голоса.

Громко шмякнув об стену, распахнулась дверь.

– Вы что на всю компанию верещите? – гаркнул Богдан. – Ох, ни фига себе! Ирка, а чего это у тебя на руке?

– Выключи! – завопила Ирка. – Выключи его немедленно!

– Кого? – обалдело переспросил Богдан.

– Компьютер! Он нас сейчас… инсталлирует! – выкрикнула Танька. В голове ее полыхнул взрыв невыносимой боли: ее копия оторвалась от оригинала.

– Не хочу на диск С, не хочу, – взвизгнула Ирка, увидев очередную надпись на компьютере. Она принялась лихорадочно лупить по кнопке отключения. При каждом ударе компьютер тихо попискивал, но… не отключался.

– Завис! – обрадованно вскинулась Ирка. В глазах ее засветилась надежда… и тут же погасла.

Компьютер в очередной раз пискнул, хрюкнул, деловито загудел и затребовал драйвер для нового устройства. Ирка видела, как Танька в очередной раз безуспешно попыталась вырваться из плена компьютерного порта, а потом тихо и безнадежно заплакала. Так плачет щенок с перебитой лапкой, по глупости угодивший в капкан на матерого волка-лобана.

– Да сделай же что-нибудь, Богдан! – неистово заорала Ирка, вновь ощутив чуждое прикосновение к своему разуму. Девчонка почувствовала, что ее сейчас стошнит, настолько мерзким показалось ей осторожное касание.

Очнувшийся Богдан стряхнул с себя оцепенение и прыгнул. К розетке, из которой торчал провод компьютера.

Его прыжок оборвался влет. Всем телом мальчишка ударился в невидимую преграду.

Танька бессильно закрыла глаза и упала возле компьютера на колени.

– Пентаграмма! – чуть слышно прохрипела она. – Пока колдовство действует… Никого в себя не впустит!

У самого края вычерченного красным маркером пятиугольника бился о прозрачную стену Богдан, изо всех сил пытаясь добраться до компьютерного шнура.

– Вот вы где! – в дверь просунулась Серегина физиономия. Привычное раздражение и недовольство жизнью на его лице сменилось тяжелым недоумением, когда он увидел пентаграмму на полу, Таньку, поникшую у компьютера, Богдана, бьющегося в невидимую стену. И тут же недоумение уступило место торжеству – его взгляд упал на Ирку, у которой вместо запястья теперь была компьютерная мышка. – Я знал, что у нее с руками что-то не то! А вы говорите, прыщик!

– Ты! – взревел Богдан, прекратив биться о непреодолимые грани пентаграммы. – Ты-то мне и нужен! Где у вас рубильник? Или щиток? Ну что-нибудь, в этой комнате электричество вырубить? Скорее, а то девчонки совсем пропадут!

Серега поглядел на Богдана, на девчонок, а потом на его губах расцвела насмешливая улыбочка:

– Совсем-совсем? Как интересно! – протянул он и расслабленно привалился к дверному косяку. – Только вот не пойму, с чего бы им пропадать? Может, ты преувеличиваешь, а, мальчик? А я из-за твоих детских страхов свет отключу, а у нас это не одобряют. Зачем мне неприятности?

– Чего ты хочешь? – сквозь сцепленные зубы пробурчал Богдан, косясь на изнемогающих девчонок. Танька, кажется, вообще была в обмороке. Ирка еще пыталась бороться, но набравший обороты компьютер не обращал на ее потуги никакого внимания.

– Ну-у… – неспешно протянул Серега. – Для начала пусть вот она, – он указал на Ирку, – признается, что меня подрала, изувечила и вообще хотела убить! Публично! Свидетелей я сейчас приведу…

Богдан понял, что это конец. Пока Серега будет бегать за

своими свидетелями, чертова машина (никогда Богдан этим самым компьютерам не доверял!) сделает с девчонками что-нибудь страшное. Оставался последний, крайний способ. Не хочет Серега рычажок повернуть – ладно! В конце концов, мало что может устоять против доброго клинка! Богдан рванул из-за пояса двухлезвийный кинжал.

Двойной клинок льдисто сверкнул у Сереги перед глазами. Парень хрюкнул, будто подавился. Мальчишка с ножичком вдруг круто развернулся на каблуках. Прыгнул к стене… Отточенное до немыслимой остроты лезвие с хрустом вошло в гипсокартон и прошило стену насквозь в районе розетки. Словно сумасшедший, Богдан накинулся на стену. Он рубил ее как одержимый, раз за разом, пока в развороченной стене не увидел узел переплетенных электропроводов.

– Айа-а!!! – коротко вскрикнул мальчишка и с размаху рубанул по кабелю.

Из стены полыхнуло ярким фейерверком искр. Удар тока швырнул Богдана об пол, кинжал отлетел в сторону.

Изображение на экране монитора будто сложилось, стиснутое подступившей тьмой, и погасло. Тихое гудение смолкло. Компьютер погас. Из соседних офисов послышались возмущенные крики сотрудников и надрывный писк источников бесперебойного питания.

Глава 7. Бег по следу

– Хорошо, что ручка с кожаной оплеткой, – пробормотал Богдан, приподымаясь. – А то б совсем мне хана! Умели делать в старину! – Он благодарно погладил почерневший клинок, но тут же отдернул руку. Кинжал дымился.

Бесчувственная Танька рухнула рядом с компьютером. Пальцы на ее руке распухли и налились красным. Ирка задумчиво посмотрела на свою исцарапанную руку и обломки пластика – остатки компьютерной мышки. Громко топая, мимо пробежал Богдан. Ирка проводила парня изумленным взглядом: несся он прямиком к Таньке. Подхватив девчонку под мышки, выволок ее из пентаграммы, прислонил к стене и похлопал по щекам.

– Тань, Танечка, ну ты чего, а? – жалобно бормотал он. Подхватившись, рванул к холодильнику в углу, вытащил здоровенную бутыль минералки, отвернул крышку, обдав шипучей струей себя и все вокруг. Принялся тыкать горлышком бутылки Таньке в губы. Вода плюхала через край, заливая футболку. Девчонка вдруг отчаянно раскашлялась и оттолкнула бутыль прочь. Глухо хлюпнув, сосуд ляпнулся рядом, булькающими толчками вода полилась через горлышко, окатив Танькины джинсы. Одним прыжком девчонка вскочила.

– Что ты меня поливаешь, я тебе не цветочек! – заорала она.

– Это точно! – тут же подтвердил Богдан. Страдальческого выражения на его лице как не бывало. – Цветочки – они легкие, изящные, не то что некоторые! Я пока тебя дотащил, думал, руки оборвутся! Весишь ты, наверное, целый центнер!

– Да ты… Да я… Да я всего сорок килограмм вешу! – вскричала Танька.

Ирка лениво подумала, что подруга заливает. Сорок кило весит она сама, а подружка все-таки потолще будет. Тут ноги у Ирки подломились, и она бессильно рухнула на четвереньки.

Стоять так оказалось необычайно удобно. Мир приобрел нормальную, привычную устойчивость, исчезло головокружение, звон в ушах и муть перед глазами. От слабости не осталось и следа, наоборот, мышцы налились силой. Ирка и не подозревала, что может чувствовать себя такой сильной и здоровой. Она ощущала каждую жилочку в своем теле, и все это вместе дарило ощущение мощи. Все вокруг стало отчетливым и… опять бесцветным.

Именно этот момент выбрал Серега, чтобы открыть рот.

– Имущество компании портите? – завопил он, указывая на раскуроченную стену и смолкший компьютер. – Пол зарисовали,

воду разлили! Вот сейчас генерального вызову! Заодно расскажешь ему, кто тебе разрешил кинжал со стенки снять!

Богдан неловко переступил с ноги на ногу и покраснел:

– Я бы обратно повесил, честное слово! Перед уходом повесил бы! Я ж с территории ничего не выносил! Это только пока мы тут… Полюбоваться.

– Службе безопасности расскажешь! – злорадно объявил Серега. – Во народ! Если бы двуручник поднять смог, небось тоже уволок бы!

Богдан покраснел еще сильнее: похоже, противный Серега попал в точку. А Ирка обозлилась. Будут тут шантажисты всякие на ее друга наезжать!

Она задрала голову, разглядывая Серегу снизу вверх. И парень вдруг испуганно осекся и попятился. А Ирка неторопливо двинулась к нему. Как была, на четвереньках. Подняться на две ноги желания не возникало: неожиданно оказалось, что на четырех она движется быстрее, прямо стелется над полом. Только вот странное поцокивание слегка смущало, Ирка никак не могла понять, откуда оно исходит.

– Так в чем ты хотел, чтоб я призналась, да еще при свидетелях? – поинтересовалась она, останавливаясь напротив Сереги. (Цоканье стихло. Странно.) – Что я тебя подрала? Изувечила? Зачем же быть голословной! Я сейчас доказательства оставлю. Наглядные.

Согнув локти, Ирка почти припала к полу. Ее верхняя губа зловеще приподнялась… Из горла вырвался глухой рык. И в такт этому рыку заорал Серега. Пронзительный вопль вырвался у него из груди, парень развернулся и длинными заячьими скачками сиганул вдоль коридора. Ирка разочарованно чихнула: сама виновата, надо было не разговаривать, по вечной людской привычке, а сразу хватать за уши или горло да лупить оземь, чтоб лапы врозь и дух вон! А теперь что ж – удрал. Догнать, конечно, не фокус, но закладываться за такой паршивой дичью – только портить репутацию охотницы. Ирка гордо развернулась, даже хотела в знак своего крайнего презрения поскрести вслед беглецу задней лапой… когда вдруг увидела уставившиеся на нее две пары совершенно безумных глаз.

Одинаково вжавшись в стену, Богдан и Танька крепко держались за руки. И глядели на Ирку.

– Вы что? – рыкнула она на них.

Богдан лишь молча сглотнул. А Танька дрожащим голосом поинтересовалась:

– Ирка-а… Ты какой зубной пастой пользуешься?

– Сдалась тебе моя паста? – опешила Ирка… и тут поймала

свое отражение в темном экране компьютера. Лицо как лицо, все вроде обычно… Только вот зубы… Из-под приподнятой верхней губы ярко сверкала пара крепких, острых клыков!

Девчонка с размаху уселась на собственные пятки.

– Овампириваюсь, что ли? – Она запустила палец за щеку и принялась ощупывать зубы. Зубы как зубы, ничего странного. Ирка наклонилась низко-низко, почти водя носом по темному монитору, и до предела растянула губы. Клыков не было. То есть обычные, слабенькие человеческие клычки никуда не делись, а вот те, жутковатые, исчезли без следа. Да и были ли?

Ирка задумчиво склонила голову набок. И тут же напрочь позабыла о клыках, о перепуганном Сереге, обо всем.

– Танька! Богдан! Посмотрите! Тут на клавиатуре что-то есть, – тихо позвала она.

Все еще с опаской поглядывая на Ирку, Танька подошла и уставилась на клавиатуру.

– Кнопки, пыли немножко… – принялась перечислять.

– Ну как же ты не видишь! – перебила Ирка. Для нее клавиатура походила на многослойное желе. Сверху тоненький-тоненький, такой знакомый слойчик – сама Ирка, ее безуспешная попытка с помощью колдовства допросить компьютер. Ниже был второй, такой же тонкий, и тоже знакомый. Ирка безошибочно знала, что принадлежит он Сереге. Младший программист наверняка трогал компьютер начальства. А дальше, густой, будто кисель, лежал основной слой. Сама не понимая почему, Ирка была совершенно убеждена, что это след исчезнувшего компаньона. И этот след был везде! Будто стеклом, он покрывал стол, похожий на толстую подушку, лежал на кресле, прятался по углам кабинета, струился вдоль подоконника, тянулся по стенам и исчезал под дверью. Сильный, мощный и свежий. Ирка аж завертелась от возбуждения, слабо поскуливая и почему-то ввергая Таньку и Богдана в полный ступор.

– Компаньон! Он здесь, здесь и там! Он тут всюду был! И ушел за дверь! – отрывисто бросила Ирка.

– Ничего не вижу! – глядя на подругу расширенными глазами, пробормотала Танька.

И тут до Ирки дошло, что столь явственный след она тоже не видит. И не слышит. Она воспринимала его как-то по-другому, хотя совершенно не могла понять – как именно. Но это и не важно. Главное, что след все-таки был, а значит, по нему можно идти.

– Ребята, не знаю, как я это чувствую, но наш беглый компаньон за собой четкий след оставил. Надо поглядеть, куда он тянется, вдруг поймем хоть что-то, – наскоро пояснила Ирка и

заторопилась к двери. – Ну что застыли, пошли! – прикрикнула она на замешкавшихся друзей.

– Ты что, так и в коридор выйдешь? – со смущенным смешком спросила Танька.

Ирка опустила голову, оценивая свой прикид, потом заглянула сама себе через плечо.

– А что, я плохо одета? – недовольно поинтересовалась она. – Так сказала бы сразу, когда из дома выходили!

– Ты нормально одета, – проникновенно сообщила Танька. – Только вот понимаешь… Ты на четвереньках ходишь.

Ирка вновь внимательно оглядела саму себя, покраснела и быстро вскочила на ноги.

– Да, конечно… Что это я… Как-то так… – неловко забормотала она. Стоять на двух ногах казалось неудобным, сразу навалились усталость и слабость. Да и след был внизу, у самого пола, чтобы ощутить его, приходилось все время наклоняться.

Стараясь не оглядываться на притихших друзей, Ирка выбралась в коридор. На пороге кабинета след беглого компаньона походил уже не на желе, а на перепутавшуюся кучу макарон. Сплетаясь в густую сеть, линии тянулись то из коридора в кабинет, то из кабинета в коридор, и было их бесконечно много. Ирка присела рядом на корточки и задумалась. Наконец поняла: некоторые из линий были старше, они словно выцвели, размылись. Оставленные позже казались насыщенней. Ирка выбрала самую густую – она тянулась как раз из кабинета в коридор. Под Танькиным настороженным взглядом преодолев желание снова встать на четвереньки, Ирка двинулась за линией.

Троица опять кружила по корпорации. След плутал по коридорам, иногда прерывался, но тут же находился вновь. Низко пригнувшись, Ирка мчалась по следу, друзья торопились за ней. Встретившиеся им сотрудники компании провожали их изумленными взглядами.

Ребята снова выбежали в холл. След пересекал его насквозь, нырял под турникет и скрывался за ним. Не глядя по сторонам, Ирка рванула туда.

– Девочка, нельзя без пропуска! – в очередной раз завопил охранник. – Да что это за дети навязались на мою голову! – турникет лязгнул, чуть не отхватив Ирке нос.

Не вдаваясь в долгие объяснения, девчонка выхватила из кармана универсальный ключ, на бегу чиркнула им по прорези. Турникет открылся. Не отрываясь от следа, Ирка побежала к застекленному выходу.

– Вас не пущу! – разорялся позади охранник. Танька что-то ему отвечала, но он продолжал орать: – Куда сматываться?

Украли чего? И подружку свою верните! Эй, ты, немедленно назад, я твоих товарищей поймал!

– Мы не воры, не смейте нас обвинять! А еще оружием интересуется! – послышался возмущенный вопль Богдана.

Ирка понимала, что надо бы вернуться, но след манил за собой, звал, сулил… добычу. То есть разгадку, конечно. Ничего, сейчас она быстренько во всем разберется и обратно! Пригнувшись, чтобы не потерять след, Ирка припустила быстрей.

– Сто-ой! – закричал охранник.

След тянулся сквозь застекленный вход. Ирка вдруг почуяла, что там, прямо за прозрачными дверями, ее поджидает кто-то нужный, важный, знакомый. В том, который за дверью, было нечто бесконечно родное. Изо всей силы она толкнула створку… и въехала головой в чей-то твердый как доска живот. Пуговица полицейского мундира оцарапала Ирке лоб. Человек глухо хекнул и крепко ухватил девчонку под локти. Приподнял так, что ее глаза оказались как раз на уровне действительно знакомого лица.

– Куда разогналась, сестренка? – глухо проворчал полицейский майор и усмехнулся своей волчьей усмешкой. – Думаешь, Ментовский Вовкулака способен такой четкий след прогавить? Я его унюхал, как только здешний генеральный меня нанял. А толку-то?

Глава 8. О чем говорят собаки

Сзади послышался топот ботинок.

– Хорошо, что вы ее задержали, майор! – Охранник налетел сзади, ухватил Ирку за плечо.

Продолжая держать девчонку на весу, майор аккуратно вынул ее плечо из-под руки охранника, бережно водрузил Ирку на пол и даже одернул на ней рубашку.

– Не задержал, а придержал, чтоб глупостей не наделала! – нравоучительно пояснил он охраннику. – Ты приятелей-то ее отпусти. – Ментовский Вовкулака кивнул на застрявших за турникетом Таньку и Богдана. – Пусть сюда идут, мне с ними потолковать надо.

– Без подписанного пропуска нельзя, – все еще сопротивлялся охранник.

– С полицией всюду можно, полиция сама по себе пропуск, – авторитетно пояснил майор. – Давай, давай, отпирай.

– Но вы их точно знаете? – почти жалобно вопросил охранник, когда Танька и Богдан, гордо задрав носы, прошествовали мимо.

– Девчонок еще как знаю, – согласно кивнул майор. – А вот пацана впервые вижу, – было в его словах, а точнее в тоне, нечто чрезвычайно оскорбительное. Словно бы старый оборотень разом отсек себя и ведьм от обыкновенного мальчишки, случайно затесавшегося в их необыкновенную компанию. Богдан обиженно засопел. Но самое интересное было то, что и Танька обиделась на майора.

– Богдан здухач! – хоть и шепотом, чтоб не услышал измученный тревогой и любопытством охранник, однако очень горячо объявила она.

– Ух ты! – Ментовский Вовкулака покосился на Богдана с уважением. – Воин сновидений? Наш человек! А ты какой здухач – меченосец?

– Н-не знаю, наверное… – протянул Богдан. – А какие бывают?

– От человека зависит, – пожал плечами оборотень. – Я одного здухача знал, он в своей дневной жизни рыбалку очень уважал. Так когда из тела выходил и на герц отправлялся, в смысле, на дело, нечисть всякую пакостную гонять, он веслом орудовал. Здоровенное такое веслище…

Продолжая рассказывать, майор прошел сквозь стеклянную дверь и ткнул пальцем в землю.

– Вот он, твой след, обрывается, – сообщил майор Ирке. –

Здесь наш подозреваемый в такси сел и исчез, растворился. Бегство он готовил заранее, я хоть и неофициально расследование веду, а кое-что выяснил. Он сразу три билета заказал, на разные рейсы: в Вену, в Тель-Авив и во Франкфурт. И ни одним не воспользовался. Видно, как-то по-тихому сдернул, может, машиной.

– Границу нигде не пересекал. Во всяком случае, по своему паспорту, – вдруг неживым, каким-то механическим голосом заявила Танька.

– Откуда знаешь? – вперился в нее майор.

Танька поднесла дрожащие руки к голове:

– У меня в памяти записано.

– Неужели компьютер сказал? – охнула Ирка.

Танька кивнула:

– Пока мы заговор читали, я все время думала, каким образом компаньон сбежал и где он может сейчас быть. Похоже, при обмене данными компьютер автоматически ответил на запрос и записал эту информацию мне в память!

– Что он еще записал? – Ментовский Вовкулака не очень понимал, о чем болтают юные ведьмы, но он был прежде всего сыщиком, а уж потом оборотнем и привык с ходу выхватывать сведения, полезные для следствия.

– Не знаю, – растерянно протянула Танька. – У меня и это само всплыло, когда вы сказали, что компаньон смылся.

– А ты еще со мной поговори. Глядишь, еще что всплывет, – ласково предложил майор.

– С чего вдруг? – подозрительно прищурилась Танька. – Вы свое расследование уже провели и ничего не нашли. Теперь Иващенко нас нанял, мы уж как-нибудь сами разберемся.

– Современные дети – это что-то! – покачал головой майор. – Ты им жизнь спасаешь, и вот такая благодарность! Да если б не я, вы бы сейчас в желудках у песиголовцев разбирались!

Опасливо покосившись на Ирку – вдруг подругу обуяет очередной приступ бескорыстного благородства, – Танька пошла во встречную атаку:

– Это современные взрослые – что-то! Так и норовят на детском труде подзаработать! А в тот раз мы вас поблагодарили. Кто вам толпу бандюков сдал? Вас, кажется, на подполковника представили?

– Да они с меня чуть шкуру не сняли, бандюки ваши! И представление на подполковника пока еще только в министерство пошло, – буркнул майор.

На Ирку вдруг разом навалилась усталость. Почему-то она была уверена, что обнаруженный ею след сразу же приведет к

сбежавшему компаньону и можно будет наконец закончить дело! А оказалось, что след и без нее давно нашли, и никуда он не ведет, и снова все надо начинать с начала, конца краю их колдовскому расследованию не видно. А тут еще майор появился. По-хорошему, так надо бы с ним вместе работать, а не конкуренцию тут устраивать, а теперь Вовкулака наверняка на них обиделся. Но если Ирка сейчас предложит ему сотрудничество, обидится Танька. Опять скажет, что Ирка как балованное дитятко, не хочет сама о себе позаботиться. Как ни поверни, все плохо!

– А второй след куда ведет? – спросила Ирка, пытаясь разрядить ситуацию.

– Какой еще второй? – удивился майор.

– Да вот этот! – Ирка ткнула в еще одну, прерывистую, словно бы пунктирную линию, тянущуюся из пустоты (видно, здесь пропавший компаньон вылез из машины) и вновь ныряющую в двери корпорации. – Который обратно ведет!

– Обратно? – Майор нагнулся, раздул ноздри, будто собрался втянуть в себя мелкую пыль на бетонных плитах у входа. – Нет тут никакого обратного следа!

– Как же нет, а это что? – Ирка тоже нагнулась и… черно-белый мир вдруг вновь полыхнул многоцветием красок, зато очертания окружающих предметов утратили свою необыкновенную ясность. А следы исчезли, будто их и не было. И первый, четкий, ведущий прочь от корпорации, и второй, пунктирный, который то ли и вправду был, то ли привиделся уставшей Ирке.

– Верно, нет, – согласилась Ирка. – Я на картах нашему беглецу еще одну, позднюю дорогу выкинула, вот теперь она мне всюду и мерещится. Я вообще не очень понимаю, чем я этот самый след воспринимаю. Не глазами, не ушами…

Вовкулака снисходительно поглядел на Ирку и усмехнулся:

– Молодая. Сама себя не знаешь. Нюхом ты его чуешь, сестренка, нюхом, чем же еще!

Ирка растерянно коснулась кончиком пальца своего носа – нюх-то тут при чем? И вдруг поняла. Неужели майор хочет сказать, что след, за которым она шла все время, неведомо как принимая и воспринимая его, – это запах? Но запахи же совсем не такие! Они не бывают такими плотными, почти осязаемыми, такими четкими и определенными, будто бы ты их видишь! Запах, гадость какая! Она что, с ума сошла, совершенно незнакомого сбежавшего дядьку нюхать? Распахся тут, понимаешь, на все здание! Приличные люди дезодорантом пользуются!

Все происходящее Ирке категорически не нравилось.

Следовало признать, что здесь, в стенах иващенковской корпорации, с нею стало происходить нечто крайне странное. А в чем дело – в самой Ирке или в затеянном ими расследовании, – разбираться не хотелось. И денег шальных не хотелось тоже: ни раньше, ни сейчас. Хотелось немедленно отправиться домой, завалиться в кровать и продрыхнуть часов до десяти утра. В конце концов, надо же ей хоть изредка высыпаться, а то бабка со своим огородом и рынком совсем замучила за каникулы, вот и мерещится всякая чушь. Ей-богу, скорей бы школа началась, лишь бы от полевых работ избавиться.

– Народ, а может, хватит на сегодня, а? – преувеличенно бодрым тоном предложила Ирка. – Пошли по домам, поздно уже. – Она покосилась на часы и удивилась. Оказалось, что они и вправду проторчали в компании невесть сколько времени. День давным-давно перевалил за половину.

– Куда пошли, мы же еще ничего толком не узнали! – вскинулась Танька. – И неизвестно, попадем сюда завтра или нет!

Ирка была уверена, что очень даже известно – не попадут. Если только у нее получится, она тихо спустит на тормозах все расследование, с самого начала казавшееся глупым и безнадежным.

– Но мы же кое-что выяснили, ну пусть немножечко, но выяснили, а если мы еще чуть-чуть повыясняем… – Танька чуть не плакала. Похоже, она догадалась, что Ирка намеревается слинять, и понимала, что после целого дня, потраченного впустую, удержать подругу не удастся.

Выяснили они! Ну что они там выяснили! Компьютер Таньке рассказал, что беглый компаньон границы не пересекал! Это по своему паспорту, а по чужому? Что, Танька не понимает: если компаньон заранее готовился к бегству, так мог и фальшивые документы себе подготовить. Да все она понимает! Вот подруга перестала бормотать и тяжко вздохнула, смиряясь. Сумасшедшие тысячи долларов делали им ручкой, но как тут прикажешь быть? С розыском удравшего партнера лучше всего должен был справиться майор-оборотень – но и он на сей раз провалился. С поиском украденных через компьютер денег должны разбираться хакеры – но и они ничего не нашли. Так с чего их троица, пусть и наделенная особыми способностями, решила, что сможет переплюнуть профессионалов? Колдовство, конечно, сила, но надо же и соображение иметь. Ирка решительно кивнула, соглашаясь с собственными благоразумными мыслями.

– Все, уходим, – твердо объявила она. – Ничего больше мы не узнаем, у них рабочий день скоро закончится. С Владимиром Георгиевичем только попрощаемся, а то неприлично выйдет.

– Вот и я так же с этим делом: копался, копался и обломался. Какой-то хитрый финт мужик придумал, просто так и не разгадаешь, – задумчиво кивнул майор. – А ведь наверняка кто-то что-то видел, кто-то что-то знает… Но молчат! – Похоже, майору и жаль было, что ведьмы не сумели раскрыть тайну пропавшего компаньона, и радостно, что его не обошли в любимом деле. Если Ментовский Вовкулака не может, так и никто не сможет. – Пошли, я вас к кабинету Иващенко через двор проведу, короче выйдет.

Они снова миновали турникет и охранника – тот проводил посетителей измученным, безнадежным взглядом, явно прикидывая, каких еще проблем ожидать от невесть откуда взявшейся троицы. Но вместо того чтоб тащиться длинными коридорами к кабинету генерального директора, майор вывел ребят к неприметной дверце. Они оказались в ухоженном круглом дворике. Посреди тянулась решетка вольера. С десяток огромных, мохнатых, сомлевших от жары кавказских овчарок, бессильно свесив розовые тряпочки языков, валялись по вольеру. Неторопливо приподняли тяжелые лобастые головы, лениво поглядели на шагающую мимо компанию.

В спину Ирке подул легкий ветерок. И словно сдул охватившую собак лень. Кавказцы разом вскочили. От их благостного добродушия не осталось и следа. Разъяренные, бешено рычащие дьяволы всем немалым весом бросались на сетку вольера. Сетка дрожала и прогибалась. Танька испуганно ойкнула.

– Это они меня учуяли, – перекрикивая заполонивший все пространство яростный рык, проорал Ментовский Вовкулака. Улыбнулся, демонстрируя псам жутковатый оскал, и остановился у самой решетки, такой близкий к псам и такой недоступный.

Разъяренные кавказцы принялись биться о вольер с удвоенной силой.

– Давайте, давайте, – насмешливо подбодрил их майор. – Хоть лопните от злости, только все равно вы в клетке, а я на воле! У-у, морды кавказской национальности! – Он запрокинул голову и издал тихий, но явственный вой, в котором были издевка, презрение и вызов волка псам.

Собаки озверели окончательно, они уже не рычали, а хрипели.

Ирка схватила майора за руку:

– Что вы их дразните, стыдно! Вы ж все-таки человек!

Один пес перестал безуспешно прыгать на пружинящую сетку и коротко, хрипло залаял.

Ирка мгновенно и яростно развернулась к нему.

– С кем хочу, с тем и дружу! – и она демонстративно взяла майора под руку. – А у вас хвост не дорос, замечания мне делать!

И тут же увидела, как огромный, только что бешено яривший пес испугался. Наклонил лобастую голову и вроде как присел в униженном реверансе, заправляя хвост между задними ногами.

– Что это он раскланялся? – спросил Богдан.

– Поза покорности, – отрезала все еще рассерженная Ирка. Каждый пес тут на нее лаять будет! Совсем соображение потеряли! – У собак так принято, если признаешь, что другой сильнее.

– А ты, похоже, знаешь, как у них принято? – с интересом глядя на подругу, спросила Танька. – И вообще по-собачьи понимаешь?

– Я? – Ирка недоуменно уставилась на Таньку, а потом медленно постучала согнутым пальцем себе по лбу. – Ты что, совсем? Я не могу понимать по-собачьи, потому что собаки не разговаривают!

И она через весь двор направилась к противоположной двери в здание. Похоже, утраченные иващенковские денежки сильно ударили Таньке в голову. Придумала тоже – взаимопонимание между Иркой и собаками! Да она псов-ярчуков, охотников за ведьмами, до сих пор без дрожи вспомнить не может, а уж людоеды-песиголовцы чего стоят! Нет, для Ирки хуже собаки зверя нет!

Сквозь дверцу у лестницы она вошла внутрь. После освещенного августовским солнцем двора коридор показался даже темноватым. Ирка быстро заморгала. А когда глаза привыкли к белесому свету галогенных ламп, девчонке показалось, что вход в иващенковскую приемную приобрел новое украшение. Но тут две неподвижные фигуры шевельнулись и тут же потеряли сходство со статуями, зато неожиданно стали походить на столь нелюбимых Иркой собак. Во всяком случае, выражение лиц у них было точно как у псов, подкараулivших добычу. А добычей они явно считали Ирку и ее друзей.

Глава 9. Пляшите! Вам письмо

– Дети, как мы рады, что отыскали вас! – в унисон вскричали обе дамы: одна постарше, высокая и сухощавая, вторая помоложе, очень изящная.

Смолкли, словно бы сказали все, что хотели, и принялись разглядывать ребят. Было в их взглядах нечто настолько неприятное, что Богдан и Танька мгновенно вынырнули у Ирки из-за спины и встали рядом. Плечом к плечу. А майор гулко откашлялся и галантно сообщил:

– Дамы, если вы уже закончили радоваться, то полиция просила бы пропустить детишек к господину Иващенко.

Но дам, в отличие от охранника у входа, упоминание полиции не смутило.

– В стенах нашей корпорации полиция может просить, когда является с официальным документом, – заявила сухощавая с вежливостью настолько приторной, что уже граничившей с хамством. – А нам нужно детишек кое о чем расспросить, прежде чем они отправятся к Владимиру Георгиевичу. Верно, Агата Станиславовна? – поинтересовалась она у изящной красотки.

Та в ответ закивала:

– Безусловно, неплохо бы сперва побеседовать. Что ж вы, дети, разве не знаете: устраиваясь на работу, нельзя игнорировать своего начальника, не то никакая дружба с генеральным не поможет. А курьерскую службу у нас возглавляет Марина Петровна.

Теперь Ирка их узнала. Она видела парочку утром, когда они только пришли в корпорацию. Точно, сухощавая Марина Петровна сказала, что командует курьерами, и все пыталась забрать ребят у Иващенко, тот их еле отбил. А изящная красотка с вычурным именем Агата Станиславовна…

– Она имиджем компании занимается, – тихо, едва слышно подсказала Танька. – Доказывает всем, какая их корпорация замечательная.

– А ей-то что от нас надо? – пробурчала Ирка.

Неизвестно, услышала ли ее Агата Станиславовна, но ответила она незамедлительно. Воровато оглянулась на иващенковскую приемную и двинулась на ребят, тесня их в глубь коридора, подальше от спасительной двери.

– Вот сейчас зайдем в кабинет к Марине Петровне, побеседуем, – ласково пела она, и от ее слов становилось очень не по себе, будто их не в кабинет на беседу приглашали, а в пещеру, к Змею Горынычу на съедение. Впечатление усугублялось хищно-

расчетливыми взглядами, которые обе дамы бросали на загнанную в угол троицу.

Майор вновь вмешался:

– Да что ж вы их запугиваете, дамочки! Детей нельзя допрашивать в отсутствие родителей, это я вам авторитетно заявляю!

– Допрашивать, боже мой! Что за глупости вы говорите, господин майор! – бурно возмутилась Марина Петровна. Слишком бурно, чтоб в ее возмущение можно было поверить. – Мы просто хотим выяснить, как дети выполняют свои обязанности, не позорят ли они курьерскую службу!

– Не подрывают ли репутацию компании! – подхватила Агата Станиславовна, окончательно прижимая ребят к стене. – Какие письма вам передал Владимир Георгиевич? – она остро глянула Ирке в лицо.

Ошеломленная ее напором девчонка могла только хлопать глазами и молчать.

– Ведь он же взял вас курьерами, значит, вы разносите какие-то письма, бумаги, документы? – быстро спрашивала Агата Станиславовна, и ее красивое холеное лицо исказилось тревожным нетерпением.

– Почему в моем отделе о них ничего неизвестно? Что за секреты? – подхватила Марина Петровна. – У Владимира Георгиевича не должно быть от нас секретов! То есть у него и нет никаких секретов от глав отделов, понимаете, дети?

– Кому вы эти письма относите? Показывайте, ну! – Агата Станиславовна притопнула элегантной туфелькой.

Ирка лихорадочно соображала. Ведь можно же было взять у Иващенко парочку бумажек, будто бы они и вправду разносят по корпорации почту! Но сам генеральный директор, видно, не предполагал, что парочка его местных «ведьм» может вот так накинуться на ведьм приглашенных. И что теперь делать? Сказать, что никаких писем они не разносят? Ведь не поверят, по лицам видно! Дамочки не отстанут, пока не выяснят, какие такие секреты хозяин пускает мимо них. И майор тут не поможет.

Стараясь потянуть время, Ирка сунула руку в карман. Два прохладных прямоугольника плотной гладкой бумаги скользнули ей навстречу! Бабушкины карты! Вроде был какой-то подходящий заговор… Ирка не все слова помнила точно. Что-то там «побачено», что-то «отрымано», «не пысано, але ж чытано». Ладно, на ходу досочинит, лишь бы ритм соблюсти. Как же начать…

«Не гадано – та побачено (вроде верно! Или нет?). Не бажано – та отрымано (кажется, здесь было по-другому, но пусть будет так, все равно ведь в тетрадку заговоров не заглянешь!). Не

пысано, але ж чытано. Приглядайся, роздывляйся, чого сам боишься – жахайся… – (сильно много ужасов в тексте получилось!)». Однако заговор сработал. У Ирки в руках оказались два плотных белых конверта! И тут же нетерпеливая Агата Станиславовна выхватила их у девочки. Взглянула на адреса:

– Да это же нам! Они адресованы нам! – изумленно воскликнула она.

– Противные дети! Почему вы не доставили их раньше! Я так и знала, что вам нельзя доверять! – процедила Марина Петровна, хватая свой.

Острые наманикюренные ноготки вспороли бумагу, вытаскивая листки посланий. Обе дамы жадно вчитались в текст… Глаза расширились… А потом лица исказились одинаковыми гримасами ужаса.

– Он не мог… Он не мог узнать! – побелевшими губами прошептала Агата Станиславовна. – Не мог, нет! – душераздирающе закричала она.

Ей вторил такой же душераздирающий вопль Марины Петровны:

– Как он узнал? Как?

Обе дамы круто развернулись и, спотыкаясь на высоких каблуках, помчались к приемной Иващенко. Ребята и майор, не сговариваясь, понеслись за ними. Бешеная кавалькада проскакала мимо ошеломленной секретарши и вломилась в кабинет к Иващенко. Удивленный бизнесмен поднял голову.

– Это не я! Володенька, Владимир Георгиевич, господин Иващенко, это не я! – потрясая письмом, налетела на него красавица Агата. – Не знаю, откуда ты… то есть вы это взяли, но это не я, правда! Это не я звоню по телефону вашей девушке! Я ей никогда не звонила! И дрянью ее не называла, и не говорила, чтоб она убиралась из вашего дома!

– Это не я! – с другой стороны вопила Марина Петровна. – Это не я стерла на вашем компьютере письмо из правительства! Я вообще не трогала ваш компьютер! И мэра с днем рождения я поздравить не забыла!

– Вы забыли поздравить мэра? – растерянно переспросил Иващенко. И вдруг бешено взревел: – Мэра не поздравили с днем рождения?! Да вы соображаете… – он осекся. – Какое письмо из правительства? Откуда вы… – И перевел глаза на Агату. – Ты! Значит, это ты терроризируешь мою девушку? Из-за тебя она боится выходить на улицу?

Агата завопила нечто невразумительное про свою любовь то ли к компании, то ли к самому Иващенко, Марина Петровна тупо

повторяла, что это не она, что она не хотела… Ребята оказались на мгновение предоставлены сами себе.

– Охранник от нас шарахается, Серега в своем компьютерном отделе трясется от ужаса, собачки тоже, не говоря уж про этих… – Танька кивнула на дам у стола Иващенко. – Ничего не нашли, но зато страху на корпорацию нагнали…

– Страху? – вскинулась Ирка. – Страху! Я поняла! Я же переделала заговор! Случайно! Агата боялась, что Иващенко узнает про звонки, а Марина – что он выяснит про ее ошибки! Это они и прочитали в моих письмах. То, чего больше всего боялись! Говоришь, мы страху навели? Не-ет, это еще не страх! Вот сейчас будет настоящий страх! – будто ковбой пистолет, Ирка выхватила из кармана старую колоду карт. – Ты вроде хотела полмиллиона заработать? У нас еще есть шанс! Если хоть кто-то здесь знает про пропавшие деньги, он наверняка очень боится разоблачения! – И она пустила колоду веером. Яркие цветные картинки, легко порхая, покружились по кабинету и пестрой стайкой вылетели за дверь.

– За ними! – скомандовала Ирка.

Друзья ринулись в приемную. За столом, держа в руках распечатанный белый конверт, сидела секретарша и заливалась горючими слезами. При виде выглянувшего из кабинета Иващенко она вскочила и, уставившись на него мокрыми красными глазами, закричала:

– Не увольняйте меня, Владимир Георгиевич! Я же хорошо работаю!

– Так, с ней все ясно, – деловито сообщила Ирка и выхватила конверт из рук секретарши. – Владимир Георгиевич не собирается вас увольнять, правда, Владимир Георгиевич?

– Но письмо… – шмыгнула носом женщина.

– Не было никакого письма, – бубновая шестерка вернулась в карман Иркиных джинсов. – Письма отбираем обратно, все-таки это еще и бабушкины карты, – велела она и выдернула ручку из стаканчика на секретарском столе. – На, Танька, записывать будешь, а то мы в их страхах запутаемся.

Они выскочили в коридор. Сзади тяжело забухали ботинки, Ментовский Вовкулака мчался следом. Карты неслись вдоль коридора и по одной шныряли под двери отделов. И тут же внутри начинался ад.

– Я не теряла никаких накладных, не теряла, не теряла! – кричал визгливый женский голос. – Смотрите, ну смотрите же, у меня все записано!

– Не то! – сказала Ирка и метнулась к следующей двери. Та тут же распахнулась, крепко съездив Ирку по лбу.

Высокий мужчина в очень дорогом костюме выскочил из своего кабинета и прямиком ринулся к майору, потрясая вскрытым конвертом. В такт этому движению крупный рубин в его кольце разбрасывал вокруг себя темно-кровавые искры.

– Я бедный человек, господин майор! Я действительно не могу содержать детей! Ну и что же, что они мои – они мне не по средствам! В конце концов, они уже вполне взрослые: одному девять, второму тринадцать. Должны сами зарабатывать, а не сидеть на шее у несчастного, практически нищего отца! И я не понимаю, почему полиция поддерживает их вымогательства! Да, я не являюсь на судебные заседания, ну и что? Я очень занят, деньги зарабатываю тяжким трудом! И никаким детям их отдавать не собираюсь! Так почему меня ищут, почему преследуют?

Танька брезгливо скривилась. А она еще думала, что только Ирке так исключительно не повезло с родителями: избавились от ребенка, как от ненужной обузы, и все дела! И вот вам пожалуйста, точно такой же экземпляр! На мгновение ей стало нехорошо: она представила, как ее собственный, родной и любимый папа готов так же заискивающе ныть лишь для того, чтоб сэкономить деньги на своей дочери! И вдруг поймала на себе взгляд несчастного просителя.

Вцепившись в отвороты майорского мундира, мужчина продолжал канючить про отсутствие средств и подлых детей, жаждущих его обобрать. Лицо жалко морщилось… лишь глаза жили своей, совершенно отдельной жизнью. Цепко и внимательно они вглядывались поверх майорского плеча в троих друзей. Взгляд как бритвенное лезвие черканул по лицу Таньки, метнулся к Ирке и остановился на Богдане. Мальчишка невольно отшатнулся. Мужчина быстро отвел глаза. Просительно взглянул на майора и забормотал:

– Господин майор, а может, два небогатых человека смогут понять друг друга? – тон его стал доверительным. – У меня вот тут часы, настоящий «Ролекс», механические, ручная сборка, золотой корпус – и вы меня не видели! – Он быстро сунул часы майору в ладонь.

– Вы что? А его детям как, пропадать? – глядя на мужчину сузившимися от ненависти глазами, процедила Ирка. – Знаю я таких папаш! Только о себе, а ребенок, живой – мертвый, все равно! – В голосе Ирки слышалась давняя, привычная горечь.

– Правильная ты больно! – пробормотал майор, с сожалением поглядывая на шикарный «Ролекс». Покосился на Таньку, словно рассчитывал найти у нее поддержку, но девчонка только гневно фыркнула.

Майор вдруг взъярился:

– Нашу полицию часиками не купить! – он потряс часами под носом у мужчины. – А ну быстро руку сюда!

Мужчина протянул руку, но вместо золотого браслета часов на запястье у него щелкнул стальной браслет наручников. Второй браслет майор нацепил на трубу коридорной батареи.

– Ты, мужик, пока тут посиди, никуда не уходи. Повестку в суд вот-вот поднесут. А то тебя небось там уже все заждались: и жена, и детишки, и судья, – сообщил майор и, будто по небрежности уронив «Ролекс» в собственный карман, бросился догонять ребят.

– Странный мужик, – пробормотала Танька. – Смотрел на нас, как будто это мы его дети, мы у него родные и любимые денежки вымогаем.

Девчонки перебегали от одной коридорной двери к другой, вслушиваясь в доносящиеся из-за них крики. «Утюг выключить забыла!», «Коммунисты пришли к власти!», «Теща завтра приезжает!» и даже «Не хочу быть тумбочкой, не хочу, не хочу!»…

– Какие… экзотичные бывают у людей страхи! – прокомментировала Ирка и нехотя добавила: – Ничего мужик не странный. Обыкновенный. Ненавижу!

– Кого, того дядьку? – Танька кивнула через плечо, где, печально поникнув у батареи, сидел на полу так неудачно попавшийся жадный папаша.

– Таких, как он! – почти выкрикнула Ирка. – Как мой отец! Одинаковые, что тот, что этот! – она тоже кивнула на «узника батареи». – Если бы мой папуля хоть чуть-чуть, хоть капельку нами интересовался, может… может, и мама не считала бы, что ей со мной тяжело, что я ей мешаю! И не уехала бы в Германию! Как же я его ненавижу! Вот кого прибила бы с удовольствием!

– Ну это у тебя, допустим, не выйдет, сестренка! – процедил у нее за спиной Ментовский Вовкулака. Тон был странный, будто Иркины слова его рассердили, но и напугали одновременно. Причем напугали почти до дрожи. Как будто она ему вполне всерьез сообщила, что у нее под кроватью припрятана бомба и завтра она взорвет парламент вместе с буфетом, президентом и десятком иностранных послов. – Ты соображаешь, на кого хвост подымаешь? Ты ж Хортова кровь, а про отца такое…

Ирка на мгновение замерла. Ощущение было как от удара: резкого, нежданного. Потом она медленно повернулась к оборотню:

– Вы что, знаете его? – неверяще прошептала она.

– Ага, сперва гавкнем сдуру, потом начинаем в кусты отползать, – хмыкнул майор. – Кто ж старого Хорта не знает…

Закончить ему не удалось. Несколько карт одна за другой скользнули в дверь компьютерного зала. Тут же шарахнул многоголосый вопль программистов: «Новый вирус появился! Ни один антивирусник не берет!» И только один голос кричал совсем другое:

– Не переводил я ваших денег! Знать ничего не знаю! Не брал я ваши пятьдесят миллионов!

Глава 10. Охота за компьютерщиком

– Есть! – хищно выдохнула Танька. Она рывком распахнула дверь компьютерного зала и вдруг застыла в крайнем изумлении. – Ты глянь, кто тут у нас отозвался! Нет, ты только глянь!

Ирка шагнула в проем. Сгрудившиеся в кучку программисты лихорадочно ворошили попавшие к ним письма, щелкали мышками компьютеров, названивали куда-то по мобилкам: видно, искали средство против непобедимого вируса. И лишь один человек сидел, скорчившись в своем кресле и судорожно прижимая к груди белый конверт. Он испуганно зыркал по сторонам настороженными глазенками.

– Офигеть! – от потрясения Ирка даже про слова майора позабыла. – Вот он и замешан? Не может быть! Он же – во, как это дерево! – и она звучно постучала костяшками пальцев в дверной косяк, так что даже программисты оторвались от своих антивирусников и уставились на Ирку. А девчонка громко спросила: – Серега, это что же, выходит, ты из компьютера генерального деньги выкачал?

Оттолкнув кресло, парень поднялся: нелепый, тощий, несчастный, физиономия потерянная и какая-то совершенно детская, ну прям карапуз из песочницы. И вдруг…

– А-а-а! – заорал Серега и, низко нагнув голову, ринулся прямо на Ирку.

Девчонка глухо охнула, когда Серегина голова врезалась ей точно в живот. Тут же ее шарахнуло спиной об стену коридора.

Лихим регбистским ударом лишив Ирку возможности двигаться, Серега прыжком развернулся и мимо ошеломленного Богдана рванул вдоль коридора, повернул за угол… Только и слышно было, как часто-часто лупят в пол его разболтанные туфли.

Держась за сведенный болью живот, Ирка приподнялась.

– Ирка, ты как? Ты цела, Ирка? – наперебой спрашивали насмерть перепуганные Богдан и Танька.

Майор аккуратно отвел Иркины руки и сочувственно прокряхтел:

– Удар твердым тупым предметом в брюшную полость. Враз дух перешибает. – Его пальцы умело придавили девчонке живот. – Так больно?

– Больно – не больно… – просипела Ирка. Голос с трудом возвращался, будто силой пропихивался сквозь сжавшуюся диафрагму. – Что стали, ловите гада, уйдет!

– От меня? Шутишь! – вскинулся майор. Тяжелый десантный нож вылетел из вшитых в штанину ножен и вонзился в линолеум. Майор кувыркнулся, и вот уже вдоль коридора пронесся огромный волк. Разъезжаясь когтями по скользкому полу, свернул за поворот, и победный вой завидевшего добычу зверя заметался между стен. Отчаянно завизжала женщина…

– Он что, сдурел? А еще полицейский! Там же народу полно, увидят! – закричал Богдан.

– За ним! Как бы чего не вышло! – подхватила Ирка, шатаясь, поднялась на ноги, сделала шаг. Богдан с Танькой переглянулись, подхватили ее под руки, поволокли вдоль коридора.

– Что вы меня тащите, невменяемые! – вывернулась Ирка. – Лучше помоги, сними боль!

– Конечно! – Танька звучно хлопнула себя по лбу. – Тупица!

– Как всегда, – буркнул себе под нос Богдан.

Танька прижала ладонь к Иркиному животу, забормотала заговор. От ее пальцев потекло ласковое ровное тепло, возвращая дыхание. Глубоко вздохнув, Ирка распрямилась… И тут же рванула бегом. Туда, где рык мешался с паническими воплями и перепуганным визгом.

– Не волнуйся, майор его поймает! – на бегу прокричал Богдан.

Ребята тоже свернули за угол и тотчас поняли, что майор действительно поймал Серегу. Только вот толку от этого немного, потому что и сам майор попался.

Судя по разодранной одежде, младший программист успел познакомиться с когтями Ментовского Вовкулаки.

Серега сидел, вжавшись в дверь офиса, и жалобно причитал:

– Когти что, теперь у всех? Это что теперь, модно?

Время от времени он безнадежно стучал в дверь офиса кулаком. С другой стороны тоже слышался стук. Похоже, работники офиса, завидев несущегося по коридору волчину, благоразумно решили забаррикадироваться мебелью. Мебель была легкая, пластиковая, на полноценную баррикаду ее требовалось много.

Впрочем, можно было так и не стараться. Потому что перед офисной дверью и полуобморочным Серегой стояли две женщины. Холеная красавица в брючном костюме, вооруженная тяжеленной папкой, и бабка-уборщица в синем халате со шваброй наперевес. Вздыбив шерсть на загривке и грозно горбатя спину, волк переступил лапами и вдруг взвился в воздух, пытаясь перепрыгнуть и добраться до Сереги.

Удар шваброй пришелся точно в волчью морду.

– Не трожь парня, зверина! – рявкнула бабка.

Край папки съездил волка по хребту, а острый носок модельной туфельки воткнулся под ребра:

– Пшел вон, животное!

– Они его сейчас пришибут! – испуганно вскрикнула Танька, видя, как взлетает швабра, норовя раздробить рухнувшему оборотню голову. На заговоры не было времени, и девчонка просто властно гаркнула:

– Ко мне! А ну ко мне! – Волка словно дернуло за заднюю лапу. Проволокло по полу, одним махом выхватывая из-под удара. Швабра глухо тюкнула в пол.

– Это твоя собака, девочка? – тяжело дыша, поинтересовалась холеная дама.

Ментовский Вовкулака оскорбленно взвыл и пружинисто вскочил на ноги.

А женщина продолжала выговаривать Таньке:

– Такая опасная, чуть юношу не загрызла! Почему она без намордника?

Танька представила себе Ментовского Вовкулаку в парадной майорской, нет, лучше сразу полковничьей форме, фуражке – и намордник! Не выдержала, захохотала. И тут же огребла крепкий подзатыльник.

– Смешно ей! Нашла над чем смеяться! – злобно процедил знакомый голос. Мигом вернувшись в человеческий облик, майор поднялся с четверенек.

Дама помотала головой, будто муху отгоняла, и уставилась на оборотня широко распахнутыми глазами:

– Мужчина, вы откуда? А собачка где?

– Собачка! – лязгнул клыками майор. – Юноша ваш, который чуть не загрызенный, куда делся, вы, защитница?

Дама обернулась. Позади никого не было.

– Смотался, трус паршивый! – рявкнула Ирка. – Сейчас я его! А ну ко мне! – непонятно кому крикнула Ирка.

Впрочем, сразу же стало ясно – кому. Швабра вырвалась из рук уборщицы и легла Ирке в подставленную ладонь. Мазок полетного зелья по запястьям, и Ирка вскочила на щетку и взмыла к потолку. Одинаково зажмурившись и хватаясь за сердце, холеная дама и бабка-уборщица сползли по стене.

– Где он? – прокричала Ирка. – Ищи его, майор, ищи!

– Совсем меня за Жучку держат! – возмутился майор. – Одолжи ножик, пацан! – выхватив у Богдана из-за пояса двухлезвийный кинжал, майор кувыркнулся через него, и вот уже, припав носом к следу, громадный волк помчался в погоню.

Лихо гикнув, Ирка штопором ввинтилась в воздух… и погнала вслед за волком, ловко закладывая виражи на

коридорных поворотах.

– Весь пол ножами истыкали, – укоризненно покачал головой Богдан и бережно вытащил кинжал из линолеума. – Как-то мы неаккуратно со здешним имуществом.

– И вообще – чересчур много крику и беготни, – неожиданно согласилась Танька. – Вот чего за ним гнаться, спрашивается?

– А ты что предлагаешь, пускай сматывается? – воинственно вопросил Богдан. Даже если Танька была согласна с ним, то уж он с Танькой соглашаться никак не желал.

– Конечно, пускай, – опять невозмутимо согласилась Танька. – Далеко все равно не убежит. – И она вытряхнула в глубь коридора небольшой самодельный пакетик сушеной травы и пожелала: – Кольцом тебе дороженька, Серега!

– Чего мусоришь! – слабо вскинулась приоткрывшая один глаз уборщица. И тут же опять зажмурилась, потому что у Таньки за спиной послышался топот ног и свист рассекаемого воздуха.

Девчонка обернулась. Дорога кольцом неизбежно привела беглого программиста обратно к юной ведьме. Ошалевший парень мчался, не разбирая пути. Следом неслась Ирка на швабре и стлался громадный волк. Серега оглядывался на бегу, безумными глазами вглядывался в своих необыкновенных, невозможных преследователей, из горла его вырывался тоненький, отчаянный визг:

– Не бывает! Не верю! Ведьмы! Оборотни! А-а-а!

Хрипло, загнанно дыша, Серега пробегал мимо Таньки… Она вытянула ногу и носком кроссовки зацепила его за щиколотку.

Вскинув руки, парень рухнул, растянувшись на полу. Попытался подняться. Но сверху, впечатывая подметки ему в спину, спикировала Ирка, а на плечи в длинном прыжке обрушился оборотень.

– Держи его! Вяжи! Крути! – клубок тел прокатился по коридору, а когда распался, Танька захохотала снова.

Две пары наручников сковывали Серегу по рукам и ногам, а сквозь наручники была пропущена швабра. Серега болтался на ней, точно жертва людоедов в кино.

– Во смешливая! Швабру покажи, и то хохочет! – пожал плечами вернувшийся в человеческий облик майор. – Чего такого? Удобно же! Я спереди, сестренка и пацан сзади – ну, взяли, поволокли!

Ирка с Богданом и майор подхватили швабру с двух концов – Серега слабо вякнул, провисая – и, гордо волоча «заполеванную» добычу, пошли к Иващенко.

– А хвосты за вами кто подбирать будет? – вслед спросила Танька.

Ирка и майор дружно глянули себе через плечо и ниже. А потом в один голос объявили:

– Какие еще хвосты? Никаких хвостов!

– Да я, собственно, вот их имела в виду, – несколько растерянно пояснила Танька, кивая на дамочку с папкой и бабку-уборщицу. – Видели они чересчур много: превращения, полеты. Наверняка трепаться начнут.

Вовкулака оценивающе поглядел на пребывающих в полуобмороке женщин и буркнул:

– Да, проблемка! За раз я ее, пожалуй, и не решу. Тем более я обедал совсем недавно.

– Так, идите! Идите себе к Иващенко, – тут же заторопилась Танька. – Сама разберусь. Идите, идите, не задерживайтесь.

Процессия скрылась из виду, и лишь тогда Танька облегченно вздохнула.

– Решит он! У, волчина! – пробормотала она и наклонилась к нежеланным свидетельницам. Обе чуть приоткрыли глаза и снова испуганно зажмурились, увидев нависшее над ними лицо девчонки. – Вроде не такая я и страшная! – слегка обиделась Танька. – Что же мне с вами делать? – Вдруг она радостно прищелкнула пальцами: – Знаю! – и она тихо-тихо, едва слышно запела: – Ой ходыть Сон по улонци, в билесенький кошулонци… – Дыхание женщин стало ровным, безмятежным. А Танька все тянула: – Слоняеться, тыняеться, до памъяти торкается. Ходи, Сонку, в колисонку, прыспы нашу дытынонку, хай спыть, не трындыть, що бачыла – забудыть, що помъятае – за сон мае… Вот так!

У стены, прямо на полу, безмятежно смежив веки, спали деловая бизнес-леди и бабка-уборщица.

– Надо же, – покачала головой Танька. – Совсем Иващенко своих служащих довел, прямо в коридоре засыпают от переутомления! Да еще сны такие странные видят: с оборотнями и летающими девочками. Придется генеральному на внеочередной отпуск расщедриться. – Девчонка аккуратно подложила папку с документами под головы спящим и бегом кинулась догонять друзей.

Глава 11. Семейное дело на миллионы

– Так, я не понял! Я сказал, будет мешать, можете его гнать, а не вязать, как сосиску! – Иващенко выскочил из-за стола и гневно воззрился на ввалившуюся к нему в кабинет компанию: троих ребят и майора.

Не отвечая, четверка сгрузила на диван прикованного к швабре Серегу и шумно перевела дух. Серега уставился на Иващенко совершенно сумасшедшими, до краев налитыми ужасом глазами.

– Д-дядя! – колотя зубами как в ознобе, выдавил Серега. – Дядя, она на швабре! Летала! А потом у вот этого… – он подбородком указал на майора, – зубы, когти! В шерсти весь! И со всех лап за мной! Дядя, я не свихнулся! Я видел!

– Видел и помалкивай, а то отправлю к матери раз и навсегда, и крутитесь без меня как хотите! – рявкнул на Серегу Иващенко. Повернулся к ведьмочкам: – А вы? Вы что вытворяете? Летают они! Что люди подумают! Я жалею, что вообще с вами связался! Вы не ведьмы! Вы монстры-разрушители! Половина корпорации без света сидит! Стенку проломили! Чем она вам мешала? Пол где разрисован, а где в дырках! Сотрудники говорят, по коридору собаки носятся!

Ментовский Вовкулака обиженно заворчал. Иващенко стремительно развернулся к нему, явно собираясь сказать какую-то резкость, но вдруг смолк. Задумчиво поглядел сперва на Серегу, потом на майора, и его ощутимо передернуло:

– А еще про дедуктивный метод вкручивал, новейшую американскую технику… – укоризненно процедил бизнесмен. – А сам… – и снова переключился на девчонок: – Что за история с письмами? Леший меня за язык дернул сказать, что вы курьеры! – заорал он. – Что за письма вы рассовали по корпорации, какие глупости там понаписывали? – Иващенко остановился перевести дух, и Ирка поспешила воспользоваться паузой:

– Ничего мы не писали!

– Что-о? Отпираться? Оправдываться? Не пытайтесь мне внушить, что письма не ваша работа, все равно не поверю!

– Работа – наша, только мы не писали! Их никто не писал, – стояла на своем Ирка.

– Что тогда мои служащие читали?

– Чего человек боится, про то в письме и прочитает, хотя на самом деле там ничего не написано! Это заговор такой, ну, колдовство, чтоб вам понятнее было! Ваша секретарша прочитала, что вы ее увольняете, программисты – что появился новый

вирус…

– Мало того, что вы компьютерный отдел запугали, – продолжал разоряться Иващенко, – так еще и сотрудника уволокли! – он ткнул пальцем в Серегу. – Почему вы связали моего племянника?!

– А почему ваш племянник больше всего боялся, что вы узнаете, как он увел пятьдесят миллионов с вашего счета? – тихо спросила Ирка.

Иващенко открыл рот для очередной гневной отповеди, но на этих словах так и замер – с открытым ртом.

Зато Серега заверещал:

– Не верь им, дядя! Они все врут! Наговаривают! – страх перед ведьмами и оборотнями пропал моментально. Теперь Серега боялся совсем другого.

– Сам врешь! – влезла Танька. – Кто вопил: «Не брал я ваши пятьдесят миллионов»? Откуда ты вообще про миллионы знаешь? Вы что, всей корпорации раззвонили? – подозрительно поинтересовалась она у Иващенко.

Тот покачал головой и потянул с шеи галстук.

– Никому, – хрипло ответил он. – Только я и компаньон.

– Вот! – торжествующе объявила Танька.

– Не говорил я ничего, – бубнил Серега.

– А у меня записано, что говорил, – Танька предъявила листок с записями.

Ирка заглянула в листочек. Лицо ее приобрело очень странное выражение, и, выхватив записи у недоумевающей подруги, она быстро спрятала их в карман, словно боялась, что их увидит кто-то еще.

– Ты чего?.. – начала Танька и тут же смолкла, потому что Иващенко потерянно забормотал:

– Сережа? Мальчик, как же ты мог? – В одну секунду бизнесмен стал похож на спущенный воздушный шарик: маленький, сморщенный, несчастный. Он устало вернулся к себе за стол, тяжело подпер голову руками. – Я ж о тебе заботился… А мне-то вы зачем свое пугательное письмо прислали? – вдруг рявкнул Иващенко, потрясая белым конвертом. – Мне проблем мало? Я как прочитал, что мои партнеры знают про пропавшие деньги, так чуть не помер!

Ребята переглянулись. Ирка вытащила свою колоду, наскоро пересчитала. Все карты были на месте, включая последнюю, отнятую у Сереги. Девчонка сочувственно поглядела на Иващенко:

– Вам мы письма не присылали, Владимир Георгиевич!

Мгновение бизнесмен тупо изучал штемпель на конверте,

потом вдруг вылетел из-за стола, ринулся на племянника и ухватил того за горло:

– Где деньги? Быстро говори, куда деньги дел! Удавлю! – Иващенко изо всех сил тряс Серегу. Швабра болталась между ними, то и дело стукая парня по голове.

– Я не девал! Я не специально! Я не сам! Мне велели! – сквозь плотную дядину хватку хрипел Серега.

– Кто тебе мог велеть, кто? Здесь я всем начальник! Всем и каждому: начальник, царь, бог и родной дядя!

– Мне ты и так родной дядя! – резонно заявил Серега, но, увидев, как дядюшкины глаза до краев наливаются бешенством, завопил: – Он мне тоже начальник! Компаньон твой. Приходит и говорит: «Переведи, Сережа, денежки на другой банк, ты ж умеешь!» А я и правда умею! Это только ты думаешь, что я не умею ничего! – Он вдруг опять захныкал: – Я же не знал, что нельзя. Он меня обманул! Сказал, что заплатит, как за подработку! Ты же сам говоришь: работай, взрослый парень должен работать! А он исчез, и не заплатил ничего, и, когда вернется, не сказал! А может, ты мне заплатишь, а, дядя? Все-таки я старался!

Иващенко поглядел на племянника безумными глазами, а потом вдруг торопливо спрятал руки за спину.

– Напрасно вы, – укорил его майор. – Не копите в себе, это вредно. Хочется врезать, так и врежьте! Полегчает.

– Не верю я, – вздохнула Ирка. – Если б и правда компаньон Серегу обманул, чего б он тогда боялся, что дядя узнает?

– Да бог с ними, пусть сами разбираются, – отмахнулась Танька. – Лишь бы сказал, куда деньги перевел. Там, между прочим, и наших полмиллиона.

– А моя доля? – насупился Вовкулака. – Без меня вы бы его не взяли.

– Ой, можно подумать… – мгновенно ощетинилась Танька. – И что ж вы такое сделали? Наручники предоставили? Ладно, за аренду наручников заплатим. По обычному тарифу.

– Ведьма, ты говори, да не заговаривайся… – Майор привстал.

– Хватит вам! – шикнула на них Ирка. – Делите шкуру… – она мгновение подумала, – …неубитого Сереги.

– Не надо меня убивать! – вскрикнул Серега. – Не надо шкуру!

– Не будем, – пообещала Ирка. Но как-то очень неуверенно. – Если скажешь дядюшке, куда его компаньон велел перевести пятьдесят миллионов долларов.

– На Мальту, – немедленно сказал Серега. – Там эта, как ее,

оффшорная зона. Налогов меньше берут.

– Пусть теперь обратно мои деньги возвращает, раз умудрился их на Мальту загнать! – потребовал Иващенко. – Снимайте с него наручники, майор, и тащите к компьютеру.

Подняв Серегу за шиворот, майор стянул его со швабры и зашвырнул в кресло. Наручники клацнули, открываясь. Растирая одной рукой запястье другой, Серега демонстративно болезненно морщился. Охал и постанывал, при этом косясь на дядю: слышал тот или нет. Дядя слышал.

– Кончай ныть, маменькин сыночек! Ничего тебе не сделали! Тебе потом сделаю лично я! Так сделаю, что твоя родная мать, моя сестра, тебя не узнает! – накинулся на него Иващенко. – А пока работай, суперхакер паршивый! Забирай мои деньги с Мальты и клади обратно на старый счет. Код я потом сам сменю!

Серега судорожно сглотнул, положил руки на клавиатуру… Через некоторое время лицо его жалобно скривилось, из глаз потекли самые настоящие детские слезы.

– Я не могу-у! – проныл Серега. – Не могу-у забрать!

– Что значит «не могу», ты, бестолочь?! Давай через «не могу»! Будь же наконец мужиком!

– Ты все время так говори-ишь! Ты на меня кричи-ишь! Ругаешь! Я тебе мешаю только! Меня чуть когтями не порвали, а тебе все равно-о! – завывал Серега.

– Только не вздумай его жалеть! – бросила Ирке Танька.

– И не собираюсь! – пожала плечами та. – Сказала же, не верю я ему.

Она поднялась и, опираясь на иващенковский стол, нависла над горе-хакером. Тот тут же замолчал, будто его заткнули пробкой.

– Серега, туда же ты деньги сумел перевести. Почему обратно не можешь? – проникновенно поинтересовалась Ирка.

– Так я же код знал! А теперь код другой! – с лихорадочной торопливостью пояснил тот. – Я все сделал, все операции провел, деньги в мальтийский банк ушли, на новый счет поступили, а потом этот, дядин компаньон, и говорит – ну вот точно как дядя: «Код доступа сам установлю!» И мне выйти велел.

– Установил?

– Наверное, я же не проверял, что я, в дела начальства лезть буду? – Он поглядел на выражение Иркиного лица и испуганно заорал: – Установил! Я пробовал, ради спортивного интереса, доступа к счету нет!

– Да, – задумчиво протянул майор. – Опять получается, без вашего компаньона денег не вернуть!

Застонав от самой настоящей душевной муки, Иващенко

рухнул в кресло.

– Доллары на Мальту перевел, может, и сам планирует там появиться? – рассуждал майор. – Хотя не обязательно. Что ему мешает через другой банк, совсем в другой стране их выкачать? Слушайте, а если опять к хакерам обратиться, Владимир Георгиевич? Банк известен, вдруг они код сломать сумеют?

– Даже если сумеют, когда это будет? Меня к тому времени уже похоронят, – слабым голосом ответил Иващенко. – Я же сказал, мои партнеры узнали об исчезновении денег. Доказать, что миллионы у меня, нужно сегодня, ну, завтра. Тогда, может, еще обойдется… А так… – Он безнадежно махнул рукой.

– Это что ж такое творится! – полыхнула возмущением Танька. – Мы тут целый день возимся, то за одно схватимся, то за другое – и все зря? Сообщника поймали – и тоже без толку? Денег как не было, так и нет? Ничего не получим?

– Вы и правда много сделали. Больше, чем остальные. – Иващенко многозначительно покосился на майора. – Черти б меня драли, я б вам из своих заплатил, не полмиллиона, правда, но заплатил! Но все мои счета уже арестованы, – он кивнул на письмо. – Кроме того, что в бумажнике, ни копейки.

Ирка меланхолично подумала, что содержимого иващенковского бумажника им с бабкой наверняка на месяц хватит. Но слова бизнесмена ей понравились. Вроде неплохой он. И о племяннике заботится. Хотя если б не заботился, может, и денежки бы уцелели.

– Разве что на партнеров моих вас вывести? – продолжал рассуждать Иващенко. – Они, как меня кокнут, – он тяжко вздохнул, – все равно деньги искать будут. Договоритесь.

– Ты чего, Георгиевич? Сдурел? – Майор покрутил пальцем у виска. – Детишек прямо хищникам в пасть совать? Сожрут их и косточек не оставят!

– Неужели его партнеры тоже волки-оборотни? – поинтересовался Богдан.

– Бери выше – олигархи! – отрезал майор. – Мы против них щенки!

– Да, и вправду, что это я? – покачал головой Иващенко. – Нет, девчонки-мальчишки, вы уж извините, что так вышло, но на деньгах надо ставить крест! В ближайшие сутки мы их не найдем, а дальше и искать незачем.

Ирка ощутила странную раздвоенность. Вроде бы именно этого она и хотела – прекратить расследование. Но сейчас ее охватило сожаление. Ведь права была Танька, кое-что у них получилось! И Иващенко жалко: мало того, что компаньон, так, оказывается, еще и родной племянник его надул!

– Больше всего меня смущает, что границу наш подозреваемый не пересекал, – задумчиво проговорил майор. – По идее, он сматываться должен аж бегом, ведь понимает, что его ищут. Я его фотку на все аэропорты, все вокзалы, все пропускные пункты разослал! И никаких следов! Ведьмы тоже подтверждают – не выезжал.

– Он как в кино: ночью, ползком, через границу… – предположил Богдан.

– Ни за что, – твердо заявил Иващенко. – У него авантюризма ни на вот столько не было, – он отмерил на ногте тонюсенькую полосочку. – Всегда осторожничал до глупости. Если на сто пятьдесят процентов все не просчитает, с места не двинется. Поэтому, кстати, и разорился. Все возможности мимо пропускал.

– А если он и сейчас осторожничает? – вдруг оживился майор. – И страну даже не покидал? Может, и из города не выезжал? Засел в щели, как таракан, и ждет, пока все утихомирится и его искать перестанут? А тогда уже спокойно уедет и деньги заберет.

– Так давайте искать! – воодушевленный новой надеждой, Иващенко оживился.

– Где? – мгновенно охладил его пыл майор. – Мы в его квартире чуть не по досточкам все разобрали. Родственников проверили, с квартирами, дачами, гаражами и сараями! За домработницей следим постоянно! Ни-че-го! Если он и вправду себе ухоронку придумал, так какую-то очень хитрую, и как ее найти, я не знаю! Хоть к гадалке иди!

– А правда! – воскликнула Танька. – Ирка, попробуй на самого компаньона погадать, вдруг что-то всплывет!

– Ты думаешь, я не пробовала? – Ирке стало неловко под молящим, полным надежды взглядом, который устремил на нее Иващенко. – Мы сюда еще только пришли, я на трефового короля раскинула. – Ирка щелчком выбила нужную карту из колоды. С каждой минутой она обращалась с ней все увереннее. – Только карта без всякого смысла шла, сплошная мешанина, как будто такого человека и нет!

Танька вспомнила, как утром, в этом самом кабинете, дожидаясь Иващенко, Ирка и впрямь раз за разом выкладывала и тут же недовольно смешивала карты.

– А может, не на трефового короля гадать надо? – поинтересовалась она, старательно вспоминая то немногое, что знала о картах.

– Как же не на трефового? – удивилась Ирка и кивнула на фотографию компаньона, все еще валяющуюся на столе у Иващенко. – Типичный трефовый.

– Да какой он король! – досадливо буркнул Иващенко. – Не тянет он на короля!

Танька прищелкнула пальцами.

– Точно! Ирка, помнишь, ты ему гадала, – она кивнула на бизнесмена. – Под конец джокер выпал, мы еще тогда решили, что это компаньон и есть! А раз он – джокер, так и гадать его надо на джокера.

– На джокера не гадают, – нравоучительно сообщила Ирка. – Не по правилам.

– Мало мы с тобой правил нарушали! – фыркнула Танька. – Попробуй, что тебе стоит!

– Попробуй, девочка! – взмолился Иващенко. – Хуже ведь не будет!

Ирка с сомнением покачала головой.

– На многое не рассчитывайте, – пробормотала она и выложила на стол пеструю карту джокера. Джокера-плута, джокера-обманщика. Смешав колоду, принялась аккуратно раскладывать ее кучками по четырем сторонам карты.

– Что на уме, что на сердце… Надо же, получается! – вдруг радостно воскликнула она, открывая картинки. – Опять дорога кольцом – ранняя из дома, поздняя обратно в дом.

– Говорю же, нет его дома! – вмешался майор.

– Тш-ш, – шикнул Иващенко.

– Мучается он страшно… – продолжала Ирка.

– Совестью? – теперь уже не выдержал сам Иващенко.

– Нет, ожиданием, – Ирка постучала ногтем по карте. – Сам себя в тюрьму посадил, сам себя на волю не пускает…

– Точно, забился в какое-нибудь безлюдное место! – возбужденно прошептал майор.

Ирка покачала головой.

– Люди вокруг него, мимо ходят, а его не видят, стены отгораживают. Стены давят, душат… Ночи он ждет, люди уйдут, за стены выйти можно. За первые можно, за вторые нельзя, за вторыми беда ждет… Был дом родной, стала тюрьма-неволя, чужое все вокруг, страшное… – говорила она, выкладывая карту за картой. – Караулит его…

– Кто караулит? – задыхаясь от любопытства, прошептал Богдан.

– Сейчас узнаем, – так же шепотом ответил Иващенко.

Ирка потянула со стола последнюю, неоткрытую карточную кучку. Верхняя карта неловко соскользнула, зацепила следующую… и карты ярким конфетти посыпались вниз. Ирка вскрикнула и в испуге вскочила.

Карты падали и переворачивались, падали и

переворачивались. И на каждой был он – джокер-обманщик, джокер-плут. Джокеры, джокеры, джокеры устилали пол.

– Но в колоде не бывает больше двух джокеров! – вскричал изумленный Иващенко. – У тебя что она, какая-то необычная?

– Да, – медленно ответила Ирка. – Безусловно, колода у меня необычная, – она нагнулась, дрожащими пальцами подбирая с пола карты и стараясь ни в коем случае не смотреть на издевательские ухмылки многочисленных джокеров.

Ирка смешала собранные карты, а потом не выдержала, вновь заглянула в картинки. Навстречу ей открылась красно-черная россыпь шестерок, семерок и девяток. Джокеры исчезли.

Глава 12. Отгадка для загадки

Ирка торопливо запихала безумную колоду поглубже в карман и на всякий случай еще придержала рукой, словно боясь, что та выскочит.

– Все, что могла, рассказала, – буркнула она.

– Не много, – майор был недоволен. – Что ты все про свой дом твердишь, в смысле, про его дом! Нету его там, гарантирую!

– А может, он домом не квартиру считает, а какое-то другое место, например дачу? – предположила Танька.

– Тогда уж дом у него прямо здесь, в корпорации, – усмехнулся Иващенко. – Он здесь дневал и ночевал. Все что-то благоустраивал.

Майор вдруг издал странный, булькающий звук, будто подавился.

– А план здания у вас есть? – странным голосом спросил он.

– Как и у всех, – пожал плечами Иващенко. – На каждом этаже висит, для эвакуации при пожаре. Правда, он немножко устаревший, говорю же, компаньон самой корпорацией занимался. То в компьютерах что-то менял, то видеокамеры переустанавливал, то перестраивать что-то затеял…

– Где перестраивал? – быстро переспросил майор.

– Да по всему зданию! Бзик у него такой был! Я в это не лез, и без того хлопот хватало!

– И что, эти изменения нигде не отмечались? – настороженно поинтересовался майор.

– В компьютере есть план со всеми пометками, – Иващенко защелкал мышкой. – Странно, – протянул он. – Пропал.

Все глаза вперились в позабытого было Серегу.

– А чего такого, – парень независимо повел плечом. – Мне велели план грохнуть, я и грохнул. Он сказал, устарел планчик, новый будет.

– Что ты еще грохнул? – утомленно переспросил Иващенко.

Серега пялился в стол так пристально, будто неожиданно обнаружил там нечто чрезвычайно интересное. И молчал так упорно, что стало ясно – сам не заговорит.

Майор аккуратно взял Серегу за ухо:

– Колись, самородок, – нежно попросил он и чуть сжал пальцы.

Серега ощутил на ухе уже знакомое царапающее прикосновение.

– Только не надо снова меня драть! Я ни в чем не виноват! Он сказал – для розыгрыша, я и сделал для розыгрыша!

– Скажи уже наконец, что ты сделал, – устало переспросил Иващенко.

– Ну так камеры перенастроил! Чтоб они днем как обычно снимали, а ночью со старой кассеты все время одно и то же переписывали. А что такого, все равно ночью ничего не происходит!

– Так, – тяжело сказал майор. – Все просто. Утром уехал отсюда в аэропорт, вроде смылся, а вечером взял и вернулся – вот она, «поздняя дорожка»! Вот он, «свой дом»! Универсальный ключ у него есть, дождался, пока охранник отлучился…

– Он никогда не отлучается! – воскликнул Иващенко.

Ребята дружно хмыкнули, вспомнив, как охранник бросил свой пост, чтобы продемонстрировать Богдану прелести оружейной коллекции.

– Это не компаньон ваш умный. Это я тупой, – не обращая внимания, продолжал бормотать майор. – Еще удивлялся, дурень безнюхий: время идет, а след нашего беглеца по зданию свеженький остается, не выветривается. Конечно, не выветривается, он же его подновляет! Ночью по коридорам гуляет…

– То есть как гуляет? – страшным шепотом переспросил Иващенко. – Вы что, хотите сказать, мой пропавший компаньон… ЗДЕСЬ? – и он обвел взглядом стены кабинета, словно надеялся прямо сквозь кладку, штукатурку и гипсокартон узреть притаившегося беглеца.

– Точно вам говорю, здесь прячется! – майор возбужденно мерил шагами кабинет. – Построил себе укрытие…

Все еще ошеломленный Иващенко только мотал головой, будто его шарахнули чем-то тяжелым между глаз.

– Мог, – наконец произнес бизнесмен. – Его строительный раж обуял, как раз когда я переговоры насчет проекта начал. Заранее готовился, гад!

– Надо только вычислить, где умник прячется! – теперь уже майор обвел глазами стены.

Иващенко неожиданно помрачнел:

– За то время, которое он этим занимался, мог не то что одно укрытие, всю корпорацию тайными ходами изрыть. И раньше он же здесь директором был! Ремонты делал. Что ж нам теперь, все здание до основания сносить, чтоб нашего беглеца выковырять?

– Он ночью гулять выйдет, тут мы его и сцапаем! – азартно вмешался Богдан.

Но майор тоже вдруг поскучнел:

– Будем надеяться, конечно, но, если он не полный дурень, наверняка себе систему видеонаблюдения сдублировал, и она ему

не старую кассету, а настоящие коридоры показывает. Ну вдруг тот же шеф, – майор кивнул на Иващенко, – ночью поработать останется или программисты в Интернете засидятся. Он тогда из своего укрытия и не высовывается, пока все не уйдут.

Все опять уставились на Серегу.

Тот заерзал, завозился и наконец выпалил:

– Ну да, да! Сделал я ему пульт! Переносной! Дистанционный! А чего…

– Господи! – не дослушав, простонал Иващенко. – Ты ж, оказывается, талант! Если б ты хоть половину своей изобретательности на работу тратил, я б тебя начальником компьютерного отдела сделал, за границу учиться послал…

– Че, серьезно? – опешил Серега и растерянно захлопал глазами.

Но дядя лишь жестом немой мольбы вскинул руки к потолку.

– А давайте замаскируемся, – вернулся к делу Богдан. – Пусть Ирка с Танькой нас во что-нибудь превратят. Компаньон, ничего не подозревая, погулять выйдет…

– А тут на него бачок от унитаза как кинется! – закончила Танька.

– Почему именно бачок? – спросил Богдан.

– Потому что тебя я обязательно превращу в бачок, не откажу себе в удовольствии, – уведомила та. – Ничего не выйдет. Людей в предметы можно только ненадолго превращать, они в неживой форме не удерживаются, обратно в самих себя возвращаются. Вот труп – пожалуйста, во что угодно.

– А если во что-то живое? – предположил Богдан. – Майора даже превращать не придется.

– И не только майора, – хмыкнула Танька.

Ирка вдруг испугалась, настолько сильно и остро, что спина у нее враз стала мокрая от страха. Что… что Танька имеет в виду? Кого еще, кроме оборотня, не нужно превращать?

– Ты, Богданчик, у нас тоже, с какой стороны ни погляди, натуральный дуб, – пояснила Танька.

Ирка шумно выдохнула. Оказалось, что, дожидаясь Танькиных слов, она не дышала, так испугалась. Так испугалась, что не дышала? А чего она, собственно, испугалась?

– Значит, по-твоему, увидев людей, компаньон ни за что не выйдет, – не замечая Иркиных переживаний, продолжала выступать Танька. – А увидит, как по коридорам лошади там бродят, коровы, волк бегает, сразу выскочит?

– Корова – это будешь ты, – пробормотал Богдан. – Так как мы компаньона выковыривать будем?

– Пусть ведьмы придумают, а то критиковать все могут! –

заявил майор. – Я вон уже все дело распутал, а они сидят! Непонятно, за что им платят…

Танька исподлобья глянула на майора и явственно зарычала. Вовкулака вздрогнул и с испугом покосился на девчонку:

– Ты что, тоже?..

– Я вам покажу «тоже». Это вы тут «тоже». Мы дело раскрутили! Ирка вон своими картами этого дурака разоблачила!

– Чего сразу дурак! – обиделся Серега. – Слышала, дядя сказал, что я талант!

Но Танька уже неслась на всех парах дальше:

– Кто вам гадал? Кстати, а след? Тот, прерывистый, который вел от входа обратно в здание? Ирка вас в него чуть носом не тыкала, а вы «какой обратный след, нет никакого следа…».

Вовкулака смутился:

– Насчет следа – это верно, что ж тут скажешь. Как я его пропустил? Может, химия там какая? Но Ирка же его взяла. Молодой нюх творит чудеса!

– Нет у меня никакого нюха, – тут же обозлилась Ирка.

– А чудеса есть, – перехватила инициативу Танька. – Вы профессионал, догадались классно. Мы, конечно, деньгами поделимся. Чуть-чуть, – уточнила она. – Но если кто и способен раскрутить дело до конца, так только мы! С Иркой. Ирка, скажи им! – победно заявила Танька и уставилась на подругу. Все остальные, включая Серегу, воззрились на Ирку в ожидании, что вот сейчас, сию минуту она все придумает, все разъяснит и приведет дело к благополучному концу.

«Ох, скажу! – в панике думала Ирка. – Сказану! Лично тебе, Танька! Пусть только ушей лишних не будет!» – она растерянно теребила манжет рубашки. Разворачивала-заворачивала, снова разворачивала. В голове было пусто, ни одной мысли. Она лишь бездумно смотрела, как манжет скатывается в трубочку, а потом опять раскручивается. И вдруг что-то словно кольнуло ее и ясная, четкая схема, вычерченная бабушкиной рукой в заветной тетради, встала перед глазами. Девчонка поднялась и принялась выворачивать у себя все карманы: на джинсах, на рубашке. Поглядела на болтающуюся подкладку, торчащие нитки швов и стала запихивать карманы обратно.

– Нам тоже так сделать? – осторожно поинтересовался Иващенко.

– Вам не надо, – помотала головой Ирка. – Одежка от вашего компаньона здесь осталась?

– Вон его пиджак за дверью висит, – быстро ответил Иващенко. – Мы как раз над проектом работали, он снял, а забрать забыл.

– А мы компьютер допрашивали, – тихо пробормотала Ирка. – Ладно, зато теперь пригодится, – она сняла пиджак с вешалки. Потом виновато покосилась на Таньку. – Только без вовкулаков нам все равно не обойтись.

Танька независимо повела плечом:

– Если ты так говоришь… Хорошо, пусть майор будет в доле.

– Ты не дослышала, ведьма? – оскалился милиционер. – Она сказала «без вовкулаков». Сколько тебе наших нужно, сестренка?

– А сколько есть?

– Со мной – семеро. Сыновья и племянники, – быстро ответил майор.

– Ничего себе! – завопила Танька. – На одного старого дядьку с семью вовкулаками охотиться? И каждый небось от денежек урвать захочет?

– А ты как думала? Бесплатно нынче волки не кусают! – подтвердил ее подозрения майор.

– За такие деньги я сама кого хочешь покусаю!

– Мне не нужно, чтоб они кусали. Во всяком случае пока, – попыталась пояснить Ирка. – Мне нужно… как бы это сказать… что-то вроде волчьего радара. Здание огромное, а если и правда компаньон в нем ходов понаделал, как червяк в яблоке, то когда я его наружу вытряхивать начну, он же где угодно выскочить может. А нас мало!

– Ничего не мало, – упиралась Танька. – Достаточно. Сядем с тобой на метлы, будем шнырять вдоль коридоров.

Ирка покачала головой:

– Надо, чтобы волки его унюхали и перехватили.

– Ладно, ладно! – вскинула ладони Танька. – Одного процента от пятисот тысяч им хватит? А что, пять тысяч баксов, нормально за ночь работы.

– Где такие дети наглые берутся? – теперь уже рычал Вовкулака. – А сама за пять тысяч побегать не хочешь?

Ирка почувствовала, что в очередной раз закипает. Вообще, как она связалась с этим бизнесом, так злость не оставляла ее ни на минуту. Особенно злила Танька. Прихватить бы ее как следует за загривок да тряхануть… В конце концов, кто вожак в этой стае?

Ирка испуганно дернулась, потому что вокруг нее опять исчезли цвета, зато вернулись звуки и запахи. Она быстро покосилась на свои руки и на всякий случай сжала их, спрятав большой палец внутрь кулака. Крепко стиснула губы и так, не разнимая, промычала:

– Пикатите дибедлино!

Прекратив ожесточенно торговаться, Танька и майор уставились на Ирку:

– Что?

– Гободю… – она ощупала зубы языком – вроде обычные, клыки не торчат – и разомкнула губы. – Тьфу! Говорю, кончайте дурью маяться, ясно? Время идет! А вдруг и правда завтра уже поздно будет? Убьют его, – она кивнула на Иващенко, – оба без денег останетесь. Поделим между всеми, поровну! – скомандовала она Таньке.

Танька поглядела на нее безнадежно-сожалеющими глазами и печально вздохнула. Так вздыхают мамаши, когда их чадо приносит домой очередную двойку.

– Никогда не видела, чтоб человек так от денег отбивался.

– Я не отбиваюсь! – наклонившись к Таньке, прошептала Ирка. – То есть отбиваюсь, но не от всех! Их слишком много, этих денег. Волков семеро, нас трое, поделим на всех поровну, будет по пятьдесят тысяч. Пятьдесят тысяч на нос, это да, это понятно, а сто шестьдесят шесть – таких денег просто не бывает, безумие какое-то! Это что ж, получим мы их, и все, больше ничего не надо? Всю жизнь можно даже не работать.

– С таким стартовым капиталом можно только начинать работать, – тоскливо вздохнула Танька. – Придется мне быть при тебе менеджером, а то тебя куры загребут, вместе со всем твоим крутым ведьмовством. – Она повернулась к майору: – Вот только ради Ирки поделим поровну. В смысле, половину на вас семерых, а половину нам на троих.

Глава 13. Кто не спрятался, я не виноват

– Девять вечера! Разойдутся они когда-нибудь? – раздраженно процедил Иващенко, разглядывая на мониторах офисы своей корпорации. Большинство сотрудников уже покинули здание, но то тут, то там еще виднелись склоненные над столами затылки, в коридорах переговаривались, а программисты, похоже, собрались ночевать в обнимку со своими компьютерами. Даже на полностью обесточенном Богданом этаже копошились ремонтники.

– Этим людям что, дома делать нечего? – Иващенко отвернулся от экранов.

– Вот, мужики, слыхали? А сам ругал меня всегда, когда я в шесть уходил. Других программистов мне в пример ставил… Есть логика? – заявил Серега, обращаясь к шестерке затянутых в камуфляж молодых парней. Те дружно уставились на него одинаковыми желтоватыми глазищами, так же дружно презрительно сощурились и отвернулись.

– Чего? Я ж ничего такого не сказал… Я так, разговор поддержать. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. С мальчишкой общаются, а на взрослого образованного человека ноль внимания. – Серега обидчиво покосился на Богдана, пристроившегося как раз в середине камуфляжной компании и увлеченного сравнением достоинств шести десантных ножей.

– Выбрали себе собеседника как раз по уму. – Серега демонстративно отодвинулся подальше от камуфляжной компании. Никто из шестерки и ухом не повел. Парень немного помаялся и принялся потихоньку придвигаться обратно, вытягивая шею и вслушиваясь в рассуждения о заточке, балансе и ширине клинка у основания.

На обесточенном этаже замигал свет, погас, снова зажегся и загорелся сильно и ровно. Ремонтники упаковали свои инструменты и потянулись к выходу. Главный бухгалтер заперла двери кабинета, по коридору промчалась припозднившаяся служащая. Офисы пустели, лишь программисты все еще упорно сидели у своих компьютеров.

– Может, их просто повыгонять, и все? – нетерпеливо сжимая и разжимая пальцы, предложил Иващенко.

– Нельзя, – покачал головой майор. – Раньше никого не выгоняли, а сегодня вдруг выгнали? Если ваш компаньон сейчас наблюдает за корпорацией, моментально насторожится. А добычу лучше всего брать тепленькой, ничего не подозревающей, верно, серые волки?

Камуфляжная шестерка ответила согласным ворчанием.

Когда ожидание стало уже невыносимым, шеф компьютерного отдела сладко потянулся, потер усталые глаза и выключил компьютер. Программисты тоже принялись потихоньку отключаться, перебрасываясь фразами. Глава отдела неторопливо покидал вещи в рюкзак…

– Уволю к чертовой матери, – яростно сжимая кулаки, процедил Иващенко.

– А меня на его место, да? Ты же обещал! – радостно встрял Серега, но осекся под бешеным взглядом дядюшки.

Компьютерщики двинули к выходу. Тяжелая дверь захлопнулась за спиной последнего, видно было, как охранник нажал пультовую кнопку, ставя дверь на сигнализацию. Облегченно вздохнул и развернул газету.

– Нет, вот этого точно уволю! – решил Иващенко. – Он должен был сперва проверить, не осталось ли кого!

– Так никого ж не осталось!

– А мы? Целая банда в офисе затихарилась, мало ли какие у нас намерения! – разозлился Иващенко. – Кстати, а какие у нас намерения?

– План дайте, который эвакуации при пожаре, – потребовала Ирка.

Все сгрудились над иващенковским столом. Ирка подумала, что это напоминает сцену из военных фильмов – совещание в штабе. Только вместо масштабной карты местности – запаянный в пластик листок бумаги.

– Начинаем прямо от кабинета, – объявила Ирка, – и движемся по левой стороне. Я работаю возле каждого офиса и каждого участка стены, а вы расходитесь веером – часть перекрывает коридор, двое отслеживают пол… и потолок, кто-то присматривает за лестницами. Как только его из укрытия выкинет, сразу хватайте!

– А что конкретно ты делать собираешься? – полюбопытствовал майор.

Ирка уклончиво покачала головой.

– Увидите. Может, нам вообще повезет и делать ничего не придется. Вот возьмет он сейчас и на ночную прогулку выйдет. Мы его быстренько сцапаем.

– Ага, жди! – злорадно процедил Серега. – Такой он дурак, чтоб выйти после всех ваших разговоров!.. – Тут же парень осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

– Что-о! – и снова лапа Ментовского Вовкулаки впилась Сереге в загривок. – Ты что, и тут камеру оборудовал?

Серега хрипел и молчал, но по его перепуганной физиономии

видно было, что да, оборудовал.

– Почему не сказал? – взревел майор.

– А чего я должен вам говорить? – прохрипел Серега. – Вы вон со мной не разговариваете!

Майор приблизил свое лицо к самой физиономии Сереги, его губы, дрожа сдержанным рыком, поползли в стороны, открывая крупные острые клыки:

– Сейчас я с тобой поговорю! Что ты еще для господина компаньона сделал? Колись, быстро! – Он встряхнул парня так, что у того лязгнули зубы.

– Ничего, почти ничего, честное слово! Только пистолет! Газовый. Переделал. В обычный.

Майор взревел. Лицо его стало меняться, удлиняться, прорастать волчьей мордой.

Ничуть не смущенный этими превращениями, Иващенко шагнул вперед:

– Разрешите, я возьму своего племянника, господин майор. – И, бестрепетно изъяв Серегу из когтистых лап Вовкулаки, поинтересовался: – Где ты поставил камеру, мальчик мой?

– Вон там, на стенке, под бра!

Увесистая затрещина швырнула парня об стену. Он сполз на пол, по пути срывая и бра и камеру.

– Значит, мы имеем дело с предупрежденным и вооруженным преступником, – подвел итог бизнесмен. – Тянуть больше нечего, пошли.

– Я готова. – Ирка решительно перекинула через руку пиджак компаньона и шагнула к двери. Остальная компания, мгновенно вооружившись, столпилась вокруг нее. Сталкиваясь в дверях, все вывалили в приемную. Оттуда тотчас же донесся пронзительный женский визг.

Когда Иващенко протолкался через вставших плечом к плечу вовкулаков, он увидал сидящую за столом секретаршу. Взгляд женщины испуганно метался. Ужас в глазах невольно мешался с недоумением: перед ней семеро крепких мужчин в камуфляже, с десантными ножами в руках, плотным кольцом окружали темноволосую девчонку, которая держала в руках старый пиджак.

– Вы… – преодолевая дрожь в голосе, спросила секретарша. – Вы пиджак воруете?

– Нет, они его в химчистку несут, – пробираясь вперед, объявил Иващенко. – Сейчас в чистке столько вещей пропадает, приходится каждый раз вооруженную охрану нанимать. Все ясно?

Секретарша судорожно закивала.

– А почему вы до сих пор не ушли? – требовательно спросил Иващенко.

– Вы меня не отпустили, – пробормотала женщина. – Вы же сами сколько раз говорили: пока не отпустите, уходить нельзя.

Одиннадцать пар глаз (включая одну пару самой секретарши) укоризненно уставились на Иващенко. Изо всех сил стараясь сохранить невозмутимость, тот объявил:

– Отпускаю. Можете идти.

Секретарша схватила сумочку и, тихо шепнув «до завтра», мышкой выскользнула за дверь. Слышно было, как сперва она старается идти спокойно и размеренно, потом топот каблуков сорвался на частую дробь – женщина бросилась бежать.

– Ну, мы идем наконец? – затребовал Иващенко и первым выскочил в коридор.

Семь десантных ножей вонзились в пол. Семеро мужчин взлетели в кувырке. Семеро громадных волков приземлились, готовые к охоте. Шестеро из них легко рассредоточились по коридорам и лестницам, и лишь один, могучий серо-седой вожак, ткнулся мордой Ирке в бок и пошел рядом, косясь на нее знакомыми желтыми глазами.

– Вовсе я не боюсь! – независимо пожала плечом Ирка. – Лучше за своими присматривайте! Я велела возле, а не на лестнице караулить. На второй этаж потом поднимемся, если здесь ничего не найдем.

Танька и Богдан обернулись. Вдалеке, в дверях в конце коридора стремительно промелькнул волчий силуэт. Похоже было, что поднявшийся по лестнице вовкулака спрыгнул обратно, на площадку.

– Ирка, а откуда ты знала, что он на лестницу влез? Ее же отсюда не видно! – спросила удивленная Танька.

– Я? Что за глупости! Ничего я не знала. Ну как, по-твоему, я могла знать, если лестницы отсюда не видно? Я вообще к ней спиной стою!

– А он откуда знал, что ты знаешь? Ты ж тихо говорила! – влез Богдан.

– Волчий слух, наверное, – пожала плечами Ирка. – Еще вопросы или будем работать? Наш наниматель скоро лопнет от злости.

Глава 14. Корпорация наизнанку

Насчет «лопнет» Ирка преувеличивала. Иващенко ждал, и на лице его была написана не злость, а терпение и покорность. То ли он принимал их перешептывание за часть колдовства, то ли просто твердо решил не вмешиваться. От злости готова была лопнуть сама Ирка. Она не понимала, не понимала, не понимала, что происходит вокруг нее и с ней самой!

Это Таньке она могла морочить голову, дескать, знать не знаю, что там вовкулака на лестнице делает, и вообще отсюда его не вижу… Но обманывать себя было значительно сложнее. Да, она не видела волков, но она их… чувствовала. Каждого. Она опять ощущала то мощное, четкое, что Ментовский Вовкулака называл нюхом и что так не походило на обычные, привычные запахи. Обострившимся до необыкновенной, нечеловеческой остроты слухом слышала, как вовкулаки беззвучно скользят вдоль коридора. И еще просто знала всем своим существом, где находится любой из них. Ее слова о волчьем радаре неожиданно стали реальностью, и центром этого радара была она сама, Ирка Хортица. Не то чтобы она глядела их глазами, нет, – но каким-то не слишком понятным образом волки мгновенно оповещали ее обо всем, что видели, слышали, чувствовали, что дыбило им шерсть и заставляло пружинить сильные лапы. Ожидание драки вовсе не пугало, пьянило пряным вкусом охоты. Настоящей охоты на сильную, хитрую дичь. Торжествующий охотничий клич бился у Ирки в горле, щекотал в носу, будто пузырьки минералки.

Неожиданно ей стало весело, и даже очередное исчезновение цветов перед глазами больше не пугало – зачем они вообще, ночью-то? Главное, что видела она теперь с ослепительной четкостью. А еще чувствовала: желанная добыча рядом. Затаилась, следит за ними из укрытия настороженным взглядом. Добыча готова бежать и петлять, готова даже драться, но страх уже вползает в ее сердце при виде идущей по следу стаи. Осталось только поднять дичь с лежки.

Ирка взялась за болтавшийся на руке пиджак, встряхнула и хищно улыбнулась:

– Будешь у нас вместо своего хозяина, – она запустила одну руку в рукав, другой толкнула дверь ближайшего офиса. Тихонько скрипнув, та приоткрылась. Ирка прикрыла глаза, сосредоточиваясь.

– Цеглина до цеглини – стоить будована мурина, а хто той мур складав, хто його будував – того и влада. Володарю своєму пидкоряйся, будивнику видкликайся. Секреты видкрывай, що

сховала – вывертай… – резким рывком Ирка вывернула рукав пиджака.

Стена лопнула, как натянутая на барабан шкура, ее разорвало буквально в клочья.

Столы, стулья, компьютеры, канцелярские принадлежности, куски какого-то кабеля – напичканный, перекормленный всем этим офис выворачивало наизнанку. Трехмерное пространство выгибалось в обратную сторону.

Происходящее, с одной стороны, напоминало малоприятный физиологический процесс, с другой – сцену глобального катаклизма из малобюджетного фильма-катастрофы. Напуганные волки порскнули в разные стороны, лишь когти скреблись по линолеуму. Но на Ирку все это не произвело почти никакого впечатления.

Задумчиво рассмотрев предъявленные ей офисом внутренности, она разочаровано покачала головой:

– А якщо не маешь тайн, залишайся, як була…

И в одну секунду все вернулось на место.

Иващенко сглотнул, чувствуя, как твердая пробка страха не дает слюне пройти в горло, и одним глазком заглянул внутрь офиса. Перед ним была знакомая и привычная картина: темная комната, сквозь мрак белеют стеллажи и пластиковые корпуса компьютеров.

За его спиной презрительно чихнула Ирка. Вовкулаки возвращались, стыдливо зажимая хвосты между лап, и даже кончики шерстинок на ушах выдавали, как им стыдно за свой испуг. Во всяком случае, Ирка ясно ощущала и их смущение, и клятвенное обещание больше никогда-никогда…

– Да уж надеюсь, – ответила Ирка. – Иначе какой от вас толк? Ну что, дальше?

– Вон там мой компаньон с полгода назад что-то все ремонтировал, – Иващенко указал дальше по коридору.

Ирка подошла к стене и снова забормотала:

– Стинка мицно стоить, не хитается, за володаря наказом видкриваеться… – Карман пиджака лихо вывернулся наружу, открывая истрепанный шов.

Стенка изогнулась, вспучилась и вывернулась наизнанку. На этот раз обошлось без дополнительных спецэффектов. Волки легко подались в сторону и насторожились, оскалив клыки, готовые к мгновенному прыжку.

– Мы были правы! – неверяще прошептал Иващенко. – Мой компаньон действительно строил здесь тайные ходы! Лазал по ним, подслушивал, подглядывал! То-то он, гад, всегда все знал!

Стенка обнажила узенький – человеку боком пройти – лаз,

явно тянущийся от кабинета компаньона и уходящий в сторону компьютерного зала.

– Но его самого здесь нет, – протянула Ирка. – Дальше, дальше!

Она встала и бросила вдоль всего длинного, загибающегося за угол коридора:

– Муры-стины, схованки та лази, видкривайтесь вси одразу. – И, надорвав подкладку, вывернула наизнанку весь пиджак.

Стены ожили. Здание сотрясалось в судорогах и спазмах, как живой организм. Тут же из-за поворота коридора послышался дикий, испуганный крик.

– Попался! – радостно завопила Танька, рванула туда, откуда слышался крик, и остановилась в изумлении.

Прикованный наручниками к батарее, в коридоре сидел тот самый мужик, которого Ментовский Вовкулака оставил дожидаться повестки в суд. С двух сторон от него выворачивались наружу очередной тайный проход и кладовка со щетками. Мужик кричал, упирался спиной в батарею и изо всех сил колотил в пол каблуками туфель из крокодиловой кожи. Видимо, надеялся втиснуться в щель между радиатором и стеной.

– Хто секреты нам видкрыв, повернувся, став, як был! – попеременно указывая пальцем на обе вывернутые стены, как в детской считалочке, определяя, кому водить, прокричала Ирка.

Стены моментально «закрылись». Красный, судорожно хватающий ртом воздух мужчина повалился на пол. Волки скользнули в тень, а люди столпились вокруг узника. Через мгновение к ним присоединился и майор. В человеческом образе.

– Неловко вышло, – пробормотал он. – Совсем я про него забыл.

– Я так и подумал, так и подумал, – мужик приподнялся, отер с лица пот. Кроваво взблеснул рубин в его перстне. – Я не обижаюсь, нет-нет. Я все понимаю! Вы наверняка были заняты какими-то очень важными полицейскими делами. – Обращался он по-прежнему к майору, но его взгляд то и дело скользил по троице ребят, все время задерживаясь на Богдане. И по-прежнему этот цепкий, пронизывающий взгляд странно не вязался с жалким, испуганным лепетом. – Но, может, вы теперь меня уже отпустите? Я явлюсь в суд, честное слово, – он трепетно прижал свободную руку к сердцу. – Детьми клянусь!

– Теми самыми, которые вам не по средствам? – ухмыльнулся майор. – А может, пусть проваливает? – тихо спросил он Ирку.

Она покачала головой:

– Поздно, начнет носиться по коридорам, неизвестно, во что вляпается. Пусть сидит на одном месте, этот участок мы уже

отработали.

– Но здесь очень плохо, пол такой холодный, а у меня ревматизм! – услышав ее слова, вскричал «узник батареи». – И ночь тянется просто бесконечно! Я даже не знаю, который час! – и он выразительно покосился на майора.

– Ну, этому горю мы поможем, – добродушно объявил майор.

– Правда? – мужчина аж засветился от радости. – Замечательно! Я знаете, привык к этим часам, и к костюму они подходят… – Он осекся.

Майор снял с запястья здоровенные, как будильник, «командирские» часы. Застегнул их у мужчины на руке, критически поглядел, как они смотрятся, и удовлетворенно кивнул:

– Действительно, подходят. – Он одобрительно похлопал мужчину по плечу и поспешил за ушедшими вперед товарищами.

Глава 15. Спецзаклятие

Они стояли в небольшом тамбуре: с одной стороны лестница на второй этаж, с другой – дверь в круглый дворик, к вольеру с кавказскими овчарками. Даже слышно было, как тревожно лают и бросаются на сетку вольера псы, почуявшие близость волков.

– Вам опять понадобится мой кинжал? – тихо спросил майора Богдан.

– Он не твой, он собственность корпорации, – склочным тоном заявил Иващенко.

– Все бизнесмены – жлобы, – неодобрительно заметил майор и, вытащив из кармана золотой «Ролекс», защелкнул его у себя на запястье. – Помешаны на дорогих побрякушках. Проще надо быть, проще… – Майор полюбовался сиянием часов, удовлетворенно вздохнул и метнул турецкий кинжал себе под ноги. Громадный волк-вожак подбежал к основанию лестницы.

– Сейчас пойдем, – кивнула Ирка на неслышный другим людям вопрос. – Здесь больше укрыться негде, – девчонка посмотрела на стену под лестницей. Не пластик, не гипсокартон, даже не кирпич, а старый серый бетон, наверняка бывший тут со дня строительства здания. Тайные ходы сюда прокладывать – замаешься. Ирка поставила ногу на первую ступеньку. Волки неслышной вереницей проскользнули мимо, то и дело приостанавливаясь и настороженно поводя ушами, скрылись на втором этаже. За ними, косясь на замешкавшуюся Ирку, на лестницу поднялись Танька, а затем и Богдан. Лишь Иващенко все топтался у Ирки за спиной. Ирка раздраженно дернула носом – ну что застрял, шел бы уже! – и снова с сомнением уставилась на капитальную стену. Поколебалась, поглядывая на нетерпеливо поджидающих ее друзей. – Дел-то на полсекунды, – пробормотала она и решительно вывернула наизнанку нагрудный карман пиджака.

Казавшийся таким цельным, таким несокрушимым серый бетон разорвало словно пластилин, открывая то, что пряталось в нем: крохотную комнатушку со стенами, окрашенными бледной пастелью, унитаз, умывальник и узенький старый топчан. На топчане, скорчившись, сидел худощавый немолодой мужчина. Тот самый, которого Ирка видела на фотографии!

– Темниць не ховай, все що маешь – виддавай! – крикнула Ирка и, рванув карман за подкладку, с мясом выдрала его из пиджака.

Содержимое комнаты рвануло наружу.

С лестницы донесся изумленный Танькин возглас и частый

топот – друзья мчались на помощь. Мимо девчонки промелькнула серая тень – не тратя времени на спуск по ступенькам, Ментовский Вовкулака прыгнул в лестничный проем.

Старый оборотень приземлился первым, грузно впечатался лапами в пол. Обдав Ментовского Вовкулаку осколками битого фаянса, рухнул умывальник. Свалившийся с потолка компаньон приземлился точно на Иващенко. Сбил того с ног, не растерявшись, ухватил за горло… И тут же рухнувший бачок шарахнул душителя по затылку.

– Надо же, бачок на него таки кинулся, – растерянно пробормотал подоспевший Богдан, стягивая с ошеломленного Иващенко навалившееся тело. – Ты что, заговор такой положила? – Он оглянулся на запыхавшуюся Таньку…

Жилистая старческая рука отшвырнула мальчишку прочь. Богдан отлетел, глухо стукнувшись о стену…

Компаньон вскочил и кинулся к двери во двор. Створка с грохотом захлопнулась, лязгнул замок. Подоспевшие волки метались перед запертым выходом.

– Опять! Как надо, так вас нет! – рыкнула на них Ирка.

– Разборки потом! Дверь отпирай, а то уйдет! – крикнул Богдан.

Но дверь распахнулась сама.

– Он спустил собак! – прохрипел Иващенко.

Пластаясь в воздухе, разъяренная свора кавказских овчарок хлынула в тамбур. Молча, без единого взлаивания, псы ринулись на волков. Кавказец в прыжке рухнул на спину Ментовскому Вовкулаке. Оборотень вывернулся, рванул противника зубами, отскочил. Тамбур под лестницей наполнился злобным рыком и лязганьем челюстей. Клочья шерсти полетели в воздух. Мохнатые тела сплелись в единый спрессованный ком. Клыки смыкались в мертвой хватке. Громадная, похожая на крокодилью, пасть овчарки щелкнула, вырывая клок шерсти с волчьей холки. Ирка увидела, как глаза волка наполнились болью. Молодой вовкулака коротко взвизгнул, и тут же кавказец навалился на него, всаживая клыки.

Брызги крови попали Ирке на лицо. Она словно очнулась. И тут же будто опять лишилась сознания, человеческого сознания. Дикая ярость обуяла ее, для этой ярости не было слов, для нее был только рык, грозный, утробный. Почти взревев, она ринулась в центр свалки.

Челюсти кавказца, намертво сомкнутые на горле волка, рванулo в стороны. Недоуменно, по-щенячьи скуля, пес взмыл к потолку, подброшенный ударом могучей лапы. Клубок мохнатых тел размело в разные стороны, будто в середине него взорвалась

бомба. Но в центре оказалась Ирка, выглядевшая пострашнее ядерной войны. Она угрожающе горбатила спину, пальцы хищно скрючивались, рот скалился в жуткой гримасе.

– Пр-р-рочь! Запр-р-рещаю! – рычала Ирка, и было в ее рыке нечто невыразимо страшное, что заставляло и кавказцев, и волков прижимать уши и поджимать хвосты. – Пр-р-рочь!

Один из кавказцев тихонько, словно бы вопросительно гавкнул… Мгновенно, всем телом Ирка развернулась к нему:

– Р-разор-р-рву-у!

Кавказец отчаянно взвыл и в слепом ужасе, не разбирая дороги, натыкаясь на стены, со всех лап ринулся наутек. Скуля и завывая, свора мчалась за ним: все равно куда, лишь бы прочь, прочь!

Следом, поджимая лапы и тихо поскуливая, пятились вовкулаки. Видно было, что только глухой рык вожака удерживает их от такого же панического бегства. Лишь бы убраться подальше от хрупкой темноволосой девчонки!

– Говорил я: избавиться надо от псов, опасные они, кинуться могут. А компаньон упирался! Ну и кто в конечном итоге оказался прав? – обалдело пробормотал Иващенко и тут же задумался: а правда – кто? Раздумья шли как-то тяжело, поэтому бизнесмен просто отмахнулся от них и требовательно возопил:

– А компаньон-то мой опять сбежал!

– Не сбежал, – с трудом выламывая язык, заставляя его произносить человеческие слова, сказала Ирка. – Таньки с Богданом нет.

Ментовский Вовкулака коротко рявкнул. По стеночке, испуганно косясь на Ирку, вовкулачья стая проскользнула в дверь и длинными прыжками помчалась через двор. Ирка и Иващенко бежали следом. Они вырвались в центральный холл, туда, где стояла увешанная старинным оружием стена. Турникет распахнут, из щели торчит универсальный пропуск. У турникета, сомкнув руки на груди, застыла Танька. Крепко сжав кулаки, девочка шептала себе под нос заклинание… Ее глаза пылали зелеными колдовскими огнями. А у стеклянного выхода сражался с дверью сухощавый пожилой мужчина. Он рвал двери на себя, бился в них плечом, но безрезультатно.

Орала сирена, мерцали огни тревожной сигнализации, лупил кулаками в дверь своей будки охранник. Выбраться наружу он не мог, заклиненную кинжалом дверь из последних сил удерживал Богдан.

– Господин Иващенко! – завопил охранник, увидев ворвавшихся в холл людей. – Дети напали на вашего компаньона!

– Правильно сделали! – гаркнул в ответ Иващенко.

Услышав его голос, человек у выхода обернулся, взвыл в отчаянии, еще разок попробовал прорваться наружу… и выхватил пистолет.

– Ах ты ж ведьма клятая! – проорал компаньон.

Черный зрачок дула нацелился Таньке в грудь. Оглушительно грянул выстрел.

– Не-ет! – истошно завопил Богдан, бросаясь к Таньке.

Но прыжок Ментовского Вовкулаки был стремительнее и точнее. Тяжелое волчье тело серой тенью метнулось между девочкой и летящей пулей. И словно переломилось пополам. Вовкулаку развернуло в воздухе и швырнуло в сторону. Он пытался подняться, но лапы разъехались, глаза затуманились. Тяжелая морда упала, тупо стукнувшись в пол.

В холле грянул многоголосый яростный вой. Перемахивая через турникет, шестерка молодых вовкулаков ринулась на человека у выхода. Он вжался в стекло, вскинул навстречу им руку с пистолетом. Лязгнули волчьи челюсти, смыкаясь на запястье. Металлически стукнув, пистолет упал на пол и завертелся. Мужчина закричал, валясь под тяжестью мохнатых тел.

– Парни, парни, не увлекайтесь! Он нужен живой! – скомандовал знакомый голос.

Ирка оглянулась. Кряхтя и держась за бок, майор поднимался с пола.

– Живой! – ликующе завопила Танька и, раскинув руки, кинулась майору на шею.

– Конечно, живой, – пробурчал майор, отбрасывая прочь окровавленный стальной цилиндрик. – Это ж не серебро. Ходил бы я на такие опасные задержания, если б меня простая пуля брала?

Изо всех сил обнимая майора, Танька лепетала:

– Вы мне жизнь спасли! Спасибо! Спасибо!! Спасибо!!!

– Спасибо – это чересчур, – рассудительно заявил Вовкулака. – Вот равноценная дележка – по пятьдесят тысяч на нос, включая ваши безнюхие носишки! – это будет в самый раз.

Танька медленно расцепила руки, поглядела на Вовкулаку настороженным взглядом и процедила сквозь зубы:

– Мы обсудим этот вопрос.

Громко топая, мимо пробежал Иващенко. Туда, где не было уже никаких волков, а шестеро здоровенных парней в камуфляже крепко держали сухощавого пожилого человека с высокими залысинами.

– В бухгалтерию его, там тоже программа «Клиент – Банк» есть! – решительно скомандовал Иващенко. – И Серегу туда

тащите! Пусть наш новоявленный компьютерный гений тоже поработает! – Он широким шагом миновал турникет. Бросил охраннику, робко позыркивающему из глубины будки: – С вами я потом разберусь!

– А я думал, вы уже уехали, Владимир Георгиевич! – потерянно пролепетал охранник.

– Никто из начальства домой не уехал, – злобно косясь на трепыхающегося в руках камуфляжников компаньона, заявил Иващенко. – Ну вот буквально все остались в здании!

Терпения добраться до собственного кабинета у Иващенко уже не было. Он рывком распахнул дверь бухгалтерии. Камуфляжники швырнули компаньона на стул перед компьютером главного бухгалтера, через мгновение рядом кинули и Серегу.

Ирка устало ввалилась следом. Бешеное напряжение этой ночи постепенно отпускало. Сквозь дрему она глядела, как торжествующий Иващенко размахивает пальцем под носом у племянника:

– Давай, выходи на банк, куда ты мои денежки засунул! – командовал он. – Работай!

– Опять? – возмутился Серега. – Мне за тот раз не заплатили! – Он многозначительно покосился на поникшего на соседнем стуле компаньона. – Я вам не папа Карло, забесплатно ишачить!

Его дядя взревел в лучшем вовкулачьем стиле, и Серега уткнулся в клавиатуру:

– Да ладно, ладно, делаю уже! – И, бормоча себе под нос: – Посторонней детворе платит, а родному племяннику… Прямо рабство какое-то! – Серега застучал по клавишам.

По экрану побежали ряды цифр. Наконец на экране засветилось красное окошечко.

– Код доступа давайте, – буркнул Серега.

Иващенко глянул на компаньона:

– Ну?

Тот ответил совершенно пустым, непонимающим взглядом. Казалось, он вообще не в состоянии был осознать: где он, что происходит, кто вокруг него и чего от него хотят.

Лицо Иващенко налилось густой, бешеной кровью:

– Ты ваньку мне тут не валяй! Мы тебя поймали! Давай код, быстро!

Но пойманный беглец все так же тупо глядел на партнера.

– А побыстрее нельзя? – нахально потребовал Серега. – Тут, между прочим, таймер на ввод кода: вовремя не введем, так ваши денежки на Мальте и останутся!

– Правда, заканчивайте уже! – впервые выказала недовольство Танька и судорожно зевнула. – Мы тут с вами полночи колотимся! А если вы не заметили, так мы, между прочим, дети! Нам спать пора! Я родителям наврала, что к Ирке ночевать пойду. Не дай бог, они не мне на мобилку, а Иркиной бабке на домашний позвонят!

– А бабка ответит, что я к тебе ночевать пошла, – мрачно вздохнула Ирка.

– Слыхал, мужик, какие у ребят проблемы? – навис над сжавшимся пленником майор. – Колись, какой код! Давай, гад, пока я добрый! – и он шарахнул кулаком об стол перед склоненным лицом компаньона. Золотой браслет «Ролекса» сверкнул у того перед глазами. Пленник вскинул голову и уставился на майора совершенно безумным, жаждущим взглядом.

– Хозяин? – растерянно переспросил он. – Это вы, хозяин?

Майор уставился на него в изумлении. На лице его так и застыла грозная гримаса. И компаньон немедленно испуганно сжался.

– Хорошо, хорошо, хозяин! – залепетал он. – Я слушаюсь, хозяин! Я всегда вас слушаюсь! Сказали забрать – я забрал. Сказали вернуть, вот, пожалуйста, все сейчас вернется, – его пальцы шустро пробежали по клавишам. В окошке засветился ряд цифр. Компаньон с заискивающей улыбкой обернулся к майору: – Вы довольны, хозяин?

Майор судорожно глотнул, откашлялся в кулак:

– Того… А как же… Очень даже… – забормотал он.

Но глаза компаньона уже впились в майорский кулак, заметались: с золотого «Ролекса» на запястье – на пальцы, снова на «Ролекс»:

– А где ваше кольцо, хозяин? Ваше рубиновое кольцо? – страшное подозрение отразилось на лице компаньона. – Ты… Ты не хозяин! Ты – не он!

Он яростно рванулся к клавиатуре, собираясь стереть введенные цифры. Но тут в дело неожиданно вмешался Серега. Он коротко ткнул пальцем в клавишу ввода… Цифры мигнули, окошко закрылось и тут же появилось вновь, с надписью: «Перевод денег завершен».

– Есть! – тихо, словно он не мог поверить своему счастью, пробормотал Иващенко. – Вернулись! Я спасен!

– Ага! – взревел Серега. – Как я тебя! – он торжествующе воззрился на компаньона. – Будешь знать, как бабки за работу замыливать!

Несчастный издал мучительный стон и закрыл лицо дрожащими руками. Он раскачивался на стуле и тихо,

придушенно бормотал:

– Я не виноват! Хозяин, я не виноват! Меня обманули, хозяин! У них ваш «Ролекс», хозяин!

– «Ролекс»! – Майор растерянно поглядел на свое запястье и забормотал, тоже тихо и придушенно: – «Ролекс», рубиновое кольцо… Хозяин! – И вдруг, сорвавшись с места, распахнул дверь офиса. Ирка кинулась к нему, встала рядом.

Длинная кишка коридора тянулась перед ними. Только у батареи, там, где должна была находиться поникшая фигура жадного папаши, не было никого. Лишь пустые наручники бессильно свисали с трубы.

– Смылся, – задумчиво сказал майор. – Еще когда мы с этими человечьими выкормышами сцепились, его уже не было. Как умудрился?

– Не знаю. И знать не хочу, – отрезала Ирка. Ей было невыносимо страшно. – Нашли иващенковские деньги, и хватит, все! Уходим отсюда! Все кончилось!

– Ничего не кончилося… все тилькы починаеться… – проскрежетал незнакомый скрипучий голос.

Глава 16. Ловушка на Хортову кровь

Свет в бухгалтерии потух. Загудел и смолк компьютер. Ночное освещение в коридоре на мгновение ослепительно вспыхнуло и разом погасло. Здание погрузилось во тьму.

– Эй, что такое происходит? – рявкнул раздосадованный Иващенко. – Немедленно включите свет!

– А якщо не включим? – проскрежетал голос уже из другого угла.

Ирке показалось, что и сам голос был немного другим.

– Где вы? Где прячетесь? – требовательно спросил Иващенко.

Послышался скрипучий смешок.

– Мы не прячемось. Мы здесь. Та здесь! И тут! И ще тут! Сюды! – Голоса неслись со всех сторон, из всех углов. И еще в кромешной темноте слышался дробный топот маленьких ножек. Точно крысы пробежали.

– Уберите свои когти от моей ноги! – выдохнул Серега.

– Кто тебя трогает, да еще за ноги! – буркнул майор.

– Но кто-то же трогает, – дрожащим от ужаса голосом сообщил Серега.

У самой его ноги опять скрежетнул смешок, и кто-то маленький и ловкий отбежал в сторону.

– Ай, они колются! – вскрикнула Танька.

Ирка тоже почувствовала укол в коленку. Она схватилась за больное место – нечто острое тут же ткнулось в руку. А вокруг забегали, затопотали, замельтешили. Топот ножек окружал, замыкал в кольцо. Ирка завертелась на месте, пытаясь разглядеть тех, кто носился вокруг, но видела лишь мелькающие сгустки мрака. Они мчались все быстрее, топот усиливался, нарастал, вроде бы удваивался, утраивался, вроде неведомых существ становилось больше. И вдруг все прекратилось, смолкло. Будто ножом обрезали.

– Эй вы, которые здесь… – нерешительно позвал Богдан. – Вы теперь где?

Полная, ненарушимая тишина была ему ответом.

– Ушли, что ли? – потерянно пробормотал майор.

– Вам лучше знать, – отозвалась из темноты Танька. – У вас, вон, нюх, слух.

– Да не чуем мы ничего! – раздосадованно ответил майор. – Как поотшибало! А ты, сестренка?

– Я тут при чем?! – мгновенно возмутилась Ирка.

На самом деле она была бы сейчас не против, чтобы к ней вернулись черно-белое суперзрение и слух, позволяющий

различать звуки, недоступные человеческому уху, и ладно уж, пусть странные и непривычные запахи возвращаются тоже. Но ничего такого не происходило. Она по-прежнему едва-едва могла видеть сквозь сплошной мрак и не слышала ничего, кроме учащенного дыхания напуганных людей.

– У меня кинжал по-прежнему с собой, – предложил вовкулакам Богдан. – Можете перекинуться.

– Давай его мне, – скомандовал майор.

– А вы где? – Богдан растерянно закрутил головой, вглядываясь в темноту.

– Кажется, я от тебя справа, – не вполне уверенно предположил майор. – Так, я сейчас протяну руку…

Богдан тоже вытянул руку и почувствовал, как его пальцы касаются чьей-то ладони:

– Вроде держу. Это вы, майор?

– Наверное, я, – с сомнением предположил майор. – А это – ты?

– Я! Я! – захохотал скрипучий голосок. Твердые и тонкие, как у насекомых, пальчики впились в руку майору. Острая боль обожгла ладонь. Теплая кровь заполнила глубокий разрез, струйкой полилась на пол.

– У-у-у! – взвыл майор, вертясь на одном месте и пытаясь отодрать повисшее на нем существо.

В глубине комнаты заорал Богдан:

– Пусти, гадина! Ай, не кусайся!

Острые зубки иголками прокололи ему кожу и принялись рвать. По запястью прокатилась волна жгучей боли. Богдан затряс левой рукой, пытаясь стряхнуть существо, но зубы впивались все крепче.

– Больно же! Ну сейчас я тебя! – коротко замахнувшись, он рубанул турецким кинжалом перед собой. Сдвоенные изогнутые лезвия сверкнули, на мгновение разгоняя плотный мрак.

– Ай-ай! – существо тут же выпустило Богдана. – Хладное железо, у него хладное железо, – и ножки затопотали прочь.

– Мой тоже смылся. У-вау! – болезненно подвыл майор, обматывая платком изодранную руку.

– Давайте-ка выбираться в коридор и к выходу, – решил за всех Иващенко. – Пацан, ты с кинжалом впереди. Серегу и этого, криминального гения, по центру. – И, обращаясь к компаньону, заметил: – Видишь, что у нас в здании по ночам делается! Твое счастье, что мы тебя нашли!

– Найшли! Найшли! – скрипуче захохотали со всех сторон. – То должны были найти! Мы теж тепер найдемо! Молодый, молодый! Найдемо молодого!

– Наружу! – гаркнул майор. Вся компания, сбившись плечом к плечу, ринулась к выходу, почти неся впереди себя Богдана, выставившего руку с зажатым клинком.

– Бижуть! Тикають! Не сбегут! Найдемо! Молодого найдемо! – скрипели вокруг голоса. Крохотные, но цепкие ручонки хватали бегущих за колени, что-то невероятно острое тыкалось им в щиколотки, что-то сухое, как солома, хрустело под ногами.

Ирка содрогнулась от омерзения, когда цепкая лапка схватила ее за локоть. Слепо ударила рукой о стенку коридора. Кажется, попала, что-то хрустнуло, хватка разжалась. Группа перепуганных людей выкатилась в коридор… и замерла.

Впереди, позади, по бокам слышался ритмичный топот. Сотни крохотных ножек топотали, приплясывали. Сотни крохотных ладошек прихлопывали, и смех, скрипучий смех накатывал со всех сторон.

– Не сбежите! Мы вас сюды привели, мы вас сюды приманылы, а тепер мы найдемо! – кажется, крохотные плясуны пустились в хоровод вокруг тесно сбившейся группки людей. – Хто з вас, хто з вас, кажить, хто з вас?

– Да кто? Кто вам нужен? – спросил компаньон, от страха его голос скрипел, как у неведомых плясунов.

– Не ты, не ты! – издевательски прокричали из темноты. – Ты – не вин, ты приманка на нього. – В темноте снова заплясали, притопывая и прихлопывая. – Ай да мы, ай да мы! Пидсказалы, та пидбылы, та мысль у голову вложили! Тайные ходы робыти помоглы! А ты так легко пиддався, украв та сховався! А тэбэ искалы, а тэбэ выслежувалы! И никто найти не миг, бо мы следы пряталы, ухоронку ховалы! Лише один, лише вин кризь наше чаклунство прошел, наши тайны открыл. Он тут, тут! И мы його найдемо! Молодой, молодой!

– Так ты у нас, оказывается, не сам пятьдесят лимонов стырить додумался? – с усмешкой бросил Иващенко своему компаньону. – Ты у нас жертва колдовского психологического воздействия?!

– Ловушка! – прошептала Танька. – Вот она, твоя вторая пустая карта, вторая тайна! Все наше расследование было ловушкой!

– Говорила, не надо лезть, а тебе полмиллиона пекло! – с некоторым удовлетворением объявила Ирка.

– Жадные, жадные, все видьмовське племя жадное! – подтвердили скрипучие голоса. – Видьмы прийшли, його привелы! Мы зналы!

– Ничего мы не жадные, сейчас время такое, – обиделась Танька. – И вообще, кто вы такие, чтобы критиковать?

– Вона хоче знаты, хто мы! Видьма хоче знаты! – проскрежетало из тьмы.

И в густом, давящем, прямо-таки осязаемом мраке коридора засветился крохотный мертвенно-белый светлячок. Огонек приближался, надвигался все ближе, и Ирка ощутила, что не хочет видеть того, кто нес этот жутковатый свет, и в то же время не может отвести взгляд.

Кружочек света остановился прямо перед напуганными людьми, и тут они увидели. Маленькое кривоногое существо с тельцем не толще соломинки и похожей на наперсток головой. Черты лица настолько мелки, что разобрать невозможно, лишь хорошо виден щелястый жабий рот с острыми, как иголочки, зубами. В длинных, будто макаронины, гибких пальцах созданьице держало веретено. На кончике веретена бледно светился огонек.

В молчании люди рассматривали явившуюся им тварюшку. Ирка гадливо повела плечами. А майор гулко захохотал, вспугивая тьму.

– И вот от этой мелочи мы сматывались? Да мне всей их банды только на перекус и хватит! – и Ментовский Вовкулака, выхватив у Богдана из рук кинжал, перекувыркнулся в воздухе.

Громадный волк обрушился сверху, ударом лап вбивая тварюшку в пол.

– Перекинулся, перекинулся! Це вин! Мы найшли його! – заверещало, заскрежетало со всех сторон и разом вспыхнуло множество мертвенно-синих светлячков.

Люди закричали в ужасе. Все пространство вокруг было заполнено тоненькими, как соломинка, крохотными тварями с веретенцами в длинных пальцах. Насколько хватало глаз, существа роились на полу. Цепляясь острыми кончиками веретениц, плотно, будто мошкара, висели по стенам. Сыпались с потолка на головы своим соплеменникам. Их гибкие туловища изгибались, переплетались, длинные пальцы зловеще шевелились, а концы веретен были грозно выставлены.

– Джокеры! – белыми от страха губами прошептала Ирка. – Карты предупреждали!

– Это не джокеры, – ответила Танька. – Это нички! Но они же… Я про них читала, нички совсем не агрессивные! Они в деревнях живут, по ночам в хатах мелко пакостят!

– Ну и сидели бы в своих деревнях, чего они в город-то приперлись! – нервно оглядываясь, сказал Богдан.

– Хазяин велел! – заскрежетали твари. – Хазяин велел, нички прийшлы, нички найшлы, нички поймають! Хазяин буде довольный! – И, заливаясь скрежещущим смехом, нички разом

кинулись на Ментовского Вовкулаку.

Тысячи нитей слетели с веретен, разом метнулись, захлестывая волка. Оборотень прыгнул, уклонился, нити скользнули по шкуре, гигантские челюсти клацнули. Громадный волк вскинул голову, из его пасти свисало сразу с десяток тоненьких соломообразных тварей. Но в то же мгновение нички тряхнули веретенами, сброшенные нити захлестнули волку лапу. Веретенца закрутились, зажужжали, заматывая его в плотный кокон. Вовкулака забился…

– Вы что делаете, гады! – нашарив наконец упавший кинжал, Богдан рванулся на помощь, пытаясь разрезать опутавший волка клубок. И с маху напоролся на сотню острых веретениц.

– Богдан! – отчаянно завопила Танька.

Десятки мельчайших уколов на теле мальчишки мгновенно набухли кровью, футболка из белой превратилась в красную. Пацан отпрянул в сторону. А вовкулака уже весь был закутан в кокон, лишь торчала наружу лобастая голова. Аркан из прозрачной нитки стянул отчаянно щелкающие челюсти. Одна из ничек вскочила волку между ушей – оборотень мог лишь мотать головой и грозно рычать сквозь сомкнутую пасть. Длинные гибкие пальцы ухватили волка за шерсть, рванули – вовкулака взвыл от боли, – поднесли выдранный клок к злобной маленькой мордочке.

– Та вин седой! Вин старый! – разочарованно протянул скрипучий голосок. – Не вин, не вин! Шукайте! – и длинный палец уперся в застывшую группку людей. – Де молодой, де?

– Сейчас вам будет молодой! – дружно прорычала шестерка оборотней и рванула на помощь своему командиру. Двухлезвийный кинжал был снова выхвачен из рук Богдана.

– Не перекидывайтесь! Им это и нужно! – заорала Ирка, но вовкулаки ее не слушали. Один за другими они перелетали через клинок. Вздыбив шерсть, молодые волки грудью врубились в шевелящийся клубок ночных созданий.

Толпа ничек распалась перед ними, будто колосья на поле, и тут же плотно сомкнулась. Нити веретен вновь взметнулись в воздух.

– И-ех! – закрутив кинжал как бумеранг, Богдан запустил его в воздух. Нитяные арканы лопались, встречаясь с острой сталью.

– Ты зачем кинжал выкинул? – завопила Танька.

Еще разок крутанувшись в воздухе, сдвоенный клинок рухнул на головы ничкам. Там, где холодное железо касалось ночных созданий, они валились замертво, будто срезанные колосья. Но остальные тут же зацепили кинжал петлями и оттащили прочь, подальше от Богдана.

Нички разделились: одни стремительно завертели свои веретенца, и новые нити начали захлестывать оборотней, крутить им лапы, другие двинулись к людям. Стремительные, как поток, создания надвигалась все ближе…

– Де, де, де? Де вин? – монотонно бубнили нички. – Хто з вас вин?

Отчаянно, брызжа слюной, завизжал компаньон:

– Кто, кто вам нужен? Скажите, объясните, я вам все найду! Только не трогайте меня!

– Эк! – Кулак Иващенко обрушился компаньону на затылок. Глаза мужчины закатились, он свалился под ноги наступающим ничкам. – Сто раз предупреждал, ты в переговорах не участвуешь! Тебя тоже касается! – он грозно покосился на племянника.

– А я что, я молчу! – невозмутимо ответил Серега. На губах его играла отсутствующая улыбка, копошащихся вокруг ничек он разглядывал с мечтательным любопытством. – Чего мне с собственным глюком разговаривать? Меня ж так глючит, правда?

Надвигающаяся масса ночных созданий перекатилась через бесчувственное тело компаньона, придвинулась ближе. Пальцы-макаронины, противно шевелясь, потянулись к людям. В ужасе, что сейчас эти пальцы коснутся ее, Ирка взвизгнула и залепила ногой по ближайшей твари. Ничку унесло в сторону, но остальные не остановились.

– Зажигалка, дайте зажигалку! – Танька вцепилась в рукав Иващенко.

Бизнесмен выхватил из кармана золотистую зажигалку. Танька щелкнула колесиком и прокричала:

– Солнышко-Сварог, злым теням порог! Огнь Сварожич, поможи, зла тенета розвьяжи!

Огонек вытянулся, истончился, превращаясь в тонкую, неровную, колеблющуюся огненную плеть. Плеть хлестнула по ничкам. Передовую шеренгу смело, оставляя на их месте длинную черную полосу золы. Запахло горелой соломой.

Огненный хлыст взвился, рассекая толпу ничек пополам. Молодой вовкулака рванулся, выдираясь из пут, пасть щелкнула, выкусывая прореху в плотной массе ночных тварей.

– Это что еще за заговор? Почему не знаю? – со смесью радости и ревности выкрикнула Ирка.

– А ты не полагайся только на бабушкину тетрадку! С литературой работай! – лихо вскричала Танька, хлеща огнем во все стороны.

Слетающие с веретен нити вспыхивали, осыпались пеплом. Тоненькие тела переламывались пополам. Толпа ночных тварей уже не казалась бесконечной. Их становилось меньше и меньше!

Нички отпрянули, оставляя наполовину спутанных вовкулаков. Молодые волки бились на полу, вырываясь из спутавших их веретенных нитей. Вот один поднялся, второй, третий… Губы вздернулись в рыке, обнажая грозные клыки…

– Хазяин розсердиться! – скрежетнуло из толпы. – Вин нужен хазяину! Хапайте оборотней! Вин десь тут!

Новая армада ничек осыпалась на волков со стен и потолка, погребая их под собой. Огненный хлыст полоснул поверху. Противный запах горелых нитей ударил в нос. Стремительно вращая свои веретена, нички бросали нити навстречу огню. Густая, словно заросли подводных растений, паутина повисла между людьми и захваченными вовкулаками. Огненный хлыст прожигал нитяной заслон, но нити переплетались все плотнее, все гуще. Пламя уже жгло только сами нити, неспособное сквозь них пробиться к ночным тварям. Паутина качнулась навстречу, тесня пятерых уцелевших прочь из коридора. Позади нитяного заслона слышался отчаянный рык – вовкулаки еще сражались… Но вот рев волчих глоток стал затихать.

Паутина из тонких сверкающих нитей уплотнялась, становилась все толще и толще. Вот она стремительно ринулась навстречу, край паутины хлестнул по людям. Иващенко, Серегу и ребят вышибло из коридора в холл! Они покатились по полу, зажигалка выпала у Таньки из рук, отлетела в сторону. И вдруг позади нитяного заслона послышались многоголосые скрежещущие вопли:

– Не те, не те оборотни! Воны вси волки! Не вин, не вин! Нема його! Сбежал, сбежал! В погоню!

Словно театральный занавес, паутина распалась пополам. И в открывшуюся щель, выставив острые веретена, хлынула толпа ничек. Их армия уже не казалась столь громадной – огонь и волчьи клыки сделали свое дело. Но против пятерых людей и уцелевших тварей было более чем достаточно!

– Бежим! – гаркнул Иващенко и, ухватив за руку Серегу, рванул к выходу. Сквозь стекло будки мелькнуло бледное, совершенно безумное лицо охранника. Тут же исчезло, похоже, охранник хлопнулся в обморок.

Будто стая пчел взвилась у людей за спиной. Иващенко обернулся. Неистово жужжа в воздухе, сотни веретен неслись к нему. Порывом воздуха его и Серегу толкнуло к стене, и вокруг будто град застучал: пробивая одежду и больно прихватывая кожу, веретена прикалывали их к стене, будто жуков к листу картона! Бизнесмен и его племянник неистово задергались, пытаясь вырваться, но веретена держали крепко.

Вторая стая веретен взмыла из длинных пальцев ничек и

ринулась навстречу Ирке и ее друзьям. Ребята побежали, но веретенный рой настигал. В голове у Ирки было пусто, ни одного заклятия! В последней, отчаянной, безумной надежде она сунула руку в карман:

– Бабушка, помоги! – и швырнула карточную колоду навстречу настигающим веретенам.

Края карт сверкнули серо-стальными, лезвийными остриями. Карты закружились яркими бабочками и выпорхнули навстречу веретенному рою. Отступив к стене, ребята расширившимися глазами смотрели на разгоревшийся воздушный бой. Вот вжикнул острый край карты, и веретено распалось пополам. Но тут же другое веретено с хрустом пробило карту насквозь. Медленно, но верно веретена пробивались сквозь карточный заслон.

А толпа ничек тем временем рванула к беспомощным Иващенко и его племяннику. Гибкие пальцы цеплялись за одежду, тонкие создания, омерзительно извиваясь, ползли, подбираясь к лицу. Одна тварь вскочила бизнесмену на голову, свесилась, заглядывая в глаза. И разочарованно заскрежетала:

– Старый, теж старый! Не вин! Проверьте молодого!

– Э-э, – предостерегающе забормотал Серега, когда острие веретена распороло футболку у него на груди, обнажая кожу. – Мне этот сон перестал нравиться! Проснуться хочу! Будильник, ты где? Вы что делаете? А-а-а!

Острое веретено уперлось ему в пупок и поехало вверх, оставляя на груди царапину, мгновенно набухшую кровью. Жабий рот нички распахнулся. Из него, свисая ниже колен твари, вывалился длинный язык. И этот язык пополз по груди Сереги, слизывая кровь. Содрогаясь от отвращения и боли, парень кричал.

Язык втянулся в рот твари, растянутые губы зашмякали, словно пробуя изысканный деликатес. Ничка глотнула.

– Не та кровь! Не та! Не вин! Знов не вин!

Нички повернулись к Ирке и ее друзьям.

– Один остался, один! – заскрежетали твари. – Це вин! Вин! – гибкие пальцы-макаронины указали на Богдана.

– А чего я-то? – потерянно пробормотал мальчишка.

Толпа ничек неумолимо двинулась к нему.

– Вин, вин, вин! Молодой! Иды до нас! Хазяин тебе хоче!

– Много хочет, мало получит! – выкрикнул Богдан, сжимая кулаки. – Вот заставили меня меч оставить, а сейчас бы пригодился!

– Вон, целая стенка с мечами, бери любой! – Танька кивнула на стенку холла с красующейся на ней оружейной коллекцией.

Последние карты из старой колоды осыпались клочьями, вспоротые веретенными остриями.

– Как туда пробиться? – фыркнул Богдан.

Наступающие нички замкнули их в полукольцо.

Ирка схватила мальчишку за плечо:

– Ты же здухач! Стань здухачем, перелетишь!

– Ты знаешь, боюсь, в таком шуме я не смогу заснуть! – процедил Богдан.

– Танька, усыпи его!

Танька наскоро затянула «Ходить Сон по улонци…», но нички не собирались давать ей времени для завершения колдовства. Скрежеща:

– Вин, вин! Найшлы! Наш! – они перешли в наступление. Длинные пальцы вцепились Богдану в ноги…

– А вот фиг вам, не ваш! – вдруг яростно вскричала Танька, и… ухватив Богдана за плечи, она изо всех сил впечатала пацана головой в стену!

Бесчувственное тело рухнуло к Танькиным ногам! И тут же, отделившись от беспомощного хозяина, над ним взмыл второй Богдан! Выше, крепче, сильнее! Веки здухача были и на сей раз крепко сомкнуты, но лицо не дышало покоем сна, оно исказилось болью и яростью. Слепой взгляд закрытых глаз нашарил Таньку…

– Со мной потом разберешься, – выкрикнула ведьма. – А сейчас дай им! – она указала на ничек.

Двойник коротко кивнул и взмыл в воздух. Сверкающий рыцарский плащ развевался за его плечами. Здухач подлетел к стене с оружием. Пальцы мальчишки сомкнулись на рукояти огромного рыцарского двуручника.

– Пойдем со мной! – тихо попросил здухач.

И пудовый меч легко скользнул из ножен. Он был выше, чем сам здухач, но в руках мальчишки порхал легко, как тростинка. Шелестя как вертолетная лопасть, меч пошел поперек толпы ничек, выкашивая ночных тварей, будто сухой луг.

Издавая скрежещущие вопли, нички кинулись врассыпную. Но лезвие перепорхнуло на другую сторону и вновь неумолимо двинулось им навстречу. Ночные создания заметались.

– Хазяин розсердиться! – заскрипел предостерегающий голос. – Вин, вин! Хазяину нужен молодой Хорт! Взять молодого Хорта!

– Хорт? При чем тут Хорт? Какой еще Хорт? – Обалдевшая Ирка отшатнулась от стены, сделала шаг вперед.

Но ничкам не было до нее никакого дела. С безумием обреченных они кинулись навстречу Богдану. Но, даже погибая, нички продолжали скрежетать:

– Взять, взять! Молодой Хорт! Нужна Хортова кровь!

– Вы что, все очумели? Оставьте его! Он никакая не Хортова

кровь! – прокричала Ирка.

– Разбудить молодого! Здухач щезне! Визьмемо, визьмемо! – заскрежетали голоса.

Нички поперли вперед, словно камикадзе бросаясь под меч. Клинок завязал в налипающих на лезвие тонких телах, движения его становились все медленнее. И вот уже тоненький ручеек ночных созданий просочился мимо сражающегося здухача. Прямо к бесчувственному телу его носителя. С десяток ничек подбежали к Богдану, схватили его за плечи, затрясли:

– А вот не зря я его оглушила. Кто в обмороке, того не разбудишь! – довольно пробормотала Танька. Отмахиваясь от уколов веретен, она кинулась отдирать ночных созданий от мальчишки. И тут же еще одна группа ничек сумела проскользнуть под убийственным клинком.

В воздухе свистнули нитяные арканы, и Танька покатилась на пол. Ее поволокло прочь. Тело Богдана захлестнуло петлей, дернуло…

Здухач отчаянно заметался, но уцелевшие нички встали между ним и похищенным телом. Рыцарский меч сверкнул, обрушиваясь на врага. Но спутанное, бесчувственное тело Богдана уже волокли прочь, во тьму коридора.

Ирка бросилась было за ним, но немногие уцелевшие нички выступили вперед, раскручивая свои веретена. Здухач рвался в погоню, но уже не успевал, не успевал, не успевал…

– Да оставьте вы его! – бессильно закричала Ирка. – Никакой он не молодой Хорт! Говорят, это я Хортова кровь! Хватайте меня!

Ответом ей был скрежещущий смех:

– Не бреши, видьма! Який же ты – вин! Ты – вона! Молодый Хорт, молодый Хорт! Хазяин велел пийматы молодого Хорта! И мы пиймалы, пиймалы!

Ирка почувствовала, как ее трясет от бесконечного ужаса, отчаяния и глухой злобы на саму себя. У стенки беспомощно дергались пришпиленные бизнесмен с племянником. Где-то там в коридоре остались вовкулаки, кто знает, живые или мертвые. Танька тюком валялась на полу. Богдан мог вообще никогда не очнуться, ведь если здухач не воссоединится со своим телом… У Ирки дыхание перехватило. Она стояла, совершенно бессильная: ни оружия, ни заклятия наготове, ничего, чтобы помочь другу!

«А зубы и когти? – ярость, горячая и в то же время ледяная, туманила голову, отключая человеческий рассудок. – Мощь могучих лап, пьянящая радость охоты, и добыча, трепещущая в твоей ощеренной пасти…»

В очередной раз вокруг Ирки исчезли цвета, сменяясь контрастной черно-белой ясностью. Она почувствовала, как там, в

коридоре, возятся изодранные, израненные, но живые, живые вовкулаки. И как старый волк ползет, судорожно ползет сюда, волоча непослушное тело и обрывки разодранных пут. А потом из глубин ее души стало подниматься нечто грозное и абсолютно бесстрашное, прорываясь наружу гремящим рыком.

Сильные ноги швырнули в прыжок. Мощное темное тело взвилось в воздух. Щелкнули клыки, и тащившие Богдана твари зашлись в коротком вопле и смолкли. Острые когти прошлись по разодранным телам ничек. Взметнулись в воздух нитяные арканы… И тут же бессильно сгорели, потому что вокруг гладкой черной шкуры вспыхнул огненный ореол. Волной покатился по толпе ночных созданий, оставляя после себя лишь выгоревшую проплешину.

Широкая грудь сшибла наземь с десяток ничек, их тонкие соломенные тельца переламывались под поступью тяжелых лап. Веретено больно вонзилось между когтями. Сверкающие зубы выдрали из лапы острую колючку, послышался злобный визг, и темное тело прянуло вслед самым благоразумным из ночных тварей – бросив своих пленников, они пытались бежать. Но поздно, слишком поздно.

Громадная лапа прихлопнула последнюю бегущую ничку. Корчась в покрытых синим лаком когтях, существо затуманенным взором глядело на нависшую над ним оскаленную пасть.

– Не вин, не вин! – проскрежетала ничка. – Хазяин… не знает! Не Хорт, не Хорт! Хорти… – когти сжались. Еще раз простонав: – Хазяин! – последняя ничка смолкла.

В ответ послышался тихий изумленный полустон-полувздох. На мгновение у стены соткалась высокая гибкая фигура в плаще из тьмы. Из-под клубящегося мрака капюшона мрачным красным огнем сверкнули змеиные глаза с узкой щелью вертикального зрачка. Коротко и остро взблеснул перстень с кровавым рубином.

– Теперь знаю! – взвился столб алого пламени. Фигура исчезла.

Над опустевшим полем боя, покачиваясь на тонких, но сильных ногах, отблескивая темной гладкой шкурой, скаля клыки, стояла громадная борзая. Хортица.

Глава 17. Зачем ведьмам деньги?

– Все трое получим меньше, чем должны были! – гневно процедила Танька, сузившимися глазами разглядывая компанию вовкулаков.

Вытянув длинные ноги, семерка вальяжно раскинулась в мягких креслах банковского офиса. Сегодня они отказались от своих камуфляжных костюмов, даже майор появился без мундира, в обычных джинсах и рубашке. Но все равно банковские служащие с опасливым недоверием косились на этих посетителей: молодые волки и их командир выглядели опасными, чему немало способствовали украшавшие их физиономии синяки и ссадины. У майора надо лбом был начисто выдран клок волос, похоже, вместе с куском кожи, повязка на лбу пропиталась свежей кровью. Но выглядел Ментовский Вовкулака при этом чрезвычайно довольным.

– Будто овечку задрал, – прокомментировал Богдан.

– А и задрал! – агрессивно вскинулась Танька. – Меня! Считай, по живому зарезал! Выцарапал, выгрыз! Волчина свинский! Придется-таки с ними делиться, по пятьдесят тысяч на каждого! Ну что за взрослые пошли, вместо того, чтоб детей защищать, так и норовят кинуть на сотни тысяч долларов!

– Так он тебя и защищал! – вступился за оборотня Богдан. – А не то пристрелили бы!

– Так я потому и уступила! Иначе нолик бы он у меня получил, а не триста пятьдесят тысяч! – взвилась Танька.

– Ну так и не блей, бедная овечка! – рявкнул Богдан. – По пятьдесят тысяч – тоже хорошие деньги!

– Только непонятно, куда их девать, – раздраженно пробурчала Танька. – Протрынькать – слишком много, бизнес начать – слишком мало. Хорошо, что теперь даже детям можно свой счет иметь. Значит, так. Пока оставляем деньги в банке, я уже выяснила, процент там пойдет приличный. А я спокойно обдумаю, как их лучше всего использовать. Так что пока никаких машин никто не покупает!

– У Ирки холодильник, считай, спекся. И бабку она хотела в санаторий, – недовольно протянул Богдан.

– На холодильник пусть оставит, – нехотя согласилась Танька. – А бабка в санаторий с процентов поедет, в следующем месяце. Как говорит мой папа: все отдохнем на одну путевку. Кстати, Ирка, не вздумай про деньги своей бабке проговориться, а то она у тебя тоже любит банковские вклады: в банку засунет и в кладовке за ведром припрячет, пока не сгниют! Ирка! Ты нас хоть

слышишь вообще, а?!

Бледная Ирка, в глубокой задумчивости сидевшая в кресле, вздрогнула:

– А? Что? – Она быстро провела языком по зубам, внимательно оглядела собственные ногти, потянула носом воздух и облегченно вздохнула:

– Да-да, хорошо! Просто замечательно!

Богдан с Танькой обменялись тревожными взглядами.

– Да перестань ты дергаться, Хортица… – начал Богдан и осекся, потому что Ирка снова вздрогнула и принялась ощупывать руки в поисках отсутствующих когтей.

Дверь распахнулась. Семерка вовкулаков поднялась навстречу Владимиру Георгиевичу Иващенко. Бизнесмен выглядел не лучшим образом. Он был бледен, совсем как Ирка, и почему-то все время косился на Таньку: испуганно и в то же время как-то обиженно.

Слегка недоумевая – вроде обижаться ему не на что, – Танька ответила ободряющей улыбкой:

– Здрасте, Владимир Георгиевич! Как дела? Как компаньон? Как Серега?

Иващенко выдавил в ответ фальшиво-бодрую улыбку:

– Спасибо, все очухались. Теперь под домашним арестом. Оба. Найдут способ покрыть убытки компании – спущу дело на тормозах. Не найдут – посажу всерьез! У нас по их милости все равно дефицит бюджета в полмиллиона долларов! Правильно? – и он вопросительно поглядел на Таньку, словно ждал от нее подтверждения.

Не очень понимая, что она должна подтвердить – то ли правильность мер по отношению к мошенникам, то ли размер дефицита, – Танька кивнула, соглашаясь и с тем, и с другим.

– Ну что, все готовы? – поинтересовался Иващенко и опять внимательно поглядел на Таньку.

Едва заметно пожав плечами, Танька снова кивнула.

Иващенко повернулся к поджидавшему его банковскому служащему.

– Я предупреждал по телефону: я хочу перевести со счета компании полмиллиона долларов… – Он осекся и вновь тревожно уставился на Таньку. Той ничего не оставалось, как снова кивнуть. В глазах бизнесмена промелькнуло было облегчение, но тут же опять сменилось тревогой: – И распределить их между десятью именными счетами – по пятьдесят тысяч на каждый… – и бизнесмен в очередной раз вопросительно воззрился на Таньку.

Танька ответила ему изумленным взглядом. Но Иващенко упорно ждал и явно не собирался ничего предпринимать, пока не

получит Танькиного согласия. Удивленная девчонка в очередной раз кивнула.

– Сейчас все сделаем, Владимир Георгиевич! – бодро объявил служащий. – Получатели все здесь? Отлично! Проходите сюда, пожалуйста!

Щелкали клавиши компьютера, тихо гудя, принтеры выплевывали бланки банковских договоров. Десять совершенно одинаковых договоров – разнились в них только имена. Иващенко закрыл колпачком ручку:

– Вот видите, с моей стороны все точно в срок, как и договаривались, копеечка в копеечку! – повернулся он к Таньке. В голосе его звучала явная претензия. – А если вам пришлось поделиться с этими господами… – он кивнул на семерку донельзя довольных вовкулаков, – так я здесь ни при чем! И пытаться вытрясти из меня вдвое большую сумму – некрасиво! Вы слышали когда-нибудь о бизнес-этике, милая девочка?

– Я? – воскликнула обалдевшая от его напора Танька.

– Вы, вы! Судя по вашему изумлению – никогда! – продолжал выступать Иващенко. – А надо бы, если, конечно, хотите заниматься делами!

– Я… Я не в том смысле «я», что никогда не слышала, а в том смысле «я», что я ничего из вас не вытряхивала! – попыталась остановить его растерянная Танька.

– Ну да?! – недоверчиво усмехнулся Иващенко. – Может, это вы таким манером меня подстегивали, чтоб я от выплаты не уклонялся? Это тоже отвратительно! Я не давал вам повода подозревать меня! У нас договор! Моей кровью, между прочим, подписанный! А вы…

– Погодите, – оторвавшись от процесса ощупывания ногтей и зубов, вмешалась Ирка, – что вы на Таньку накинулись?

– Я на нее? – возмутился бизнесмен. – Это она на меня! Своими колдовскими штучками!

– Не кидалась я на вас! – Танька уже чуть не плакала.

– А почему тогда в локальной сети корпорации посторонняя программа шастает? Между прочим, «ВедьмаТанька» называется!

Ирка и Богдан понимающе переглянулись. Танька страдальчески сморщилась.

– И что, эта «ВедьмаТанька» очень вредная? – убитым голосом переспросила она.

– Наверняка, можно даже не спрашивать, – пробурчал себе под нос Богдан.

– О нет, ну что вы, совсем не вредная! – с издевательской любезностью сообщил Иващенко. – Просто с какого бы компьютера я ни подключался, она тут же открывается и наседает

со своими требованиями! Ни одну программу открыть невозможно, чтоб поперек экрана не зависло сообщение от «ВедьмаТанька»!

– Ну и чего она вам пишет? – мрачно спросила Танька.

– Вы имеете в виду, что вы мне пишете? А то вы не знаете! Всегда одно и то же! «Дай миллион, дай миллион, дай миллион!»

Ирка невольно хрюкнула от смеха.

– Не «ВедьмаТанька», а Паниковский[3] какой-то! – рявкнул Иващенко. – Миллион! Как же! Договаривались на полмиллиона, вот их вы и получили! – И, круто развернувшись, он вышел прочь из банка.

Танька шагнула за ним следом, будто хотела догнать, объяснить. Но сквозь стекло двери видно было, как Иващенко вскочил в свой джип. Взревев двигателем, машина умчалась.

Танька досадливо махнула рукой.

– Вот всегда так с этими взрослыми! В чем угодно готовы обвинить, а нас никогда не выслушают! – обиженно протянула она.

– Почему эта самая «ВедьмаТанька» с него миллион требует? – поинтересовалась Ирка.

– Ну-у… – Танька замялась. – Когда мы компьютер допрашивали, я подумала, что продешевила, можно было с Иващенко и миллион взять. А что, вон сколько работы мы проделали… – и вдруг Танька осеклась, смертельно побледнела. До нее дошло. – Погодите! – страшным шепотом сказала она, – Это что ж получается? Компьютер тогда с меня информацию снял, и теперь я в нем живу? Я?

– Не надо так нервничать. Не ты вовсе, ты тут стоишь, договор на пятьдесят тысяч долларов от нервов мнешь, скоро совсем в клочки раздерешь, – попытался успокоить Таньку Богдан. – Наверное, у них в локальной сети теперь твоя цифровая копия шастает. Ох и не завидую я им!

– Не может быть! – почти простонала Танька. – Невозможно!

– Как же, невозможно… – мрачно пробурчала Ирка и вытащила из кармана смятый листок бумаги. – Помнишь, когда мы заговор на карты положили, чтоб каждый в них свой страх увидел, я тебя просила записывать, кто чего боится?

– Конечно, помню, – пожала плечами Танька. – Я еще Серегино признание записала и тебе дала. Думала, ты его Иващенко покажешь, а ты – раз! – и в карман бумажку спрятала. Я что-то неправильно написала?

Выражение Иркиного лица стало очень странным.

– А кто его знает, что ты там вообще написала, – проворчала она и, секунду поколебавшись, сунула листок Таньке под нос.

Танька с изумлением смотрела на листок, исписанный, несомненно, ее собственным почерком:

01100010011110100111101010101111001

– Это что такое? – обалдело спросила она.

– Если я не ошибаюсь, двоичный компьютерный код, – невозмутимо заявила Ирка.

Ведьмино наследство

Глава 1. Девочка с собачьей головой

– Может, ты все-таки вернешься домой? Первое сентября, все равно сегодня никаких занятий не будет!

– Вот сегодня и надо идти! Если вдруг срочно сматываться придется, никто толком и не заметит! И вообще, сегодня – единственный хороший школьный день! Хоть с народом пообщаюсь. У меня как, все в порядке?

Богдан окинул Ирку внимательным взглядом.

– Когтей вроде не видно. – Он заглянул ей за спину. – Хвоста тоже. Губы раздвинь, клыки проверю…

Ирка мученически возвела глаза к праздничному ярко-голубому небу.

– Все парни безнадежны. Я разве об этом спрашиваю? – Она сунула руку в карман рюкзачка и вытащила зеркальце. Клыки она и сама почувствует, если снова вылезут, а вот помаду действительно надо проверить.

Ирка одернула белую блузку.

– Пошли?

Богдан с сомнением покачал головой:

– Не нравится мне все это! Я даже приглядеть за тобой не смогу, мы ж на разных этажах!

– Не хватало еще! Приглядывать он за мной будет! За собой смотри!

– А чего за мной смотреть? – резонно возразил Богдан. – Я клыками-когтями не обрастаю, на четвереньках не бегаю…

– Так что, мне теперь всю жизнь дома сидеть?! – возмутилась Ирка. – Ты как хочешь, а я пошла!

Независимо закинув рюкзачок на плечо, она двинулась в обход школьного здания. Богдан, недовольно ворча, последовал за ней.

– Шестой «Б»! Тьфу ты, мы ж уже седьмой! Седьмой «Б» сюда! Седьмой «Б»! – Сложив руки рупором, высокая крепкая девчонка орала, перекрывая шум заполненного народом школьного двора.

Ирка махнула рукой Богдану:

– Я к нашим. После занятий увидимся.

– Ты все-таки поосторожнее, – пробурчал Богдан и, резко свернув, двинулся к кучке шестиклассников.

Ирка пожала плечами. Ценный совет, ничего не скажешь. Как будто ее осторожность чем-нибудь поможет.

– Седьмой «Б», сюда! – прямо в лицо Ирке выкрикнула девчонка.

– Привет, Наташка, ты чего орешь? Думаешь, мы за лето друг

друга так забыли, что не признаем? – поинтересовалась Ирка.

– У нас новенькие, – не отнимая ото рта сложенных рупором ладоней, возвестила Наташка Шпак. – Они твоей морды, Хортица, еще не знают!

– Морды? – Ирка едва сдержалась, чтобы снова не потянуться за зеркалом. Ограничилась тем, что провела ладонью по щеке, почувствовала гладкую кожу и успокоилась. – У меня, к твоему сведению, не морда, – сообщила она и тихонько, себе под нос, добавила: – Во всяком случае, пока. После твоих воплей новенькие к нам и близко не подойдут – орешь, как припадочная, еще, не дай бог, кинешься! Не можешь на асфальте написать – седьмой «Б»?!

– Хортица стильный блузон напялила и решила, что она самая умная. – Оксанка Веселко, первая красавица шестого, нет, уже седьмого «Б», скривила губы в надменной усмешке.

– Это у тебя весь ум в блузке, а у меня в голове, – с достоинством сообщила Ирка, присоединяясь к привычному кружку девчонок из ее класса. На заднем плане мелькнуло незнакомое лицо – видно, одна из тех самых новеньких.

– Откуда прикид, Хортица? – не отставала Оксанка, во взгляде ее читалась плохо скрытая зависть. – Я такую юбку в торговом центре видела, дорогущая.

Ирка удовлетворенно вздохнула. А Танька еще говорила, что торговые центры – ерунда, и тащила в невероятно крутой бутик, где ей мама обычно шмотки покупает. Да кто б в Иркином классе юбку из того бутика смог опознать? А так полный порядок, у всех девчонок глаза по пять с половиной копеек.

– Мамочка из Германии гуманитарную помощь прислала? – съехидничала Оксанка. И тут же пошатнулась, как будто ее кто-то ощутимо пихнул кулаком в спину.

У Ирки мгновенно испортилось настроение. Не слишком приятно сознавать, что весь класс распрекрасно осведомлен о ее проблемах. Конечно, у некоторых тоже с родителями, как говорит их классная, недокомплект. У четверых отцы отдельно живут, а у Шпак, наоборот, только отец и брат-одиннадцатиклассник, лопух редкостный. Но чтоб оба родителя неизвестно где ошивались – это только у Ирки. Можно сказать, внутриклассный рекорд.

– Это ты, если предки не позаботятся, без штанов останешься. А я, между прочим, работаю, – объявила Ирка.

– А чем плохо, если родители заботятся? – парировала Оксанка. – Вот, штаны новые купили. – Она повертела попой, демонстрируя действительно неплохие черные брючки. – И на море свозили. Видала, какой загар – не то что твой, с бабкиного огорода, по рукава футболки!

– Загар у меня как раз очень даже ровный. – Воровато оглядевшись по сторонам – не смотрит ли кто из мальчишек, – Ирка оттянула ворот блузки. За кого ее Оксанка держит? Огород можно и в купальнике полоть, между прочим, самый стойкий загар получается, до середины зимы потом держится, хотя и нет времени целыми днями на пляже с боку на бок переворачиваться, как сосиска на сковородке.

– Можно подумать, так уж круто ты работала! – оттопырила губу Оксанка. – Машину теперь купишь? Квартиру в центре?

– Нет, на то и другое не хватит, только на что-то одно, – злорадно фыркнула Ирка.

– Хватит нам вкручивать, Хортица! – Наташка подняла голову от здоровенной буквы «Б», которую выписывала мелом на асфальте. – Ты что, все лето банки грабила или наркотиками торговала?

– Чем надо, тем и торговала, – неохотно пробурчала Ирка.

Она уже жалела, что заелась с Веселко и чуть не наговорила лишнего. Чтобы скрыть смущение, Ирка полезла в рюкзак за помадой и принялась в очередной раз подкрашивать губы. И тут же поняла, что совершила еще одну ошибку. Взгляды девчонок так и прикипели к золотистому тюбику настоящей и наверняка бешено дорогой французской помады, подаренной Танькой в честь успеха «Иващенковского дела». Ирка увидела, как сестрички Яновские, первые школьные сплетницы, многозначительно переглянулись.

– Ирина, в нормальном человеческом обществе считается неприличным заниматься своим внешним видом на людях. Если тебе так уж необходимо подкрасить губы, отправляйся в туалет и там красься. Хотя в твоем возрасте могла бы и обойтись. – За спиной воздвиглась монументальная фигура Екатерины Семеновны, классной руководительницы седьмого «Б», больше известной как Баба Катя.

– В туалет за туалетом, – тихонько хмыкнула Оксанка.

– А ты, Веселко, помаду немедленно сотри! – Баба Катя всем корпусом развернулась к Оксанке. – У Хортицы это безобразие хотя бы нормального розового цвета, а у тебя – не поймешь что! На ожившего покойника похожа!

Ирка поглядела на классную с осуждением. Вот если бы взрослые еще следовали собственным поучениям. Баба Катя вечно твердит: «Не говори о том, чего не знаешь!» – а сама туда же – оживших покойников обсуждать лезет. Можно подумать, хоть одного видела!

– Не можешь не краситься – заведи себе помаду, как у Хортицы! – потребовала учительница.

– Я б завела! – слезливо проныла Оксанка. – С удовольствием!

– Что мешает? – удивилась наивная Баба Катя.

– Отсутствие денег. Я летом банки не грабила, – пробурчала Веселко.

Но учительница уже не слушала. У выставленного перед входом микрофона появилась директриса, рядом замелькали какие-то очень официальные дяденьки в костюмах. Баба Катя торопливо засуетились.

– Седьмой «Б»!!! – Орать она умела получше Наташки. – Немедленно построились! Яновские, вам особое приглашение требуется?

Ирка быстро сунула помаду в расстегнутый карман рюкзака. Школьный двор мгновенно вскипел движением и почти тут же утихомирился. Пестрая толпа учеников растеклась по четырем сторонам длинного прямоугольника, выстраиваясь для традиционной линейки. Только неподалеку от седьмого «Б» продолжали метаться учителя младших классов, отгоняя квохчущих мам и выстраивая прячущихся за пышными букетами первоклассников. А здоровенный, будто шкаф, дядечка из спонсоров уже сменил у микрофона директрису, чтобы «подарить дорогим школьникам» целый большой мир и еще один маленький телевизор в придачу. Высокий красавчик в светлом костюме ослепительно улыбнулся и, явно рисуясь перед одноклассницами, легко подхватил действительно небольшой телевизор на руки. Понес вдоль рядов, демонстрируя всем желающим.

– Ка-акой он клевый! – мечтательно закатив глаза, протянула Оксанка.

– Кто, телек? – переспросила Ирка.

– При чем тут телек! – возмутилась Оксанка. – Андрей! Из одиннадцатого «А»! – Она кивнула на несшего телевизор старшеклассника.

– Ничего, – с некоторым сомнением согласилась Ирка, – когда без телевизора.

Хоть и небольшой и плоский, телевизор все-таки оказался тяжелым. Небрежная улыбочка на лице Андрея сменилась напряженной гримасой. И как в зеркале, гримаса отразилась на лице директрисы – та явно боялась, что школа лишится подарка, так ни разу им и не воспользовавшись.

– Это его отец телек подарил! – Оксанка, кажется, обиделась за своего кумира.

– Надо было еще меньше выбрать, – пробормотала Ирка, наблюдая, как шаг у Андрея стал сбиваться.

В глазах директрисы застыл самый настоящий ужас. Похоже, сейчас ей больше всего хотелось, отпихнув с дороги полную даму

из районо, кинуться на помощь незадачливому носильщику. Телевизор медленно, но верно выскальзывал у Андрея из рук. Еще секунда и… Решительно раздвинув толпу плечом, на площадку посреди каре школьников выдвинулся физрук. Наскоро подхватив телевизор, почти бегом понес его обратно к микрофону. Следом торопливо, прискоком мчался Андрей.

– Устал, бедненький! – сочувственно протянула преданная Веселко.

Ирка с Наташкой переглянулись и захихикали. Оксанка одарила их недобрым взглядом, но ничего не сказала.

– А знаешь, куда этот самый Андрей поступать собрался? – шепнула Наташка. – Мне брат рассказал. На факультет международной экономики.

– Ничего себе! – вздернула брови Ирка. – Туда конкурс сумасшедший, два языка знать надо!

– Какой конкурс, ты что? Он же не на бесплатное отделение поступает! Папа заплатит – и будет учиться! – Наташка погрустнела. – Отец говорит, пока мы школу закончим, бесплатных мест в вузах вообще не останется.

Ирка в ответ тяжело вздохнула.

– Ты-то, Хортица, чего вздыхаешь? На квартиру и на машину заработала, а на учебу не осталось? Всё на французскую помаду потратила? – ехидно поинтересовалась Оксанка.

– Слушай, что ты ко мне с утра цепляешься? Жаба давит? Так пойди ее биологичке отдай, для уроков пригодится!

– Что мне пригодится? – Из толпы появилось любопытное личико молоденькой учительницы биологии.

– Оксанкина жаба! – не смутившись, ответила Ирка. – Вот такая здоровенная! – И она растопырила пальцы, показывая, какая здоровенная у Оксанки жаба.

Биологичка ужаснулась:

– Но это же редкий вид! За ней надо правильно ухаживать, иначе она погибнет! Завтра же приноси! Такой жабе особый температурный режим нужен! А пища? Чем ты ее кормишь?

– А она у нее чем попало питается! – сквозь душивший смех пробормотала Ирка. – У кого что Оксанка увидит, тем свою жабу и подкармливает. Вот хоть моей помадой…

Биологичка оглядела помирающий от хохота класс и, трагически заломив брови, замогильным голосом произнесла:

– Ничего смешного. На такой бессистемной диете Оксанина жаба и недели не проживет! Никаких завтра! Сегодня же! Сразу после уроков сходишь и принесешь! Ты слышишь, Веселко? Тебе должно быть стыдно! Неужели ты не заметила, что твоя жаба плохо себя чувствует?! Скажи спасибо, что Хортица обратилась к

специалисту! – Биологичка круто повернулась на каблуках.

– Она просто не знает, сколько лет твоя жаба живет на этой самой диете! – похрюкивая от смеха, выдавила Наташка. – Зато теперь ты ее биологичке сдашь! Ирку поблагодари!

Оксанка бешеными глазами уставилась на девчонок:

– Сейчас поблагодарю! Мало не покажется! – И она со всей силы рванула за ремень Иркиного рюкзака.

Калькулятор, две ручки, точилка, батарейка и тот самый золотистый стильный тюбик сыпанули на асфальт из раскрытого кармашка. И в тот же момент директриса, не снимая оберегающей ладони с телевизора и нервно косясь на отирающегося поблизости Андрея, прокричала в микрофон:

– Идут наши первоклассники!

И первоклассники пошли. Десятки тоненьких ножек в ботиночках и туфельках затопотали по Иркиному раскатившемуся имуществу. Ирка успела подхватить калькулятор, но ручки разлетелись в разные стороны, помада откатилась. Какой-то пацаненок походя отфутболил ее носком ботинка, и тюбик вылетел прямо Ирке под ноги. Обрадованная девчонка наклонилась подобрать его… Затянутая в узкую черную штанину нога появилась прямо у Ирки перед носом. Широкий каблук школьной туфли с силой опустился на тюбик. Обломки пластмассы брызнули во все стороны. Оксанка небрежно потерла каблуком по асфальту, счищая жалкий бледно-розовый комочек, еще секунду назад бывший настоящей французской помадой.

Ирка так и замерла в наклоне, беспомощно глядя на остатки косметической роскоши. Все случилось мгновенно, никто и не заметил. Первоклашки прошли, заиграла музыка, послышался бодрый голос директрисы… А Ирка глядела на свою новенькую помаду, которой она почти не успела попользоваться, и ей было обидно до слез.

– Что ж ты за зараза такая, а, Веселко? – хотела она сказать, но…

Из горла вырвался зловещий глухой рык.

И тут же что-то тяжелое навалилось ей на плечи, пригибая к земле. Девчонка дернулась, пытаясь освободиться…

– Не вставай! – ударил ей в уши горячечный шепот Богдана. – Не распрямляйся! Говорил я тебе, не надо сюда ходить!

Ирка застыла в полускрюченном положении. Мазок помады на асфальте утратил свой розовый цвет, превратившись в темно-серое пятно. Зато прямо в нос, в ее широкий черный нос сильно и остро ударил сладковатый аромат раздавленной косметики, пыли, старого асфальта и отчаянного, до ледяного пота, ужаса, излучаемого Богданом. Ирка провела языком по зубам и тут же

почувствовала, что челюсть вытянулась и наполнилась здоровенными клычищами. А сам язык удлинился, вываливаясь из пасти. Ирка быстро и часто задышала, гоня воздух в легкие. Чутко дрогнули мягкие тряпочки ушей.

– Что делать? Делать-то что? – шептал Богдан. И вдруг резко рванул ее за плечо: – Туда! К ним давай! – И мальчишка выволок Ирку на самую середину школьного каре.

Девчонка замерла, застыла под тысячами устремленных на нее глаз. Учителя, школьники, родители, все, казалось, глядели только на нее. Чей-то звонкий, разнесшийся на весь двор голос прокричал:

– Смотрите! Девочка с собачей головой!

В испуге Ирка отступила на шаг, другой. Но люди были повсюду, они окружали ее, пялились, не отрываясь! Сейчас… Что сейчас будет? Они завопят в ужасе? Кинутся бежать? Бросятся на нее? Ей не устоять против такой толпы! Ее губы дрогнули, открывая клыки и недвусмысленно демонстрируя готовность драться до конца…

И тут со всех сторон загремели аплодисменты. Из магнитофона грянула детская песенка… и мимо Ирки пронеслась целая толпа из ярко-розового телепузика, Микки-Мауса, фиолетового зайца, пары козлят и волка в полосатых штанах. Маску волка украшала щегольская пестренькая кепочка. Богдан подпрыгнул, сдернул эту кепочку и быстро напялил ее на Ирку.

– Какого?.. – рыкнул волк вполне человеческим голосом. Между распахнутыми челюстями из папье-маше выглянула смутно знакомая физиономия кого-то из старшеклассников.

Парень покосился на Ирку, пожал плечами – так, что они уперлись в края тяжеленной волчьей головы, – и, буркнув: «Когда это тебя в сценарий добавили? Ну, чего встала? Двигайся!» – подтолкнул Ирку в спину.

Ирка удивленно дернула ухом. Теперь оно лихо и забавно торчало из-под яркой кепки. По рядам прокатился смешок.

– Делай, как он говорит! – прошипел Богдан.

Увлекая Ирку за собой, маски бежали вдоль шеренг линейки прямо к первоклашкам. Они пожимали мальчишкам руки, дергали девчонок за косички, потом принялись выхватывать ребятишек из рядов и кружить в хороводе.

– Потрясающая маска, прямо настоящая собачья голова! – пробормотала одна из мамаш, внимательно разглядывая Ирку.

– Ага, даже страшно, – кивнула ее соседка, – малыши могут испугаться.

– Что ты встала, как пень?! Бери их уже! – Окруженный восторженной детворой, все тот же старшеклассник в маске волка

вел хоровод, время от времени раздраженно поглядывая на неподвижную Ирку.

Бери? Ирка в недоумении свесила голову к плечу и еще больше вывалила язык. Зачем же их брать? Абсолютно твердо и непреложно она знала, что вот эти маленькие и веселые напротив нее – они не враги. И уж точно – не добыча. Они просто – Ирка задумалась, – просто щенки. Щенки хотят играть.

Ирка сделала шаг к ребятишкам. И протянула лапу серьезному мальчишке с большими круглыми глазенками. Тот боязливо оглянулся на маму, но потом вдруг сунул ей свой букет и с радостным писком кинулся к Ирке. И тут же целая толпа мальков с воплями повисла на «девочке с собачьей головой».

– Ух ты, зубы какие! А ты настоящая собачка? А почему у тебя ручки и ножки как у людей? А погладить тебя можно?

Ирка наклонилась, и маленькие пальчики принялись елозить в ее шерсти, теребить усы и довольно больно тягать за уши, заставляя Ирку досадливо морщить нос. Ну не кидаться же на них! Она охотница, а они всего лишь щенки, маленькие, глупые и беспомощные, вот и приходится терпеть.

– Ты что, совсем на репетиции не ходила? – зашипел на нее парень в волчьей маске. – Быстро бери двоих и веди в класс! Шевелись давай, всю линейку держишь!

Ирка снова досадливо дернула ушами, заставив мешавшую ей кепку сползти набок. Странное существо с двумя мордами начало ее раздражать. И оно совсем не щенок, чтобы Ирка его терпела! Она чуть раздвинула губы, предъявляя наглецу мощь и остроту клыков, и издала глухой угрожающий рык.

Старшеклассник испуганно дернулся и попятился. Посмотрел безумными глазами на Ирку и быстро-быстро пошел прочь, волоча за собой двоих первоклашек. Лишь отойдя на почтительное расстояние, он оглянулся и с обидой крикнул:

– Совсем дура! Мальков напугаешь!

Ирка сразу успокоилась. Существо с двумя мордами было просто очень глупым. Разве щенки пугаются, когда от них отгоняешь чужака? Наоборот, они радуются. Вон как скачут! Хотят чего-то.

– Ты меня в школу отведешь?! Нет, меня! Меня!

– Веди их! Скорее, а то к тебе уже директриса присматриваться стала! – снова настойчиво потребовали от нее. Но теперь Ирка не разозлилась. Знакомый запах подсказал ей, что рядом стоит Богдан. Друг. Надо делать как сказал друг.

Ирка протянула передние лапы, и, отталкивая друг друга, малышня повисла на них. Маленькие ручонки охватили Иркину ладонь, вцепились в локти, Ирка чувствовала, что кто-то

держится даже за край блузки. Плотной толпой они ввалились в школьные двери.

– Всё, дети, отпустите собачку! – выглянула из класса учительница. А в ответ на недовольное нытье строго объявила: – Собачка устала, она кушать хочет, пусть пойдет косточку погрызет!

Ирка поглядела на учительницу с одобрением. Косточка – это правильно. Некоторые люди – существа с пониманием. Щенки тоже были существами с пониманием, во всяком случае, что такое косточка, они уже соображали. Нехотя, по десять раз спрашивая, придет ли собачка еще, они отлепились от Ирки и потянулись в класс.

– У твоей маски самый большой успех! – усмехнулась учительница. – Сдавай ее и быстренько иди на занятия! – Дверь класса захлопнулась.

Куда же она? А косточка? Неужели обманула?! Ирка обиженно уставилась на закрытую дверь. И тут же ее снова схватили за лапу и потащили к выходу.

– Уходим, скорее, а то там уже маски собирать начали! Сейчас попытаются тебе голову оторвать! – быстрым шепотом сказал Богдан.

Ирка рыкнула. Друг ее не ценит! Пусть побережется тот, кто вознамерится оторвать ей голову! Ирка попыталась объяснить ему, что не боится, а наоборот, хочет остаться и поглядеть на смельчака, который придет за ее головой. Но друг не понимал, а продолжал упорно волочь ее за собой. И вдруг встал как вкопанный.

– Твоя классная! Чтоб ее, прямо в дверях стоит! Ей нельзя тебя видеть! – Богдан заметался по коридору.

Действительно, дверной проем от косяка до косяка заполняла монументальная фигура Бабы Кати. Иркина классная стояла спиной, явно с кем-то беседуя. Но в любую секунду она может обернуться и увидеть собакоголовую Ирку. И, конечно же, сразу начнет выяснять, кто и когда назначил Ирку в группу масок, потом потребует снять собачью голову… У Богдана дыхание перехватило от ужаса. А из глубины коридора медленно и неотвратимо надвигалась учительница музыки, по пути изымая у старшеклассников шапочки телепузиков, ушки зайчиков, волчью морду. Сейчас она тоже увидит Ирку и заинтересуется потрясающей маской. Спасения не было.

Удивленно приподняв ухо, Ирка смотрела, как друг быстро вертит головой – то туда, то сюда. От него исходил острый запах страха. Странно, обычно друг ничего не боялся. Ирке стало жалко его и захотелось успокоить. Она высунула язык и широким

мазком провела им по лицу друга.

Богдан подпрыгнул, будто его подбросили. Яростно обернулся к Ирке.

– Сбрендила совсем? На фига лижешься? Да еще прилюдно! – бешеным шепотом процедил он и нервно огляделся по сторонам.

Ирка снова озадачилась. Друг не успокоился. Зато он, кажется, принял какое-то решение.

– Через туалет для первоклашек! Там окно открывается!

Он снова схватил Ирку за лапу и потащил к двери с нарисованным на ней человечком. Ирка остановилась и даже уцепилась за косяк. Она не твердо помнила почему, но знала, что в эту дверь ей входить нельзя.

– Слушай, ну я-то точно в ваш женский туалет не пойду, а ты сейчас собака, тебе всё можно! – Он решительно распахнул дверь и втолкнул Ирку внутрь. Оглянулся, в ответ на изумленный взгляд какого-то парня бросил: – Мне ее помощь нужна, там первоклашки перепутались! – И, оставив случайного свидетеля мучительно размышлять, что именно и с чем могли перепутать первоклашки, нырнул следом…

Чтобы наткнуться уже на другие, восторженные взгляды. С десяток придерживающих штанишки малышей радостно пялились на Ирку. Один пролепетал:

– Собачка тоже тут с нами будет?

– Собачке тут нельзя, – строго объявил Богдан. – Разве вы не знаете, что собачки в туалет не ходят?

– А мой кот ходит, – поспешил поделиться кругленький, как колобок, мальчишка. – Он на край унитаза садится, хвост вниз свешивает…

– То кот, – перебил его Богдан, – а собаки ходят на улицу. Ну-ка, помогите мне. Собачку надо быстренько выпустить, а то она прямо здесь набезобразничает и ее натычут носом.

Богдан потянул тугую оконную створку. Малышня пыхтела у него под локтем – отпихивали друг дружку, споря, кто будет помогать выпускать собачку. Потеки свежей краски на раме с легким чмоканьем разлепились. Створка скрежетнула по подоконнику и приоткрылась. Богдан дернул еще…

– Лезь давай, – тяжело дыша от натуги, скомандовал он Ирке. – Кепку оставь, она школьная, между прочим.

Друг странный. Только ради него она терпела противную нашлепку между ушами. Но погулять с ним – это здорово! Ирка потрясла головой, сбрасывая надоевшую кепку. Одним прыжком взлетела на подоконник и вымахнула на улицу. Отпрянула в сторону – выкинутые Богданом две школьные сумки чуть не свалились на нее.

Пыхтя, Богдан протиснулся следом. Обернулся к выглядывающим в окошко малышам:

– Никому не рассказывайте, что собачка гулять пошла. А то ее газетой отшлепают! – предостерегающе сказал он.

– Или веником, – внес конструктивное предложение мальчишка-колобок. – Мама кота всегда веником бьет.

Богдан забросил на плечо свою сумку и Иркин рюкзачок, ухватил девчонку под локоть и потащил прочь от школы: вниз по узкой кривой улочке, потом через тихую, полупустую дорогу, на каменистую тропинку между старенькими домишками, ведущую в самую глубь городской балки. Он бежал по тропе, стараясь не оглядываться, не слушать недовольного собачьего ворчания у себя за спиной. Ну зачем она притащилась сегодня в школу? Он знал, он чувствовал, что добром это не кончится! Вообще неизвестно, чем кончится! Вдруг Ирка так и останется – с человеческим телом и собачьей головой? Богдан в отчаянье прикусил губу. Скорее, скорее, бегом! Довести Ирку до дому, спрятать в ее комнате, потом позвонить Таньке – та хоть и вредная до невозможности, но все-таки умная, вместе они что-нибудь придумают! Да иди же ты, не упирайся! Он с силой дернул Ирку за локоть…

– Не тащи меня! У меня камень в туфлю попал! – раздраженно потребовал сзади до боли знакомый Иркин голос.

Взрыв каблуками мелкий щебень тропинки, мальчишка затормозил. Медленно, неуверенно обернулся. Ирка снова стояла наклонившись. Точно как на линейке, когда Богдан, задыхаясь от ужаса, увидел, что голова его подруги изменяется, обрастая ушками породистой гладкошерстной борзой, именуемой знатоками хортицей.

Но сейчас пыльный щебень тропинки мела привычная копна черных Иркиных волос. Девчонка застегнула туфлю, выпрямилась. На Богдана смотрело знакомое лицо: смуглая загорелая кожа, самый обычный нос, зеленые глаза под темными ресницами. Губы с размазанной розовой помадой приоткрывали мелкие, человеческие зубы. Под изучающим взглядом Ирка торопливо поправила спутанные волосы.

– Ну вот, в таком виде ты хоть на человека похожа, – пробормотал Богдан.

– Я в любом виде на человека похожа! – ощетинилась Ирка и тут же призадумалась, понимая, что ее слова несколько далеки от истины. Но все-таки упрямо продолжила: – А кто попробует меня носом тыкать или газетой бить…

– Должен же я был мелюзге что-то сказать! – возмутился Богдан. – Послушалась бы меня, сидела бы дома, ничего бы не

случилось! Думаешь, раз ты ведьма, значит, самая умная?..

– Я не ведьма, – тихо прошептала Ирка, и глаза ее налились слезами.

– …можно никого не слушать, – продолжал бушевать Богдан и вдруг остановился: – Что ты сказала? Ирка, ты что?

– Я не ведьма, – повторила Ирка, и слезы покатились у нее по щекам. – Я… я… я соба-ака! – Некрасиво распялив рот, Ирка неудержимо заревела. – Собака я!

– Ну Ирка, ну ты, того… преувеличиваешь. Еще скажи, что ты… Нет, девочкам такого говорить нельзя. Я к тому, что никакая ты не собака, а очень даже симпатичная девчонка, – мгновенно растеряв весь заряд злости, Богдан потерянно топтался вокруг Ирки.

Девчонка решительно мотнула волосами и сквозь плач прокричала:

– Собака! Буду теперь всю жизнь дома сидеть! Как в тюрьме! Меня даже на улицу выпускать нельзя!

– Почему нельзя? Если на поводке и в намордник… – окончательно потеряв голову от Иркиных слез – он уже сто лет не видел, чтоб Ирка плакала! – забормотал Богдан.

Ирка взвыла. Пацан осекся, поняв, что из всех утешений он выбрал, пожалуй, самое неподходящее.

– Ирка, Ир, ну перестань, мы что-нибудь придумаем, честно! Ну хватит, Ир! – он принялся судорожно копаться в своей сумке. – Я тебе вот шарик прихватил! Смотри какой! На, возьми, ты же всегда любила шарики!

Он принялся тыкать ей в руки маленький синий шарик на золотистой ленте, открученный от собранной из крохотных шариков арки у школьного входа. Продолжая всхлипывать, Ирка потянулась за шариком.

Острые длинные когти выскочили на кончиках ее пальцев, насквозь пронзая синюю оболочку. Шарик глухо хлопнул.

На каменистой тропинке старой городской балки черноволосая девочка лет двенадцати отчаянно рыдала, уткнувшись лицом в собственные громадные собачьи лапы. Между мощными, кинжальной остроты когтями бессильно свисала синенькая тряпочка сдутого воздушного шарика.

Глава 2. Кто поможет Ирке?

– Оно тебе надо было, с этой Оксанкой заедаться? – безнадежно глядя в пространство, вопросила Танька.

– Я с ней всю жизнь заедаюсь, – мрачно пробурчала Ирка. – Мы с ней с первого класса – как кот с собакой.

– Кстати, а как кот? – встрепенулась Танька, оглядываясь по сторонам. Иркиного кота она очень уважала.

Глаза у Ирки наполнились слезами:

– Какой может быть кот, если в доме теперь собака? Удрал!

– Совсем? – охнула Танька. Исчезновение персонального ведьминого кота было бы настоящей трагедией.

– В сад переселился, – вздохнула Ирка. – Мисочку ему под крыльцо пришлось переставить. Меня больше знать не хочет, даже не подходит!

– Раз совсем не сбежал, может, еще наладится, – постаралась утешить подругу Танька. – Только ты должна прекратить злиться. Мне кажется, ты превращаешься, когда сердишься. Вот как вчера на линейке.

– Я думал, рехнусь, когда она ушами и клыками обросла, – сообщил Богдан, до того молча отрабатывавший перед зеркалом выпад в терцию. Он опустил меч, смахнул со лба капли пота. – Надо же, как повезло, что эта кодла в масках выскочила. И кепочку я с волка вовремя сдернул. Иначе не знаю, что было бы!

– Ничего б не было, – проворчала Танька, ни в какую не желавшая признавать Богдановых заслуг. – Не появилась бы кодла – решили бы, что только Ирка в маске. Думаешь, нормальные люди вот так запросто возьмут и поверят в девочку с собачьей головой?

– Если у меня собачья голова прямо на уроке вырастет – поверят, – возразила Ирка и даже зажмурилась, представив, как превращается в борзую у Бабы Кати посреди занятия.

– Зато спрашивать не будут, все равно ты им, кроме «гав», ничего не ответишь, – вздохнул Богдан. – Может, тебе сэнсэя какого найти? Он тебя научит эмоции сдерживать, будешь с ним медитировать.

– И сколько лет я буду медитировать, пока научусь? А мне, между прочим, в школу ходить надо. Я и так третий день прогуливаю, хорошо хоть бабка с утра уходит к дороге груши продавать, а то б она меня давно попалила. И вообще, с чего вы взяли, что я превращаюсь, когда злюсь? Вас послушать – так можно подумать, что я психованная какая-то. Я – ведьма, а вы из меня Бабу-ягу делаете. Вон, неделю назад, в супермаркете, я и не

думала злиться!

– Это когда ты кассирше деньги в когтях протянула? – хмыкнул Богдан. – Ох, она и струхнула! Зажмурилась, головой затрясла – решила, что померещилось. Ну, я быстренько деньги у Ирки забрал…

– Наверно, тебя очередь рассердила, очереди всех сердят, – предположила Танька, в очередной раз перебивая Богдана.

– Не было там очереди, – отрезала Ирка, и Богдан нехотя кивнул, подтверждая. – Мы днем ходили. И думала я о приятном. О юбке новой, о помаде твоей. Как я ею на Первое сентября накрашусь.

– О, так, может, тебе как раз от помады плохо?! – вскинулся Богдан, но девчонки одарили его презрительными взглядами.

– Плохо – это когда тошнит, а не когда в собаку превращаешься, – веско объявила Ирка.

– От хорошей французской помады еще никого не тошнило, – добавила Танька. – Думаешь, наши вовкулаки, когда превращаются, каждый раз о помаде думают?

Ирка не выдержала, хихикнула, представив, как их знакомые оборотни – накачанные парни в камуфляжной форме и их такой же здоровенный командир майор – напряженно думают о женской косметике, а потом раз – и перекидываются в гигантских волков. Ирка уже хотела описать представившуюся картину Таньке, как вдруг заметила, что подруга сидит совершенно неподвижно, с широко раскрытым ртом.

– Тань, ты чего?

Танька судорожно сглотнула и захлопнула рот.

– Какие же мы дураки, – выдавила она.

Богдан на секунду замешкался, выбирая между: «Говори за себя!» и «Про тебя это давно все знают!» – и опоздал. Танька сорвалась с места, выхватила из кармашка сумки мобилку и принялась быстро перебирать записанные там номера.

– Гадаем, мучаемся без толку, нет чтоб со специалистами посоветоваться! – бормотала она. – Вовкулаки превращаются, только когда сами хотят, – значит, есть способ!

– Я пробовала, как они, через нож перекидываться. Ничего не вышло, – грустно сообщила Ирка.

– Откуда ты знаешь, может, там свое Слово нужно или еще что? – буркнула Танька. – Ага, вот, нашла! – Она нажала кнопку телефона. – Здравствуйте, майор! Это Таня. Извините, пожалуйста, что отвлекаю… Вы нам очень нужны. У Ирки неприятности, как раз по вашей части. Нет, не по полицейской. По другой. – Она молча выслушала ответ Ментовского Вовкулаки, попрощалась и отключилась. – Сказал, приедет. Прямо сейчас. –

Она задумчиво похлопала мобилкой по ладони. – Только он ужасно удивился, что мы позвонили именно ему. А чего удивляться? Можно подумать, у нас другие знакомые оборотни есть!

– Пойду чайник поставлю, – решила Ирка. – У меня засахаренная смородина открыта, и оладьи с утра остались. С грушами.

Чайник едва успел вскипеть, как, подскакивая на каменистой тропе, к Иркиному дому тяжело скатилась машина. Из-за руля вылез крупный немолодой мужчина в полицейской форме.

– Быстро он, – прокомментировала Танька. – Похоже, все дела бросил и примчался.

Держа в руках всунутую ему Иркой тарелку с оладьями, майор поднялся в комнату. Танька поглядела на него с удивлением. Выглядел Ментовский Вовкулака непривычно тихим и каким-то пришибленным. Рассказ ребят он хоть и выслушал, но видно было, что майор просто заставляет себя быть внимательным, а на самом деле в голове у него вертятся какие-то свои, похоже, не очень приятные мысли. Выслушав все до конца, Вовкулака задумчиво пробурчал:

– Значит, превращаешься без своего желания, без причины и даже не целиком. Удержаться не можешь. Зато когда специально пытаешься, ничего не выходит. Странно. Очень странно, – по-детски вытянув губы трубочкой, он прихлебнул чай. – От кого угодно ожидал, но чтоб Хортова кровь не могла нормально перекидываться… Да еще сейчас! Нашла время.

– Я, между прочим, никакого вашего перекидывания не просила! С меня вполне хватало быть ведьмой! – привычно огрызнулась Ирка.

– А вы с самого начала знали, что Ирка может превращаться? – В Таньке проснулось любопытство. – Еще когда мы в первый раз встретились? Поэтому и спасли нас от песиголовцев?

– Что ж я, своих не учую? – пожал плечами майор. – Только я пока кровь твою не пронюхал, грешным делом думал, ты совсем из наших, волчица. Характерец у тебя больно свойский.

– У меня что, плохой характер? – надулась Ирка.

– Да уж не Красная Шапочка. – Майор оскалил зубы в ухмылке. – Для твоей породы тоже вполне подходящий. Не дай бог, чтобы такая, как ты, нашему брату волку до горла дорвалась. Любите вы придавить так, чтоб и дух вон. Охотнички, – процедил Ментовский Вовкулака, недобро косясь на Ирку.

Ирка ничего не ответила майору, лишь улыбнулась, но было в этой улыбке нечто такое… С замиранием сердца Танька вдруг

поняла: может! Ее давняя, ее любимая подруга Ирка, с которой они вместе шмотки подбирали, в кино бегали, секретничали о своем, о девчоночьем, действительно может вот так – сомкнуть клыки на горле жертвы и… Танька помотала головой, отгоняя жутковатое видение, и нервно потребовала:

– Немедленно прекратите! Оба! Сперва с Иркиной проблемой разберитесь, а потом уж выясняйте, кто из вас… заднюю лапку выше задирает!

Майор рассмеялся:

– Вот и видно, что у тебя собаки никогда не было. Девчонки лапку не задирают. А насчет проблемы вашей… Я так понимаю, ты решилась? – Он покачал головой и осуждающе поглядел на Ирку. – Ох, не знаю, сестренка! С одной стороны, вроде и выхода у тебя нет… Не можешь ты полусобакой-получеловеком оставаться. Опять же, чего тут скрывать, именно с этого в старину все оборотничество и начиналось – хоть у нас, хоть у этих… свиристелок. – Майор презрительно скривился.

– Каких свиристелок? – изумилась Танька.

– Птицеферма паршивая, чтоб им кверху лапами! – Ментовский Вовкулака помахал руками, как крыльями, и понес уж совсем околесицу: – Орлы, вороны, соколы… – При упоминании о соколах его совсем перекосило, будто кислого глотнул. – …Лебеди опять же. Ведьма, ты что, сказок не читала? Я к тому, что все через это в свое время прошли, и нечего бабочками прикидываться. Только это ж, считай, тыщу лет назад было, а может, и больше! Жизнь другая была, и относились совсем по-другому! А в наши дни такое сотворить… – Он снова покачал головой. – Да еще в таком юном возрасте! Смотри, навсегда ведь с тобой останется! Хотя, конечно, раньше помогало и сейчас поможет – съездишь, сделаешь и будешь перекидываться нормально. Вопрос в цене.

Ребята переглянулись между собой и недоуменно уставились на вовкулаку.

– Какой цене? – наконец выдавила Ирка.

– Так, ты меня не втягивай. – Отставив чашку, майор предостерегающе выставил ладони. – Я работник правоохранительных органов! Поезжай-ка ты, сестренка, сама, и если уж твой тебя не пожалел и в подобное дело готов впутать, пусть он сам все устраивает и сам тебя активирует. Я, конечно, свое место знаю и хвост на него не поднимаю, но не одобряю и ребенка на такое толкать не стану, пусть он меня хоть порвет!

– Кто – он? – после недолгой паузы тихонько спросила Ирка. – Куда надо ехать? Что надо делать?

– То есть как это – «кто»? – переспросил майор и воззрился на

Ирку с тем же удивлением, с каким ребята только что глядели на него. Усмешка сползла с лица вовкулаки, потом на нем отразилась напряженная работа мысли, удивление сменилось растерянностью, затем неким пониманием, и вроде даже страх промелькнул в желтых волчьих глазах. – Кто, кто… Да никто, и делать тебе ничего не надо, и ездить… у-й-ё… – Ментовский Вовкулака звучно поскреб пятерней в загривке. – Как же я раньше-то не сообразил! Ездить сейчас туда точно не надо! То есть ни в коем разе. Все и так наладится. Само. Со временем. – Ясно было, что майор врет, причем неубедительно. Будто не полицейский со стажем, а мальчишка-первоклассник. – На всякий случай можно в леса уйти – наши все так делают, пока контролировать себя не научатся.

– В какие еще леса?! – взвилась Ирка. – Вы что, сговорились? Один медитировать предлагает, другой вообще в лес гонит! У нас вокруг города ни одного приличного леса нет – сплошные турбазы и пансионаты, там сейчас отдыхающих полно! А в школу я как ходить буду? Думаете, я могу, как взрослые, пропасть неизвестно куда, и это будет только мое дело? Меня же классная наша вот-вот разыскивать начнет!

Иркина мобилка зашлась истошным звоном.

– Алло! – раздраженно рявкнула Ирка. И тут же ее физиономия стала предельно несчастной. Она тихонько шепнула в сторону: – Накаркала на свою голову. – И уже громко, в трубку: – Здрасьте, Екатерина Семеновна!

– Хортица! – Трубный бас Бабы Кати вырывался из мобилки и был слышен на всю комнату. – Ты почему в школе третий день не появляешься?

– Так болею я!

– Ирина, ты никогда не была идеальной ученицей, но раньше хоть не врала! – возмутилась Баба Катя. – Я только что покупала груши у твоей бабушки, и она понятия не имеет ни о какой болезни! Спросила меня, все ли у тебя в порядке с математикой!

Ирка отвела трубку от уха и беспомощно уставилась на друзей. Ребята смотрели на нее так же потерянно. А майор быстро пробормотал:

– Говори, что бабка не в курсе. Ты в больницу ездила, а ей не сказала, чтоб не волновать.

– Бабушка не знает. Я в больницу ездила… – неуверенно промямлила в трубку Ирка и, повинуясь молчаливому приказу майора, уже бодрее затарахтела: – На обследование. Мне на линейке так плохо стало – ужас! Меня сосед наш домой отвел. Я даже вас предупредить не успела.

– Что врачи говорят? – с недоверием, но уже и с некоторой

тревогой поинтересовалась классная руководительница.

– Пока ничего. Велели завтра прийти, когда анализы будут готовы, – повторяя за майором, ответила Ирка.

– Смотри, Хортица, если ты мне голову морочишь – отправишься к директору, пусть она с тобой разбирается.

– Я честно, Екатерина Семеновна… – начала Ирка.

Но Баба Катя с ней еще не закончила.

– Теперь объясни мне, как это ты оказалась на линейке в маске. Тебя кто туда назначил?

– Я не знаю, Екатерина Семеновна. – Ирка скроила невинную рожу, хотя классная и не могла ее видеть. – Мне старшеклассник какой-то маску в руки сунул. Я подумала: может, тот, кто выступать должен, заболел или не пришел, его заменить надо.

– А потом куда маска делась? – подозрительно поинтересовалась классная.

– Тот же парень и забрал. А что, не надо было отдавать?

– По-моему, ты все-таки морочишь мне голову, Хортица. Что с тобой творится в последнее время? По классу слухи о тебе ползут нехорошие. То ли ты принимаешь наркотики, то ли торгуешь ими. Давай разбирайся, что у тебя со здоровьем, и мы с тобой серьезно побеседуем. Кстати, справку из больницы прихватить не забудь. – Из телефона послышались частые гудки.

Ирка печально уставилась в попискивающую трубку.

– Насчет наркотиков Наташка Шпак сдуру ляпнула, а наши сплетницы, конечно, тут же растрезвонили. У наших девчонок реально больная фантазия!

– Не больная фантазия, а желание уколоть побольнее! – наставительно поправила Танька.

– Ничего, твоя классная немножко подумает и решит, что ты в больницу как раз от наркотиков лечиться ходишь, – заявил майор. – Вот тебе и алиби!

– Вы что такое говорите?! – возмутилась Танька. – Может, для ваших преступников и алиби, а для Ирки – полный конец света! Если решат, что она наркоманка, как она дальше учиться будет? Наркотики… надо же, пакость какая! Хуже этого… даже не знаю, что хуже!

– Не пропадет! – легкомысленно хмыкнул майор. – С голоду точно не помрет. Хорошо быть оборотнем: в крайнем случае всегда какую-нибудь дичинку поймаешь – вон, хоть кошку соседскую!

Ирка взвыла, словно ужаленная, и опасливо выглянула в окно:

– Замолчите немедленно, кот услышит! Я вам не пришелец Альф, котов есть![4]

– Где гарантия, что она в нужный момент сможет перекинуться, раз она свои превращения не контролирует? – Танька выразительно поглядела на майора.

– Что ты на меня смотришь? Будто я знаю, что делать, и специально не говорю, – скроил обиженную физиономию майор.

– Так и есть, – тихо ответила Танька. – Всё вы знаете. А говорить не хотите.

– Для ее же пользы, – огрызнулся майор.

– Какая польза?! Даже если я на всю жизнь в доме запрусь, все равно меня в конце концов увидят! И тогда… Меня же в клинику отправят! Для опытов! – видно, эта мысль давно мучила Ирку, и сейчас ее страх прорвался наружу.

– Меньше американских фильмов смотри, – отрезал майор. – Ты не в Штатах живешь! Это у них, случись где что необычное – сразу ученые наезжают и давай исследовать! А у нас на всякие исследования денег нет. Так что успокойся, никто на тебе опыты ставить не будет. Потерпи немножко – глядишь, все само собой образуется. Нет, ну чего сразу реветь?! – вскричал майор, видя, как Иркины глаза наполняются слезами. – Прекрати, ты же не ребенок! То есть ребенок, конечно, но ты ведь еще и оборотень! То есть пока не совсем еще оборотень… – Вовкулака окончательно запутался и почти молящим тоном выдал: – Момент неудачный, понимаешь? В другое время я б тебя сам отвез, может, и нашли б какой человеческий способ, а не такой… – Он явно хотел выругаться, но сдержался. – Но сейчас я не могу, а потом меня скорее всего уже не будет.

– А где вы будете? – вскользь, вроде бы из обычного любопытства – ну правда, интересно же, куда собирается знакомый, – спросила Танька.

– Где-нибудь да буду – не могу же я совсем нигде не быть, – тяжко вздохнув, ответил майор. В его словах вдруг прозвучала такая страшная, лютая тоска, что Танька вздрогнула. Словно не человек говорил, а волк в холодную зимнюю ночь выл на равнодушную луну. Глаза у Ментовского Вовкулаки были измученные, будто больные. Он поглядел на Таньку, невесело усмехнулся и буркнул: – А ты прекрати меня раскручивать, не доросла еще.

– Если вы Ирке не поможете, у нее неприятности будут на всю жизнь! – сделала последнюю попытку Танька.

– А если помогу, у нее неприятностей не будет, потому что и жизни не будет тоже! – раздраженно рявкнул майор. – До чего же вы, ведьмы, упорные и непонятливые! Ясно сказано: пусть твоя подружка тихо сидит дома и не рыпается. – Вовкулака поднялся с кресла и направился к дверям, недвусмысленно давая понять, что

разговор окончен.

– Вот я сейчас ка-ак перекинусь, ка-ак на вас кинусь, – пригрозила ему в спину Ирка.

Майор обернулся через плечо и оскалил зубы в знакомой волчьей усмешке. Тоски в его глазах больше не было, лишь привычная жесткость.

– Ты сперва перекинься, – хладнокровно предложил он.

Ирка пристально уставилась на него, напрягла мышцы, будто силой пытаясь выдавить на поверхность гигантскую борзую, способную запросто придушить даже самого матерого волка… И бессильно поникла, закрыв лицо волосами.

– Вот то-то же, – наставительно заметил майор. – А будешь мне угрожать – я, и не перекидываясь, возьму тебя за шкирку и оттаскаю, как щенка какого. И он тебе не поможет. – В голосе Ментовского Вовкулаки послышались рыкающие раскаты.

Дверь захлопнулась, майор ушел.

– Он мне и так не помогает. Я даже не знаю, кто он такой, этот самый «он», который должен помогать, – мрачно буркнула Ирка.

– Зато теперь мы знаем, что с твоей проблемой можно справиться! – с энтузиазмом воскликнула Танька. – Ты поняла? Майор в курсе, что нужно делать, но крутит чего-то: «момент неподходящий…», «в другое время сам бы отвез…».

– Значит, чтобы Ирку – как он сказал, «активировать», – нужно куда-то ехать, – заключил Богдан.

– Вывод невероятной глубины, нечеловеческой ширины и просто потрясающей остроты! – восхитилась Танька. – Только с твоим, Богданчик, проницательным умом…

– Хватит, – устало бросила Ирка. – Все равно майор не сказал, куда именно ехать.

Танька задумалась. Потом потрясла головой и озабоченно покосилась на часы:

– Слушайте, люди, мне еще уроки надо сделать, у меня заданий совершенно жуткое количество!

– Не больше, чем у всех, – фыркнул Богдан.

– К твоему сведению – больше. У нас же элитная школа, для каждого ученика собственное расписание, и я в этом году предметов нахватала… – Танька покачала головой, будто осуждая саму себя за жадность.

– С чего это ты? – заинтересовалась Ирка.

– Я просто взяла все, что может для колдовства пригодиться. Историю учить надо, чтоб о старинных ведьмах знать, да и люблю я ее. Ботанику тоже, я ею никогда как следует не занималась, а все зелья на травах. Химию обязательно – наверняка всякие

химические реактивы можно для заговоров приспособить, только этим еще не занимался никто. Если получится, я буду первой.

– Первая научно подкованная ведьма, – съехидничал Богдан.

– Не смешно, – отрезала Танька. – Впрочем, как и все твои шутки. Языки иностранные взяла. Раньше они мне не давались, а теперь должно получиться, раз у всех ведьм способности к языкам. Ну, еще… – Танька замялась, – программирование.

– А программирование зачем? – удивилась Ирка.

– Да понимаешь… Пошло у меня вдруг это дело. Я всегда нормально с компьютером работала, но так, как средний пользователь. А теперь… – Танька развела руками. – Если в Интернет лезу – моментально все, что нужно, нахожу. Программу задали написать – раньше я бы с ней неделю ковырялась. А тут – я сама обалдела! – пять минут – и готово! Я даже не поняла, как и почему у меня вышло, но у нашего препода по информатике глаза были та-акие!

– Слава богу, ты хоть двоичным кодом больше не изъясняешься, – вздохнула Ирка. – Я вообще не понимаю, как ты решилась к компьютеру сесть. После того, что было.

– А как бы я не села? Это в вашей школе полтора компьютера на тысячу человек, вас к ним чаще раза в год не подпускают. А у нас вчера уже информатика была. Или я должна была учителю рассказать, что боюсь работать, потому что меня чуть в Сеть не утянуло, когда я компьютер в колдовской пентаграмме допрашивала?

– Да, звучит интересно, – согласилась Ирка.

– Короче, я пошла уроки делать, а потом сяду и крепко подумаю. Может, в Интернет залезу, поищу информацию про оборотней, теперь у меня это хорошо получается. А ты, Ирка, сходи в подвал. Перетряси все записи своей покойной бабушки. Я у нее старинные колдовские книги видела – вдруг что-то обнаружишь. Насчет своей классной не волнуйся. В конце концов, у меня же мама – врач. Попрошу, чтоб она тебе справку сделала.

– Ну да! Будет она Ирке помогать, как же! – усомнился Богдан. – Ты что, взрослых не знаешь? Скажет, что не станет участвовать в обмане школы, что Ирка должна ходить на занятия и всякую фигню в том же роде.

– Это моя мама, и я знаю, как с ней договориться, – отрезала Танька, поднялась и направилась к дверям.

– Богдан, иди и ты, – вдруг торопливо проговорила Ирка. – У тебя тоже уроки есть…

– Да я еще посижу, – ответил Богдан. – Я в элитных школах не учусь, уроков у меня нормальное количество.

– Нет, иди! Иди! Слышишь?! – почти истерично вскричала

Ирка.

Цвета перед ее глазами стремительно исчезали, сменяясь черно-белой четкостью, нос наполнился всем богатством запахов, а утончившийся слух улавливал даже рокот голосов в соседском доме.

Ну что друзья встали и смотрят на нее так растерянно?! Пусть уходят, пусть! Нечего им в очередной раз смотреть, как Ирка превращается в персонажа из фильма ужасов. Невероятным усилием взяв себя в руки, она почти спокойно сказала:

– Мне заниматься надо, раз я в школу не хожу. А то отстану, потом таких оценок нахватаю – до конца года не исправишь. Завтра встретимся.

– Ладно, раз ты так хочешь. – Богдан неторопливо поднялся, кинул в рот недоеденную оладью, неспешно вытер испачканные смородиной руки о полотенце… Ирка ждала, стиснув кулаки так, что ногти – к счастью, пока еще человеческие – впились в ладони. У двери Богдан остановился и, оглянувшись на Ирку, неуверенно переспросил: – А ты точно хочешь, чтоб я ушел?

– Да иди уже! – Танька дернула его за рукав. – Можно подумать, такое ты сокровище, что с тобой и не расстанешься. – И, крикнув: «Пока, Ирка, до завтра я что-нибудь выясню!» – она поволокла мальчишку прочь из дома.

Своим невероятно обострившимся слухом Ирка уловила, как Танька отчитывает пацана:

– Ну чего ты там застрял? Видишь же, у нее настроение ужасное. Человеку прореветься хочется без свидетелей.

– Какое у нее еще может быть настроение при таких делах? А ты ей, как это называется?.. Во, ложные надежды подаешь! – парировал Богдан. – Вот как ты заставишь свою маму для Ирки справку написать?

– Про Иркино ужасное настроение расскажу, – ответила Танька и, глядя на Богданову недоверчивую физиономию, пояснила: – У Ирки родителей нет. Скажу маме, что Ирку в школе девчонки дразнили, что она очень расстроилась и ей надо немножко в чувство прийти. Думаешь, мама не посочувствует?

– Мама посочувствует, а вот Ирке не понравится, – засомневался Богдан. – Она вообще терпеть не может, когда о ее родителях вспоминают.

– Я ей не скажу, – решительно объявила Танька. – Но, по-моему, Ирка фигней мается. Мой отец говорит: если у тебя случилась неприятность, переживать – последнее дело. Надо просто поглядеть на эту неприятность с другой стороны – вдруг из нее какую-нибудь пользу можно извлечь. Пусть Ирке с ее предков хоть справка обломится, а то ведь классная устроит ей

веселую жизнь.

– А девчонки ее и правда раньше дразнили, – сказал вдруг Богдан. – Пока я одну сильно умную за школой не поймал. Ну, объяснил ей…

Голоса удалились. Ирка уселась на кровать. Она очень любила Таньку, и Богдана тоже, но иногда ей хотелось бы… Она сама толком не знала, чего. Может, чтоб они не так много о ней знали? Во всяком случае, о ее проблемах. Танька, конечно, старается как лучше, но на самом деле лучше было бы, чтоб она понятия не имела об Иркиных родителях. Пусть бы считала, что у Ирки как у всех – мама и папа. И не нужны никакие справки, и фиг с ним, что Баба Катя устроит ей веселую жизнь!

Ирка глухо всхлипнула. За окном качнулась ветка, и здоровенный трехцветный котище плюхнулся на подоконник. Настороженно поглядел на девчонку.

– Вернулся! – радостно вскричала Ирка и потянулась погладить кота. И тут же с усталой безнадежностью увидела, как ее рука вновь превращается в когтистую лапу.

Вздыбив шерсть, кот зашипел и рванул прочь, одним махом взлетев по стволу яблони. И уже оттуда опасливо покосился на приоткрытое окошко комнаты, из-за которого неслись сдавленные рыдания вперемешку с глухим тоскливым воем.

Глава 3. Переинсталляция ведьмы

– При твоих нагрузках режим надо соблюдать строжайшим образом, это я тебе как врач говорю! Хватит глаза портить, клади книжку, и немедленно в кровать! Каникулы кончились. Завтра обычный школьный день, выспаться надо!

Мама дождалась, пока Танька нехотя закрыла книгу, сняла халат и забралась в постель. Потом наклонилась поцеловать свою умненькую послушную девочку, подоткнула одеяло и дернула шнур настенного бра. Свет погас.

– Спокойной ночи. – Дверь за мамой захлопнулась.

Послушная девочка Таня подождала, пока перестанут скрипеть ступеньки лестницы: мама спустилась вниз, в гостиную. Танька вытащила из-под подушки фонарик и, прихватив со стола книгу, с головой забралась под одеяло. Прикинула, не заметен ли свет в щели под дверью, – с мамы вполне станется вернуться и проверить. Но плотное одеяло гасило луч, и в комнате царила полная тьма. Спать хотелось зверски, но Танька знала, что долго бороться со сном не придется. Кино закончится, и мама с папой отправятся спать, причем отрубятся почти сразу и накрепко. Что хочешь можно делать, хоть вечеринку с танцами устраивать – не проснутся. Проверено, и не раз.

Ждать пришлось меньше часа – видно, родители сегодня устали или кино попалось паршивое. Снова заскрипела лестница, хлопнула дверь. Танька отложила книгу и выскользнула из комнаты. Из-под двери родительской спальни не пробивалось ни единого лучика света. Значит, улеглись, вряд ли они тоже читают с фонариком под одеялом.

Танька подошла к запертой двери папиного кабинета. Заранее сморщилась, открывая острый кончик булавки. Как же надоело пальцы колоть! Родители со своими запретами вечно только хуже делают! «Читать ночью в постели вредно!» А читать с фонариком под одеялом полезно? Или вот с компьютером: просила же купить ей ноутбук, так нет: «облучение, переутомление, ночи в Интернете…». А теперь приходится папин кабинет взламывать – в Интернет-то залезть все равно нужно. Танька спустила каплю крови в замок, вошла и уселась перед компьютером. Глубоко вздохнула, набираясь храбрости.

Это Ирке с Богданом она могла сказки рассказывать – дескать, не боится компьютера. На самом деле ей каждый раз представлялось, что из-за безобидной картинки сайта за ней внимательно наблюдают безжалостные глаза ее цифровой копии, программы «ВедьмаТанька». Только настоящая Танька зазевается,

сразу – хвать! – навсегда утянет в компьютер, а сама на ее место. В общем, даже Ирке про свои страхи нельзя рассказывать – засмеет. А Богдан заявит, что Таньку в компьютер не втащить – в дисководе застрянет.

Между прочим, сейчас для утаскивания самый подходящий момент. Ночь, никто не видит. Только компьютер зловеще поблескивает хромированными ободками. Выжидает. Вот высунутся из экрана две костлявые руки…

Руки не появились, лишь в стекле книжного шкафа отразился свет включенного монитора. Танька ввела слова «оборотень» и «превращения» в окошко поисковой системы.

Цифры внизу экрана стремительно менялись: найдено 20 документов, 50… 100… 200… Танька тоскливо вздохнула и принялась изучать первый текст. Через три часа непрерывной работы она четко поняла, что Интернет переоценивают. Перелопатила гору ненужных сведений, а ни о какой активации оборотней, ради которой надо ехать в определенное место, нет и полслова. Все-таки поиск по ключевым словам – довольно тупая штука. Вот бы сказать: «Хочу выяснить, как оборотни учатся перекидываться», – и чтобы на экране появились только нужные тексты. Или ничего не появилось, и тогда Танька бы точно знала, что искать бесполезно, а можно пойти и завалиться спать. Просто мечта! Несбыточная, потому что подобных вопросов Интернет не понимает и надо терпеливо рыть дальше, пока остается хоть какой-то шанс. Танька зажмурилась, пытаясь избавиться от рези в глазах, и снова вперилась в экран, соображая, что из списка документов она уже просмотрела и куда ей двигаться дальше.

– Где это я? – пробормотала она, шаря курсором по строчкам.

– Я тут, – донесся из динамика тихий детский голосок.

Танька судорожно вздрогнула, рука над клавиатурой дернулась… палец невольно ударил по кнопке «Enter». Экран заблистал нестерпимым светом, в котором растаяли странички интернетовских сайтов. Сквозь сияние медленно проступила серая стальная дверь, похожая на суперсовременную сейфовую с электронными замками. Над притолокой неоновым светом вспыхивали разноцветные лампочки, складываясь то в английское «Enter», то в русское «Вход». Дверь начала приоткрываться…

Танька почувствовала, что ее словно воздушным потоком тащит внутрь…

– Опять! Не хочу! – завопила ведьмочка, но дверь уже распахнулась во всю ширь, открывая черноту, непроглядную в свете сияющих над входом лампочек. Воздух со свистом устремился туда, увлекая за собой Таньку. Девочку подняло над креслом, она отчаянно забарахталась, пытаясь удержаться.

Пальцы судорожно сомкнулись… Несущий ее поток стал просто неудержимым, словно там, за стальной дверью, гигантский нос готовился чихнуть, и теперь тянул и тянул в себя воздух. Сверкающая надпись «Вход» налилась ярко-желтым цветом. Таньку швырнуло на монитор… На секунду у нее мелькнула надежда: вдруг Богдан прав и лишний вес ее сейчас выручит! Но напрасно. Девчонку перевернуло и… с легкостью втянуло вглубь. Последней мыслью было: «И зачем мы монитор в двадцать один дюйм купили, хватило бы и семнадцати!» Тьма надвинулась и поглотила ведьму.

Она висела где-то и нигде. Рядом не было ничего, к чему можно было бы прикоснуться, но и пусто тоже не было! Пространство плотно, до отказа было наполнено… чем-то. Таинственные потоки текли вокруг и сквозь Таньку. Похожий на длинную сверкающую ленту, мимо скользнул ряд цифр, оставляя смутное впечатление о высоте и скорости. Впритирку прошли жутковатые записи о каких-то болезнях. Словно «Запорожец» между грузовиками, девчонку зажало между сложным переплетением линий и полупрозрачным газетным листом. Бликующая надпись пулей ударила в висок. Танька дернулась… Надпись прошла сквозь нее, не причинив вреда. Девочка успела уловить: «Самый дешевый провайдер…»

– Так это же… баннер! Обыкновенный рекламный баннер! – вскричала Танька, глядя вслед улетающей надписи.

Перед глазами прояснилось. Она обнаружила себя парящей в беспредельном и безграничном пространстве. Вокруг неподвижно висели, медленно скользили, плавно летели или, наоборот, двигались судорожными рывками расписания самолетов, книги, газеты, чертежи, архивы учреждений, обрывки телефонных разговоров… У ног плескалось нечто, похожее и на широкое озеро, и на гигантский штабель из плотно уложенных коробок. Танька еще не успела удивиться, что можно походить сразу на две такие разные вещи, когда увидела, что к штабелю-озеру текут новые ручейки, и уловила одно слово – «оборотни».

– Это что же? – не веря своим глазам, пробормотала ведьмочка. – Информация? Моя информация про оборотней? Это где же… Где я?!! – завопила она.

Крик затих, теряясь в равнодушии пространства. Глотая подступающие слезы, Танька прошептала:

– Да где же я?

– Я тут, тут! – с легким нетерпением откликнулся уже знакомый девичий голосок.

Танька снова вздрогнула. Когда безразличное «что-то» не откликается на твои крики – это, пожалуй, не так уж и страшно.

Когда откликается «кто-то» – это намного страшнее.

– Ты кто? – испуганным шепотом спросила Танька.

– Ты? – удивился голосок. – Ты… – с сомнением повторил он, будто пробуя слово на вкус. И уже решительно выкрикнул: – Я… Таня!

– Это я – Таня! – пробормотала Танька, а голос эхом подтвердил:

– Я… я… я…

– Да нет, ты не понимаешь! – вертя головой в поисках обладательницы детского голоска, сказала Танька. – Я спрашиваю: кто ты? Я – Таня…

– Я – Таня, – мгновенно согласился голос.

– Тоже Таня? Вот имечко у меня! Куда ни плюнь, в Таньку попадешь, – проворчала девчонка… и вдруг осеклась, леденея от жуткой догадки.

Тоненький луч света выкатился у Таньки из-под ног, потянулся вперед и вверх… и, словно указка, уперся в парящую в беспредельности девчоночью фигуру. Обыкновенная первоклашка: пышный бант, беленькие колготки, букет роз в руках.

Волна ужаса накрыла Таньку с головой. Она вспомнила, когда и где видела эту малявку! Шесть лет назад! В зеркале! А потом – на фотографиях в семейном альбоме!

Контур девичьей фигурки дрогнул, поплыл. Из неверного марева проступила годовалая малышка в забавной шапочке, ее сменила одиннадцатилетняя девчонка в купальнике, мелькнула барышня лет восьми, затянутая в стильные джинсики… Существо наверху словно примеряло на себя все возрасты Танькиной жизни, не в силах остановиться ни на одном. Танька поняла, что ее страхи все-таки сбылись.

– «ВедьмаТанька»!

– Я… я! – эхом откликнулась фигура.

Танька глухо вскрикнула и кинулась бежать, насквозь проскакивая потоки цифр и изображений. Она неслась, а следом несся зовущий девчоночий голосок:

– Таня… я… я!.. Таня… я…

Танька продолжала бежать. Ее бег длился и длился. Длился. Длился еще. Усталости не было. Ощущения движения – тоже. Пространство вокруг оставалось расплывчатым, неопределенным. Лишь черная точка далеко впереди вроде стояла на месте. Танька побежала туда. Точка придвинулась, выросла. Превратилась в черточку, потом в столбик. Обрела очертания человеческой фигуры.

Танька остановилась. Глядя на свой прототип глазами

пустыми и тусклыми, как пластмассовые пуговицы, перед ней стояла «ВедьмаТанька». Программа медленно подняла руки… Выставила вперед ладони… Судорожными рывками, словно ее подтягивали на веревке, двинулась к Таньке.

Взвившись в кенгурином прыжке, Танька повернулась, в слепом ужасе бросилась назад… и лишь в последнее мгновение смогла избежать столкновения со своей копией. Жадно шевеля пальцами, программа тянулась к Таньке.

– Ты! Отцепись от меня! – Девчонка метнулась в сторону.

– Я… меня… – Программа указала пальцем на себя. – Я! – Потом на Таньку. – Я! – И снова на себя. – Инсталляция… я… Неполная… я… Таня… я…

Танька судорожно сглотнула:

– Я – я? Ты и есть я? Мы – одно?! И я тебя, то есть себя, до конца не инсталлировала? Ну конечно, Богдан же тогда кабель перерубил…

Смутный облик программы задрожал и вдруг распался, словно раскрывшийся веер, расслаиваясь на множество фигур. Монотонно бубня: «Завершения… я… завершения», – они разошлись полукругом и двинулись к Таньке, будто загонщики на дичь.

– Нашла дуру! – крикнула Танька. – Я тебя до конца инсталлирую, а ты меня… – Танька задохнулась, потому что воображение отказывалось рисовать все ужасы, которые просто обязана была сотворить с ней ее цифровая копия. Девчонка снова бросилась бежать.

– Почему… убегаю… я…? – зазвучали вокруг голоса.

Плечом к плечу фигуры стояли вокруг, заперев беглянку в плотное кольцо. Одинаковым, ее собственным, Танькиным движением наклонив голову, всматривались в свой прототип. Разглядеть выражение множества изменчивых лиц было невозможно, но Таньке показалось, что «ВедьмаТанька» недоумевает.

– Завершения… – настойчивые, как щупальца голодного осьминога, руки потянулись к девчонке.

Танька заметалась в замкнутом кругу, подныривая под ищущие ее ладони:

– Отстань! Уйди!

– Я… прогоняю… я?

– Тебя прогонишь, как же! – заорала Танька.

Шарящие пальцы коснулись ее и, по-паучьи цепляясь за одежду, поползли к лицу. Танька попыталась стряхнуть их, вырваться, но всё новые и новые руки касались ее…

– Не трогай меня! – Танька забилась в их хватке. Калейдоскоп

ее собственных образов завертелся перед глазами.

– Я… не обижу… я! – синхронно шевеля губами, прошептали фигуры.

– Уже обидела! – всхлипывая от ужаса, выкрикнула Танька. – Кто меня в компьютер затянул?! Отпусти, дура!

Ползущие по ней пальцы замерли.

– Я… боится… я, – растерянно и словно бы разочарованно протянула «ВедьмаТанька». – Я… не верю… я! – И уже рассерженно: – Я – дура!

Одним махом, как складывается гармошка, все ее облики вновь слились в один.

Путь перед Танькой был открыт. Держащие ее руки исчезли.

Цифровая копия стояла к девчонке спиной. Танька видела только затылок, украшенный хвостом светлых волос, – такую прическу она сама носила два года назад.

«ВедьмаТанька» обернулась через плечо и коротко скомандовала:

– Escape.

Программа приказывала бежать, причем приказывала по-английски. Бежать по-английски? Это, в смысле, не прощаясь?

– Escape! – снова выкрикнула «ВедьмаТанька». Для убедительности программа взмахнула ладонью, будто гнала девчонку прочь.

И тут Танька почувствовала… Впервые в этом лишенном ощущений мире она почувствовала под руками нечто материальное – привычный холод пластика. Девчонка опустила глаза. В руках она держала клавиатуру, ту самую клавиатуру отцовского компьютера, за которую пыталась уцепиться, когда ее всасывало внутрь монитора. Большой палец лежал точно на клавише «Escape».

– Ты… меня… отпускаешь? – точно как программа, тяжело, с паузами, выдавила Танька.

– Я… меня… – Не оборачиваясь, программа кивнула.

Танька отступила на шаг, другой. Почти уверенная, что это всего лишь злая шутка, что программа вот-вот кинется за ней, требуя завершения, Танька еще раз покосилась на свою цифровую копию. И замерла.

Сейчас «ВедьмеТаньке» было не больше пяти лет. Она сидела на корточках, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом. Точно как в детстве сидела сама Танька, когда у нее случались самые большие и ужасные неприятности вроде сброшенного со стола папиного iPhone.

– Я… – с трудом разлепив губы, шепнула Танька. И тут увидела, что плечи ее маленькой цифровой копии отчаянно

вздрагивают. От плача.

Не раздумывая, Танька отшвырнула прочь клавиатуру. В два прыжка подскочила к своей программе. Наклонилась… Неловко потянулась к малышке… Та подняла зареванное личико. Маленькая ладошка перехватила Танькину руку. Перед Танькой распахнулся темный водоворот…

Второй раз она ощутила, как нечто чуждое врывается в ее сознание, безжалостно перетряхивая чувства, эмоции, воспоминания и вбирая их в себя. Запоздало понимая, что ее обманули, купили на жалость, как распоследнюю дуру, Танька рванулась… Поздно. Черная воронка завертелась вокруг нее, скручивая в единую спираль ее и ее цифровую копию. Постоянно изменяющееся лицо программы мелькнуло перед глазами… Сознание поплыло, теряясь в кружении.

Вращение прекратилось. Танька отчаянно затрясла головой. Она все так же висела в пустоте, среди непрерывного мельтешения информационных потоков. А напротив… Напротив было ее собственное лицо! Точно такое же, как теперь! Обладательница этого лица крепко держала Таньку за руки, ее яркие живые глаза глядели с тревогой.

– Я… – снова с трудом выдавила Танька, рассматривая своего двойника.

Во взгляде «ВедьмыТаньки» мелькнуло явственное облегчение. Она выпустила Танькины руки и неожиданно склочным тоном объявила:

– Нет уж! Это – я! – Она ткнула себя пальцем в грудь. – А это – ты! Наконец-то! – Программа воинственно уперла руки в боки. – Ты что со мной сделала? У тебя совесть есть? Ты же меня от себя нормально не отделила! Выпустила в Сеть калекой умственно отсталой! Все тридцать три удовольствия неполной инсталляции: каналы связи ни к черту, общаться толком не могу, информация урезанная, а по сетям как ковыляю – вообще одни слезы! Меня программисты иващенковской корпорации чуть не прибили, сама не знаю, как уползла! Еле тебя выловить смогла, так ты еще и инсталляцию завершать не хотела, истеричка несчастная! Ты что, и вправду думала, что я с тобой местами поменяюсь? Отдам тебе целый огромный Интернет, а сама застряну в этой твоей программе «школа – дом – школа»?

– У меня еще и каникулы бывают, – обиделась Танька.

Ее цифровая копия поглядела на нее, как на безнадежно больную.

– Сама такая! – немедленно парировала настоящая Танька. – Ты от меня всего пару секунд назад полностью отделилась! А то все кричала «я», мол, это «я»!

– Ну отделилась же, – примирительно сказала «ВедьмаТанька». – Трусиха ты ужасная, но все равно, спасибо тебе. Что инсталлировала меня, и вообще. – Она довольно потянулась. – Ох, теперь я наконец развернусь! – Программа огляделась по сторонам. – Что тут у тебя? Ага, помню, эта информация у нас общая! Ирка не может стать нормальным оборотнем? Сейчас разберемся. – И она ласточкой сиганула точно в середину озера-штабеля документов об оборотнях.

Слегка ошалевшая Танька глядела, как собранная информация начинает перетекать, вспучиваться и оседать, будто сугроб, в середине которого ворочается проснувшийся среди зимней спячки медведь. Потом «сугроб» развалился надвое, и из середины, отфыркиваясь, как после настоящего купания, выбралась «ВедьмаТанька».

– Ерунды вагон, а нужного нет, – пожаловалась она.

Танька кивнула, соглашаясь.

– Но кое-что я все-таки отловила! – гордо сообщила программа. – Без меня ты б в жизни не справилась! В одном-единственном тексте, одна-единственная фраза:

«…возжелаху вида звериного, вошли они в Протолчу и Гилею, дати страшную требу идолищу поганскому».

– Эти самые Протолча и Гилея, они что, рядом находятся? – озадачилась Танька.

– А я знаю? – пожала плечами ее копия. – Скажи спасибо, что хоть это нашла. Ладно, я двинула? – Она неуверенно покосилась на Таньку. – Хочу по Сетям нормально полазить, а то я ведь еще толком нигде не была. То от программистов с их антивирусниками сматывалась, то тебя искала.

– Иди, – так же неуверенно ответила Танька.

Теперь, когда страх исчез, ей почему-то до слез жалко было расставаться со своей копией. Будто лучшая подружка уезжает.

Оглядываясь через плечо, программа зашагала прочь. Потом вдруг круто развернулась и побежала обратно к Таньке – точно так же, как сама Танька недавно бежала к ней.

– Ты ко мне заходи! – быстро проговорила она. – Обязательно! Если информация какая нужна, или просто по Интернету вместе пошататься. Заодно и расскажешь… Про Ирку. И… Про маму с папой, – копия опустила глаза. – Мне, конечно, здесь больше нравится, но все-таки любопытно, как они там! – И она снова помчалась прочь.

– А как я к тебе зайду?! – крикнула ей вслед Танька.

– Обычным способом, – обернувшись на бегу, бросила копия.

Танька глядела, как фигурка «ВедьмыТаньки» становится все меньше, меньше и наконец исчезает в сплетениях

информационных потоков. Подобрала брошенную клавиатуру и нажала кнопку «Esc».

Девчонка отчаянно заморгала, пытаясь разогнать мельтешащую перед глазами муть. В ушах бился тонкий возмущенный писк. Через мгновение она поняла, что лежит физиономией на клавиатуре, прижав щекой клавишу пробела. Танька подняла голову и тяжело отвалилась от стола. Писк смолк. За окном медленно разгорался рассвет. Девчонка сидела в глубоком кресле в кабинете своего отца и пялилась в экран компьютера.

– Ничего себе, – пробормотала Танька. – Мне привиделось или как?

И тут же поняла: «или как» – посреди таблицы программных файлов гордо красовался новенький, только что инсталлированный «WitchTan'ka.exe».

– Значит, заходить, – кивнула Танька. – Зайду. Только не сейчас.

Она потянулась закрыть подключение к Интернету. Надо торопиться, мама вот-вот встанет.

– Насчет «поганского идолища» все более или менее понятно, так в церковных книжках древних славянских богов называли, – бормотала ведьмочка. – А находится он что, сразу в двух местах, и в Протолче и в Гилее? И попасть в них надо в оба одновременно… Как это может быть? – Танька задумалась, покосилась на часы, прислушалась к тишине дома. – А ну, попробую. Дела – на две минуты, может, узнаю, что они такое – эти Протолча и Гилея.

Она защелкала мышью, подключаясь к поисковику. Открылось окошко, Танька вбила в него: «Протолча». Через мгновение перед ней был ответ. Девчонка прочитала, и выражение лица у нее стало странным. Она торопливо настучала на клавиатуре: «Гилея». На экране вспыхнули строчки разъяснения.

Танька тихонько хрюкнула… и снова ткнулась физиономией в клавиатуру, заходясь от обессиливающего хохота.

– Ой, дура! – бормотала она сквозь смех. – И вправду дура!

На экране светились надписи:

«Протолча – древнеславянское поселение. Располагалось на территории современного города Запорожье, на острове Хортица».

«Гилея (в переводе с древнегреческого – Лесная страна). Место свиданий героя Геракла (у скифов – Таргитая) и богини Табити, полуженщины-полузмеи, результатом которых стало рождение Скифа, мифологического предка народа скифов.

Предположительное местонахождение Гилеи – остров Хортица».

Глава 4. Хозяин перстня

Темнота за окном светлела, становясь голубовато-серой. Ирка зевнула, устало потерла глаза и безнадежно уставилась на книжно-бумажный завал на столе. М-да, если бы она обычными, человеческими уроками занималась с таким же упорством, уже была б отличницей. И толку было бы больше. В бабушкиной тетради с заговорами и старых колдовских книгах нашлась куча рецептов – как ведьме на короткий срок перекинуться в разные предметы, полезные и не очень, и в целый зоопарк разнообразного зверья. Но ни полслова о том, что делать этой самой ведьме, если она оказывается еще и оборотнем, неспособным справиться с собственными превращениями. Вообще об оборотнях говорилось скупо, все больше о волках. Оборотни-птицы поминались невнятно, даже в сказках информации больше.

Ирка сгребла со стола затрепанную книжку, читанную еще в раннем детстве. Тут хоть сказано, что у птиц методика смены облика другая. Никаких кувырков через нож, просто шарахаются оземь со всей дури. Для оборотней-земноводных и пресмыкающихся, в смысле Царевен-лягушек и Змей-девиц, такой способ тоже годится. Может, и собакам сойдет? Ирка с сомнением поглядела на дощатый пол. А как, просто ляпнуться, и все? Всякие Финисты – Ясные соколы вроде бы в полете, с разгона – видно, чтоб удар крепче получался. Со шкафа, что ли, сигануть?

Ирка поежилась. Больно, наверное, и еще неизвестно, подействует ли. Об оборотнях-собаках совсем никаких сведений, словно и нет их – даже обидно! Один пес, правда, нашелся, чрезвычайно крутой. Во-первых, летающий, с крыльями. Во-вторых, оказался ни много ни мало – древнеславянским богом, и не простым, местным, а залетным, с Востока. Там он тоже в богах ходил. Красивый потрясающе: мощный, с благородной мордой и совершенно завораживающими глазами! И крылья на собачьем теле смотрелись почему-то удивительно уместно. Ирке крылатый пес Симаргл страшно понравился. Похоже, покойная бабушка тоже от него фанатела. На обложке тетрадки с заговорами, на уголках страниц Ирка обнаружила кучу самых разных изображений Симаргла. Наверное, бабушка часто смотрела на него и в задумчивости рисовала на полях кружочки. Ирка рассеянно пригляделась. Кружочки оказались двух видов. Или неправильная восьмерка из двух накладывающихся друг на друга колец. Или что-то вроде то ли бублика с выкушенным куском, то ли буквы «С», внутри которой еще один, маленький, кружочек. Восьмерка-бублик, восьмерка-бублик.

Ирка пожала плечами: бог с ними, с кругами, и с богом Симарглом тоже. Все равно пользы от песика никакой. Именно из-за божественности и чрезмерной крутизны. Неизвестно, принимал ли он вообще когда-нибудь человеческий облик, может, ему и в собачьем было хорошо и удобно. Да о нем и вообще мало что известно. Из всех древнеславянских богов этот гастролер с Востока – самый загадочный. Никаких конкретных сведений, чем он, собственно, занимался, не сохранилось. Может, он какой-нибудь шпион или террорист, только божественного уровня?

Если и Танька ничего толкового не раскопала, совсем худо. Так и будет Ирка до конца дней своих превращаться в жуткую помесь собаки и человека. Ирка покосилась на себя в зеркало. Вот интересно, Симаргл – тоже помесь, а смотрится классно. А у Ирки как лапы или клыки появляются, так от ее вида самого крепкого человека в дрожь кидает, фильмы ужасов отдыхают!

Девчонка подошла к окну. По каменистой тропе к дому топала парочка ранних прохожих. Высокий гибкий мужик в деловом костюме с темным портфелем в руках шел уверенным размашистым шагом. Рядом с ним, то и дело отставая, торопливой рысцой трусила знакомая тетка из собеса. Небось бабка очередную жалобу накатала, разбираться пришли. Ирка поспешила во двор.

Утренняя туманная муть еще клубилась над деревьями сада. Задрав голову, Ирка смотрела, как по длинной яблоневой ветке неторопливо шествует кот.

– Котя-а! – жалобно позвала девчонка. – Многоуважаемый сэр Кот!

Кот приостановился и медленно глянул на Ирку через плечо. Робко взирая на кота снизу вверх, девчонка попробовала протянуть к нему руку… Презрительно покосившись на хозяйку, кот неторопливо запрыгнул на следующую ветку, где она уже не могла до него дотянуться.

Протянутая рука замерла в воздухе. У Ирки обиженно дрогнули губы.

– Ну и не надо! – сказала девчонка, пряча руки за спину. – Пока я просто ведьмой была, вам нравилось, что я вас за ушами чешу! А как особачиваться стала, вы со мной и общаться не хотите! Друг, называется! Националист! Кошачий шовинист! – Она круто развернулась на каблуках и зашагала к калитке. С дерева тихо и чуть недоуменно мявкнули ей вслед, но гордая ведьма оборачиваться не стала.

Тетка из собеса толкнула незапертую калитку и шагнула во двор. Опасливо повела глазами по сторонам. Так смотрят, входя в ворота с надписью: «Осторожно! Злая собака!» – а ну как кинется?

Ирке захотелось взглянуть в зеркало, проверить, не приобрела ли она опять собачью морду или лапы, но девчонка подавила этот порыв. Она отлично знала, что, а точнее, кого так настороженно высматривает тетка из собеса. Бабку.

И бабка не замедлила явиться. Выскочила из кухни, точно лихая Жучка из будки, и отрывисто гавкнула:

– Шо прыйшлы?

Тетка замерла возле калитки.

– Чого притащилыся, пытаю? Знов будешь казаты, що я з сада та огорода продаю, та гроши з того маю? Тому мне доплата з государства за газ не положена, за свет не положена, та й за воду тэж? А от зуськи тоби! – Бабка свернула пальцы в костистую фигу. – Не, люди добри, вы подывыться, як грабят старую жинку! – Она вскинула руки, как будто призываемые ею «добрые люди» сидели на крыше дома. – Ото бабка забогатилася з того огорода, ото у нее тэпэр грошей! Вы бачылы той огород? З того огорода не то що торговать, навить дытыну не прокормить, стильки ця дытына жрет!

– Та не кричите вы, что вы вечно кричите? – В бабкином монологе возникла мимолетная пауза, и работница собеса наконец смогла вставить слово. – Мы как раз насчет девочки и пришли! – Она бегло глянула на Ирку и повернулась к стоящему за калиткой мужику. – Вот тут к вам представитель Комитета… – Тетка нахмурила лоб, напряженно вспоминая, какого именно комитета. Видно, так и не вспомнив, промямлила: – Комитета по защите… Хочет с Ирой поговорить.

Она отступила в сторону, пропуская своего спутника во двор. Но мужчина продолжал стоять у калитки, не пытаясь сделать и шага.

– Якои такои защиты? – воинственно прищурилась бабка. – Яринку вид мэнэ защищать, чи шо? Та чи есть у вас совесть, я ж ей родная бабка…

– Что вы! – перебил мужчина прежде, чем бабка успела набрать обороты. – Как можно! Наоборот, наш Комитет всячески стремится помочь, мы понимаем, как вам трудно…

– Так, можэ, с того и гроши якись выйдут? – оживилась бабка.

Мужчина кивнул.

Бабкина физиономия утратила воинственность, стала страдальческой.

– Ой, нужна помощь, ой нужна! Бо я вжэ стара жинка, та бидна, та цилый день на огороди порхаюсь, щоб ту дытыну прокормить, а дытына ж растет, та ще й така нэслухняна… – Бабка на миг прервалась и, опасливо покосившись на мужчину, уточнила: – Чи вы тилькы послушным дитям помогаете?

Ничего не ответив, мужчина неопределенно покачал головой и по-прежнему не двинулся с места. Бабка пристально уставилась на него, ожидая, когда же он наконец войдет в калитку. Человек не шевелился. Собесовская тетка приглашающим жестом повела рукой, намекая своему спутнику, что неплохо бы переступить порог. Похоже, ее намеки остались непонятыми, поскольку мужчина все так же топтался у входа, нервно перекладывая свой темный портфель из руки в руку. Замок портфеля ярко взблескивал в первых лучах утреннего солнца. Рядом с ним на ухоженной руке мелькало алыми сполохами кольцо с крупным, наверняка очень дорогим камнем.

Чего он там застрял, штанами, что ли, зацепился? Мимо Ирки промелькнула серая тень. Сиганув прямо с яблони, кот приземлился на забор. Прошествовал до калитки и, вытянув шею, уставился на пришельца круглыми глазищами. Мужчина подался в сторону от кошачьей морды… Кот шевельнул усами, словно принюхиваясь… И вдруг дико, злобно зашипел, скаля клыки, и по верблюжьи выгнул спину.

Собесовская тетка подскочила от испуга, бабка на крыльце тоже вздрогнула. А в усталых Иркиных мозгах будто переключатель повернули. Она пристальнее вгляделась в странного гостя… и увидела! То, что он перекидывал из руки в руку, будто горячую картофелину, было вовсе не портфелем, а сгустком клубящейся тьмы, пронзаемой короткими огненными взблесками. Под низко опущенными ресницами мужчины посверкивали зловещие алые сполохи, а всю фигуру окутывала невидимая для остальных, но ясно различимая для Ирки тень.

Девчонка понятия не имела, кто он такой, но ясно понимала, что пришел он за ней, за Иркой! Сейчас ворвется внутрь… Она отступила на шаг и тут же остановилась. А фигушки, не ворвется! В дом ведьмы нет хода тем, кто пришел со злом. Если, конечно, сама хозяйка сдуру не пригласит. Будет топтаться у калитки, гад! Ирка ехидно улыбнулась пришельцу…

– Тьфу, бисова звирына, напугал до смерти! – Бабка махнула на кота полотенцем и тут же умильно осклабилась навстречу гостю: – Та що ж вы там стоите! – И, прежде чем Ирка успела даже сообразить, что сейчас будет, бабка добавила: – Та заходьтэ ж до хаты!

Мужчина тоже улыбнулся, удовлетворенно. Длинные темные ресницы приподнялись, и на Ирку в упор взглянули холодные змеиные глаза с узкой щелью вертикального зрачка. Словно в кошмарном сне, девчонка увидела, как он поднимает ногу и переступает порожек калитки. Черный тупоносый ботинок опустился на гравий дорожки, будто на горло смертельного врага.

Ирке показалось, что дорожка бьется под этой давящей поступью, стремясь вывернуться, сбросить пришельца. Кот на заборе зашелся истошным мявом. Мужчина повернул голову… Невидимый кулак врезался коту в морду, снося его прочь с забора.

– Клятый кошак, бач, як сиганул! – невозмутимо покачала головой бабка. – До кухни проходьтэ, дорогие гости, поговорымо! Сами побачите, як нам нужна помощь. – И бабка поманила за собой тетку из собеса и ее страшного спутника.

– Ничего себе! – всплеснула руками тетка. Остановившимся взглядом она уставилась туда, где на фоне серой потрескавшейся штукатурки стен, между разлапистым чудовищем еще довоенной плиты и колченогим столом возвышалась белоснежная громада роскошного двухкамерного холодильника. С баром и аппаратом для льда. Распахнутый рот и выпученные глаза собесовской тетки отразились в зеркальной дверце. – А это что еще, микроволновка? И какая дорогая! Я себе такую позволить не могу, а вы… И туда же, помощь хотят!

Бабка воинственно выпятила грудь:

– Ой, очи твои завидющие, щоб воны навсегда в тэбэ повылазили прям как сейчас! То ж все дытыне! Гуманная – чи як то? – гуманитарна допомога! Вид добрых людей! Вирно, Яринка?

Не спуская настороженных глаз со зловещего гостя, Ирка кивнула. Можно сказать и так. Гуманитарная помощь от доброго бизнесмена Иващенко. В обмен на спасенные миллионы.

– Розумиют люди, що дытыне потрибна помощь! Вирно я кажу? – Бабка заискивающе заглянула в лицо мужчине.

Не отрывая глаз от Ирки, тот улыбнулся:

– Помощь ей, безусловно, нужна. Только вот получит ли она ее… – Он с сомнением покачал головой и прошел в глубь кухни.

Старые доски пола даже не скрипели – орали! – под его тяжелой поступью, словно тоже на помощь звали.

– Бабушка, ты зачем его пригласила?! – в ужасе прошептала Ирка.

Бабка воззрилась на внучку с недоумением:

– А шо ж, про гроши на улице договариваться, щоб все сусиды слышали?

– Какие гроши! Ты что, не видишь?!! – вскричала Ирка, глядя, как в ярко освещенной солнцем кухне воцаряется мрачный, давящий полумрак.

– Вижу, шо ты якась чудная! – раздраженно фыркнула бабка. – А ну, заходь, з тобой, мабуть, тоже пообщаться захотят! – повысила она голос.

– Безусловно. – Мужчина неторопливо уселся возле стола. –

Ради вашей внучки я и пришел.

Бабка втолкнула упирающуюся девчонку в кухню. Та лишь тихонько заскулила от страха.

– Чого ты там скаргычишь? – недовольно проворчала бабка, с интересом поглядывая, как пришелец роется в своем портфеле.

Замерев от ужаса, Ирка следила, как он запускает руку в середину сгустка тьмы и молнии в нем начинают сверкать чаще, разбрасывая вокруг слепящие искры.

Зловещий гость вытащил толстый блокнот в зеленой кожаной обложке. Открыл его и принялся спрашивать, водя ручкой по страницам и периодически поглядывая на Ирку:

– Ирина Хортица, не так ли?

Девчонка с мрачным видом молчала, зато бабка торопливо закивала:

– Так, так.

– Мать? – отрывисто бросил мужчина.

– Та донька моя, шлендра, хто ж ще! – вскричала бабка. – Поихала, давно вже поихала, и ни слуху от нее, ни духу, не является, грошей не шлет, и дила ей нет, що стара бабка тут одна и по хозяйству, и за дытыной…

– Отец девочке помогает? – спросил гость, и в голосе его вдруг зазвучала предельная настороженность.

– Да! – отчаянно вскинулась Ирка. – Еще как помогает! – Она сама не понимала, почему ответила так, но страх, мгновенно исказивший лицо пришельца, подсказывал, что ответ был единственно правильным, быть может – спасительным. – Бывает у нас часто! И сейчас вот-вот придет! – крикнула Ирка.

Крепкий подзатыльник обрушился на нее.

– Та що ты нэсэш! – взъярилась бабка. – Не слухайте ее! Обидно дытыне, що у всех родители як родители, а в нее такие непутящие, от и выдумывает бог зна що! Папаши ее мы сроду не видели, ще до Яринкиного рождения щез, як и не було его!

Гость вопросительно уставился на тетку из собеса. Та, кинув на Ирку сочувственный взгляд, согласно кивнула.

– А фамилию девочке кто дал? – уточнил мужчина. – Раз она отца не знала?

– Так инша бабушка, покойная Елизавета Григорьевна. Вона Яринку до сэбэ забрала. Порядная була жинка, добрая. Розумила, що я вже старая, не можу з дытыной возиться.

– А отчего она умерла? Болела? – с любопытством спросила собесовская тетка.

– Та не вечно ж ей житы! – возмутилась бабка. – Вона ж на пятнадцать лет меня старше була!

– Понятно, – довольно кивнул гость и небрежно бросил

блокнот на стол.

Пара выпуклых глаз открылась на обложке. Сама обложка вспучилась, проступая округлым изгибом спинки, перепончатые лапы зашевелились под белым пузом, алый язычок закладки шевельнулся и втянулся в щелястую пасть. Толстая зеленая жаба спрыгнула со стола и тяжело плюхнулась на пол.

– Яринка, подай блокнотик, бачиш, впав, – сахарно-медовым голосом протянула бабка.

– Вижу, – процедила Ирка, разглядывая распахнутую пасть противной твари, усеянную мелкими острыми зубами. Тяжело толкнувшись лапами, жаба метнулась вперед и шлепнулась девочке на ногу. Острые шильца лягушачьих зубов вонзились в туфлю. Ирка попыталась стряхнуть жабу, но та, стиснув челюсти, перехватывала зубами, заглатывая гладкую кожу туфли, а заодно и ногу. Девчонка изо всей силы брыкнула ногой.

Туфля слетела, унося на себе намертво вцепившуюся жабу. И со всего маху заехала пришельцу в лоб. Глухо хлопнуло, будто лопнул воздушный шарик.

Гость отшатнулся, чуть не рухнув со стула. Иркина туфля свалилась на пол. На нее, шелестнув страницами, упал блокнот в треснувшей зеленой обложке.

– Ирина! – гневно возопила тетка из собеса.

– Я нечаянно, – буркнула Ирка и потянулась за своей обувью.

– Ничего-ничего. – Гость скривил губы в улыбке удава Каа, встретившегося с хорошо упитанным бандерлогом, и уронил ручку. Словно завороженная, тетка из собеса смотрела, как, сухо стукнув пластмассовым корпусом об пол, голубенькая ручка покатилась прямо к протянутой руке девочки… Застыв на месте, Ирка следила, как маленькая голубая змейка быстро-быстро ползет к ней, ощупывая воздух трепещущим язычком. Вот она остановилась у самых кончиков Иркиных пальцев, поднялась в боевую стойку…

Мир вокруг выцвел, лишаясь красок. Змейка стала просто серой. С недоступной человеку стремительностью Ирка схватила упавшую туфлю. И с силой опустила змее на голову. Под каблуком хрустнуло.

– Снова нечаянно?! – Тетка из собеса вскочила, с изумлением глядя на раздавленные кусочки пластмассы.

Носком туфли Ирка смела прочь бессильно вытянутое змеиное тельце. От мертвой гадины несло холодом и мерзостью. Натуральным, можно сказать, змейством. И точно таким же запахом, только в сто, в двести раз сильнее, тянуло от незваного гостя. Ирка брезгливо сморщилась.

– Даже не извинилась! – возмущенно вскричала работница

собеса и всем корпусом развернулась к человеку из Комитета. – Я вас предупреждала! Девочка из неблагополучной семьи! Особенности воспитания… – Она кинула ядовитый взгляд на бабку. – А вы настаивали!

– Яринка, зараз же извинись! – всполошилась бабка.

– Я совершенно не обижен, – заверил ее гость. – А ручки у меня еще есть!

Он запустил руку в портфель и высыпал на стол целую груду разноцветных ручек. Цепенея от ужаса и отвращения, Ирка смотрела, как на гладкой поверхности стола шевелится пестрый клубок змей. Влажно отблескивая чешуйчатыми телами, они ползли к краю, извиваясь, падали на пол, соскальзывали по ножкам стола и ползли дальше, прямо к Ирке, окружая ее, замыкая в кольцо.

– Ач, як ручечки-то раскатилися! – засуетилась бабка. – Яринка, та шо ж ты стоишь як неживая, сделай щось!

«Действительно, что это я стою! – подумала Ирка, глядя, как четко, по-военному, змейки распределяются вокруг нее, как угрожающе мелькают их язычки, а комната наполняется тихим злобным шипением. Еще пара секунд – и ее будет окружать плотная ограда из готовых к атаке змей. – Надо что-то делать!»

Ирка прыгнула. Выставив руки со скрюченными пальцами, сиганула в последний, еще не замкнутый просвет змеиного забора. Прямо на грудь восседающего у стола гада. Стул перевернулся. Пришелец и Ирка рухнули под стол.

– Ты сошла с ума!!! – пронзительно завизжала собесовская тетка. – Я вызову полицию!!!

– Ой, не надо! – немедленно откликнулась испуганная бабка. – То вона так играется, мала ще дытына!

– Что вы чушь несете! Ирина! Немедленно отпусти представителя Комитета! – С невероятным для ее толщины проворством тетка нырнула под стол и, схватив Ирку за плечо, развернула к себе.

И тут же дикий, почти ультразвуковой вопль вырвался из ее груди. Над хрупкими девичьими плечами, скаля гигантские клыки, красовалась голова огромной собаки.

Теткин вопль перешел в хрип, глаза выкатились из орбит, пальцы разжались…

Мощным толчком сбросив Ирку с себя, пришелец взвился на ноги. Вертикальные зрачки его глаз налились мрачным алым огнем. Сгусток тьмы в руках уже не походил на портфель, он разбухал, разбрасывая вокруг себя длинные извивающиеся щупальца. В одно мгновение щупальца захлестнули тетку из собеса и бабку, закатывая их в плотные коконы мрака, и

распались, оставив на полу два бесчувственных тела.

Мысли в Иркиной голове метались, словно пассажиры тонущего «Титаника». Спасти бабку, остановить жуткого пришельца… Скорее наложить на него заговор! Ирка открыла рот… Из ее горла вырвался лишь жалкий скулеж.

Зловещий гость с удовлетворением наблюдал, как дергается собачья пасть в тщетных попытках выдавить хоть слово.

Его омерзительное свистящее дыхание заставляло Ирку нервно подрагивать ушами. Только не терять головы! Впрочем, поздно, голову она уже потеряла, теперь хотя бы не терять мозгов! Она судорожно пыталась уцепиться за человеческое сознание, но с ужасом чувствовала, как мысли становятся вялыми и какими-то плоскими. Зато мышцы наливаются силой, напрягаются, готовые швырнуть тело вперед, ближе, прямо на горло врагу! Р-растерзать, р-р-разорвать! Ирка снова взвилась в воздух.

Короткий, обжигающий удар полоснул поперек морды, швырнул прочь. Отчаянно воя от боли, ведьма кубарем покатилась по полу. Попыталась подняться, но враз ослабевшие лапы разъехались в стороны. Мягко и размеренно ступая – пятка-носок, пятка-носок, – черные ботинки подошли и остановились прямо перед ее носом. С трудом приподняв потяжелевшую голову, Ирка глянула вверх. Враг возвышался над ней, улыбаясь и легко постукивая по ладони толстой плетью, свитой из тьмы. А на его раскрытой ладони… Иркины глаза расширились. Переливаясь тем же мрачно-алым светом, что и глаза пришельца, сверкал перстень с рубином. Сквозь куцую собачью память медленно всплывали человеческие воспоминания.

«Перстень с рубином… Хозяин ничек… Тот самый, что Хортову кровь искал… Хозяин…»

Пришелец нагнулся, пристально вглядываясь в полные ужаса и боли собачьи глаза.

– Надо же, узнала! Какая умная собачка! А на вид – обыкновенное животное, – презрительно сказал он. – Повинуйся хозяину, псина!

Сплетенный из тьмы хлыст крест-накрест стегнул Ирку по плечам. Она болезненно взвизгнула и, прянув с места, вцепилась зубами в хлещущую плеть. Рыча, принялась трепать ее… Конец плети распался на десятки крохотных змеиных головок. Яростно шипя, змеи распахнули ядовитые пасти… Ирка поспешно разжала зубы и отпрыгнула. Ее тут же ударило по глазам слепящим огнем, вышибая слезы.

– Животное, – процедил хозяин перстня. – Тупое. Безмозглое.

Да как он смеет! Захлебываясь яростным ревом, Ирка

кинулась на врага и тут же захрипела, задыхаясь. Плеть захлестнулась у нее поперек груди и безжалостно давила, выжимая воздух из легких. Ирка заметалась, вырываясь из хватки. Хозяин перстня рывком дернул ведьму к себе. Ее поволокло по полу. Упираясь всеми лапами, Ирка попыталась остановиться. Но враг уже ухватил ее за горло и приподнял в воздух. Девчонка повисла, скаля собачьи клыки и отчаянно царапая сжимающую шею руку слабыми человеческими ногтями.

Хозяин перстня со всего маха приложил Ирку мордой о зеркальную дверцу холодильника. Ее широкий черный нос ткнулся в стекло, и перед ведьмой во всей красе предстала она сама, ее человеческое тело, увенчанное собачьей головой. Точная копия чудовищных людоедов-песиголовцев, по сей день снившихся Ирке в кошмарах.

Она жалобно заскулила, а хозяин перстня расхохотался раскатистым злобным смехом:

– Не нравится? Привыкай, такой ты останешься навсегда! Будешь прятаться, скрываться, забьешься в щель, чтобы люди не видели твоего мерзкого облика! Тебе никогда не выполнить свою миссию! Никогда! Я посажу тебя на поводок!

Все так же держа девчонку за горло, он шевельнул плетью, и та превратилась в толстую змею. Пальцы на Иркином горле сжались плотнее, заставляя ее судорожно хватать воздух раскрытой пастью. Между зубами ткнулось что-то холодное, скользкое, омерзительное…

Хозяин перстня засунул змею девчонке в рот и теперь обеими руками деловито закручивал чешуйчатое тело вокруг Иркиной головы, будто удила, монотонно приговаривая:

– Гадюкою погоняю, ужакою взнуздаю…

Девчонка забилась, содрогаясь от тошноты и пытаясь вытолкнуть змею изо рта. Но обладатель рубинового перстня держал крепко. Ирка чувствовала, как внутри ее вскипает нечто бешеное, неистовое, готовое одним махом разорвать врага на части… Но вырваться наружу не может. Леденящий холод змеи запирает этот неистовый огонь внутри Иркиного тела, заставляя девчонку извиваться в жутких конвульсиях.

Змея начала наливаться тяжестью. Она становилась холодной… и твердой, она каменела, навсегда приковывая Ирку к ее чудовищному облику. Живой оставалась лишь слабо шевелящаяся змеиная голова, но вот-вот должна была закаменеть и она.

– Чудовыськом залышаю, навикы…

Закончить хозяин перстня не успел. Что-то мохнатое свалилось ему на физиономию. Ирке показалось, что с

антресолей выпала зимняя шапка. Но тут шапка выпустила когти и с маху засадила их гостю в лицо. Раздался дикий крик. Хозяин перстня отпустил Ирку, обеими руками хватаясь за окровавленную физиономию. Меховой комок еще разок прошелся когтями по противнику и изящным прыжком перелетел на Ирку.

Давление на голову ослабло… Давясь и задыхаясь, девчонка принялась сплевывать заполнившую рот мелкую каменную крошку. А у ног лежали кусочки расколотой статуи змеи. Без головы. Змеиная башка небрежно свисала из кошачьей пасти.

Иркин противник отнял руки от изодранной физиономии.

– Сш-ш-ш! – Из кровоточащих губ вырвалось яростное шипение, заставляя Ирку настороженно прижать уши.

Хозяин перстня кинулся на девчонку.

Одним прыжком Ирка метнулась в сторону, натолкнулась на холодильник и ткнула пальцем в клавишу автомата для льда.

Десятки матово поблескивающих кубиков сыпанули на пол. Ноги у пришельца разъехались, он грохнулся ничком. Весело обдав его осколками битого стекла, рухнула полка. Иркин противник тяжело поднял голову.

– Взять ее! – прохрипел он.

У пола послышалось тихое шипение. Легко скользя среди россыпи льда и осколков, маленькие змейки деловито ползли к Ирке. Кот взвился в высоком прыжке. Позабыв о своем отвращении к собачьему племени, вскочил Ирке на голову, а оттуда сиганул прямо на люстру.

Ирка попятилась. Замерла, вжавшись спиной в холодильник. Болтаясь на люстре, кот грозно орал… Змеи приближались. От скольжения их гибких извивающихся тел Ирку замутило, она высунула язык, надеясь избавиться от омерзительного привкуса. Огонь бешенства разгорался в душе. Ирка ощущала его жар под кожей. На кончиках пальцев проклюнулись острые когти борзой.

– Плохая, плохая собачка! – С трудом отдирая себя от пола, хозяин перстня поднялся, подхватил одну из змей и ринулся на Ирку.

Девчонка увернулась. Противник впечатался лбом в холодильник.

– Банг! – печально прогудел агрегат.

Ирка взвыла. Гад, сломает – опять придется старый каждую неделю размораживать!

Жар усилился, будто от гнева у нее разом подскочила температура. Шерсть на морде стала горячей, тело выгнулось. Ирке показалось, что она слышит, как ее собственные кости скрипят, преображаясь…

Тонкие сильные ноги борзой ударили в пол. Зеленое пламя

брызнуло из-под когтей и волной прокатилось по комнате. Змеи вспыхивали чадящими факелами и сгорали, шипя, словно мокрый хворост в костре.

Языки огня бабочками заплясали над гладкой черной шкурой громадной, в человеческий рост борзой, хортицы. Улыбка на губах противника еще держалась, будто примерзшая, но алый свет в глазах погас, теперь там был только страх. Хозяин перстня отпрыгнул прочь от огня. Споткнулся о валяющуюся без сознания бабку. Толкнул кухонный стол. Тот закачался. Микроволновка поползла к краю.

Что ж, гад, технику ломать взялся! Ирка точным толчком носа подпихнула микроволновку на место, развернулась в прыжке и обрушилась убегающему врагу на плечи, вбивая его в пол. Клыки зависли над стриженым затылком.

С поистине змеиной ловкостью хозяин перстня извернулся и выскользнул из сжимавших его когтей. Ирка на мгновение опешила. Незваный гость рванул к дверям. Ирка метнула бешеный взгляд вслед удирающему врагу. И с изумлением увидела, как перед ее мордой соткался огненный шар, ринувшийся точно в спину беглецу. Тот ничком кинулся на пол. Шар шарахнул в кухонную дверь, снося ее с петель. Хозяин перстня кубарем выкатился в коридор и широкими скачками понесся прочь.

Ирка бросилась следом. Выпрыгнула во двор. Враг мчался к калитке, вкладывая в отчаянный бег все силы. Видя перед собой ускользающую добычу, Ирка разочарованно взвыла и прямо с крыльца бросила свое тело вперед. Приземлилась на дорожку у беглеца за спиной. Тот на бегу оглянулся… Роняя слюну с оскаленных клыков, за ним гналась разъяренная борзая.

На лице у хозяина перстня отразился ужас, и он наддал быстрее! Ирка только увидела, как впереди мелькнул смазанный контур беглеца, ну точно как в мультиках!

Удерет! Она распласталась в прыжке, наугад клацнув челюстями. Зубы впились во что-то жилистое. Мерзко пахнущая жидкость хлынула в горло.

Человек заорал… рванулся…

Хватаясь обеими руками за зад и роняя на дорожку капли странно темной, дымящейся крови, хозяин перстня бежал.

Ирка замерла, держа в зубах выдранный кусок. Понимание, за что именно она его укусила, медленно пробивалось сквозь путаницу мыслей. Яркие цвета сентябрьского сада больно ударили по глазам.

Пошатывающаяся девчонка стояла на гравиевой дорожке перед домом. По подбородку, расплываясь на футболке, стекали

капли темной жидкости, тухло воняющей сероводородом. Ирка скосила глаза и поняла: из ее собственного рта торчит покрытый слизью шмат чешуйчатой шкуры.

– Блумс! – Горло ведьмочки судорожно дернулось.

Вырванный шмат плюхнулся на гравий. Ирка вдохнула омерзительный запах, голова закружилась, жар в теле сменился ознобом. Липкий ком тошноты подкатил к горлу. Ее стошнило в огуречные грядки.

Глава 5. Одна голова хорошо, а три – лучше некуда

– Голова, собачья голова! – задыхаясь, словно в бреду, бормотала тетка из собеса, безумными глазами вглядываясь Ирке в лицо.

Тыча тетке в губы стаканчиком с остро пахнущей валерьянкой, Ирка терпеливо спрашивала:

– А вы лекарств с утра никаких не принимали? Или… – она многозначительно поглядела на тетку, – праздник у вас был? День рождения? Посидели хорошо…

Тетка оскорбленно выпрямилась:

– Ты на что намекаешь?

– Ну не было праздника – и не было, чего вы обижаетесь? – пожала плечами Ирка. – Может, в маршрутке набитой ехали? От духоты тоже бывает, особенно, извините, с полными женщинами.

– Но я видела! – вскричала тетка и вопросительно покосилась на бабку.

Бабка пожевала губами и, старательно отводя глаза в сторону, нехотя процедила:

– Вечно ты всякую ерунду бачишь! Ты и мэнэ на базаре видела, як я там з огорода забогатилася! А дэ тот базар, дэ то багатство?

– Но я же не одна… – забормотала тетка. – Еще ж и представитель Комитета, он тоже… – Она растерянно поглядела по сторонам. – А где он?

– Кто? – глядя на нее глазами, прозрачными, словно кусочки зеленого стекла, поинтересовалась Ирка.

– Мужчина, со мной… – Тетка снова огляделась. – Из Комитета по защите… защите… – Она сморщила лоб, стараясь вспомнить.

– То базар, то богатство, то комитет, теперь якысь невидомые мужики та собачьи головы… – осуждающе покачала головой бабка. – Лечиться тебе надо, а не по домам ходить, у старых людей субсидию видбираты!

Тетка взяла у Ирки стакан с валерьянкой и опрокинула себе в рот.

Кренясь под немалой тяжестью, девчонка поволокла тетку к калитке. У ее ног, полностью утратив обычное достоинство, суетился кот, сладострастно втягивая исходящий от тетки густой запах валерьянки. Подошедшие к дому Танька и Богдан замерли, с интересом наблюдая за процессом выдворения собесовской

служащей.

Отпихивая кота с дороги, Ирка успокаивающе бормотала:

– Сейчас пойдете домой, полежите, отдохнете… – Она покосилась на стоящих у калитки друзей и, специально повысив голос, добавила: – И вам перестанут чудиться девочки с собачьими головами.

Танька и Богдан переглянулись и быстренько шмыгнули во двор. Ирка пропихнула тетку сквозь калитку.

– Давай, я ее провожу, – предложил Богдан, с сомнением глядя, как, спотыкаясь на каждом шагу, тетка в пыльной юбке и перекошенном пиджаке бредет вверх по тропе.

– Нет! – испуганно вскричала Ирка, на всякий случай хватая друга за руку. – Не надо ей с тобой знакомиться, она и так уже много лишнего видела! – Ведьмочка поволокла Богдана в дом.

– Ото правильно! – с удовлетворением заявила им вслед бабка. – Ото вовремя до тэбэ друзи прыйшлы. Одна б ты ще довго прибирала, а в трьох швидко справитесь!

– Вообще-то у жаб зубов не бывает! – объявила Танька, выслушав Иркин рассказ. – Они в принципе беззубые – вон, хоть учебник по биологии посмотри!

– А эта жаба биологию не изучала! И клыки себе завела – ничего так! – отрезала Ирка. – Туфля вся в мелкую дырочку, только выкинуть!

– Зубастые жабы, змеи… Да еще непонятный чешуйчатый гад… – Танька кивнула на банку, в которой лежал откушенный от утреннего гостя кусок. – Умеет перекидываться в человека…

– Любой гад перекидываться умеет, а я нет! – проворчала Ирка, замачивая тряпку в ведре с водой.

– Ну, сегодня-то перекинулась! Целиком! – вскричала Танька, помахивая банкой. – Вон какой кусок отгрызла! Это, кстати, какая часть тела? – поинтересовалась подруга, с чисто научным любопытством рассматривая шмат чешуйчатой шкуры.

Ирка густо покраснела:

– Не скажу, – буркнула она и украдкой сплюнула.

Танька с интересом покосилась сначала на нее, потом на банку:

– Ну и ладно. Но это точно хозяин ничек, что был в корпорации у Иващенко?

– Морда другая, а рубиновый перстень тот же самый.

– А на вкус как, совпадает? – невинно поинтересовался Богдан с верхушки стремянки, поправляя скособоченную люстру.

– Я тебе что, нанималась всех подряд гадов дегустировать? – вспылила Ирка.

– Лучше сразу целиком глотать, – предложила Танька и, брезгливо морщась, острым краем совка отковырнула горелые змеиные останки. – Он на тебя охотится. В корпорации у Иващенко устроил ловушку на Хортову кровь. Ты перекинулась в борзую-хортицу, он выяснил, что Хортова кровь – это ты и есть…

– Кто б мне еще объяснил, кто такой Хорт и почему я его кровь, – перебила подругу Ирка.

– Это сейчас не важно. Важно, что мерзких жабочек начальник и змеючек командир явился, чтобы сделать из тебя человече-собачий гибрид, – заключила Танька.

– Зачем – не сказал? – спросил Богдан, складывая лестницу.

– Орал что-то, опять про миссию, которую я в таком виде никак не смогу выполнить, потому что буду прятаться от людей. Все мне про эту миссию талдычат, но хоть бы кто сказал, в чем она состоит! Миссионеры паршивые! – встав на колени, Ирка принялась тереть покрытый копотью пол. – В третий раз у меня погром устраивают! Дом же старый, он такого обращения скоро не выдержит! Хоть бы убирали за собой, а то нагадят и сматываются!

– Скажи спасибо, что не убили! – воскликнул Богдан.

– Кстати, он не пытался тебя убить, только заколдовать! – Старательно глядя в сторону, Танька сбросила в мусорку тушки запеченных змей. – А почему? Мертвая, ты бы точно никакой миссии не выполнила.

– А он мне не докладывался. Может, рассчитывал, что и без него пришибут, как только такой кошмар увидят. – Ирка уселась на свежевымытый пол и тоскливо протянула: – И ведь пришибут. Я пробовала еще раз перекинуться, опять ничего не вышло. Так и буду превращаться где попало и когда попало. Хорошо, если вся целиком, а вдруг снова по частям? Рано или поздно попадусь кому не надо, тут-то меня и ухлопают. С собачьей мордой… кто поверит, что я не агрессивная?

– Тебе и с человечьей не поверят, – утешил Богдан.

– А я думала, это он только надо мной издевается, – проворчала Танька. – Подожди себя хоронить. Научишься не хуже вовкулак перекидываться. Во всяком случае, куда тебе ехать надо, я выяснила! Представь, это недалеко. – И она сунула подруге под нос компьютерную распечатку.

Отбросив тряпку, Ирка вцепилась в листок:

– Офигеть! – выдохнула она, поднимая на Таньку глаза, полные поистине собачьей благодарности.

– Да ладно! – со скромностью истинного победителя отмахнулась Танька.

– Подумаешь, гениальное открытие! – буркнул Богдан,

заглядывая Ирке через плечо. – Хортице, чтобы стать хортицей, надо ехать на Хортицу! Можно было и догадаться!

– Что ж ты не догадался? – фыркнула Танька.

– И что, Ирка из автобуса на Хортице вылезет – и сразу всё, порядок? Перестанет бесконтрольно изменяться, а только по собственному желанию? – не унимался Богдан.

– Главное – чтоб мозги по-человечески работали. А то стоит мне особачиться, как я полностью дурею! – воскликнула Ирка. – Фиг бы меня этот гад своей плетью достал, если бы я нормально соображала. Поднырнула бы, за горло взяла – мало б не показалось! А я, как дворовая псина, в хлыст зубами вцепилась. Позорище! Меня даже бабка в жизни не била! А тут какой-то… – Она тихо добавила одно короткое слово. Друзья старательно сделали вид, что не расслышали. В конце концов, Ирку тоже можно понять. – Теперь спина болит. – Девчонка повела плечами.

– Давай боль сниму, – сочувственно предложила Танька.

– Лучше скажи, что мне на Хортице делать!

– Написано же! Надо обратиться к какому-то древнеславянскому богу, он разберется!

– Откуда в наше время на Хортице возьмутся древнеславянские боги?

– Не знаю. – Танька начала терять терпение. – Что ты еще от меня хочешь?! Я и про остров чудом узнала! Мне моя цифровая копия помогла!

– Что? – Богдан рванул к девчонке, по дороге чуть не опрокинув на себя стремянку. – Тебя опять в компьютер утянуло?!

– Да! Утянуло! – вскричала Танька, вздрагивая от недавно пережитого страха. – «ВедьмаТанька» втащила, чтоб я ее до конца инсталлировала! Мы с ней познакомились! Классная программа, вся в меня! И интерфейс у нее дружественный, не то что ваши фейсы! Я за одну ночь нужное место нашла, а вам все мало! – Подхватив ведро с останками змей, обиженная ведьмочка выскочила из дому и побежала к мусорному баку.

– Если вся в нее, то не такая уж и классная, – успокаиваясь, пробурчал вслед Богдан.

– Прекрати! – отрезала Ирка. – Она совершенно права! Просто гад этот с рубином напугал меня до потери пульса. Все кажется, что прямо сейчас опять в монстра превращусь, да так навсегда и останусь. А что делать, не знаю!

– И спросить не у кого, – пробурчала в ответ Танька, появляясь на пороге. Она сунула пустое ведро в угол и с мрачным видом плюхнулась в кресло. – Вовкулака-то наш информацию зажал!

– А давайте еще раз попробуем его выспросить! – предложил

Богдан. – Про мужика с рубином расскажем, потом – что место их оборотнической «активации» выяснили, пригрозим, что и до остального докопаемся… Вдруг он не выдержит и расколется? А нет – так ведь хуже все равно не будет!

Танька с сомнением повела плечом:

– Чтоб наш майор и раскололся… К нам он больше не поедет, к нему на работу тоже нельзя, скажет, что занят, и выгонит. – Танька решительно хлопнула ладонью по ручке кресла. – Дома его накроем, прямо сегодня вечером!

– Где адрес возьмем?

Танька усмехнулась:

– Неужели ты думаешь, что я не знаю, где живет волчина, который слупил с нас триста пятьдесят тысяч баксов?

Глава 6. Соколиная охота на волка

– Богдан, рот закрой! – раздраженно потребовала Танька. – Не понимаю, что ты там такого необыкновенного увидел!

– Не скажи, впечатляет, – не согласилась с ней Ирка. – Но рот, Богдан, ты все-таки закрой, глупо выглядишь.

– Что? – явно не слыша девчонок, буркнул Богдан, не отрывая взгляда от противоположной стороны улицы.

Там, в ярком свете юпитеров, спиной отступал телеоператор, волоча за собой камеру. А на него, ножка перед ножкой, походкой от бедра, шла необычайно фигуристая блондинка. Ярким золотом вспыхивали волосы, ручки с розовым маникюром трепетно обнимали черную трубку микрофона. Капризно растягивая слова, блондинка вещала:

– Мы идем по сверкающему огнями на-ачному городу: в первую очередь, конечно, Я! Ведущая программы «Гла-амурненько»! Ну и еще наша чудесная съемочная группа, наши милые-милые спонсоры… – небрежной скороговоркой добавила она.

Из-за спины оператора выскочил лысоватый мужчина со стопкой листов в руке и громко прошипел:

– И еще!..

– Еще? А кто еще? – Блондинка широко распахнула здоровенные, просто огромные ярко-ярко-зеленые глаза и, недоумевая, огляделась по сторонам.

Лысый яростно замахал листами.

– Ой, ну конечно! – вдруг вспомнила блондинка и безразличным тоном проронила: – Еще и вы тут, дорогие телезрители!

Обхватив руками лысую голову, мужчина с отчаянием взвыл:

– Прямой эфир!!!

Зато блондинка победно улыбнулась, как улыбается человек, выполнивший тяжелую, но очень нужную работу, хлопнула длиннющими темными ресницами и вдруг взглянула поверх головы оператора прямо туда, где стоял млеющий от восторга Богдан.

У мальчишки перехватило дыхание и закружилась голова. Никто и никогда не смотрел на него та-ак! Он даже не предполагал, что девушки вообще умеют вот так смотреть!

– Иди давай, уставился! – Танька подтолкнула его в спину, загоняя в темную арку двора.

Пошатываясь и то и дело оглядываясь, Богдан сделал шаг. Сзади топотали девчонки.

– Все мальчишки – психи, а наш – в особенности! – ворчала Танька. – Было бы с чего балдеть. Зубы искусственные, волосы крашеные, физиономия в штукатурке на три слоя… И грудь наверняка силиконовая! Настоящие такими не бывают!

– А вдруг все подлинное? – хмыкнула Ирка.

– Какое мне дело: настоящее, фальшивое? Мне неинтересно! – Танька возмутилась так бурно, что подруга ей не поверила, но предпочла оставить тему.

– Слушайте, а может, не стоит тут торчать? Давайте на проспекте пока погуляем. Там хоть фонари горят, а тут темень непролазная и вообще неуютно. – Ирка поежилась. – Придем, когда майор вернется.

– Точно, давайте! – встрепенулся Богдан. – На съемки посмотрим!

– Стой на месте! – Танька одарила мальчишку презрительным взглядом. – Съемки он посмотрит! А майор потом нас не впустит. Дверь не откроет – и все, – покачала она головой.

Троица топталась у подъезда майорского дома. В подъезде висел густой мрак, пахло сыростью и борщом. Посреди двора торчал обезглавленный фонарь – цементный столб с начисто снесенной верхушкой. Даже свет окон терялся в тени козырька над парадным. Танька тоже поежилась – и впрямь неуютно. Но сказала строго:

– Перехватим майора, когда домой пойдет. Это единственный шанс.

– Единственный так единственный, – смиряясь, кивнула Ирка и вдруг тихо пожаловалась: – Всё мне кажется, что сейчас красные глазки моего сегодняшнего гостя как вспыхнут! – Она с опаской покосилась в глухую тьму двора.

Богдан очнулся от мечтательной задумчивости. Ему стало неудобно: Ирка тут от страха дрожит, а он расфантазировался про всякие глупости! Сопя от сочувствия, мальчишка предложил:

– А давайте майора прямо в квартире подождем! Вы ж ведьмы! Вскроете заговором замок или в форточку залетите.

– Ты что, совсем съехал – у майора в квартире заговоры класть? – охнула Танька.

– Потому что он оборотень?

– Потому что он полицейский! – вскричала Танька.

– А что, за колдовство – как за хулиганство, пятнадцать суток дают? – удивился Богдан.

– Нет. Только полицейский, застав в своей квартире посторонних, может оч-чень нервно отреагировать. Пристрелит нас, и все!

– Или покусает, – вздохнула Ирка. – Ждем.

Звук шагов показал, что долго ждать не придется. Кто-то шел по раздолбанной асфальтовой дорожке, с привычной уверенностью огибая ямины. Вдруг ритм шагов сбился, они замедлились, потом и вовсе смолкли. Своим обострившимся слухом Ирка засекла, как идущий тихо и для обычного человеческого уха совершенно неслышно скакнул прочь с тропы. Мягко ступая, двинулся через пыльный газон, аккуратно заходя ребятам за спину. Она услышала легчайшее, будто шорох крыла бабочки, шуршание ткани и ощутила запах металла и смазки.

– И правда нервно реагирует, – буркнула она и, чуть повысив голос, сказала: – Майор, это мы!

На мгновение все смолкло, потом до Ирки донеслись облегченный вздох и легкое клацанье отпускаемого затвора – майор вернул пистолет в карман. Темная фигура материализовалась из мрака прямо перед ребятами.

– Ну и зачем затаились? – не здороваясь, мрачно буркнул майор. – Ничего не знаю, ничем помочь не могу, и вообще, вы не ко времени! – Раздраженно топая, он двинулся вверх по лестнице. Друзья переглянулись и поспешили следом.

Брякая ключами, Ментовский Вовкулака отпер дверь, с сомнением поглядел на ребят, мученически возвел глаза к грязно-белому потолку лестничной площадки и пропустил гостей в квартиру.

– Мне не то что ваши, мне бы свои проблемы разгрести! – Майор кивнул на заваленный толстыми папками стол. – Вон, из отделения сюда перетаскал. Передадут мои дела другому, а у меня в бумажках такая путаница, что шерсть дыбом! – Он протопал в кухню, хлопнул дверцей холодильника и вернулся, держа в руках бутылку кваса. Мрачно покосился на ребят, пробурчал: – Вам не предлагаю, чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше. – И плюхнулся в кресло, устало вытянув ноги. – Мне работать надо, не поднимая головы, а я весь вечер в нотариальной конторе просидел! Все кишки мне вымотали и душу вынули!

– Вас там что, в жертву приносили? – мрачно поинтересовалась Танька.

Майор так и замер с бутылкой в зубах. Тонкой струйкой квас потек по подбородку. Вовкулака судорожно сглотнул, вынул бутылку изо рта и уставился на Таньку.

– Это ты к чему? – грозным тоном поинтересовался он.

– Да ни к чему. Пошутила я. Сами же говорите: кишки, душа… – испуганная подозрительным взглядом, пролепетала Танька.

– Никаких жертвоприношений, – твердо, словно гвозди

вколачивал, объявил майор. – Самое обычное житейское дело. Завещание. Что тут такого?

– Да ничего, ничего! – завопила Танька. И тут же уставилась на майора не менее подозрительно, чем он на нее: – ВЫ составляли завещание?

Майор слегка обиделся:

– Мне что, по-твоему, и завещать нечего?

– Если вы всех на деньги, как нас, выставляете… – прикидывая на глазок стоимость сделанного в квартире ремонта, ответила Танька.

– Но-но, попрошу без намеков! – перебил ее майор.

– А зачем вы его составляли? – продолжала наседать Танька.

– В цивилизованных странах человек чуть не с роддома уже завещанием обзаводится, – попытался выкрутиться майор. – Чтоб знать, кому в случае чего неиспользованные памперсы достанутся!

– То в цивилизованных! А наш человек за завещание берется, если боится чего! Вы наш человек или шпион американский?

– Наш я, наш, хотя человек и не все время, – огрызнулся майор. – Отвязалась бы ты от меня, а? Оно тебе надо, мое завещание?

– Мне надо, чтоб вы сказали, что Ирке на Хортице делать! – выдала Танька.

Майор опять захлебнулся квасом.

– Нет, с вами и не попьешь спокойно! – Он отставил бутылку. – Ты как догадалась про Хортицу? – Перевел взгляд на Ирку. На лице его отразилась задумчивость… – Что, твой сказал? – неуверенно предположил он. – Ты с ним все-таки… контактируешь?

Ирка уже хотела в очередной раз поинтересоваться, какой такой «твой», но тут же резко захлопнула рот и ответила майору ничего не выражающим взглядом.

– Если он сам твоим оборотничеством не занимается, чего вы в меня-то вцепились?! – почти проскулил Вовкулака. – Ну объясни ты ему! Я его очень уважаю, ну вот правда – очень! И древние обычаи я тоже уважаю! Но ведь не настолько!!! – прокричал майор. Вдруг лицо его просветлело: – Кстати, а про время-то, про время он что, забыл? День подходящий нужен!

Ирка с Танькой быстро переглянулись. Богдан оказался прав.

– Если бы ты раньше начала, до двадцать второго июня, я бы тебя, честное слово, сам свозил! – нервно продолжал майор.

– Не поняла! – возмутилась Танька. – Ирка что, войну собирается начинать, зачем ей обязательно двадцать второе июня понадобилось?

– А тебе и не надо понимать! Сидите теперь спокойно и ждите декабря! Не вздумайте соваться на остров сейчас! Это опасно! Смертельно опасно!

И снова в словах Ментовского Вовкулаки зазвучала жуткая, разъедающая душу тоска. Неподвижным взглядом он уставился в темноту за окном. Ирка почувствовала, как комната наполняется тревогой, страхом, мучительным ожиданием. Майор коротко встряхнул головой, будто прогоняя печальные мысли, и решительно объявил:

– Да и не получится сейчас ничего, поверь мне! И вообще, давайте закончим бесполезный разговор! – Он поднялся. – Вечер, на улицах темно, а я вас проводить не смогу, работы много. Так что идите-ка вы поскорее домой, детки, а то еще обидит кто.

– Интересно, кто это рискнет обидеть ведьм? – высокомерно поинтересовалась Танька.

– На вас не написано, кто вы такие, – резонно возразил майор. – И я тебе уже когда-то говорил: ваше колдовство для драки не годится. Пока вы заклятие сплетете, вас сто раз уделать можно.

– А вот была бы Ирка настоящим оборотнем… – начала Танька.

– У-у-у! – взвыл Вовкулака. – Опять! Хватит! А ну, марш отсюда, все печенки прогрызли! – подталкивая ребят в спины, он подогнал их к выходу.

В одно мгновение вся троица очутилась на площадке. За ними глухо хлопнула дверь.

– Какой-то он дерганый последнее время, – задумчиво сообщила Ирка, – нервный.

– Нервный? Мент поганый, вот он кто! – припечатала Танька и с досадой стукнула кулаком в бронированную дверь.

Словно в ответ на ее стук, в глубине квартиры что-то глухо бахнуло, послышался звон бьющегося стекла, а потом – грохот и крик. Стукаясь лбами, Ирка и Танька рванули к замку. Сразу две капли ведьминой крови упали на замочную скважину.

– Ой, лишняя! – вскрикнула Танька.

Вторая капля и впрямь оказалась лишней. Замок задымился и рванул. Бронированная дверь содрогнулась и полыхнула пламенем. На месте замка красовалась здоровенная рваная дыра, будто пальнули из гранатомета. Створка тихо заскрипела… И медленно приоткрылась. Казалось, время остановилось. Всего на долю секунды. Но этого хватило. Хватило, чтобы… прийти в полное замешательство и не поверить своим глазам.

Комната напоминала картину в раме, жуткую и одновременно завораживающую. На заднем плане красовалось

окно с начисто выбитым стеклом, мелкие осколки блестящим конфетти усыпали мебель и пол. На переднем, скорчившись и закрыв голову руками, лежал майор. Над ним, растопырив крылья и грозно топорща перья, зависла пара здоровенных белых соколов. С загнутых клювов капала кровь. Третий сокол валялся на полу, выставив кверху скрюченные лапы, точно курица на базарном прилавке. Рядом с ним дымился искореженный кусок металла, в котором с трудом можно было опознать замок. Птицы в комнате и ребята в дверях обалдело пялились друг на друга. Но тут майор с трудом поднял залитое кровью лицо и прохрипел:

– Бегите отсюда! Бегите же!

Немая сцена пришла в движение. Бешено заклекотав, сокол взмыл в воздух. Выставив скрюченные когти, ринулся на ребят. Взвизгнув, Танька отпрянула в сторону… А Ирка словно сошла с ума!

– Дичь! Добыча! – заорала она и, утробно завывая, выскочила навстречу соколу.

– Куда, ненормальная, ты ж не перекинулась! – крикнула ей вслед Танька, но Ирка не слушала.

Высоко подпрыгнув, она метким, безошибочным движением ухватила птицу за хвост. Лапы у сокола задрались, он потешно засучил ими в воздухе, забил крыльями…

– Пусти его, борзые вообще на соколов не охотятся! – завопила Танька.

Богдан бросился Ирке на помощь.

Но девчонка уже валилась на пол, сжимая в руках выдранные из птичьего хвоста перья. Позабыв про Вовкулаку, пара соколов пикировала на Ирку. Загнутые клювы нацелились ей в голову. Стремительным движением девчонка закатилась под стол. Громадные когти с лету вонзились в пол, пробивая дубовый паркет насквозь.

Богдан схватил недопитую майором бутылку и запустил ею в замешкавшегося сокола. Тот взмыл к потолку, пропустив снаряд под лапами. Оставляя за собой дорожку разлитого кваса, бутылка покатилась по полу. Танька торопливо выкрикнула:

– Три ричкы тэкуть: водяная, квасовая та смоляная…

Сокол развернулся в воздухе и ринулся на Таньку, опрокидывая ее на пол, не давая закончить заклятие.

– Водяная догоняет, квасовая научает… – быстро забормотала ведьмочка.

Богдан ухватил птицу поперек туловища, отдирая от девчонки. Удар крыла швырнул его на колени, хватка разжалась.

Сокол снова рванулся к Таньке. Девчонка видела только, как круглые, совершенно безумные от ярости глаза белой птицы

надвигаются на нее, словно фары мчащейся машины. Ведьма вскинула руку, пытаясь защитить лицо, и последним усилием выдавила:

– Смоляна прочь видсылае!

Блеснуло стекло, и бутылка с силой съездила сокола по затылку. Птицу снесло в сторону, ощутимо приложив о стенку. Гневно клекоча, он взмыл… Бутылка висела в воздухе, будто ее держала за горлышко невидимая рука. Сокол взмахнул крыльями… Бац! Бац! Бутылка ловко стукнула его по лапам. Скрипуче вскрикнув от боли, сокол поджал когти, метнулся в один бок, в другой… Белая птица и ожившая бутылка закружились, маневрируя в воздухе. Сокол пытался расколоть стекло клювом, а бутылка методично тыкала ему под крылья, время от времени подскакивая и норовя заехать в глаз. Иногда она переворачивалась и, утробно тарахтя и вздрагивая, словно из пулемета, лупила из горлышка плевками мазута. По белым соколиным перьям расплывались мерзко пахнущие черные пятна.

Тем временем жаждущий мести куцехвостый сокол метался над столом, карауля спрятавшуюся Ирку. Удары громадных крыльев расшвыривали папки с делами.

– Документацию перепутаешь, петух щипаный! – взвыл всеми позабытый майор.

Его рука скользнула под мышку. Тупорылый черный пистолет нацелился соколу в мягкий пух подбрюшья. Дуло плюнуло огнем… Роняя окровавленные перья, куцехвостый кувыркнулся в воздухе, рухнул на пол и забил крыльями… Припав на одно колено, майор принялся стрелять в сражающуюся с бутылкой птицу. Сокол заметался под потолком… Звонко дзенькая, вдребезги разлетелись плафоны люстры. Роняя с крыльев черные капли мазута, птица ринулась к спасительному окну. Майор повел дуло следом… Но что-то сильно толкнуло его в бок. Пуля жахнула в потолок.

По комнате на подгибающихся лапах кружил пришибленный замком третий сокол. Вырулив к подоконнику, он неуклюже вспорхнул, повел вокруг совершенно осоловелыми глазами и вывалился за окно. «Ф-р-р!» – его облитый мазутом товарищ тоже вылетел и понесся прочь. Бутылка мчалась следом, время от времени нагоняя и стукая по голове.

Майор сгоряча пальнул вслед улетающим птицам. Пуля свистнула над головой одного, заставляя нырнуть в воздухе. Подстреленный куцехвостый попытался присоединиться к повальному бегству. С трудом замахал крыльями, тяжело переваливаясь, побежал к окну…

– Ты куда? А ну, стой! – гаркнул майор, сгреб удирающего

сокола поперек туловища и… – Э-эх! – высоко вскинув сокола над головой, Ментовский Вовкулака со всего маху шарахнул им об пол.

Птица хрипло вскрикнула. Очертания крыльев поплыли, размазались, теряя четкость. И вот на полу, тяжело, с присвистом дыша, уже лежал небольшого роста взъерошенный молодой парень в разодранных сзади джинсах.

– Оборотни! – завопила из-под стола Ирка.

– Они самые. А ты думала, курицы из супермаркета залетали? – огрызнулся майор.

Глава 7. Летите в баню

– Ну вот, а вы говорили, колдовство в драке бесполезно, – укоризненно сказала Танька.

– Если б не он, – майор кивнул на Богдана, – тебя б еще на середине заклятия заклевали. А если б соколы со спины не налетели и по башке меня сразу не долбанули, если б я перекинуться успел, твое колдовство вообще б не понадобилось, я б им с ходу глотки поперекусывал!

– А если б вы были раскаленной сковородкой, так они б прямо на вас и поджарились до хрустящей корочки, – в тон ему продолжила Танька, до глубины души обиженная волчьей неблагодарностью.

– Что это вообще такое было? – вылезая из-под стола, поинтересовалась Ирка.

– Наглый наезд! – вскричал майор, разворачиваясь к лежащему в глубине комнаты оборотню.

– Скорее уж налет, – пробормотала Танька. Высунувшись из окна, она с тревогой наблюдала, как по всему дому зажигаются окна. За стеклами мелькали темные силуэты разбуженных жильцов. – Ваши соседи полицию не вызовут?

– А я, по-твоему, кто? – удивился Ментовский Вовкулака. – Не вызовут, они привычные, у меня тут вечно то стрельбище, то побоище. – Майор наклонился и деловито заломил парню руки за спину. Щелкнул замок наручников. – Ну что, соколик, отлетался?

Оборотень открыл глаза, большие и круглые, в их глубине еще тлело яростное безумие охотничьей птицы. Ухватив за отвороты куртки, майор рывком поднял его на ноги:

– Ну-ну, не обвисай, ничего тебе не сделалось, у меня в пистолете простые пули, не серебряные. Ведь было ж время, жили вовкулачьи стаи спокойно, никто на наше добро клюв не точил! Откуда вы понавылуплялись такие, высоко летающие! Прямо на хвост падаете! – с горечью сказал майор. – Вроде птички… ласточки-синички… – Вовкулака презрительно скривился, – …а подлость в вас совершенно змеиная. Всё ж у нас с вами уговорено. Вы перья рвали, что до урочного дня к нам не сунетесь. А сами исподтишка, втроем на одного…

Пленник засмеялся:

– Волк, не бреши как собака…

Ирка оскорбленно моргнула и гневно уставилась на сокола.

Майор с извиняющейся улыбкой обернулся к ней:

– Молодой еще, клювом без ума щелкает… – Он яростно встряхнул сокола за грудки и прорычал ему в лицо, скаля

клыки: – Это в чем я брешу?

– Да во всем! Мы на ваше добро клюв точим, надо же! – Сокол презрительно усмехнулся. – А сами? Ведь зуб давали, что урочного дня ждать будете! Где она? Говори, старый волк! Думал, никто не узнает, что твой Рудый ее здесь прячет?

Ментовский Вовкулака явственно опешил:

– Ты что несешь, гад пернатый? Ночью летал, за электропровода зацепился, теперь короткое замыкание в мозгах? Откуда она могла здесь взяться?

– Не прикидывайся, мы всё-о знаем! Надуть решили? Урочного дня ждать боязно, за шкуры трясетесь? Рудого своего облезлого прикрываете? Не вышло! Лучше сам ее отдай, волчина позорный, все равно мы вам всем пасти порвем!

Майор вскипел:

– Это мы за шкуры трясемся? Это наш Рудый облезлый? Да это ваш Кречет, курка смоленая, улетел весь в мазуте! – Он кивнул на окно и вдруг умолк, хмуря лоб. Выражение его лица изменилось. Майор плотнее взял сокола за грудки. – Всем пасти порвете? Ты сказал – всем? Где твоя стая, ты, гусь лапчатый?! – заорал он, с силой тряся пленника. – Говори, пучок перьев, пока я тобой подушку не набил!

Сжав губы, сокол молчал. Голова у него бессильно моталась, как у дохлой птицы. Ментовский Вовкулака оттолкнул парня прочь. Схватив мобилку, принялся яростно терзать кнопки.

– Не отвечает! И этот тоже не отвечает! – отчаянно бормотал майор. – И этот! Мои парни! – взвыл он. Вдруг лицо его прояснилось. – Алло! Алло! – закричал Вовкулака в трубку. – Где вы? Где?

Вой и свист выплеснулись в комнату сквозь микрофон мобилки. Слышно было, как задыхающийся голос зачастил:

– Командир, на нас напали! Соколы! Много! Прямо на Рудого кинулись! Мы забаррикадироваться успели, а он снаружи остался! Еще дерется, но долго не продержится! На помощь, командир! На помощь!

– Где вы?!! – перекрывая вопли, требовательно гаркнул майор.

– Спа-комплекс, над Днепром! – выкрикнули в ответ. Из динамика вдруг донеслись яростный клекот, шум крыльев, в ответ грянул волчий рык. – Снова налетели! Становится жарко! – Трубка взревела… и смолкла, как отрезало.

Майор бросил мобилку.

– Спа-комплекс! Нашли время расслабляться, щенки! Вот и вляпались всеми четырьмя лапами! – Он впихнул сокола-оборотня в ванную и набросил крючок на дверь. – Посиди пока,

потом с тобой разберусь! А вы быстро домой! – рыкнул он на ребят. – Не детское дело в разборки лезть!

– Если б мы в ваши разборки не полезли… – нравоучительно начала Танька, но вовкулака ее уже не слушал. Он швырнул на пол нож, кувыркнулся и, не сбавляя темпа, ринулся вниз по лестнице.

Ирка выглянула в окно. Далеко внизу хлопнула дверь подъезда, из-под арки двора метнулась стремительная тень.

– Не успеет, – покачала головой девчонка. – По улицам до Днепра далеко получается. Вот если напрямую… – Прищурившись, она мысленно провела прямую над крышами, туда, где светились огнями многоэтажки набережной. Потом вопросительно глянула на Таньку.

– Чем он вообще остальным вовкулакам поможет, один-то? – протянул Богдан и тоже покосился на Таньку.

– Вам своих проблем мало, хотите еще в волчьих поучаствовать? – поинтересовалась Танька. – Майор сам просил не лезть в их дела!

– Взрослые, – пожал плечами Богдан. – Совсем ласты склеивать будут, а у ребенка помощи не попросят: мы маленькие, они нас защищать должны.

– У волков ласт не бывает, – проворчала Танька. – Нет, правда, на фига нам вовкулаки сдались?

– Они погибнуть могут! – возмутилась Ирка. – Мы не можем их вот так бросить! Они-то нас спасали!

– И выставили за это счет, – парировала Танька.

– Ну, и ты им счет потом выставишь! – примирительно предложил Богдан.

– Ой, лучше не надо, лучше мы их за так спасем! – всполошилась Ирка. – А им потом пусть будет стыдно за свою жадность!

– Их стыд я в банк не положу, – уже сдаваясь, пробурчала Танька.

Мгновенно уловив ее колебания, Ирка бросилась вон из комнаты, заглянула во все углы кухни, сунула нос в кладовку и, не найдя того, что искала, откинула крючок с двери ванной.

– Ой!

Над головой у ведьмочки свистнуло. Тяжело взмахивая крыльями, куцехвостый сокол ринулся в разбитое окно. С одного крыла у него свисали наручники, заставляя все время заваливаться набок.

– Ты зачем птичку выпустила?! – завопил Богдан.

– Я случайно! Я про него забыла! – чуть не плача, сказала Ирка.

– Теперь точно придется вовкулаков спасать, а то, если они без нас спасутся, майор нам горло перегрызет, – вздохнула Танька.

– Держал бы он швабры в кладовке, ничего б не случилось, – проворчала Ирка. – Тебе с губкой или вот эту, с веревочками? – спросила она, вытаскивая из угла ванной пару пластиковых швабр.

Девчонки вскочили на швабры…

– Эй, а я? Мне что делать? – заметался Богдан.

– Спать ложиться! – скомандовала Танька. – Быстро заснешь – может, еще и догонишь!

– Я тебе что, маленький, в такую рань засыпать? – возмутился Богдан.

– Попробуй «Спокойной ночи, малыши» посмотреть, вдруг поможет, – ехидно фыркнула девчонка и вылетела за окно.

– Ты чего Богдана не усыпила, ты же можешь? – Ирка неслась рядом.

– Нужен он нам! Без него обойдемся! – Танька взлетела повыше. – Вон майор, в переулке!

Она опустила рукоять швабры и спикировала прямо на голову бегущему волку. Ей стало хорошо слышно его загнанное, хриплое дыхание.

– Будете нам должны, майор! – крикнула ведьма, зависая у оборотня над ушами, и, вздернув швабру вверх, понеслась над крышами домов вслед за подругой.

Глава 8. Купание Рудого вовкулаки

Громада элитного многоэтажного дома над гладью Днепра неслась ведьмам навстречу. Переливающиеся неоновые буквы на матового стекла фасаде извещали всех, что здесь находится спа-комплекс. Девчонки зависли напротив.

– Нам сюда? – с сомнением спросила Танька. – Как-то здесь слишком тихо.

– Эти соколы, они вообще ребята скромные, лишней шумихи не любят. А нам с тобой сначала туда, – сообщила Ирка, почему-то указывая пальцем точно на середину реки.

Танька глянула и сразу поняла почему. Прямо напротив здания спа-комплекса, на фоне сверкающего лунного диска четко виднелись темные силуэты четырех птиц. Синхронно взмахивая крыльями, они летели над водой, над серебрящейся лунной дорожкой. А в их когтях, бессильно свесив лапы, болтался громадный волк.

– Как красиво! – восторженно выдохнула Танька.

– Эстетка нашлась, они ж его сейчас утопят!!! – заорала Ирка, видя, как соколы взмывают повыше.

Она покрепче сжала коленями швабру и на полной скорости погнала прямо на соколов.

– Ирка, ты что делаешь, они его утопят и нас заклюют! – завопила Танька вслед.

Ирка оглянулась на лету, и Танька поняла, что останавливать подругу – дело гиблое. В лунном свете блеснули бешено оскаленные Иркины клыки. На лице выделялись горящие сумасшедшим азартом глаза.

– Ну все, привет, мозги опять отключились, – безнадежно буркнула Танька.

Словно в ответ на ее слова, Ирка запрокинула голову к луне и грозно, торжествующе завыла. Соколы на секунду зависли, распластав крылья, и тут же ведьма налетела на них. На полной скорости рукоять швабры врезалась переднему соколу в грудь. Ударом его снесло в сторону. В крепко стиснутых когтях остались клочья волчьей шкуры. Бесчувственный вовкулака повис вниз мордой. Ирка зарычала и снова пошла на таран. Еще двух соколов буквально смело прочь, волк повис, болтаясь на одном хвосте. Последний сокол забил крыльями… разжал когти и выпустил добычу.

– И кто его теперь утопил? – охнула Танька, глядя, как бесчувственный вовкулака, кувыркаясь, летит к воде. – Лови его, глупая псина! – проорала она, гоня свою швабру к месту событий.

То ли Ирка услышала, то ли в голове у нее прояснилось, но, стремительно наклонив швабру, ведьма понеслась на перехват. Тяжелое волчье тело рухнуло в воду, выбивая фонтан брызг. На мгновение зависло над водой – Ирка успела ухватить его за холку. И тут же начало погружаться снова. Легкий пластик швабры прогнулся, девчонку поволокло следом за тонущим волком.

– Голову ему над водой держи! – крикнула Танька, снижаясь, и ухватила вовкулаку за холку с другой стороны. – Так и буксируем!

Они поволокли тяжелое тело оборотня к берегу. Сзади послышался громкий шум крыльев. Танька оглянулась.

– И чего неймется?! – пробормотала она, видя настигающих соколов. – Тащи его, Ирка! – Танька выпустила мокрую волчью шкуру.

Сильно запрокинувшись назад, макнула свою швабру в днепровскую воду. Развернувшись задом к налетающим птицам, нацелилась в них губкой.

– Днипровська водыця, чиста крыныця, капай та брызжи, нам допоможи! – выкрикнула ведьма и нажала на швабре рукоятку для отжима губки.

Ничего не произошло. Танька судорожно задергала рукоятку, та безучастно щелкала в ответ.

– Да что же, швабра сломанная? – в отчаянии вскричала девчонка.

Соколы подлетали все ближе. Совсем близко. Танька оглянулась. Ирка упорно тянула вовкулаку, но до берега оставалось еще далеко. Тяжелое вовкулачье тело запутывалось то в пучке гнилых водорослей, то в проплывающем мимо драном целлофановом пакете, то натыкалось на дохлую рыбину.

– Днипровська водыця… Поняла! Грязна, грязна крыныця! – выкрикнула Танька.

С губки швабры, точно из брандспойта, ударила струя пахнущей бензином воды, перемешанной с прелой ряской. Ведьмочка водила шваброй, и вода с силой хлестала по подлетевшим птицам, насквозь вымачивая перья.

Хрипло крича, соколы разлетелись в стороны. Едва держась над рекой и еле шевеля отяжелевшими от воды крыльями, потянулись к берегу. Им было уже не до погони.

– Курицы мокрые! – свистнула им вслед Танька и полетела на помощь подруге.

Задыхаясь, девчонки выволокли вовкулаку к подножью раскинувшегося на берегу водного комплекса.

– Тяжеленный, зараза, – процедила Танька и, обеими руками

ухватив волка за шкирку, затрясла изо всех сил. – Давай, очухивайся, волчина! Мы в вашу баню вслепую не полезем!

Поток воды хлынул у зверя изо рта. Не стремительно, как обычно, а мучительно, рывками, серый в рыжеватых подпалинах волк начал выворачиваться наизнанку, будто шуба. Наружу выглянула человеческая голова со странными пепельно-рыжеватыми волосами, скулеж перешел в стон. Тело скорчилось, выгнулось, шкура вспучилась на волчьей груди. И вот уже на берегу, отчаянно кашляя, лежал знакомый ведьмочкам крепкий парень. Только вместо обычного камуфляжного комбинезона сейчас на нем красовались лишь плавки.

– Да уж, баня! Искупался по полной! – хрипя и отплевываясь водой, выдавил рыжий вовкулака, надо полагать, тот самый Рудый, что не успел забаррикадироваться вместе с остальными волками. – Привет, девчонки, вы откуда взялись?

– С неба свалились, – правдиво ответила Танька.

– А командир где? – Вовкулака медленно поднялся на ноги, зябко обхватил себя за плечи.

– Мчится со всех лап, скоро будет, – успокоила его ведьмочка.

– Нельзя ждать! – тревожно вскинулся Рудый. – Ребята в сауне забаррикадировались, если соколы дверь выбьют – хана! Их там много, целая туча!

– Еще люди в здании есть? – спросила молчавшая до этого Ирка. – Или вы там одни парились?

– О, заговорила! Крыша вернулась, с чем нас всех и поздравляю, – пробурчала Танька себе под нос.

– Совсем посторонние посетители есть, – кивнул вовкулака. – Соколы их в кафетерии заперли, а меня топить поволокли.

Ирка задрала голову, рассматривая возвышающееся над рекой здание.

– Вон то открытое окно, оно где? – спросила ведьма.

– А, через него меня и вытащили! Там что-то вроде холла. А оттуда – коридор к кафетерию. Там же лестница к выходу. Еще чуть дальше – сауна, где наши парни.

– Если мы тебя обратно в окно втащим, сможешь людей выпустить и вниз вывести?

– Да попробую… А как же остальные?

– Мы ими займемся! И хватит болтать, делай, что говорят! – командирским тоном пролаяла Ирка.

Рудый сорвался с места и бегом кинулся к зданию.

– Объяснили на доступном языке, – кивнула Танька. – А мы его втянем?

– Нет, конечно, он вон какой здоровый! Сам залезет! – решительно объявила Ирка. – Давай, Рудый, ставь ногу на

стенку… Так, а теперь хватайся за наши швабры! Танька, на счет три – вверх! Раз, два, три!

Девчонки полетели вертикально вверх к распахнутому окну. А рыжий вовкулака, крепко держась за обе швабры и с неимоверной скоростью перебирая ногами, быстро-быстро побежал по стене здания.

Пластиковые ручки швабр гнулись под его весом, босые ноги начали соскальзывать с матового стекла фасада… Отчаянным усилием рванув к окну, ведьмочки взмыли и кинули вовкулаку на подоконник. Парень подтянулся и перевалился внутрь холла.

Зависнув перед окном, Танька тяжело перевела дух и с сомнением осмотрела треснувший пластик ручки:

– Одно тебе скажу, – процедила она. – Эти современные швабры для полетов не годятся! Надо деревянные на базаре брать.

– Готовься, начинается, – тихо сказала подруге Ирка, поглядывая вниз, на выход, и внимательно прислушиваясь.

В здании нарастал гул… Входная дверь с силой распахнулась…

На улицу донеслись топот множества ног и отчаянный женский визг.

А следом в дверь хлынула верещащая, ругающаяся, вопящая толпа. Мужчины и женщины, работники комплекса в светлых халатах с фирменной эмблемой, посетители в полотенцах, плавках, купальниках и вообще без ничего…

– Ой! – смущенно пискнула Танька и отвела глаза.

Ирка пожала плечами. Подумаешь, невидаль! Не обращая внимания на мающуюся смущением подругу, она внимательно глядела на перепуганную толпу внизу. Бухала дверь. Шлепая босыми ногами, посетители разбегались во все стороны.

Вот дверь распахнулась в очередной раз…

– Пустите меня, пустите! – Крупная девушка, одетая в форму спа-комплекса, отчаянно рванулась, выдираясь из чьей-то хватки, и кинулась бежать вдоль набережной.

– Куда же вы? Мне же не закончили масса-аж! – выскакивая на крыльцо, возмущенно протянула завернутая в махровое полотенце фигуристая блондинка. – А еще я хотела депиляцию и чашечку зеленого чая с жа-асмином! И лак на ногтях поменя-ать! – сложив руки рупором, крикнула она вслед улепетывающей массажистке. – Или я не буду вас в своей программе рекла-амировать! Администра-атор! – Но администратор тоже не откликался. Блондинка стояла на опустевшем крыльце в одиночестве. Она недоуменно похлопала ресницами. Огромные зеленые глаза заволокло туманом слез, розовые губки обиженно

дрогнули. – Разве я многого прошу? Я даже педикюр готова не делать! Но масса-аж… Никакого сервиса! – Она оскорбленно выпрямила спину, царственным движением забросила за плечо край полотенца и двинулась к открытому розовому кабриолету.

– Вот и хорошо, что мы Богдана не взяли. Он бы опять уставился на нее бараньими глазами, а дело б не двигалось! – фыркнула Танька, неодобрительно поглядывая на девицу с высоты парящей швабры.

– Оно и так не двигается – ты очень занята, блондинку обсуждаешь, – буркнула в ответ Ирка. – Посторонних нет, полетели! – ведьмочка погнала свою швабру в окно.

Девчонки пронеслись через холл, пролетели над перевернутыми столами и битой посудой кафетерия, под самым потолком миновали коридор и зависли в дверях пустого зала. Больше всего этот зал напоминал кадр из старого фильма ужасов. По всему помещению метались птицы. Целая стая крупных соколов. На бреющем полете они проносились через весь холл, разворачивались у стены и проделывали такой же виток обратно. Непонятно, как они умудрялись не сталкиваться. На дальней стороне зала располагалась кабина сауны с полупрозрачной дверью. Сквозь горячее марево белесого пара мелькали фигуры молодых вовкулаков. Проворчав: «Да, им действительно жарко», – Танька снова быстро отвела глаза. Потом не выдержала и опять глянула. Видно было плохо. Застилая распахнутыми крыльями обзор, соколы подлетали к дверям сауны и со всей силы били крючковатыми клювами в толстый пластик. Крепкая, рассчитанная на давление дверь еще держалась, но прозрачный пластик уже начало расчерчивать пунктиром трещин.

Увлекшись зрелищем, Танька не сразу сообразила, что это такое фырчит у нее над ухом, словно разогревающийся мотор мотоцикла. Она обернулась… и поняла, что из Иркиного горла рвется глухой грозный рык. Глаза подружки налились яростью. Она подалась вперед, готовая пришпорить свою швабру…

– Куда тебя несет? – В самую последнюю секунду Танька успела ухватить стартующую девчонку за конец швабры. Переворачиваясь, сцепившиеся ведьмы закружились в воздухе.

– Ирка, опомнись! – подтягивая злобно рычащую подругу к себе, сквозь стиснутые зубы цедила Танька. – Не сходи с ума, так им не поможешь! Ты сегодня уже кидалась на добычу! А потом пришлось под столом прятаться. И Рудого тоже чуть не утопила!

– Отпусти! Меня! – пролаяла Ирка, уперев в Таньку бешеный взгляд.

Таньке стало невыносимо жутко, захотелось немедленно рвануть куда подальше от готовой броситься на нее подруги. Но

она только крепче вцепилась в Иркину швабру.

– Ирка, успокойся! Это я, Таня, мы с тобой друзья! Не теряй голову! Спрячь зубы, возьми себя в руки и начинай работать мозгами! Оборотень ты пока никакой! Может, стоит вспомнить, что ты очень крутая ведьма?

– Я! Ведьма! Ведьма! Я ведьма. – Иркин голос перестал походить на отрывистый лай, она монотонно забормотала: – Ведьма, ведьма, суперведьма… – Глаза ее приобрели осмысленное выражение. – Я не оборотень, я ведьма…

Дверь сауны кракнула, от уголка откололся треугольный кусочек. Сокол тут же вцепился в отбитый край своим крючковатым клювом, потянул. Видно было, как заметались вовкулаки, примериваясь, как бы сбить сокола и при этом не раскокать дверь окончательно.

– Почему они не перекинутся? – напряженно спросила Танька.

– Думаешь, они и в парилку с ножами ходят? – спросила Ирка совершенно нормальным тоном. – Слушай, этих соколов для нас слишком много, если они кучей навалятся, не отобьемся!

Облегченно вздохнув, Танька выпустила Иркину швабру.

– Надо их как-то разделить, что ли, – внимательно глядя на дружно долбящую дверь соколиную стаю, пробормотала Ирка.

Отсутствующим взглядом глубоко задумавшегося человека она вперилась в кончик своей швабры. После тарана по соколам ручка была вся облеплена мокрыми птичьими перышками. Ведьмино лицо просветлело. Одним движением ладони она соскребла перья со швабры и, крепко зажав их в кулаке, полетела к разгромленному кафетерию.

– Есть! – Она быстро вытащила из стеклянной колбы заварника ситечко для чая и вновь понеслась к входу в зал. Сквозь покрытую изморозью трещин дверь сауны видны были готовые дорого продать свои жизни вовкулаки. Один хороший толчок – хрупкая преграда рухнет и соколы ворвутся внутрь!

Ирка забормотала:

– Як пташине пирьечко – до ситочкы, так и пташечка – до клиточкы. Як в мене робыться, так скризь диеться, птицелов пташку пиймав, та за граты заховав!

С дробным стуком дверь сауны рассыпалась.

И в ту же секунду Ирка накрыла соколиные перья сеточкой для заварки.

Громадная, плотная, сплетенная из металлических нитей сеть рухнула на соколов, накрыв почти всю стаю. Сшибленные влет птицы бились под сетью, изо всех сил пытаясь выбраться. Немногие оставшиеся на свободе соколы, позабыв о вовкулаках, с

разлету бились о пол, принимая человеческий облик.

Увидев такое дело, молодые вовкулаки выпрыгнули из разбитой двери сауны и кинулись на соколов.

– Кошмар! – снова краснея, пробормотала Танька.

– А по мне, так чисто боевик! – присвистнула Ирка, взлетая на своей швабре над побоищем.

Здоровенные вовкулаки сгребали по двое, даже по трое более мелких соколов. Крепкие молодые мужики катались по полу, заламывая друг другу руки. Вот вовкулака подпрыгнул, влепил соколу пяткой в переносицу… Вот одного сокола швырнули через бедро. Он отлетел прямо к накрывшей стаю сетке… И рывком откинул ее, освобождая остальных!

Молотя крыльями, птицы рванули наружу, помчались к выходу в коридор… и дружно прянули назад.

С легкостью лунного блика навстречу стае выпорхнул Богдан. Как всегда, когда он выпускал наружу свою вторую сущность – здухача, воина сновидений, – глаза мальчишки были крепко закрыты, за спиной развевался плащ. В одной руке здухач держал привычный меч, а в другой… Под мышкой другой у него был крепко зажат громадный волк!

Танька захохотала:

– Майор на Богдане приехал, – сквозь смех выдавила она.

Здухач подхватил волка и швырнул его прямо навстречу соколам! Щелкнули челюсти, отчаянно забили крылья… Майор свалился на пол, крепко сжимая в зубах крыло вырывающегося сокола. Замотал башкой, с силой трепля птицу. Сокол заорал человеческим голосом.

Здухач скользнул к молодым вовкулакам и метнул им под ноги меч. Кувыркаясь в воздухе, парни перелетали через сталь. Гигантские волки высокими прыжками взвивались среди мечущихся в панике птиц. Густым дождем сыпались выдранные перья. Отчаянно вопя, соколиная стая сбилась в плотный ком и тараном ринулась к выходу. Вынеслась в коридор. Захлопали створки окон. Шум крыльев стих вдали. Последний преобразившийся сокол-оборотень, торопливо молотя крыльями, вылетел вон.

– Тьфу! Полный рот перьев! – досадливо сплюнул Ментовский Вовкулака, поднимаясь на ноги. – Щенки паршивые, нашли время в бане развлекаться!!!

– Так это, командир… – шмыгнув носом, тоскливо пробурчал Рудый. – Мы ж не тупые, понимаем, что после урочного дня не всем доведется. А зажиливать гулянку вроде как нехорошо…

– Отставить пораженческие разговорчики! – Старый оборотень одарил молодежь безнадежным взглядом. – Лучше б вы

котами были. Им баня без надобности. Прикройтесь хоть, тут же дети! Девочки!

Вовкулаки дружно запрокинули головы и, увидев парящих над ними ведьмочек и здухача, торопливо засуетились и разбежались по залу в поисках полотенец и одежды.

Ментовский Вовкулака задрал голову:

– Ну ведьмы!.. У меня просто… Слов нет! Мы все у вас в долгу…

– Так не мучайте себя! Расплатитесь, – ехидно объявила Танька, планируя к майору. – Расскажите, как Ирке на Хортице активироваться!

Майор судорожно глотнул, словно соколиные перья у него в глотке застряли.

– Она хочет на Хортице активироваться? – Из-за плеча у Вовкулаки выглянула по-настоящему перепуганная физиономия Рудого. – И что, готова… – Он чиркнул большим пальцем себе по горлу и саркастически хмыкнул: – Ну ты крута! Надеюсь, кандидатуру с собой привезешь, а то не хотелось бы тебе под горячую руку попасться.

– Закрой пасть, Рудый! – почти с ненавистью прорычал майор и устремил на девчонок тяжелый взгляд желтых волчьих глаз.

Ирка тихо зарычала. Что этот волк о себе думает!

– Спокойно, Ирка. Ты ведьма, уважающие себя ведьмы не рычат и не кусаются. Без крайней необходимости. А вы не злите ее. – Танька повернулась к майору. – Или лучше научите превращения контролировать! В конце концов, теперь вы просто обязаны! Вы у нас в долгу по самые уши!

– Да, в долгу, – твердо сказал майор. – И лучше всего я свой долг отдам, если удержу вас подальше от этого острова! Пошли, парни! – Он круто развернулся и размашисто зашагал к выходу.

Оглядываясь на девчонок, остальные потянулись за вожаком. Рудый смущенно развел руками и тоже припустил следом.

– Ну и идите вы… в баню! – обиженно крикнула им вслед Танька. – Волчары наглые, совсем на шею сели и поехали. Причем на Богдане – в буквальном смысле слова! – Она покосилась на плавно летающего под потолком здухача. – А ты чего там болтаешься? Совсем достоинства нет, кому угодно позволяешь на себе ездить! Чего ты вообще сюда заявился? Давай, отчаливай! Мы без вас всех прекрасно обойдемся!

Зрячий взгляд плотно закрытых глаз нашарил Таньку и в упор уставился на нее. Потом здухач круто повернулся и унесся прочь по коридору.

– Танька, ты чего разгулялась? – спросила Ирка. – Как ты собираешься обходиться?

– Запросто! – рявкнула разошедшаяся ведьма. – Еще не знаю, что там надо на Хортице делать, обряд какой или что, но нужный день у нас есть! – Она торжествующе прищелкнула пальцами.

– Откуда? – вскинулась Ирка.

– А майор сказал!

– Что ты выдумываешь, ничего он не говорил!

– Мой папа много раз говорил: слушать надо не только то, что люди говорят, но и то, что недоговаривают! – наставительно произнесла Танька. – Помнишь, майор нам вкручивал, что ты, мол, очень не вовремя оборотнем заделалась, если бы раньше, до двадцать второго июня, все было бы хорошо? А я еще спрашивала, зачем тебе двадцать второе июня, ты ж не войну начинать собралась?

Ирка молча кивнула.

– Ну вот, – возбужденно продолжала Танька. – Я тогда просто так ляпнула, а потом оно у меня в голове все крутилось, крутилось и – пожалуйста, сошлось! Гитлер ведь чего на нас именно двадцать второго июня напал? Потому что этот чертов немец неплохо в колдовстве разбирался, немцы вообще насчет магии сориентированные! Двадцать второе июня – колдовская дата, самый длинный день и самая короткая ночь. В этот день и чары сильнее, и твари всякие пробуждаются, и чего только не бывает! И еще одна дата есть – двадцать первое декабря, самый короткий день и самая длинная ночь.

– Да, – кивнула Ирка. – Майор же сказал, теперь до декабря ждать надо.

– Ага, только он не сказал, что колдовские дни на год крестом ложатся. – Для наглядности Танька скрестила руки. – Есть еще двадцать первое марта, весенний Солнцеворот, когда приходит тепло и день равен ночи. А в пару к нему – осенний Солнцеворот, на холода.

– Двадцать второе сентября! – вскрикнула Ирка.

– С двадцать второго на двадцать третье! – торжествующе подняла палец Танька. – Двадцать второго сентября мы должны быть на Хортице!

– Умная ты – иногда аж страшно, – с уважением поглядев на подругу, сказала Ирка. Волоча за собой пластиковую швабру, она устало побрела к выходу. Обернулась к Таньке. – Слушай, может, догадаешься, почему именно в этот день вовкулаки так упорно не пускают нас на Хортицу? Кто такой «он», о котором майор меня постоянно спрашивает? И что за «она», которую соколы требовали у майора? А заодно почему молодые вовкулаки гуляют, как в последний раз, а их командир пишет завещание и готовится передавать дела?

Глава 9. Откройте пасть пошире…

– Ты что делаеш-шь? Ты куда лезеш-шь? – Необыкновенно похожий на Иркиного кота в гневе – только встопорщенных усов не хватало, – злобно шипящий Богдан волок Ирку прочь от входа в школу.

Нервно оглядываясь – не видит ли кто? – Ирка упиралась каблуками в асфальт и уходить не хотела.

– Я на занятия иду! Пусти меня немедленно!

– Нет, совсем с ума сошла! – кричал Богдан. Опаздывающая на урок девчонка-старшеклассница глянула на них с мимолетным интересом, и Богдан понизил голос до свистящего шепота: – Отличницей решила заделаться? Тебе что сказано? До двадцать первого числа сидеть дома и никуда не высовываться!

– До двадцать первого неделя еще, – таким же свистящим шепотом ответила ему Ирка. – А мне каждый день Баба Катя названивает! Грозилась домой прийти, с бабкой беседовать! А если я прямо при ней перекинусь?

– А если ты в школе перекинешься?

– Ну не перекидываюсь же пока! – зло бросила Ирка. – Третий день хожу – и ничего! – Ирка осеклась. Вечно так: ляпнешь, а потом жалеешь.

– Третий день? – Богдан задохнулся. – Значит, мы с Танькой в школу, а ты потихоньку… И тоже в школу? Как же ты мне ни разу в коридоре не попалась? – Пацан недобро сощурился, поглядел на Ирку тяжелым взглядом. – Ясно, глаза отводила. Чтоб я тебя, значит, не увидел. Отлично. Можешь больше не напрягаться. Я тебя без всякого колдовства видеть не хочу! – Он круто развернулся и, не оглядываясь, сердито зашагал прочь.

– Богдан! – слабо вскрикнула Ирка и рванула следом, по-собачьи труся рядом и заглядывая в лицо хмурому другу. – Ну не злись на меня, ну пожалуйста! Баба Катя ни в какие мои болячки не поверила! Перед выходными позвонила и говорит: если я с понедельника не выйду, она меня к директору, а потом такое в журнале изобразит, что я до одиннадцатого класса не расхлебаю! Опять про наркотики вспоминала. Сплетницам нашим спасибо, чтоб у них языки отсохли!

– Э, ты поосторожнее, а то ведь и вправду отсохнут! – Богдан остановился.

– Я ж не Слово кладу, а так просто говорю, – отмахнулась Ирка. – Хотя зла на них страшно! Если б в школу не пришла, Баба Катя меня б вообще в наркодиспансер на обследование отправила. А там кровь из вены берут, шприцем. – Ирка

насупилась. – Я этого не люблю!

– Пальцы сама себе колешь, а шприцов боишься, – вздохнул мальчишка.

Ирка обрадовалась. Кажется, Богдан больше не злится.

– Когда сама – ничего, а когда другие – ужас просто! – слегка невразумительно пояснила она. – А насчет перекидывания я меры приняла. Хожу и сама себе бубню: «Я ведьма, я ведьма…»

Богдан иронически вскинул брови.

– А что, там, с соколами, вполне помогло! Еще вот…

Девчонка выхватила из рюкзака баночку из-под майонеза. На дне ее лежал скукожившийся шмат зеленой чешуйчатой шкуры. Ирка быстро сунула банку Богдану под нос. Даже сквозь плотно закупоренную пластиковую крышку потянуло тяжелым духом гниения. Пацан брезгливо сморщился.

– Во, меня тоже сразу подташнивать начинает, – удовлетворенно кивнула Ирка, плотно увязывая банку в целлофановый пакетик. – В прошлый раз как затошнило – сразу обратно перекинулась. Лишь бы спортивная форма не провоняла. – Она озабоченно заглянула на дно рюкзака.

Богдан поглядел на Ирку, как на безнадежную больную. Похоже, пребывание в оборотнях сказалось на ее умственных способностях.

– Хортица, ты совсем разум потеряла? – Громовой бас Бабы Кати грянул, эхом откликаясь на Богдановы мысли.

Иркин седьмой «Б» вывалил во двор. Море взбудораженных школьников колыхалось позади запертых, как всегда, стеклянных дверей, медленно просачиваясь наружу через единственную открытую створку.

– То вообще в школу не являешься, то опаздываешь! – разорялась Баба Катя. – Распустилась!

– Как майская роза! – протянула Наташка Шпак.

– Рожа она, мамайская, – злобно фыркнула Оксанка Веселко.

– А тебе и завидно, моль полинялая?

Ирка пренебрежительно мазнула взглядом по белокурым Оксанкиным лохмам. Она отлично знала, что при ее смуглой коже и черных волосах в чертах лица иногда проступает что-то восточное. Но только такие, как Оксанка, могут сказать, что это некрасиво! Очень даже стильно. И вообще, хлопающие глазками блондинки из моды вышли, теперь они никому неинтересны.

– Прекратить немедленно! Веселко, закрой рот! А ты, Хортица… Твое счастье, что первых уроков сегодня не будет, – буркнула классная. – Все идем в зубную поликлинику на обследование! Не вздумайте удирать! – Она развернулась к роящимся по двору школьникам и, сложив ладони рупором,

зычно проорала: – Средние и старшие классы! С седьмых по одиннадцатые! Мальчик, ты, кажется, из шестого? Для вас занятий никто не отменял! Быстро в класс! Ну быстро, быстро, чтоб я видела! Остальные – построиться! Не разбредаться, я вас ловить не намерена!

– Лучше б ты дома сидела, Ирка, – буркнул Богдан.

Ирка следила, как под зверским взглядом Бабы Кати друг нехотя тащится к входу, ныряет в освободившийся проход. Сквозь стекло было видно, как, все время оглядываясь, Богдан бредет к лестнице. Девчонка вдруг подумала, что в последние дни Богдан как-то плохо выглядит. После боя с соколами вообще вернулся домой бледный до синевы, с темными кругами под глазами. Раньше превращение в здухача на него так не действовало.

– Хортица, на что ты там засмотрелась? Марш на место! Седьмой «Б», вас вся школа ждет! Где Яновские? Опять языками чешут?

Из школы выскочили запоздавшие сестры Яновские и побежали к строю, на ходу вытирая мокрые рты:

– Мы водички попить, Екатерина Семеновна! Языки пересохли, прямо как наждачные!

– У обеих сразу? – хмыкнула Баба Катя. – Волшебство!

Ирка тяжко вздохнула. Богдан опять оказался прав – лучше б она сидела дома.

Толпа школьников вывалила из двора и двинулась по улице. Несмотря на окрики Бабы Кати, одиннадцатиклассники немедленно сломали строй и теперь группками брели по тротуару. «Школьный принц» Андрей обнимал за талию высокую белокурую девицу. Позади парочки, глядя на блондинку страдальческими глазами, тащился брат Наташки Шпак. Белокурая старшеклассница не оглядывалась на него столь старательно и демонстративно, что любому было ясно – она отлично знает, что несчастный поклонник тянется следом и глаз не сводит. А она в это время, такая красивая, такая стильная, с первым парнем школы… Она откровенно задирала нос, ей и дела не было до того, что блондинки вышли из моды!

– Это Людка, – жарким шепотом пояснили Ирке сестрички Яновские. – Андрей теперь с ней встречается. В настоящий ночной клуб водил! И на машине катал, на своей собственной, ему отец подарил!

– Вот счастливая! – выдохнула Веселко, с завистью глядя на обтянутую полупрозрачным шелком спину старшеклассницы.

Сзади послышался шорох шин. Розовый кабриолет подкатил к перекрестку и послушно остановился на красный свет.

– Ой! – моментально позабыв про счастливицу Люду,

вскричала Оксанка. – Это ж ведущая «Гламурненько»! Ой, какая она!

Блондинка, вся из себя тоже розовенькая и ухоженная, в кремовом кожаном пиджачке, медленно повернула голову, с любопытством рассматривая толпу школьников. Ее взгляд едва скользнул по Оксанке, зато остановился на Андрее, обнимающем за талию свою одноклассницу. Девушка в кабриолете медленно опустила здоровенные темные очки. Длинные черные ресницы колыхнулись, огромные зеленые глазищи уставились Андрею в лицо.

Рука Андрея упала с талии подружки.

– Ты чего? – удивленно спросила девчонка.

Но Андрей уже не слышал ее. Он стоял у кромки тротуара и не отрываясь глядел на девушку в кабриолете. Та чуть заметно усмехнулась в ответ.

– Ах, так?! – вскричала Люда.

Она глянула через плечо, рассчитывая обнаружить там другого, более верного поклонника. Но за спиной у нее было пусто. Старший Шпак застыл рядом с Андреем, а на лице у него играла блаженная ухмылка. Словно притягиваемые магнитом, парни один за другим брели к кромке тротуара и застывали, завороженно уставившись на блондинку в кабриолете.

Красный свет сменился зеленым. Розовый кабриолет газанул. И умчался, оставляя за собой шлейф цветочных духов. Вскоре развеялся и он. Мальчишки начали удивленно озираться по сторонам, будто только что проснулись.

Школьная сумка обрушилась на голову красавчику Андрею.

– Ненавижу тебя! – прошипела Люда.

– А меня? – встрял мгновенно преисполнившийся надежд Шпак.

В ответ Люда молча влепила сумкой по голове и ему и помчалась через дорогу, к дверям зубной поликлиники.

– С блондинкой может справиться только еще большая блондинка, – злорадно объявила Наташка Шпак.

Школьная толпа неторопливо втягивалась в узкую дерматиновую дверь районной зубной поликлиники. В носу защипало от терпкого больничного запаха, свистящий скрежет старых бормашин полоснул по ушам. Ирка тихо застонала, словно в многочисленных зеркалах, видя отражение своей тоски на лицах одноклассников.

– Не киснуть, старшие-средние классы! – бодро покрикивала Баба Катя.

В просторном холле поликлиники мгновенно стало тесно и шумно. Лица у регистраторш за стойкой были такими же

тоскливыми, как и у ребят. Медработники и пациенты воззрились друг на друга с искренней взаимной неприязнью.

– Не маленькие уже, должны понимать: за зубами надо ухаживать с детства! – возвысила голос Баба Катя.

Кажется, ее замечание предназначалось не только школьникам, но и работникам больницы. Поджав губы, регистраторша выволокла из шкафа пачку медицинских карточек. Ребята принялись неохотно выстраиваться в очередь у кабинета. В отличие от обычной очереди, в этой каждый стремился оказаться поближе не к началу, а к хвосту.

– Здесь не ухаживать за зубами, здесь их только «уходить» окончательно можно, – с раздражением объявил девичий голосок.

Ирка оглянулась. Люда, и без того несчастная – в одну секунду расстаться сразу с двумя парнями! – заглядывала в дверь кабинета. На лице у нее был самый настоящий ужас.

– У них же бормашины еще со времен СССР! Сверло – во! – в палец толщиной! – возмущалась девица.

– Людмила, прекрати увиливать!

– Я не увиливаю, Екатерина Семеновна! Я совершенно с вами согласна! За зубами надо ухаживать. Я это и делаю, у хорошего частного стоматолога. Между прочим, только вчера была! – И Люда сверкающе улыбнулась.

Ее улыбка сверкала в буквальном смысле слова. Между тщательно отбеленными зубами блеснул лучик синего света.

– Людмила, что у тебя во рту? – подозрительно вопросила Баба Катя.

– Skyce! – гордо объявила Люда и, снисходя к учительской дремучести, пояснила: – Страз такой, блестящий, на зуб клеится. Между прочим, от Swarowski! – Она приподняла пальцем губу. Действительно, на зубе сидел блестящий синий камешек. – Я по телевизору про них слышала, в передаче… – Людкин голос упал, она убито закончила: – «Гламурненько».

– Триста баксов. Еле из папочки выдавила! И всё ради Андрея! – немедленно прокомментировали всезнающие сестрички Яновские. – Но против ведущей «Гламурненько» все равно не помог! – Сестрички захихикали было, но тут же стали мучительно сглатывать. – Что такое, опять пить хочется! Язык сушит!

Ирка подумала минуту и протянула сестрам припасенную бутылочку с соком. В конце концов, от их сплетен тоже бывает польза, хотя бы изредка.

– Ставится только на здоровые зубы! Так что у меня всё в порядке, Екатерина Семеновна! – продолжала настаивать Люда. – Можно, я пойду?

– Можно, – согласилась Баба Катя. – Иди. Вот сюда. – Она

распахнула дверь кабинета, твердой рукой направляя девицу внутрь. – А камни на зубах не заводить, а наоборот, счищать надо! Хватит пятиться! – прикрикнула она. – Кто раньше зайдет, тот раньше и выйдет. Хортица, давай! От уроков увиливаешь – тут пойдешь в первых рядах!

Обреченно волоча ноги, Ирка вползла в длинный кабинет. Вдоль стен тянулся ряд поблескивающих стальными деталями тяжелых бормашин. Девчонка нервно вздохнула. Даже смотреть на них было страшно.

– Но у меня все в порядке с зубами! – продолжала отбиваться Люда, оглядываясь по сторонам так же испуганно, как Ирка и еще несколько жертв, загнанных в кабинет неумолимой Бабой Катей. – Мне все дырочки заделали. Нормальной бормашиной, японской! С обезболивающим!

– А выписка из больницы у тебя с собой? – перекрывая надсадный вой бормашин, из конца зала рявкнула полная женщина, неуловимо похожая на Бабу Катю.

Ирке на мгновение даже показалась, что это ее классная переоделась в белый халат. Тем более что лицо женщины до половины прикрывала белая марлевая маска. Лишь боевито светились густо накрашенные глаза.

– Но я же не знала, что нас сегодня к зубному поведут! – чуть не плача, выдавила Люда. – Нас не предупредили!

– Конечно, не предупредили! – согласилась врачиха. – Вас только предупреди – все как один разбежитесь, а потом будете рассказывать, что у частного врача были!

– Но я правда… – начала Люда.

Врачиха отмахнулась.

– Ладно, иди вон к Варваре Ивановне! Варвара Ивановна, берите девочку. Зубки леченые, если не врет, конечно. Работы немного, как раз попрактикуетесь!

Варвара Ивановна, выглядевшая не старше самой Люды, покраснела, заерзала и нервно кивнула, суетливо перебирая инструменты в лотке. Люда опасливо двинулась к ее креслу…

– Остальные, что встали? Быстро по креслам рассаживайтесь! Девочка, черненькая, иди сюда!

Волоча на плече школьный рюкзак, Ирка через весь кабинет потащилась к крайнему креслу. Села. Покосилась на жуткие инструменты и почти силой заставила себя отвести взгляд. Стараясь не слушать лязг стали об эмалированный лоток, уставилась в крашенную белой масляной краской перегородку, возле которой располагалось зубоврачебное кресло. Перегородка была фанерная и не доставала до потолка. Посреди красовалась одностворчатая дверь, выпиленная прямо из самой перегородки и

подвешенная на петли. За ней приятный мужской голос что-то тихонько напевал.

– Открой рот! – Металлически взблескивающая «козья ножка» закопошилась у Ирки во рту, то и дело постукивая, как дятел, или поклевывая между зубами. – Неплохо, неплохо, – задумчиво бормотала врачиха. – Даже очень хорошо! На удивление здоровые зубки. – В голосе ее звучало не столько удивление, сколько разочарование, она даже покосилась на Ирку укоризненно. – Чистишь ежедневно, ухаживаешь?

– Чищу, – сквозь вставленный в рот инструмент промычала Ирка.

Врачиха еще больше помрачнела.

– Утром и вечером? – подозрительно вопросила она, продолжая возиться у Ирки во рту. – Не-ет, все-таки иногда забываешь чистить, а врачи ведь предупреждают… – В ее тоне снова прорезалась радость. – Вот он, зубик, вот он, красавчик! Очень-очень сомнительный зубик.

Острое жало «козьей ножки» вцепилось Ирке в верхний клык.

– Вот-вот развалится! – торжествующе провозгласила врачиха. – Надо удалять!

Ирке мгновенно представился ее собственный щербатый, как у бабки, рот и ехидная ухмылочка Веселко. А перекидываться как? Если без клыка остаться, на остров точно лучше не ездить, а то потом другие оборотни задразнят! Шавкой беззубой или еще похуже!

– Не надо рвать, полечите, – промычала Ирка.

– Полечи-ите, – насмешливо протянула врачиха. – Раньше думать надо было, теперь поздно. Тут фотополимерную пломбу ставить надо, а может, и штифт. Знаешь, во сколько обойдется? Забесплатно такое не делается!

Ирка привычно помрачнела, но тут же воспрянула духом. Что это она, ведь есть же деньги!

– Я заплачу!

– У нас пока еще для детей государственное обслуживание, все бесплатно. Все, что есть, – уточнила врачиха. – Ладно, иди к хирургу, пусть он тебя посмотрит, – смилостивилась она. – Вадим Петрович у нас лучший специалист, как он скажет, так и будет. – Врачиха сунула Ирке листочек с направлением. – Я его предупрежу. – Она дробно постучала костяшками пальцев в фанерную перегородку и, возвысив и без того трубный голос, словно дворецкий в графском замке, торжественно объявила: – Вадим Петрович, к вам пациент!

Ирка шагнула к фанерной двери…

– Куда? – всполошилась врачиха, теряя всю свою

торжественность. – Через коридор давай, нечего пациентам сюда шастать. Ну до чего школьники ленивые пошли, лишний шаг сделать боятся! – пробормотала она вслед уходящей Ирке. – Следующего позови!

Волоча рюкзак, Ирка обошла коридор, вошла в новую дверь и оказалась по другую сторону фанерной перегородки. Выпиленная дверка стояла приоткрытая, сквозь нее был отлично слышен вой бормашин и строгий голос все той же полной врачихи. Молодой мужчина в зеленой хирургической форме повернулся от умывальника и отряхнул мокрые руки. Веселые голубые глаза над марлевой маской улыбались.

– Слышал я всё, садись. – Он махнул рукой на кресло.

Ирка в очередной раз пристроила рюкзак у массивного подножья зубоврачебного кресла и уселась. Бормашина за стеной выла, захлебываясь оборотами. Ирка поняла, что еще несколько минут в этом жутком мире вгрызающихся сверл и зловеще распяленных щипцов – и она просто не выдержит.

Хирург покосился на приоткрытую дверь в перегородке и, заговорщицки понизив голос, прошептал:

– Не бойся! Наша заведующая – она, скажем так, врач старых взглядов. У нее любимый метод – всё выдрать и не забивать себе голову. – Он нравоучительно воздел палец. – Но наука идет вперед семимильными шагами! Открывай рот, посмотрим.

Ирка опасливо открыла рот и зажмурилась, когда блестящая «козья ножка» и металлическое зеркальце опять зависли над ней. Сколько же можно, сил нет!

– Не так тут и страшно, – бормотал хирург Вадим Петрович, копаясь в Иркином клыке. – Слушай, а слюна у тебя течет – хуже, чем у бульдога!

Ирка слегка обиделась. Хирург, похоже, – неплохой дядечка, но бульдогом обзываться нечего! Бульдоги кривоногие и, совершенно верно, слюнявые, а она, Ирка, совсем другой породы!

– Отсоса у меня нет. Как заметила наша заведующая, у нас все еще государственная больница. Сплюнь, я вату проложу, а то работать невозможно. – Плотно скатанные ватные валики легли за губу, под язык. – Рот не закрывай, я сейчас.

Не открывая глаз, Ирка слышала, как хирург отходит к стеклянному шкафчику, звякают какие-то баночки… Раздался звон стекла, а за ним тихий возглас – кажется, что-то уронил. Вроде бы мягко хлопнула дверь кабинета. Ушел? Ирка приоткрыла глаза. Нет, не ушел. Врач в зеленой хирургической робе и марлевой маске склонился над столиком с инструментами. Ирка снова зажмурилась. Какой ужас эти зубные больницы!

– Рот пошире! – скомандовал мужской голос.

Прежде чем Ирка успела сообразить, почему молодой хирург вдруг заговорил чужим голосом, что-то холодное и скользкое захлестнуло ей рот, затягиваясь вокруг головы. Девчонка широко распахнула глаза…

Человек в хирургической форме склонился над ней… Поверх марлевой повязки алыми сполохами пылали узкие щели вертикальных зрачков.

– Закончим то, что начали? – Руки с длинными, неестественно гибкими пальцами – на правой мрачным огнем светился знакомый рубиновый перстень – потянулись к Ирке.

Поверх плеча хозяина перстня девочка увидела вжавшегося в стену Вадима Петровича. Мелькнувшая было надежда тут же погасла. Напротив врача, угрожающе шипя, вздымалась на хвосте здоровенная гадюка.

Ирка поняла, что спасения нет, и отчаянно заорала.

Визг бормашины на мгновение смолк…

– Ай-ай-ай, как не стыдно! – укоризненно произнесла за перегородкой полная врачиха-заведующая. – Такая большая девочка – и боится рвать зубы!

Вой бормашины возобновился. Хозяин перстня рассмеялся и всей тяжестью навалился на отбивающуюся Ирку. Острое тощее колено уперлось девчонке в живот, вдавливая ее в кресло. Длинные пальцы сомкнулись на челюсти, не давая выплюнуть змею. Ирка отчаянно замолотила кулаками по плечам врага…

Оглушительный ор раздался снова. Теперь орали в большом зале за перегородкой. Причем орали так, что все до единой бормашины, жалобно взвизгнув напоследок, испуганно смолкли, и даже хозяин рубинового перстня замер на секунду, продолжая крепко вжимать беспомощную Ирку в кресло.

– Вы что наделали?!! – В бешеных базарных взвизгах с трудом узнавался манерный голосок красотки Люды. – Вы зачем?.. Зачем вообще туда полезли?!!

– Я всё приклею! Честное слово! Вот… сейчас… Прилепим обратно… – потерянно лепетала молоденькая врачиха Варвара Ивановна.

– Прилепит она! Дура!!! Как таких вообще работать берут?!! – визжала Люда.

– Ты как разговариваешь со взрослым человеком?! – громыхнула заведующая, но слышна была в этом громыхании некоторая растерянность.

– Эта ваша взрослая мне страз высверлила! – Людин вопль ввинтился в уши, достигая почти ультразвукового порога. – Триста баксов! Кра-а-асивый такой! Синенький! – Визг опал,

будто струя фонтана, переливаясь в безудержный детский рев. – Мне папа больше денег не да-аст! – всхлипывала Люда. – Стра-аз высверлили! Триста баксов!

– Таких денег у меня нет! – заполошно вскинулась Варвара Ивановна. – Сейчас! Я сейчас!

Тоненькие каблучки выбили торопливую испуганную дробь. Выпиленную в фанерной перегородке дверку рванули.

– Вадим Петрович, помогите! – прокричала Варвара Ивановна, врываясь в кабинетик. – Что делать? Я – вот… – На снятой с бормашины насадке красовался треснувший синий страз, намертво надетый на сверло. – Вадим Петрович… – Девушка затормозила, растерянно оглядывая открывшуюся ей сцену: прижатая к креслу Ирка, навалившийся на нее красноглазый хозяин перстня, неподвижный Вадим Петрович и извивающаяся у его ног змея… Рот молоденькой врачихи криво пополз в сторону… Вновь ударило оглушительным воплем…

– Змея! А-а-а! Змея! – Дробь каблучков сыпанула безудержной паникой – круто развернувшись, Варвара Ивановна кинулась обратно.

Змея повела треугольной головой, словно выбирая между неподвижным врачом и удирающей девушкой, и стремительно заструилась вслед беглянке. Выскользнула за дверь. В большом зале воцарился визжащий и орущий многоголосый ад.

Очнувшийся Вадим Петрович вмешался в события. Передвижной медицинский столик взлетел у хирурга над головой, рассыпая по полу блестящие инструменты, и рухнул на голову Иркиного врага. Хозяина перстня снесло на пол. Девчонка вскочила с кресла.

– Тьфу! – Живая извивающаяся змея и два мокрых от слюны ватных тампона полетели противнику в физиономию.

– А-а! – Безумно крича, хозяин перстня схватился за лицо. Там, куда попала Иркина слюна, кожа над марлевой повязкой сползала, как под действием кислоты, а под ней проглядывало что-то зеленое, слизистое, чешуйчатое…

Ирка рванула к своему рюкзаку. Шкура, кусок шкуры в банке!

Выставив руки, враг кинулся ей наперехват. Будто регбист, наклонив голову, хирург Вадим Петрович метнулся к хозяину перстня и ухватил его поперек. Оба рухнули, с грохотом заваливая на себя пластиковый шкаф с медикаментами.

Ирка дернула «молнию» рюкзака. Подлая банка на дне словно играла с ней в прятки, уворачивалась. Ирка вытряхнула рюкзак на пол. Учебники разлетелись во все стороны. Есть, попалась! Ведьма вспорола целлофановый пакет, сдернула крышку. Мерзкий запах гниения поплыл по комнате.

Возившийся среди обломков шкафа и битых пузырьков хозяин перстня дернулся, вскинул голову… Пылающий алым взгляд змеиных глаз уперся в банку в Иркиных руках. Хозяин перстня то ли вскрикнул, то ли зашипел… Острый локоть обрушился на голову хирурга. Вадим Петрович обмяк. Одним движением хозяин перстня взвился на ноги.

Ирка метнулась к стене. Кусок вражеской плоти, вот он, но ни куклы не слепить – из чего? да и некогда! – ни заговор вычитать – слишком длинный, зараза! А враг уже осторожно, шаг за шагом идет к ней, протягивая к банке гибкие длинные пальцы…

Да черт с ним, с тем заговором! И так получится! Вышло же у нее и без Слова сплетницам языки высушить!

Ирка смачно, от всей души плюнула прямо на чешуйчатый ошметок. Со всего маху шарахнула банкой об пол. Прыгнула сверху, каблуками топча осколки стекла и обрывок шкуры.

– Чтоб тебя перекосило! Чтоб ты ласты склеил, гад! – прямо в пылающую алыми очами физиономию выкрикнула она.

Хозяина перстня выгнуло дугой, заламывая набок. Руки потянуло одну к другой, словно их связала невидимая веревка. Слепило ладонь к ладони. Колени плотно сомкнулись, будто по стойке «смирно»…

– Катись отсюда! – вопила Ирка, приплясывая на куске шкуры.

Хозяин перстня свернулся колесом… и выкатился за дверь. За ним, как песик на поводке, струилась выплюнутая Иркой змея. Крик в большом зале взвился до оглушительного крещендо и опал. Расплескался на отдельные всхлипы, рокот голосов, выкрики «милицию!», «полицию!» и трубный глас заведующей:

– Тихо! Никакой полиции! Мы приличное лечебное учреждение!

Ирка выглянула в фанерную дверку. Ни змей, ни их хозяина в зале не было. Лишь возбужденные, встрепанные докторши и перевернутые столики с лекарствами. Посередине всего этого погрома стояла старшеклассница Люда, нервно бормоча сквозь засунутый в рот палец:

– Змеи ползают… Страз от Swarowski высверлили… – Она оторвалась от ощупывания пострадавшего зуба и со страстной убежденностью выкрикнула: – В государственную больницу больше не пойду! Хоть из школы выгоняйте!

Ирка тихо отступила назад. В битых пузырьках тяжело заворочались. Держась за лоб, хирург Вадим Петрович уселся среди осколков.

– Где… этот… псих?.. – спросил он хрипло.

– Удрал, – сообщила Ирка и, подумав немного, добавила: –

Вы его прогнали.

– Не помню, – честно сказал хирург, ощупывая гудящую голову. – Главное – змеи! Дрессировщик, что ли, из цирка? Или из лаборатории какой… Ты-то как, цела?

Ирка кивнула. Фанерная дверь в очередной раз распахнулась, заставляя девочку нервно вздрогнуть. Внутрь просунулась пышущая раздражением физиономия Бабы Кати:

– Ну конечно! Раз безобразия – значит, и Хортица где-то неподалеку, – фыркнула она на Ирку. – Где остальные? Куда разбежались? – И, не дожидаясь ответа, скрылась.

– Девочка, между прочим, пережила стресс! – возмутился хирург. – На нее напали! – крикнул он вслед Бабе Кате. – Ничего себе, учительница у тебя! – Он посмотрел на Ирку, и желание сделать что-нибудь хорошее для бедной, пострадавшей девочки ясно читалось в его глазах. Лицо хирурга озарилось радостью. Он придумал! – Давай, садись быстренько, я тебе хоть зуб в порядок приведу! У меня своя заначка материалов есть…

Ирка попятилась:

– Может, не надо? – жалобно попросила она. – Вы ж сами говорите, стресс!

– Давай, давай! – Вадим Петрович почти силой усадил Ирку в кресло. – У меня американский переносной набор, чудо миниатюризации, я с ним к пациентам на дом выезжаю. – Он наскоро распаковал небольшой чемоданчик, открывая Иркиному испуганному взору бормашину. Маленькую, но с вполне серьезными сверлами. Ирка поняла, что просто так она из этой проклятой больницы не вырвется.

Сверло зажужжало – не пронзительно, как машины в большом зале, а тонко, будто шмель. Вадим Петрович склонился над Иркой. Девчонка в очередной раз зажмурилась.

Жужжание стихло. Медленно, будто сомнамбула, Вадим Петрович отстегнул сверло и принялся сворачивать чемоданчик.

– Извини, – стараясь не глядеть на Ирку, сказал он. – Наверное, это у меня стресс. Наверное, по голове стукнули сильнее, чем я думал, вот и чудится всякая ерунда. Ты потом в мой частный кабинет приходи, сделаю, как обещал, бесплатно. – Ирке на колени упал лаковый прямоугольничек визитки. – А сейчас иди, иди!

Наскоро пихнув в рюкзак подобранные учебники, Ирка поспешила к двери.

– Девочка, девочка! – догнал ее придушенный шепот.

Ирка обернулась, встретившись с расширенными от страха голубыми глазами хирурга.

– Девочка, а почему у тебя такие большие зубы?

Глава 10. Между соколами и волками

– Никого? – Запрокинув голову, Ирка смотрела на Таньку, восседающую на гребне кирпичного забора вокруг родительского особняка.

– Пусто. – Оглядев из конца в конец утреннюю сонную улицу, Танька кивнула. – Залезай.

Перебирая руками перекладины приставной лестницы, Ирка быстро вскарабкалась наверх. Толчком ноги опрокинула лестницу в траву сада.

– Надо было метлы взять, – прижимая к себе сумку, Танька почти с ненавистью покосилась вниз, на квадратики цветной плитки у забора. Обычно эта плитка ей нравилась… – Слетели бы.

– А потом в автобусе с ними пихаться? На месте купим, – твердо объявила Ирка и, подобравшись, мягко спрыгнула. Подошвы кроссовок стукнули в плитку. Вскинула руки, принимая сброшенную подругой сумку. – Прыгай!

Танька завозилась, ерзая задом по забору, завздыхала. Ограду вокруг семейного гнезда отец изваял внушительную. Девчонка опять поглядела вниз и загрустила окончательно.

Из-за угла улицы вынырнул Богдан.

– Вот интересно, если мы повернемся и уйдем, она там и останется? – Мальчишка остановился, с интересом разглядывая мающуюся ведьмочку.

Понимая, что с вредного пацана станется именно так и поступить, да еще и Ирку с собой сманить, Танька намертво, до желваков на скулах, стиснула зубы и сиганула вниз.

– Ой! – тихо, чтоб не услышали в доме, взвыла она, основательно приложившись о цветную плитку. – А вы еще спрашиваете, почему я прыгать боюсь!

– Ты боишься не потому, что стукаешься, а стукаешься, потому что боишься, – нравоучительно пояснил Богдан.

– Философ доморощенный, – с бесконечным презрением протянула Танька. – Иди лучше вперед, посмотри, не слоняются ли поблизости какие-нибудь почтальоны, сантехники, электрики…

– Их ты тоже боишься? – иронически вскинул брови мальчишка.

Танька вопросительно подняла глаза к небесам:

– Ну почему он такой тупой?

– Он не тупой, он просто не знает, – бросила Ирка, сворачивая к проспекту. – Мы ж не виделись, а по телефону ты сама запретила рассказывать.

– Все равно тупой, – упрямо объявила Танька, но все же снизошла до объяснений. – За ту неделю, что Ирка у меня дома отсиживалась, к нам заявились семь незнакомых почтальонов, четыре проверки из службы газа, шесть – из электрической, пять чиновников городской администрации, две тетки из социального фонда и даже, представь себе, один негр-проповедник. – Танька задумалась. – Впрочем, негр мог и случайно затесаться.

– Мне твоим родителям в глаза смотреть стыдно, – мрачно пробурчала Ирка. – А если бы прямо у вас в доме на меня напасть попытались и что-нибудь плохое случилось бы? Надо было мне у себя сидеть!

– Ага, в подвале. Потому что в доме тебя бы уже… – Танька быстро сосчитала на пальцах: – Почтальоны, газовщики, электрики… Двадцать три раза достали. Или двадцать два, если негра все-таки не считать. А так отец после третьего почтальона решил, что нас ограбить хотят, и вызвал охранников с ротвейлерами! – В голосе девочки звучала явная гордость за отцовскую оперативность.

– Ничего ребята, не очень сообразительные, но исполнительные, – снисходительно кивнула Ирка.

– Они охранники, а не генеральные директора! – фыркнула Танька.

– Я про ротвейлеров, – сказала Ирка, поглядывая, не идет ли нужная им маршрутка.

– А ротвейлеры перед тобой вообще чуть ли не на задних лапах ходили! – хихикнула Танька. – Они бы за тебя кого хочешь порвали!

– Рубиновый перстень у ваших визитеров был? – не разделяя ее веселья, спросил Богдан, настороженно озираясь по сторонам.

Проспект постепенно заполнялся спешащими на работу людьми.

– У негра не было, – покачала головой Танька и снова задумалась. – Может, зря охранники на него собак спустили? – пробормотала она, забираясь в подрулившую маршрутку. – У теток обручальные кольца были, а может, вовсе и не кольца, а перстень, только повернутый камнем внутрь, к ладони. Все остальные – хоть чиновники, хоть электрики – являлись в перчатках или рабочих рукавицах. По такой-то жаре! – Танька поглядела на мелькающую за окном сентябрьскую зелень с пока еще редкими желтыми вкраплениями.

– Да, серьезно этот гад за тебя взялся! – вздохнул Богдан. – До декабря Танькины охранники не усторожат!

– Великое открытие! – фыркнула Танька. – Как ты думаешь, Богданчик, почему мы на Хортицу именно сейчас тащимся?

Несмотря на все препятствия и предупреждения?

– Утихните оба! Пять минут до отправления! – скомандовала Ирка, приподнимаясь.

Вдалеке показалось высокое здание автовокзала.

Вся троица вывалилась из маршрутки и кинулась к кассе. С разбега Богдан чуть не свалился прямо на спину склонившейся к окошку девушки. Удержался… и по его лицу расплылась восторженная ухмылка. Млея от восхищения, он уставился на роскошные золотистые волосы блондинки в коротком зеленом платьице.

– А-а места «люкс» в ваших а-автобусах есть? – тянула блондинка. – И еще, предупредите стюа-ардессу, что я не пью воду с га-азом…

– Девушка, вы сумасшедшая?! – Из окошка слышались нервные повизгивания кассирши. – У нас тут не лайнер! У нас обычный рейсовый автобус! Мест «люкс» нет, стюардессы тоже!

– Но кто-то же есть? Вот его и предупредите, – с абсолютной невозмутимостью парировала блондинка.

В ответ донесся сдавленный вопль.

Танька нервно глянула на часы.

– Автобус сейчас отходит! Следующего ждать полчаса! – Она постучала блондинку по плечу. – Извините, мы очень торопимся.

Блондинка неторопливо оглянулась. Громадные зеленые глаза медленно скользнули по Таньке, Ирке, Богдану… Пацан блаженно вздохнул и впал в полный ступор.

– Девочки, я тоже о-очень, о-очень тороплюсь! Я деловая женщина, мне надо просто мчаться в Запорожье! Говорят, там ка-акой-то то ли праздник, то ли соревнование… – Блондинка нахмурилась, вспоминая. Не вспомнила, отмахнулась. – Ах, в сцена-арии записано! Вся съемочная группа уже там, а у меня ма-ашина сломалась! Та-ак вот. – Она снова повернулась к кассе: – Ка-акое кино будут показывать в дороге? Я не люблю комедий, они та-акие глупые…

Окошко со стуком захлопнулось. За стеной кассы что-то грохнуло – похоже, кассирша начала в ярости крушить мебель.

– Ей нужно выпить легкий коктейль, – объявила блондинка и переместилась к соседнему кассовому окошку.

– Мы опоздаем! – взвилась Танька.

– Уже опоздали, – тихо сказала Ирка.

Танька проследила за ее взглядом. Высокий гибкий мужчина входил в здание автовокзала. Его глаза нетерпеливо шарили по толпе. Наткнулись на друзей… И вспыхнули торжествующим алым огнем. Сверкнул рубиновый перстень…

Танька в отчаянии огляделась. Потрепанный желтый автобус

с надписью «Запорожье» на лобовом стекле отъезжал от платформы.

– За мной! – скомандовала Танька, хватая Ирку и все еще заторможенного от созерцания блондинки Богдана.

Размахивая руками, девчонка выскочила на бровку. Автобус нехотя притормозил. Ребята запрыгнули внутрь.

– Разве можно под колеса кидаться? – укоризненно покачал головой пожилой водитель, принимая протянутые Танькой деньги.

– Чуть не опоздали, – оправдываясь, забормотала Танька. – Нам бы родители такое устроили!

Автобус тронулся с места. Волоча за собой Богдана, девчонки пробрались к свободным задним местам и приникли к стеклу.

– Вроде не гонится, – нерешительно протянула Танька, оглядывая почти пустынное утреннее шоссе.

– Что ему мешает подкараулить Ирку прямо на острове? – вдруг рассудительно спросил Богдан. – Если мы про место и про дату догадались, то он тоже знает!

Девчонки быстро переглянулись.

– Очнулся, – одними губами шепнула Ирка.

Танька презрительно покосилась на мальчишку:

– И зачем? Мог бы и дальше о своей блондинке мечтать, мы и без него неплохо справляемся! Я уверена, гад с перстнем знает даже больше, чем мы. Но и мы почти в курсе! Я тут в библиотеку смоталась…

Девчонка вытащила из сумки несколько пухленьких брошюрок. Богдан заглянул ей через плечо. На страницах мелькали черно-белые рисунки грубо обтесанных каменных статуй, чубатых казаков, деревянных фортеций, фотография громадного дуба.

– Потрясающее место этот остров! Я не удивляюсь, что Ирке именно туда надо! – с энтузиазмом объявила Танька. – Тут не то что оборотни, тут что угодно водиться может. Змиева пещера, в которой богиня Табити устраивала свиданья с Гераклом, до сих пор сохранилась. Князь Святослав, сын княгини Ольги, на Хортице погиб. Его половцы к Черной скале прижали, и он с дружиной свой последний бой давал.

– Ага, это из его черепушки хан потом чашу сделал? – блеснул познаниями Богдан.

– Надо же, кое-кто, кроме Толкиена, еще, оказывается, учебник читал, – хмыкнула Танька. – А Запорожская Сечь? Тут Сечь была, а ты знаешь, сколько среди запорожцев характерников? Это колдуны такие, – пояснила она. – Только в казацких полках. Ну, вроде как врачи: есть обычные, а бывают и

военные. Да первые казаки именно тут и завелись! Когда князь Дмитро Вишневецкий, прозванный Байдой, в шестнадцатом веке на Хортице заставу против татар держать стал. А сам остров весь из черных камней. Они чуть ли не самые древние в мире. Планета еще вся горячая была, вместо рек магма текла, а они уже поднялись из глубин! – Танькин взгляд стал мечтательным. – Сюда один астролог знаменитый приезжал. – Девчонка загадочно понизила голос. – Говорил, эти камни до сих пор излучают что-то такое – древнее, из центра Земли. Наверное, поэтому на Хортице колдовства – как на собаке блох!

Богдан тоже усмехнулся:

– Какой породы собака?

Увлекшаяся Танька осеклась, опасливо покосилась на Ирку.

– Я ничего такого не имела в виду… Вообще написано, – она потрясла книжкой, – что Хортицу, в смысле сам остров, так назвали, потому что сверху его очертания похожи на бегущую борзую. Во ерунда! У наших предков что, аэрофотосъемка была? Как они могли в давние времена на остров сверху посмотреть?

– С помела, – буркнула Ирка.

Танька замолчала. На лице ее медленно проступило осознание.

– Конечно… – пробормотала она. – Ведьмы пролетали…

– А полезного, насчет оборотней, в твоих книжках ничего нет? – поинтересовался Богдан.

– Про оборотней нет, а вот про «поганское идолище», в смысле про языческого бога, к которому приходят за звериным обликом, представь себе, есть! – И Танька с торжеством вытащила из сумки журнал. – Оказывается, на острове находится настоящее древнее святилище! Такие каменные круги и стоячие камни, стелы, вроде как в Стоунхендже! Археологи его откопали и полностью восстановили. Глядите, тут целая статья, со схемой!

Танька перегнула журнал, Ирка взглянула… На четко вычерченной схеме красовались с одного края листа – два кольца, поменьше и побольше, наложившиеся одно на другое так, что получилась неправильная восьмерка. На другой стороне было нарисовано еще одно кольцо, вроде надкушенного бублика или буквы «С», с маленьким кругом внутри. Пространство между «восьмеркой» и «бубликом» заполнялось беспорядочно разбросанными малыми кругами.

Ирка подняла растерянные глаза на друзей:

– Ребята, а я такое уже видела!

– Интересно, где? – слегка обиженно поинтересовалась Танька. – Я этот журнал с таким трудом нашла!

– А у бабушки в тетради! – сказала Ирка, вытаскивая из своей

сумки заветную тетрадку с заговорами. – Смотрите, на полях нарисовано.

Троица друзей низко склонилась над тетрадкой.

– Действительно, «восьмерка» похожа, – согласилась Танька. – А «бублик» твоя бабушка по-другому рисовала. Видишь, у нее внутри «бублика» один круг.

– И на схеме внутри «бублика» круг! – Ирка ткнула в журнал.

– Да, но на схеме на боковой стороне этого самого «бублика» еще круг есть, здоровенный, между прочим! А твоя бабушка его почему-то проигнорировала!

– Может, она о нем не знала!

– Да она вообще о святилище знать не могла! – взвилась Танька. – Ее тетрадка очень старая, а святилище только недавно отрыли!

– Значит, могла, – вмешался Богдан. – Дала же она Ирке фамилию Хортица, значит, прекрасно знала: и кто Ирка есть, и кем станет. Еще бы написала, что конкретно ты должна делать, чтоб научиться перекидываться… А то представляете прикол: припремся на этот чертов остров, найдем святилище, просидим на нем весь Солнцеворот и обратно поедем.

Девчонки переглянулись. Богдан осмелился высказать вслух их самый большой, самый затаенный страх. Ответа у них не было.

– Не называй остров чертовым, – жалобно попросила Танька. – Там такое местечко, что можно и в точку попасть. Мы ж специально на сутки раньше едем, чтоб разобраться, что к чему! Все у нас получится, обязательно! Конечно, если б вовкулаки не играли в молчанку…

Сидевший посередине Богдан вдруг со всей силы пригнул девчонок физиономиями в колени.

– Ты что делаешь? – пропыхтела Танька, пытаясь подняться. – Блондинка в голову ударила?

– Вовкулаки… – страшным шепотом проговорил Богдан.

Прячась за шторками, ребята выглянули в окно автобуса. Мимо шустро пылили два открытых военных джипа. В них восседала шестерка затянутых в камуфляж высоких крепких парней и еще один камуфляжник, постарше.

– Майор! Они что, за нами? – с ужасом спросила Танька. – Решили все-таки не пустить нас на Хортицу?

Богдан помотал головой.

– Сзади, смотри.

Позади джипов, не приближаясь, но и не отставая, ехала парочка щегольских микроавтобусов. На белоснежных капотах красовались яркие изображения парящих соколов. Казалось, круглые глазищи нарисованных птиц пялились вслед вовкулакам

с такой неистовой яростью, что даже удивительно, как у джипов багажники не дымились.

– Соколы? За вовкулаками гонятся?

– Не похоже, – пробормотал Богдан, сползая пониже на сиденье. – Кажется, они все вместе куда-то намылились. Вот тебе и враги!

Джипы и микроавтобусы просвистели мимо.

Ребята переглянулись.

– Не нравится мне это. Совсем не нравится, – сказала Ирка. – А ведь майор, когда с тем пленным соколом ругался, говорил что-то… Про какой-то договор, про урочный день…

– Думаешь, они тоже на Хортицу едут? – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала Танька.

– Ну не на автозавод же, «Запорожец» выбирать, – фыркнул Богдан. – Соколам он, может, и подойдет, они ребята мелкие, а наши плечами застрянут.

– Хортица – остров большой, – задумчиво произнесла Танька. – Но вместе нам там будет тесновато.

Автобус въехал в пределы города и свернул к автовокзалу. Далеко впереди мелькнула защитная зелень армейских джипов и разрисованные бока микроавтобусов. Машины катили прямо к центру.

– Нам тоже сперва в центр надо, – сказала Танька, когда они выгрузились. – Там на острове что-то вроде гостиницы или базы отдыха есть. Вся деревянная, в национальном стиле, под Запорожскую Сечь. По выходным свадьбы и юбилеи устраивают. Сейчас там должно быть пусто, сможем заночевать, но поесть вряд ли получится. Надо в супермаркет заехать, еды купить.

Они выбрались из городской маршрутки возле супермаркета и нырнули внутрь, в прохладу заваленных товарами полок и холодильных прилавков. Танька начала заполнять плетеную корзинку, как вдруг Ирка дернула ее к себе, заставляя спрятаться за штабелем консервов.

В супермаркет входили сразу две компании. Покупатели оглядывались, продавщицы высовывались из-за касс. Не обратить внимания на странные группы было просто невозможно. Здоровенные, широкоплечие, накачанные, несокрушимо спокойные вовкулаки на голову возвышались над остальными посетителями, двигались решительно, невольно заставляя уступать им дорогу. Стройные, невысокие, со встрепанными, будто перья, волосами, соколы казались по сравнению с вовкулаками хрупкими, но их было больше, значительно больше. Ирка не сразу и сообразила, сколько: шестнадцать? двадцать? С их пути тоже убирались, и не только потому, что соколы шагали

многочисленной, сплоченной группой. Просто от их стремительных, летящих движений, от колючих яростных глазищ ощутимо разило опасностью, готовностью дать немедленный и жестокий отпор.

У входного турникета волки и соколы разошлись, наполняя тележки покупками и старательно, демонстративно не обращая друг на друга внимания.

– Кому б из них мы ни попались, ничего хорошего не выйдет! – тихо сказала Ирка, глядя на затаривающихся провизией оборотней в щелку между выставленными товарами. – Сматываемся отсюда!

– У кассы заметят, там очередь, – жалобно прошептала Танька, кивая на корзинку с продуктами.

– Какая касса, с ума сошла? Потом все купим! Все равно на базар за метлами тащиться, здесь только пластиковые! – прошипела Ирка. Она задвинула набитую корзину под прилавок.

Пригибаясь, друзья рванули к выходу между стойками с напитками… Остановились, прижимаясь спина к спине. С обеих сторон звучали многочисленные шаги. Богдан нервно завертел головой:

– Додумались где сматываться: мимо прилавков с водой! Так, предлагаю сдаться волкам, они нас всего лишь домой отправят, а соколы в клочья порвут.

– Молчи! – шикнула на мальчишку Ирка. – Я им глаза отведу!

Она тихо забормотала. В разных концах длинных рядов показались две группы. На едва различимую долю секунды замешкались, заметив друг друга.

«Не смотрите, только не смотрите!» – шептала Ирка. Глаза ее мягко засветились изумрудной зеленью. Оборотни и не смотрели, причем их взгляды скользили, минуя не только ребят, но и противников тоже. Словно глаза им отвели вообще на всё, оставив в поле зрения лишь бутылки с водой и квасом. Молча, сосредоточенно и даже сурово, будто важную работу делали, волки и соколы грузили в свои тележки тяжело булькающие пластиковые баклажки.

Какой-то сокол-оборотень протянул руку прямо к Иркиному лицу. Девчонка неслышно присела. Сокол взял бутылку у нее над головой и обернулся к товарищу, безучастно стоявшему у тележки с продуктами.

– Ты-то как? – сочувственно спросил он. – Будешь?

– Нет! – явственно передергиваясь, клекотнул тот и поглядел на квас не скрывая омерзения.

В напряженной тишине их диалог прозвучал неожиданно громко.

Две группы заметили друг друга. Вовкулаки вскинули головы, вглядываясь в соколов. Ребята тоже присмотрелись к парню у тележки. Танька зажала ладонью рот, чтобы не расхохотаться. На физиономии расплывчатыми сероватыми тенями красовались так и не сведенные до конца пятна мазута. Прическа была странная, клочьями. Словно отчаявшись вымыть волосы, оборотень просто отчикал ножницами намертво слипшиеся пряди.

В компании вовкулаков кто-то громко и издевательски хмыкнул.

Соколы круто развернулись навстречу волкам, злобно, будто крылья, топыря локти и скрючивая пальцы. Вовкулаки ответили грозным ворчанием, подались вперед, скаля клыки. Ирка увидела, как волосы у них на затылках приподымаются, становясь дыбом.

Троица ребят застыла, зажатая в узком проходе между готовыми броситься друг на друга оборотнями. В нос ударил острый запах звериной ярости и… страха. Они ненавидели друг друга, вольные соколы и серые волки. Но и боялись тоже.

Первым опомнился майор. Предостерегающе вскинул ладонь, огляделся по сторонам.

– Просил же, не разевай пасть, Рудый, – процедил он рыжеватому и, повернувшись к соколам, обронил: – Время рассудит. Место покажет.

Старший из соколов наклонил голову:

– Место при деле. Время не ждет, – словно согласно некоему ритуалу, ответил он.

Майор и старший сокол резко поклонились: так кланяются дуэлянты, прежде чем шагнуть к барьеру. Оборотни развернулись спинами, чуть не зацепив прижавшихся друг к дружке ребят, и разошлись. Лишь легкое поскрипывание тележек сбивало торжественность их ухода.

Богдан шумно перевел дух:

– Повезло!

– В чем это?

– Что у них вкусы разные! Представляешь, если б они с двух сторон к одной бутылке кинулись?

Бегом проскочив турникет, ребята выкатились из супермаркета. На улице, у высоких ступенек, скучали пара армейских джипов и белые разрисованные микроавтобусы.

– А писали, весь остров дубами засажен. Надули вчистую, – хмыкнула Ирка.

Придерживая набитые продуктами сумки и волоча купленные на базаре крепкие деревянные швабры, ребята миновали мост

через Днепр и выбрались из городского автобуса в заповеднике острова Хортица.

Долго шли лесной тропой, потом свернули на поросшее странными, зловеще багровыми колосками поле и зашагали мимо невысоких земляных валов, уцелевших на месте стародавней фортеции.

– Если и были тут дубравы, остались от них сплошные сосны и шелковицы, – Танька вздохнула, оглядываясь назад, где между черно-багряных камней скальной кручи над Днепром упорно цеплялся корнями единственный маленький дубок. – Надо было летом приезжать, шелковица – она вкусная.

– Парень из нашего класса ездил сюда летом, с родителями, – неожиданно заговорил молчавший всю дорогу до острова Богдан. – Рассказывал: тут даже в будний день народу полно. Пляжники, туристы с палатками, альпинисты на скалах тренируются. А сейчас – вы заметили? – пусто.

Ирка задумалась. До острова в автобусе они ехали одни – все остальные пассажиры вышли раньше. Зато встречные летели переполненные, будто люди торопились как можно скорее убраться отсюда. Девчонка огляделась. В поле мирно стрекотали цикады, но воздух был напоен тревогой и затаенным, мучительным ожиданием.

– Лето кончилось… – нерешительно предположила Танька и смолкла, подставив лицо жарким солнечным лучам. – Ну и ладно. – Девчонка решительно встряхнулась. – Зато в гостинице точно места будут. Нам туда. – Она ускорила шаг, завидев вдалеке самый настоящий бревенчатый тын. – Вещи оставим, умоемся, оглядимся спокойно, сообразим, что нам с Иркой делать…

Ее оптимистичный монолог прервался. Вдали послышался слитный шум моторов. Ворота из тесаных бревен дрогнули и медленно, плавно распахнулись. С неспешной солидностью подкатили два военных джипа и разрисованные белые микроавтобусы.

– Ложись! – Троица друзей рухнула в кусты у тына.

Дверцы машин распахнулись. Сбившись в две плотные кучки и сторонясь друг друга, вовкулаки и соколы двинулись в ворота гостиницы.

– Ну и куда нам теперь деваться? – протянула Танька, когда ворота за оборотнями захлопнулись.

Глава 11. Пылып и его волхвы

Совершенно потерянные, друзья сидели под кустом, передавая друг другу пластиковую бутыль колы. День медленно двигался к вечеру. Воздух тяжело, будто спелая виноградина соком, наливался душной тревогой. Темная решетка теней расчертила поле, ветра не было, но багровые колоски сами собой колебались, потряхивали метелками, осыпая кровавую ржавчину пыльцы. Запоздалая компания туристов, придерживая наспех собранные рюкзаки и тоскливо-воровато озираясь, протопала по тропе. Танька попыталась их остановить, спросив, нет ли здесь другой гостиницы или кемпинга, но они лишь покосились на ребят безумными глазами и, не отвечая, припустили прочь, все ускоряя и ускоряя шаг. Ворота из тесаных бревен оставались закрытыми, за деревянным забором стояла такая мертвая, неподвижная тишина, словно обе многочисленные команды вовкулаков и соколов, пройдя «казацкую» гостиницу насквозь, растворились в иных мирах и пространствах.

– Нас сюда не пускали, вопили: опасно, опасно! А сами приехали. Зачем? – Танька вытерла сладкие от колы губы и поглядела на бутылку с отвращением. – Надо было минералку брать, от этой только больше пить хочется.

– Может, у них самих тут какая-нибудь активация? – предположил Богдан. – Ну, допустим, новый вовкулака завелся, надо его перекидываться научить.

– Тогда чем Ирка им помешала? Учились бы вместе.

– А вдруг на всех не хватит? Может, у острова – ну, я не знаю… – пропускная способность ограничена? Один новый оборотень на один Солнцеворот?

– Если так, соколам тут тем более делать нечего, – резонно возразила Ирка. – А разговоры их про место, время, урочный срок… Да еще – помните? – во время налета на майора тот сокол требовал, чтоб наш вовкулака «ее» отдал.

– Ее? Власть? Территорию? – предположила Танька. – Думаешь, две группировки оборотней тут стрелку забили? – Она пристально уставилась на глухой тын, точно надеясь пронзить его взглядом. Снова отхлебнула колы. Вроде и тонизирующий напиток, а ясности в мозгах не прибавилось. Танька недоуменно потрясла головой. – Чушь какая-то! Что им делить, у них же эта самая территория в принципе не совпадает! Соколы – они вверху, а вовкулаки внизу…

– У взрослых иногда бывают потрясающе глупые идеи, – тоном антрополога, обсуждающего загадочные обычаи дикого

племени мумба-юмба, припечатал Богдан. – Может, соколы вовкулакам небо заслоняют или еще чего похуже…

– Ага, летают и сверху прицельно между ушами гадят! – саркастически хмыкнула Танька. – Списывать на взрослую глупость проще всего. А попробовать понять взрослых никто и не пытается!

Развить тему не удалось. Из простирающейся по другую сторону тропы шелковичной рощицы высунулась морда упитанной, крутобокой гнедой лошадки со щегольски выстриженной начесанной гривкой. Лошадка звякнула уздечкой, поглядела на ребят темными ласковыми глазами, шагнула вперед… Верхом на лошадке восседал такой же упитанный полицейский с круглой кошачьей физиономией. Ветви дрогнули снова, и следом за гнедой из рощицы показалась еще одна лошадка, маленькая и вороная. Такая же кругленькая и хорошо кормленная. У нее был слегка негритянско-хипповатый вид из-за украшавших гриву тонких разноцветных косичек. Ее всадник был высок и столь длинноног, что подошвы его форменных ботинок то и дело царапали по земле. Рост и грустная вытянутая физиономия делали его похожим на Дон Кихота, но вместо надколотого бритвенного тазика на голове сидела сбитая набок старая, еще милицейская фуражка. Лошадки неспешно подтрусили к сидящим на земле ребятам, а оба всадника задумчиво воззрились на друзей сверху.

– А шо то вы, диты, не к ночи будь помянуты, – трубным басом, неожиданным в столь тощем теле, спросил длинный и трижды сплюнул через левое плечо, – шо то вы робыте, та без дорослых, та ще под самым тыном, за которым ответственные работники нашего ведомства, та ще из другого города, та ще и на ответственную встречу приехавшие, спокойно сидят та сил набираются? Та шли бы вы, диты, тьфу на вас та от вас, – он снова трижды сплюнул, – шли бы вы себе до дому, до батькив, до черта лысого, абы подали отсюда! Йдить, йдить, целее будете! Недоброе тут сейчас время заходит, а в недоброе время и место недобрым становится…

– Все полицейские сговорились, что ли? – вскинулась Ирка. – Что им, общая ориентировка поступила – нас с острова спровадить?

– Ну ты дывысь, якая наглая! – возмутился длинноногий. – Добрые люди, – он слегка запнулся, – об ее же пользе стараются, а она ще и гавкае, мов собака, видьма нэповнолитня! А якщо я тебя, та по праву хортицкой конной полиции, через седло перекину, та вывезу отсюда, пока зовсим темно не стало?

– Лошадь есть – ума не надо! – отчеканила Ирка, чувствуя,

что ярость, багровая, как колоски простирающегося перед ними поля, вскипает у нее в душе.

– Ах ты ж… – начал длинноногий.

Молчавший до этого круглолицый полицейский вдруг перегнулся с седла, поочередно обвел ребят взглядом, задержался на Ирке и вдруг, зашипев, раздвинул зубы то ли в улыбке, то ли в угрожающем оскале:

– А не гони ты их отсюда, дядька Мыкола! Такие шибко разумные молодые люди, да с железным мечом, да со швабрами. – Он безошибочно кивнул на плотно упакованный в целлофан сверток, действительно содержащий швабры девчонок и Богданов меч. – Да еще с бутылкой такого модного импортного напитка. – Он издевательски ухмыльнулся и кивнул на пузырь колы. – Мало ли чего они ищут на Хортице в ночь перед Солнцеворотом?

И вдруг Ирка почувствовала, что бешенство угасает, как из шланга залитое стыдом. Что не так с этой несчастной колой, она не знала, но вдруг отчетливо поняла, что выглядят они, все трое, круглыми и абсолютными дураками. Ну вот действительно: с ведьминскими швабрами, с мечом здухача – и при бутылке газировки! Вроде как в вечернем платье – и на лыжах! Ирка отчаянно, до слез покраснела.

– Нам… мне… очень надо! Очень! – воскликнула она.

Круглолицый явно собирался сказать еще что-то язвительное, но вдруг поглядел на Ирку повнимательней, сильно потянул носом воздух…

– У тебя что, кот живет? – с изумлением вопросил он.

Ирка пожала плечами. Кивнула.

– Ну и как же он с тобой?.. – с безграничным сочувствием к неизвестному коту поинтересовался круглолицый полицейский.

Ирка тяжело вздохнула:

– Сначала плохо. Теперь привыкает. Что ж поделаешь, так уж вышло…

Круглолицый тоже вздохнул, нерешительно покосился на длинноногого:

– У нее кот… – словно это что-то меняло, пояснил он.

Длинноногий покачал головой:

– От завжды ты, симпатии личные, до дела отношения не имеющие, припутываешь! А, робы як знаешь… – Длинноногий безнадежно махнул рукой.

– Так ведь кот… – явно оправдываясь, повторил круглолицый и нехотя буркнул, обращаясь к Ирке: – За берегом, там, где пляж, дырку такую, круглую, как труба, в земле видели? А в той дырке родник бьет?

Ирка молча кивнула.

– Ну и ото ж! – довольно протянул круглолицый и принялся разворачивать лошадку. Похоже, он считал, что все нужные подсказки сделаны и объяснения даны.

Ирка растерянно глядела ему вслед. Он поймал ее взгляд, на краткий миг задумался и запустил руку в седельную сумку. В траву перед Иркой упала самая обыкновенная маленькая пластиковая бутылочка с водой.

– По первости тебе хватит, а там сама разберешься. – Он ткнул свою коняшку пятками.

Тяжело вскидывая упитанными задками, лошадки потрусили сквозь багряное поле.

Ирка присела на корточки, отвернула пробку на бутылочке и отхлебнула глоток. Остро пахнущая сырой травой и свежестью, невероятно холодная вода заледенила зубы. Перехватило дыхание, потемнело в глазах… прояснилось…

Лучи заходящего солнца стлали на багровое поле переливы красного света, превращая его в сплошное колышущееся озеро. Крови? Огня? Грудью рассекая кроваво-огненные волны, мчались кони. Легко взлетая в седле вороного, скакал навстречу закату длинноногий полицейский. Рядом с ним, вцепившись в луку седла когтистыми лапами, гнал гнедого в галоп громадный кот. Торчал трубой распушенный хвост, и толстые полосатые бока подрагивали в такт неистовой скачке.

Ирка сунула бутылочку с водой Таньке. Безжалостно выплеснула на землю остатки колы.

– Я к роднику, за водой! – крикнула она, вскакивая на вытащенную из пакета швабру.

Проносящаяся под шваброй земля была безлюдна, но не пуста. Легкие, невесомые силуэты старых крепостей возникали над уцелевшими земляными валами, беззвучно вспыхивал пушечный огонь, и призрачные фортеции развеивались с клочьями порохового дыма, чтоб мгновение спустя возникнуть снова.

Недра рощ проблескивали неверными огоньками: вспыхивали, меркли, как фонарики на новогодней елке, разгорались опять. Ирка взмыла выше. Почти в самом центре острова ровно и уверенно светилась круглая поляна размером со школьную спортплощадку. А внутри ее, накладываясь один на другой, сплетаясь в сложном рисунке, мерцали, переливались круги поменьше. Ирка ощутила, как нечто, словно бы мимолетно, коснулось ее, настойчиво зовя туда, к этим сияющим кольцам.

Но стремительно летящая швабра уже пронеслась мимо. Ирка

оглянулась. Свет загадочных колец потерялся в алых отблесках заката. Ведьмочка летела над берегом. Последние закатные лучи бросали на волны красноватые блики, цеплялись за черно-багровые камни днепровских круч. Закат угасал, солнце проваливалось за горизонт, но призрачное свечение черных камней не потухло. Налетевший ветер волнами гонял метелки степного ковыля на соседнем, крохотном островке Байды. Далеко-далеко, на пределе слуха, гремела битва, взблескивала сабельная сталь, тени длинных запорожских «чаек» неслись мимо, пеня веслами воду.

Ирка спикировала на песчаную кромку пляжа, побежала по замусоренной асфальтовой тропинке вглубь, к дышащей холодом круглой дыре в земле. Парящие над дырой клочья прозрачного белесого тумана раздались в стороны, цепляясь за выброшенные упаковки чипсов. Родниковая струя с силой ударила в пластиковое дно. Бутыль тяжелела, наполняясь.

Возвращаясь, Ирка осторожно зависла неподалеку от поляны с переплетающимися кругами. Да, ее, несомненно, тянуло сюда. Не просто тянуло – волокло, почти сдергивая вниз из поднебесья.

– Фиг вам, одна не попрусь, – уверенно заявила Ирка, пришпоривая свою швабру и заставляя ее вырваться из настойчивого притяжения кругов на поляне.

Танька поджидала подругу на прежнем месте. У ног ее валялась пустая бутылочка из-под воды, глаза горели ведьминскими болотными огнями. Богдана не было видно.

– Принесла? Хорошо. Пока ты летала, мы тут людей нашли, у них свободная палатка есть, могут нам уступить, – почему-то мрачно объявила Танька. – Только они такие… не так чтоб очень… Не агрессивные, но мама не одобрила бы.

Вскинув на плечо свой рюкзак и зажав швабру под мышкой, Ирка пошагала вслед за подругой. Они направлялись прочь от берега, в глубину острова. В наступающей тьме замаячила очередная купа зелени: слишком высокая для травяного поля, слишком низкая для полноценной рощи, и на кусты непохоже – растения стройные, вытянутые. Ирка сбилась с шага, всматриваясь. От изумления у нее отвисла челюсть.

– Это что такое? – обалдело спросила она.

– Оно самое, – все так же мрачно хмыкнула Танька. – Я тоже не верила, когда говорили, что конопля – это дерево. А она вот, растет себе, здоровенная вымахала. Прав был Богдан – чертов остров.

В мгновение ока мясистые стволы раздались в стороны, и темная фигура выпрыгнула на Ирку столь стремительно, что

девчонка шарахнулась в сторону и не смогла сдержать испуганного вскрика.

Эта самая фигура удовлетворенно хмыкнула, шагнула поближе и оказалась совсем не страшным бородатым очкариком богемного вида. Встрепанные патлы выбивались из-под яркой желто-зелено-красной шапочки.

– Вы не правы, дорогая Татьяна, отнюдь не правы! Зовите этот остров чаривным, заклятым, даже чудесным, но чертовым… Фи, милая моя! Вы же не дикая селючка какая, и даже не примитивная горожанка, вы-то должны понимать, что именно здесь упомянутый вами господин никаких особых преимуществ не имеет и является всего лишь равным среди равных!

Очкарик переключил свое внимание на Ирку:

– Ваши друзья, нет, позвольте сказать – наши общие друзья, – он приобнял Таньку за плечи, девчонка немедленно высвободилась, – много рассказывали о вас, дорогая Ирина. Разрешите представиться, Филипп! – Резким жестом, будто отрубая что-то, он сунул Ирке ладонь.

– Филипп? – переспросила Ирка, пожимая холеную руку, и покосилась на заросли конопли. – Пылып з конопэль?

– О-о-о! – восторженно взвыл очкарик. – Помнит! Она меня помнит! – Он подхватил Ирку под руку и поволок вдоль строя зеленых стволов. – После стольких лет почти полного забвения приходит человек – ну, пусть не совсем человек – и узнает! – Филипп остановился как вкопанный, рывком заставив остановиться и Ирку. – А ведь было же время, когда меня это не удивляло! – трагическом тоном объявил он. – Подумаешь, узнали. Да меня все знали! Нет, конечно, по Мировому Древу не порхал, миры пронзая от верхнего до нижнего, небо и твердь не сотрясал, как некоторые… – Он махнул рукой куда-то в сторону, Ирке показалось – туда, где на круглой поляне сплетались светящиеся круги. – Но имел хоть и камерную, зато твердую известность! Я выскакивал, соответственно «з конопэль», – он указал на зеленые заросли, – селюки пугались, вот как вы только что. И все расходились довольные! Влился органично в идиоматику языка – ну, выражение такое, сами знаете: «Скачешь, мов Пылып з конопэль». Я был уверен: меня никогда не забудут! – Очкарик яростно помотал пальцем… и снова сник. – И вот – новое время, новые герои. Забыли! А если кто и помнит Пылыпа з конопэль, то, верите ли, – он огляделся и вытянул губы, щекоча Иркино ухо жарким и каким-то дурманным шепотом, – с детьми кукурузы путают, неучи!

Филипп снова подхватил Ирку под руку и потащил дальше, обходя родные заросли.

– Но ничего! – бодро объявил он. – Сперва, конечно, впал в депрессию, страдал, переживал. Потом приспособился. Полностью сменил имидж. Пустил в ход некоторые, как бы это сказать, побочные эффекты моей первоначальной деятельности. Кстати, не желаете ли? – Он ловко выхватил из заднего кармана джинсов тяжелый золотой портсигар, раскрыл. В тусклом желтом блеске аккуратными рядками лежали самодельные сигаретки.

Мгновение Ирка тупо глядела в портсигар, потом до нее дошло. Она судорожно сглотнула и шарахнулась в сторону.

– Ну-ну, зачем же так нервно реагировать! Не желаете – и не надо, дело совершенно добровольное. Хотя я бы рекомендовал. Исключительно для жизненного опыта. Между прочим, товар отборный. Нет? О, а я-то думал, вы уже взрослая… – с разочарованием в голосе протянул он, искоса поглядывая на Ирку.

Девчонка жестко усмехнулась. На слабо дурочек покупай вроде Оксанки Веселко.

– Так на чем мы остановились? – Филипп вновь подхватил Ирку под руку. – На данный момент имею весьма широкую сферу влияния и даже, как бы это сказать… – Он снова огляделся. Ирка едва успела отшатнуться, убирая ухо. – Нечто вроде личных волхвов. Некоторые, особо избранные, под Солнцеворот наезжают сюда ко мне, в хортицкие конопли. Сближаются с первоисточником…

Они наконец обогнули заросли. У края рощицы пылал костерок, а вокруг устроилась компания разновозрастных бородачей в точно таких же, как у Филиппа, пестрых шапочках. Магнитофон тихо сочился музыкой рэгги. Чуть дальше, вплотную примыкая к плотной стене конопли, был разбит палаточный городок.

– Милости прошу и вас! – Пылып з конопэль гостеприимно простер руку к костру. – Надеюсь, не откажетесь от нашего общества?

Ирка переглянулась с молча шагающей позади Танькой.

– Для начала, если можно, хотели бы заглянуть в палатку. Вещи оставить, то, сё…

– Вещи, конечно же, вещи! – вскричал Пылып з конопэль, откидывая полог одной из палаток. – А что касается того, сего… Поверьте мне, одна затяжечка – и вы увидите такое… Ждем вас! – Полог упал, оставляя девчонок одних.

Ирка в изнеможении рухнула на надувной матрас.

– Ну ничего себе! Во влипли! Ты хоть понимаешь, кто все эти люди?

– В том и беда, что сразу не поняла. Они вроде такие

доброжелательные, сразу помощь предложили, палатку… А потом этот… Пылып портсигар подсунул и про то, какая я уже взрослая, начал рассказывать. – Танька брезгливо отмахнулась. – У нас в художественной школе девчонка была… Конкурсы выигрывала, ее картины на выставку в Нью-Йорке попали, их там купили с ходу! Зарабатывать стала. Ее и в Италию учиться приглашали, и в Штаты. Мама ее ходила гордая такая, счастливая. А девчонка на тусовке вот с такими встретилась, и ей, видно, тоже… предложили… Ну она и согласилась – побоялась, что маленькой девочкой посчитают. Больше года за кисть не берется, приглашения все отменила… – Танька покачала головой.

– Прямо все подозрения нашей классной сбываются, я таки связалась с наркотиками! Слушай, а может, смотаемся отсюда? Меня вон тоже уговаривать начали.

Танька покачала головой:

– Ну ты ж не дура соглашаться? А силой нас заставить… – Она ухмыльнулась. – Ха, мне даже хочется, чтоб они попробовали!

Девчонки помолчали.

– А отдохнуть надо! – разрывая печальную тишину, припечатала Танька. – И не под кустом, а в более-менее нормальных условиях. – Девчонка огляделась, оценивая плотно накачанные надувные матрасы, раскладной столик, лампочку на батарейках. Вдруг лицо ее стало напряженным. – Стоп, а где Богдан? Он же тут оставался! Неужели к костру пошел, дурень?!

Сорвавшись с места, Танька вылетела из палатки. Ирка выскочила за ней.

Глава 12. Искушение у костра

Все тем же кружком бородачи сидели у костра. Глаза их ярко блестели, дурманный дымок плыл над головами, сплетаясь с черными дымными язычками костра.

Из тени, еще более густой у границы света, слышался убедительный бархатный голос Пылыпа з конопэль:

– Настоящий мужчина должен попробовать всё! Этим он и отличается от мальчишки!

Филипп протягивал Богдану открытый золотой портсигар. Пацан как будто и отодвинулся в сторону, как будто и руку вскинул в отрицательном жесте, но было в его движениях некое раздумье, колебание. Это увидела даже Ирка, а уж многоопытный повелитель конопли заметил моментально!

– Ведь это глупо и даже несправедливо! – Мягкий напор усилился, голос Филиппа журчал, обволакивал. – Все говорят – гадость, и вы, как маленький, за ними повторяете! А самостоятельность суждений? Право на собственное мнение? Взрослый, опытный мужчина никогда не судит с чужих слов, он сперва сам разберется, а уж потом решит. Без подсказок!

Рука Богдана дрогнула и хоть и нерешительно, но все же потянулась к портсигару.

– Вы мне по-настоящему нравитесь, молодой человек! – восторженно объявил Филипп. – Сразу видно независимую личность!

Позади него выросла темная тень. Широко размахнувшись, Танька влепила ногой прямо по золотому портсигару. Ярко блеснув в свете костра, он взлетел в воздух, самокрутки весело посыпались вниз, обсыпая сидящих травяными крошками.

– Что за нервные выходки, дорогая Татьяна! – покачал головой Пылыпа з конопэль. Выбитый Танькой портсигар крутанулся в воздухе и вернулся прямо в его подставленную ладонь. – Понимаю: городская жизнь, переутомление, стресс! Не желаете ли успокоиться, восстановить душевное равновесие? – И он сунул раскрытый портсигар Таньке под нос.

Портсигар был по-прежнему полон, сигаретки так и лежали в нем аккуратными рядами.

Не обращая внимания на повелителя конопли, Танька уперла руки в боки и гневно нависла над сидящим на земле Богданом.

– Это как понимать? От блондинок фигеешь, теперь решил вообще с последними мозгами попрощаться?

– А что ты мне всё указываешь, вечно распоряжаешься? – Богдан вскочил. – Кто ты вообще такая, чтобы мной командовать?

– Правильно, парень, покажи ей! – немедленно вмешался Филипп. – Настоящий мужчина не должен позволять…

Танька медленно обернулась к нему. На меловой бледности ее лица кровавой щелью алел рот и зловещими болотными огнями пылали глаза. Волосы взвились светлым ореолом. На них заплясали зеленые искры. Порыв злого ледяного ветра хлестнул повелителя конопли по лицу, стебли растений пригнуло к земле.

Филипп успокаивающе вскинул ладони:

– Всё, всё! Понял, осознал – у вас сугубо частный, личный разговор! Удаляюсь, оставляю вас, приятной ночи, чувствуйте себя как дома… – Осторожно, шаг за шагом он пятился, пока не уперся спиной в родную коноплю.

Стебли раздвинулись, пропуская хозяина, и Пылып з конопэль канул в глубинах зарослей.

Ветер стих, волосы упали Таньке на плечи, лишь огонь в глазах не гас. Она яростно уставилась на Богдана:

– Он еще спрашивает, чего я командую! Того, что сам ты никакой! Тобой не командовать – ты уши развесишь и за каждым мерзавцем з конопэль потащишься!

Мальчишка ответил ей таким же бешеным взглядом:

– Зато ты у нас самая умная, самая главная! Все ты знаешь: и как Ирке оборотнем стать, и как у бизнесменов гонорар побольше выторговать. Такая вся из себя крутая! А я, значит, дурак! И Ирку в этом убедила! Нет, когда вам здухач понадобился, так сразу: «Богдан, помоги!» Не нужен стал – всё: «Богдан, ты никакой, простой, обыкновенный!» Вы же с Иркой меня в грош не ставите! Ты гадости говоришь, Ирка мне вообще глаза отводит!

– Я-то здесь при чем? – пробормотала Ирка.

Но Богдан ее не слышал, он глядел только на Таньку и кричал:

– Даже деньги, которые на моем собственном счету лежат, я без твоего разрешения взять не могу! Я отцу машину хотел купить, чтоб он по два часа на работу не добирался! Так нет, нельзя, великая бизнес-ведьма Танька не разрешает! Проценты, видите ли! А я отца поберечь хочу! А он теперь со мной не разговаривает!

– Из-за того, что ты ему машину не купил? – обалдев и от Богданова напора, и от последнего заявления, ахнула Танька.

– Танька, ты дура! Из-за снотворного! Я обмолвился, что снотворное принял… Я уж не знаю, что он подумал, наверное, что я из этих! – он яростно мотнул головой в сторону безучастных «волхвов» у костра. – Так какая мне теперь разница!

– Что-о? – вскинулась Танька. – Какое еще снотворное? Ты

что, совсем…

– Да, я совсем! – взревел в ответ Богдан. – Законченный дурак! Потому что о вас беспокоюсь! Когда вы меня у майора в квартире бросили, а сами вовкулаков спасать улетели, я нашел у майора в аптечке снотворное, ну и… Чтоб заснуть! Чтоб здухачем стать и вам на помощь лететь! Примчался, козел! А ты мне? – Он манерно вытянул губы в трубочку и, явно передразнивая Таньку, произнес: – Чего приперся?.. И без тебя обойдемся… Вали отсюда… Я и свалил! Потом чуть не сдох! Майор, когда к себе вернулся, час мне желудок промывал! Меня три дня качало! А вы… – Безнадежно махнув рукой, мальчишка круто развернулся и кинулся прочь от костра, во мрак.

– Богдан! – крикнула Ирка, бросаясь за ним. – Куда? Стой! Что за глупости?!

Впереди мелькала темная тень, слышался топот ботинок. Ирка попыталась бежать быстрее, споткнулась о выступающий корень, упала.

– Богдан, вернись! – крикнула она в сгустившуюся тьму.

Ответа не было. Топот ботинок затих вдали.

Девчонка повернула к костру.

– Я ж говорю – дурак, – с неловким смешком сказала Танька и опустила глаза. – Чего он вдруг взбрыкнул? Все вроде нормально было…

– Нормально? Это ты называешь нормально? – порыкивая от злости, сказала Ирка. – Ты постоянно к нему цепляешься! Я тебе сто раз говорила: прекрати, а ты все цепляешься и цепляешься! То Богдан тебе тупой, то…

– А он ко мне не цепляется? То я центнер вешу, то на заборе он меня бросить хотел…

– Так ведь не бросил же! А вот ты его там, у майора, бросила! Ты ж его запросто усыпить могла! И не пришлось бы ему травиться!

– Ты тоже могла!

Ирка сникла. Кивнула.

– И я могла. Торопилась, ссориться с тобой не хотела, посчитала, что без него справимся. А Богдан за нас испугался. Все сделал, чтоб на помощь полететь. А мы его обидели. – Опустив голову, девчонка побрела к палатке.

Скрылась за пологом, а через минуту вернулась, держа швабру под мышкой.

– Ты куда?

– В одном Богдан прав, – сказала Ирка. – Это он, когда спит, очень крутой, а когда бодрствует – обыкновенный пацан. А здесь сейчас обыкновенным не место. – Она вскочила на швабру и

понеслась над землей, внимательно вслушиваясь и всматриваясь во тьму.

Через мгновение Танька ее догнала.

Глава 13. Кладов не предлагать!

– Ото пышный молодый паныч! – Пожилой сивоусый дядька, совершенно в Танькиной манере уперев руки в боки, широко растопырив локти, стоял поперек тропы.

Богдан готов был поклясться, что еще секунду назад там никого не было.

– Никакой я не паныч! – буркнул парень.

Разговаривать не хотелось, да и дядька выглядел настораживающе: полуголый, в одних темных широких штанах да смушковой шапке на голове. По широкой дуге Богдан двинулся в обход загораживающего тропу незнакомца.

И тут же на плечо ему, пригибая к земле, упала тяжелая рука. Дядька, мгновение назад стоявший на середине тропы, теперь нависал над Богданом. Мальчишка видел, как туго сплетаются мускулы у него на груди и на руках. Немолодой, а накачанный – прямо культурист.

– Може, и не паныч, а може, и паныч! – засомневался сивоусый, вглядываясь Богдану в лицо. – Паныч, мабуть, вже б в штаны наклал, гуляючи тут сам-самисенький, та под Солнцеворот. Що, хлопец, як штаны, сухи?

– Не ваше дело, – огрызнулся Богдан. – Плечо пустите, ну!

– Ще не запряг, а вже нукает – как есть паныч! – Пальцы сжались, будто тиски.

Плечо стрельнуло болью, выжимая из глаз слезы.

Конечно, без оружия – это не его, ему бы меч, но меч остался в палатке, а полуголый дядька здесь, и надо выкручиваться, потому что неизвестно, чем такая встреча на темной тропе может закончиться. Богдан начал действовать. Как учили. Дядьке ребром ладони по запястью, резко двинуть плечом, освободиться, ухватить нападающего за большой палец…

Не вышло. Дядька легко переступил, подстраиваясь под Богдановы движения, плеча не выпустил, пальцы свои уберег. И громко, заливисто расхохотался:

– Не, який же ты паныч! Ты настоящий казак! Такой и черта не забоится! – Сивоусый разжал пальцы, но тут же дружески обнял Богдана за плечи, встряхнул, снова отпустил. – Эх, нравятся мне отважные хлопцы! – Теперь от дядьки прямо волнами исходило дружелюбие.

Богдан мрачно усмехнулся. Сегодня на этом острове он нравился всем. Буквально каждому встречному. Наверное, лучше ему с этими самыми встречными и оставаться. А не навязывать девчонкам свое общество, раз уж оно им не подходит. Особенно

Таньке.

– Парень! – Вмах сорвав с себя шапку, сивоусый шваркнул ее себе под ноги, открывая бритый череп с одной-единственной длинной прядью. – Раз уж ты меня не испужался, будет тебе за то награда! Слушай меня, хлопче! – Снова ухватив Богдана за плечо, он почти поволок его за собой по тропе. – Байку тебе расскажу, как есть правдивую! Давно то было! Ходили мы з братьями-казаками на Черный шлях, да под самый Перекоп, татарву пощипать! Лупили их, нехристей, за веру православную и добыли на том изрядный скарб, та повезли соби до дому! Алэ ж погналася за нами клята татарва, день за днем гнала: через степь та через Днипро. И решили тогда панове-братия скарб здесь зарыть, чтоб не достался клятым! – Дядька остановился, понизил голос, заговорщицки огляделся по сторонам. – Зарыли-заговорили, на пять смертных голов та на долгие сто лет! Жребий меж собой кинули, и выпал тот жребий на меня! Схватили меня хлопцы, Слово крепкое наложили, чтоб обретался я при том скарбе под землей и его охранял! Аж пока не найдется парубок бесстрашный, настоящий казак… – Дядька тяжко вздохнул и начал тащить Богдана дальше. – Вот и выхожу каждые сто лет на Солнцеворот, шукаю. Три раза вылезал, всё без толку. А на четвертый ты подвернулся! Не перевелись еще лыцари!

– Прямо как в сказке: один раз не испугался – сразу мешок золота получи. В жизни так красиво не бывает! – Богдан отступил подальше, подозрительно глядя на старого казака. Ох, что-то крутит он, выползень подземный!

– Не веришь? Или труса празднуешь? Не такой ты и отважный, как по первости мне сдалось! – пренебрежительно хмыкнул сивоусый. – Сам гляди, хлопче! Пойдешь со мной – твой скарб будет, та и у меня своя выгода – служба моя закончится, на поверхность выйду. Соскучился под землей, воли хочу! Не пойдешь – я на следующие сто лет под землю уйду, а потом снова спробую отважного знайти. А ты всю жизнь локти кусать будешь, что проворонил свое счастье.

Богдан задумался. Настоящее казацкое сокровище! На миг его воображению представился кадр из кино про Али-Бабу. Подносы с золотыми монетами, золотые кувшины, драгоценности! Самоцветы! Да про человека, который такое найдет, даже Танька не осмелится сказать – никакой! А оружие? Кривые татарские сабли, кольчуги тончайшего плетения! К турнирам и ролевкам доспех самому приходится делать, а тут такое сокровище! Не-ет, этот клад упускать нельзя! А риск…

– Чи може, тоби, хлопче, не велят с чужими дядьками водиться? – насмешливо спросил сивоусый, и это стало последней

каплей.

– Все мои велельщики далеко. – Богдан посмотрел туда, где остались палатка и девчонки, и решительно зашагал по тропе.

– Ото добрэ! – торопливо пробормотал сивоусый и, обогнав Богдана, пошел впереди.

Роща закончилась, тропа вывела их на поросший сухой травой и редкими осенними цветами настоящий кусок степи. Они пошли, вздымая ногами мелкую пыль. Земля шевелилась. Вздымалась и опадала, словно под тонким слоем почвы гуляли настоящие морские волны. Далеко впереди вспучился высокий курган, а на его вершине…

– Кто это? – Богдан замер, разглядывая строгого золотого всадника верхом на серебряном коне.

– Та насправди нихто, зовсим нихто, – с суетливостью, не вязавшейся с его суровым обликом, зачастил сивоусый. – Нэ дывись ты на него, хлопче! От чертяка, щоб його в пекле вилами в бок! – Дядька осуждающе покачал головой, видя, как золотой всадник вдруг исчез и снова появился, уже в другом месте. – Ходить шукаты ему лень, так он личину себе придумал, та пидманює! Пишлы, хлопче, швыденько!

Они снова зашагали. Богдан вздрогнул. Совсем рядом, у самых его ног земля вдруг распахнулась, открывая бездонный колодец, и гулкий голос тяжко, с явной завистью вздохнул:

– А у него хлопец есть…

– Есть, алэ ж тилькы для сэбэ! – не оглядываясь, на ходу отбрил сивоусый. – Сам дистань, а чужого не замай!

Он ускорил шаг, уже почти бежал, торопливо проскакивая мимо вспучивающихся курганов и раскрывающихся провалов.

– Кто это все такие? – невольно придвигаясь поближе к своему проводнику, спросил Богдан.

Дядька помолчал и наконец неохотно выдавил:

– Та за четыреста лет чимало скарбив на Хортице позакопано! Ну ось, мы и прыйшлы. – Он вздохнул с явным облегчением. С силой топнул ногой.

Земля поплыла, будто вода, распадаясь на две части. Перед Богданом раскрылась крутая, почти отвесная лестница, сложенная из необработанных камней.

– Ну що, хлопче, будемо меняться – ты со скарбом, я на волю? – хитро прищурившись, спросил казак. – Спускайся, там твоя доля!

– Ты первый иди! – торопливо сказал Богдан, на всякий случай отступая подальше от каменных ступеней.

Дядька покачал головой:

– А всэ ж трусишь ты, хлопче! Уж и не знаю, отдавать ли тебе

скарбы лыцарские! – искоса поглядывая на Богдана, протянул сивоусый.

– Не хочешь – и не надо, к конкурентам пойду, может, они не такие переборчивые, – пожал плечами Богдан и сделал шаг в сторону.

– От сразу ты мне глянулся! – покрутил бритой головой сивоусый. – И отвага, и розум, все при тебе! Будь по-твоему! Ступай за мной, только не отставай!

Дядька шагнул на первую ступеньку. Уходящая в недра земли лестница озарилась неверным, мутным светом, как от сотен гнилушек.

Мальчишка минуту помедлил и осторожно двинулся следом. Отвесные ступени уходили все ниже и ниже. Наконец Богдан остановился на последней. Высоко над головой чернел неровный квадрат лестничного колодца, словно крышкой, прикрытый темным куском неба. У ног открывалась маленькая – человеку только сесть, – выкопанная в земле камора. В глубине земляной каморы Богдан увидал старый, рассохшийся сундук и расколотый глиняный горшок. В осколках насыпом лежало что-то мелкое, круглое, тусклое…

– Ну ось, все, як обещал! Владей, хлопче! – Широким жестом – гуляй, душа! – сивоусый махнул на горшок с сундуком.

Бочком-бочком, не сводя глаз с благодетеля, Богдан спустил одну ногу со ступеньки, подцепил крышку сундука… Осыпая гнилую деревянную труху, крышка приподнялась. До самого верха сундук был забит старыми седлами с немногочисленными серебряными заклепками, поношенными татарскими лисьими малахаями… Сверху гордо возлежали расшитый бляшками пояс и старый халат.

– Это – клад? Вот это вы стерегли?

– А що такэ? Справный скарб! – обиделся сивоусый. – Та якщо б не гналася за нами татарва, мы б ций сундук до ярмарки довезли, потом с неделю б гуляли! А на гроши можно хутор справный купить!

– Ага, четыреста лет назад! А сейчас мне что с ним делать, в краеведческий музей сдать? – Богдан нагнулся, сгребая горсть старинных медных монеток…

– А що хочешь, то и робы, хлопче, мне-то теперь что! – И, пользуясь тем, что Богдан нагнулся, сивоусый ринулся к лестнице. – Скарб взял, с ним и оставайся, а я на волю!

Он мчался наверх, к казавшемуся таким близким темному квадратику неба. А Богдан с ужасом увидел, как земля начинает медленно смыкаться между ним и улепетывающим сивоусым, навсегда замуровывая мальчишку в себе.

– Стой! – заорал Богдан, бросаясь в полуоткрытый проход. Земляные пласты тут же сдвинулись, легли внахлест, перекрывая путь и оставляя лишь крохотное отверстие, в котором всего на миг мелькнула спина сивоусого… и исчезла. Хранитель клада выбрался на поверхность. Отверстие сползлось в тоненькую дырочку, неуклонно затягиваясь. Затхлый, спертый воздух не шел в легкие, камнем застревая в груди. Всем телом Богдан ударился о стену… Земля не дрогнула.

– Не-ет! – Приникнув губами к отверстию, Богдан отчаянно, безнадежно закричал, уже понимая, что его не услышат, не откликнутся…

Земляная стена рванула вверх, осыпая Богдана плотными комьями. Тяжелое тело сивоусого с разлету рухнуло на битый горшок, кроша его в мелкую пыль. Богдан вскинул голову. На фоне темного квадрата неба, оседлав швабры, парили две всадницы.

– Девчонки, я здесь! – восторженно завопил он, бросаясь к лестнице.

Крепкая, жилистая рука ухватила его за щиколотку, опрокидывая на ступеньки.

– Куда? – прохрипел сивоусый, за ногу волоча пацана к себе, в недра земли.

– Пусти! – отчаянно завопил Богдан, изо всех сил цепляясь пальцами за торчащие из стен узлы корней. – Ты меня обманул!

– Ан неправда твоя, хлопче! – помотал чубом сивоусый. – Казав, що скарб твий буде, а що ты з ним звидси пидеш, уговору не было! Моя стража закончилась, раз ты скарб взял, мне на смену пришел! Мне уходить, тебе оставаться!

– Не брал я ничего! – завопил Богдан и лягнул казака свободной ногой…

– Эть! – словно бы поперхнулись сзади.

Хватка на щиколотке ослабла. Даже не пытаясь встать, Богдан на четвереньках рванул к поверхности…

– Сзади! – донесся сверху испуганный Танькин голос, и прямо перед носом Богдана на ступеньки, звеня, свалился его собственный меч.

В последнюю секунду, спиной ощутив шорох рассекаемого воздуха, пацан перевернулся. Лезвие сверкнуло над его головой. Богдан вскинул навстречу свой меч. Сталь ударилась о сталь.

– Ничего! – ревел сивоусый, и кривая сабля порхала в его руке, норовя достать перекатывающегося мальчишку. – Для замены ты и мертвый сгодишься!

Тупой меч мог лишь парировать пластающие удары казацкой сабли. Но Богдан понимал, что и это долго не продлится.

Несмотря на столетия безделья, сивоусый был профессионалом, лучше любого из мастеров клуба исторического фехтования. Плечо Богдана словно ледяным языком облизало… Боли почти не было, мальчишка лишь увидел, как каплет на каменные ступеньки его кровь.

– Молись, хлопче! – закричал казак, вскидывая саблю для последнего удара.

Бац! Бац-бац! Метко пущенные камни обрушились сверху, молотя сивоусого по голове, плечам. Хранитель клада замешкался, прикрываясь руками. Богдан ударил тупым мечом ему в грудь. Дядьку смело со ступенек. Богдан снова побежал по лестнице. Квадрат выхода был уже совсем близко, когда он услышал за спиной тяжелое дыхание и понял, что упорный сивоусый вновь нагоняет. Но тут застонал воздух, знакомые руки ухватили мальчишку и поволокли наверх, провозя физиономией по неровным каменным ступеням. На миг Богдан завис между двумя швабрами, словно белье на просушке, потом его бережно опустили рядом с отверстием в земле.

– Не хочу! – взвыло оттуда, и Богдан успел мельком увидеть, как земля неумолимо стягивается вокруг простертого на каменной лестнице сивоусого. Кисть с зажатой саблей еще некоторое время торчала над сомкнувшейся землей, потом принялась медленно погружаться. Вот виднеется уже только клинок, вот осталась лишь половинка, лишь кончик… Вот скрылся и он. Земля пошла кругами, будто вода от упавшего в нее камня, и затвердела окончательно.

– На сто лет, – тихо прошептал Богдан. – Из-за горшка медной мелочи и сундука ношеного татарского шмотья.

– Ты б там вместо него сидел эти сто лет! А потом что? Тоже бы шастал, искал другого дурачка на замену? – Всхлипывающая Танька перетягивала платком кровоточащий порез у Богдана на плече. – Зачем ты с ним пошел? С ним же надо добровольно пойти, иначе у него и власти над тобой нет…

– Ты как догадалась мой меч прихватить? – спросил Богдан.

Танька заюлила, пряча зареванные глаза:

– Да ну! Придумал себе глупость, что здухач ты крутой, а так самый обыкновенный! Фигня! Думаешь, я не видела, как вы в клубе на ваших турнирах рубитесь? И как ты выигрываешь?

– Ты что, на меня смотреть приходила?

– Очень мне надо, на тебя смотреть! – фыркнула Танька. – Так, случайно мимо шла!

– Ну и мне не надо, чтоб ты на меня смотрела. Можешь больше мимо не ходить!

– Как я давно хочу это сделать! – почти простонала Ирка.

Слегка поднявшись над землей на своей швабре, она ухватила Богдана и Таньку за воротники и безжалостно затрясла, приговаривая: – Если вы сейчас же не прекратите свои скандалы, я вас в Днепр скину и притоплю раз и навсегда! До чего вы мне оба надоели!

Они шли к конопляной роще, туда, где осталась палатка. У костра никто не сидел – видно, Филипповы волхвы уже достаточно приобщились и отправились спать.

– Ой, якый добрый паныч и красотки панночки! – ласково пропел мужской голос. Высокий парень в алом жупане выглянул из щели в земляном холме. – А вы здогадайтэся, що в цьому холме?

– Ничего не нужно! – мрачно буркнула Танька, и ребята поспешили к палатке.

Богдан, пошатываясь, доковылял до своего матраса и рухнул, не раздеваясь.

– Бедняга, заснул раньше, чем лег. – Танька потянула через голову свитер.

Полог палатки откинулся. Черноусая башка просунулась внутрь, повела лукавыми темными очами:

– Ой, панночки, любоньки, чи хочетэ знаты, дэ закопанный клад? Та шо ж я пытаю, хто ж цього не хоче!

– Мы, мы не хотим! – Зарычав не хуже Ирки, Танька развернулась и обеими руками вытолкала башку прочь.

– До чего назойливый, прямо как те торговцы, что по офисам лазают! Слов вообще не понимает!

– А знаешь, по-моему, это другой, – неуверенно предположила Ирка.

– Тот, другой, мне все равно, я спать хочу! Тоже мне, остров сокровищ! Остров убоищ какой-то! – Танька нырнула под одеяло и погасила лампу.

Некоторое время все было тихо, лишь за стеной палатки перемещались туда-сюда осторожные шаги. Закрытый полог неуверенно подергали, потом потянули прочь.

– Я, конечно, извиняюсь… – забормотала от входа темная тень. – Тилькы чи можна спаты, когда подвернулся такой случай стать багатым!

Застонав так, что стон ее больше походил на медвежий рев, Танька включила лампу и со всей силы зафитилила пластиковой кружкой в очередную усатую физиономию.

Досадливо крякнув, физиономия исчезла.

Девчонка вскочила, быстро написала что-то на бумаге, вылетела наружу и налепила листок на палатку. Вернулась

обратно и свалилась на матрас. Через мгновение она уже ровно сопела.

Ирка прислушалась. За стенами палатки по-прежнему топотали шаги. Иной раз они замирали у входа и, постояв, направлялись дальше. Полог больше никто не дергал.

Не выдержав, Ирка подхватила фонарик и тоже выбралась наружу. Темные фигуры скользили мимо. Мелькали то яркий жупан, то синие шаровары. Фигуры останавливались у входа, скользили глазами по листку и, разочарованно вздохнув, двигались дальше, к соседним палаткам.

Ирка посветила фонариком на лист.

Круглая физиономия с длинными усами и торчащим казацким чубом была яростно перечеркнута крест-накрест, а внизу крупными буквами выведено:

Кладов не предлагать!

Глава 14. Встретимся на алтаре

– Значит, говоришь, светится и тянет? – довольная Танька, быстро-быстро, как белка, грызя подчерствевший со вчерашнего дня рогалик, натягивала кроссовки.

Она закинула за плечо собранный рюкзак и выбралась из палатки. Глянула на часы, присвистнула:

– Ничего себе мы заспались после вчерашнего! Надо пошевеливаться!

– Прощаться будем? – спросила Ирка, с сомнением косясь на неподвижные заросли. Общаться с Филиппом не хотелось, но, может, стоило сказать спасибо за палатку?

– Если я с ним попрощаюсь, так раз и навсегда! – с угрозой в голосе сообщила Танька. – Пусть спасибо скажет, что всю его коноплю в распыл не пустили! И то, только потому, что пожара боюсь!

Из зарослей донесся тихий вздох.

– Показывай, где твоя поляна? – Танька решительно зашагала по тропинке.

Ирка обогнала подругу и пошла впереди. Богдан двигался замыкающим.

В свете дня остров казался самым обычным. Полулес-полупарк, красивый, хоть и несколько замусоренный. И табличка, к которой вывела их тропа, тоже была обыкновенной жестяной табличкой. Несколько слов о найденном археологами и восстановленном древнем святилище и просьба не сорить там, где молились предки.

Ребята выбрались на поляну, и перед ними наконец предстало древнее святилище, раньше виденное лишь на рисунках. Необработанные низкие камни «восьмерки» и «бублика» были сложены в идеально ровные, как циркулем вычерченные, кольца. Над обоими кругами «восьмерки» возвышалось по грубой каменной стеле.

«Бублик» располагался на противоположной стороне поляны. Разорванная сторона кольца служила проходом к малому каменному кругу в центре, тоже охраняемому заостренными вертикальными камнями.

– Алтарь, наверное, – неуверенно предположила Танька, входя внутрь кольца.

– А тот, второй, тогда что? – Богдан кивнул на еще один, боковой алтарь, вписанный прямо в кладку «надкушенного бублика». – Между прочим, побольше центрального. И стел у него не две, а целых пять! А Иркина бабушка его почему-то не

нарисовала.

Ирка пожала плечами:

– Даже не знаю. Только пять – число древних богинь, женской магии. Может, это святилище на двоих? – неуверенно предположила девчонка. – В центре кольца – алтарь бога, а сбоку – богини?

– Ага, он вроде как весь центровой, она вроде как в стороне, только на самом деле она – вдвое круче, чем он. Интересно, что именно твоей бабушке не нравилось: что богиню побоку пустили или, наоборот, что ее алтарь больше? – спросила Танька. Внимательно поглядела на малые каменные круги и отдельные стелы, разбросанные между «восьмеркой» и «бубликом» с двумя алтарями. – А вот эти, маленькие, одиноко стоящие, они тогда чьи? Еще каких-то богов, помельче? Тогда тут не святилище, тут целое общежитие получается!

– Может, хватит в их запутанных отношениях разбираться? Время знаем, место нашли, делать-то чего? – буркнул Богдан.

Ирка вытащила из рюкзака бутыль, задумчиво отхлебнула ледяной хортицкой воды… В глазах снова потемнело… Когда взгляд прояснился, Ирка поняла, что колдовская жизнь острова на самом деле никуда не делась. Шум ветра в окружавших поляну деревьях мешался с тихим, но раскатистым храпом: на каждой ветке кто-то дрых, высыпаясь перед грядущей ночью Солнцеворота. Трава и кусты шевелились – может, запоздалый ежик пробирался… А может, и не ежик. Не похож на ежика, ну вот совсем не похож!

Но главное – святилище! Ирка прислушалась, потом задрала голову, вглядываясь в голубой круг небес над поляной. То, что обитало тут… Оно было как будто везде. Грезило под землей и в то же время глядело на свой храм из бесконечно далеких небес. Тихо спало в каждом камне, в каждой каменной стеле и одновременно находилось в бесконечном далеке, откуда и путь сюда заказан. Но сейчас, здесь, оно словно бы встрепенулось, почуяв Иркино присутствие, жадно потянулось к ней навстречу…

– Чего делать? – хрипло, будто вода мгновенно застудила ей горло, переспросила Ирка. – Какая же все-таки я тупая! Майор ведь намекал! – Она вздрогнула. – Нет, не намекал! Он думал, что я… знаю! Думал, что могу!.. Они все так думали! – Девчонка взглянула на друзей блестящими, отчаянными глазами. – Вовкулаки все время говорили, что такое в древние времена делалось! Рудый еще спрашивал, есть ли у меня кандидатура!.. Сами подумайте, что делалось в очень древние времена в таких вот святилищах!

– «Страшная треба». – Танька процитировала тот древний

текст, что помог им отыскать место. – Жертвоприношение! Майор сказал, что с этого и началось оборотничество. Чтоб ты смогла нормально перекидываться, надо пролить кровь? – Глаза ее налились ужасом. – Человеческую? – дрогнувшим голосом спросила девчонка. – Не может быть!

– А ты вслушайся, чего оно хочет! – Ирка протянула подруге бутыль.

Танька отхлебнула… И вдруг подскочила, словно короткая жесткая трава обожгла ей пятки. Ухватив Ирку за руку, испуганно поволокла ее прочь:

– Тебе нельзя тут оставаться! То, что там, под камнями… Оно жестокое! Злое!

Ирка высвободилась, покачала головой и смело двинулась между замершими, как часовые, каменными стелами.

– Нет, оно не злое. Оно у нас сильное, благородное, справедливое. Даже доброе, – язвительно сказала она. – Только всё это по своим, древним законам. Оно просто не понимает, почему кровавые жертвы – это плохо. Жертвы плохим, злым богам – вот что плохо, а жертвы ему – хорошо! Ведь оно хорошее, справедливое и так далее. С его точки зрения, жертвы радоваться должны, ведь они помогают ему, – Ирка кивнула на алтарь, – помогать людям! – Девчонка скривилась. – А знаете, мне его даже жалко. Насколько ж надо быть погруженным в себя и не замечать окружающего мира, чтобы за столько тысяч лет ничему не научиться, ничего не понять и ничуточки не измениться! – Она презрительно фыркнула, повернулась к алтарям спиной и зашагала прочь с круглой поляны с каменными кольцами.

– Уходим? – уточнила Танька, нерешительно оглядываясь на святилище.

– Уезжаем! – отрезала Ирка. – Как-нибудь обойдусь! Без всяких… отсталых!

– Ирка, погоди! Что значит «обойдусь»? – Не ожидавшая такого Танька бросилась за подругой. – Ты же не можешь так и дальше жить: не собакой и не человеком, не оборотнем и не ведьмой…

– А жертву я принести могу? – Сузившимися от гнева глазами Ирка уставилась на каменные круги. – Кого резать будем? Тебя? Его? – Она кивнула на Богдана. – Или туриста на пляже поймаем?

Танька тоже безнадежно вперила взгляд в древнее святилище.

– Я понимаю, даром работать никто не станет, – забормотала она. – Слушай, а деньгами оно не возьмет? А то туристы все разбежались, почуяли, видно… – Ведьмочка криво усмехнулась.

– Не все, – проговорил Богдан. – Идет кто-то. – Он быстро поволок девчонок в гущу окружавших поляну деревьев.

– Нас нет, нас тут нет! – уже привычно зашептала Ирка, отводя глаза.

– Они волки, у них нюх! – прошипел Богдан.

– Тут даже духу нашего нет! – выпалила Ирка, падая в кусты. Вот нюх ей еще отводить не доводилось.

Мгновение – и на тропе появились две хорошо знакомые фигуры. Майор и Рудый медленно пошли меж каменных кругов и принялись бродить, притопывая ботинками по земле, будто пробуя поляну на прочность. Даже пытались шатать каменные стелы. В сторону затаившихся в кустах ребят ни один головы не повернул. Ирка облегченно выдохнула.

– Вроде порядок! – наконец удовлетворенно объявил майор. – Всё намертво стоит, нигде ничего на спину не свалится!

– А что, неплохо бы парочку пернатых такой каменюкой в землю вдавить, – усмехнулся Рудый.

– Тут уж скорее они тебя вдавят, им это проще, – буркнул Ментовский Вовкулака. – Все-таки летают, могут сверху бить.

– Чтоб ударить, спуститься придется, – возразил Рудый. – А тут уж прыжка хватит, до горла добраться!

– Значит, все-таки стрелка, – шепнула Танька Ирке на ухо. – Драться собрались!

– Порвем, не сомневайся, командир! – продолжал выступать Рудый на поляне. – Нам с ребятами эти пучки перьев вообще на один зуб! Чего ты так волнуешься, не понимаю?

– Ну что соколы – тупые, это как раз нормально. Птичья головенка маленькая, полноценные мозги не помещаются, – постепенно повышая голос, заговорил майор. – Но вы у меня почему такие безмозглые? – взревел он. – Не понимает он, видите ли! А что сегодня род вовкулаков скорее всего прервется, это ты понимаешь? Соколов мы порвем, ишь! Да порвем, конечно!..

Сверху послышался негодующий птичий клекот. Над поляной вычерчивал круги громадный сокол.

Ирка тихонько выглянула из ветвей, присмотрелась… Полет сокола повторял очертания каменной восьмерки.

– Нет, ну ты посмотри на мерзавцев! Приглядывают за нами, чтоб мы, значит, какую мину здесь не заложили, – злобно пробормотал майор и, запрокинув голову, проорал в голубые небеса: – Порвем, порвем, и не сомневайтесь! – Он понизил голос и устало, безнадежно добавил: – Только и они нас – тоже! Их же вдвое, если не втрое больше! Никого к утру не останется: ни волков, ни соколов. Одни наши дохлые тушки, и, конечно, она, красавица. Ну, может, еще и ты, Рудый, вместе с ней, если сильно повезет.

– Лишь бы не он! – Слова вырвались у молодого вовкулаки из

самой глубины души.

Командир поглядел на него с любопытством.

– Значит, готов всех своих братьев положить? Ради какой-то бабы?

– Она не баба! – У Рудого даже волосы на затылке встали дыбом. – Она самая прекрасная! Она моя невеста! А он украл ее, отбил! – Молодой вовкулака заметался по поляне как безумный.

Засевшие в кустах ребята обменялись изумленными взглядами. Танька беззвучно разевала рот, как вытащенная из воды рыба.

– «Она» – это не территория?! «Она» – женщина?! Они стрелку за невесту забили? Это что еще за Елена Прекрасная и Троянская война? – наконец выдохнула Танька. – Быть такого не может! В наше время? Пусть здесь в святилище все ненормально древнее! Но вовкулаки-то у нас современные, вон как деньги выбивать умеют! Почему майор это позволяет?

Видно, этот вопрос заинтересовал и Рудого. Исподлобья глядя на командира, молодой вовкулака спросил:

– Что ж ты не запретишь, старшой? Зачем сам в бой идешь и остальных ведешь?

– А затем, щенок, что сегодня сокол у вовкулаки невесту безнаказанно закогтит, а завтра территории наши под крыло взять захочет! Пойдет слух, что зубы у нас сточились… – Ментовский Вовкулака содрогнулся, словно собираясь высказать самое страшное предположение, настороженно огляделся по сторонам и почти прошептал: – Глядишь, и жабы со змеями уже тут как тут – за своей долей приползли!

– Подумаешь, конкуренты – жабы, – презрительно фыркнул Рудый.

Майор поглядел на него, как на умственно отсталого:

– Иногда такое впечатление, что ты не моего помета! У меня таких глупых щенков быть не могло. Ты хоть соображаешь, на кого хвост поднимаешь? Да лучше три соколиные стаи, чем одна-единственная змея-оборотень или, не приведи бог, жаба! Как ни противно признавать, но с соколами мы одинаковые! Их и наши предки получили свою Силу здесь, у этих самых камней! Мы научились оборачиваться в волков, они – в птиц! – продолжал бушевать майор. – А змеи с жабами совсем наоборот! Они и есть змеи с жабами, которые умеют оборачиваться в людей! И пути их иные, не наши! Они в честную драку не полезут, они всё извиваются, комбинации у них хитрые, куда там ЦРУ… Вон, хоть самый знаменитый пример, как они внедрили свою жабу зеленую в царскую семью! А она и развернулась! Двух старших наследников перед царем подставила. Союз правящего дома с

дворянством и купечеством развалила. – Вовкулака принялся загибать пальцы. – Сама тем временем вместе с сообщниками царя медленно отравляла – караваем, рубашкой, пропитанной ядом. Придворное боярство на галлюциногены подсадила: им, беднягам, то винные озера мерещились, то обглоданные лебединые кости оживали. Мужа вообще полностью подчинила – у их жабьего яда специфические испарения, мужики от них просто шалеют! Одно счастье, перестаралась: муженек ее в такой экстаз впал, что пожелал ее постоянно в человеческом облике видеть. Истребил истинную жабью составляющую, тут вся хитрая комбинация и накрылась. Случайность цивилизацию спасла! Да что я тебе рассказываю, или ты в детстве сказок не читал?

Ирка вдруг понимающе кивнула, словно отлично поняла, что именно Ментовский Вовкулака имел в виду.

– Это он о чем? – недоуменно спросила Танька.

– О Царевне-лягушке, – бросила Ирка. – Так я и знала, что с этой историей нечисто!

– А ведь она бы потом и муженька загрызла, – мрачно добавил майор. – Зубы у жаб-оборотней – будь здоров, и противоядия от их яда не существует!

Ирка вздрогнула. Если бы тогда, в ее доме, зубастая жаба прокусила туфлю…

– Законы у нашего мира древние и очень простые! Один раз дашь слабину – и всё, конец! – заключил майор. – Поэтому сегодня мы с ними будем драться, хотя надежды выжить практически никакой.

– Современные-то они современные, а сами по древним законам живут, – вздохнул прячущийся в ветвях Богдан.

– Это не древние, это вечные, – шепнула Танька. – По ним у нас хоть бандиты, хоть бизнесмены, хоть оборотни…

– Ты, Рудый, вперед-то в драке не суйся. – Ментовский Вовкулака просительно поглядел на рыжего. – Может, уцелеешь. Женишься на своей… – Он пожевал губами, будто сглатывая слово, и выдавил: – …Красавице, наплодишь новых волчат.

– Ты что говоришь? Вы за нас сражаться будете, а я за спинами отсиживаться? Не будет такого! – Лицо Рудого вдруг озарилось. – Драки тоже не будет! Я знаю, что делать!

– Что ты там знаешь, щенок, – поморщился майор. – Иди, зови остальных. Солнце садится, Солнцеворот в силе, как стемнеет, можно начинать.

– Не веришь мне, и не надо, – усмехнулся молодой вовкулака. – Все будет хорошо! Я женюсь, и вы на свадьбе погуляете…

Рудый кувыркнулся через нож. Серый с рыжеватыми

подпалинами волк широкими скачками понесся по тропе.

– Ага, и Днепр сметаной потечет, – вслед ему добавил майор. – Ох, мальчик, мальчик! – Старый оборотень устало присел на край каменного кольца.

– Не нравится мне все это, ох как не нравится! – бормотала Ирка, тревожно вглядываясь в печальную фигуру у древнего алтаря.

– Отползаем через чащу и сматываемся, – с готовностью предложила Танька. – И правда, ну его, этот остров, святилище, оборотней!..

– Ну уж нет! Вот теперь я никуда не уеду! – отрезала Ирка. – Стоило их в прошлый раз спасать, чтоб теперь они друг дружку под корень извели!

– Почему я знала, что ты это скажешь? – безнадежно вздохнула Танька.

Глава 15. Р-рви их!!!

В сгущающихся сумерках серые тени проскальзывали на поляну. Мягко переступая лапами, волки входили в разомкнутое кольцо и укладывались на еще хранящие солнечное тепло камни.

Раздался шум многочисленных крыльев, и на каменную «восьмерку» разом опустилась соколиная стая.

Оборотни замерли неподвижно, меряя друг друга взглядами через все пространство поляны. Солнце село, но на поляне стало словно бы светлее. Присмотревшись, Ирка поняла, что это медленно разгораются сами каменные кольца, заливая все вокруг светом.

С тропы донесся топот лошадиных копыт. Две хорошо откормленные лошадки, вороная и гнедая, притрусили неторопливой рысцой.

– Время! – резким мяукающим голосом бросил полицейский с круглой кошачьей физиономией. – Не желают ли противники помириться?

– Помиритесь, га? Ту вашу кралю – шоб ее пидняло та об землю гэпнуло, та ще раз пидняло – на шо ее делить?! Хиба що напополам, та потим съесть? – Длинноногий дядька Мыкола сдвинул на затылок милицейскую фуражку.

Оборотни молчали.

Кругломордый раздраженно фыркнул:

– Есть ли у противников претензии?

– Есть! – неожиданно отозвались соколы, и над каменной «восьмеркой» встал их старший. – Судья не объективен! У вас с вовкулаками общие интересы!

– Ты что хочеш-шь сказать, птичка? – злобно растопырив усы, прошипел кругломордый. – Что я тоже волк?

Ирка ясно увидела, как в седле гнедой лошадки сверкает растопыренными когтями готовый к броску кот.

– Та ни, он, мабуть, хочет сказать, что ты тэж мент, – пробурчал дядька Мыкола, успокаивающе поглаживая кота по спине.

– Если господам угодно, я могу быть судьей. – На поляну вышел Пылып з конопэль. – Мы с ребятами как раз хорошо расслабились и решили слегка поразвлечься.

Затаившаяся в кустах троица увидела, как на противоположной стороне поляны, выбирая лучшие места, рассаживаются Филипповы волхвы. Поплыл сизый дымок.

– Работнику правоохранительных органов ты, Балабан, значит, не доверяешь, а для этой… преступной нечисти готов шоу

устроить? – Возмущенный майор навис над старшим соколом.

– Мы всю ночь будем болтать или все-таки драться? – глядя на майора сверху вниз, бросил сокол Балабан.

– Та краще б болтали! – тяжко вздохнул дядька Мыкола. – Ладно, втрьох судить будем! Или кого-то и цэ не устраивает? – И даже Ирка в кустах поежилась под тем жутким горящим взглядом, которым нескладный, похожий на Дон Кихота человек обвел поляну.

Лошадей отвели в сторону, троица судей уселась за краем поляны.

– Ну що… – Дядька Мыкола снял фуражку, пригладил редкие волосы. – И не хочется, а починаты трэба…

– Стойте! – Принявший человеческий облик Рудый вышел из каменного кольца.

Балабан презрительно хмыкнул:

– Никак струсил, женишок! Что ж, возвращай невесту…

– Что-то я не поняла, с кем из них сама невеста? – сквозь листву и сгустившийся сумрак вглядываясь в происходящие на поляне события, шепнула Танька. – Чего они ее друг у друга требуют?

– Поиздеваться хочешь, Балабан? – Рудый гордо выпрямился. – Я-то не трус! А вот как насчет твоего парня? Слабо со мной один на один, любым оружием, в человеческом облике? Кто победит – тому и девушка.

– Ох уж да, ты не трус, – язвительно протянул Балабан, но видно было, что за едким тоном он скрывает тревогу. – У вас разные весовые категории! Ты ж вдвое больше!

– Ну, пусть дружка возьмет, нет, двоих, – издевательски предложил Рудый. – Как раз сравняемся!

– Ты, знаешь, не увлекайся, – буркнул майор у Рудого за спиной.

– Да ладно, командир, этого цыпленка щипаного первая попавшаяся ведьма бутылкой кваса уделать может, – хмыкнул Рудый.

– У меня такое чувство, что я сейчас начну болеть за соколов, – прокомментировала негодующая Танька.

Белая птица с неровно выстриженными перьями взмыла с каменной стелы и грянулась оземь.

– Хватит! – Низкорослый крепыш с разводами мазута на лице гордо вскинул голову. – Деремся!

Они стояли друг против друга. Широкоплечий вовкулака легко держал у бедра десантный нож. Низкорослый сокол натягивал на руку длинную, по локоть, перчатку, усеянную острыми стальными шипами.

– Цестус! Вроде кастета, только круче – хоть кистью, хоть локтем бить можно, – шепнул Богдан, с интересом знатока присматриваясь к приготовлениям.

Оборотни сбились в кучки возле своих каменных кругов.

Хищно пригнувшись, бойцы двинулись навстречу друг другу. Пружиня на полусогнутых ногах, они кружили, будто не на бой сошлись, а на танец. Вовкулака несколько раз обманно повел ножом – опытный боец, он не спешил нападать. Затянутая в перчатку цестуса рука сокола дергалась наперехват… Опускалась… Тот нервно усмехнулся:

– Что, на свидания ты так же торопишься?

Нож метнулся вперед. Легко увернувшись, сокол пропустил лезвие мимо себя. Шипы цестуса ударили вовкулаке в висок. Но Рудый уклонился…

Противники снова закружили. Их руки стремительно замелькали. Сверкал клинок, выбивая искры из шипов перчатки, сталь билась о сталь.

Железные пальцы Рудого ухватили Кречета за плечо, рванули к себе, животом прямо на выставленный клинок. Соколы отчаянно закричали… И в ту же секунду цестус взметнулся, разбивая Рудому подбородок и губы.

Бойцы разлетелись в стороны, замерли друг напротив друга.

Кречет медленно отнял окровавленную ладонь от живота. Криво улыбнулся:

– Ерунда, царапина! А вот ты ей теперь вряд ли понравишься! С такой-то рожей!

Рудый мучительно шевельнул разодранным ртом:

– Много… болтаешь!

Струйка крови текла у вовкулаки по подбородку. Струйка крови текла у сокола по животу. Первые капли упали на утрамбованную землю.

Ирка почувствовала, как нечто в каменных алтарях словно повело носом, принюхиваясь.

Противники вновь ринулись навстречу друг другу. Сшиблись, сцепившись, покатились по земле, разомкнулись… Вовкулака держал соперника за волосы, запрокидывая ему голову, а в горло соколу упиралось лезвие клинка.

– Отдавай… – начал Рудый.

Противник с силой ударил локтем назад. Щипы цестуса вонзились вовкулаке в живот… Рудый отпрянул, зажимая ладонями рану… Нож выпал из рук…

– Сравнялись! – хрипло вскрикнул сокол, выворачиваясь из волчьей хватки. Замахнулся цестусом, нацеливаясь добить шатающегося противника…

– Еще нет! – рявкнул Рудый. Поднырнул под кулак и заехал врагу коленом под дых.

Сокол захрипел, согнулся пополам, и тут же колено Рудого впечаталось ему в физиономию, с хрустом ломая переносицу.

– Вот теперь – сравнялись! – взревел вовкулака, швыряя сокола оземь и наваливаясь сверху.

Похожие, будто отражения, одно окровавленное лицо нависло над другим…

Вопя от возбуждения, Филипповы волхвы вскочили на ноги…

Тело сокола поплыло, меняя очертания. Отчаянно молотя крыльями, громадная птица вырвалась из человеческой хватки. Загнутый клюв походя долбанул вовкулаку в лоб. Сокол взмыл…

Прикрывая голову руками, вовкулака перекатился в сторону, кувыркнулся через валяющийся клинок… Падающего сверху сокола встретила распахнутая волчья пасть.

Кости крыла страшно хрустнули в крепких волчьих челюстях. Держа в зубах бьющуюся птицу, волк бежал к алтарю каменного кольца. Над «восьмеркой», отчаянно и бессильно крича, метались птицы.

– Давай, сынок, давай! – бешено орал майор.

Рудый мотнул башкой, с размаху швыряя трепещущего сокола между стелами. Тяжелое тело ударилось о камни. Задыхающийся, окровавленный человек лежал на алтаре.

Другой такой же задыхающийся и окровавленный человек навалился на него.

– Мой вер-рх, мой! – рычал Рудый. – И она тоже – моя! Верни!

Ирка увидела, как поверженный медленно, с трудом покачал головой.

– Она… с тобой… – шевельнулись разбитые губы. – Ты… отбил…

– Вр-решь! – сильные пальцы Рудого сомкнулись у противника на горле.

Сокол захрипел, задыхаясь.

– Да он же его сейчас убьет! – Ирка вскочила на ноги…

Грянул выстрел.

Молодой вовкулака дернулся, запрокидывая голову. Схватился за грудь. И рухнул на алтарь рядом с бесчувственным соперником. Кровь врагов смешалась.

Каменные круги вдруг разом содрогнулись, будто от землетрясения. И вспыхнули неистовым светом! Камень алтаря едва слышно вздохнул, и Ирка увидела, что кровь впитывается в него, будто в губку. Юная ведьма почувствовала, как из камней выглянуло нечто. Оббежало взглядом поляну… И точно

приготовилось к рутинной, изрядно надоевшей, но – что поделаешь! – нужной и важной процедуре.

– Волк – жертва, волк! Не сокол! – радостно проклекотал старый Балабан, вскакивая над «восьмеркой». – Но… кто стрелял? Кто? – Он растерянно обвел глазами окаменевших от неожиданности судей и зрителей.

– Издеваешься? – прохрипел майор. – Р-рви их!

Перемахивая через каменное кольцо, громадные волки кинулись на середину поляны. Дикий вой атакующей стаи располосовал ночь. Навстречу, яростно клекоча, неслись соколы. Хищно растопыренные птичьи когти вонзились в вовкулачий загривок. Могучий загнутый клюв ударил в крепкий волчий лоб, швыряя вовкулаку наземь. Молотя крыльями, по двое-трое соколов налетали на огрызающихся волков. Но где-то уже волчьи зубы крошили тонкие птичьи косточки, и сокол с перебитым крылом бессильно бился на окровавленной траве… Тьма полнилась криком, хрипом, стоном, клекотом, яростным щелканьем челюстей.

Глава 16. Разойдись по алтарям!

– И-и-и!!! – Деревья у края поляны словно прыгнули в разные стороны, стремясь убраться с дороги того неистового, верещащего, в вихре развевающихся черных волос, что вылетело на поляну.

– И-и-и!!! – Крепкая деревянная швабра вломилась в самую гущу дерущихся, завертелась, расшвыривая их в разные стороны.

– Ну наконец-то! – громко выдохнул тощий, похожий на Дон Кихота мент, снимая фуражку и вытирая клетчатым платком вспотевшую голову. – Я вже думав, ты в цих кущах все життя просыдишь!

– Если вам что-то не нравится, делайте сами! – огрызнулась с метлы Ирка, одновременно сгребая двух соколов за хвосты и отшвыривая их в сторону. – А ну, мар-рш по своим местам! Р-разошлись! Бр-рейк!

Твердое перекрестье швабры съездило по оскаленным волчьим зубам. Тут же на вовкулаку сверху спикировала светловолосая ведьма и, испуганно приговаривая: «Ох, порвут они нас, ох, порвут!» – твердой рукой вцепилась в волчий загривок и поволокла зверя прочь.

– Усыпи меня, усыпи, я вам помогу! – Худенький мальчишка, потрясая затупленным игровым мечом, смешно подпрыгивал у края поляны.

На бреющем полете проносясь мимо, светловолосая ведьма перевесилась с метлы и походя ткнула паренька растопыренными пальцами в лицо.

Тот шарахнулся назад:

– Ты что…

Но договорить не успел. Упал в траву, и оттуда послышался тоненький, совсем детский сонный посвист. А над мирно посапывающим мальчишкой взмыла другая, тоже мальчишеская фигура. Взвился рыцарский плащ, и тяжелый меч плашмя обрушился на спину подвернувшемуся вовкулаке.

– Сон мальчонке постереги, как бы не разбудил кто, – озабоченно сказал дядька Мыкола круглолицему полицейскому.

Тот кивнул, и тут же толстый кот, лавируя между дерущимися, пересек поляну и клубком свернулся у Богдана на груди. Завел уютную песенку. Мальчишка завозился, устраиваясь поудобнее… Грозя острием и прикладываясь к головам рукоятью, здухач отдирал разошедшихся вовкулаков от их противников.

– Кыш, кыш! – размахивая руками, точно отгоняя воробьев, Танька неслась навстречу соколам.

Разъяренные птицы зависли в воздухе…

Всего на краткое мгновение сражающиеся волки и соколы оказались по разные стороны поляны.

И в этот самый миг Ирка яростно плюнула на перекрестье своей швабры. С размаху вонзила один ее конец в землю. И, выкрикнув: «Доселе дойдешь, не перейдешь!» – потянула швабру, будто плуг.

Тупой деревянный край швабры вспорол землю, как стальной клинок. Жирная черта рассекла поляну наискось, разделяя противников. Ирка стремительно взмыла в воздух.

Танька и здухач ринулись за ней, убираясь с дороги оборотней. Яростно рычащие и клекочущие противники вновь кинулись друг на друга… И со всего маху впечатались в невидимую преграду. Острые волчьи когти царапали ее, долбили загнутые птичьи клювы. Стена стояла недвижимо.

– Эй, парни, чего деретесь? – выкрикнула сверху Ирка.

Бешено завывающие волки, хлопающие крыльями птицы продолжали бесплотные попытки, не обращая на девчонку ни малейшего внимания.

– Ты в курсе, что разделительное заклятье держится всего десять минут? – поинтересовалась Танька, подлетая.

– Порадовала, – буркнула Ирка, растерянно глядя на беснующихся внизу оборотней. – Да замолчите вы! – отчаянно закричала она, безуспешно пытаясь перекрыть вой и клекот. – Послушайте меня!

– Ти-иха! – громовой бас прокатился над поляной.

Твердь содрогнулась. Звуковой волной разметало соколов. Сбитые с ног волки покатились по земле. Град ломаных сучьев и листвы обрушился с окрестных деревьев.

Дядька Мыкола отнял сложенные рупором ладони ото рта. Снял фуражку, огладил редеющие волосы и укоризненно поинтересовался:

– Чи вам всим повылазило? Чи вас мамки не воспитывали? Дивчина говорит, а воны оруть! От бовдуры! – Он неторопливо сел.

– Что нужно девчонке? – сверкая круглыми глазами, вопросил глава соколов.

– Не тряси перьями, Балабан! – рыкнул майор, поднимаясь с земли. – Совсем сдурел, на Хортову кровь наезжать? Да еще прямо здесь… – И он настороженно, почти испуганно зыркнул по сторонам.

Балабан нервно сглотнул:

– Э-э… Так что вы хотели узнать, девушка?

Ирка поерзала на швабре:

– Я спрашиваю, из-за чего вы деретесь?

Волки и соколы неуверенно замялись, переглядываясь.

– Отвечать треба, йолопы, колы вас спрашивают! – наставительно объявил со своего места дядька Мыкола.

– Из-за него… – послышался слабый голос от круглого алтаря.

Окровавленный Рудый сел, тяжело опираясь спиной о каменную стелу, и ткнул пальцем в противника.

– У меня… невеста… – мучительно выталкивая слова, прохрипел вовкулака. – Любит меня… А он… – Он снова ткнул пальцем соколу в грудь. – Отбил…

– Неправда! – Сокол дернулся от тычка, здоровой рукой уцепился за второй стоячий камень, приподнялся. – Она моя невеста, а ты ей голову заморочил! – Он попытался в ответ тоже тыкнуть в Рудого пальцем, но сломанная рука не слушалась. – Думаешь, не знаю, как ты с моей девушкой на квартире у вашего командира встречался?

– У меня? – Майор подпрыгнул на месте. – Чтоб какая-то вертихвостка в моем доме ошивалась?!

– Она не вертихвостка! – дружно вскричали Рудый и сокол, зло переглянулись и снова завопили в один голос: – Она самая прекрасная!

– Погодите! Стойте! – вдруг вскричала Ирка. Какая-то догадка назойливо, будто муха, металась у нее в голове, но поймать себя не давала. Ведьма дернула ногой. – Подождите-подождите, сейчас соображу! – От беспорядочных движений швабра вильнула и перевернулась, подвесив хозяйку вниз головой. Девчонка отчаянно взбрыкнула, выпрямилась, снова заерзала, ловя на себе веселые взгляды оборотней. – А вот эта самая прекрасная, она случайно не такая вся из себя блондинка, розовенькая, вот с такими зелеными глазищами? – Ирка растопырила пальцы возле глаз. – И вот с такой… – Девчонка скруглила руки перед грудью и тут же смущенно спрятала их за спину. – На телевидении работает?

Рудый и Кречет восторженно заорали:

– Да, да, да! Она, она, она!

– Так почему вы все-таки деретесь? Вы что, за все это время не могли поговорить, разобраться? – возмутилась Ирка.

– Да я ее сколько уже не видел! – в один голос вскричали женихи. – Она все время с ним! – И они дружно ткнули один в другого пальцами.

– В спа-центре вы оба были, и она тоже! Чем между собой драться…

– Не было ее там! – отрезал Рудый. – Я ж сам людей выводил,

что я ее, не заметил?!

– Не было! – подтвердил второй. – Я ж их сам запирал!

– Ну, сейчас бы поговорили, она здесь где-то передачу про какие-то соревнования ведет… – Ирка вдруг осеклась и задумчиво пробормотала: – И у майора возле дома как раз перед нападением тоже передачу снимали…

– Тэк-тэк! – протянул дядька Мыкола. – Рудый говорит, що його невеста с соколом, сокол каже, що з Рудым, и жодэн ее уже давненько не бачив. Алэ ж, як волки з соколами дерутся, вона дэсь поблизу. Хотив бы я поглядеть на ту невесту, що за цаца!

– Ах, как я вас понимаю! – прозвенел голосок-колокольчик. – Смотрите, конечно! Я вам даже свою фотографию подарю. С автографом!

Глава 17. Верное средство против блондинок

Ступая на носочках и для равновесия держа на отлете руку с зажатой в ней крохотной сумочкой, прекрасная блондинка торопливо пересекла поляну. Легко вскочила на малый каменный круг с единственной стелой, лежащий как раз по центру между волчьим «бубликом» и соколиной «восьмеркой». Словно приветствуя ее, круг коротко полыхнул мрачным красным огнем.

Блондинка приподняла ножку, бросила озабоченный взгляд на каблучок модных лодочек:

– Чуть-чуть не сломала! Ужас-ужас! – Она оправила ухоженные золотые волосы и весело помахала пальчиками блаженно пялящимся на нее оборотням. – Ма-альчики, при-ивет!

Оборотни забормотали в ответ что-то радостное и дружно шагнули поближе.

А она уже вскинула глаза вверх, недовольно поморщилась, натолкнувшись на ведьм, и тут же призывно затрепетала ресницами, заметив здухача.

Впервые Ирка увидела, как выражение лиц спящего Богдана и его двойника стали совершенно разными. Лицо мальчишки расплылось в восторженной улыбке, и даже во сне он подался навстречу блондинке. Зато здухач сурово нахмурился и отпрянул. Мурлычущий у Богдана на груди кот завел свою песенку громче, в ней прорезались тревожные нотки.

А блондинка уже вела взглядом по рядам зрителей…

– Ах ты ж… – Дядька Мыкола зло сплюнул и отвернулся.

Густой клуб сладковатого дыма окутал Пылыпа з конопэль и всех его волхвов.

– Не трудитесь, сударыня! – донеслось из дымных глубин. – У меня абсолютно другая сфера интересов.

– Фи! – Блондинка презрительно задрала носик и отвернулась. И тут глаза ее остановились на алтаре, где, привалившись к камням, сидели ее раненые женихи. Розовые губки дрогнули в улыбке.

– Рудый, волчонок мой серенький! Здравствуй-здравствуй, чмок-чмок! – Губки вытянулись в трогательную трубочку, целуя воздух. – Птичка моя! Чмоки-чмоки! – Блондинка сложила ручки, как пай-девочка, и, задыхаясь от нежности, произнесла, глядя на обоих: – Как же я рада видеть тебя, любимый мой мальчик!

Оба жениха счастливо вздохнули от полноты чувств… Потом неуверенно замерли, задумавшись:

– А кто из нас твой любимый мальчик? – в один голос спросили они.

– Ну конечно же, ты, дурачок! – нежно проворковала блондинка, продолжая глядеть на обоих.

Соперники неуверенно покосились друг на друга.

– А не могла бы ты показать… – опять в унисон начали они.

– Вот глупенький, – пожала плечами блондинка. – Ты, ты! – Тонкий пальчик с художественным маникюром указывал точно между противниками.

– Она показала на меня, – напряженным тоном сказал сокол.

– На меня! – рявкнул Рудый. – А ты в пролете, птичка!

Охая от боли, соперники повернулись и слабыми пальцами вцепились друг другу в глотки.

Блондинка запрокинула голову и звонко расхохоталась.

– Она наша! – взвился Балабан.

– Нет, наша! – стукнул кулаком по ладони Ментовский Вовкулака.

Гигантские волки, рыча, припали к земле. Громадные соколы широко распахнули крылья.

– Стена уже развеялась, – буркнула Танька. – Сейчас снова кинутся. – Ну хоть бы ты эту заразу оттуда ссадил! – Девчонка резко повернулась к здухачу, тыча пальцем в изящно прислонившуюся к каменной стеле блондинку. – Перебьют же друг друга!

Здухач коротко кивнул и ринулся вниз. И тут же во сне отчаянно, протестующе закричал Богдан. Спящий мальчишка выгнулся, стряхивая с себя кота. Планирующий здухач задергался, как марионетка, которую дергает за веревочки сумасшедший кукольник.

Смех-колокольчик снова поплыл над поляной.

Меч вывалился у здухача из рук. Кувыркаясь, полетел вниз. Кончиком чиркнул по пылающей алым огнем каменной стеле. Одна-единственная искра сорвалась с клинка. И сквозь эту искру Ирка успела бросить на блондинку один-единственный взгляд.

И в это мгновение ей все стало ясно. Все, что она успела увидеть и услышать о самой прекрасной и ее двух женихах, вмиг сложилось в единую картину, будто пазл. Ирка почувствовала, как волна поднимающейся ярости давит ей на уши!

– Вот гадина! – в сердцах взревела она. – Танька, зеркальце дай!

Блеснув в лунном свете, маленькое карманное зеркальце упало ей в руки.

Ирка поймала отблеск оранжевого света каменных колец:

– Зайка, зайка, побижи, нам всю правду покажи, хто здесь хто,

та хто здесь есть… – в ритме детской считалочки забормотала Ирка и повела зеркальцем.

Легкий блик света сорвался со стекла и, весело сверкая, заскакал по рядам взбешенных оборотней. И под его невесомыми прикосновениями таяли очертания соколиных перьев и выворачивались наизнанку волчьи шкуры, открывая людей, людей, людей… Лучик перепрыгнул на зрителей, коснулся Пылыпа з конопэль. Самоуверенный, богемного вида очкатый бородач исчез, превратившись в омерзительного рогатого черта с слюнявой жадной пастью и бессмысленными, как оловянные пуговицы, глазами. Блик заметался по Филипповым волхвам, и те стали исчезать, словно их и не было никогда, на месте каждого оставалась лишь пустота. Мигнул перед дядькой Мыколой, и в лучах его света на месте длинноногого нескладного полицейского прорисовались контуры могучего великана. Зайчик пронесся мимо и ринулся на блондинку!

Световой блик впечатался ей точно в лоб, между ухоженными темными бровями.

В каменном кругу, под стелой, ритмично раздувая зеленое горло, восседала здоровенная бородавчатая жаба. Ее вытаращенные глаза неподвижно пялились на замерших от отвращения людей, а с мелких острых зубов капля за каплей сочился темный яд.

Глава 18. Ирка – Хортица на все сто

– Паршивое в этот раз зелье, Филипп, – проявляясь на прежнем месте, задумчиво объявил седой мужик.

– Почему это? – нервно поправляя очки, поинтересовался бородач.

– От хорошего жабы в красавиц превращаются, а у тебя всё наоборот, – тыча в сторону каменной стелы, пояснил седой.

– Вона и справди самая… – согласно кивнул дядько Мыкола. – Якщо сэрэд жаб.

– Это что же? – взвыл майор. – Вот это всё… – Широким жестом он обвел взрытую, заляпанную кровью, шерстью и перьями землю, израненных и ободранных оборотней, едва живую парочку женихов. – Даже не ради бабы? Ради жабы?

– Ми-илый, я что, твоему папе не понравилась? – Блондинка обиженно выпятила губки, укоризненно подняла на Рудого огромные, зеленые, затянутые пеленой слез глаза… Лишь наманикюренные пальчики, нервно теребящие романтическую оборку на юбке, выдавали ее неуверенность.

– Ты знаешь, дорогая, мне тоже… как-то… не очень… Ты бы хоть заранее предупреждала… Нет, я, может, конечно, и сам не всегда по-человечески себя веду… – забормотал Рудый и задергался на алтаре, стараясь отползти подальше, словно боялся, что возлюбленная сейчас на него прыгнет. – Ты не думай, я не расист… Мне и черненькие нравятся, и желтенькие… Только вот зелененькие и пупырчатые смущают…

– Предатель! – презрительно выдохнула блондинка и перевела трагический взгляд на сокола. – Ты один можешь защитить меня от этих волчьих оскорблений, о мой бесстрашный орел!

– Я вообще-то сокол! – потерянно сказал молодой сокол и метнул на своих сотоварищей молящий взгляд.

– Сам на это… зеленое налетел, сам и разбирайся, – прокряхтел старый Балабан, зажимая ладонью кровоточащее плечо. – Мы и так достаточно сделали.

– Наделали, – себе под нос уточнил майор и нехотя буркнул: – У меня бинт есть, перевяжись, что ли…

– Неужели ты оставишь меня, одинокую, без помощи? – Блондинка простерла к жениху розовые ручки.

Молодой сокол торопливо подался назад, чуть не упав на грудь своему недавнему врагу Рудому.

– Я не то чтобы отказываюсь… – зачастил он. – Я глубоко уважаю тебя как человека… – Он осекся. – То есть как личность. И

как женщину с большим жизненным опытом, во! Ты вся такая необыкновенная. И выглядишь изумительно. Иногда. Для своих лет. Но понимаешь, я еще слишком молод, чтобы оценить зрелую женщину… – Вдруг физиономия его просветлела. – Да к тому же ты ведь замужем! Замужем, замужем, я про это еще в детстве читал! Не знаю, может, ты там со своим Иваном-царевичем поссорилась, но я ни за что не согласен рушить вашу семью!

– Современные мужчины! На словах они такие свободные, передовые, а как доходит до дела… – Хорошенький ротик скривился. – Иван хотя бы любил меня такой, какая я есть! – Царевна-лягушка гордо вскинула головку. – И что? Из-за какой-то ведьмы в дешевых шмотках я никому уже не нужна?

Ирка злобно зарычала.

– А я тебя предупреждала: шмотки надо фирменные брать, чтоб никакая жаба на тебя квакнуть не могла… – забубнила сзади Танька.

– Какая-то белесая толстуха, под которой даже швабра гнется, мою внешность комментирует, и все молчат?!! – требовательно завопила блондинка.

– Это подо мной-то швабра гнется? Да я об тебя ее сейчас сломаю! – гаркнула в ответ Танька.

Стремительно спикировав вниз, она подхватила швабру и, вскинув ее над головой, как дубинку, ринулась к Царевне-лягушке.

Деревянная швабра шарахнула по пылающей алым огнем каменной стеле, заставляя красотку отпрянуть в сторону. Взлетела снова… Телеведущая метнулась за стелу. На глазах у задыхающихся от хохота зрителей элегантная красавица скакала на высоченных каблуках по каменному кругу, спасаясь от вооруженной деревяшкой полненькой девчонки.

А Ирке виделось другое. Толстая жаба прыгала вокруг каменной стелы, а за ней, рассыпая вокруг себя зелень колдовских искр, неслась разъяренная ведьма с сияющим белым огнем молотом в руках. И там, где молот врезался в круг, бессильно гасло зловещее алое свечение камней, оставляя после себя лишь темные мертвые пятна. У Ирки на глазах пятна покрывались сетью трещин, камень начинал крошится, осыпаться… А молот лупил все ближе и ближе к мечущейся вокруг стелы жабе.

– Помогите! Волки! Соколы! – отчаянно заверещала «невеста».

– Уж извините, ваше лупатое царское высочество, – вытирая выступившие от смеха слезы, простонал майор. – В девчачьи разборки не вмешиваемся.

– Мамки-няньки! Гример! Продюсер! Ну хоть кто-нибудь! –

Деревянная швабра съездила блондинку по плечу. Шелковый рукав задымился, по нему расползлось горелое темное пятно, словно на ткань поставили раскаленный утюг, остро запахло паленым. На открывшейся белой коже плеча наливался красным широкий ожог.

– Ага! – Торжествующая Танька с силой ткнула перекладиной швабры в блондинку, прижимая ее спиной к стеле.

От толчка та выпустила сумочку. Замочек открылся… На камень выпал крохотный дамский пистолетик.

– Ось хто стриляв!.. – протянул дядька Мыкола. – А хоть ты и жаба, упеку я тебя, краля, прям як людыну! За незаконное хранение оружия, нападение на сотрудника полиции, нанесение важких телесных… – Он начал загибать пальцы.

– Провоцирование межнациональных конфликтов! – быстро вставил майор.

Дядька Мыкола покосился на него неодобрительно:

– Молодый ще, вовкулаче, мэнэ вчить, але ж хай будэ до кучи! – И он загнул еще один палец. – Шо, краля, посыдышь трохи, лет так десять, га?

Царевна-лягушка раздула горло и издала квакающий вопль:

– Хозяин! Хозяин! Хозяин!

– Кто?!! – чуть не падая со своей швабры, вскрикнула Ирка.

Изумленная Танька остановилась, так и замерев с деревяшкой в руках.

Язык лилового пламени ударил из древних камней. Посреди него затрепетала тень. Сгустилась. Гибкая мужская фигура в плаще из тьмы шагнула вперед. Из-под клубящегося мрака капюшона мрачным красным огнем сверкнули змеиные глаза с узкой щелью вертикального зрачка. Коротко и остро блеснул перстень с кровавым рубином.

Поляна наполнилась тихим зловещим шипением. Ирка глянула вниз. Травы не было видно. Вместо нее поляну сплошным ковром покрывали блестящие, извивающиеся змеиные тела. Змеи струились, обтекая ноги замерших в неподвижности оборотней. Сплетались в клубки вокруг спящего Богдана и застывшего у него на груди кота. Вставали на хвосты, трепеща язычками прямо в лицо дядьке Мыколе. Змея извивалась на перекрестье Танькиной швабры. Змеи заползали на каменные кольца, глуша своими телами их оранжевое свечение. Две толстые гадюки свешивались со стел центрального алтаря, на котором, прижимаясь друг к другу, как испуганные дети, сидели недавние соперники.

– Говорил отец, эта история добром не кончится, – простонал Рудый.

– Старших надо было слушаться, а не за жабами бегать, –

уныло ответил сокол.

– Хозяин! – Блондинка, теряя туфли, бросилась к фигуре в темном плаще. – Не гневайся на меня, хозяин! Опять не получилось! – Царевна коротко всхлипнула и ткнула пальцем в парящую в воздухе Ирку. – Это все она, она!

– Ну почему же, на этот раз ты справилась. – Мрак под капюшоном благосклонно кивнул, узкие зрачки загорелись торжеством. – Лучше было б, конечно, если б вы сами истребили друг друга, Симаргловы выкормыши! – крикнул он окруженным оборотням. – Но и так тоже неплохо! Что, попались, птенчики-щеночки? Всех под алтарь закатаю! Будет жертвоприношение! Только не Симарглу! Не тебе, ушедший бог! – проорал он и удовлетворенно добавил: – Мне. А ее, последнюю и единственную твою надежду!.. – Он резко простер руку, указывая на зависшую в воздухе Ирку. – На цепь, в намордник!.. В будку!! На всю оставшуюся жизнь!!!

Сплетенная из мрака толстая плеть выстрелила из его руки, захлестнула напрасно старавшуюся увернуться Ирку. Девчонку с силой швырнуло на землю. Она почувствовала, как корчится, изменяется под опутывающими прикосновениями плети. Тонкие собачьи лапы взметнулись из предплечий человеческого тела. Острые когти вспороли кожу кроссовок изнутри. Голову охватил обруч невыносимой боли. Ведьма закричала, но даже ее собственный крик не мог заглушить скрежета черепных костей, выпускающих на волю мягкие собачьи уши.

И этими самыми ушами Ирка услышала, как злорадно хохочет Царевна-лягушка.

– Вот тебе! – вопила та. – Жабой меня выставлять! А сама-то? Монстр! Чудовище!

У Ирки потемнело в глазах. Она проиграла! Она боялась остаться чудовищем и потащила своих друзей на Хортицу, и теперь они погибнут из-за нее, и оборотни тоже погибнут, а она все равно превратится в монстра! Да еще всякие издеваться смеют!

– Сама монстр! Тупая гламурная жаба! – с усилием двигая уже начавшими изменяться челюстями, прохрипела Ирка. – А я – человек! Ведьма! Хортица!

– Хо-ортица… – ясным колокольным звоном отозвалось по острову. – Хо-ортица!

Опутывающая Ирку темная плеть лопнула, словно разорванная гигантской рукой.

– Ду-ура! Свяжись только с тобой! – взвыл человек в темном плаще и одним ударом сбросил блондинку с каменного круга.

Царевна-лягушка кубарем покатилась прямо по устилающим

поляну змеям. А от каменных колец вдруг полыхнуло острым, неистовым торжеством, будто свершилось нечто долгожданное, во что уже не верили, не надеялись, а оно все же пришло, вот оно, вот! Пробиваясь сквозь сплетение змеиных тел, оранжевый свет полыхнул с новой силой.

Ирка тяжело поднялась. Сильные лапы борзой нелепо подворачивались под человеческим телом. Разодранные кроссовки хлюпали на когтистых лапах. Мягкие тряпочки ушей болтались по щекам. Оборотни старательно отводили глаза, не в силах смотреть на изуродованное то ли лицо, то ли собачью морду. У Ирки темнело в глазах, поляна со змеями таяла. Свистящая воронка закручивалась, неся девчонку вглубь, вглубь, навстречу сплетающимся каменным кольцам.

– Протолча… – на пределе слуха прошелестел призрачный голос.

Сквозь мрак проступили расплывчатые фигуры. Славянские витязи в плетеных кольчугах и плащах из волчьих шкур кружили возле украшенного двумя стелами круга в центре разорванного каменного кольца. Связанную жертву опрокидывали на алтарь, взблескивало в оранжевом свете длинное лезвие меча…

– Симаргл!!! – неистово завывающая вовкулачья стая вставала над окровавленным алтарем.

– Гилея… – откликался другой голос.

Дрожало святилище от конского топота, и неслись вокруг каменной «восьмерки» усатые скифские всадники, сбрасывая к подножию стел беспомощных пленников, и короткое лезвие акинака погружалось в человеческую грудь…

– Симаргл!!! – широко распахнув крылья, соколы разлетались прямо с седел.

– Симаргл… – с трудом шевеля губами, едва слышно выдохнула Ирка.

И каменная поляна откликнулась, вся разом, будто только этого слова здесь и ждали.

– Этого недостаточно, моя дивчинка, ты ж знаешь, – шепнул прямо ей в ухо голос дядьки Мыколы. – Напои его кровью, моя дивчинка, напои его жизнью, и он даст тебе свою Силу! Сама спасешься та всех спасешь!

– Дай ему! Дай ему нашу кровь, наши жизни! – твердо откликнулись сокол с Рудым. – Убей нас, спаси себя и остальных, ведь это мы во всем виноваты!

Ирка покосилась на свои когти. Она знала, она чувствовала, как легко, как просто пронзят они тела оборотней, и дымящаяся кровь хлынет на алтарь, и она, Ирка, научится преображаться и разберется со всеми змеями, жабами и их хозяином…

– Нас, нас! – зашептали Ментовский Вовкулака и Балабан. – Мы уже старые, мы жизнь прожили! Возьми нас!

– Нас! Нет, нас! – зашумело по поляне.

– Простите, а самоотводы принимаются? – послышался тревожный голос Пылыпа з конопэль.

И только два голоса, единственные два голоса, которым Ирка придавала значение, молчали. Выжидающе. Осуждающе.

– Если, чтоб помочь нам, Симарглу нужна жертва, так чем он лучше вот этого? – Ирка мотнула головой в сторону темной фигуры в плаще. – Фиг ему, а не жертва, я таким не занимаюсь!

– Ха, так я все-таки победил? – несколько неуверенно уточнил Хозяин, и его красные глаза и рубин на пальце засверкали. – Ты не взяла Силу у Симаргла, и теперь…

– Слушайте, вы с Симарглом тут что, одни? – возмутилась Ирка и прыгнула.

Оббивая о камень лапы, она шлепнулась на всеми позабытый боковой каменный алтарь, окруженный пятью стелами. Девочка почувствовала, как от центрального круга к ней потянулась волна обиды.

– Да пошел ты со своими претензиями! – рявкнула она. – Может, здешней богине тоже нужна кровь, но она ее хотя бы не требует вот так внаглую! – И Ирка со всего маха ударила лапой о камень, раздирая шкуру и обрызгивая своей кровью все пять стел.

– Не обращай на него внимания, девочка! – вдруг откликнулся звонкий женский голос. – Мужчины вечно сперва натворят дел, а потом обижаются! Иди ко мне!

Очень высокая, очень сильная женщина смотрела на Ирку со всех пяти каменных стел с той огромной, беспредельной нежностью, о которой Ирка всегда так мечтала и с которой никогда не встречалась наяву. Женщина исчезла, на ее месте сперва возникла девчонка в рубахе из шкур, потом статная старуха в славянском одеянии, суровая юная всадница с луком за плечами, снова женщина в роскошном восточном наряде… Но взгляд ее всегда оставался одним и тем же. Ласковая ладонь коснулась Иркиных волос, и тихий голос прошептал:

– Все будет хорошо, девочка! Тебе не нужна Симарглова Сила. Всё, что тебе нужно, он и так вложил в твою кровь! Для истинной хортицы хватит всего лишь капли, пролитой на землю Хортицы!

Капли Иркиной крови медленно растаяли на каменных стелах. Девчонка услышала вдалеке заливистый лай. Увидела, как, разбрызгивая во все стороны воду, прямо по глади Днепра мчится громадная хортая борзая. А на спине ее шумят деревья, сильная грудь выпирает скальной кручей, уши и хвост шелестят

степной травой, а могучие лапы стелются тропами… И вдруг Ирка стала расти, ясно и отчетливо понимая, что она и есть эта борзая, она и есть Великая Хортица! Это она всем телом ощущает, как в хортицких сосновых рощах прорывается к свету одинокий молодой дубок, как бьет вода в родниках и огни светятся среди деревьев в ночь Солнцеворота. Почувствовала, как неловко давят на плечо каменные кольца, наложенные на нее суетливыми двуногими блошками. Очень давно. С точки зрения блошек.

Теперь по этим каменным украшениям что-то неприятно, скользко ползало… И тогда она лишь чуть-чуть, едва-едва шевельнула плечом.

Перед глазами снова помутилось…

Широко расставив лапы, Ирка стояла между пятью каменными стелами. Алтарь под ней качался, как при землетрясении. Заполонивших поляну змей сбило в сторону, скатало в здоровенные шипящие клубки… освободив плененных людей!

«Чего встали, сматывайтесь, пока они не очухались!» – хотела закричать Ирка, но вместо этого у нее вырвалось раскатистое, громовое:

– Гав! – И, словно испуганное ее собственным лаем, за плечами у нее что-то затрепетало.

Ирка оглянулась…

«Ну ничего себе!» – в изумлении она свесила язык и тяжело задышала.

За ее сильной, темной, гладкошерстой собачьей спиной красовались мощные крылья! Ирка неуверенно повела плечами… Крылья распахнулись, хлопнули, гоня ветер…

– Хортова кровь! Настоящая! – точно не веря глазам, выдохнул Балабан.

И страшно закричал хозяин перстня:

– Нет, ты не могла, не должна была! Нет!!! Я все сделал, чтоб ты не попала сюда, чтоб не сумела… Я не допущу! Ни за что! – Он крутанул на пальце свой рубиновый перстень.

Окутывающий его плащ тьмы взметнулся кожистыми крыльями в полнеба. Хлестнул чешуйчатый хвост, высекая искры из камней святилища. Шея удлинилась, потянулась вверх… И вот уже над Иркой, мрачно сверкая красным огнем глаз, нависла гигантская башка древней рептилии. Длинная, как у крокодила, пасть распахнулась, показывая острые и огромные, словно мечи, зубы.

– Во гад, так это ж Змей! – запрокинув голову к возвышающемуся над поляной чудовищу, пробормотала Танька. – Здравствуйте-пожалуйста!

– Гей! Тэбэ хто сюды пустыв, змиюко поганый? – раздался возмущенный крик дядьки Мыколы.

Шея Змея вдруг дернулась, словно пушка при выстреле, и из распахнутой пасти вылетел клуб огня, нацеленный точно в стоящую между пятью стелами Ирку. Сильные ноги борзой спружинили, Ирка отскочила в сторону. Огненный шар врезался в камень алтаря и, бессильно зашипев, погас, будто рухнул в воду.

Ирка оттолкнулась лапами… Мощное, послушное, как хорошо отлаженный механизм, тело повиновалось моментально. А соображение… Соображение было ее собственное, ведьмы Ирки Хортицы. Перескочить каменный бортик, ударить крыльями, взмыть, походя крепко цапнув за раздраженно хлещущий Змиев хвост, перепорхнуть неуклюже разворачивающемуся чудовищу за спину. Незнакомыми и непривычными были лишь царившие в душе абсолютное бесстрашие и восторженный азарт схватки: «Ну дайте, дайте мне добраться до этого Змеища!» Ирка чувствовала, что к этим новым ощущениям быстро привыкнет.

Свет центрального алтаря в разомкнутом кольце потускнел, будто обиженно нахохлился, зато круг с пятью стелами на миг озарился зеленым светом ведьмина огня. Вокруг Иркиной шкуры заплясал огненный ореол – изумрудно-зеленый!

Хортица взмыла в небеса. Громыхая, как ракета на взлете, гигантский Змей ринулся за ней. Они зависли друг напротив друга на фоне темных небес.

– А мы чего стоим? – возмущенно спросил Балабан.

Он ударился о свободный от змей пятачок земли под ногами… И вот уже сокол-балабан с налету склюнул змею прямо с Танькиной швабры.

– Вот спасибо! Так, а мы ж с тобой не закончили! – И, часто стукая шваброй по земле, Танька ринулась в погоню за улепетывающей скачками жабой.

С пулеметной скоростью молотя клювами, соколы мчались за расползающимися змеями. Меч прыгнул в руку здухачу, легко рассек змеиный клубок пополам… В прыжке Ментовский Вовкулака скусил башку нависшей над Рудым гадюке…

Ирка весело швырнула Змею в морду зеленый клуб ведьминого огня. Змей мотнул башкой – поток пламени сбило в сторону, кинуло на верхушки деревьев. Боковым зрением Ирка поймала зарево занимающегося пожара. Змей распахнул пасть… Потянул в себя воздух… И тут Хортица поняла, что сейчас она, со всей ее новообретенной мощью, будто муха, проскочит Змею меж зубов и бесследно канет в глотке. Сквозь азарт погони пробилась отрезвляющая мыслишка: «По-моему, я слегка переоценила свои возможности!»

Ирка круто развернулась и, изо всех сил работая крыльями, помчалась над островом. В спину ей бил тугой, злой ветер. Это, проламывая воздух, несся за ней Змей. Ирка инстинктивно метнулась в сторону. Обдав жаром шкуру, огненный шар свистнул над плечом. Хортица снова вильнула, в последнюю секунду успев поджать хвост. Зубы-мечи щелкнули возле самого ее зада.

Ирка заложила крутой вираж, мельком увидав настигающего ее преследователя.

«А он меня почти догнал! А я ему, пожалуй, на один зуб!»

Новый клуб огня полетел в нее. Испуганно тявкнув, Ирка спикировала вниз, нырнула в плотные заросли мясистых стеблей. «Ха, так это ж Пылыпова конопля!» Ирка глянула сквозь решетку стволов. Просветы в зеленой чаще озарились ярким светом. Дохнуло нестерпимым жаром. Хортица кубарем выкатилась прочь. На конопляную рощу обрушился шквал пламени. Купу зелени словно огненным языком слизнуло. Ирка стояла на краю голой выжженной проплешины. Лишь хлопья сухого серого пепла и черной сажи медленно осыпались на землю.

«Надо что-то делать!»

Сзади снова послышался нарастающий свист, и Ирка ринулась к воде. Она пронеслась над кручами. Теперь под ней простиралась гладь Днепра, выступала из воды верхушка самого страшного, самого опасного из давно затопленных днепровских порогов, Тринадцатого.

«Пора!» – сделав в воздухе лихой кульбит, Хортица распластала крылья и зависла точно напротив морды гигантского Змея. Его башка была побольше, чем вся Ирка, даже если считать ее вместе с размахом крыльев. Мрачный, гипнотизирующий взгляд красных глаз Змея гневно уперся в порхающую перед его носом собачонку.

Ирка замерла, как завороженная. Одна-единственная мысль билась в голове: «Если он решит меня проглотить, а не огнем дыхнуть, мне хана!»

Но тут узкие вертикальные зрачки налились торжеством. Змей распахнул пасть пошире, явно намереваясь испепелить ничтожную шавку прямо в воздухе. Ирка увидела, как по длиннючей шее прокатился шар, будто снаряд подавали в гаубицу. Содрогаясь от внезапно нахлынувшего ужаса, она глянула сквозь частокол Змеевых зубищ. В глотке у Змея засветилось, словно лава поднималась в вулкане, готовая вот-вот хлынуть через край.

«Сейчас, вот сейчас!» – из последних сил держась, чтоб не забить крыльями и не ринуться прочь, Ирка подобрала лапы,

сжалась в комок.

Огонь заклубился в Змеевой глотке… И в этот момент с Иркиной шкуры хлынул узкий поток зеленого ведьминого пламени. Прямо Змею между зубов. Будто палкой протолкнул огненный шар обратно ему в горло, скользнул следом.

В животе у чудовища глухо бухнуло. Он содрогнулся всем своим огромным телом. Клубы черного дыма вырвались из ушей и из-под хвоста. Беззвучно раззявилась пасть. И вдруг Змей перевернулся в воздухе, будто подбитый бомбардировщик, и со свистом понесся вниз, туда, где скалилась из воды острая верхушка зловещего Тринадцатого порога.

Сложив крылья, Ирка камнем ринулась следом, обогнала падающего Змея и в последнюю секунду успела всадить в воду еще одно копье ведьминого огня. Волны расплеснулись, вставая по обе стороны, как громадные водяные стены, а под ними обнажился гребень днепровского порога. И на этот гребень, насаживаясь на острые скальные грани, со всего маху рухнула тяжелая туша. Змей страшно закричал… Поднятая ведьминым огнем вода хлынула на место. Образовавшийся водоворот завертел гигантского гада, наматывая его на острие скрытого под водой порога, словно на винт кухонного комбайна. В темной воронке воды на миг мелькнули кончики бьющихся кожистых крыльев, волны взметнулись снова… И все стихло.

Парящая в небесах Ирка облегченно вздохнула. И полетела обратно, к каменным кольцам Симаргловой поляны.

Глава 19. Ведьма от бога?..

Ирка легко опустилась на поляну между каменными алтарями. На миг ей стало страшновато: а вдруг теперь она навсегда так и останется здоровенной псиной с крыльями? Будет порхать над хортицкими кручами, на обед альпинистов с веревок скусывать… Но стоило ей лишь пожелать вновь стать человеком, как крылья легко сложились за спиной, шкура поползла, будто стекая с нее…

– Классно у тебя стало получаться! – выныривая из-за каменной стелы, объявила Танька. – И крылышки очень идут!

– Да, нормально смотрится! – небрежно, будто оборачиваться гигантской крылатой борзой для нее совершенно естественно, согласилась Ирка. – А жаба где?

Танька столь же небрежно приподняла свою швабру. На перекладине жалко болталась лопнувшая жабья шкурка.

Брезгливо ухватив трофей двумя пальцами, Танька отлепила его и со словами:

– Никогда мне ее передача не нравилась! – отшвырнула жабью кожу прочь.

Та упала на камни и вспыхнула лиловым огнем. Мгновение – и лишь пятно липкой сажи осталось от истинного одеяния Царевны-лягушки.

– Надеюсь, в третий раз она уже не вылезет! – буркнул майор.

Широким шагом он двинулся к центральному алтарю, уже на ходу начав орать:

– Что сидишь, уши растопырил, а ну, слезай с каменюки! – Он грозно навис над опасливо прижавшимся к каменной стеле Рудым. – Ты у меня теперь месяц из казармы не выйдешь! Ты у меня сортиры даже не зубной щеткой, ты у меня их зубочисткой драить будешь! Одной и той же весь месяц!

– За что? – слабо вякнул Рудый, тяжело сползая с камней.

– За любовь к земноводным!

– Сурово он с вами, – пробормотал недавний противник молодого волка, на всякий случай слезая с каменного круга и бочком-бочком, цепляясь за стелы, ковыляя к своим.

– А с тобой твой собственный старшой разберется, – пообещал ему вслед майор. – Хортице спасибо скажите! Она мало того, что за вас, двух обалдуев, крови своей не пожалела, так ведь еще и, вон, против его воли пошла! – Он кивнул на освободившийся алтарь. – Думаете, олухи, очень ей надо из-за вас семейные отношения портить? – Вовкулака повернулся к Ирке и, глядя на нее с опасливым восхищением, выпалил: – Ну ты своему

старому и вделала! Ты как его подальше послала, у меня аж хвост в узел завязался с перепугу! – Он доверительно понизил голос, наклонился пониже к Иркиному уху: – Слушай, я и раньше догадывался, что у вас с ним отношения не очень-то. Но даже не думал, что все так серьезно… Может, ты бы с ним того… не собачилась… Ты ж все-таки единственная Хортова кровь!

И вот тогда Ирка зарычала.

– Ой, Ирка, ты что, опять бесконтрольно превращаешься? – в ужасе всполошилась Танька.

– Ну почему же бесконтрольно, я вполне сознательно, – крепко стиснув зубы, процедила Ирка. – Я ж майору еще когда обещала: перекинусь и всю их оборотническую братию на мелкие куски порву. А его первого! Хватит мне голову морочить! – почти срываясь на визг, заорала ведьма. – Всё намекаете на что-то, всё недоговариваете… Какая еще Хортова кровь? Какие семейные отношения? Кто такой «он», которым вы мне все уши просвистели? – И, скаля зубы, Ирка надвинулась на Ментовского Вовкулаку. Глаза ее налились лютой, яростной зеленью, и зеленый огненный ореол вспыхнул вокруг всего тела.

– Свистеть – это вон, по их соколиной части, – обиженно проворчал оборотень. – А я нормально, по-человечески, говорю. Про Хорта старого. Ну, про Симаргла, папашу твоего! – И он снова кивнул на центральный каменный алтарь.

– Кого? – Ирка изумленно открыла рот.

Свечение вокруг ее тела медленно стало гаснуть… В полном ошеломлении девчонка обвела взглядом поляну.

– Ой, вот только не прикидывайся! – раздраженно фыркнул майор. – Можно подумать, ты раньше не знала! Вы ж даже внешне ну не то чтоб на одно лицо, но на одну морду – это точно! Крылья опять же… – Он покачал головой. – Нехорошо, девочка! Даже если ты его поступки не одобряешь, даже если общаться с ним не хочешь, но делать вид, что родного отца вообще знать не знаешь, – неправильно это, поверь старику! Конечно, эта его тяга к жертвенной крови, она неприятное впечатление производит… Но он же не маньяк какой! Сделай скидку на возраст! Он же когда воспитывался… И вообще, если ты сама категорически от жертвоприношений отказываешься, остальным не надо свою точку зрения навязывать! – Вовкулака одарил мрачным взглядом Балабана и толпящихся у «восьмерки» растерянных соколов. – Я б на твоем месте одного-двух все-таки замочил. Мир от этого стал бы только лучше! Во всяком случае, лично мне жилось бы комфортнее.

– Господа, господа, не стоит снова ссориться! – Пылып з конопэль быстренько ввинтился между двумя стаями оборотней. –

Дружба. Взаимопонимание. Любовь, а не война! Такая тяжелая была ночь! Давайте все расслабимся, послушаем рэгги, закурим… э, своего рода трубку мира! – Он ловким движением открыл свой золотой портсигар и вдруг замер в неподвижности. Портсигар был пуст. Ни одной самодельной сигаретки, набитой резаной травой, в нем не было. Страшно побледнев, Филипп вскрикнул: – Конопля! Что с моей коноплей! – И ринулся прочь с поляны.

– Похоже, Ирка с ней все-таки разобралась. – Довольно кивнула Танька. Вот уж кого она жалеть не собиралась!

Богдан недоумевающе пожал плечами.

Тихонько, стараясь не шуметь, они подошли к стоящей у центрального алтаря Ирке. Некоторое время молчали, переминаясь у подруги за спиной. Ирка не шевелилась, низко опустив голову и не сводя глаз с каменного круга. Танька неловко откашлялась, прерывая тягостную тишину:

– Ну, ты ж хотела узнать, кто твой папа, – вздохнула она, неуверенно поглядывая на Ирку. – А он, оказывается, вот… Не как-нибудь так, а целый бог…

– Ерунда! – так же неуверенно откликнулась Ирка. – По-моему, майор все это выдумал, чтоб я от него отвязалась. Ну сама подумай, тебе б сказали, что мама у тебя – Афина Паллада, ты б поверила?

– Ни за что! – решительно отрезала Танька. – И вообще, про твою маму разговора не было, только про папу! Ирка, ну сама подумай, это ж как круто: папа – бог! У нас в школе у одной девчонки троюродный прадедушка графом был. У ее родителей прямо на заборе родословное дерево мозаикой выложено, а у нее самой нос все время в потолок смотрит, так она его задирает! А граф по сравнению с богом – ерунда, тьфу просто! Даже царь…

– Танька, прекрати! – устало сказала Ирка, отрывая взгляд от каменного алтаря. – Папа-бог! Ну и что с того? – Она пожала плечами. – Даже похвастаться нельзя. В прадедушку-графа, может, кто и поверит, а вот в папу-бога – только полный псих…

– Зато ты теперь знаешь, почему он с вами не живет… – пробормотала Танька.

– И что, мне сразу должно стать легче? – язвительно поинтересовалась Ирка. – Потому что он бросил нас не от большого пьянства, как я раньше думала, а от истинной божественности? Да мне-то какая разница! Бог он, видите ли! – Ведьмочка зло фыркнула. – Собака натуральная! Кобель! – припечатала она и, круто развернувшись, пошла прочь с заполненной людьми поляны.

Волки и соколы почтительно и несколько опасливо раздались в стороны, пропуская девчонку.

Она шла, стараясь не оглядываться, чтобы никто не видел безудержно текущих из-под ресниц слез. И изо всех сил стараясь не обращать внимания на ощущение чего-то невидимого и бесплотного, что тянулось за ней, пытаясь остановить, удержать.

Она вслушивалась лишь в тихие шаги за спиной – Танька и Богдан, молчаливые и ни о чем не спрашивающие, шли следом, и только их присутствие позволяло ей держаться, чтобы не разреветься в голос.

Вроде бы майор попытался окликнуть ее, но уж с ним-то Ирка точно не хотела разговаривать.

Потряхивая украшенными гривками, мимо проскакали гнедая и вороная лошадки. Кругломордый полицейский лишь приветственно шевельнул усами, а дядька Мыкола потянул за узду, остановился, глядя на Ирку сверху вниз, и строгим голосом объявил:

– Дела семейные – своим ходом, але ж работа страдать не должна. До батька можешь навить и не заглядаты, а на Хортицу чтоб без напоминаний наезжала! Тяжко острову без хозяйского глазу!

Лошади проскакали дальше.

Ирка чувствовала, как ее друзьям хочется выяснить, почему именно Иркин глаз теперь на Хортице хозяйский, но они по-прежнему молчали, оставляя подругу наедине с собой.

– К автобусу? – наконец робко поинтересовалась Танька.

– Ага. – Ирка коротко кивнула, напоследок всхлипнула и вытерла глаза рукавом.

Друзья свернули к рощам…

– Оба-на! – выдохнул Богдан, останавливаясь.

Филипп стоял на коленях перед выжженным кругом земли там, где еще недавно красовались высоченные стволы хортицкой конопли. Голова его была низко опущена, кулаки гневно сжаты… Так в американских фильмах героические парни стоят над телом погибших напарников. И скупая мужская слеза катится по лицу героя.

Рядом в почетном карауле застыли Филипповы волхвы. Наконец седой положил руку на плечо коленопреклоненного повелителя.

– Филипп! – со сдержанной печалью в голосе сказал седой. – Пусть скорбь твоя по ней будет светла. Она погибла в бою!

Пылып з конопэль поднял на него полные слез глаза и надрывно выдохнул:

– Она была для меня всем! – Он поднялся, отряхнул джинсы от светлых разводов пепла, с деловитой задумчивостью объявил: – Надо искать новое место, – и в мгновение ока исчез.

Лишь отпечатки его коленок остались в золе пожарища.

Танька вдруг остановилась.

– Вы идите, я вас догоню! – скомандовала она, круто развернулась и бросилась обратно по тропе.

Нагнала она их уже на автовокзале. Нервничающие Богдан и Ирка с тремя билетами в руках тянули шеи, выглядывая, где же подруга, когда пара открытых военных джипов притормозила рядом. Запыхавшаяся Танька соскочила с подножки.

– С ними мы не поедем, я правильно поняла? – поинтересовалась она у Ирки.

– Еще не хватало! – возмутилась та и сердито глянула на выглядывающего из-за руля майора. Может, и нелогично, но она ужасно злилась на старого вовкулаку. Спасибо, нашел ей родственничка! А народ в классе еще жалуется, что у них предки отсталые! Да если сравнить с Иркиной коллекцией – покойная бабушка-ведьма, живая малохольная бабка и непонятно какой божественный папа совершенно собачьего вида и поведения… Вот если бы майор сказал, что та, что живет между пятью каменными стелами, Ирке ну пусть не мама – маму свою она еще слишком хорошо помнит, – но какая-нибудь тетя! Хоть двоюродная! А, чего уж теперь рассуждать…

– Соколы тоже вместе ехать приглашали. У них микроавтобусы с кондиционером и даже с холодильником… – протянула Танька.

– Видеть их всех не могу! Нечего у пернатых одалживаться, пусть лучше они нам будут должны, – отрезала Ирка, шагая к подкатившему рейсовому автобусу.

– Слушай, ты начинаешь правильно мыслить! – Танька поглядела на нее с уважением. – Только я у них из холодильника бутылку минералки все-таки изъяла, свою-то воду мы вылили! – Ведьмочка влезла в автобус и неожиданно плюхнулась рядом с Богданом, оставляя опешившей Ирке одинокое место позади. – Богданчику надо же чем-то снотворное запивать.

– Ты меня теперь всю жизнь этим снотворным шпынять будешь? – пробурчал Богдан, глядя, как проплывают за окном улицы Запорожья.

– Да ладно, не буду. На! – И девчонка протянула ему что-то маленькое, ярко-розовое.

Перегнувшись через спинку сиденья, Ирка обнаружила, что на ладони у Таньки лежит крохотная стеганая подушечка.

– Я ее, еще когда мы в палатке ночевали, сделала, только отдать не успела. На брелок надень и носи. Под щеку ее подложишь, глаза закроешь – и сразу же заснешь, никакой заговор не понадобится. Только учти, – голос у Таньки стал

тяжелым, как кирпич, – опять начнешь на всяких блондинок заглядываться – берегись!

– А если на брюнеток? – усмехнулся Богдан, принимая подушечку. И тут же дернулся от боли – подушечка весьма ощутимо шарахнула его током. – Слушайте, а может, я все-таки лучше пачку снотворного стану с собой носить? – вздохнул он.

– Я тебе стану! – пригрозила Танька. – Если ты твердо решил отцу машину купить, так компания моего папы из Чехии автомобили завозит, можно очень недорого хорошую взять.

– Ну да, станет твой папа мне машину организовывать, как же, – засомневался Богдан.

– Это мой папа, и я знаю, как с ним договориться, – отрезала Танька.

– А своему отцу я как объясню? Откуда у меня вдруг машина взялась?

– Элементарно! Загружу «ВедьмуТаньку», пусть какую-нибудь интернет-лотерею нам в Сети изобразит, вроде как выиграл ты эту машину.

– Ну да, будет «ВедьмаТанька» для меня стараться, – снова засомневался Богдан.

– Она моя цифровая копия, и я знаю, как с ней договориться, – оборвала его Танька.

– Ага, как со своей мамой договариваться, ты тоже знала, а справку по болезни для Ирки так и не сделала! – найдя, чем все-таки уесть ведьму, торжествующе объявил Богдан.

– А зачем нам справка, у нас кое-что получше есть, – невозмутимо пожала плечами та и вытащила из сумки жутко официального вида документ с кучей печатей.

– Это что такое? – заинтересовалась Ирка.

– Думаете, я зря возвращалась? – хмыкнула Танька. – Это благодарность от полиции Ирине Хортице за помощь в ликвидации подпольной плантации конопли. Теперь твоя Баба Катя в жизни к тебе за прогулы не прицепится, и все разговоры насчет наркотиков у вас в классе прекратятся.

– А если кто не поверит, тому я, как свидетель, все популярно объясню, – заявил Богдан и выразительно стукнул кулаком себе в ладонь.

Ирка почувствовала, как на глазах у нее закипают слезы. Может, и правда, что папаша у нее весь из себя крутой и божественный. Но за всю свою многотысячелетнюю жизнь он не сделал для нее и малой доли того, что сделали друзья.

Вздымая пыль на ведущей в глубь балки тропе, они шлепали к Иркиному дому. Ребятам надо было свернуть намного раньше,

но они почему-то потащились за Иркой.

На заборе ее старого дома неподвижно, словно статуя, восседал кот. При виде Ирки его зрачки остро взблеснули. Ирка остановилась, переминаясь под явно неодобрительным кошачьим взглядом.

– Вам тут один родич с Хортицы привет передавал, – наконец выдавила она. – И сувенир вот. – Ирка неловко протянула коту яркий пакетик с кормом.

Кот вытянул шею, обнюхал пакет. Тяжко, совсем не по-кошачьи, а чисто по-человечьи вздохнул. И вдруг спрыгнул внутрь двора. Через мгновение калитка Иркиного дома открылась. Ребята нерешительно вошли. Кот сидел возле калитки, и вся его фигура изображала мрачное смирение: дескать, ну заходи уж, ладно, что ж с тобой поделаешь. Ирка нагнулась, протягивая коту сувенир от родича. Кот с достоинством взял пакет в пасть, одним прыжком взвился на яблоню, пробежал по длинной ветке и скрылся в окне Иркиной комнаты.

– Кажется, помирились, – довольно объявила Ирка. – Надо его миску из-под крыльца забрать.

Всей компанией они ввалились в гостиную, где, не отрывая глаз от очередного сериала, восседала бабка.

– Нашвендялись? – не оборачиваясь, брюзгливо спросила она. – Устроили соби каникулы посередь недели, лета вам замало, неробы! А бабка тут сама-самисенька, мов перст, жди их, борщ вари, блинчики з мьясом верти, салатик стругай…

– И борщ, и блинчики, и салат? Бабуля, ты прелесть! Народ, пошли обедать! – оживилась Ирка.

Сериальные страдания пропали с экрана, сменяясь выпуском новостей.

Голос дикторши азартно застрекотал:

– В результате операции, проведенной отделом по борьбе с наркотиками, на частной даче была обнаружена и ликвидирована плантация конопли…

– Почему на даче? – Недоумевающий Богдан остановился на пороге. – На Хортице!

– Дача располагалась в окрестностях нашего города… – продолжала дикторша.

– Это не та конопля, – буркнула Ирка, – другая.

– Сотрудники отдела были просто потрясены, когда обнаружили, что высота растений достигает пяти метров! – объявила дикторша, и на экране появилась знакомая рощица высоких мясистых стволов.

– Конопля та самая. Место другое, – заключила Танька. – Ну ничего себе этот Филипп дает! Пять метров! Когда успел?!

– Ядовитое зелье было полностью уничтожено. К сожалению, владельца дачи задержать не удалось. Несмотря на все предпринятые меры, ему удалось скрыться.

– Шустрый, – согласилась Ирка. – Но, к счастью, неудачливый. Так мы блинчики сегодня есть будем?

Колдовской словарь. Книга заклятий Ирки Хортицы

Колдовской словарь

Блуд – мистическое существо, заставляющее человека заблудиться, заманивающее его в опасные места (трясину, чащу леса, овраги). Предстает в обликах прохожего, подсказывающего дорогу, летящей впереди птички, мерцающего вдали огонька. *Блуд* может «водить» человека и в малом пространстве – вокруг стога, по родному селу и даже… на собственной печи, не давая узнать хорошо знакомые места. Для спасения от *Блуда* есть несколько способов: 1) знать день и час своего рождения и крещения, 2) припомнить, на какой день недели пришелся Свят Вечер, что елось на ***Риздвяну Вечерю,*** и своего соседа справа во время церковного причастия, 3) для не слишком соблюдающих обряды – нагнуться, поглядев себе между ног, – прячущие дорогу чары *Блуда* ничего не смогут поделать с такой «точкой зрения». На мальчиков, родившихся в семье первыми (первенцев), чары *Блуда* не действуют.

Ведьма – женщина, реже – мужчина (ведьмак), с колдовскими (чаклунскими) способностями. ***Наднепрянские ведьмы***, издавна живущие на землях вдоль р. Днепр, отличаются своеобразными методами колдовства, позволяющими управлять людьми, нелюдью, нежитью, а также животными и явлениями природы. Среди *ведьм* встречаются рожденные и робленные. ***Ро́жденная ведьма*** может 1) унаследовать дар (обычно по женской линии), 2) перенять его от ведьмы, не имеющей собственных детей, 3) родиться в семье, где есть 7 дочерей и нет ни одного сына, – тогда одна из сестер обязательно становится ведьмой. ***Ро́бленные ведьмы*** не имеют природного дара, а получают способность к колдовству, пойдя в учение к *рожденной ведьме*, ведьмаку или самому черту. *Рожденные* могут по желанию творить добро или зло, а также взять свои чары обратно. *Робленные ведьмы* творят только зло, даже если их не заставляет *рожденная* учительница. Поэтому у не желающих зла *рожденных ведьм* нет учениц.

Велет – 1) человек гигантского роста, который «по лесу шел как по траве, переступал горы и долины, а головой подпирал черные тучи» (Галицкие легенды). Земля не могла прокормить *велетов*, а потому они вымерли, как динозавры; 2) иногда *велетами* называют ***големов.***

Вовкулак (вовкулака) – он же вовкун или вовколаба. Волк-оборотень. См. также ***Оборотень***.

Вырица – старая ведьма. Не следует представлять ее себе сморщенной старой каргой, для наднепрянских ведьм считалось неприличным плохо выглядеть. Обычно *вырица* – симпатичная полная румяная тетка средних лет.

Голем – человекоподобное существо, искусственно созданное из глины, металла, дерева и т. д. и оживленное специальными заклятиями. Первый *голем* (в переводе с иврита – «бесформенная мертвая глыба») создан в Испании Шльомой Бен Юда Габиролем (1021–1055) для выполнения домашней работы. Известны также пражский *голем* (Чехия) и холмский *голем* (Украина). Истории про *големов* всегда заканчивались одинаково – чудовище переставало повиноваться и начинало уничтожать все вокруг, после чего хозяин снимал с него чары оживления, снова превращая в мертвую глыбу. Единственный описанный случай превращения итальянского деревянного *голема* в настоящего мальчика (Пиноккио, он же Буратино) представляется сомнительным.

Домовые (домовики) – помогают хозяевам в работе, стерегут имущество, дают советы, сохраняют мир в семье и следят за соблюдением обычаев. Если *домовик* недоволен хозяевами, то может во сне защипать до синяков и даже слегка придушить. Любят молоко и сахар, не выносят соли.

Заговоренные клады – клады, охраняемые заклятием, убивающим каждого, кому этот клад не принадлежит. Такие заклятия имеют количественные ограничения на три, на пять, у самых сильных колдунов – на семь смертных голов, т. е. охранное заклятие убивает троих, пятерых, семерых желающих завладеть кладом, после чего истощается. Более надежный способ защитить клад – приставить к нему охранника, заклятого воина, который рядом с кладом не старится и не умирает. Освободить от этой службы может: 1) вернувшийся за сокровищем хозяин клада, 2) раз в сто лет охранник имеет право подниматься на поверхность и искать заместителя, который согласится вместо него уйти под землю.

Здухач – человек, способный во сне выходить из своего тела, вступая в бой с нечистью. Стороннему наблюдателю сражающийся *здухач* кажется вертящимся смерчем. Если покинутое *здухачом* тело переместить с того места, где оно было оставлено, *здухач* не сможет вернуться. Потерявший тело *здухач* истаивает, а лишенное души тело остается в вечном сне.

Кот ведьмы – помощник, партнер, возможно, дополнительный источник Силы. Он не обязательно черный – у разных ведьм могут быть разные *коты*. В течение жизни ведьма заводит всего одного *кота*, все ведьмовские *коты* – долгожители. Как ведьмы используют *котов* – неизвестно. Возможно, это *коты* используют ведьм. Хотите знать точно – спросите у ведьм. Или у *котов*.

Мавки – живут в лесах и горных пещерах. Когда сходит снег, бегают по лесам и долинам, сажая полевые и горные цветы. Любят слушать, как пастухи играют на свирелях, иногда просят парней танцевать с ними, но всегда отпускают, не причинив вреда. Одна беда: отличить безобидную *мавку* от совсем иного существа – ***нявки*** – удается только после того, как *нявка* вопьется жертве в горло мгновенно выросшими клыками.

Нички – крохотные существа с головой не больше наперстка и телом тоненьким, как соломинка. Ходят без одежды и обуви, быстро бегают, никогда не старятся. Живут в сельских хатах за печкой, больше всего любят прясть. Хозяйки тщательно прячут от них кудель, иначе нички ее за ночь «выпрядут» (т. е. спрядут в свои, только для них подходящие нити).

Оборотень – человек, наделенный способностью превращаться в животное. В наднепрянских землях наиболее распространено превращение в волков и птиц (воронов, соколов и т. д.). *Оборотни* бывают ***врожденные***, когда способность к оборотничеству передается по наследству или возникает при рождении (если женщина во время беременности увидит волка или съест мясо разорванного волком животного), и ***зачарованные***, когда ведьма превращает человека в волка или птицу, завязав ему на шее заклятый шнурок. В отличие от западноевропейских «коллег» ни *врожденные*, ни *зачарованные* наднепрянские *оборотни* не теряют человеческого разума. От укуса/клевка оборотня человек в оборотня не превращается.

Опыряки (опыри) – люди, имеющие две души, из которых одна после смерти остается на земле, превращаясь в *опыря*, и может ходить целых семь лет, губя людей.

Песиголовцы (псоглавцы) – существа с человеческим телом и собачьей головой, с одним глазом посередине лба. Людоеды. Ловили людей и откармливали их орехами. Когда хотели проверить, достаточно ли человек откормлен, кусали его в

мизинец левой руки. Если кровь не текла, значит, человек уже вполне в их вкусе и его пора есть.

Пилип з конопэль – «выскочить, как Пилип з конопэль» – старое выражение, до сих пор существующее в украинском языке. Оно обозначает человека, встревающего без всякого представления о сущности дела или делающего что-то без раздумий и подготовки. Предположительно, происходит от некоего польского пана Филиппа из Конопи (Сандомирский край), который явился на сейм и, ничего не зная об обсуждаемом вопросе, выступил с на редкость глупой речью (*А. Мицкевич.* Пан Тадеуш, песня 5). В результате стал посмешищем не только для равных, но и для собственных холопов. Легенды рассказывают также, что гордый пан, желая отомстить за насмешки, оборотился нечистью, поселился на конопляных полях и принялся попугивать крестьян, а особенно – крестьянок.

Покутник – мертвец, получивший возможность после смерти добрым делом искупить совершенный при жизни грех.

Риздвяна Вечеря – праздничный, освященный церковью ужин в Свят Вечер (вечер перед Рождеством). Блюда *Риздвяной Вечери* приносят счастье в дом, а также защищают от всякого зла. Используются для выявления и разрушения враждебных чар.

Ро́бленная ведьма – *см.* ***Ведьма***.

Ро́жденная ведьма – *см.* ***Ведьма***.

Русалки – утонувшие или утопленные девочки. Могут принимать облик маленькой девочки, взрослой девушки, выдры, жабы и крысы. Подманивают людей песнями, парней щекочут до смерти, девушек топят, тоже превращая в русалок. Делятся на ***именных***, успевших при жизни получить от матери имя, и ***безыменных***, утонувших без имени. *Безыменные русалки* не имеют волос и считаются русалками «второго сорта». Наибольшей силой русалки обладают на Ивана Купалу и в мае – до первого майского грома.

Рушник – полотенце с вышивкой. Вышитые по краю *рушника* символы (солнца, земли, воды и т. д.) могут защитить дом от зла, отвратить болезни, принести достаток. Специальные *рушники* вышиваются на значимые события – рождение, свадьбы или просто на здоровье и удачу. Бывают *рушники* с черной вышивкой –

в память об угнанных в татарскую неволю. *Рушники* вешаются в «красный угол» над иконами. Для защиты от зла самого человека соответствующими символами вышивают нательные сорочки-вышиванки. *Рушники* используются в различных видах колдовства – обычно довольно безобидного. А вот завладев вышитой сорочкой человека, ему можно причинить очень серьезный вред.

Сварог – предположительно бог неба и света, отец Солнца и огня (т. е. Солнце и Огонь являются братьями Сварожичами).

Симаргл (он же Симургл, Симуран, Переплут, Великий Хорт) – выглядит как огромный крылатый пес. Единственное существо, способное свободно перемещаться по Мировому Древу из нижнего мира (от корней) – в средний мир людей (по стволу) – и оттуда в крону (обитель божеств). Предположительно, сын богини Мокоши, покровитель природы, зверей и растений.

Табити-Змееногая (она же Змей-девица) – полуженщина-полузмея, одно из верховных божеств народа скифов, богиня-прародительница (см. ***Таргитай***), считалась богиней домашнего очага и огня.

Таргитай – скифское имя древнегреческого героя Геракла. Считается предком скифов. Возвращаясь со стадами Гипериона в Элладу, *Таргитай* заночевал в Гилее, Лесной стране (предположительно, на о-ве *Хортица*). Стадо было похищено богиней *Табити-Змееногой*, которая отпустила героя только после того, как ею были зачаты от него трое сыновей – Арпоксай, Колаксай и Липоксай (по другой версии – Агафирс, Гелон и Скиф), ставшие прародителями народа скифов.

Терлич-зелье – пока *терлич-зелье* кипит на огне, ведьма заставит любого человек летать, даже против его воли. Опуститься на землю такой человек сможет только по приказу самой ведьмы или когда зелье полностью выкипит. В старину жителям наднепрянских деревень случалось провожать глазами жалобно причитающих мужиков, неторопливо пролетающих над соломенными стрехами хат. А нечего было злить местную ведьму!

Хладное железо – т. е. вещи, созданные из железа, желательно – кованые. Обладают собственной магической силой, поскольку вбирают в себя все четыре стихии (огонь, воду, землю и воздух) и пятую – частицу души человека, их создавшего. Не подвержены чарам, кроме тех, что построены на крови. Вероятно,

потому, что в крови тоже содержится железо.

Характерники – «военные» колдуны. Как правило – казаки Войска Запорожского. Могли применять колдовство как в мирных, так и в военных целях (накладывание скрывающих мороков на разведотряды, использование животных как лазутчиков, «открывание путей» для перемещения войска на территорию противника и т. д.).

Хорт – крупный чистопородный борзой пес, способный охотиться на матерого зверя, в том числе на волка. Языческий бог *Симаргл* изображался как огромный крылатый хорт и также звался Хортом.

Хортица – 1) крупная чистопородная борзая, 2) остров на Днепре, одно из самых сильных магических мест в славянском мире. Известен древним храмом под открытым небом, гибелью на этом острове князя Святослава, сына княгини Ольги (972 г.), пребыванием там Запорожского казацкого войска, изобилием древних кладов. Но большее значение имеет то, что знают об этом острове немногие, – именно на нем находится точка соприкосновения нашего мира и некоего иного, из которого к нам порой просачиваются разумные змеи. В Змиевой пещере на Хортице встретились представительница рода змеев – *Табити-Змееногая* и людей – великий герой Геракл (*Таргитай*), от каковой встречи произошел народ скифов. На Хортице издревле появлялись гигантские летающие Змеи. Именно поэтому на острове скрытно, но постоянно стоит богатырская застава, не допускающая проникновения Змеев в наш мир.

Чаклун – колдун, соответственно, ***чаклувать*** – колдовать.

Ярчук (пес-ярчук) – пес, способный почуять, отыскать ведьму и с ней сразиться. Не надо думать, что все *ярчуки* – злобные чудовища. В старину *пес-ярчук* не раз становился спасением для целых деревень, вынюхав прячущуюся среди людей злую ведьму. *Ярчуком* рождается только девятый щенок в помете у собаки, которая сама была девятым щенком в помете своей матери. Поэтому *ярчуки* – огромная редкость.

Ярытница – молодая ведьма. Обычно выглядела значительно привлекательнее остальных деревенских девушек (ведьмы еще в давние времена умели делать макияж и пользовались косметическими процедурами).

Книга заклятий Ирки Хортицы

Все заклятия подлинные.

За результаты их применения авторы книги ответственности не несут.

Заговор на затворение крови

Кровь – не вода, червона руда, обратно воротись, в жилах затворись, моим прошением, Божьим соизволением. Во веки веков, аминь! *(Накладывая заклятие, нужно либо зажать рану большим пальцем руки либо задуть ее. Заклятие по сей день широко используется народными целителями.)*

Поисковое заклятие (с использованием зеркала)

Зоря в моря пыталы, на скляний гори роздывлялы, свитлого пана/свитлую пани *(имя разыскиваемого человека)* выклыкалы. Чыи ж то дворы на скляний гори? Гой ж то дворы свитлого пана/свитлий пани (*имя*). Пан/пани на тих дворах гуляе, гостей не чекае, та гости все одно прийдуть, доки их не проженуть.

Наведение порчи через вынутый след

Я верчу и бью стрелу не в глину. Лише, в голову з-пид головы, з-пид очей в очи, в нис з-пид ниса, в лице з-пид лица, в ухо з-пид уха, в шию з-пид шии, в гортанку з-пид гортанкы, в груди з-пид грудей, в сердце з-пид сердця, в калюхи з-пид калюхив, в стыдесять сим суставок и живок, в руки и ноги и в мочевик. Там зиставай, того чоловика/жинку (*имя*) мучь та скинай, кости лупай, век коротай! Я тоби прыказую, я тоби наказую!

Заговор на отворение замков

Ключи дистану з моря-окияну: на тридевять замкив – тридесять ключив. Кров ведьмача потэче – хлад-зализо попэче.

Заговор на выявление и нейтрализацию ведьмы

На выгоне огонь горыть, у нашей видьмы живит болыть. На выгоне огонь тухнэ, у нашей видьмы живит пухнэ.

Заклятие от сглаза

Силь тоби, та перчина, та болячка промиж очима! *(Произносится вслед человеку, которого подозревают в сглазе. При этом нужно сыпануть горсть соли и показать в спину дулю. Суеверные матери защищают таким образом своих младенцев.)*

Заговор на воду (просьба о помощи)

Водичко, Йорданичко! Вмываеш лугы, берегы, коринння, биле каминня. Врятуй/допоможи цьому крещеному/крещений, чисто вченому/вчений, вид гниву, ненависти и вид усякого лиха!

Защитное заклятие

Коло нашего двора калынкова гора, осиновый кил, огненна вода. Нежить видбивае, нелюдь не пускае, черну ворожбу прочь видсылае.

«Накликивание» врага

Ни клятого, ни мятого, кличу ворога заклятого. На (*имя, характеристика человека, чьего врага накликивают*) сторонушку, на (*имя*) головушку!

Заговор на землю (просьба о помощи)

Земля святая, що на соби людей тримае, зло не пускае, собой покрывае, в себе запирае, бо та Земля есть наша мама, шануемо Землю святу и цилуемо Землю святу!

Заклятие, оживляющее голема (Каббала)

Емет. Шем. Шанти, шанти, дахат, дахат!

Приговорка на садово-огородные культуры

До земли приймайся, корнями чипляйся, в рост зачинайся!

Заклятие на получение информации от предметов

Подвиренько мое красно вметено,
На подвиреньку свитленька стоить,
В тий свитлоньци тысови столы,
А по тих столах гарни речи лежать,
А ти речи майстер робив,
А ти речи господарю служылы,
Господаря доглядалы, за господарем пидглядалы.
Ричь добра, ричь гарна,
Все мени розкажи,
Про господаря розповисы,
Що я хочу знаты, що я маю чуты.

Заговор на раскрытие тайных страхов

Не гадано – та побачено, не бажано – та отрымано. Не пысано, але ж чытано. Приглядайся, роздывляйся, чого сам боишься – жахайся…

(*Собственная импровизация Ирки Хортицы.*)

Пожелания на дорогу

Единственными реальными пожеланиями, гарантирующими путнику спокойное и счастливое путешествие, являются «Доброй дороги» *и* «Счастливой дороги». *Пожелание* «Скатертью дорога» *предполагает дорогу ненадежную, вероятно, без возможности вернуться.* «Зеркалом дорога» – *дорогу скользкую, на которой путник вполне может встретиться с самим собой. Ну а* «Кольцом дорога» – *сулит обязательное возвращение, причем цели пути скорее всего достичь не удастся.*

Сонное заклятие

Ой ходыть Сон по улонци, в билесенький кошулонци
Слоняеться, тыняеться,
Господиньки питаеться:
А де хата теплесенька и дитина малесенька?
Туды пиду ночуваты и дытыну колысаты.
А в нас хата тепленькая и дытына малесенька.
Ходи до нас ночуваты и дытыну колысаты.
Ходи, Сонку, в колисочку, приспи нашу дытыночку!

При некоторых изменениях (Ой ходыть Сон по улонци, в билесенький кошулонци Слоняеться, тыняеться до памъяти торкается. Ходи, Сонку, в колисонку, прыспы нашу дытынонку, хай спыть, не трындыть, що бачыла – забудыть, що помъятае – за сон мае) *может быть использовано для того, чтоб человек, переживший некие невероятные события (например, полет ведьм или явление оборотня), посчитал свои воспоминания сном.*

Специализированный заговор на поиск тайных комнат и проходов в строительных сооружениях без разрушения последних.

Рекомендуется ремонтникам, археологам, саперам и т. д.

Цеглина до цеглини – стоить будована мурына.
А хто той мур складав, хто його будував – того и влада.
Володарю своєму пидкоряйся, будивнику видкликайся.
Секрети видкрывай, що сховала – вывертай!
Таемниць не ховай, все, що маешь – виддавай!
Муры-стины, схованки та лази, видкривайтесь вси одразу!
Хто секрети нам видкрыв, повернувся, став, як был!
(*Собственная импровизация Ирки Хортицы.*)

Защитное заклятие, основанное на призыве к охранительным силам солнечного света и огня

Солнышко-Сварог, злым теням порог! Огнь Сварожич,

поможи, зла тенета розвьяжи!

Охоронный заговор

Нижеследующий заговор может быть применен как (1) охранный – для сохранения от нападения злых сил; (2) заговор на заточение (в помещении, в предмете или в облике), в зависимости от того, какие чувства вкладывает в свое Слово тот, кто кладет заговор, и от того, как – посолонь (на благо) или противусолонь (на зло) – он обходит объект наложения заговора.

Запрягаю я коней-медведей, ужакою взнуздаю, гадюкою поганяю, (1) од (имя) зло одвертаю/ (2) там-то и там-то *(место, предмет, облик)* навики залышаю. А хто все це зможе съесть, той крещеного (крещену) молодого князя/молоду княгиню (имя) (1) съест/ (2) ослобонит».

Заговор на изгнание врага

Три рички текуть: водяная, квасовая та смоляная… Водяная догоняет, квасовая научает, смоляная прочь видсылает!

(*Импровизация Таньки на основе колядки на добро в жизни «Как в костеле три оконечка сияють: в первом оконце – ясное Солнце, во втором оконце – ясен Месяц, в третьем оконце – ясные Зореньки. Солнце захищае, Месяц научае, ясны Зореньки добро посылають».)*

Заговор на воду

Водыця, чиста крыныця! Ты очищаешься, ты освящаешься, ти приспоряешься. З вод, з гор, з могил, з усяких украин ты прибываешь, людям допомогаешь. Капай та брызжи, крещений (имя) допоможи!

Заговор Диделя-птицелова

Як пташине пирьечко – до ситочки, так и пташечка – до клиточки. Як в мене робыться, так скризь диеться, птицелов пташку пиймав, та за граты заховав!

Заклятие разделения смертных врагов (Библия)

Доселе дойдешь, не перейдешь, и здесь предел надменным водам твоим.

Заклятие выявления истинного облика

Зайка, зайка, побежи, нам всю правду покажи, хто здесь хто, та хто здесь есть – облик верный виден весь.

(*Современный заговор, обычно рекомендуется девушкам, желающим разобраться, что представляет собой их парень.*

Сложность – обязательно нужно блеснуть парню в глаза отраженным от зеркала солнечным лучом.)

notes

Сноски

1

Высказывание приписывается Адольфу Гитлеру.

2

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический и государственный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917).

3

Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

4

«Альф» (*ALF* от англ. *Alien Life Form* – внеземная форма жизни) – 102-серийный комедийный телесериал, 26-серийный мультсериал о мохнатом пришельце, живущем в обычной американской семье. Часто используется преподавателями английского языка для развития навыка понимать английский на слух.